

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

А. Н. ПЫПИНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и МАТЕРІАЛЫ

ПО ЭПОХѢ

ЕКАТЕРИНЫ II

И

АЛЕКСАНДРА I.

Издательство „ОГНИ“.
1916.

А. Н. ПЫПИНЪ.

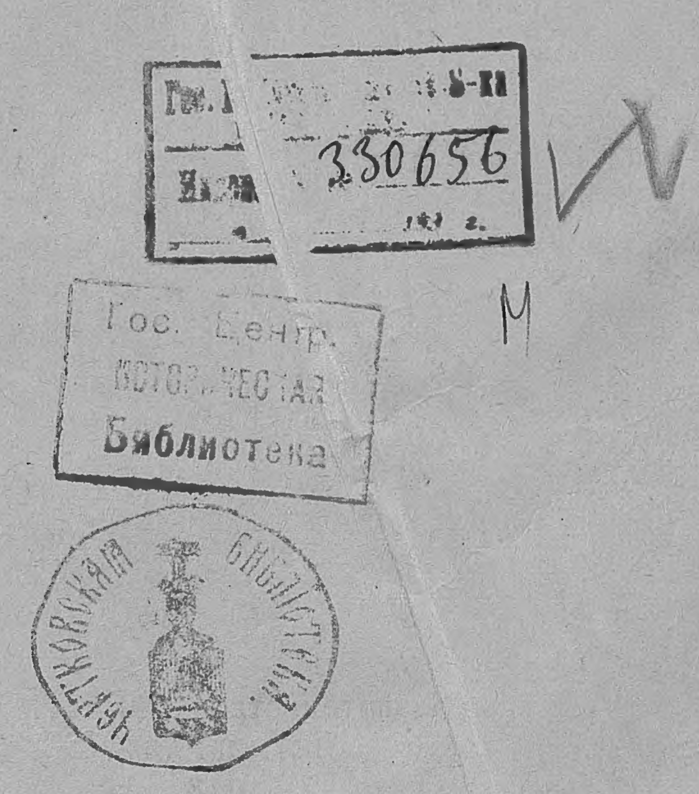
РУССКОЕ МАСОНСТВО

XVIII И ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.

Редакція и примѣчанія
Г. В. ВЕРНАДСКАГО.

Издательство „ОГНИ“.
ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 25 Апрѣля 1916 г.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер., 4.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ духовномъ развитіи русскаго общества за XVIII и XIX вѣка далеко не всѣ черты ясны и отчетливы. Изъ огромнаго запаса, накопленнаго былою жизнью — памятниковъ литературы, источниковъ, рисующихъ общественныя настроенія, политическую борьбу и пр. — многое уже изучено или подготовлено къ изученію; стали возможными и попытки охватить „исторію русской интеллигенціи“ или „исторію русской общественной мысли“. Тѣмъ не менѣе, остается сдѣлать еще не мало. Необходимо и подвести итоги всей уже исполненной работѣ, чтобы вполнѣ была осознана основа изученія духовной жизни прошлаго.

Изслѣдованія А. Н. Пыпина представляютъ собою именно такую основу. Извлечь разысканія А. Н. изъ старыхъ журналовъ, гдѣ они погребены, собрать ихъ въ одно цѣлое — прямая обязанность тѣхъ, кто понимаетъ огромное значеніе его научныхъ трудовъ.

Областью нашей духовной культуры, въ предѣлахъ которой особенно много работалъ А. Н., было начало XIX вѣка, Александровская эпоха. Корни ея, уходящіе вглубь вѣковъ, не остались также внѣ круга наблюденій А. Н.

Замѣтное явленіе русской жизни первой четверти XIX вѣка — масонскія организаціи. Масонство давало значительной части общества готовыя рамки для религіозныхъ и философскихъ взглядовъ, литературныхъ вкусовъ, политическихъ симпатій.

Изслѣдуя „времена Екатерины II" или „общественное движеніе при Александрѣ I", А. Н. не могъ оставить масонство за предѣлами своего кругозора. Не склонный къ мистикѣ и ея проявленіямъ, А. Н. направилъ, однако, на нихъ свое вниманіе. Чуждыя ему алхимическія рукописи онъ изучалъ такъ же настойчиво, какъ и образцы политической литературы.

Основанные на этомъ изученіи и на трудахъ С. В. Ешевскаго, М. Н. Лонгинова, П. П. Пекарскаго, Н. С. Тихонравова, очерки А. Н. даютъ послѣдовательную картину развитія русскаго масонства; очерки эти сохраняютъ притомъ всецѣло свое значеніе и теперь, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ были написаны.

Новѣйшія работы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка (Я. Л. Барскова, А. В. Семеки, Т. О. Соколовской, Е. И. Тарасова, В. Н. Тукалевскаго и др.) составляютъ цѣнныя дополненія къ трудамъ А. Н., но не замѣняютъ ихъ, да и не ставятъ себѣ такой цѣли. Для первой четверти XIX вѣка новые матеріалы позволили изслѣдователямъ (В. И. Семевскому, Т. О. Соколовской и др.) пойти дальше впередъ, но и для этого времени отправная точка дана „Матеріалами" А. Н. Пыпина.

А. Н. подготовлялъ переизданіе своихъ очерковъ. Текстъ первыхъ его статей („Русское Масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ", Вѣстн. Евр. 1867, т. II. III, IV, и „Русское Масонство до Новикова", тамъ же, 1868, іюнь и іюль), былъ имъ переработанъ еще въ 1870 г. и получилъ единый, законченный видъ—исторіи русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ. Книга не была издана въ свѣтъ, такъ какъ авторъ отвлеченъ былъ дальнѣйшими изслѣдованіями въ той же области („Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ", Вѣстн. Евр.,

1872, январь, февраль, іюль, и „Хронологическій указатель русскихъ ложъ“, 1873 г.). Позднѣе, А. Н. предполагалъ свести въ одно цѣлое уже всѣ названныя работы, и это задержало переизданіе очерковъ, потребность въ которомъ, между тѣмъ, давно назрѣла.

Текстъ очерковъ печатается теперь въ томъ видѣ, какой ему былъ приданъ А. Н. Въ качествѣ приложеній помѣщены „Матеріалы“, „Указатель ложъ“ и позднѣйшая статья „Homunculus“ (1896 г.). Приложенія составляютъ, по внутреннему своему содержанію, одно цѣлое съ основнымъ текстомъ. Единство это и отмѣчено заглавіемъ книги, въ которомъ наряду съ XVIII-мъ поставлена первая четверть XIX-го в.

Много усилій потрачено редакторомъ на переработку „Указателя ложъ“; иныя свѣдѣнія пришлось выбросить, какъ невѣрныя, нѣкоторыя свести въ одно, многое добавить; вмѣсто прежнихъ 142 ложъ отмѣчено теперь 187. Конечно, и въ такомъ видѣ „Указатель ложъ“ не можетъ считаться законченнымъ и по-прежнему сохраняетъ характеръ изданія „для дополненій и поправокъ“.

Въ остальныхъ частяхъ книги редакторъ старался сохранять въ неприкосновенности текстъ А. Н., предпочитая выносить поправки въ „Примѣчанія“ послѣ текста [1]). То, что тѣмъ не менѣе пришлось вставить въ текстъ, отмѣчено прямыми скобками. Измѣненія или перестановки оговорены въ „Примѣчаніяхъ“.

Г. Вернадскій.

[1]) Лишь нѣкоторыя примѣчанія справочнаго характера помѣщены въ видѣ подстрочныхъ выносокъ.

ВВЕДЕНІЕ.

„Имя Новикова — такъ начинаетъ свою книгу его біографъ[1]) — стало пользоваться громкою извѣстностью въ Россіи болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, и въ теченіе цѣлаго десятилѣтія общее вниманіе образованныхъ людей было обращено на дѣятельность этого необыкновеннаго человѣка и его друзей. Несчастіе, постигшее Новикова, положило конецъ не только этой дѣятельности, но и толкамъ и разсужденіямъ о ней. Предметъ такого рода не могъ подлежать, по весьма понятнымъ причинамъ, вѣдѣнію печати въ теченіе длиннаго періода времени. Послѣдователи Новикова, такъ называемые мартинисты и масоны, ограничивали также очень долго свои бесѣды и воспоминанія о немъ тѣснымъ кружкомъ немногихъ избранныхъ. Причины тому были, преимущественно, слѣдующія. Люди эти не хотѣли выступать передъ публикой съ разсказами о прошедшемъ и подвергать завѣтныя свои убѣжденія презрительнымъ насмѣшкамъ несвѣдущихъ и легкомысленныхъ людей, которыхъ ободряло осужденіе, поразившее офиціально Новикова и его дѣйствія. Притомъ же послѣ гоненія, испытаннаго Новиковымъ, разсказы о немъ могли возбуждать подозрѣнія въ сочувствіи къ дѣлу его, ославленному опаснымъ, и къ людямъ, провозглашеннымъ зловредными. Такимъ образомъ, молчаніе объ обстоятельствахъ, касавшихся до Новикова, происходившее изъ скромности и изъ опасенія, обратилось надолго въ какую-то привычку. Даже въ то время, когда масонскія ученія, близкія по духу къ но-

[1]) Лонгиновъ, М. Н., въ излѣдованіи „Новиковъ и Московскіе мартинисты“ М. 1867. Ред.

виковскому, опять взяли силу и стали (около 1810 года) проповѣдоваться въ довольно значительномъ числѣ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, выходившихъ не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ, — молчаніе о лицахъ, составлявшихъ Новиковскій кругъ и участвовавшихъ въ его дѣятельности, все-таки почти не нарушалось. Развѣ изрѣдка прерывалось оно въ печати полунамеками и загадочными иносказаніями“...

Эти замѣчанія достаточно объясняютъ, какимъ образомъ могло случиться, что личность, подобная Новикову, личность, имѣвшая въ свое время чрезвычайно обширное вліяніе, несмотря на то могла на долгое время почти совершенно изгладиться изъ памяти общества, такъ что теперь историкъ не безъ особеннаго труда возстановляетъ факты жизни и дѣятельности этого человѣка, — будучи почти лишенъ прямыхъ преданій (Новиковъ умеръ въ 1818 году) и вынужденный ограничиваться почти одними официальными документами, изображающими послѣднюю насильственную катастрофу этой дѣятельности. Вмѣстѣ съ личностью Новикова оставалось недоступно для исторіи и цѣлое общественное движеніе, въ которомъ онъ игралъ господствующую роль. Таковъ фатумъ, не одинъ разъ падавшій на нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Къ сожалѣнію, такая неизвѣстность лежитъ въ большей или меньшей степени на всей внутренней исторіи нашего общества. Мы знаемъ военныя дѣянія и внѣшнюю официальную исторію государства, но внутренняя исторія общества, представляющая наиболѣе глубокій нравственный интересъ, — до сихъ поръ остается для насъ покрыта или полнымъ туманомъ, или тѣми же полу-намеками и загадочными иносказаніями. Ревнивые патріоты очень нерѣдко упрекали общество за его равнодушіе къ прошедшему и къ его славнымъ дѣятелямъ; но эти упреки, конечно, были справедливы, когда общество, вмѣсто исторіи, находило въ существовавшемъ запасѣ одни послужные списки, восхвалительныя реляціи, или одинъ сырой матеріалъ, безъ связи и безъ освѣщенія, или когда оно чувствовало, что предлагаемая ему исторія обходитъ много самыхъ существенныхъ событій, умалчиваетъ объ его собственной внутренней жизни. Та часть общества, которую сколько-нибудь можно

назвать образованною, всегда интересовалась тѣми книгами, гдѣ она могла находить нѣчто похожее на настоящую исторію, особенно новѣйшую.

Такимъ образомъ, общество можно было бы винить за равнодушіе развѣ къ той только исторіи, какая ему обыкновенно предлагалась. А предлагались, почти всегда, вещи, едва-ли заслуживающія названія исторіи. Мы не будемъ входить здѣсь въ мудреное перечисленіе причинъ, которыя дѣлали невозможнымъ появленіе настоящей вполнѣ правдивой исторіи. Онѣ довольно понятны изъ всего характера нашей общественной жизни и положенія литературы. Еще очень недалеко время, когда изъ литературнаго изложенія были положительно исключаемы цѣлыя историческія эпохи, и изложеніе историческихъ событій затруднялось разнообразными ограниченіями, которыя, въ концѣ концовъ, часто дѣлали это изложеніе совершенно невозможнымъ. Исторія есть публичность и критика въ прошедшемъ, и въ прошедшемъ она можетъ быть только тогда, когда получаетъ какое-нибудь право въ настоящемъ, потому что настоящее и прошедшее тѣсно связаны между собою. Поэтому исторія растетъ съ публичностью и общественнымъ мнѣніемъ; наше время поставлено въ этомъ отношеніи нѣсколько выгоднѣе прежняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія стала нѣсколько возможнѣе прежняго. Пожелаемъ, чтобы она еще больше имѣла успѣха въ этомъ направленіи,—это не можетъ принести ничего иного, кромѣ пользы, и пользы глубокой и существенной.

Въ самомъ дѣлѣ, изученіе исторіи своего отечества есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ путей къ достиженію общественнаго самосознанія, безъ котораго невозможна никакая разумная общественная жизнь, никакая дѣятельность, желающая руководиться истинными интересами общества и истинными нравственными началами. О необходимости этого самопониманія говорилось въ послѣднее время очень много (хотя большинство не уразумѣвало, въ чемъ именно оно должно состоять), такъ или иначе, всѣмъ чувствовался его недостатокъ. Но одно изъ лучшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ этому самопониманію и даетъ именно историческое изученіе. Польза исторіи, конечно, не такова, какъ понимали ее въ старину; ея уроки не похожи на мораль

басни: будь послушенъ, будь прилеженъ, и т. д.; потому что прямо и непосредственно исторія, къ сожалѣнію, даетъ слишкомъ много примѣровъ успѣха зла и несправедливости, гибели добра и правды. Ея уроки шире и глубже: объясняя великія внутреннія движенія общества, опредѣляя условія, содѣйствующія или мѣшающія его развитію, она научаетъ понимать основную идею фактовъ и явленій, отличать то, что бываетъ въ нихъ живымъ требованіемъ времени и здороваго развитія и что составляетъ только тупую инерцію отживающей старины, дошедшей до конца своей роли; объясняя броженіе и борьбу элементовъ человѣческаго общества, она указываетъ его истинныя цѣли, истинныя причины его процвѣтанія и вмѣстѣ наилучшія средства достиженія этихъ цѣлей. Поэтому и въ настоящемъ исторія можетъ указывать въ явленіяхъ жизни, что является въ ней новымъ элементомъ, справедливо требующимъ себѣ мѣста, и рано или поздно долженствующимъ достичь его, и что бываетъ только упрямой неподвижностью старыхъ преданій, упорство которыхъ только усиливаетъ напряженіе борьбы и дѣлаетъ ее только болѣе тяжкимъ трудомъ и испытаніемъ для общества. Такая наука не даетъ правилъ ходячей морали, но она можетъ опредѣлять всю дѣятельность мыслящаго человѣка, указать ему свѣтлый идеалъ, которому долженъ отдаться человѣкъ, уважающій свое достоинство и желающій служить своему обществу, и можетъ помочь ему извлечь изъ этого идеала твердое понятіе о своемъ человѣческомъ и гражданскомъ долгѣ. Въ здоровой и сильной націи, идущей съ дѣйствительнымъ сознаніемъ путями цивилизаціи, историческое движеніе можетъ быть только прогрессомъ, постояннымъ совершенствованіемъ, — иначе надо было бы считать безплодными всѣ усилія геніальныхъ людей, всѣ успѣхи наукъ и искусствъ, всѣ громадные труды націй. Движеніе это прерывалось и нарушалось, въ историческихъ переворотахъ гибли нерѣдко богатые памятники науки и искусства, — но въ послѣднемъ результатѣ историческое движеніе шло впередъ. Судьба отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей, геніальныхъ умовъ или друзей человѣчества часто бывала печальна, —но ихъ трудъ рѣдко пропадалъ, и если потомство, наконецъ, оцѣняетъ ихъ, эта оцѣнка есть нравственное и умственное завоева-

ніе, которое сдѣлано обществомъ съ тѣхъ поръ, и сдѣлано во имя стремленій и при помощи этихъ самыхъ людей. А если таково значеніе историческаго развитія, то изученіе исторіи можетъ быть однимъ изъ самыхъ благотворныхъ изученій, указывая смыслъ идей, составляющихъ предметъ общественной борьбы, и укрѣпляя часто упадающее передъ трудностями мужество тѣхъ, кто стоитъ за дѣло истины и дѣйствительной пользы общества.

Назидательность этого рода имѣетъ всякая исторія или всякая историческая книга, которая разсказываетъ не одну внѣшнюю смѣну фактовъ, но затрогиваетъ внутреннюю жизнь человѣческаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни безконечно разнообразіе историческихъ явленій, какъ ни различна бываетъ обстановка историческаго процесса, которую производитъ раса или нація, географическая мѣстность, климатъ, преданія, религія, правленіе, формы общественной жизни, нравы, и т. д., —но самый внутренній процессъ до замѣчательной степени единообразенъ и простъ по своей сущности, потому что онъ весь построенъ на физическихъ и нравственныхъ потребностяхъ человѣческой природы. А эта природа вездѣ одна и та же человѣческая природа. Для тѣхъ, кто способенъ понимать уроки исторіи, можетъ быть чрезвычайно поучительна и исторія Англіи, Германіи или Франціи, и даже Турціи или Бухары. Но, естественно, что исторія отечественная, изложенная въ упомянутомъ смыслѣ, имѣетъ для насъ высокую степень этого интереса и назидательности, потому что передаетъ судьбу народа, личностей и идей, совершавшуюся, если не при совершенно тѣхъ же, то при значительной долѣ тѣхъ же самыхъ условій, въ какихъ совершается наша судьба и судьба нашихъ идей. Не говоримъ уже о томъ, что естественная привязанность къ своему сообщаетъ намъ несравненно большую степень воспріимчивости и участія къ историческимъ событіямъ, идеямъ и личностямъ нашего народа.

Такой историческій интересъ и поучительность представляетъ и масонское движеніе XVIII столѣтія, въ которомъ наиболѣе замѣтно выдвигается личность Новикова.

Общій историческій смыслъ этого движенія состоитъ въ томъ, что оно было однимъ изъ первыхъ проявленій обще-

ственной инициативы, или самодѣятельности, и вмѣстѣ однимъ изъ многихъ фактовъ европейскаго вліянія, начавшаго сильно дѣйствовать на русскую жизнь, въ особенности съ Петра Великаго. Эта общественная инициатива была совершенно послѣдовательнымъ результатомъ реформы; это было доказательство, что реформа дѣйствительно возбудила умственную жизнь въ самомъ обществѣ, которое стало искать себѣ дѣятельности въ силу тѣхъ новыхъ понятій, какія были принесены преобразованіемъ. Общество начало выходить изъ того патріархальнаго періода, гдѣ оно совершенно подчинялось государству, гдѣ безраздѣльное господство послѣдняго держалось средневѣковой патріархальностью понятій, общихъ и самой власти, и всѣмъ классамъ націи. Новая улучшенная жизнь, начавшаяся съ реформой, естественно возбуждала новый разрядъ понятій, которыя по необходимости расходились съ патріархальными преданіями, новыя нравственныя представленія, которыя не были знакомы старой жизни. Въ обществѣ являются признаки самосознанія; оно перестаетъ видѣть за собой одно только служебное назначеніе, начинаетъ чувствовать потребность и обязанность самостоятельной дѣятельности. Это новое возбужденіе выразилось главнымъ образомъ—возникновеніемъ новой литературы и масонскимъ движеніемъ. И то и другое были собственнымъ дѣломъ общества, гдѣ оно само отыскивало себѣ цѣли и образцы, употребляло свой трудъ матеріальный и нравственный, стремилось къ національному благу своими путями. Впослѣдствіи оказалось и у насъ, что стремленія общества не совпадали съ данной формой государства,—послѣднее вообще упорно поддерживало старыя традиціи власти, но на первое время общество не доходило, и не могло дойти до этого сознанія: его собственные труды только что начинались, оно ставило первые элементарные вопросы общественной нравственности и не думало нисколько противиться существующимъ порядкамъ. Такой смыслъ имѣло первое масонство, которое даже въ своихъ европейскихъ источникахъ въ числѣ первыхъ своихъ приниповъ ставило полное повиновеніе предержащимъ властямъ, волѣ ихъ оно подчиняло даже собственное существованіе. Но сама власть уже въ это время заявила, впрочемъ, нѣкоторую подозрительность. Тѣмъ не менѣе, ложи, слишкомъ

невинныя въ этомъ отношеніи, продолжали существовать, и первые слабые признаки политической мысли можно услѣдить въ нихъ развѣ только за послѣдніе годы ихъ существованія въ XVIII-мъ столѣтіи.

Естественно было, что и самую форму новой дѣятельности общество заимствовало изъ западной Европы; тамъ взяло оно образцы для своей новой литературы; оттуда переняло масонскія ложи. И въ XVIII столѣтіи, и теперь много говорили въ осужденіе этой подражательности; но эти осужденія совершенно забываютъ объ исторіи. Невозможно было требовать, чтобы люди, только что покидавшіе патріархальную грубость, въ состояніи были производить оригинальныя созданія въ умственной и нравственной области, чтобы они надолго не подчинились высшему развитію другихъ народовъ. Къ сожалѣнію, мы и до сихъ поръ должны слишкомъ часто убѣждаться въ томъ, что если не недостатокъ самостоятельныхъ дарованій, то недостатокъ простора общественныхъ условій до сихъ поръ держитъ русскую мысль и русскую литературу въ состояніи безсилія, которое неизбѣжно продолжаетъ ея подчиненность и незначительность въ сравненіи съ независимыми литературами Европы. Признакъ развитія и возникающей силы заключался, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, уже въ самомъ порывѣ къ новому содержанію, а это содержаніе, по исторической неизбѣжности, не могло быть иное, какъ европейское.

Заимствованіе, выразившееся въ масонствѣ, было не вполнѣ удачно отчасти потому же, почему было неудачно и многое въ заимствованіяхъ литературы, хотя эта послѣдняя и была ограничена внѣшними стѣсненіями, но всего больше ея недостатки происходили отъ ея собственнаго младенчества: ей не были подъ силу лучшія и смѣлѣйшія созданія европейской мысли, вслѣдствіе низкаго уровня образованія. Въ масонскомъ движеніи тотъ же недостатокъ образованія дозволилъ войти многимъ худшимъ формамъ масонства, и не давалъ возможности проникнуть и утвердиться лучшимъ, возбуждая противъ нихъ подозрѣнія и ненависть. Такъ пришло къ намъ Строгое Наблюденіе, Мартинизмъ, Розенкрейцерство, но не имѣло мѣста Иллюминатство и другія болѣе раціональныя вѣтви масонства, раз-

вившіяся подъ вліяніемъ „просвѣщенія“ [1]). Дѣло въ томъ, что эти послѣднія требовали большаго умственнаго развитія, больше духа критики относительно настоящаго, болѣе высокаго развитія нравственныхъ идеаловъ.

Какъ ни было скромно русское масонское движеніе, оно вызвало въ массѣ, повидимому, сильную вражду. Франкъ-масонъ, въ понятіяхъ грубѣйшей массы общества, казался врагомъ религіи и врагомъ общества; „фармазонство“ стало синонимомъ какой-то злонамѣренности, которую, впрочемъ, не умѣли ясно опредѣлить его противники. Эта ненависть была однимъ изъ многихъ проявленій того застоявшагося невѣжества, которое враждебно относилось ко всякимъ нововведеніямъ; масонство въ особенности своими странными формами возбуждало благочестивый страхъ людей, которые въ его обрядахъ увидѣли не что иное, какъ служеніе Антихристу. Другого рода вражду испытывало масонское движеніе со стороны правительства. Такъ же, какъ масса, правительство не могло вынести этого необычнаго движенія въ обществѣ, за которымъ не признавалось никакихъ правъ на какую-либо самостоятельность. Оно смотрѣло сначала сквозь пальцы на заведеніе ложъ, на масонскія собранія, потому что видѣло въ этомъ только моду и забаву; но какъ только оно стало подозрѣвать въ этомъ движеніи нѣчто серьезное и независимое, оно не могло простить ему этого и начало преслѣдованіе, исполненное крайней нетерпимости. Его собственныя опасенія приписали дѣятельности Новикова политическую важность, которой она никогда не имѣла, и Новиковъ безъ всякаго суда былъ заключенъ въ крѣпость, всѣ учрежденія московскаго кружка были уничтожены...

Но дѣло Новикова не осталось безплодно. Мы крайне далеки вообще отъ понятій Новикова; многое изъ нихъ для насъ совершенно антипатично, потому что вело не къ просвѣщенію, а къ обскурантизму,—но, несмотря на то, за нимъ остается заслуга для русскаго образованія. Какъ вообще

---

[1]) В. В. Сиповскій считаетъ тайными иллюминатами Шварца и Новикова—едва ли, впрочемъ, его мнѣніе достаточно убѣдительно. См. статью его „Новиковъ, Шварцъ и Московское масонство“ въ приложеніи къ книгѣ „Н. М. Карамзинъ“. Спб. 1899. Возраженіе на это у В. И. Семевскаго въ статьѣ: „Декабристы—масоны“—„Минувшіе годы“, 1908, № 2. Ред.

въ масонскамъ движеніи, такъ и въ дѣятельности Новикова было много ложнаго и ограниченнаго, но важно въ нихъ было именно пробужденіе общественнаго сознанія, возникновеніе нравственныхъ требованій, которыхъ еще не знало прежнее общество, важны были первые опыты самостоятельной мысли, которые могли быть неудовлетворительны, но давали начало для дальнѣйшаго развитія. Это былъ дѣйствительно первый примѣръ общественной иниціативы, въ развитіи которой заключалась вся будущность общества. Энергія, которую Новиковъ обнаружилъ въ своихъ образовательно - масонскихъ трудахъ, дружное содѣйствіе его сотрудниковъ, значительное вліяніе на общество, свидѣтельствовали о глубокомъ убѣжденіи, которое руководило этими людьми, и вмѣстѣ о силѣ той общественной потребности, которая обнаруживалась въ этомъ движеніи.

Масонское движеніе вообще и дѣятельность московскаго кружка окончились преслѣдованіемъ, въ которомъ слѣдуетъ, конечно, видѣть не случайное обстоятельство, вызванное одними личными условіями и соображеніями, а естественное столкновеніе общественной инціативы съ властью, которая въ то время видѣла въ ней нарушеніе своего авторитета. По старымъ нравамъ власть оберегала неприкосновенность этого авторитета столь сурово, что малѣйшее движеніе общества, выходившее изъ рамокъ ея собственныхъ предписаній, казалось ей непокорствомъ, требующимъ строгой казни. Въ наше время уже нѣтъ спора о томъ, на чьей сторонѣ была правда въ этомъ столкновеніи. Никому не приходитъ въ голову обвинять Новикова, напротивъ, ему несомнѣнно принадлежатъ всѣ сочувствія, и сами панегиристы имп. Екатерины ищутъ только объясненій руководившихъ ею мотивовъ, а не оправданія ея рѣшеній. Несмотря на преслѣдованіе, историческая жизнь взяла свое. Преслѣдованіе не убило сущности его стремленій; напротивъ, общественная самодѣятельность съ тѣхъ поръ развивается все шире; самое ученіе Новикова не погибло подъ ударами, потому что нѣсколько лѣтъ спустя его школа снова выставила свое знамя,—къ сожалѣнію, даже въ такое время, когда можно было оставить это ученіе,—и старое поколѣніе мистиковъ нашло въ преслѣдованіи только новую опору для своего позднѣйшаго вліянія. Та-

кимъ образомъ, еще разъ была доказана безплодность преслѣдованія тамъ, гдѣ шло дѣло объ исторической потребности; оно дѣйствовало въ слишкомъ тѣсно понятомъ интересѣ власти, не принесло ей никакой побѣды, и причинило положительный вредъ обществу, потому что много отдѣльныхъ личныхъ силъ было подорвано, многихъ оно несомнѣнно запугало; къ самой себѣ власть внушила лишнее недовѣріе.

ГЛАВА I.

Начало общества свободныхъ каменьщиковъ въ Англіи. Распространеніе его въ Европѣ.

Старинные масоны твердо вѣрили въ глубокую древность своего общества. Они возводили его основаніе до самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, какіе знаетъ исторія: одни считали его основателемъ самого Адама, который вынесъ изъ рая наслѣдіе божественной мудрости, которая потомъ вѣрно сохранилась въ преданіяхъ ихъ общества; другіе видѣли его начало въ эпохѣ строенія Соломонова храма, легенда о которомъ составляетъ основную часть масонскаго ритуала, и строители храма считались вообще первыми „Свободными каменьщиками“, въ искусствѣ которыхъ преобразовалось высокое нравственное ученіе. Преданіе о строеніи Соломонова храма было вообще самой распространенной версіей сказаній о началѣ масонства. Но кромѣ того, историки общества и члены его связывали его основаніе съ множествомъ другихъ историческихъ событій, въ особенности съ различными древними мистеріями, таинственными сектами и философскими обществами. Такъ, съ исторіей масонскаго братства связывали египетскихъ царей-пастырей, таинства египетскихъ жрецовъ, еврейскую секту ессеевъ, Элевзинскія мистеріи, таинства пиѳагорійской школы, ученіе Талмуда, древнюю магію, средневѣковую алхимію и т. д., и т. д. Было бы длинно и безполезно исчислять эти и подобныя генеалогіи, на которыхъ упорно стояли ортодоксальные масоны стараго вѣка; довольно сказать, что ордену приписывалась вообще глубокая древность, ученіе его считалось высокимъ откровеніемъ, которое хранилось въ тайнѣ избранными людьми и переходило по преданью отъ поколѣ-

нія къ поколѣнію... Съ конца XVIII-го столѣтія между масонами (преимущественно нѣмецкими) нашлось достаточно ученыхъ людей, которые подвергли эти преданія исторической критикѣ и мало-по-малу разъяснили дѣйствительную исторію масонскаго братства. Но и до сихъ поръ между „братьями" остается много людей, которые все еще вѣрятъ старому баснословію. Мы приводимъ въ примѣчаніи образчики подобныхъ мнѣній, какіе намъ встрѣтились даже въ послѣднее время [1]).

На самомъ дѣлѣ, для объясненія историческаго значенія масонства вовсе не нужно идти до Адама. То масонство, о которомъ мы говоримъ, начинается не дальше полутораста лѣтъ тому назадъ. Всѣ толки самихъ масоновъ о строеніи Соломонова храма, объ Элевзинскихъ таинствахъ, объ ессеяхъ и пиѳагорейцахъ, даже о происхожденіи свободныхъ каменьщиковъ отъ заговора приверженцевъ Карла I, хотѣвшихъ отомстить за его казнь, или, наоборотъ, происхожденіи ихъ отъ коварныхъ мѣръ Кромвеля для утвержденія своей власти —всѣ эти и подобныя толкованія, повторенныя

---

[1]) Англійскій журналъ „Athenaeum" (сент. 1869, стр. 404) извѣщаетъ о новомъ масонскомъ журналѣ, который основывается въ Англіи, и, между прочимъ, обѣщалъ статью, подъ названіемъ: „Истинная исторія масонства, проводящая его основаніе до царей - пастырей". Критикъ „Атенея" замѣчаетъ: „Принимая въ соображеніе, что другіе масонскіе изслѣдователи едва могутъ (въ объясненіи происхожденія масонства) добраться до средневѣковыхъ гильдій, и что относительно царей-пастырей теперь д-ръ Бекъ (ученый путешественникъ въ Африку) и другіе ученые стараются разыскать, кто они были,—попытка упомянутой исторіи очень смѣла. Еще недавно—одинъ почтенный „братъ" связывалъ масонство съ клинообразными письменами; но такъ какъ эти письмена упорно противились быть прочтенными имъ, и никто, умѣвшій читать ихъ, не давалъ имъ желаемаго толкованія, это открытіе оказалось неудачнымъ. Въ прошломъ столѣтіи Іосифъ Бальзамо, называвшій себя графомъ Каліостро, могъ безъ труда увѣрить нѣкоторыхъ невѣжественныхъ масоновъ во Франціи, что онъ имѣлъ египетскіе масонскіе документы,—еще до того времени, когда начали читать іероглифы. Поучительное свидѣтельство того, какъ живучи обманщики и легковѣрные между полу-образованными людьми, представляетъ тотъ фактъ, что въ нынѣшнемъ столѣтіи во Франціи возникло другое египетское масонство, которое не исчезло и до сихъ поръ".

Далѣе, вотъ заглавіе одной нѣмецкой книги, вышедшей въ томъ же прошломъ [т. е. 1869] году: Das Studium des Freimaurerei und die

и Лонгиновымъ, не имѣютъ историческаго значенія, и новѣйшія изысканія о происхожденіи масонскаго общества представляютъ его гораздо проще [1]).

Масонство, какъ дружеское и братское общество людей, соединяющихся для собственнаго нравственнаго совершенствованія, восходитъ только къ началу XVIII вѣка. Единственное историческое родство его съ давнимъ прошедшимъ есть внѣшняя связь его съ средневѣковыми строительными гильдіями или цехами. Эти гильдіи, трудъ которыхъ создалъ великіе готическіе соборы западной Европы, существовали и въ Англіи, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и какъ многія другія корпоративныя учрежденія (напримѣръ университеты), эти гильдіи имѣли свои различныя корпоративныя отличія и привиллегіи, между прочимъ право суда, и этимъ нѣкоторые объясняютъ названіе свободныхъ каменьщиковъ (Free-Masons), названіе, оставшееся за новѣйшими франкъ-масонами; по другимъ, это названіе принято было тогда, когда въ старыя собственно ремесленныя общества начали вступать новые члены, изъ которыхъ потомъ и образовалось новое, не ремесленное масонское братство. Старые обычаи и нравы строительныхъ цѣховъ въ Англіи и въ другихъ странахъ представляли много сходнаго съ обычаями другихъ средневѣковыхъ цеховъ: ихъ внутреннее

---

ursprüngliche Geschichte derselben, von der Schöpfung an bis an das tausendjährige Reich,—enthaltend: Veranlassung, Ursprung, Stifter, Wezen, Zweck, Tendenz, Ritual, Ceremoniel, Gebräuche, Zeichen, Wort, Griff, Meisterwörter und Bedeutungen über Alles. Auch Ursprung und Bedeutung der „schwarzen Brüder", die schon in Solomonischen Tempel existirt haben. (8 Bde.) Bearbeitet von Isaak Salomon Borchardt, emerit. Ober—Kreis- Rabbiner, Berl. 1869 (5869). Книга преисполнена библейскими цитатами, талмудическою и каббалистическою ученостью.

Лонгиновъ въ своей книгѣ о Новиковѣ придалъ серьезное значеніе баснословію о происхожденіи ордена.

[1]) Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ближе ознакомиться съ дѣйствительной исторіей масонства, мы сдѣлаемъ слѣдующія указанія. Настоящая критическая исторія его начинается только послѣ того, какъ въ концѣ XVIII столѣтія лучшіе масоны стали заботиться о томъ, чтобы освободить орденъ отъ шарлатанскаго мистицизма и миѳологическихъ выдумокъ. Таковы были стремленія Боде, извѣстнаго „просвѣтителя", книгопродавца Николаи, Фесслера и др. (Лессингъ еще принималъ происхожденіе масонства отъ храмовыхъ рыцарей). Вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ очистить самый орденъ, явилась и критическая

устройство имѣло цѣлью сохраненіе и распространеніе переходившихъ по преданію правилъ и секретовъ искусства, нравственную дисциплину между товарищами и общественное равенство среди цеха. Но понятно, что эти цехи вовсе не имѣли никакихъ тайныхъ знаній о природѣ, ея силахъ и свойствахъ, о числѣ и мѣрѣ и т. п., никакихъ преданій незапамятной древности, которыя приписываются имъ масонскими историками, и которыми хвалятся сами масоны. Фактическое изслѣдованіе средневѣковыхъ цеховъ показало, что всѣ разсказы подобнаго свойства--совершенная выдумка и обманъ, какъ напр., мнимая іоркская конституція принца Эдвина, 926 года. Этотъ послѣдній обманъ былъ достаточно разоблаченъ извѣстнымъ ученымъ Шнаазе, въ его „Исторіи Искусства". Другіе обманы, напримѣръ, производство извѣстныхъ отраслей ордена отъ средневѣковыхъ тампліеровъ, разоблачались даже въ глазахъ самихъ масоновъ. Но если въ этихъ цехахъ не было преданій, идущихъ отъ сотворенія міра, отъ египетскихъ таинствъ или даже отъ строенія Соломонова храма, и не было глубокаго знанія таинственныхъ силъ природы, то въ нихъ были, однако, оригинальныя учрежденія, любопытные обычаи и символическая обрядность—какъ подобная обрядность вообще проникала средневѣковой бытъ; была своя особая дисциплина и стремленіе къ нравственному образованію. Общество дѣлилось и тогда на степени: ученика, товарища (подмастерья) и мастера, стоявшихъ между собой въ извѣстной естественной іерархіи; каменьщики имѣли свои условные знаки, слова и т. п., по которымъ они

мысль объ его исторіи. Таковы были прежде всего труды Фридр. Людв. Шредера, Шнейдера, Краузе и Гельдмана. Этотъ послѣдній доказалъ, между прочимъ, подложность Кельнской грамоты 1535 г., которую масонскіе историки выдавали за историческое доказательство существованія ордена въ то время. Но въ особенности имѣютъ значеніе труды Клосса (I. G. B. Fr. Kloss.): Die Freimaurerei in ihren wahren Bedeutung, Frankf. a. M. 1846; Geschichte der Freim. in England, Irlaud und Schottland, Frankf., 1848; Geschichte der Freim. in Frankreich, 2 Bde. Frankf. 1851—53, и Bibliographie der Freim. Frankf., 1844. Клоссъ вообще есть лучшій изъ историковъ масонства; онъ въ первый разъ опредѣлительно указалъ связь его съ средневѣковыми цехами. Далѣе Фаллу (Fr. Albert Fallou): Mysterien der Freimaurerei, oder die verschlierte Gebrüderung, Verfassung und Symbolik der teutschen Baugewerke etc., Leipzig, 1848,—представляетъ критическую попытку объясненія внутрен-

узнавали другъ друга; происходили особые обряды, когда являлся странствующій товарищъ или вступало въ корпорацію новое лицо. Какъ и многіе другіе цехи и учрежденія въ средніе вѣка, каменьщики имѣли своихъ святыхъ и свои легенды, естественно относившіяся къ ихъ цéховымъ качествамъ. Наконецъ, мѣсто собраній корпораціи называлось обыкновеннымъ словомъ, означавшимъ квартиру или помѣщеніе для рабочихъ и ихъ инструментовъ (англ. lodge, нѣм. Bauhütte, фран. logis, итал. loggia). Итакъ, обрядовыя формы корпораціи были довольно общей чертой средневѣковаго быта, чтобы въ нихъ можно было видѣть какую-нибудь исключительную принадлежность одного цеха. Понятны также благочестивыя и нравственныя тенденціи корпорацій или ложъ. Это было время полнаго и безраздѣльнаго господства мистицизма, обнимавшаго всѣ слои народа. Если этотъ мистицизмъ могъ увлекать цѣлыя народныя толпы въ крестовые походы, то могло весьма естественно случиться, что этотъ же мистицизмъ, только съ большей силой, чѣмъ въ другихъ примѣрахъ, могъ отражаться и на тѣхъ корпораціяхъ, которыя по самому свойству ремесла должны были быть къ нему воспріимчивы, служа народному благочестію строеніемъ великихъ готическихъ каѳедраловъ и аббатствъ.

Однимъ словомъ, старыя общества каменьщиковъ въ Англіи, строительныя гильдіи Германіи и т. д., не представляютъ по сущности своей ничего исключительнаго въ общемъ религіозно-мистическомъ характерѣ и въ корпоративномъ устройствѣ среднихъ вѣковъ. Въ Англіи, гдѣ это учрежденіе, быть можетъ, развилось сильнѣе и, по

няго содержанія масонской символики. См. также сочиненія Келлера (Gesch. der Freim. in Deutschland, Gessen, 1859), Финделя (Gesch. der Freimaurei, 2-te Aufl. Leipz. 1866). Книга Финделя представляетъ, впрочемъ, скорѣе только внѣшній перечетъ событій, чѣмъ строгую исторію внутренняго развитія. Наконецъ, въ послѣдніе годы вышла замѣчательная масонская энциклопедія, очень богатая разнообразными историческими свѣдѣніями: Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, zweite völlig umgearbeitete Auflage von Lenning's Encyclopädie der Freim. 3 Bde Leipz. 1863—1867. [Третье, сокращенное, изданіе этой энциклопедіи въ двухъ томахъ, Leipzig, 1900 и 1901]; чрезвычайно точная и—для нѣмецкой литературы—исчерпывающая работа A. Wolfstieg, Bibliographie der freimaurerischen Litteratur, 2 тома, Burg. в. M. 1911 и 1912, [отдѣльно указатель, 1913].

обыкновенной инерціи англійскаго быта, сохранилось дольше своими особенностями, старинныя ложи процвѣтали до конца XVI вѣка; но съ упадкомъ готическаго искусства, которому они особенно служили, и съ успѣхами стиля возрожденія, упали и самыя ложи. Поэтому, съ начала XVII столѣтія больше и больше входило въ обычай, что знатные покровители и любители искусства стали принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ и положеніи цеховъ, какъ думаютъ, для того, чтобы сблизить рабочихъ и строителей. Они назывались принятыми каменьщиками (accepted Masons). Такъ, въ послѣдніе годы XVII вѣка вступилъ въ ложу Вильгельмъ Оранскій, и съ той поры ремесло каменьщиковъ получило названіе „королевскаго ремесла“, — что позднѣйшіе масоны стали употреблять въ символическомъ смыслѣ. Но старый духъ гильдій уже исчезъ. Знаменитый лондонскій пожаръ 1666 года и постройка собора св. Павла снова оживили старое учрежденіе, но не надолго; ложи опять пришли въ упадокъ—и возстановленіе ихъ относится уже къ 1717 году, когда лондонскія ложи, оставленныя въ пренебреженіи престарѣлымъ Кристофомъ Реномъ (Wren), строителемъ собора св. Павла, рѣшились сблизиться, имѣя одного общаго великаго мастера или гросмейстера и общій порядокъ. „Въ своемъ началѣ—замѣчаетъ одинъ историкъ—эта Великая ложа (имѣвшая такую знаменитость между масонами), быть можетъ, и сама не сознавала, какая здѣсь совершилась перемѣна и какое глубокое направленіе должно было изъ нея выйти“. Но дѣйствительно, великая перемѣна произошла: если Кристофъ Ренъ, заключившій собою старую исторію цеха, былъ еще самъ архитекторъ и имѣлъ къ ложамъ простое практическое отношеніе, то въ новой ложѣ являются уже не одни только ремесленники, но и образованные люди изъ всѣхъ сословій. Великая ложа должна была получить новое устройство, которое, сохраняя извѣстный смыслъ отъ стараго учрежденія, удовлетворяло бы вмѣстѣ и потребностямъ новыхъ, „принятыхъ“ членовъ братства. Такимъ образомъ, вмѣсто чисто-ремесленныхъ цѣлей старой цеховой корпораціи, на первый планъ выдвинулась ея нравственная сторона: мало-по-малу она стала господствующей, и ремесленная ложа дала новому масонству только его наружныя техническія

формы и метафорическій языкъ. Требованіе нравственнаго совершенствованія, которымъ прежніе каменьщики освящали свой ремесленный трудъ, стало теперь единственной цѣлью, соединявшей въ братство людей всякаго званія, которые стали теперь быстро стекаться въ ложи, надѣясь найти въ нихъ отвѣтъ на свои личныя нравственныя потребности.

Итакъ, старыя ложи дали только приблизительную форму, въ которую вылилось новое содержаніе. Это содержаніе дано было характеромъ времени, стремленія котораго искали въ преобразованной ложѣ своего исхода и выраженія.

„Вся эта эпоха — говоритъ Геттнеръ въ своей книгѣ о литературѣ XVIII-го вѣка—проникнута была глубокимъ стремленіемъ сдѣлать человѣка, чистаго и свободнаго по своей природѣ, еще прекраснѣе и сильнѣе, освободить его отъ всѣхъ внѣшнихъ путъ и предразсудковъ, дать ему опору его въ немъ самомъ, въ чистотѣ и благородствѣ его собственнаго существа! Вся Англія была въ это самое время подъ живымъ впечатлѣніемъ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, которыя свирѣпствовали, не переставая, со временъ Кромвеля и обоихъ послѣднихъ Стюартовъ. Всѣ благородныя сердца были утомлены безплодной враждой; вездѣ раздавался призывъ ко всеобщей терпимости и любви къ ближнему. Локкъ и великіе англійскіе деисты, Шафтсбери, Коллинзъ и Толандъ, открыто оспаривали господствующія церковныя понятія и искали такъ называемой естественной религіи, въ которой человѣкъ, удовлетворяемый простымъ почитаніемъ всемогущаго Творца, извлекаетъ истину и добродѣтель не изъ ученій библейскаго Откровенія, а изъ собственнаго человѣческаго разума; за христіанствомъ оставалось его достоинство и значеніе только потому, что его содержаніемъ было чистѣйшее нравственное ученіе и самое благородное счастіе было его цѣлью“. Если образованіе Великой ложи въ это самое время и было чистой случайностью, то эта случайность вполнѣ совпадала съ потребностями времени; и если Великая ложа стала разсадникомъ цѣлаго множества ложъ, распространившихся по всей Европѣ, то это могло произойти именно потому, что сама Великая ложа уже заключала въ себѣ тѣ вліянія и черты духа времени, которыя одни и могли дать этому учрежденію такую

силу надъ обществомъ Англіи и другихъ европейскихъ странъ, представлявшихъ тѣ же и подобныя условія. „Развѣ въ этомъ товариществѣ—продолжаетъ тотъ же авторъ — уже не были уничтожены всякія отличія сословій и вѣроисповѣданія? Поэтому легко было сдѣлать еще шагъ дальше и такъ же уничтожить вся кіядругія рамки, отчуждающія человѣка отъ человѣка, или, если бы это не удалось, по крайней мѣрѣ ослабить и смягчить самыя вредныя ихъ стороны. Почему бы изъ этого товарищества не могъ образоваться, мало-по-малу, союзъ, въ которомъ братски встрѣчались бы люди всякихъ вѣроисповѣданій, сословій и климата? И если вся эта эпоха уже давно чувствовала потребность, чтобы этотъ чистый и свободный человѣкъ для своихъ новыхъ воззрѣній имѣлъ и осязательное выраженіе, новый культъ и обрядъ, гдѣ бы тѣ вещи, которыя могли казаться дѣломъ головы и пытливой мысли, стали также и дѣломъ фантазіи и сердца,—то здѣсь и были именно такіе осязательные символы и обряды... Дѣло состояло только въ томъ, чтобы этимъ стариннымъ словамъ, знакамъ и формамъ дать теперь новое значеніе и освѣтить ихъ въ духовномъ смыслѣ. Теперь надо было строить уже не внѣшній видимый храмъ, а храмъ внутренній и невидимый. Матеріаломъ для „королевскаго ремесла“ должны были служить съ этихъ поръ не дерево, не камень, или другія земныя средства и вещи, а жизнь и душа человѣка.—Сѣмена, заключавшіяся въ этомъ новомъ обществѣ, были, конечно, такъ плодотворны и жизненны, что нуженъ былъ только опытный и старательный уходъ нѣсколькихъ благородныхъ и умныхъ людей, чтобы довести ихъ до неожиданно высокаго развитія“.

Такіе люди нашлись въ Великой ложѣ, и отсюда началась исторія масонства, которое быстро распространилось по Европѣ, потому что вездѣ находило себѣ удобную почву въ общественныхъ отношеніяхъ, благопріятствовавшихъ его утвержденію тѣмъ или другимъ способомъ. Главнѣйшій документъ этого масонства есть знаменитая въ свое время „Книга Конституцій“ Андерсона (The book of Constitutions of the Free Masons, containing the History, Charges, Regulations etc., или также просто: „Old Charges“), утвержденная и принятая за основной законъ англійскими масонами въ 1723 г. Она заключаетъ въ себѣ руководящія нравствен-

ныя и общественныя идеи, которыхъ держалось и европейское масонство въ своихъ лучшихъ формахъ. Существенными чертами этого „стараго англійскаго“ масонства были— внѣшняя обрядность средневѣковыхъ ложъ, растолкованная и измѣненная въ символическомъ смыслѣ, и деистическія и филантропическія идеи XVIII столѣтія. Читая „Книгу Конституцій“, не трудно видѣть съ одной стороны присутствіе этихъ идей, а съ другой несомнѣнную близость новаго учрежденія со старымъ,—т. е. собственнаго масонства, какъ оно стало пониматься теперь, съ религіозно-ремесленными преданіями и обычаями средневѣковаго цеха каменьщиковъ. Въ текстѣ „Старыхъ обязанностей“ не одинъ разъ можно быть въ недоумѣніи о томъ, къ какому каменьщику обращаются эти правила: говорится-ли въ нихъ о ремесленникахъ и ихъ мастерахъ, или о масонахъ,—говорится-ли въ прямомъ смыслѣ, или иносказательно, символически. Мы остановимся на минуту на этихъ масонскихъ узаконеніяхъ, которыя дадутъ понятіе о первомъ характерѣ этого учрежденія.

Та часть „Конституцій“, которая посвящена опредѣленію общихъ внутреннихъ основаній масонства, политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ положеній его ученія, дѣлится на шесть отдѣловъ, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ [1]).

Отдѣлъ I, „О Богѣ и религіи“:

„Каменьщикъ обязанъ своимъ призваніемъ повиноваться нравственному закону, и если онъ хорошо понимаетъ свое искусство, то онъ не будетъ ни тупымъ отрицателемъ Бога, ни безбожнымъ развратникомъ. И хотя въ древнія времена каменьщики въ каждой странѣ были обязаны принадлежать къ религіи этой страны или этого народа, какова бы она ни была, но теперь сочтено лучшимъ обязывать ихъ только къ той религіи, въ которой всѣ люди согласны, и затѣмъ ихъ особенныя мнѣнія предоставить имъ самимъ; то-есть быть людьми добрыми и вѣрными, или людьми чести и честности, какими бы названіями или убѣжденіями

---

[1]) Выписки сдѣланы по тексту, напечатанному въ книгѣ Финделя, въ приложеніяхъ.—Другой памятникъ этого стараго масонства, „Общія постановленія“ Джорджа Пайна (1720 г.), заключаетъ только подробности чиноначалія и управленія ложъ.

они ни отличались. Черезъ это, масонство становится средоточіемъ соединенія и средствомъ основать вѣрную дружбу между людьми, которые безъ того должны были бы оставаться въ постоянномъ разъединеніи".

Отдѣлъ II, „О гражданской власти, высшей и подчиненной", говоритъ:

„Каменьщикъ, гдѣ бы онъ ни жилъ и работалъ, есть мирный подданный гражданскихъ властей, и онъ никогда не долженъ вмѣшиваться въ комплоты и заговоры противъ мира и благоденствія народа, ни нарушать своихъ обязанностей къ начальствамъ. Потому что какъ война, кровопролитіе и смуты всегда были вредны для каменьщичества, такъ съ древнихъ временъ короли и князья были очень склонны поощрять членовъ цеха, по причинѣ ихъ миролюбія и гражданской вѣрности,—чѣмъ они на дѣлѣ опровергали злословіе своихъ противниковъ, — и склонны были возвышать честь братства, которое всегда процвѣтало во времена мира. Поэтому, если бы братъ возмутился противъ государства, то его не слѣдуетъ поддерживать въ его мятежѣ; но должно сострадать о немъ, какъ о несчастномъ человѣкѣ" и пр. [1]).

Отдѣлъ III, „О ложахъ":

„Ложа есть мѣсто, гдѣ каменьщики собираются и работаютъ; поэтому такое собраніе или должнымъ образомъ устроенное общество каменьщиковъ называется ложею, и каждый братъ долженъ принадлежать къ ней и подчиняться какъ ея особеннымъ законамъ, такъ и общимъ постановленіямъ... Въ древнія времена ни одинъ мастеръ или членъ ложи не могъ отлучаться отъ нея, особенно если ему объявлено было, что онъ долженъ явиться въ ней, — иначе онъ подвергался строгому наказанію; нужно было, чтобы мастеръ или надзиратель ясно видѣлъ, что ему помѣшала дѣйствительная необходимость.

„Лица, которыя допускаются въ ложу, какъ члены, должны быть люди добрые и вѣрные, свободные по рожденію, [2]) зрѣлаго и разсудительнаго возраста, не крѣпо-

---

[1]) Въ позднѣйшей редакціи „Конституцій" такой мятежникъ исключается изъ ложи.

[2]) Потому что въ старину несвободныхъ, крѣпостныхъ въ цехи не принимали.

стные, не женщины, не безнравственные или неприличные люди, но люди съ добрымъ именемъ".

Отдѣлъ IV, „О мастерахъ, надзирателяхъ, товарищахъ и ученикахъ":

„Всякое преимущество между каменьщиками основывается единственно на истинномъ достоинствѣ и собственной заслугѣ, на томъ, чтобы хозяевамъ постройки было хорошо услужено, чтобы братьямъ не было стыдно, и королевское ремесло (royal craft) не подверглось презрѣнію. Поэтому мастеръ или надзиратель выбирается вовсе не по лѣтамъ, а по своимъ заслугамъ. Эти вещи не возможно вполнѣ изложить на письмѣ, каждый братъ долженъ являться на своемъ мѣстѣ и изучать эти вещи тѣмъ способомъ, который свойственъ этому братству. Ищущіе могутъ знать только то, что ни одинъ мастеръ не можетъ принять ученика, если не имѣетъ для него достаточно занятія, и если это не есть совершенный юноша, безъ всякихъ уродливостей и тѣлесныхъ недостатковъ, которые могли бы сдѣлать его неспособнымъ изучить королевское ремесло, служить хозяевамъ своего мастера, сдѣлаться братомъ и въ свое время членомъ цеха, какъ скоро онъ прослужитъ извѣстное число лѣтъ, что предписываютъ обычаи страны...

„Ни одинъ братъ не можетъ быть надзирателемъ, если не былъ сначала членомъ цеха; ни мастеромъ, если не исполнялъ должности надзирателя, ни великимъ надзирателемъ, если не былъ прежде мастеромъ ложи, ни великимъ мастеромъ (гросмейстеромъ), если до своего избранія не былъ членомъ цеха. Гросмейстеръ долженъ также быть знатнаго происхожденія, или человѣкъ съ общественнымъ положеніемъ, или особенно высокаго образованія, или замѣчательный ученый, или искусный архитекторъ, или иной художникъ, происшедшій отъ достопочтенныхъ родителей, и при томъ, по мнѣнію ложъ, человѣкъ съ совершенно особенными, великими заслугами"...

Отдѣлъ V, „Объ управленіи цеха при работѣ":

„Всѣ каменьщики должны въ рабочіе дни работать честно, чтобы имъ можно было прилично жить въ праздничные дни; и должно быть наблюдаемо время, которое установлено законами страны или принято обычаями.

„Опытнѣйшій изъ товарищей цеха долженъ быть выбранъ или назначенъ мастеромъ, или главнымъ надзирателемъ надъ запасомъ хозяина, и тѣ, кто работаетъ подъ его надзоромъ, должны называть его мастеромъ. Товарищи цеха должны избѣгать всякихъ дурныхъ разговоровъ, а также не называть другъ друга невѣжливыми именами, а просто братомъ или товарищемъ, и въ ложѣ и внѣ ея обходиться ласково.

„Мастеръ, который знаетъ свое искусство въ ремеслѣ, долженъ брать у хозяина запасъ сколько можно дешевле и обходиться съ его имуществомъ такъ бережно, какъ если бы оно было его собственное; онъ не долженъ также давать брату или ученику больше платы, чѣмъ тотъ дѣйствительно заслужилъ...

„Всѣ принятые каменьщики должны принимать свою плату дружелюбно, безъ ропота и ссоръ, и не оставлять мастера до тѣхъ поръ, пока работа не будетъ окончена.

„Младшій братъ долженъ быть обучаемъ въ работѣ, чтобы онъ по недостатку пониманія не портилъ матеріала, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и сохранялась братская любовь.

„Всѣ инструменты, которые употребляются въ работѣ, должны быть одобрены отъ „Великой Ложи“...

Отдѣлъ VI, „О поведеніи братьевъ“, и именно, во-первыхъ, „въ ложѣ, когда она устроена“:

„Вы не должны держать особыхъ отдѣльныхъ собраній, ни вести отдѣльныхъ совѣщаній безъ позволенія мастера; ни говорить чего-нибудь не должнаго или неприличнаго, ни прерывать мастера или надзирателя, или другого брата, который говоритъ съ мастеромъ, вы не должны также дѣлать съ ними шутокъ или шалостей, когда ложа занята серьезными и торжественными вещами, ни говорить неприличнымъ образомъ подъ какимъ бы ни было предлогомъ; но вы должны оказывать должное высокое почтеніе своему мастеру, своимъ надзирателямъ и товарищамъ и уважать ихъ“.

Въ случаѣ жалобъ и споровъ обвиняемый, по правиламъ общества, долженъ быть судимъ самой ложей; обращаться къ обыкновенному суду, въ дѣлахъ каменьщичества, позволяется только тогда, когда сама ложа найдетъ это нужнымъ.

Во-вторыхъ, о поведеніи братьевъ, „когда ложа закрыта, но братья еще не разошлись“:

„Вы можете развлекаться невинными забавами и другъ друга угощать по силамъ, но при этомъ избѣгая всякой неумѣренности и не принуждая никого изъ братьевъ ѣсть или пить, когда у него нѣтъ охоты, и не мѣшая ему уходить, когда его вынуждаютъ къ этому свои дѣла. Вы не должны также ничего говорить или дѣлать, что бы могло оскорблять или нарушать непринужденное и свободное обхожденіе, потому что это разстроило бы наше согласіе и разрушило бы наши похвальныя намѣренія. Поэтому, никакая вражда или ссоры не должны быть приносимы къ дверямъ ложи, и еще менѣе какой-нибудь споръ о религіи, или о разныхъ народахъ, или устройствѣ государствъ; такъ какъ мы всѣ, какъ каменьщики, держимся только упомянутой выше всеобщей религіи, и, кромѣ того, мы бываемъ изъ всѣхъ народовъ, говоровъ, нарѣчій или языковъ, и мы рѣшительно противъ всякихъ политическихъ споровъ, такъ какъ подобные споры еще никогда не были и никогда не будутъ полезны для блага ложъ“...

Въ третьихъ, о томъ, какъ братья должны держать себя, „если встрѣтятся, хотя не при чужихъ, но не въ настоящей ложѣ“:

„Вы должны ласково привѣтствовать другъ друга, по наставленію, которое будетъ вамъ дано, должны называть другъ друга братьями, искренно давать другъ другу взаимное обученіе, насколько это окажется нужнымъ, не будучи наблюдаемы или подслушиваемы, и не превознося себя одинъ передъ другимъ и не уменьшая уваженія, которое подобало бы каждому брату, если бы онъ не былъ каменьщикомъ. Потому что, хотя каменьщики, какъ братья, всѣ равны между собою, но тѣмъ не менѣе каменьщичество нисколько не уменьшаетъ ни у кого той чести, какую онъ имѣлъ прежде, а напротивъ, оно еще увеличиваетъ его честь, особенно если онъ оказалъ услуги братству, которое должно отдавать честь тому, кому честь подобаетъ, и избѣгать дурныхъ нравовъ“.

Въ четвертыхъ, о поведеніи „въ присутствіи чужихъ, не каменьщиковъ“, — совѣтуется осторожность въ рѣчахъ и поступкахъ, чтобы чужой не узналъ того, чего не долженъ

знать, и совѣтуется избѣгать разговоровъ, касающихся братства.

Въ пятыхъ, „о поведенiи дома и съ сосѣдствомъ", — предписывается поступать такъ, какъ прилично человѣку нравственному и мудрому, жить въ мирѣ съ друзьями и сосѣдями, заботиться о семьѣ, не предаваться пьянству и гульбѣ.

Въ шестыхъ, о поведенiи „съ чужимъ братомъ":

Надо съ осторожностью изслѣдовать его качества, и если это вѣрный и истинный братъ, то надо принять его, оказать ему уваженiе и, если нужно, помощь. „Вы должны дать ему нѣсколько дней работы. Но вы не обязаны дѣлать сверхъ вашей возможности: вы должны только, при равныхъ обстоятельствахъ, предпочесть бѣднаго брата, когда это хорошiй и вѣрный человѣкъ, всякому другому бѣдному человѣку".

„Наконецъ, вы должны исполнять всѣ эти предписанiя, а также и всѣ тѣ, которыя будутъ сообщены вамъ другимъ путемъ; вы должны исполнять братскую любовь, основной и послѣднiй камень, цементъ и славу этого древняго братства, и избѣгать всякихъ раздоровъ и несогласiй, всякой клеветы и злословiя, и не дозволять другимъ клеветать на какого-нибудь достойнаго брата, но защищать его, и оказывать ему всѣ добрыя услуги, — сколько позволяетъ ваша честь и благополучiе, и не далѣе. И если кто-нибудь окажетъ вамъ несправедливость, то вы должны обратиться къ его или своей ложѣ,—и потомъ апеллировать, если надо, къ Великой Ложѣ. Вы никогда не должны обращаться къ суду и начинать тяжбы; если же это будетъ неизбѣжно и процессъ начнется, то это должно быть безъ гнѣва и ожесточенiя, и вы не должны ничего говорить и дѣлать такого, что могло бы помѣшать братской любви и возобновленiю и продолженiю добрыхъ услугъ, чтобы всѣ могли видѣть благотворное влiянiе каменьщичества, какъ дѣлали съ самаго начала мiра всѣ вѣрные каменьщики, и какъ они будутъ дѣлать до конца временъ".

Таково содержанiе основного памятника масонства, составляющаго исходный пунктъ его новѣйшей исторiи. Онъ еще сохраняетъ на себѣ свѣжесть новаго учрежденiя. Терминологiя каменьщичества, такъ очевидно искусственная въ

ея дальнѣйшемъ употребленіи, здѣсь еще очень близка къ своему буквальному непосредственному смыслу. О нравственныхъ и религіозныхъ предметахъ говорится съ большой простотой: здѣсь нѣтъ и слѣда того аффектированнаго и притязательнаго мистицизма, который впослѣдствіи овладѣваетъ больше или меньше всѣми системами; нѣтъ преувеличенія братскаго союза: онъ понимается просто и здраво — это только взаимное уваженіе и обученіе, когда нужна помощь, но „не сверхъ возможности“.

Съ такимъ простымъ и не притязательнымъ характеромъ является старое англійское масонство. Первая пропаганда шла, вѣроятно, въ томъ же смыслѣ, и хотя масонство скоро начало подвергаться порчѣ, становиться дѣломъ моды или средствомъ интриги, но лучшіе люди и въ концѣ XVIII столѣтія оставались вѣрны первымъ нравственнымъ идеаламъ. Пропаганда имѣла чрезвычайный успѣхъ: въ двадцатыхъ годахъ масонскія ложи, кромѣ Ирландіи и Шотландіи, появляются уже во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Испаніи; въ тридцатыхъ — въ разныхъ краяхъ Германіи, въ Италіи, Швейцаріи, Португаліи, Польшѣ, даже Турціи и пр. Къ 1731 или 1732 относятъ первыя ложи въ Россіи. Фридрихъ Великій еще наслѣднымъ принцемъ былъ принятъ въ масоны въ Брауншвейгѣ; въ масонство вступили и многіе другіе государи Европы и лица изъ владѣтельныхъ домовъ—въ исторіи масонства извѣстны имена Густава III шведскаго, герцога Зюдерманландскаго, Фердинанда Брауншвейгскаго и т. д.

Не входя въ подробности исторіи масонства, замѣтимъ еще только нѣкоторыя обстоятельства, объясняющія его успѣхъ въ европейскомъ обществѣ. Мы видѣли, въ какихъ условіяхъ масонство сложилось въ Англіи. Подобныя условія дали ему дорогу и въ континентальную Европу. Здѣсь общество также подготовлено было къ деистическо-нравственному содержанію и не удовлетворялось существовавшими формами общественности, увлекалось оригинальнымъ нововведеніемъ,—хотя, какъ увидимъ, континентальныя ложи вскорѣ уже приняли новыя направленія и удалились отъ своего образца.

Русское масонство заимствовано было первоначально изъ англійскаго источника, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и впослѣдствіи особенно, оно подверглось также вліянію континен-

тальнаго масонства. Вслѣдствіе близкаго сосѣдства и другихъ обстоятельствъ, оно всего больше испытало вліянія нѣмецкаго масонства, о которомъ поэтому мы должны сказать нѣсколько словъ.

Германія съ самаго начала обнаружила большую ревность къ распространенію масонскихъ ложъ и ученій. Масонское движеніе существенно связывалось съ религіознымъ вопросомъ, и эта почва была въ Германіи особенно удобна: церковныя отношенія, господствовавшія послѣ реформаціи, не удовлетворяли ни свободному религіозному чувству, ни духу изслѣдованія, возбужденному реформой; католичество съ его слишкомъ мірской притязательностью и сухой протестанскій догматизмъ, переходившій въ невыносимую школьную рутину, съ другой стороны, вызывали реакцію въ обоихъ направленіяхъ. Поэтому, еще съ конца XVII вѣка, въ умственной жизни Германіи идутъ два параллельныя явленія: постоянно возрастающее вліяніе философіи свободныхъ мыслителей англійскихъ, французскихъ и голландскихъ (Декартъ, Спиноза, Локкъ, Толандъ), и рядомъ съ этимъ—чрезвычайное усиленіе направленія, долго господствовавшаго въ нѣмецкой литературѣ и обществѣ съ именемъ піэтизма. Въ извѣстномъ смыслѣ, свободное мышленіе и піэтизмъ выросли здѣсь изъ одного источника, какъ реакція противъ тягостнаго гнета въ вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ. Эта реакція давала двоякій исходъ для свободныхъ личныхъ стремленій, и произвела два враждебныя направленія, которыя впослѣдствіи, вступаютъ въ борьбу наполняющую XVIII-е столѣтіе—борьбу свободнаго мышленія съ мистическимъ туманомъ и фанатизмомъ. Одно изъ этихъ направленій, естественно, было принято болѣе смѣлыми и логическими умами, другое—умами, менѣе сильными и больше способными къ сентиментальному увлеченію. Въ эту борьбу вошли потомъ и политическіе элементы, такъ что къ концу XVIII-го вѣка, это броженіе идей представляло самую пеструю картину разнообразныхъ столкновеній. Въ началѣ столѣтія эти явленія еще только обозначались; умы находились въ тревожномъ исканіи и ожиданіи новыхъ принциповъ—офиціальное протестантство такъ мало удовлетворяло людей, что многіе уже въ это время переходили обратно въ католицизмъ; другіе успокаивались на раціона-

лизмѣ, или скептической философіи, третьи впадали въ піэтизмъ. Исторія нѣмецкаго піэтизма далеко не ограничивается предѣлами церковныхъ отношеній; піэтизмъ не былъ одной опредѣленной школой, и своими различными оттѣнками могъ удовлетворять разнымъ степенямъ свободно-религіозныхъ стремленій, или мистическаго настроенія, и своими лучшими сторонами много способствовалъ улучшенію той церковной жизни, недостатки которой были первоначальнымъ предметомъ его оппозиціи. Въ различныхъ явленіяхъ піэтизма уже легко видѣть зародыши тѣхъ понятій, которыя мы находимъ потомъ въ масонствѣ и, вообще, онъ открывалъ дорогу и лучшимъ и худшимъ проявленіямъ масонства, его филантропіи и его мистической экзальтаціи. Піэтистъ Франке еще въ концѣ XVII-го столѣтія основываетъ знаменитый „Сиротскій домъ“, до сихъ поръ существующій въ Галле. Главнѣйшее литературное произведеніе піэтизма, знаменитая „Исторія церкви и ересей“ (1698—1700) Готфрида Арнольда, есть громадный ученый трудъ, направленный противъ безжизненнаго догматизма и нетерпимости протестантской ортодоксіи. Чтобы доказать, что его собственный піэтизмъ, преслѣдуемый протестантскими формалистами, и составляетъ истинную сущность христіанства, а господствующая іерархія — ея извращеніе, Арнольдъ старается доказать въ своей книгѣ, что истинное христіанство уже издавна находилось только въ преслѣдуемыхъ и подавляемыхъ актахъ. Книга, конечно, была одностороння, она преувеличиваетъ ошибки противниковъ, прикрашиваетъ слабыя стороны религіознаго фантазерства и мистицизма ересей, но тѣмъ не менѣе, она отвѣтила на потребности времени и возбудила самый оживленный интересъ. Понятно, что люди, затронутые книгой Арнольда, съ ожесточеніемъ напали на нее, но преслѣдуемые піэтисты приняли ее съ восторгомъ, и этотъ восторгъ представляетъ уже серьезное свидѣтельство о настроеніи общества. Далѣе въ піэтизмѣ началось и то мистическое фантазерство, которое, впослѣдствіи, овладѣваетъ масонскими ложами: піэтисты склонны были вѣрить въ тайныя силы природы, въ дѣланіе золота, въ добываніе жизненнаго элексира и т. п.—они думали, что Богъ обнаруживаетъ и здѣсь силу своихъ чудесъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ піэтистовъ конца XVII-го и начала

XVIII-го вѣка, Диппель, уже представляетъ собою примѣръ этой связи фантазерства религіознаго съ алхимическимъ: въ 1704 г. Диппель купилъ помѣстье, чтобы заняться тамъ алхиміей въ широкихъ размѣрахъ, и хотѣлъ расплатиться за покупку золотомъ, которое должна была дать ему алхимія. Съ конца XVII вѣка, въ средѣ піэтизма появляются и другіе спутники крайней экзальтаціи: являются вдохновенные, экстатики, духовидцы и т. п. Эти „возрожденные“ думали, что ихъ вѣра, широкая, какъ вѣра первыхъ христіанъ, даетъ имъ право видѣть и переживать такія же чудеса и сверхъестественныя видѣнія, какими ознаменованы первые вѣка; — немудрено, что они ихъ и видѣли. Наконецъ, послѣдней степенью піэтизма бывалъ и переходъ въ совершенно противную сторону, въ смѣлыя попытки свободнаго мышленія; очень любопытный психологическій примѣръ этой борьбы мысли представляетъ исторія замѣчательнаго эксцентрика и писателя этихъ временъ—Эдельмана.

Такимъ образомъ, англійское масонство, предлагавшее болѣе или менѣе чистый деизмъ внѣ всякихъ конфессіональныхъ ограниченій и съ большимъ просторомъ для личныхъ стремленій, могло встрѣтить совершенно подготовленную почву: піэтизмъ, въ разрывѣ съ официальной теологіей и, въ своихъ лучшихъ представленіяхъ, проникнутый христіанской любовью, былъ близкимъ предшествіемъ масонства. Развитіе послѣдняго объясняется въ большой мѣрѣ также политическими и общественными условіями нѣмецкой жизни, гдѣ гнетъ политическій и общественный былъ еще тяжеле, чѣмъ конфессіональный, и гдѣ нравственное чувство мыслящаго человѣка еще сильнѣе могло возмущаться существовавшей дѣйствительностью. Въ началѣ XVIII-го вѣка еще не было той системы „просвѣщеннаго деспотизма“, которая въ послѣдней половинѣ этого столѣтія, если не уничтожила, то по крайней мѣрѣ, нѣсколько смягчила прежнее зло. Время, о которомъ мы говоримъ, было временемъ феодально-канцелярскаго режима; деспотическій произволъ множества мелкихъ владѣльцевъ (до наполеоновскихъ войнъ они считались въ Германіи сотнями) крайне истощалъ страну, которая должна была содержать множество большихъ и маленькихъ дворовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, терпѣть отъ тяжести налоговъ, отъ дурныхъ судовъ и администраціи, политиче-

ская жизнь вертѣлась на интригѣ и не допускала свободной публичности. Все это оказывало свое дѣйствіе: религіозное броженіе соединялось съ общественнымъ; потребность дѣйствовать для общаго блага производила филантропію піэтистовъ и развивала манію къ братствамъ и тайнымъ обществамъ; тягость общественнаго положенія поддерживала мечты о первоначальномъ христіанствѣ, — піэтисты вѣрили въ утвержденіе царства Христова на землѣ.

Понятно изъ этого, что англійское масонство могло получить интересъ для подобной среды, и явившись въ Германію готовымъ учрежденіемъ, со всѣми аттрибутами высокихъ нравственныхъ цѣлей, таинственности и ритуала, оно должно было имѣть и дѣйствительно имѣло чрезвычайный успѣхъ. Самые искренніе, наиболѣе доброжелательные люди могли искать въ немъ отвѣта на вопросы времени: символическая іерархія представляла перспективу высшихъ знаній и высшей добродѣтели. Уже въ первое время распространенія ложъ въ Германіи въ числѣ адептовъ масонства являются владѣтельныя лица, въ первый разъ между людьми, раздѣленными общественнымъ положеніемъ, является сближеніе въ интересахъ личной и общественной нравственности и человѣколюбія.

Подобныя условія нашло масонство и въ другихъ странахъ Европы. Вездѣ оно встрѣчало церковный и политическій гнетъ, который вызывалъ въ образованной части общества нравственную реакцію; масонская ложа удовлетворяла развивавшейся потребности въ болѣе свободныхъ религіозныхъ взглядахъ о болѣе свободныхъ общественныхъ броженіяхъ; ея таинственныя формулы и обряды были заманчивы по своей новизнѣ и на первое время встрѣчали больше довѣрія, чѣмъ впослѣдствіи. Всему этому и надо, вѣроятно, приписывать быстрое распространеніе масонства на европейскомъ континентѣ.

Естественно, что новое учрежденіе, хотя и намѣренно удалявшееся отъ всякаго вмѣшательства въ политическіе предметы, заявлявшее полную покорность властямъ, тѣмъ не менѣе вызвало вражду и нападенія; потому что при всей скромности своихъ правилъ, оно заявляло новыя понятія и нарушало старые обычаи. Масонское общество или „орденъ“, какъ оно стало потомъ называться, уже вскорѣ должно

было защищаться отъ обвиненій, какія поднимались противъ него съ разныхъ сторонъ. Мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ одной подобной апологіи, которая доставитъ намъ образчикъ того, какъ говорилъ о себѣ самъ орденъ, и какія мнѣнія складывались о немъ въ это первое время. Мы возьмемъ для этого одну изъ самыхъ старыхъ апологій масонства, вышедшую въ 1742 г. [1]). Хотя масонское общество называется здѣсь орденомъ—вещь новая, а въ одной пѣснѣ, приложенной въ концѣ книги, уже упоминается chevalier de l'Aigle, одна изъ первыхъ выдуманныхъ „высшихъ степеней“, —но въ общемъ характерѣ книги остаются еще черты стараго масонства и тѣ простые взгляды на цѣль учрежденія, какіе должны были существовать при первомъ распространеніи его за предѣлы цеха, въ высшіе слои общества.

Въ своей защитѣ авторъ старается опровергнуть возраженія и обвиненія противъ масонства, уже возбуждавшаго подозрѣнія своей оргинальностью и таинственностью. Эти возраженія и обвиненія были тѣ, что масонство можетъ быть противно религіи вообще или отдѣльнымъ исповѣданіямъ; что его таинственность заставляетъ подозрѣвать какую-нибудь тайную безнравственность; что оно можетъ скрывать партію, противную властямъ; что масонство можетъ облегчать заговоры; что многіе члены общества ведутъ себя дурно и т. д.; наконецъ, что тайна общества не нарушается членами его изъ страха тайнаго убійства. Опровергнувъ всѣ эти подозрѣнія, авторъ Апологіи на вопросъ о цѣли ордена отвѣчаетъ такимъ образомъ:

„Я думаю,—говоритъ онъ,—что публика вправѣ сдѣлать намъ этотъ вопросъ; а мы, если есть какія-нибудь выгоды быть членами этого ордена, мы обязаны не скрывать ихъ: итакъ я считаю восемь главныхъ выгодъ:

„I. Орденъ соединяетъ въ одномъ духѣ мира и братства всѣхъ своихъ членовъ, какой бы партіи они ни были и въ какомъ бы исповѣданіи ни были воспитаны: такъ что каждый, оставаясь вѣренъ и ревностенъ къ своему собственному

---

[1]) Apologie pour l'Ordre des Francs-maçons. Par Mr N*** membre de l'ordre avec deux Chansons composés par le frère Americain. A la Hayl, chez Pierre Gosse et à Dresde, chez george Conrad Walther. 1742 (Клоссъ № 276.

исповѣданію, съ неменьшимъ жаромъ любитъ братьевъ, которые, правда, раздѣлены различіемъ въ объясненіи догматовъ и въ обрядахъ богослуженія, но которые однако же, каждый въ своемъ исповѣданіи, питаютъ ту же надежду и то же довѣріе къ вѣчной жертвѣ Бога, восхотѣвшаго умереть за нихъ. Это соединеніе тѣмъ болѣе удивительно, что оно могло бы показаться невозможнымъ, если бы опытъ, постоянно повторяющійся въ орденѣ, не доказывалъ, что это соединеніе дѣйствительно существуетъ въ немъ; это — соединеніе сердца, какого всегда желали самые мудрые и самые благочестивые люди, —если нѣтъ соединенія въ догматахъ...

„II. Орденъ дѣлаетъ братьями вельможъ и простыхъ людей (des Grands et des Petits); онъ сближаетъ ихъ другъ съ другомъ, не смѣшивая ни имущества, ни сословій,—въ чемъ онъ умѣлъ избѣжать опасности, въ которую впали нѣкоторые христіане послѣднихъ вѣковъ, которые хотѣли основать общность имущества между всѣми людьми, или, по крайней мѣрѣ, между всѣми людьми ихъ мнѣній,—вещь, совершенно неисполнимая, если бы ихъ общество стало многочисленно. Здѣсь знатный хочетъ уничижиться и сдѣлаться братомъ простого человѣка, и публично почтить его этихъ именемъ; онъ помогаетъ и покровительствуетъ ему во всѣхъ случаяхъ, справедливыхъ и согласныхъ съ правилами милосердія. Но если знатный хочетъ снизойти до незнатнаго, этотъ послѣдній рано научается не допускать въ себѣ гордости, не злоупотреблять братствомъ, столько для него лестнымъ и столько способнымъ утѣшить его въ посредственности его состоянія,—не забывать того, чѣмъ онъ обязанъ тому, что превосходитъ его положеніемъ, происхожденіемъ и средствами. Онъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ и вѣрностію исполняетъ тѣ справедливыя и разумныя услуги, которыхъ знатный отъ него требуетъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ это для брата, и брата признательнаго. Наконецъ, знатные и незнатные всѣ обязаны, каждый по своему положенію, взаимно содѣйствовать общему благу и счастію, и мало того, довольно рѣдко случается видѣть, чтобы эта обязаность пренебрегалась.

„III. Всѣ славные ордены, установляемые государями, составляютъ удѣлъ знатныхъ, недоступный для простыхъ

людей; орденъ, о которомъ мы говоримъ, возвращаетъ послѣднихъ остальнымъ людямъ, безразлично допуская ихъ на ряду съ самыми знатными лицами.

„IV. Всякій членъ ордена имѣетъ право войти во всѣ ложи міра, это выгода, которая, за недостаткомъ болѣе спеціальной рекомендаціи, доставляетъ владѣющему ей одно изъ самыхъ легкихъ средствъ познакомиться со многими хорошими людьми,—и которая, въ случаѣ непредвидѣннаго несчастія, какъ воровство, кораблекрушеніе и т. п., даетъ ему возможность найти помощь у братьевъ, пока онъ успѣетъ оглядѣться (de se reconnaitre), и извлечь изъ своихъ собственныхъ дарованій средства существованія; или, если онъ иностранецъ и имѣетъ ресурсы въ своемъ отечествѣ, пока онъ успѣетъ получить оттуда, что нужно, для исполненія своихъ плановъ, которые побудили его къ путешествію.

„V. Удовольствіе узнавать братьевъ, хотя и въ чужой странѣ, языкъ которой неизвѣстенъ, и никогда не видѣвши этихъ братьевъ прежде, узнавать посредствомъ языка и знаковъ, употребляемыхъ въ орденѣ повсемѣстно: этотъ языкъ и знаки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому, чтобы отличить брата отъ какого нибудь другого человѣка, который бы захотѣлъ ложно воспользоваться этимъ именемъ.

„VI. Удобство въ очень короткое время узнать знаки и выраженія, составляющіе этотъ своего рода универсальный языкъ. Средство, которое, за незнаніемъ языка страны, даетъ возможность понять и узнать другъ друга, въ какомъ бы мѣстѣ міра мы ни нашли братьевъ ордена.

„VII. Болѣе общая выгода состоитъ въ томъ, что если единство и братство въ извѣстныхъ отношеніяхъ простираются только на братьевъ самого ордена, то вмѣстѣ съ съ тѣмъ братья обязываются оказывать помощь и содѣйствіе всѣмъ другимъ людямъ, насколько позволяютъ имъ средства,—и дѣлать это, не обращая вниманія на религію или отечество этихъ людей, но по мѣрѣ той нужды, какую несчастные могутъ въ этомъ имѣть.

„VIII. Наконецъ, самыя обязательныя правила братьевъ составляютъ, 1) исполненіе: обязанностей къ Богу,—каждый дѣлаетъ это смотря по тому, что предписываетъ христіанская религія вообще и, въ частности, то изъ христіанскихъ

исповѣданій, въ которомъ онъ выросъ; 2) неизмѣнная вѣрность государю, или въ качествѣ его природнаго подданнаго, или пріобрѣтеннаго, или, наконецъ, въ качествѣ человѣка, живущаго въ его государствѣ и пользующагося публичной безопасностью подъ его покровительствомъ; 3) любовь къ своему собственному семейству и забота о немъ; 4) милосердіе, всегда готовое дѣйствовать въ пользу ближняго, подъ именемъ котораго разумѣются по началамъ христіанской вѣры всѣ люди, не исключая и самыхъ враговъ [1]).

Но такое положеніе вещей сохранялось, повидимому, очень недолго. Новая среда должна была оказать свое вліяніе на характеръ общества и когда оно пріобрѣло обширный кругъ членовъ, оно скоро подверглось различнымъ искаженіямъ. Въ Англіи масонство стояло выгоднѣе, потому что было до нѣкоторой степени естественнымъ продолженіемъ стараго учрежденія и существовало въ обществѣ болѣе свободномъ. Здѣсь обстоятельства были иныя, оно легче подпадало постороннимъ вліяніямъ, ему легче было подставить другія цѣли, чѣмъ тѣ, какія въ немъ собственно были.

Во-первыхъ, орденъ представлялъ только немногіе положительные пункты содержанія, онъ не имѣлъ строго опредѣленной системы понятій и при каждомъ переходѣ въ новую обстановку орденъ долженъ былъ опредѣляться характеромъ самихъ людей. Масонство представляло внѣшнія формальности, проповѣдовало нравственную „работу" надъ „камнемъ", взаимную братскую помощь, — но ближайшее опредѣленіе его тенденцій и ихъ практическое исполненіе могло быть очень разнообразно. Поэтому къ ордену могли принадлежать и люди довольно свободныхъ религіозныхъ мнѣній, раціоналисты, отдѣлившіеся отъ оффиціальной церковности или равнодушные къ ней, и піэтисты со всѣми ихъ увлеченіями; здѣсь были и люди просвѣщенные, и здѣсь же, какъ увидимъ, могли найти себѣ пріютъ всевозможное мистическое шарлатанство и крайній обскурантизмъ. Наконецъ, въ орденѣ, вѣроятно также рано, явились и люди совершенно пустые, которые искали въ немъ одного развлеченія и застольныхъ удовольствій; или люди, избалованные аристократической лѣнью и желавшіе, цѣною нѣскольких формаль-

---

[1]) Стр. 110—117.

ностей, достигнуть высшаго знанія, на которое имъ не хотѣлось потратить времени, нужнаго для серьезнаго образованія.

Наконецъ, существенно подѣйствовали на орденъ разныя, между прочимъ, политическія интриги и простой обманъ.

Прежде всего это обнаружилось въ основаніи и распространеніи такъ называемыхъ высшихъ степеней.

Исторія ихъ до сихъ поръ темна и запутана. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что масонскіе руководители начали утверждать, что три извѣстныя масонскія степени не заключаютъ въ себѣ всей той мудрости и таинственнаго ученія, какими владѣетъ масонство, что эти ученія сообщаются въ высшихъ степеняхъ, слѣдующихъ за степенью мастера. Когда разъ поданъ былъ примѣръ новаго изобрѣтенія, оно распространилось чрезвычайно быстро; въ масонствѣ размножились различныя „системы", и за исключеніемъ англійскаго масонства, не осталось масонскаго союза, который бы не былъ преисполненъ высшими степенями.

Высшія степени легко прививались къ масонству потому уже, что масонство постоянно говорило о тайнѣ и основывалось на легендѣ, которая способна была къ развитію и варіаціямъ. Символическая тайна ремесленнаго каменьщичества, въ новой формѣ масонства, стала тайной нравственнаго знанія, которой масонская легенда давала смыслъ тайнаго ученія, будто бы переходившаго съ древнѣйшихъ временъ, отъ одного поколѣнія избранныхъ людей къ другому. Первая исторія ордена, помѣщенная при „Конституціяхъ" Андерсена (1723 г.), уже ссылалась обстоятельно на древнія времена и ихъ высокую мудрость. Если тайна масонства принадлежала только избраннымъ, и если вся глубина ея доставалась только немногимъ, то понятно, что начавъ съ этого, можно было, наконецъ, эксплуатировать эту „тайну", и притомъ въ любомъ желаемомъ смыслѣ. Разъ убѣжденный и легковѣрный масонъ становится искателемъ этой тайны, и людямъ съ нѣкоторою изобрѣтательностью и знаніемъ масонскихъ пріемовъ не трудно было сочинять новые градусы, сверхъ трехъ общепринятыхъ. Эти новые „градусы" появляются вообще около 1740 г. или немного раньше, и первая эксплуатація масонства, какъ говорятъ, началась подъ іезуитскими вліяніями, когда масонству хотѣли дать скрытую

цѣль возстановленія Стюартовъ. Первымъ источникомъ „высшихъ степеней“ были французскія ложи, или англійскія ложи во Франціи. Шотландецъ Рамзай (1686—1743), воспитатель и приверженецъ претендента Карла Эдуарда Стюарта (Іаковъ III), считается вообще основателемъ высшихъ степеней; онъ первый имѣлъ въ этомъ смыслѣ рѣшительное вліяніе и поставилъ масонство въ связь съ крестовыми походами и мальтійскимъ рыцарствомъ. Нѣсколько позднѣе стали выдавать его за прямое продолженіе и наслѣдіе тампліерства или храмовыхъ рыцарей, которые были будто бы спеціальными хранителями и служителями древней „тайны“. Рыцарство или рыцарскія степени стали съ этихъ поръ почти всеобщей принадлежностью высшихъ степеней. Масонское общество начинаетъ (около 1740 г.) называться орденомъ.

Само собою разумѣется, что историческая преемственность, которую утверждали новѣйшіе рыцари, требовала доказательствъ; необходима была исторія ордена, и дѣйствительно явились цѣлыя поддѣльныя исторіи съ разными варіаціями по разнымъ „системамъ“. Такъ, напр., сочинена была цѣлая исторія тампліерства, въ которой перечислены были всѣ мнимые гермейстеры ордена, отъ Якова Моле, сожженнаго въ XIV столѣтіи, до барона фонъ-Гунда, который въ 1751 году вообразилъ себя гермейстеромъ возобновленнаго тампліерства. Изобрѣтатели подложныхъ исторій должны были, конечно, заботиться объ исторической вѣроятности своихъ разсказовъ; для этого они рылись и въ дѣйствительной исторіи, придумывая, вѣроятно, комбинаціи событій, собирая таинственные символы и преданія. Впослѣдствіи знатоки дѣла, какъ напр. Николаи, нападали на слѣды поддѣлокъ и отыскивали мнимыя тайны, сохранившіяся будто бы по преданію только въ орденѣ,—въ печатныхъ археологическихъ книгахъ XVII столѣтія, но на первое время и въ той мало ученой публикѣ, къ которой обращались прежде всего эти изобрѣтенія, поддѣлки и не подозрѣвали, и ея отчетливость усиливала убѣжденіе новыхъ адептовъ въ великой древности и старой славѣ ордена. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы видѣть поддѣлку, надо было быть ученымъ археологомъ, надо было напасть на тѣ же книги, обыкновенно рѣдкія и забытыя, которыми пользовались изобрѣтатели,—а гдѣ же можно было найти такую ученость между французскими

сеньорами, нѣмецкими баронами и купцами (не говоря уже о старыхъ русскихъ барахъ и среднемъ дворянствѣ), изъ которыхъ набирался главный контингентъ ордена? Впослѣдствіи въ этомъ новомъ усовершенствованномъ масонствѣ не разъ открывались самые наглые обманы, такого и подобнаго рода,—но первое впечатлѣніе было уже сдѣлано, и легковѣріе находило себѣ выходы, относя обманъ только къ отдѣльнымъ дурнымъ людямъ, или къ одному частному случаю, и продолжало держаться прежняго.

Такъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ держалось мнимое „тампліерство“, въ разныхъ своихъ формахъ имѣвшее поклонниковъ и у насъ. Около половины XVIII-го столѣтія нѣмецкій масонъ, баронъ Гундъ, вступилъ въ Парижѣ въ сношенія съ англійскимъ претендентомъ (это былъ уже третій претендентъ, Карлъ-Эдуардъ) и его совѣтниками, и здѣсь рѣшена была новая интрига. Для приданія Клермонской системѣ большей важности, пущена была въ ходъ исторія (для которой сфабриковали фальшивыя грамоты и пергаменты) о непосредственномъ происхожденіи этого масонства отъ знаменитаго средневѣковаго ордена Тампліеровъ. Это была извѣстная въ исторіи масонства система „строгаго наблюденія“ (stricta observantia), которая, при крайнемъ легковѣріи адептовъ, нашла въ Германіи множество ревностныхъ приверженцевъ. Баронъ, повидимому, имѣлъ при этомъ свои соображенія: интересы Карла-Эдуарда отступали на второй планъ, и въ виду имѣлось сдѣлать изъ масонства настоящій рыцарскій союзъ дворянства, и покамѣстъ союзъ еще не основался въ полной формѣ, Гундъ, какъ говорятъ, умѣлъ извлечь выгоды изъ своей масонской индустріи [1]).

---

[1]) Такъ какъ „Тампліерство“ играетъ извѣстную роль въ нашемъ масонствѣ, то мы приведемъ нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей объ этомъ орденѣ, разсказываемыхъ Мовильономъ (который самъ былъ въ числѣ посвященныхъ) въ его „Исторіи Фердинанда Брауншвейгскаго“:

„Гундъ показалъ полномочіе, будто бы полученное имъ отъ истинныхъ хранителей и преемниковъ тайны тампліерства, и назначавшее его провинціальнымъ гросмейстеромъ всей Германіи и сѣвера. Онъ самъ составилъ себѣ орденскій совѣтъ изъ членовъ, которыхъ содѣйствіе считалъ особенно нужнымъ и полезнымъ для достиженія своей цѣли. Этимъ способомъ и нѣкоторыми другими средствами дѣло пріобрѣло большой успѣхъ. Въ самомъ тайномъ кружкѣ этого

Не мудрено, что когда поданъ былъ первый примѣръ такой эксплуатацiи или такихъ украшенiй масонства, этотъ примѣръ нашелъ немало послѣдователей, отчасти фантазеровъ, которые и сами до нѣкоторой степени вѣрили въ выдумки, отчасти простыхъ обманщиковъ. Такъ послѣ тампліерства является шведское масонство, система Циннендорфа, „Клерикатъ", Розенкрейцерство и т. д. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ масонскія дѣла находились въ особенномъ оживленiи, и въ средѣ ложъ происходили усиленныя интриги и волненiе: въ масонство проникаютъ новыя формы мистицизма и новые извращающiе элементы. Изъ новыхъ масонскихъ сектъ для исторiи русскихъ ложъ особенный интересъ представляетъ нѣмецкое розенкрейцерство или „орденъ златорозоваго креста".—Это была первоначально темная мистическая и каббалистическая секта, заявившая о себѣ еще въ началѣ XVII-го столѣтія; теперь вздумали возобновить ее, приписывая розенкрейцерству древнее происхожденiе, будто бы доходившее до самого Адама. Розенкрейцеры хвалились глубокимъ знанiемъ теософiи и тайнъ природы, перешедшимъ къ ихъ ордену по преданiю отъ древнѣйшихъ временъ, и во второй половинѣ XVIII-го вѣка успѣли занять въ нѣмецкихъ ложахъ влiятельное мѣсто. Розенкрейцеры выдавали свои познанiя за высшiя степени обыкновеннаго масонства; этихъ степеней стали всѣми силами добиваться простодушные люди, искренно искавшiе разрѣшенiя вопросовъ о божествѣ, человѣкѣ и

союза былъ введенъ весь церемонiалъ и все устройство рыцарскаго ордена... при раздачѣ степеней, онъ соображался съ происхожденiемъ, связями, богатствомъ... Эта система отдѣлилась отъ всѣхъ вѣтвей масонства, и правители ея требовали отъ подчиненныхъ имъ ложъ, чтобы онѣ не допускали въ свой составъ никакихъ другихъ братьевъ изъ другихъ ложъ,—какъ дѣлаютъ люди, ожидающiе и надѣющiеся получить большiя богатства, относительно всякого, кто желалъ бы получить долю вмѣстѣ съ ними... Видя, что множество богатыхъ и знатныхъ людей ревностно предавались этой отрасли масонства, очень многiе стремились попасть въ ихъ общество. Но доступъ былъ не легокъ и открытъ далеко не каждому: особеннымъ затрудненiемъ были огромныя издержки и правило, по которому принимались въ члены почти только богатые люди, чтобы ихъ приношенiями покрывались расходы и составлялись капиталы. Разумѣется, съ перваго взгляда видно, что вся эта продѣлка была обманомъ". (Шлоссеръ. Ист. Восемн. Стол., т. III).

природѣ,—люди, которые не въ состоянiи были разъяснить себѣ этихъ вопросовъ путями научнаго знанія, и потому совершенно безоружно отдавались во власть самаго безграничнаго мистицизма. Мы увидимъ, что „розенкрейцерскія степени"—главнѣйшимъ раздавателемъ которыхъ былъ подъ конецъ столѣтія прусскій министръ Вёлльнеръ, въ Берлинѣ—были предметомъ горячихъ стремленій и для нашихъ масоновъ.

Въ розенкрейцерствѣ масонство, первоначально либерально-деистическое, становилось сектой крайнихъ мистиковъ и потому обскурантовъ. Къ этому извращенію масонства присоединились, какъ утверждаютъ, и іезуитскія интриги. Мы видѣли, что іезуиты уже при первомъ появленіи масонства на континентѣ, съумѣли попасть въ него и захватить часть его въ свои руки; баронъ Гундъ также стоитъ къ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. — Орденъ дѣйствительно могъ казаться для іезуитовъ удобнымъ средствомъ для различныхъ цѣлей: онъ могъ доставлять многочисленныя связи, съ помощью которыхъ можно было обдѣлывать разныя нужныя дѣла; онъ могъ приносить имъ и болѣе обширную пользу, потому что масонство, съ развитіемъ его теософско-мистическаго вздора, могло успѣшно служить для помраченія головъ, къ которому они всегда стремились. Интриги іезуитовъ въ этомъ смыслѣ въ особенности усилились при запрещеніи ордена (1773 г.): запрещеніе уничтожило его оффиціальныя формы, но, конечно, не уничтожило людей и ихъ коренныхъ стремленій; множество эксъ-іезуитовъ, явныхъ и тайныхъ, сохранили вліятельныя положенія, особенно придворныя, при которыхъ имъ было очень удобно работать втихомолку для возвращенія прошедшаго и для поддержанія принципа.

Отчасти въ связи съ іезуитскими продѣлками стоитъ и необычайное развитіе шарлатанства. Весьма крупными шарлатанами были уже и сами основатели тампліерства или розенкрейцерства; но были люди, еще болѣе нагло промышлявшіе мнимой масонской мудростью или мистическими чудесами. Таковы были, напр., знаменитый въ свое время дармштатскій оберъ-гофпредигеръ Штаркъ, изобрѣтатель тампліерскаго „клериката", или мнимой духовной отрасли этого масонскаго рыцарства; или пасторъ Роза, проповѣ-

дывавшій каббалистическую философію въ іенской ложѣ, которая пріобрѣла этимъ большую славу. Таковъ былъ и извѣстный въ лѣтописяхъ масонства Джонсонъ (собственно Беккеръ, или Лейксъ), который выдавалъ себя за посланнаго отъ высшихъ орденскихъ властей Шотландіи въ Германію, для преобразованія масонства. Ему удалось собрать съ этой цѣлью братьевъ „строгаго наблюденія" на масонскій конгрессъ въ 1764 г. Здѣсь выбранъ былъ гросмейстеромъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій. Джонсонъ утверждалъ, что его преслѣдуетъ по пятамъ Фридрихъ Великій; поэтому, на конгрессѣ онъ разставилъ братьевъ на стражу въ полномъ тампліерскомъ вооруженіи, и, покамѣстъ эти патрули разъѣзжали, а остальные братья занялись пустыми церемоніями, Джонсонъ сдѣлался невидимъ—вмѣстѣ съ кассой ордена. Противъ этого чуда были однако приняты мѣры: Джонсонъ былъ изловленъ и посаженъ въ Вартбургъ, потому, вѣроятно, что обманывалъ уже слишкомъ крупныхъ людей. Наконецъ, подъ фирмой масонства стали совершаться шарлатанства неслыханныхъ дотолѣ размѣровъ; орденъ становился гнѣздомъ самаго наглаго обмана и пошлаго невѣжества. Въ немъ пропадали послѣднія искры его первоначальнаго характера, и онъ все больше становился на дорогу мистическаго фанатизма, злобной вражды къ просвѣщенію и эксплуатаціи невѣжества и дурныхъ страстей. Въ то же время, когда патеръ Гаснеръ, стоявшій въ ближайшемъ отношеніи къ іезуитамъ, совершалъ свои чудесныя исцѣленія, доходившія до настоящаго скандала, но, впрочемъ, приводившія въ восторгъ Лафатера [1]), -въ средѣ самого ордена происходили не менѣе дикія вещи: одни были духовидцы, по Сведенборгу; другіе обращали на мистическія цѣли животный магнетизмъ, провозглашенный тогда Месмеромъ; содер-

---

[1]) Этотъ оракулъ тогдашняго моднаго свѣта отличался самымъ нелѣпымъ легковѣріемъ; онъ не только находился въ сантиментально-мистической перепискѣ съ Гаснеромъ, но и вѣрилъ въ шарлатанскія чудотворенія Каліостро. „Кто былъ бы выше его,—восклицалъ Лафатеръ,—если бы онъ понималъ простоту Евангелія"! Въ 1781 г. онъ посѣтилъ Каліостро въ Страсбургѣ, но Каліостро принялъ его довольно жестко и сказалъ ему слѣдующее: „Если изъ насъ двоихъ больше знаете вы, то я вамъ вовсе не нуженъ; если же больше знаю я, то вы мнѣ вовсе ненужны". Лафатеръ долженъ былъ понять, на какую доску ставилъ его Каліостро; но онъ не исправился и послѣ.

жатель кофейной въ Лейпцигѣ, Шрёпферъ, занимался вызываніемъ духовъ; розенкрейцеры занимались алхиміей и магіей; наконецъ, стоитъ назвать имена Сенъ-Жермена, Казановы, Каліостро, чтобы показать размѣры мистификаціи, обходившей всю Европу и опять выбиравшей орденъ сценой своихъ подвиговъ. Каліостро выдумалъ даже, для большаго удобства своихъ представленій, особый, „древнеегипетскій орденъ", основателями котораго онъ называлъ уже не меньше, какъ Еноха и Илію, и находилъ простяковъ, которые шли къ нему. Были, правда, и теперь люди, проникнутые искренней любовью къ человѣчеству и старавшіеся возвратить ордену его прежній нравственный характеръ; но эти люди были пока безсильны противъ мистическаго помраченія. Мы увидимъ дальше, что это извращенное положеніе вещей отразилось своими вліяніями и на тѣхъ людяхъ нѣмецкаго общества, которые хотѣли бороться съ іезуитами и обскурантами: иллюминатство, основанное съ этой послѣдней цѣлью, заимствовало отсюда многія свои непривлекательныя черты.

Чтобы закончить характеристику этого положенія вещей бросающаго много свѣта и на складъ тогдашняго русскаго масонства,—мы приведемъ нѣсколько сужденій Шлоссера, который былъ близокъ къ эпохѣ этого удивительнаго броженія умовъ и, по своей общей точкѣ зрѣнія, можетъ быть признанъ вполнѣ компетентнымъ судьей. Начиная свой разсказъ о разныхъ тайныхъ орденахъ въ Германіи во второй половинѣ XVIII-го вѣка, онъ говоритъ:

„Большинство всѣхъ тѣхъ людей, о которыхъ мы будемъ разсказывать, не были ни шарлатанами въ тѣсномъ смыслѣ слова, ни людьми пустыми, ни совершенно презрѣнными людьми (какъ баронъ Книгге), думавшими только о выгодѣ и житейскихъ удобствахъ, отрицавшими и презиравшими все высокое и благородное въ человѣкѣ,—большинство главныхъ дѣятелей въ этихъ обществахъ было вовсе не таково... Эти люди и эти ордена, съ ихъ пристрастіемъ къ таинственнымъ церемоніямъ и ученіямъ, представляются намъ не столько виновниками, сколько результатами медленно развивавшагося новаго порядка вещей, слѣдовательно, представляются средствами и орудіями вѣчнаго хода судебъ, порождающаго и уничтожающаго міры, пользующагося то

формою для выработки содержанія, то содержаніемъ для выработки формы...

„Почти всѣ основатели тайныхъ обществъ старались пользоваться для своихъ цѣлей символами, гіероглифами и ложами масоновъ, и невинныя игрушки этого тайнаго общества часто употреблялись во зло. Обрядъ принятія въ члены, съ клятвами и торжественностью, повышеніе изъ степени въ степень, подчиненіе однихъ другимъ,—все это привлекало въ орденъ членовъ; символы и гіероглифы возбуждали въ простякахъ и глупцахъ надежду получить за свои деньги знаніе важныхъ тайнъ; ловкіе люди, сластолюбцы и авантюристы искали и находили въ орденѣ покровителей, протекцію, рекомендацію, свѣтскія удовольствія, пріятность которыхъ усиливалась замкнутостью для непосвященныхъ. Скептикъ могъ говорить въ ложахъ свободнѣе, чѣмъ въ простомъ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ слѣдила за нимъ государственная и церковная полиція. Люди, хотѣвшіе пользоваться орденомъ для своихъ выгодъ, завлекали своихъ масонскихъ братьевъ, придумывая формы „строгаго“ и „слабаго наблюденія“, циннендорфства и розенкрейцерства, мартинизма, тампліерства и т. д.

„Принцы, графы, бароны, праздношататели и богачи искали въ тайныхъ обществахъ философскаго камня и пріобрѣтаемой безъ труда мудрости,—эти привиллегированные въ гражданскомъ быту люди хотѣли получать и знаніе по привиллегіи... Люди, находящіе слишкомъ обременительнымъ медленный, предписанный человѣку Провидѣніемъ путь къ цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій, посредствомъ труда, усилій, мышленія, всегда возлагали свою надежду на внезапное раскрытіе тайны извѣстныхъ знаковъ и символовъ.

„Самъ Фридрихъ Великій, при окочаніи Силезской войны, еще принадлежалъ къ ордену, и вышелъ изъ него лишь незадолго передъ Семилѣтней войной, въ ту самую эпоху, когда начали злоупотреблять орденомъ для всякихъ обмановъ, и запретилъ посѣщать ложи своимъ министрамъ, бывшимъ членамъ ордена. Обманщики стали пользоваться ложами и тайнами масоновъ еще въ 1760—70 годахъ, и нѣкоторые изъ этихъ людей пріобрѣли огромное вліяніе на орденъ, имѣвшій тогда множество членовъ... Мечтатели и плуты находили для себя большое удобство пользоваться

для своихъ цѣлей орденомъ, который, по своему устройству, только немногимъ посвященнымъ давалъ ключъ таинственнаго тумана... Такъ называемое масонство „строгаго наблюденія" сдѣлало многихъ нѣмецкихъ государей, бароновъ и и графовъ орудіями и жертвами плутовъ; нѣкоторые, напримѣръ, храбрый Фердинандъ Брауншвейгскій, не образумились и тогда, когда всѣ обманщики, одинъ за другимъ, были публично разоблачены.

„Эксъ-іезуитамъ,—замѣчаетъ Шлоссеръ о томъ же предметѣ въ другомъ мѣстѣ,—была очень пріятна и полезна мечтательность, появившаяся тогда между протестантами, какъ реакція противъ легкомыслія энциклопедистовъ... Наклонность нѣмецкихъ, и вообще сѣверныхъ натуръ, сочинять себѣ очаровательные призраки въ туманахъ фантазіи, и подъ суровымъ небомъ, при скудости и тяжести общественной жизни, создавать себѣ другую жизнь въ мечтѣ,—эта наклонность, возведенная въ философскую систему Лафатеромъ, Клавдіусомъ, Гаманномъ и др., увлекала тогда всѣ чувствительныя нѣмецкія натуры къ мистическому сантиментализму.

„Этою наклонностью добродушныхъ нѣмцевъ уноситься духомъ изъ страны рабства, повиновенія и смиренія, въ которой живетъ ихъ тѣло, въ воздушныя высоты фантазіи, а не однимъ вліяніемъ іезуитства и шарлатанства, надобно объяснять тогдашнее фиглярство тайныхъ обществъ и мистически сантиментальный лунатизмъ многихъ модныхъ писателей того времени" [1]).

ГЛАВА II.

Масонскій ритуалъ.

Развитіе масонскаго ритуала шло параллельно съ размноженіемъ системъ: каждая имѣла свой обрядникъ, поэтому въ послѣднемъ періодѣ масонства ритуаловъ было множе-

[1]) Шлоссеръ, Ист. Восемн. Столѣтія, т. III.

ство, и изданія ихъ представляютъ цѣлую обширную литературу.

Въ трехъ первыхъ степеняхъ, сохранившихся по традиціи и отъ англійскаго масонства, ритуалы вообще довольно сходны, въ дальнѣйшихъ степеняхъ весьма разнообразны, хотя и въ нихъ господствуетъ тотъ же мистико-символическій стиль.

Мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о первоначальной формѣ и дальнѣйшемъ развитіи ритуала.

Гросмейстеръ русскихъ ложъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, Елагинъ, разсказывая о своихъ отношеніяхъ къ англійской „Великой Ложѣ", жалуется, что эта ложа „раздаетъ одни токмо на постановленіе ложъ грамоты, повелѣвающія работать въ первыхъ трехъ іоанновскихъ степеняхъ, да и на сіи работы письменно ничего не сообщаетъ" [1]). Дѣйствительно, основной законъ масонства запрещалъ какимъ бы то ни было способомъ изображать, писать, печатать и т. д. тайну общества, и потому старыя ложи не печатали ритуаловъ, и не сообщали ихъ письменно, какъ это дѣлали потомъ всѣ новыя системы. И если на дѣлѣ существуетъ много изданій англійскаго и другихъ ритуаловъ (такія изданія начинаются уже съ 1725 г.), то ложи утверждали, что все это были только такъ называемыя измѣнническія изданія, дѣланныя людьми, предавшими тайну. Ложи отказывались отъ подобныхъ изданій, даже иногда опровергали ихъ, хотя новѣйшіе историки сознаются, что опроверженія были натянутыя, что измѣнническія изданія вообще передавали подробности ритуала достаточно вѣрно, и поэтому могутъ служить надежнымъ историческимъ источникомъ для изученія масонской старины.

Въ настоящемъ случаѣ мы и обратимся къ этимъ источникамъ. Хотя, къ сожалѣнію, намъ доступна была только одна доля старыхъ ритуаловъ, но это дѣлаетъ мало раз-

---

[1]) „Р. Арх." 1864, ст. 598. Ср. Handb. III. 73. Есть извѣстіе, что, за отсутствіемъ письменныхъ „актовъ" англійскихъ, Елагинъ заимствовалъ ритуалы іоанновскихъ степеней шведской системы у Рейхеля (см. Handb. III. 492). Если это дѣйствительно и было, то можно думать, что въ этихъ степеняхъ тогда еще не было большой разницы съ англійскими.

ницы для нашей цѣли—познакомиться съ общимъ характеромъ стараго масонскаго ритуала.

Дѣло въ томъ, что при самомъ основанiи „Великой Ложи“ англiйское масонство раздѣлилось на двѣ вѣтви, Старыхъ и Новыхъ масоновъ (Ancient and Modern Masons). Исторiя этого раздѣленiя до сихъ поръ очень темна; но сущность его заключалась, кажется, въ слѣдующемъ. При своемъ основанiи (1717), „Великая Ложа“ не соединила въ своемъ управленiи всего количества ложъ, такъ что внѣ ея оставалось извѣстное число братьевъ, рабочихъ-каменьщиковъ, продолжавшихъ свои прежнiе, масонскiе обычаи и составлявшихъ ложи. Кромѣ того, сама „Великая Ложа“, повидимому, порождала недовольныхъ: расширивъ общество каменьщиковъ на лица, постороннiя рабочему классу, а напротивъ часто принадлежавшiя высшимъ сословiямъ, она ввела въ общество извѣстную привиллегiю, установила новыя и почетныя должности въ своей средѣ, наконецъ, присвоила себѣ господствующее положенiе: подобныя мѣры были почти неизбѣжны при реформѣ, но онѣ нарушали равноправность ложъ и должны были возбуждать неудовольствiе. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ измѣненiемъ характера общества, съ его централизацiей и вступленiемъ въ него сильнаго нерабочаго элемента, должно было утрачиваться и многое изъ самыхъ обычаевъ: старые каменьщики еще сберегали ихъ и, по свидѣтельству Андерсона, могли съ помощью этихъ старыхъ обычаевъ понимать другъ друга даже и безъ тѣхъ масонскихъ знаковъ, какiе были теперь приняты и освящены „Великой Ложей“,— „и этихъ обычаевъ,— говоритъ Андерсонъ,—не могли угадать даже самые опытные и ученые люди, при всѣхъ своихъ старанiяхъ, между тѣмъ, какъ старымъ каменьщикамъ не надо было даже и говорить, чтобы понять другъ друга“... Но „Великая Ложа“ никакъ не хотѣла допускать раскола и не признавала этихъ каменьщиковъ, которые между тѣмъ, опираясь на старые обычаи, съ своей стороны принимали новыхъ членовъ, и, повидимому, въ особенности изъ низшаго и средняго класса. „Великая Ложа“ принимала противъ нихъ свои мѣры и, наконецъ, чтобы совершенно закрыть для нихъ входъ въ свое общество, произвела въ своей практикѣ нѣкоторыя, впрочемъ, неважныя, измѣненiя. Противная партiя ухватилась за этотъ случай,

чтобы выдать себя за настоящихъ старыхъ масоновъ, а „Великую Ложу“ съ ея послѣдователями назвала новыми. Названіе старыхъ до извѣстной степени было правильно, но въ другомъ отношеніи и неправильно, потому что къ расколу старыхъ масоновъ присоединились потомъ и нѣкоторыя совершенно новыя тенденціи. Именно, нашелся ревностный масонъ, который составилъ для Старыхъ масоновъ законодательную книгу и поддержалъ ихъ стремленія къ отдѣленности, рѣзко нападая на „Великую Ложу“: въ самомъ законѣ новаго еще не было, но зато у Старыхъ масоновъ явилась новая степень, или усовершенствованіе степени мастера, Royal-Arch, занесенная, какъ полагаютъ, изъ главнѣйшаго источника высшихъ степеней—Франціи. Это было уже чистое нововведеніе, гдѣ „старые“ масоны вовсе не были вѣрны старинѣ. Въ 1772 г. Старые масоны успѣли, наконецъ, утвердиться окончательно, когда гросмейстеромъ ихъ собственной „Великой Ложи“ сдѣлался въ первый разъ человѣкъ изъ высшей аристократіи, герцогъ Атольскій. Такимъ образомъ явились двѣ „Великія Ложи“, но главное вліяніе все-таки оставалось за „Великой Ложей“ 1717 года, той, которой Старые масоны давали названіе новой: отъ нея, почти исключительно, распространялись ложи „англійской системы“ на континентѣ, между прочимъ и русскія ложи, и за ней сохранился историческій авторитетъ.—Двѣ враждебныя Великія Ложи соединились, наконецъ, послѣ взаимныхъ уступокъ, уже только въ 1813 году.

Каждая изъ этихъ Великихъ Ложъ представляетъ свои ритуалы въ упомянутыхъ измѣнническихъ изданіяхъ. Ритуалы и обычаи собственной Великой Ложи (1717) изложены въ книгѣ Причарда (Sam. Prichard, Masonry dissected, Lond. 1730, 21 изд. 1787), у Престона (Will. Preston, Illustrations of Masonry, Lond. 1772, 15 изд. 1840), и въ болѣе новомъ видѣ у Броуна (I. Browne, The Master Key, Lond. 1794 и пр.) и друг.

Ритуалы Старыхъ масоновъ въ книгахъ: Jachin and Boaz, or an Authentic Key to the door of Free-Masonry, both ancient and modern, Lond. 1762, т. е.: „Іакинъ и Боазъ, или подлинный ключъ къ двери Франкъ-Масонства, стараго и новаго“; The three distinct Knocks, or the Door of the most ancient Free-Masonry, opening to all Men, etc. Lond. 6-е изд.

около 1767, т. е.: „Три сильные (или ясные, слышные) удара, или дверь древнѣйшаго Франкъ-Масонства, открывающаяся для всѣхъ людей“ [1]) и др.

Къ сожалѣнію, мы могли пользоваться только этими послѣдними книгами и не имѣли подъ руками Причарда. Разница ритуаловъ, впрочемъ, не такъ значительна, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться по сличенію съ цитатами изъ ритуала Великой Ложи въ другихъ книгахъ [2]). Для сравненія можетъ служить также то, менѣе отчетливое, но, кажется, достовѣрное изложеніе англійскаго ритуала, которое находится въ книгѣ „Масонъ безъ маски“. (Спб. 1784); подлинникъ ея, подъ названіемъ „Le Macon demasqué“ etc., вышелъ въ Лондонѣ въ 1751 г. [3]). Замѣтимъ, наконецъ, что многія подробности сохраняются въ этихъ разныхъ ритуалахъ буквально сходно.

---

[1]) Клоссъ, № 1887, 1888. [Wolfstieg № 29983 и 29981].

Изданіе „Іакина и Боаза“, 1811, есть въ Академической библіотекѣ. Престонъ, въ изд. 1812 года, въ Публичной библіотекѣ. Ритуалъ „старыхъ масоновъ“ переданъ у Краузе, Die drei ältesten Kunsturkunden der Freimaurerbrüderschaft, 1-е изд. Дрезд., 1810. Оттуда мы беремъ дальше варіанты изъ книги Причарда и Броуна.

[2]) Прежніе масонскіе историки, какъ Краузе, придавали первостепенное значеніе именно „Подлинному ключу“ и „Тремъ сильнымъ ударамъ“. Новые приписываютъ имъ болѣе позднее происхожденіе и осуждаютъ Краузе, дѣйствительно преувеличивающаго дѣло; но люди безпристрастные, какъ Финдель, (стр. 188), считаютъ этотъ ритуалъ „immer noch ein achtungswerthes Denkmal unserer Bruderschaft und eines gründlichen sorgfältigen studiums werth“. Разница состоитъ, напр., въ числѣ вопросовъ (у Причарда 92, въ „Іакинѣ и Боазѣ“ 108) и въ томъ, что самые отвѣты въ „Іакинѣ и Боазѣ“ нѣсколько подробнѣе. Но во всякомъ случаѣ ритуалъ „Іакина и Боаза“ несравненно ближе къ ритуалу Великой Ложи, чѣмъ ритуалы новѣйшихъ системъ, хотя и въ этихъ послѣднихъ первыя три степени вообще сохранились въ своей старой формѣ; и въ самомъ этомъ различіи скорѣе нужно, кажется, видѣть варіанты дѣйствительно существовавшихъ обычаевъ, чѣмъ простое изобрѣтеніе Старыхъ Масоновъ; первое объясненіе кажется намъ гораздо болѣе сообразнымъ съ историческими вѣроятностями. Наконецъ, для нашей настоящей цѣли—указать общія черты стараго англійскаго ритуала и его историческое положеніе въ развитіи масонскаго содержанія и обрядности, разница стараго и новаго англійскаго масонства теряютъ большую долю своего значенія.

[3]) Клоссъ, № 1882, 1883. [Wolfstieg № 29975]. Англійскій пе-

„Подлинный ключъ“ и „Три сильные удара“, къ которымъ мы присоединимъ указанія Причарда, передаютъ общія черты англійскаго ритуала слѣдующимъ образомъ: [1])

Человѣкъ, который хочетъ сдѣлаться Франкъ-Масономъ, долженъ познакомиться съ членомъ какой-нибудь хорошей ложи, и этотъ послѣдній предложитъ его кандидатомъ въ слѣдующемъ собраніи. Братъ, предлагающій новаго члена, долженъ доставить ложѣ свѣдѣнія о званіи и качествахъ кандидата; братья разсуждаютъ потомъ, можетъ ли онъ быть принятъ, и въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія принятіе назначается въ слѣдующій же вечеръ.

Братья пунктуально собираются въ назначенный часъ.

Число братьевъ, принадлежащихъ къ ложѣ, неограниченно; но ложа вообще можетъ составиться только тогда, когда въ ней присутствуетъ мастеръ и необходимыя должностныя лица.—Въ общераспространенной практикѣ, трое свѣдущихъ братьевъ уже составляютъ ложу, пятеро составляютъ „справедливую“, семеро —„совершенную“ ложу.

При мастерѣ состоятъ два главныхъ должностныхъ лица, старшій и младшій надзиратели (senior and junior Wardens), которые смотрятъ за соблюденіемъ законовъ ложи и исполненіемъ приказаній мастера. Надзиратели имѣютъ своихъ помощниковъ, старшаго и младшаго діакона (deacons); при нихъ были, наконецъ, стюарты (stewards). Въ „Подлинномъ ключѣ“ упоминаются діаконы, а стюартовъ нѣтъ. Діаконы составляли, кажется, исключительную принадлежность англійскихъ ложъ; но стюарты извѣстны также въ шведскихъ, нѣмецкихъ ложахъ, а также и русскихъ [2]).

Когда братья соберутся, — разсказываетъ „Подлинный ключъ“,—мастеръ, два его ассистента, секретарь и казначей („хранитель сокровищъ“ въ русскихъ ритуалахъ) прежде всего надѣваютъ себѣ на шею голубыя ленты треугольной формы: у мастера виситъ на лентѣ циркуль и ли-

---

реводъ, сдѣланный по изданію Berl. 1757, подъ заглавіемъ: Salomon in all his glory, or the Master Mason etc. Lond. 1766,—упоминаетъ въ заглавіи, что подлинникъ былъ сожженъ по приказанію прусскаго короля, вслѣдствіе просьбы франкъ-масоновъ.

[1]) Въ слѣдующемъ изложеніи мы вообще удерживаемъ, сколько возможно, подлинныя слова источниковъ.

[2]) Лонгиновъ, (стр. 96) кажется, принялъ это слово за собственное имя.

нейка; ассистенты, старшіе надзиратели, носятъ одинъ циркуль.

На столѣ, за которымъ сидитъ мастеръ, ставятся свѣчи въ видѣ треугольника, и въ лучшихъ ложахъ на подсвѣчникахъ бываютъ искусно вырѣзаны эмблематическія фигуры. У каждаго брата надѣтъ бѣлый кожаный передникъ (запонъ). Мѣсто мастера за столомъ, на востокѣ; передъ нимъ лежитъ открытая библія, на ней положенъ циркуль, концы котораго покрыты lignum vitae, или наугольникомъ. Старшій и младшій надзиратели находятся напротивъ него, на западѣ и югѣ. „На столѣ ставится также вино, пуншъ, и проч., чтобы угощать братьевъ, которые занимаютъ мѣста по масонскому старшинству". Когда всѣ братья сядутъ въ такомъ порядкѣ, мастеръ приступаетъ къ открытію ложи. Оно происходитъ такимъ способомъ:

Мастеръ спрашиваетъ младшаго діакона:

— Какая первая обязанность масона?

— Смотрѣть, чтобы ложа была покрыта.

— Исполните свою должность.

Младшій діаконъ ударяетъ три раза въ дверь, и покрыватель (tyler, собственно кровельщикъ: одинъ изъ братьевъ, состоящій на стражѣ у дверей) отвѣчаетъ съ другой стороны также тремя ударами. Діаконъ доноситъ объ этомъ мастеру:

— Достопочтенный, ложа открыта.

Мастеръ. Скажите, гдѣ мѣсто младшаго діакона въ ложѣ?

Отвѣтъ. Позади старшаго надзирателя, или по его правую руку, если онъ позволитъ.

Мастеръ. Въ чемъ состоитъ ваша обязанность?

О. Передавать порученія отъ старшаго надзирателя младшему, чтобы они могли быть сообщены по ложѣ.

Такимъ же образомъ дѣлаются вопросы старшему діакону: онъ отвѣчаетъ, что его мѣсто позади мастера или по правую руку его, „если онъ позволитъ"; обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы передавать порученія отъ мастера къ младшему надзирателю. Затѣмъ мастеръ дѣлаетъ вопросъ объ обязанностяхъ младшаго надзирателя; за него, изъ видовъ масонской скромности, отвѣчаетъ сначала старшій діаконъ (стоящій ниже младшаго надзирателя), а потомъ уже

самъ младшій надзиратель и т. д. Все это дѣлается, по вѣроятнымъ объясненіямъ комментаторовъ, для того, чтобы въ концѣ экзамена, когда заходитъ рѣчь объ обязанностяхъ мастера, за самого мастера могъ отвѣчать другой, т. е. его подчиненный, старшій надзиратель.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто младшаго надзирателя въ ложѣ?

Діаконъ. На югѣ.

Мастеръ (къ младшему надзирателю). Почему на югѣ?

Младшій надзиратель. Чтобы можно было лучше наблюдать солнце, когда оно стоитъ прямо на полуднѣ, — для того, чтобы звать людей отъ работы къ отдыху и смотрѣть, приходятъ ли они въ должное время, чтобы мастеръ получалъ отъ этого удовольствіе и прибыль.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто старшаго надзирателя въ ложѣ?

Младшій надзиратель. На западѣ.

Мастеръ (къ старшему надзирателю). Какая ваша обязанность тамъ, братъ?

Старшій надзиратель. Какъ солнце заходитъ на западѣ, чтобы окончить день, такъ и старшій надзиратель стоитъ на западѣ, чтобы закрывать ложу, платить людямъ ихъ заработокъ и отпускать ихъ съ работы.

Мастеръ. Гдѣ мѣсто мастера въ ложѣ?

Старшій надзиратель. На востокѣ.

Мастеръ. Въ чемъ его обязанность тамъ?

Старшій надзиратель. Какъ солнце всходитъ на востокѣ, чтобы открыть день, такъ мастеръ стоитъ на востокѣ, чтобы открыть свою ложу и поставить людей на работу.

Затѣмъ мастеръ снимаетъ шляпу и объявляетъ ложу открытой, слѣдующими словами:

„Эта ложа открыта во имя св. Іоанна; я запрещаю всякую брань, клятвы или шопотъ, и всѣ профанные разговоры, какого бы рода ни было, подъ неменьшимъ штрафомъ, чѣмъ какой положитъ большинство“.

Мастеръ ударяетъ три раза о столъ деревяннымъ молоткомъ и надѣваетъ шляпу; остальные братья остаются безъ шляпъ. Онъ спрашиваетъ потомъ, готовъ-ли къ принятію джентльменъ [1]), предложенный въ прошлый разъ? и, по-

[1]) „Масонъ безъ маски“ также даетъ кандидату названіе „дворянина“ и замѣчаетъ при этомъ: „такъ называютъ кандидатовъ, хотя бы они были и самые подлые“. Рус. изд., стр. 15.

лучивъ утвердительный отвѣтъ отъ брата, которому порученъ кандидатъ [1]), посылаетъ надзирателей приготовить его.

Обряды пріема, описываемые „Подлиннымъ ключемъ", повторяются вообще въ масонскихъ ритуалахъ весьма сходно, и двѣ старыя отрасли англійскихъ ложъ представляютъ особенно много этого сходства.

Кандидатъ помѣщается въ особой комнатѣ, довольно отдаленной отъ самой ложи, и оставляется тамъ одинъ. Оттуда его приводятъ въ другую комнату, совершенно темную. Здѣсь спрашиваютъ его: имѣетъ-ли онъ истинное желаніе быть принятымъ? Если онъ отвѣчаетъ утвердительно, у него спрашиваютъ его имя и званіе; отбираютъ всѣ металлическія вещи, напр., пряжки, пуговицы, кольца и даже деньги; потомъ обнажаютъ ему правое колѣно, на лѣвую обутую ногу надѣваютъ туфлю, завязываютъ платкомъ глаза и предоставляютъ его на нѣсколько времени его размышленіямъ. Комната охраняется братьями.

Между тѣмъ въ ложѣ братья приводятъ все въ порядокъ, напр., на полу ложи, въ верхней части комнаты, рисуютъ мѣломъ или углемъ символическій чертежъ, или употребляютъ для этого тесемку и маленькіе гвозди, „чтобы не пачкать пола" [2]); чертежъ дѣлается отъ востока къ западу. Мастеръ стоитъ на востокѣ, на груди виситъ у него наугольникъ; библія открыта на евангеліи отъ Іоанна, и три горящія свѣчи ставятся въ чертежѣ на полу, въ видѣ треугольника.

Должностные братья располагаются въ извѣстномъ порядкѣ около мастера, потомъ на югѣ, западѣ и сѣверѣ ложи; „бывшій мастеръ", налѣво отъ настоящаго мастера, стоитъ

---

[1]) Этотъ братъ назывался обыкновенно приготовителемъ (preparateur,—также и у нѣмцевъ),—у насъ „провожатымъ" или „водителемъ"; должность его соединялась также съ должностью оратора, обязанность котораго состоитъ въ разъясненіи новопринятому его обязанностей и масонскаго ученія; вѣроятно, болѣе позднимъ изобрѣтеніемъ является „братъ ужаса" (frère terrible, fürchterlicher Bruder), имя котораго показываетъ уже, что сущность его обязанности заключалась въ томъ, чтобы хорошенько напугать новаго масона.

[2]) Впослѣдствіи сталъ употребляться такъ называемый „коверъ" (tapis, Teppich), вошедшій вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ высшихъ степеней: рисунокъ дѣлался на клеенкѣ; потомъ употреблялись и готовые живописные „ковры". Въ англійскихъ ложахъ коверъ не употреблялся и вошелъ, наконецъ, уже не раньше XIX стол.

съ солнцемъ, циркулемъ и связкой веревокъ около шеи [1]); старшій надзиратель на западѣ, съ отвѣсомъ, который виситъ у него на шеѣ на лентѣ, и съ колонкой, которая стоитъ на столѣ и имѣетъ въ длину около 29 дюймовъ; младшій надзиратель на югѣ, на шеѣ виситъ у него отвѣсъ на лентѣ, въ рукѣ онъ держитъ колонку; секретарь на сѣверѣ,съ лежащими накрестъ перьями; старшій и младшій діаконы— каждый съ черной палкой, на шеѣ циркуль; хранитель сокровищъ съ ключемъ, висящимъ на шеѣ. Остальные братья стоятъ во время церемоніи кругомъ.

Когда всѣ приготовленія кончены, предлагающій стучитъ три раза въ дверь ложи; мастеръ отвѣчаетъ тремя ударами молотка, и младшій надзиратель спрашиваетъ: кто тамъ? Кандидатъ (научаемый провожатымъ) отвѣчаетъ: „Человѣкъ, который желаетъ имѣть и проситъ участія въ благахъ этой достопочтенной ложи, посвященной св. Іоанну, какъ это сдѣлали до меня многіе братья и товарищи“. Тогда двери растворяются, старшій и младшій надзиратели или ихъ помощники берутъ кандидата подъ руки и обводятъ его (все еще съ завязанными глазами) три раза вокругъ чертежа и, наконецъ, ставятъ на нижнемъ его концѣ, лицомъ къ мастеру, и братья, ставши по обѣ стороны, поднимаютъ шумъ, стуча въ находящіеся на нихъ аттрибуты ордена.

Потомъ мастеръ, ставъ за низкими креслами, спрашиваетъ самъ кандидата: имѣетъ-ли онъ желаніе сдѣлаться каменьщикомъ? и послѣ утвердительнаго отвѣта говоритъ: „покажите ему свѣтъ“. У кандидата снимаютъ съ глазъ платокъ, а братья въ ту же минуту окружаютъ его съ обнаженными мечами въ рукахъ и направляютъ острія въ грудь кандидата. (Масонскій эффектъ, который, — какъ замѣчаетъ „Іакинъ и Боазъ“,—производилъ впечатлѣніе на новичка, при оригинальности всей обстановки и послѣ долгаго ожиданія съ завязанными глазами).

Послѣ того кандидата подводятъ, тремя особенными масонскими шагами, къ скамейкѣ, стоящей передъ упомянутымъ чертежемъ. На скамьѣ лежатъ линейка и циркуль, и одинъ изъ братьевъ говоритъ кандидату такъ: „Вы вступаете

---

[1]) „Бывшій мастеръ“ и веревка являются только у старыхъ масоновъ; масоны Великой Ложи не принимали этихъ подробностей.

теперь въ почтенное общество, которое серьезнѣе и важнѣе, чѣмъ вы думаете. Оно не допускаетъ ничего противнаго закону, религіи и нравственности; оно не допускаетъ также ничего противнаго обязанностямъ подданнаго; достопочтенный великій мастеръ объяснитъ вамъ остальное“ [1]).

Послѣ этихъ словъ отъ кандидата требуютъ, чтобы онъ всталъ правымъ, т. е. обнаженнымъ колѣномъ на скамью, и великій мастеръ спрашиваетъ его: обѣщаетъ ли онъ никому и никакимъ образомъ не выдавать масонской тайны, кромѣ брата въ ложѣ и въ присутствіи великаго мастера?—и когда кандидатъ даетъ это обѣщаніе, ему растегиваютъ жилетъ и къ обнаженной лѣвой груди приставляютъ остріе циркуля, который онъ самъ держитъ въ лѣвой рукѣ. Кандидатъ кладетъ правую руку на евангеліе, развернутое на чтеніи отъ св. Іоанна, и при этомъ произноситъ за мастеромъ присягу.

Присяга состоитъ въ обѣщаніи хранить и не выдавать ни подъ какимъ видомъ „никакой изъ тайныхъ мистерій свободнаго каменьщичества“ (any of the secret Mysteries of Free - Masonry); далѣе въ обѣщаніи, что новопринятый не будетъ изображать этой тайны никакимъ вообразимымъ способомъ,—„ни писать, ни печатать, ни вырѣзывать, ни рисовать, ни красить или гравировать, ни подавать повода къ тому, чтобы это случилось, ни на какой вещи подъ небесами, подвижной или неподвижной, на которой бы она могла быть прочитана или понята“, — для того, чтобы тайна не могла быть пріобрѣтена кѣмъ-нибудь незаконно. Все это обѣщается безъ всякаго колебанія, внутренняго умолчанія и какой бы ни было увертки, и подъ страхомъ такого наказанія: „пусть мнѣ будетъ перерѣзана шея, языкъ вырванъ съ корнемъ и зарытъ въ морскомъ пескѣ при низкой водѣ, за кабельтовъ разстоянія отъ берега, гдѣ приливъ и отливъ проходятъ дважды въ двадцать четыре часа“ [2]).

Затѣмъ новопринятаго члена научаютъ ученическому

---

[1]) Это, вѣроятно, такъ называемая рѣчь ритора; „Подлинный ключъ“ замѣчаетъ, что слова бываютъ различны, что и естественно; образчики этихъ рѣчей приводятся въ разныхъ ритуалахъ, между прочимъ, у Престона, а также въ „Масонѣ безъ маски“.

[2]) Эти формулы несомнѣнно обычныя; онѣ повторяются и въ ритуалѣ Великой Ложи, и въ другихъ позднѣйшихъ ритуалахъ. См. также „Масонъ безъ маски“.

знаку, прикосновенію и слову, — по которымъ „братья“ узнаютъ другъ друга; потомъ научаютъ его масонскому шагу, какимъ онъ долженъ подходить къ мастеру по чертежу, сдѣланному на полу. „Этотъ чертежъ,—разсказываетъ старый ритуалъ,—походитъ въ нѣкоторыхъ ложахъ на большое зданіе, которое называется мозаиковымъ дворцомъ и рисуется съ величайшей точностью. Рисуютъ также и другія фигуры: одна изъ нихъ называется Laced Tuft (бахрома), а другая—усѣянный звѣздами престолъ. Тамъ представляется также перпендикулярная линія въ видѣ каменьщическаго инструмента, который называется обыкновенно отвѣсомъ; другая фигура представляетъ могилу Гирама, перваго великаго мастера, умершаго три тысячи лѣтъ тому назадъ. Всѣ эти фигуры объясняются новопринятому самымъ точнымъ образомъ, и украшенія или эмблемы ордена описываются съ большой легкостью“. Послѣ этого новопринятый обязанъ смыть на полу чертежъ, если онъ сдѣланъ былъ мѣломъ или углемъ. Затѣмъ кандидата уводятъ, возвращаютъ ему всѣ взятыя у него вещи, и онъ, вернувшись, садится направо отъ мастера. Ему даютъ также запонъ (передникъ) и списокъ ложъ.

Послѣ того братья поздравляютъ новопринятаго и садятся къ столу; мастеръ пьетъ за здоровье новаго брата, послѣдній произноситъ свои тосты, начинается такъ называемая „пальба“, т. е. масонскій пиръ, опять сопровождаемый извѣстными масонскими пріемами.

Церемонія пріема кончена. Кандидатъ считается „братомъ“ и можетъ участвовать въ „работѣ“. Онъ пріобрѣтаетъ первую каменьщическую степень, и „работу“ этой степени мы увидимъ въ такъ называемой „ученической лекціи“ (lecture), въ томъ, что послѣ называлось обыкновенно катехизисомъ. Сообщая эту лекцію, „Іакинъ и Боазъ“ замѣчаетъ, что онъ приводитъ ее вполнѣ, но что „новые каменьщики“ сокращаютъ ее по крайней мѣрѣ на половину.

Не разбирая вопроса о томъ, кто былъ здѣсь вѣрнѣе старому преданію, Старые или Новые масоны, замѣтимъ только, что оба эти ритуала несравненно больше позднѣйшихъ открываютъ историческую перспективу масонскаго общества и его старыхъ обычаевъ. „Подлинный Ключъ“ нерѣдко указываетъ разницу между прежнимъ и нынѣшнимъ

и отмѣчаетъ, какъ извѣстные обряды исполнялись прежде и какъ исполняются теперь, и здѣсь, во всякомъ случаѣ, еще сохранился отпечатокъ старины, который естественно сберегался на своей родной почвѣ гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ онъ становился простой заученой формулой. Въ старомъ ритуалѣ мы опять находимъ тѣ же черты, какія видѣли въ „Конституціяхъ“ Андерсона: обрядовая бесѣда мастера съ братьями еще носитъ слѣды рабочей практики, какъ въ „Конституціяхъ“ еще ясенъ простой характеръ договора, заключеннаго между рабочими. Въ первоначальныхъ формахъ ритуала сохранилось еще много простого и наивнаго, что превратилось потомъ въ аффектацію и наборъ словъ. Едва ли сомнительно, что въ старыхъ обрядахъ масонства продолжался народный цеховой обычай, и тайна „братской любви, помощи и вѣрности“ придавала ему нравственно - поэтическій смыслъ. Этотъ смыслъ терялся больше и больше въ позднѣйшемъ искусственномъ масонствѣ, и прежній наивный обрядъ превратился, наконецъ, въ произвольную фантастическую церемонію, гдѣ нужно было употреблять всевозможныя театральныя уловки, чтобы производить дѣйствіе на новопосвящаемаго. Понятно, что если обычаи и символическіе обряды простыхъ рабочихъ не могли въ новомъ „масонскомъ“ обществѣ не потерять своей непосредственности, то и масонская „тайна“ естественно должна была получить совсѣмъ иной смыслъ. Новѣйшее масонство, выдумавшее высшія степени, эксплуатировало эту тайну въ самыхъ различныхъ смыслахъ: или въ видѣ заговора въ пользу изгнанныхъ Стюартовъ, или съ рыцарскими (т. е. феодальными, юнкерскими) затѣями, или съ наклонностями клерикальными, т. е. іезуитско-обскурантными, или, наконецъ, въ видѣ алхиміи и нелѣпаго колдовства. Въ этихъ случаяхъ „тайну“ знали только изобрѣтатели новыхъ степеней и ближайшіе адепты, которымъ она довѣрялась; множество другихъ членовъ ордена томились нетерпѣливымъ стремленіемъ узнать эту тайну, мучились въ поискахъ за ней, иногда находили, наконецъ, какую-нибудь изъ пошлыхъ подложныхъ „тайнъ“, часто не удовлетворялись ею и начинали искать снова, и т. д. Такова была исторія множества масоновъ въ прошломъ столѣтіи. Старые англійскіе ритуалы не знаютъ этой фантастической

тайны; здѣсь тайна является въ формѣ простого секрета между членами цеха, связанными одной работой и одними нравственными правилами и обязательствами: братской любовью, помощью и вѣрностью. Символы тайны—инструменты ихъ ремесла; средства увѣряться во взаимномъ знанiи тайны—извѣстныя слова и прiемы, которые поэтому также составляютъ ихъ тайну. Дальше этого не идетъ старый англiйскiй ритуалъ; онъ не даетъ никакихъ обѣщанiй раскрывать таинства природы, научать секретамъ алхимiи и магiи, философскаго камня и жизненнаго элексира, духовидѣнiя и т. п.; однимъ словомъ, не впадаетъ въ ту пошлость, которая наполняетъ позднѣйшiе ритуалы.

Лекцiи читаются такимъ образомъ [1]):

Мастеръ. Братъ, нѣтъ ли чего-нибудь между вами и мною [2])? Отвѣтъ. Есть, достопочтенный.

М. Что же такое братъ? О. Тайна.

М. Какая это тайна, братъ? О. Масонство, каменьщичество [3]).

М. Итакъ, вы, я полагаю, масонъ? О. Такимъ меня считаютъ и принимаютъ братья и товарищи [4]).

[1]) Первые вопросы мы приводимъ вполнѣ, но затѣмъ, для краткости, будемъ пропускать вопросы.

[2]) Въ нашихъ ритуалахъ вмѣсто „вы", постоянно „ты"; по-англiйски, напротивъ, форма постоянно болѣе вѣжливая, въ вопросахъ прибавляются: pray и т. п.

[3]) Въ ритуалахъ „Великой Ложи" вставленъ еще вопросъ:

— Почему я могу узнать, что вы масонъ?

— Посредствомъ знаковъ, примѣтъ и полныхъ пунктовъ моего вступленiя.

[4]) По смыслу лекцiи Старыхъ Масоновъ главнымъ символомъ каменьщичества и его тайны являются (дальше) „три свѣтильника": библiя, наугольникъ и циркуль. Въ ритуалахъ Великой Ложи содержанiемъ масонства ставится „братская любовь, помощь и вѣрность", и разговоръ о тайнѣ ведется такъ:

— Почему сдѣлались вы масономъ?

— Для тайны (for the sake of secrecy), и чтобы изъ мрака тотчасъ перейти въ свѣтъ.

— Есть-ли у масоновъ тайны?

— Есть много и высокой цѣны.

— Гдѣ сохраняютъ они ихъ?

— Въ своихъ сердцахъ.

— Кому они довѣряютъ ихъ?

М. Скажите, прошу Васъ, какимъ человѣкомъ долженъ быть каменьщикъ? О. Это долженъ быть человѣкъ родившійся отъ свободной женщины.

М. Гдѣ вы сначала готовились сдѣлаться масономъ? О. Въ моемъ сердцѣ.

М. Гдѣ вы готовились потомъ? О. Въ одной комнатѣ подлѣ ложи.

М. Какъ вы были приготовляемы здѣсь? О. Я не былъ ни раздѣтъ, ни одѣтъ, ни босой, ни обутый, съ меня снятъ былъ всякій металлъ, я былъ съ завязанными глазами, съ веревкой на шеѣ [1]); тогда меня повели къ дверямъ ложи-въ неподвижно-подвижномъ положеніи, подъ руку съ другомъ, въ которомъ я узналъ потомъ своего брата.

М. Какъ вы могли знать, что тутъ была дверь, когда у васъ были завязаны глаза? О. Потому что я нашелъ сначала задержку, потомъ входъ или допускъ.

М. Какъ получили вы допускъ? О. Тремя сильными ударами.

М. Что вамъ сказано было изнутри? О. „Кто тамъ?"

М. И что вы отвѣчали, братъ? О. „Человѣкъ, который желаетъ имѣть и проситъ участія въ благахъ (benefit) этой достопочтенной ложи, посвященной святому Іоанну, какъ это сдѣлали до меня многіе братья и товарищи".

М. Почему вы надѣялись получить это участіе? О. Потому что я родился свободнымъ и имѣю добрую славу.

М. Что сказали Вамъ на это? О. „Войдите".

— Никому, кромѣ братьевъ и товарищей.

— Какъ открываютъ они ихъ?

— Посредствомъ знаковъ, примѣтъ и особенныхъ словъ.

Въ другой редакціи ритуала Великой Ложи этотъ послѣдній вопросъ переданъ такъ:

— Что такое тайна масона?

— Знаки, примѣты и многія слова.

Въ другомъ мѣстѣ того же ритуала: „Братъ скрываетъ всѣ секреты и тайны" (all secrets and secrecy).

Едва-ли можно сомнѣваться, что подъ всѣми этими оборотами скрывался именно первоначальный цеховой секретъ, состоявшій въ особыхъ условныхъ знакахъ, словахъ и т. п., а вмѣстѣ и въ извѣстныхъ нравственныхъ положеніяхъ братства.

[1]) Въ ритуалѣ Великой Ложи веревка не упоминается, но можетъ быть, что и это не было здѣсь произвольной прибавкой.

М. Какъ вы вошли и по чемъ? О. По острію меча, или копья, или другого военнаго оружія, которое приставили къ моей обнаженной груди.

М. Что сказали вамъ послѣ этого? О. Меня спросили не чувствую-ли я чего?

М. Что вы отвѣчали? О. „Я чувствую нѣчто, но видѣть не могу ничего“.

М. Вы разсказали мнѣ, какъ вы были приняты; скажите теперь, кто принялъ васъ? О. Младшій надзиратель.

М. Что онъ сдѣлалъ съ вами? О. Онъ передалъ меня мастеру, который приказалъ мнѣ стать на колѣни и получить благо молитвы.

Слѣдуетъ молитва, обращенная къ Великому и Всеобщему Архитектору (каменьщику) міра и Строителю человѣка [1]), о благословеніи для всѣхъ ихъ предпріятій, о томъ, чтобы новый другъ сталъ ихъ вѣрнымъ братомъ, чтобы имъ послана была милость и миръ, чтобы, какъ онъ (т. е. другъ) простираетъ руку на божественныя слова писанія, такъ бы простиралъ ее и на служеніе брату, „если только это не будетъ вредно ему или его семейству“, и, наконецъ, чтобы они могли сдѣлаться участниками Его божественной природы... Молитва заключается прошеніемъ о ниспосланіи всеобщей братской любви, чтобы масонство подъ божьимъ благословеніемъ распространилось во всемъ мірѣ и чтобы всѣ соединились тогда какъ одинъ человѣкъ.

Затѣмъ новый братъ, по вопросамъ мастера, продолжаетъ разсказъ о пріемѣ: „Когда я получилъ эту молитву, меня спросили, на кого я возлагаю свое упованіе; я отвѣчалъ: на Бога. Потомъ меня взяли за руку, и одинъ братъ сказалъ: встаньте и слѣдуйте за вашимъ водителемъ и не бойтесь никакой опасности [2]). Меня провели три раза кру-

---

[1]) Great and universal Mason of the World and first Builder of Man,— въ ритуалахъ Великой Ложи: univ. Architect, или Architect of the Universe, что, собственно, одно и то же, потому что Mason и Architect болѣе однозначительны. Это выраженіе было потомъ всеобщей принадлежностью ритуаловъ, потому что сравненіе нравилось масонамъ.

[2]) Въ ритуалѣ Великой Ложи:—Что Вы отвѣчали?—„На Бога“.—Что сказалъ мастеръ?—„Если я довѣряюсь такому вѣрному вождю, то я долженъ встать, слѣдовать за моимъ водителемъ и не бояться никакой опасности“.

гомъ ложи. Первое препятствіе я встрѣтилъ въ спинѣ младшаго надзирателя на югѣ, я постучалъ въ нее тремя ударами, какъ въ дверь, онъ сказалъ: кто тамъ? Я отвѣчалъ то же, что при двери (повторяется отвѣтъ). Второе сопротивленіе я встрѣтилъ въ спинѣ старшаго надзирателя на западѣ, гдѣ я повторилъ то же, что при двери (повторяется вопросъ и отвѣтъ). Третье сопротивленіе встрѣтилъ я въ спинѣ мастера на востокѣ, гдѣ я повторилъ то же. Мастеръ послалъ меня назадъ къ старшему надзирателю на западѣ, чтобы получить наставленія [1]). Онъ велѣлъ мнѣ сдѣлать шагъ на первую ступень прямоугольнаго продолговатаго четвероугольника [2]), причемъ лѣвое колѣно было обнажено и согнуто, тѣло оставалось прямо, а правая нога составляла прямой уголъ, моя обнаженная правая рука лежала на св. библіи, на которой лежали наугольникъ и циркуль, а лѣвая рука поддерживала ее; тогда я принесъ торжественное обязательство или присягу масона".

На вопросъ мастера, новопринятый встаетъ и повторяетъ присягу. Послѣ того мастеръ произноситъ тостъ за Сердце, которое скрываетъ, и Языкъ, который никогда не разсказываетъ, и всѣ братья принимаютъ тостъ съ извѣстными обрядами.

Ученикъ по вопросамъ мастера отвѣчаетъ снова: „Когда обязательство было принято, у меня спросили: чего я желаю всего больше? Я отвѣчалъ: быть приведеннымъ къ свѣту. Меня привели къ свѣту мастеръ и остальные братья. Когда я былъ приведенъ къ свѣту, то первыя вещи, которыя я увидѣлъ, были библія, наугольникъ и циркуль; мнѣ сказали. что они означаютъ три великіе свѣтильника ма-

---

[1]) Такъ что обязательство приносилось на западномъ концѣ чертежа; вѣроятно мастеръ подходилъ къ принимаемому. Въ ритуалѣ Великой Ложи принимаемый приближается тремя шагами къ мастеру на востокѣ и вопросы идутъ такъ:

— Что сдѣлалъ тогда съ вами младшій надзиратель?—Онъ приблизилъ меня къ достопочтенному мастеру на востокѣ и научилъ меня подходить къ нему тремя правильными шагами.

— Изъ чего состоятъ они?—Изъ прямыхъ линій и угловъ.

— Чему они научаютъ насъ въ нравственномъ смыслѣ?—Честной (прямой) жизни и правильнымъ понятіямъ.

[2]) Т. е. упомянутаго выше чертежа, или „ковра",—къ которому вели три (начерченныя) ступени.

сонства (Lights in Masonry): это—Библія, чтобы управлять и руководить нашей вѣрой; наугольникъ, чтобы дѣлать прямыми наши дѣйствія; циркуль, чтобы соединять насъ въ извѣстныхъ границахъ со всѣми людьми, а особенно съ братомъ. Потомъ мнѣ показали три свѣчи, о которыхъ сказали, что это три меньшіе свѣтильника въ масонствѣ; они представляютъ собой солнце, луну и мастера-масона;—потому что солнце управляетъ днемъ, луна управляетъ ночью, а мастеръ-масонъ управляетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ бы былъ управлять, своей ложей [1]). Затѣмъ мастеръ взялъ меня за правую руку и далъ мнѣ прикосновеніе и слово новопринятаго ученика".

Прикосновеніе, которымъ братья ученической степени узнаютъ другъ друга, состоитъ въ томъ, что надо ногтемъ большого пальца правой руки прижать къ первому суставу правой руки брата. Слово есть Jachin, произносимое братьями раздѣльно и по очереди: первый говоритъ „Ja", второй „chin", первый „Jachin"—(или же каждый говоритъ поочередно по одной буквѣ слова, которое потомъ выговаривается вполнѣ [2]). По Причарду, ученикъ долженъ знать и другое слово „Боазъ".—„Іакинъ и Боазъ" были названія двухъ миѳическихъ столбовъ въ Соломоновомъ храмѣ, къ которымъ относятся различныя легенды, масонскія и средневѣковыя преданья, вѣроятно послужившія источникомъ или поводомъ для масонскихъ. Наконецъ, знакъ ученической степени: надо правой рукой горизонтально провести у шеи.

Когда мастеръ испытаетъ на примѣрѣ, знаетъ-ли новопринятый прикосновеніе, слово и знакъ, новопринятый от-

---

[1]) Въ ритуалѣ Великой Ложи въ этомъ изложеніи есть нѣкоторая разница: великими свѣтильниками прямо называются солнце, луна и мастеръ; а объясненіе Библіи, наугольника и циркуля отнесено въ истолкованіе украшеній (furniture) ложи;—впрочемъ, въ томъ же самомъ общемъ смыслѣ, какъ здѣсь.

[2]) Кромѣ того дается еще такъ называемое „проходное слово" для предварительнаго освѣдомленія. Число знаковъ масонскихъ было очень велико, и между ними, конечно, были варіанты.

Въ „Масонѣ безъ маски" пересчитываются (стр. 106) четыре разряда знаковъ: ручные, ножные, шейные и грудные, которые описываются уже въ Grand Mystery of Free-Masons, 1724, и у Причарда.

вѣчаетъ на новые вопросы: какъ онъ одѣлся снова по-прежнему, какъ принесъ мастеру и всѣмъ братьямъ благодарность за принятіе въ „достойное общество“ (worthy society), какъ мастеръ, призвавъ его на „сѣверовостокъ ложи“ подарилъ ему запонъ, „знакъ невинности, болѣе старый, чѣмъ золотое руно или римскій орелъ, и почетнѣе звѣзды и подвязки или какого бы то ни было другого ордена подъ солнцемъ“ [1]). Отвѣты продолжаются такъ: — „Я сѣлъ потомъ по правую руку мастера, который показалъ мнѣ инструменты принятаго ученика: это были 24-дюймовый масштабъ, наугольникъ и молотъ (common gavel, or setting maul). Наугольникъ служитъ мнѣ, чтобы дѣлать мою работу прямоугольной; 24-дюймовый масштабъ, чтобы вымѣрять мою работу; молотъ—отсѣкать весь ненужный матеріалъ, чтобы можно было легко и вѣрно наложить наугольникъ“.

Мастеръ. „Братъ, такъ какъ мы не всѣ работающіе масоны (каменьщики), то мы относимъ эти инструменты къ нашей нравственной жизни, что мы называемъ одухотвореніемъ [2]): объясните это. Ученикъ. 24-дюймовый масштабъ представляетъ 24 часа дня.

М. Какъ вы дѣлите ихъ? У. Шесть часовъ на работу, шесть часовъ на служеніе Богу, шесть часовъ на служеніе другу или брату, „сколько я имѣю возможности безъ вреда себѣ и своему семейству“, и шесть часовъ для сна“.

Послѣ того названные нами ритуалы излагаютъ „доказательства (или основанія, Reasons) ученика“, состоящія въ объясненіи предыдущихъ символическихъ дѣйствій, словъ и предметовъ, и въ другихъ подобныхъ истолкованіяхъ. Собственно говоря, это есть продолженіе той же „лекціи“.

Ученикъ, опять по вопросамъ мастера, разсказываетъ: — „Я былъ ни одѣтый, ни раздѣтый, ни босой, ни разутый и съ веревкой на шеѣ, потому что если бы я отступился и выбѣжалъ на улицу, то народъ принялъ бы меня за сумасшедшаго; если же бы увидѣлъ меня братъ, то онъ воротилъ бы меня назадъ и позаботился бы, чтобы мнѣ

---

[1]) То же сравненіе повторяется и въ ритуалѣ Великой Ложи.

[2]) Spiritualizing. Въ ритуалахъ Великой Ложи вмѣсто этого слова употреблено moralize,—„объяснять въ нравственномъ смыслѣ“.

оказана была справедливость [1]). Глаза были мнѣ завязаны для того, чтобы мое сердце могло воспринять прежде, чѣмъ глаза могли увидѣть, и еще потому, что, какъ я находился тогда во мракѣ (т. е. относительно тайны масонства), такъ я долженъ весь міръ держать во мракѣ [2]). Металлъ былъ отобранъ для того, чтобы я не принесъ въ ложу ничего для нападенія или для защиты; и еще потому, что такъ какъ я былъ бѣденъ и не имѣлъ денегъ, когда былъ сдѣланъ масономъ, то это научило меня, что я долженъ помогать всѣмъ бѣднымъ и не имѣющимъ денегъ братьямъ, насколько это для меня возможно. Три сильные удара въ дверь означаютъ извѣстное изрѣченіе Писанія: просите и дастся вамъ; ищите и найдете; стучите и вамъ отворятъ. Къ масонству это изрѣченіе примѣняется такъ: я искалъ въ моей душѣ, я просилъ моего друга, я стучался и дверь масонства открылась мнѣ. Мечъ, копье или другое военное оружіе было приставлено къ моей обнаженной лѣвой груди потому, что лѣвая грудь всего ближе къ сердцу, для того, чтобы это тѣмъ больше могло быть уколомъ для моей совѣсти, какъ оружіе кололо тогда мое тѣло. Меня обвели три раза [3]) кругомъ ложи для того, чтобы всѣ братья видѣли, что я должнымъ образомъ приготовленъ. Послѣ принятія въ ученики мое лѣвое колѣно было обнажено и согнуто, потому что лѣвое колѣно есть

---

[1]) Этотъ отвѣтъ кажется страннымъ; и дѣйствительно, другія редакціи ритуала Старыхъ и Новыхъ масоновъ приводятъ другія объясненія; напр.: „Я рожденъ былъ нагимъ и нагимъ перейду въ истлѣніе; разутъ—потому что мѣсто, на которое вступаетъ мастеръ-масонъ, священно“ (ср. Посл. къ Тимоѳ. VI, 7. Исх. III, 5), и подобныя сближенія изъ св. Писанія. Но основа приведеннаго въ текстѣ отвѣта, вѣроятно, старая и подлинная.

[2]) Т. е., чтобы тайна могла быть получаема только правильнымъ, законнымъ образомъ. Эти и слѣдующіе вопросы вообще повторяются въ томъ же смыслѣ и ритуаломъ Великой Ложи; относительно завязыванья глазъ прибавлена еще черта весьма естественная: „Почему вамъ были завязаны глаза?“—Потому что въ случаѣ, если бы я отказался подчиниться обычной церемоніи, которая происходитъ во время принятія масона, то я былъ бы уведенъ изъ ложи, *не узнавши ея вида*“.

[3]) По ритуаламъ Великой Ложи принимаемаго водили кругомъ ложи только одинъ разъ.

слабѣйшая часть моего тѣла, какъ новопринятый ученикъ есть слабѣйшая часть масонства, въ которое я только что вступилъ".

Затѣмъ братья снова пьютъ тосты. Дальше идутъ вопросы о ложѣ, объ ея внутреннемъ составѣ, внѣшнихъ украшеніяхъ и ея символическомъ смыслѣ.

Ученикъ. „Ложу составляетъ извѣстное число масоновъ, которые соединились, чтобы вмѣстѣ работать. Ложу составляютъ числа: три, пять, семь или одиннадцать [1]). Три составляютъ ложу потому, что три Великіе Масона создали міръ, такъ же какъ и это благородное произведеніе архитектуры, человѣка, которые такъ совершенны въ своихъ пропорціяхъ, что древніе начинали свою архитектуру съ тѣхъ же самыхъ правилъ; и еще потому, что три великіе масона были при строеніи Соломонова храма [2]). Пять составляютъ ложу потому, что каждый человѣкъ одаренъ пятью чувствами, именно: слухомъ, зрѣніемъ, вкусомъ, обоняніемъ и осязаніемъ. Въ масонствѣ три изъ этихъ чувствъ имѣютъ для меня великую важность, именно, слухъ, зрѣніе и осязаніе. Слухъ служитъ къ тому, чтобы слышать слово; зрѣніе, чтобы видѣть знакъ; осязаніе, чтобы чувствовать прикосновеніе, такъ что я могу такъ же хорошо узнать брата въ темнотѣ, какъ при свѣтѣ. Семь составляютъ ложу потому, что есть семь свободныхъ наукъ, именно: грамматика, реторика, логика, ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія. Грамматика учитъ меня писать и говорить на языкѣ, которому я учусь, „по правиламъ перваго, второго и третьяго согласованія". Реторика учитъ искусству говорить обо всякомъ предметѣ. Логика учитъ правильно разсуждать, чтобы тѣмъ отличать истину отъ заблужденія. Ариѳметика учитъ свойству чиселъ. Геометрія учитъ искусству измѣрять..... Музыка учитъ свойствамъ тоновъ. Астрономія учитъ знанію небесныхъ тѣлъ [3]). Одиннадцать

---

[1]) Въ другихъ ритуалахъ старыхъ масоновъ упоминается и число девять, и къ нему приводятся аргументомъ девять музъ.

[2]) Здѣсь разумѣются: Царь Соломонъ, царь тирскій Гирамъ и Гирамъ (или Гирамъ—Абифъ), самый строитель или архитекторъ храма,— три лица, на которыхъ въ особенности останавливаются масонскія легенды, какъ мы упомянемъ дальше.

[3]) Это исчисленіе повторяется и въ ритуалѣ Великой Ложи и рас-

составляютъ ложу потому, что было одиннадцать патріарховъ, когда Іосифъ былъ проданъ въ Египетъ и считался погибшимъ; и еще потому, что было только одиннадцать апостоловъ, когда Іуда предалъ Христа. Ложа имѣетъ видъ продолговатаго, прямоугольнаго четвероугольника [1]); Длина ея отъ востока до запада; Ширина отъ сѣвера до юга; Высота отъ земли до неба; Глубина отъ поверхности земли до ея центра; -Глубина ложи простирается отъ поверхности земли до ея центра потому, что масонство универсально. Ложа расположена отъ востока къ западу потому, что такъ расположены, или должны быть расположены, всѣ церкви и часовни; и это потому, что евангеліе прежде всего возвѣщено на востокѣ и оттуда распространилось на западъ. Ложу поддерживаютъ три великіе столба; они называются: мудрость, сила и красота. Столбъ мудрости представляетъ собой мастера на востокѣ. Столбъ силы - старшій надзиратель на западѣ. Столбъ красоты — младшій надзиратель на югѣ. Первое потому, что мастеръ даетъ рабочимъ наставленія, чтобы они вели свое дѣло въ должномъ стилѣ, съ хорошей гармоніей. Второе: какъ солнце заходитъ, чтобы окончить день, такъ старшій надзиратель

пространяется здѣсь примѣненіями къ масонству; при этомъ особенное значеніе дается геометріи, какъ заключающей въ себѣ все искусство масона. Этимъ словомъ объяснялась и буква G, изображеніе которой, окруженное свѣтомъ, сіяло въ масонской ложѣ.

[1]) Слѣдующее далѣе описаніе ложи почти въ томъ же самомъ видѣ повторяется въ старыхъ и болѣе новыхъ ритуалахъ Великой Ложи. Здѣсь прибавляется еще вопросъ:

— Гдѣ стоитъ Ложа?

— На священномъ мѣстѣ,—или на самомъ высокомъ холмѣ, или въ глубочайшей долинѣ, или въ долинѣ Іосафатовой, или въ другомъ тайномъ мѣстѣ.

Эта „Іосафатова долина" осталась потомъ во всѣхъ позднѣйшихъ ритуалахъ, вообще развивавшихъ ту библейско-легендарную символику, начало которой, какъ видимъ, является уже и въ первыхъ ритуалахъ, но въ болѣе умѣренномъ количествѣ.

Объ универсальности масонства говорится у Брауна такъ:

— Почему говорится, что масонская ложа имѣетъ такое обширное протяженіе (т. е. отъ земли до неба)?

— Не только для того, чтобы показать всеобщность науки (the Universality of the science), но также, что человѣколюбіе (charity) масона не имѣетъ никакихъ границъ, кромѣ благоразумія.

стоитъ на западѣ, чтобы выдавать рабочимъ ихъ плату, что и составляетъ силу и опору всякой работы. Третье потому, что младшій надзиратель стоитъ на югѣ въ самый полдень (который и есть красота дня) сзывать рабочихъ для отдыха отъ работы и смотрѣть, чтобы они во-время возвращались на работу, для того, чтобы мастеръ получилъ отъ этого удовольствіе и прибыль. Ложа поддерживается этими тремя столбами потому, что мудрость, сила и красота суть совершители (finisher) всѣхъ дѣлъ и безъ нихъ ничто не можетъ быть сдѣлано. Это оттого, что мудрость придумываетъ, сила поддерживаетъ, а красота украшаетъ. Наша ложа имѣла покровомъ облачный небесный сводъ [1]) разныхъ цвѣтовъ;—Вѣтеръ масона дуетъ прямо отъ востока къ западу".

Мастеръ. „Который часъ, братъ?" Отв. Самый полдень.

М. „Созовите людей отъ работы для отдыха и смотрите, чтобы они во-время воротились опять на работу".

Этимъ оканчивается масонская бесѣда; въ заключеніе поется масонская пѣсня, причемъ масоны становятся вокругъ стола. При послѣднемъ стихѣ пѣсни они берутся за руки слѣдующимъ образомъ: человѣкъ, стоящій вправо, беретъ лѣвую руку своего сосѣда правой рукой, или стоящій влѣво беретъ правую руку своего сосѣда лѣвой рукой— такъ составляется масонская цѣпь. Братья всѣ поютъ въ хорѣ, поднимая и опуская въ тактъ руки и громко стуча ногами.

Послѣ того всѣ говорятъ, о чемъ хотятъ, а мастеръ дѣлаетъ распоряженіе объ отдыхѣ.

На этомъ кончается изложеніе степени ученика въ ритуалѣ Старыхъ Масоновъ.

Въ ритуалѣ Великой Ложи 1717 г., или Новыхъ Масоновъ, изложенномъ у Броуна и Престона, мы находимъ еще нѣкоторыя черты, которыя мы приведемъ вкратцѣ, въ дополненіе символики и нравственнаго ученія стараго англійскаго масонства.

Въ ритуалѣ Великой Ложи передъ закрытіемъ ложи приводятся еще другія подробности, и переданное сейчасъ опи-

[1]) По англійски canopy, что значитъ и „балдахинъ".

саніе ложи дополняется такимъ образомъ. Три столба, тосканскаго, дорическаго и коринѳскаго ордена, представляютъ Соломона, Гирама, царя тирскаго, и Гирама-Абифа. Ложа покрыта многоцвѣтнымъ балдахиномъ (небомъ), котораго масоны надѣются достигнуть по символической „лѣстницѣ Іакова“. Она имѣетъ три главныя ступени: вѣру—въ Христа, надежду—на спасеніе, любовь—ко всему человѣчеству! Эта лѣстница ведетъ къ небу и утверждается на библіи. „Но любовь обнимаетъ цѣлое; кому свойственна эта добродѣтель въ ея обширномъ смыслѣ, о томъ мы говоримъ, что онъ достигъ вершины своего призванія, или, говоря метафизически (sic), достигъ того эфирнаго жилища, которое закрыто отъ глазъ смертныхъ звѣздною твердью, и далѣе представляется эмблематически семью звѣздами, обозначающими семь принятыхъ масоновъ“, etc.

Дальше идетъ описаніе внутренности ложи. Внутри ложа состоитъ изъ украшеній, принадлежностей и клейнодовъ. Къ первымъ относятся: мозаиковый полъ (изображаемый на чертежѣ), „прекрасное основаніе масонской ложи—онъ представляетъ богатство творенія и божественныхъ благодѣяній, такъ же, какъ перемѣнчивый и неизвѣстный ходъ жизни, и разнообразныя внѣшнія отношенія людей, которые по рожденію и могилѣ всѣ равны“; пылающая звѣзда, напоминающая о поданіи десяти заповѣдей на Синаѣ, о любящемъ и благомъ вездѣсущіи Бога и т. д. Принадлежности ложи: библія, чтобы управлять и руководить нашей вѣрой и обязывать на ней новопринимаемаго; циркуль и наугольникъ, чтобы управлять нашими дѣйствіями. Библія исходитъ отъ Бога для всѣхъ людей, какъ самое краснорѣчивое объясненіе его воли; циркуль относится къ великому мастеру, какъ его отличіе; наконецъ, наугольникъ принадлежитъ всему цеху... Наконецъ, ложа тщательно бережетъ и скрываетъ отъ профановъ свои клейноды. Этихъ клейнодовъ—три подвижныхъ и три неподвижныхъ. Подвижные—наугольникъ, линейка и отвѣсъ,—собственно, это необходимые инструменты рабочаго каменьщика, а для масона это клейноды неоцѣнимаго достоинства по своему нравственному значенію, потому что наугольникъ учитъ нравственности, линейка—равенству, а отвѣсъ—прямотѣ и чистосердечію во всю жизнь. Подвижными они называются потому, что колеблются, когда

они висятъ на груди мастера и двоихъ надзирателей, и они движутся каждый разъ въ день св. Іоанна, а если нужно и чаще. Неподвижные клейноды—чертежная доска для мастера, дикій камень для ученика, чтобы обдѣлывать его и вырѣзать на немъ знаки и нарѣзки, и совершенный [1]) камень для опытнаго работника, чтобы пробовать на немъ свои клейноды и приводить ихъ въ порядокъ. Они называются неподвижными потому, что всегда должны находиться передъ глазами масона, какъ знакъ того, что они означаютъ въ нравственномъ смыслѣ. Ложа, украшенная такимъ образомъ, посвящается вообще Соломону, какъ первому великому мастеру, а такъ какъ онъ былъ еврей, то теперь ложа посвящается Св. Іоанну Крестителю и Іоанну Евангелисту.

Затѣмъ въ новомъ отдѣлѣ излагаются основныя нравственныя положенія масонства. Мы приведемъ только нѣкоторыя черты. Масонство состоитъ изъ трехъ великихъ принциповъ: братской любви, помощи и вѣрности (brother by Love, Reliet and Truth). Братская любовь смотритъ на весь человѣческій родъ, какъ на одно семейство, въ которомъ люди должны взаимно защищать, оказывать помощь и поддерживать другъ друга. Помощь каждому нуждающемуся, особенно всякому масону, есть основаніе масонской дружбы и знакомствъ. Вѣрность есть божественное свойство и основаніе масонской добродѣтели, почему лицемѣріе и обманъ масонамъ неизвѣстны, а чистосердечіе и прямота составляютъ ихъ отличительный характеръ, и сердце и языкъ каждаго соединяются, чтобы содѣйствовать благосостоянію другого и радоваться этому.

Отличительный характеръ масона есть добродѣтель, какъ высшее образованіе сердца, какъ чистота, гармонія и настоящее равновѣсіе склонностей, здоровье, крѣпость и красота души. Совершенство добродѣтели состоитъ въ томъ, чтобы дать разуму его полную свободу, съ радостной силой повиноваться велѣніямъ совѣсти, въ томъ, чтобы душевныя движенія, относящіяся къ самозащищенію, дѣйствовали съ силой и постоянствомъ; относящіяся къ человѣческому обществу—съ справедливостью и, наконецъ, душевныя движенія частной жизни—съ умѣренностью.

---

[1]) Или, какъ говорится обыкновенно, кубическій.

Масоны называются свободными и принятыми (free and accepted), потому что они свободны (имѣютъ взаимное право) для дружескихъ связей и должны быть свободны отъ пороковъ. Въ случаѣ, если бы не находилось человѣка съ такими свойствами, они надѣются навѣрно найти его „между наугольникомъ и циркулемъ“, потому что если они дѣйствуютъ по одному, то, конечно, они встрѣтятся внутри другого [1]) и т. д. Въ теченіе бесѣды, при главныхъ ея пунктахъ, пьются тосты, напримѣръ, въ память обоихъ св. Іоанновъ, въ честь масонскихъ принциповъ и добродѣтелей и т. п.

Въ заключеніе, закрытіе ложи совершается съ такими же обрядовыми вопросами и отвѣтами мастера и обоихъ надзирателей, съ какими ложа открывалась.

Такъ кончилась „лекція ученика“. Замѣтимъ, что въ этой лекціи (въ ея первоначальной формѣ) первоначально и заключался весь ритуалъ и вся обрядность масонства, потому что, какъ доказываютъ новѣйшія изслѣдованія, степени товарища и мастера были уже позднѣйшимъ развитіемъ основной темы стараго обряда, и первоначально вовсе не имѣли своихъ особыхъ ритуаловъ, съ которыми являются впослѣдствіи.

Приведенные нами тексты, по всей вѣроятности, не представляютъ собой подлиннаго обряда собственныхъ каменьщиковъ, какъ онъ существовалъ въ старыя времена до Великой Ложи. Можно легко предположить, что преобразователи масонства, расширившіе смыслъ стараго обычая людей одного ремесла до цѣлаго общественнаго учрежденія, произвели и здѣсь обобщенія, какія можно замѣчать въ „Конституціяхъ“,—но за всѣмъ тѣмъ едва-ли сомнительно, что первый старинный смыслъ и источникъ лекціи есть именно обычай, легенда и мораль средневѣкового цеха. Ея символы, уподобленія, нравственныя правила, послужившія впослѣдствіи для цѣлой системы масонской мистики, очевидно, шли первоначально не дальше того, что говорится въ нихъ прямо, въ этомъ содержаніи было много свѣтлыхъ и человѣчныхъ идей, которыя могли получить болѣе широкое значеніе и

[1]) Одинъ изъ употребительныхъ масонскихъ символовъ, состоящій изъ соединенія раскрытаго циркуля (сверху) и наугольника (снизу), которые взаимно пересѣкаются.

болѣе возвышенныя примѣненія. Преобразователи только воспользовались этими формами.

Настоящій видъ приведеннаго нами ритуала сохраняетъ черты стараго содержанія, во многихъ случаяхъ, вѣроятно, буквально. Если мы сравнимъ „Конституцію“ и „лекцію“, особенно первую, съ такими памятниками, какъ отысканные масонскими историками „Уставы нѣмецкихъ каменотесовъ въ Страсбургѣ“ 1459 и другіе подобные цеховые документы каменьщиковъ XV и XVI вѣка, мы найдемъ въ нихъ весьма любопытныя указанія, подтверждающія ихъ историческую связь. Въ этихъ „Уставахъ“ правила каменьщиковъ изложены въ чисто спеціальномъ цеховомъ смыслѣ и по сравненію съ ними мы можемъ наглядно судить о томъ, насколько „Конституціи“ должны были сохранить старое содержаніе: здѣсь тѣ же самые порядки, то же чиноначаліе, тѣ же отношенія между людьми ремесла и тѣ же заявленія о дружелюбіи. Какъ естественно въ людяхъ цеха являлась не только ремесленная, но и нравственная связь и солидарность, можно видѣть изъ сравненія этихъ цеховъ съ нашими артелями, даже въ ихъ нынѣшней формѣ. Въ „Постановленіяхъ“ артелей, напечатанныхъ Н. В. Калачовымъ при его изслѣдованіи о русскихъ артеляхъ [1]), мы не разъ встрѣтимъ тотъ же самый тонъ отношеній и то же присутствіе нравственныхъ требованій между членами общества. И здѣсь точно такъ же „новикъ“ принимается въ общество за поруками, какъ масонъ-кандидатъ долженъ быть представленъ ручающимся за него братомъ; равныя и справедливыя отношенія также выполняются между членами, отъ которыхъ требуется вѣрность и честность; артель точно такъ же имѣетъ свой судъ надъ членами и приговариваетъ ихъ ко взысканіямъ по общему приговору; точно такъ же членамъ артели предписывается доброе обращеніе; такая же заботливость о хорошей службѣ „господамъ хозяевамъ“; такое же обязательство „не возвышаться одинъ передъ другимъ старшинствомъ или званіемъ..... не заводить ссоръ, удерживаться отъ непристойныхъ выраженій“, „не заводить съ артелью ни въ какомъ случаѣ никакихъ споровъ по судебнымъ мѣстамъ“, наконецъ, стараніе вести всю

[1]) См. Этн. Сборникъ Геогр. Общ. т. VI.—Ср. Handb. II, 479—502.

работу „добропорядочно и дружелюбно, чтобы заслуживать доброе имя“, однимъ словомъ, въ томъ же родѣ, какъ мы читали въ „Конституціяхъ“. Къ этому цеховому характеру отношеній надобно только прибавить легенду и обрядность. А легенда въ средніе вѣка была такимъ общимъ спутникомъ бытовой жизни, что присутствіе ея здѣсь не требуетъ особенныхъ объясненій. Какъ отдѣльныя мѣстности, сословія, промыслы имѣли свои священныя преданія или своихъ патроновъ между святыми, такъ патрональная легенда была и у каменьщиковъ. Особенная исключительность ихъ общества, которая характеризуется ложею, строго закрытой для профана, будетъ очень понятна, если мы представимъ себѣ дѣйствительныхъ каменьщиковъ и дѣйствительные обряды религіозно-настроеннаго цеха, строившаго „церкви и часовни“, и вмѣстѣ цеха-монополиста, который питалъ обычную корпоративную гордость своимъ искусствомъ и ревниво оберегалъ себя и отъ конкуррентовъ, и отъ непосвященныхъ. Нѣкоторые изъ масонскихъ историковъ думали, что универсальность масонства, о которой говоритъ ритуалъ въ обѣихъ редакціяхъ, выражаетъ собой благороднѣйшій и самый широкій идеалъ космополитической любви къ человѣчеству; мы полагали бы, что подобнаго рода „универсальность“ могла быть понята и проведена въ принципъ развѣ только Андерсономъ и Дезагюлье, но, что если она и упоминалась у старыхъ каменьщиковъ, то она скорѣе ограничивалась только всѣмъ составомъ цеха, который принималъ чужестранныхъ братьевъ и оказывалъ имъ дружелюбіе и помощь. Въ такомъ смыслѣ, напр., „Конституціи“ говорятъ о каменьщикахъ всѣхъ странъ, какъ членахъ одного общества, какъ рабочихъ одного высокаго ремесла. И точно такъ же, какъ въ „Конституціяхъ“ помощь брату не обязательна сверхъ возможности, такъ и въ „уставахъ“ эта помощь всегда оговаривается наивно высказываемымъ условіемъ, „если это не будетъ вредно мнѣ самому и моему семейству“.

Что касается до формы этой лекціи, здѣсь мы опять въ среднихъ вѣкахъ. Это—обыкновенная форма средневѣковой полународной и полукнижной „бесѣды“, форма, которую мы встрѣтимъ и въ миѳологической бесѣдѣ бретонскихъ друидовъ, и въ „ученой“ бесѣдѣ Алькуина, и въ тѣхъ

народно-поэтическихъ бесѣдахъ о предметахъ религіи и знанія, какія мы находимъ и въ старой русской письменности. Обрядность, естественно, привязывается къ символамъ ремесла. Расширеніе ложи отъ земли до неба, отъ сѣвера до юга и т. д., какъ идеальное представленіе высокаго значенія искусства масона, совершенно соотвѣтствуетъ пріемамъ народно-поэтической фантазіи. Особенная обстоятельность присяги и оригинальность казней, которыя призываетъ на себя масонъ за нарушеніе клятвы, также отражаютъ въ себѣ пріемы народнаго вкуса. Но каменьщики были вмѣстѣ и люди ученые, и въ „лекціи", записанной въ 60-хъ годахъ XVIII-го столѣтія, эта наука представляется еще въ видѣ trivium et quadrivium.

Итакъ, содержаніе кеменьщицкихъ обрядовъ и ученія было очень просто, наивно, но въ немъ было, однако, искреннее чувство дружелюбія и братской помощи. Поэтому реформа каменьщичества, совершившаяся въ Англіи въ началѣ XVIII вѣка, могла имѣть свой смыслъ: она хотѣла только развить національный обычай, и ввести его въ высшій слой общества, расширивъ при этомъ содержаніе старой цеховой поэзіи до цѣлой нравственной дисциплины...

Но чтобы кончить съ этой стариной масонства, мы должны сообщить еще нѣсколько подробностей. Мы сказали уже, что степень товарища и степень мастера были позднѣйшимъ распространеніемъ ритуала; но онѣ уже вскорѣ стали существенной его принадлежностью. Здѣсь явились такія же или подобныя обрядности пріема, такія же лекціи или катехизисы, только съ новыми символическими толкованіями а также и новыми словами, прикосновеніями, знаками и т. д. Принятіе въ ученики и товарищи вскорѣ стало дѣлаться даже въ одинъ вечеръ, потому, конечно, что въ церемоніяхъ оставалось слишкомъ много сходнаго [1]). Впрочемъ, степень товарища сообщаетъ уже нѣкоторыя указанія на строеніе Соломонова храма, масонскую легенду, которую стали сообщать окончательно въ степени мастера.

Объ этой легендѣ надобно сказать нѣсколько словъ, потому что впослѣдствіи она, въ самыхъ разнообразныхъ ре-

---

[1]) Послѣ законъ уже требовалъ, чтобы между двумя принятіями проходило не меньше 4-хъ недѣль.

дакціяхъ, играла большую роль въ ритуалахъ различныхъ системъ новаго изобрѣтенія.

Замѣтимъ предварительно, что слѣдующая здѣсь легенда о Гирамѣ, или Адонирамѣ, или Гирамъ-Абифѣ, главномъ мастерѣ при строеніи Соломонова храма, воспользовалась нѣкоторыми чертами изъ легендъ о Соломонѣ и строеніи Іерусалимскаго храма, ходившихъ въ христіанской Европѣ среднихъ вѣковъ; но основной сюжетъ ея, вѣроятно, очень новый. Преданія о Соломоновомъ храмѣ, его великолѣпіи, чудесныхъ подробностяхъ его строенія, удивительномъ искусствѣ главнаго мастера, были чрезвычайно распространены въ средніе вѣка, и, безъ сомнѣнія, извѣстны были также и старымъ каменьщикамъ. Новѣйшіе масоны, естественно, могли развить свою легенду на почвѣ этихъ преданій, близкихъ къ спеціальности цеха. Къ Гираму относилось самое изобрѣтеніе масонскихъ словъ и знаковъ. По масонскому разсказу, „Гирамъ, главный строитель Соломонова храма, имѣлъ столько рабочихъ, съ которыми ему нужно было расплачиваться, что ему невозможно было знать ихъ всѣхъ; поэтому каждой степени или классу рабочихъ онъ далъ особенный знакъ и слово, по которымъ онъ легче могъ различать ихъ, чтобы платить имъ различное ихъ жалованіе“ [1]. Эти слова и знаки и стали потомъ принадлежностями и тайными примѣтами различныхъ масонскихъ степеней. Составленіе легенды объ убійствѣ Гирама масонскіе археологи относятъ, кажется, не раньше, какъ къ XVII-му столѣтію, если не къ XVIII-му. Сообщаемая нами редакція принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ.

Когда товарищъ „посвящается въ мастера“, то въ „лекціи“—такимъ же образомъ, какъ мы видѣли это въ степени ученика, — разсказываются всѣ подробности пріема, къ которымъ прибавляются потомъ новыя дѣйствія и разсужденія. Новопринятый мастеръ разсказываетъ, какъ онъ получалъ обученіе у старшаго надзирателя мастерской ложи:

— Онъ сказалъ мнѣ, что я представляю собой одного изъ величайшихъ людей въ мірѣ, именно нашего великаго мастера Гирама, который былъ убитъ при самомъ окончаніи

---

[1]) Jachin and Boaz, 1811, p. 33, примѣч.

(Соломонова) храма; и объ его смерти разсказываютъ слѣдующее:

„Было первоначально пятнадцать товарищей, которые, видя, что храмъ почти оконченъ, и не получая мастерскаго слова, были въ большомъ нетерпѣніи и согласились вынудить его силой у своего мастера Гирама, — при первомъ случаѣ, когда имъ удастся встрѣтить его одного, — чтобы послѣ имъ можно было считаться масонами въ другихъ странахъ и получать жалованье или прибыль мастера. Но прежде, чѣмъ они могли выполнить планъ, двѣнадцать изъ нихъ отказались отъ него; остальные трое упорствовали и рѣшились получить слово силой, если нельзя найти другого средства. Назывались они Jubela, Jubelo, Jubelum [1]).

„У Гирама былъ всегда обычай въ полдень, какъ скоро люцей позовутъ на отдыхъ, идти въ Sanctum sanctorum, или святая святыхъ, приносить свою молитву истинному и живому Богу; тогда трое вышеупомянутыхъ убійцъ стали у восточныхъ, западныхъ и южныхъ дверей храма. На Сѣверѣ не было входа, потому что лучи солнца никогда не падаютъ съ этой стороны.

„Гирамъ, кончивъ свою молитву къ Богу, пришелъ къ восточной двери и встрѣтилъ при ней Jubela, который рѣшительнымъ образомъ потребовалъ у него мастерскаго прикосновенія. Гирамъ отвѣчалъ ему, что не въ обычаѣ требовать этого прикосновенія такимъ тономъ, и что самъ онъ получилъ его не такъ; Гирамъ прибавилъ, что онъ долженъ ждать, и что время и терпѣніе это сдѣлаютъ. Гирамъ сказалъ ему дальше, что не во власти его одного открыть это (прикосновеніе), и что можетъ это сдѣлать только въ присутствіи Соломона, царя израильскаго, и Гирама, царя тирскаго. Jubela, недовольный этимъ отвѣтомъ, ударилъ его по шеѣ 24-хъ дюймовымъ масштабомъ (gauge). Гирамъ послѣ этого поступка его, побѣжалъ къ южной двери храма, и тамъ встрѣтилъ его Jubelo, который спросилъ у него мастерское прикосновеніе и слово такимъ же образомъ, какъ прежде Jubela; и получивъ отъ своего мастера тотъ же самый отвѣтъ, Jubelo нанесъ ему жестокій ударъ наугольни-

[1]) Въ другихъ варіантахъ этой мастерской легенды являются другія имена, конечно, столь же произвольныя.

комъ въ лѣвую грудь, заставившій его покачнуться. Пришедши въ себя, Гирамъ побѣжалъ къ западной двери—единственное оставшееся средство уйти; но этотъ проходъ стерегъ Jubelum, который спросилъ его въ томъ же смыслѣ и получивъ такой же отвѣтъ, нанесъ ему страшный ударъ по головѣ каменьщицкимъ молотомъ, что и причинило ему смерть".

Въ этомъ пунктѣ церемоніи принятія мастера, — замѣчаетъ „Іакинъ и Боазъ", —вы встрѣчаете нѣкоторую неожиданность; младшій надзиратель ударяетъ васъ масштабомъ по шеѣ; старшій надзиратель вслѣдъ за тѣмъ наноситъ вамъ ударъ наугольникомъ въ лѣвую грудь, и почти въ ту же минуту мастеръ ударяетъ васъ молотомъ. Такъ это бываетъ въ большей части ложъ; и при этомъ нужно не мало мужества, потому что удары бываютъ часто такъ жестоки, что бѣдный кандидатъ падаетъ назадъ на полъ; и чѣмъ больше бываетъ его страхъ при этомъ дѣйствіи, тѣмъ больше удовольствіе братьевъ. Этотъ обычай—замѣчаетъ та же книга,—слишкомъ благопріятствуетъ жестокости, и можно привести много примѣровъ, что люди въ этомъ положеніи просили на колѣняхъ, чтобы ихъ выпустили на свободу, а другіе какъ могли скорѣе спасались изъ ложи [1]).

Возвращаемся къ легендѣ и къ церемоніи.

„Послѣ того, убійцы вынесли тѣло Гирама въ западную дверь, и скрыли его подъ мусоромъ, до двѣнадцати часовъ

---

[1]) Книга упоминаетъ потомъ, что у французовъ и швейцарцевъ есть другой, болѣе поразительный и торжественный способъ представлять смерть Гирама. Именно, когда братъ, посвящаемый въ степень мастера, приходитъ въ ложу, то на томъ мѣстѣ, гдѣ дѣлается чертежъ, онъ находитъ гробъ, въ которомъ лежитъ одинъ изъ членовъ ложи съ обезображеннымъ и окровавленнымъ лицомъ, представляющій убитаго Гирама. При естественномъ изумленіи новопринимаемаго, одинъ изъ братьевъ объясняетъ ему, что это лежатъ останки достойнаго мастера, который пожертвовалъ жизнью, чтобы не выдать прикосновенія и слова тѣмъ, кто не имѣлъ на это права,—и выводитъ отсюда должную мораль. Затѣмъ произносится присяга, и въ то время, когда читается исторія убіенія Гирама, братъ выходитъ изъ гроба и новопринимаемаго кладутъ на его мѣсто. Авторъ „Іакина и Боаза" находитъ, что этотъ обычай лучше англійскаго. Замѣтимъ, что здѣсь уже начинается передѣлка и внѣшнихъ масонскихъ обрядностей, которыя, съ теченіемъ времени, становились все больше и больше искусственными и театрально-эффектными.

слѣдующей ночи, когда они, по уговору, сошлись и похоронили его на скатѣ холма, въ могилѣ въ шесть футовъ глубины, вырытой отъ востока къ западу“ [1]).

Затѣмъ, на вопросъ мастера, что происходило дальше, новопринимаемый разсказываетъ:

— Мнѣ сказали, что я представлялъ одного изъ величайшихъ людей въ мірѣ, т. е. нашего великаго мастера Гирама.

Мастеръ. Благодарю васъ, братъ. Прошу васъ, продолжайте.

О. Когда я легъ на спину, мастеръ сказалъ мнѣ, какъ Гирамъ былъ найденъ, и какимъ образомъ трое злодѣевъ были открыты. Именно: „Когда нашъ мастеръ Гирамъ не пришелъ по обыкновенію смотрѣть рабочихъ, царь Соломонъ велѣлъ сдѣлать строгіе поиски; и когда они были безплодны, то предположили, что Гирамъ умеръ. Когда двѣнадцать отставшихъ товарищей услышали это извѣстіе, въ нихъ заговорила совѣсть: они пришли къ Соломону съ бѣлыми запонами и перчатками, эмблемами ихъ невинности, разсказали ему все, что знали объ этомъ дѣлѣ, и предложили свое содѣйствіе для отысканія трехъ другихъ товарищей, которые скрылись. Они раздѣлились на четыре партіи: на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, чтобы искать убійцъ. Когда одинъ изъ-за двѣнадцати странствовалъ по морскому берегу близъ Яффы, онъ, уставши, сѣлъ отдохнуть, но вскорѣ былъ встревоженъ слѣдующими ужасными восклицаніями, изъ-за обрыва скалы: „Ахъ, пусть бы мнѣ перерѣзана была шея, языкъ вырванъ съ корнемъ и зарытъ въ морскомъ пескѣ при низкой водѣ, за кабельтовъ разстоянія отъ берега, гдѣ приливъ и отливъ проходитъ два раза въ двадцать четыре часа, прежде чѣмъ я согласился на смерть нашего великаго мастера Гирама“ [2]). „Ахъ, (говорилъ дру-

---

[1]) Другіе масоны,—замѣчаетъ „Іакинъ и Боазъ“,—говорятъ: иначе что Гирамъ не былъ вынесенъ въ западную дверь, но похороненъ на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ такимъ образомъ убитъ; трое убійцъ разобрали часть пола, сдѣлали отверстіе и, положивъ туда тѣло, покрыли его камнями, а потомъ вынесли мусоръ въ своихъ передникахъ или запонахъ, чтобы предупредить подозрѣніе.

[2]) Формула изъ присяги ученика о сохраненіи масонской тайны. См. выше.

гой) пусть бы лучше у меня было вырвано сердце изъ-подъ моей обнаженной лѣвой груди и отдано на пожраніе коршунамъ, чѣмъ принять мнѣ участіе въ смерти такого добраго мастера“ [1]). „Но я ударилъ его сильнѣе васъ обоихъ (сказалъ третій); и я убилъ его. Ахъ, пусть бы мое тѣло было раздѣлено на двое и разбросано на югъ и сѣверъ, мои внутренности сожжены въ пепелъ на югѣ и разсѣяны по четыремъ вѣтрамъ земли, прежде чѣмъ я сдѣлался причиной смерти нашего добраго мастера Гирама“ [2]). Товарищъ, услышавши это, пошелъ искать двухъ своихъ спутниковъ и они вошли на скатъ скалы, взяли и связали убійцъ, и привели къ царю Соломону, передъ которымъ они добровольно сознались въ своей винѣ и просили смерти. Приговоръ, сдѣланный надъ ними, былъ тотъ самый, какой они выражали въ жалобахъ своихъ на скалѣ: Iubela была перерѣзана шея; сердце Iubelo было вырвано изъ-подъ его лѣвой груди; а тѣло Iubelum было раздѣлено на двое и брошено на югъ и на сѣверъ.

„Когда казнь была совершена, царь Соломонъ послалъ за двѣнадцатью товарищами и просилъ ихъ поднять тѣло Гирама, чтобы похоронить его торжественнымъ образомъ въ Sanctum Sanctorum. Такъ какъ Гирамъ умеръ, то мастерское слово было потеряно. Товарищи, исполняя приказаніе Соломона, пошли и расчистили мусоръ и нашли своего мастера въ искаженномъ состояніи, такъ какъ онъ лежалъ пятнадцать дней; при этомъ они съ изумленіемъ подняли руки надъ головами и сказали: Господи Боже! Такъ какъ это было первое слово и первый знакъ [3]), то царь Соломонъ принялъ ихъ какъ великій знакъ мастера-масона и онъ употребляется теперь во всѣхъ ложахъ мастеровъ“.

Опускаемъ нѣсколько частныхъ подробностей. Лекція мастера кончается вопросами о строеніи Соломонова храма,— при которомъ не было употреблено никакого металла (почему у новопринимаемаго и отбираются металлическія вещи); дерево привозилось обдѣланное изъ ливанскаго лѣса и звукъ металлическаго орудія не былъ слышенъ въ храмѣ.

---

1) Такая же формула изъ присяги товарища.

2) Формула изъ присяги мастера.

3) Т. е. первые, какіе случились при этомъ событіи.

Мастеръ. „Почему у васъ была снята обувь съ обѣихъ ногъ? О. Потому что мѣсто, на которомъ я стоялъ, когда принятъ былъ въ масоны, было священное [1]).

М. Что поддерживаетъ вашу ложу? О. Три столба.

М. Прошу васъ, братъ, скажите, какъ они называются?

О. Мудрость, сила и красота.

М. Что они представляютъ? О. Трехъ великихъ мастеровъ: Соломона, царя израильскаго, Гирама, царя Тирскаго, и Гирама-Абифа, который былъ убитъ тремя товарищами.

М. Участвовали ли эти три великіе мастера въ строеніи Соломонова храма? О. Участвовали.

М. Въ чемъ состояло ихъ дѣло? О. Соломонъ доставлялъ содержаніе и плату рабочимъ; Гирамъ, царь тирскій, доставлялъ матеріалы для строенія, а Гирамъ-Абифъ совершалъ дѣло и имѣлъ главный надзоръ за нимъ [2]).

Такъ кончалась первоначальная легенда, которую стали сообщать въ степени мастера. Три первыя степени составляли полный циклъ, въ которомъ завершалась легенда и нравоученіе. Степени ученика, товарища и мастера представляли извѣстную градацію, въ которой и легенда и символическая мораль высказывались все полнѣе; въ степени мастера и то и другое оканчивалось и мысль легенды, какъ полагаютъ, состояла въ нравоученіи, что, исполняя свою обязанность, не должно бояться самой смерти. Дальнѣйшихъ притязаній эта форма масонства не имѣла.

Но уже и эта первая форма масонства, принятая въ Англіи, не представляла собой подлинной старой формы каменьщицкаго обряда, потому что самая градація трехъ степеней, составляющая потомъ основной типъ масонскаго ритуала, повышеній и администраціи, образовалась уже послѣ открытія Великой Ложи, въ періодъ 1724—1730 г. Впослѣдствіи, въ новыхъ образовавшихся системахъ масонства, на этихъ трехъ степеняхъ еще наросла цѣлая масса высшихъ степеней; въ самыхъ іоанновскихъ степеняхъ также произошло много видоизмѣненій; эти измѣненія и варіанты, исторія которыхъ, конечно, очень сложная, внесли, наконецъ, большое разнообразіе и во внѣшніе обряды, и въ самое

---

[1]) Holy—ground, вѣроятно, въ смыслѣ предполагаемой могилы Гирама.

[2] Jachin and Boaz, стр. 29—32.

толкованіе масонскаго содержанія. Мы ограничимся немногими замѣчаніями.

Когда ремесленные обычаи рабочей ложи при реформѣ 1717—1723 г. получили для новыхъ масоновъ только чисто иносказательный смыслъ, это уже открывало полный просторъ для символическихъ истолкованій. „Хозяинъ постройки“ и „Строитель“ (Builder), который сначала является только случайной аллегоріей, потомъ становится постояннымъ терминомъ; „работа“ стала исключительнымъ названіемъ для нравственно-религіозныхъ упражненій; рабочіе инструменты, вся обстановка ложи превратились въ масонскія „украшенія и клейноды“, и получали все болѣе и болѣе широкія символическія толкованія, конечно, болѣе или менѣе произвольныя. И это было не только въ новоизобрѣтенныхъ системахъ съ высшими степенями, но и въ самыхъ ложахъ Англіи. Книга Гучинсона (Spirit of Masonry, 1775), хотя и изданная съ одобреніемъ Великой Ложи, представляетъ уже сильное развитіе такой символики, которая, повидимому, уже не всегда была ортодоксальна въ старо-масонскомъ смыслѣ. Рядомъ съ этимъ, нравственно-общественныя идеи, съ которыхъ начало масонство, не всегда сохраняли свою чистоту, даже и въ самой Англіи. Напримѣръ, старыя „Конституціи“ говорятъ прямо о „всеобщей религіи“,—„той, въ которой всѣ люди согласны“;—между тѣмъ позднѣйшее масонство исключаетъ евреевъ, не говоря о магометанахъ, и впослѣдствіи вопросъ о допущеніи евреевъ былъ предметомъ долгихъ споровъ. Вмѣсто деистическихъ идей масонство становится на почву мистики... Правда, англійскія ложи никогда не доходили въ мистическомъ направленіи до тѣхъ нелѣпостей, какія мы указывали въ континентальномъ масонствѣ, но тѣмъ не менѣе и здѣсь простота перваго учрежденія начинала теряться. Успѣхъ свободнаго каменьщичества при его первомъ распространеніи въ Европѣ, былъ, вѣроятно, очень неожиданный, и это могло содѣйствовать появленію фальшивыхъ тенденцій: масоны старались разработать мистическую сторону дѣла въ томъ объемѣ, какой долженъ былъ соотвѣтствовать ихъ высокому понятію о значеніи ихъ общества, и съ другой стороны представить достойную его исторію. Начало этой исторіи, положенное Андерсономъ, было развито до цѣлаго басно-

словнаго сказанія о судьбѣ таинственной мудрости, сберегавшейся въ средѣ избранныхъ мужей съ самаго сотворенія міра. И то и другое, т. е. мистицизмъ и историческое баснословіе, мы видимъ уже въ полномъ ходу въ упомянутой книгѣ Гучинсона. Другіе ревнители пошли дальше, и уже съ перваго времени являются поддѣлки масонскихъ памятниковъ, какъ напр., мнимый масонскій катехизисъ Локка, который былъ даже принятъ въ изданіе англійскихъ статутовъ, и которому вѣритъ поэтому и Елагинъ [1]); или какъ мнимая Іоркская конституція 926 г. и т. п. Отсутствіе исторической критики и готовность вѣрить всякимъ разсказамъ о древности ордена, обезпечивали успѣхъ поддѣлокъ и все больше и больше запутывали исторію масонства.

Вмѣстѣ съ содержаніемъ и самыя формы каменьщичества становились все болѣе искусственными. Церемоніи, описываемыя въ старѣйшихъ ритуалахъ, еще довольно просты. Чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ дѣлаются сложнѣе, изысканнѣе, театральнѣе. Темная комната, въ которой прежде всего оставляется кандидатъ, въ прежнее время была, кажется, просто комната съ завѣшенными плотно окнами; впослѣдствіи, это—черная комната, съ чернымъ столомъ, на которомъ лежитъ библія и человѣческій черепъ; потомъ въ ней является цѣлый скелетъ; потомъ — это скелетъ движущійся и т. д. Въ самой ложѣ, украшенія ея становятся все ухищреннѣе, эффектнѣе; чертежъ на полу мѣломъ превращается въ цѣлый „коверъ", на которомъ рисуется множество символическихъ изображеній [2]); „низкія кресла", за которыми становился въ старину мастеръ при обрядѣ принятія, впослѣдствіи превращаются въ „жертвенникъ", и передъ

---

[1]) Р. Арх. 1864, 2-е изд., стр. 599. Онъ находится, между прочимъ, и въ русскомъ переводѣ книги Гучинсона, „Духъ масонства" (1783). Объ исторіи самаго документа см. Handb. I, 445—449.

[2]) Смыслъ чертежа или „ковра" масонскіе археологи объясняютъ такимъ образомъ. Когда рабочія ложи превратились въ ложи условныя, чертежъ былъ именно условнымъ изображеніемъ ложи. Въ рабочей ложѣ было три окна, на востокѣ, югѣ и западѣ; здѣсь при свѣтѣ работали мастеръ и его помощники; на сѣверъ окна не было, и здѣсь работали ученики. Въ масонской ложѣ положеніе лицъ осталось то же, но для того, чтобы представить истинную (идеальную) ложу, которой не соотвѣтствовала обыкновенная комната, на полу чертился параллелограмъ, изображавшій ложу, и здѣсь обозначались мѣста „свѣтильни-

нимъ совершалось даже нѣчто подобное церковнымъ обрядамъ: у нашихъ розенкрейцеровъ было мѵропомазаніе. Простое хожденіе новопринимаемаго кругомъ ложи превращается въ цѣлое такъ называемое „путешествіе“, которое, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усложнялось; въ старину новопринимаемый встрѣчалъ въ этомъ хожденіи только тѣ „препятствія“, какія находилъ въ спинахъ братьевъ, на которыхъ онъ натыкался съ завязанными глазами,—впослѣдствіи является цѣлый рядъ настоящихъ „испытаній“ [1]), которыми пробовали храбрость кандидата. Въ донесеніи Олсуфьева о масонахъ, при имп. Елизаветѣ, это путешествіе названо прямо „мытарствами“. Въ позднѣйшее время, особенно во французскихъ ложахъ, „путешествіе“ представляло для кандидата цѣлый рядъ мудреныхъ задачъ, которыя приходилось ему разрѣшать, —онъ долженъ былъ переходить черезъ воду, прыгать черезъ пропасти, брать въ руки раскаленное желѣзо, на него лилъ дождь, сыпался градъ, надъ нимъ гремѣлъ громъ и т. п. Въ заключеніе, для приданія масонской практикѣ всевозможной эффектности, чтобы окончательно ошеломить и напугать кандидата, пущены были въ

ковъ“ на востокѣ, югѣ и западѣ, гдѣ въ рабочей ложѣ были окна; мастеръ и члены ложи находились внутри чертежа. Потомъ, когда это нашли неудобнымъ, чертежъ дѣлался просто въ видѣ небольшого рисунка чисто воображаемой ложи. Впослѣдствіи и этого стало мало. Ложа была отождествлена съ Соломоновымъ храмомъ и чертежъ изображалъ храмъ; наконецъ, появились всевозможные символы и гіероглифы масонства, такъ что „объясненіе ковра“ стало цѣлой масонской наукой. Причардъ, говоря о свѣтильникахъ ложи, замѣчаетъ, что „три постоянные свѣтильника (fixed lights), бывшіе въ ложѣ, суть три окна, которыя предполагаются въ каждой комнатѣ, гдѣ держится ложа, хотя бы оконъ въ ней вовсе не было“.

[1]) „Масонъ безъ маски“ разсказываетъ это уже съ такими подробностями. Когда мастеръ велѣлъ провести профана „подъ желѣзными сводами отъ запада къ востоку, чтобы искалъ свѣта“—его повели такъ: „Фреръ (т. е. братъ, масонъ), который держалъ меня за руку, трижды провелъ меня кругомъ по ложѣ. При всякомъ шагѣ кричали мнѣ: подымай ноги, береги голову... Я вездѣ слышалъ надъ своею головою лязгъ, происходившій отъ ударенія мечей одинъ о другой и называемый ими желѣзными сводами. Всякой часъ бился я лбомъ будто какъ объ обнаженное желѣзо, которое Фреръ приставлялъ ко оному съ боку и повелѣвалъ мнѣ голову наклонять; сверхъ того, ощущалъ я всегда нѣчто подъ ногами и былъ принужденъ поднимать оныя на подобіе

ходъ всякія театральныя уловки, оптическіе обманы, электрическія машины, гальваническіе приборы, провалы и т. п. [1]).

Мы упомянемъ далѣе о различныхъ ритуалахъ, какіе существуютъ на русскомъ языкѣ и употреблялись въ нашихъ ложахъ. Значительная коллекція ихъ находится въ особенности въ масонскомъ собраніи Московскаго Музея; нѣсколько экземпляровъ находится въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ; нѣсколько ритуаловъ, принадлежавшихъ Елагину, гросмейстеру русскихъ ложъ при Екатеринѣ, и находящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, описано было Пекарскимъ.

ГЛАВА III.

Общія замѣчанія о русскомъ масонствѣ.

Въ образованіи и характерѣ русскихъ ложъ нельзя не замѣтить, съ извѣстными ограниченіями, многія сходныя черты съ европейскимъ масонствомъ, — какъ этого естественно ожидать по самой исключительности формъ масонскаго общества. Читатель могъ бы замѣтить нѣкоторыя черты этого сходства и по приведенной выше характеристикѣ нѣмецкаго масонства у Шлоссера, если бы сравнилъ ее съ тѣмъ, что мы знаемъ о нашемъ старомъ масонствѣ, — конечно, ограничивъ самые размѣры явленія, которые у насъ, какъ ни были сами по себѣ необыкновенны для русскихъ нравовъ, все-таки были очень тѣсны.

Общія причины распространенія масонства, или, вообще, мечтательнаго мистицизма, въ русскомъ образованномъ

обучаемой въ манежѣ лошади; ибо при всякомъ шагѣ находилъ я подъ ногами нѣкоторое препятствіе, которое или мѣшало мнѣ идти, или пугало.

„По многимъ трудамъ напослѣдокъ и по многихъ страхахъ, ощутилъ я себя при самой стѣнѣ и ожидалъ спокойно своего рока". (Стр. 18—19).

Наконецъ, мастеръ велѣлъ показать ему свѣтъ, и когда сняли съ его глазъ повязку, онъ увидѣлъ себя передъ братьями, направившими ему въ грудь свои обнаженные мечи.

[1]) См., напр.: Hephata oder Denkwürdigkeiten und Bekenntnisse eines Freimaurers. Leipz. 1836.

обществѣ XVIII-го столѣтія, лежатъ въ самыхъ условіяхъ и характерѣ нашего общественнаго развитія со временъ Петра Великаго. Реформа стряхнула упорную неподвижность XVII-го вѣка и хотя сама не имѣла, собственно говоря, цѣлью прямо возбудить общественную самодѣятельность (потому что не давала обществу свободы выбора, а принуждала его идти по указанному направленію), но принесенный ею запасъ новыхъ понятій не могъ не оказать своего дѣйствія. Если только въ обществѣ находились живые люди, искавшіе развитія, въ ихъ умахъ должны были пустить свой корень тѣ идеи, которыя выражались европейскими знаніями и европейскими формами быта, какъ бы ихъ объемъ не былъ ограниченъ въ первое время. Русскіе люди теперь сами могли видѣть европейскую жизнь и присматриваться къ ея руководящимъ тенденціямъ, и просвѣщеніе, за которымъ Петръ отправлялся самъ въ Европу и посылалъ своихъ подданныхъ, не могло не прививать, хотя въ нѣкоторой степени, своего содержанія и нравственнаго смысла. Однимъ изъ первыхъ очевидныхъ дѣйствій этого просвѣщенія было возникновеніе литературы: въ эпоху самого Петра ея почти не существовало; она почти вся состояла только изъ непосредственно нужныхъ книгъ; Петръ самъ указывалъ, что надо перевести и напечатать, самъ поправлялъ и составлялъ книги, — эта оригинальная литература похожа была на продолженіе и объясненіе указовъ. Но затѣмъ она является уже съ признаками индивидуальнаго характера: писатель выходитъ на литературное поприще по внутреннему побужденію и въ первый разъ выражаетъ собой зарождающуюся общественную инціативу. Таковы были Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ. Извѣстно, что эта первая литературная дѣятельность въ европейскомъ стилѣ не осталась незамѣченной обществомъ и напротивъ, встрѣтила особенное вниманіе со стороны наиболѣе образованныхъ людей—несомнѣнный знакъ, что въ этомъ обществѣ совершались первыя движенія мысли и общественныхъ интересовъ. Существенной чертой содержанія этой литературы было стремленіе къ просвѣщенію, желаніе, чтобъ отечество сдѣлалось жилищемъ музъ и наслаждалось плодами „насажденныхъ“ наукъ: писатели старались какъ можно скорѣе создать „Россійскій Парнассъ“, этотъ миѳологиче-

скій палладіумъ литературнаго образованія, по тогдашнимъ понятіямъ, и наполнить въ отечественной литературѣ всѣ принятыя рубрики прозы и поэзіи. Все это было пылкимъ, но еще очень неопредѣленнымъ стремленіемъ усвоить европейское образованіе, которое становилось передъ обществомъ, какъ неизбѣжный и могущественный авторитетъ. Неопредѣленность первыхъ стремленій литературы выражала и неопредѣленность самыхъ инстинктовъ общества, которые только мало-по-малу и постепенно пріобрѣтали нѣкоторую ясность и сознательность. Сатира Кантемира еще слишкомъ отзывается преслѣдованіемъ оффиціально указанныхъ недостатковъ; но въ сатирѣ Сумарокова мы видимъ уже болѣе самостоятельную попытку общества судить о своихъ вопросахъ. Нравственныя понятія начинаютъ образовываться независимо отъ подобныхъ оффиціальныхъ указаній; и общество уже само начинаетъ искать себѣ идеаловъ и руководящихъ идей.

Естественно, что при этомъ общественная мысль, уже съ самыхъ первыхъ шаговъ, должна была натолкнуться на противорѣчіе и препятствія.

Припоминая свойства нашей жизни и нравовъ въ XVIII столѣтіи, мы увидимъ, что для этой зарождающейся мысли представлялось здѣсь много явленій, вызывавшихъ на протестъ. Понятія, внушаемыя образованіемъ, не могли мириться съ тѣми мрачными сторонами быта, которыми такъ изобиловало наше XVIII столѣтіе. Нравы, даже нѣсколько отполированные европейскими формами, еще слишкомъ часто носили на себѣ черты до-петровскаго, полуазіатскаго быта, которыя проявлялись одинаково и въ пріемахъ управленія, и въ частной жизни даже наиболѣе образованнаго высшаго класса. Не входя въ большія подробности, достаточно припомнить, что многія событія Петровскаго времени, быстрыя смѣны правительствъ въ послѣдующемъ періодѣ, крайній произволъ администраціи, судебное грабительство, невѣжество и дикость крѣпостныхъ нравовъ, все это мало способствовало общественной и частной нравственности, а, прикрываясь лоскомъ европейскаго образованія, становилось еще болѣе вопіющимъ диссонансомъ. Между тѣмъ образованіе шло своимъ путемъ, и для лучшихъ людей долженъ былъ представиться настоятельный вопросъ: чѣмъ попра-

вить это положеніе вещей, гдѣ искать средства противъ этихъ мрачныхъ явленій, какъ разрѣшить противорѣчіе? Послѣ Петра реформаторская дѣятельность правительства очень ослабѣла, иногда даже останавливалась вовсе, и обществу приходилось уже больше разсчитывать на свой собственный выборъ средствъ и собственныя усилія. Куда же обратился этотъ выборъ?

Умственный запасъ и нравственныя силы самого общества были еще слишкомъ ограничены, чтобы оно вообще могло обойтись безъ чужой помощи въ трудныхъ задачахъ развитія, и естественно, что и теперь, какъ при началѣ реформы, оно обратилось за этой помощью къ европейскимъ источникамъ. Изъ нихъ почерпались первыя знанія, заимствовались цивилизованные обычаи, копировались формы администраціи, и изъ нихъ же стала теперь почерпаться литература, изъ нихъ брало свою форму и начинавшееся броженіе общественной мысли. Въ тѣсныхъ границахъ и въ слабой степени здѣсь повторялись тѣ направленія мысли, какія господствовали въ тогдашней европейской литературѣ и общественной жизни. Извѣстно, какія были въ общихъ чертахъ эти направленія. Съ одной стороны, это было постепенное развитіе знанія, усиленіе раціонализма и разсудочной философіи, стоявшія въ связи съ успѣхами точныхъ наукъ и къ концу столѣтія доходившія до положительнаго сенсуализма и до философіи энциклопедистовъ; съ другой стороны — мистика, которая въ началѣ столѣтія питалась умствованіями, диспутаціями и чудесами іезуитовъ и янсенистовъ во Франціи, или піэтизмомъ и его экзальтаціей въ Германіи. Мистика, въ концѣ столѣтія, почти вполнѣ овладѣла (первоначально деистическимъ) масонскимъ обществомъ, и въ заключеніе дошла до невообразимаго тумана, фантазерства и шарлатанства, о которыхъ мы говорили выше. Оба направленія иногда странно перепутывались: мистикъ иногда питался широкими идеями свободнаго мышленія, передѣлывая ихъ на свой ладъ и поднимая споръ противъ оффиціальной церковности съ помощью аргументовъ, указанныхъ скептиками; и наоборотъ, свѣтскіе люди, воспитанные на скептицизмѣ, вѣрили въ мистическія чудеса фантастовъ, въ родѣ Сведенборга, или ловкихъ шарлатановъ, въ родѣ Казановы или Каліостро, которые своимъ смѣлымъ и насмѣшливымъ

обманомъ наказывали общество за недостатокъ серьезной мысли и знанія. Но при всей коренной противоположности раціонализма, или точнаго знанія, и мистики, при всей ожесточенной борьбѣ, которая шла между обоими направленіями въ литературѣ и общественной жизни, а, наконецъ, и на широкой политической аренѣ, оба направленія имѣли то общее, что оба, каждое съ своей точки зрѣнія и своими способами, искали нравственнаго освобожденія отъ гнетущихъ формъ всемогущей официальной государственности и школьной теологіи; оба искали средствъ противъ упадка общественной нравственности и для установленія иныхъ междучеловѣческихъ отношеній. Эти направленія перешли слабымъ отголоскомъ и въ нашу собственную жизнь, перешли мало-по-малу, часто почти незамѣтно для глаза, проникая въ литературу и общество при каждомъ новомъ заимствованіи, какими наше образованіе постоянно питалось въ XVIII столѣтіи. Ко второй половинѣ этого вѣка оба направленія выразились и у насъ весьма явственно, и мы видимъ ихъ идущими параллельно, потому что оба они отвѣчали общественнымъ потребностямъ и вкусамъ. Эти потребности и вкусы являлись въ самой русской жизни, какъ слѣдствіе нѣкоторой степени образованія и какъ естественная реакція противъ тяжелой и неудовлетворявшей дѣйствительности; но вмѣстѣ съ тѣмъ они воспитывались и усиливались той самой пищей, какой искали въ европейскихъ источникахъ. Требованія раціональнаго знанія уже имѣли свое выраженіе въ Ломоносовѣ, который былъ у насъ представителемъ Вольфовой философіи и положительнаго естествознанія, — и извѣстно, что это точное знаніе уже вызывало оппозицію доморощенныхъ мистиковъ. При Екатеринѣ II, когда общество въ началѣ ея царствованія замѣтно встрепенулось и оживилось, эти направленія выказались уже гораздо опредѣленнѣе: на одной сторонѣ ясно обнаруживается живой интересъ къ французскому просвѣщенію и энциклопедистамъ, на другой — наклонность къ отвлеченной религіозности и мистицизму; разсудочная философія и идеи о естественныхъ правахъ и достоинствѣ человѣка находятъ себѣ мѣсто въ „Наказѣ“ — мистика и піэтизмъ открываютъ свою пропаганду въ масонскихъ ложахъ.

Чтобы ближе видѣть, какимъ образомъ такая странная,

темная, фантастическая, наконецъ даже нелѣпая вещь, какъ масонство, могла овладѣть умами съ такой силой, и увлекать такихъ достойныхъ людей, каковы, несомнѣнно, были очень многіе изъ русскихъ масоновъ, — надо припомнить, что если оно открыло себѣ путь въ европейское общество, то человѣкъ русскаго общества былъ еще беззащитнѣе противъ мистическаго тумана потому, что другое, болѣе разумное направленіе, было очень слабо. Наше серьезное знаніе было вполнѣ чужое, и русская мысль разрабатывала и усвоивала его содержаніе только въ той ограниченной мѣрѣ, какую могла допустить незначительная степень ея зрѣлости. При русскихъ условіяхъ, при крайнемъ недостаткѣ правильныхъ средствъ образованія, эта зрѣлость вообще должна была приходить крайне медленно; кромѣ того, даже сильный умъ, вооруженный всѣми средствами существовавшей науки, едва ли былъ бы въ состояніи сдѣлать много при тогдашнемъ положеніи массы общества: общественная дѣятельность писателя не можетъ принять большихъ размѣровъ тамъ, гдѣ его голосу приходится вопіять въ пустынѣ; суровое правленіе нисколько не поощряло индивидуальныхъ стремленій, когда они на шагъ удалялись отъ предписанныхъ рамокъ; число образованныхъ людей было слишкомъ ничтожно, чтобы они могли составить серьезное общественное мнѣніе. Попытки просвѣтительной дѣятельности высказывались только въ самыхъ невинныхъ формахъ, робко и нерѣшительно, изъ страха передъ людьми и вещами, съ которыми шутить было нельзя. Понятно, что эти попытки были крайне блѣдны и недѣйствительны: писатель и не помышлялъ о какомъ-нибудь систематическомъ проведеніи своей мысли, онъ даже и не привыкалъ къ этой систематической мысли; изъ богатаго источника западныхъ литературъ онъ пользовался немногими крохами, которыя былъ въ силахъ высказать въ русской книгѣ и примѣнить къ русской жизни; если онъ пытался иногда расширять свою точку зрѣнія, онъ тотчасъ наталкивался на неодолимое препятствіе, возвращавшее его назадъ... Императрица Екатерина сама отдавала дань западному просвѣщенію, наполнивъ его идеями знаменитый „Наказъ“; она переписывалась съ Вольтеромъ, любезно покровительствовала Дидро, переводила „Велизарія“ въ то время, когда его запрещали въ Парижѣ, —

но это не касалось русской литературы, и сущность ея зависимаго и слабосильнаго характера измѣнилась мало. Общій уровень образованія былъ все еще весьма не высокъ; у насъ, правда, переводили энциклопедистовъ, но едва ли хорошо понимали ихъ, и притомъ въ переводъ не попадали главнѣйшія произведенія, которыя могли бы оказывать вліяніе; наиболѣе смѣлый писатель, на которомъ видно ихъ вліяніе, Радищевъ, кажется скорѣе чудакомъ, не отдававшимъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, пожалуй, искреннимъ и благороднымъ мечтателемъ, чѣмъ серьезнымъ или глубокимъ умомъ; комедія и сатира, „бичевавшія" недостатки общества, ратовали противъ г-жъ Простаковой и Ворчалкиной и преслѣдовали подъячихъ, — дальнѣйшіе ранги остались нетронутыми, не только въ печати, но, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, и въ помышленіи. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ писатель выходилъ изъ этого уровня, дѣйствительно, или даже только повидимому, онъ встрѣчалъ упомянутыя препятствія и иногда платился за неосторожность; вспомнимъ мелкіе и крупные примѣры фонъ-Визина, Княжнина, Новикова, Радищева... Мы вовсе не хотимъ унижать этимъ достоинства нашей литературы XVIII столѣтія, — она все-таки предпринимала полезные труды; мы не будемъ также и опредѣлять здѣсь, насколько ея слабость и недостатки были слѣдствіемъ слабости общественной и личной инціативы, и насколько они были дѣломъ обстоятельствъ, — для насъ важно здѣсь только то заключеніе, не подлежащее спору, что все это литературное движеніе не могло дать идеямъ просвѣщенія вліянія и силы въ мнѣніяхъ общества. При ограниченности образовательныхъ и литературныхъ средствъ, изъ всего содержанія, которое наша литература могла бы извлекать изъ европейскихъ источниковъ и пріобрѣсти собственными усиліями, въ результатѣ для большинства оставалось темное сознаніе, почти только инстинктъ неудовлетворенности существующими общественными отношеніями и неясное стремленіе къ чему-нибудь лучшему, къ какому-нибудь идеалу въ нравственныхъ отношеніяхъ, и это желаніе, предоставленное самому себѣ, не довольно опредѣлившее свои общественныя цѣли, не вооруженное достаточно противъ мистицизма, открыло свободную дорогу европейскому масонству, усвоило нѣкоторыя изъ его лучшихъ сто-

ронъ; но, къ сожалѣнію, въ концѣ концовъ дало утвердиться у насъ самымъ сомнительнымъ его формамъ.

ГЛАВА IV.

Первыя ложи въ Россіи, 1731—1762.

Читатель, слѣдившій за нашимъ изложеніемъ, вѣроятно составилъ себѣ то понятіе объ историческомъ и общественномъ смыслѣ масонства, которымъ должно руководиться при опредѣленіи частныхъ явленій его исторіи. Читатель вѣроятно замѣтилъ, что „масонство“ могло имѣть въ сущности много различныхъ значеній; что хотя оно и представляло собой первоначально извѣстныя понятія религіозно-нравственныя и общественныя, но стало потомъ только общей формой, въ которую могло вкладываться весьма различное содержаніе, и что характеръ этого новаго содержанія зависѣлъ отъ условій и свойствъ того общества, куда масонство находило доступъ. Отсюда многоразличный характеръ масонскихъ „системъ“, которыя расплодились на европейскомъ материкѣ почти тотчасъ послѣ перехода масонства изъ Англіи: новыя условія, встрѣтившія англійское масонство, произвели столько разныхъ формъ масонства, сколько того требовалось для разныхъ направленій общественной мысли или для разныхъ разсчетовъ интриги. Такимъ образомъ произошли Клермонтская и другія французскія системы, Тампліерство, Шведская система, Циннендорфство, Розенкрейцерство, система Благотворительныхъ Рыцарей, Иллюминатство, Эклектическій союзъ, и т. д. и т. д. Отражая на себѣ вліяніе различныхъ обстоятельствъ, масонство настолько удалялось отъ своего первоначальнаго смысла, что его первыя „конституціи“ становились чистой формальностью или получали иной смыслъ, и что изъ движенія, первоначально прогрессивнаго и нравственно-чистаго, въ послѣднихъ своихъ вырожденіяхъ оно становилось гнѣздомъ и орудіемъ обскурантизма, шарлатанства и низменной интриги. Таковы были въ особенности формы масонства, развившіяся въ послѣдней четверти XVIII столѣтія подъ вліяніями—прямыми или косвенными—іезуитства и реакціи

противъ „просвѣщенія“ своего вѣка. Такимъ образомъ, разсматривая исторически масонское движеніе въ извѣстной странѣ и въ извѣстное время, мы прежде всего должны припоминать себѣ эту относительность его значенія. Вносимое въ извѣстную общественную среду, оно сохраняло или теряло свой основной характеръ въ той мѣрѣ, на сколько это допускалось или требовалось данными условіями общества,—такъ что въ исторіи, напр., нашихъ ложъ, мы изъ-за чужого собственно явленія, перенесеннаго цѣликомъ изъ иностранныхъ источниковъ, имѣемъ однако возможность слѣдить за историческимъ ходомъ русскаго общества. Въ этомъ и состоитъ историческій интересъ этого изученія.

Восходя къ началу русскаго масонства, можно упомянуть о масонскомъ преданіи, которое относило введеніе масонства въ Россіи ко временамъ Петра Великаго, и именно приписываетъ его самому Петру: онъ, будто бы, принятъ былъ въ масонство самимъ Кристофоромъ Вреномъ (или Реномъ, Wren), знаменитымъ основателемъ новаго англійскаго масонства; первая ложа существовала, будто бы, въ Россіи еще въ концѣ XVII-го столѣтія,—мастеромъ стула былъ въ ней Лефортъ, первымъ надзирателемъ Гордонъ, а вторымъ самъ Петръ Великій [1]). По другому разсказу Петръ вывезъ изъ своего путешествія (второго) въ 1717 г. масонскій статутъ, и на его основаніи приказалъ открыть, или даже самъ открылъ, ложу въ Кронштадтѣ [2]). Едва ли есть какая-нибудь возможность придавать историческую цѣну этому преданію, но оно не лишено интереса, какъ желаніе масоновъ осмыслить исторически свою дѣятельность въ Россіи, и пріурочить къ масонскимъ идеямъ преобразовательную дѣятельность Петра, которая была въ Россіи такимъ же нововведеніемъ въ смыслѣ цивилизаціи, какимъ масоны должны были считать и свое братство, и которая имѣла ту же патріотическую основу, какую они должны были приписывать и своему собственному дѣлу. Имя Петра пользовалось уваженіемъ у нашихъ масоновъ, они пѣли въ честь его стихи, между прочимъ „Пѣснь“ Державина (у Грота, I, 30),—это сочувствіе къ реформѣ и могло послу-

---

1) Latomia, XIII, 149. Handbuch, III, 106.

2) Лонгиновъ, стр. 92.

жить основой для указанной легенды. Болѣе достовѣрныя историческія свидѣтельства позволяютъ относить основаніе масонства въ Россіи только къ 1731 году. Въ этомъ году гроссмейстеръ лондонской Великой Ложи лордъ Ловель (Thomas Coke или Cooke, lord Lovell, гроссм. съ 17 марта 1731—19 апрѣля 1732 г.) назначилъ капитана Джона Филиппса провинціальнымъ гроссмейстеромъ Россіи[1]). Въ 1740 или 1741 году провинціальнымъ гроссмейстеромъ для всей Россіи назначенъ былъ извѣстный генералъ Яковъ Кейтъ (James Keith, 1696—1758), англичанинъ, вступившій въ русскую службу въ 1728 г., и потомъ, кажется въ 1744, перешедшій на службу въ Пруссію, гдѣ онъ сталъ однимъ изъ славнѣйшихъ сподвижниковъ Фридриха Великаго, — человѣкъ, отличавшійся кромѣ военныхъ талантовъ, оказанныхъ имъ еще въ Россіи, высокими нравственными качествами. Назначеніе свое въ русскомъ масонствѣ онъ долженъ былъ получить отъ гроссмейстера англійскихъ ложъ, которымъ былъ тогда братъ его, Джонъ Кейтъ, графъ Кинторъ (John Keith, earl of Kintore, гроссм. съ 27 апрѣля 1740—19 марта 1741). Есть извѣстіе, что англійская Великая Ложа основала въ 1731 г. въ Москвѣ первую ложу, которая держала свои собранія въ великой тайнѣ; по другому извѣстію Яковъ Кейтъ уже въ 1734 или даже въ 1732 г. руководилъ въ Петербургѣ масонской ложей[2]). Въ русскихъ источникахъ не осталось никакихъ свѣдѣній о дѣятельности Кейта въ этомъ отношеніи; воспоминаніе о ней сохранилось только въ одной масонской пѣснѣ, указанной Ешевскимъ въ одномъ новѣйшемъ сборникѣ, напечатанномъ, безъ означенія времени и мѣста, въ первой четверти XIX-го столѣтія. Въ этой пѣснѣ Кейтъ вспоминается такимъ образомъ:

По немъ (по Петрѣ Великомъ) свѣтомъ—озареннный
Кейтъ къ россіянамъ прибѣгъ;
И усердьемъ воспаленный

---

[1]) Свѣдѣніе это въ первый разъ появилось, вѣроятно, въ изданіи Андерсеновыхъ „Конституцій" (изданіе 1767 съ этимъ извѣстіемъ указано у Пекарскаго, Дополн. стр. 2). Затѣмъ оно повторяется у Гедике, Freimaurer-Lexicon, 1818, стр. 420; у Клосса, Freim. in Engl., стр. 123; въ Handbuch, II, 241, 245.

[2]) Nettelbladt, Meckl. Prov. Kalend., 1835, стр 37. Handb. II, 112, III, 106. Ersch und Gruber, Allg. Encyclop. sect. т. 49, стр. 80.

Огнь священный здѣсь возжегъ,
Храмъ премудрости поставилъ [1])
Мысли и сердца исправилъ
И насъ въ братствѣ утвердилъ.
Кейтъ былъ образъ той денницы,
Свѣтлый коея восходъ
Свѣтозарныя царицы
Возвѣщаетъ въ міръ приходъ [2]) и т. д.

Изъ этихъ извѣстій о началѣ ложъ въ Россіи надо, кажется, заключить, что первоначальное масонство введено было прямо англичанами, которые внесли его въ чужую страну для собственнаго употребленія, точно такъ же, какъ они обыкновенно приносятъ съ собой свои нравы и обычаи, и что масонство держалось исключительно или преимущественно между иностранцами, среди которыхъ русскіе были только случайными или второстепенными членами ложъ. Но кромѣ англичанъ, вводителями масонства были, повидимому, и нѣмцы, которыхъ уже и тогда было много въ Россіи, особливо въ Петербургѣ. Въ самой Германіи масонство уже въ 1730-хъ годахъ имѣло весьма много послѣдователей, и есть основанія думать, что во времена Анны Іоанновны и Бирона у нѣмцевъ въ Петербургѣ были и масонскія ложи. О самомъ Кейтѣ есть свѣдѣнія, что онъ имѣлъ какія-то связи съ нѣмецкими ложами (именно въ Гамбургѣ) еще до своего гроссмейстерства въ Россіи. Въ исторіи извѣстной берлинской ложи „Трехъ Глобусовъ“, мы находимъ, что еще въ періодѣ 1738—1744 г. эта ложа имѣла дѣятельную корреспонденцію между прочимъ и съ Петербургомъ.[3]). И много спустя, напр. въ семидесятыхъ годахъ, иностранцы, особенно нѣмцы, играли значительную роль въ русскихъ ложахъ, а за это раннее время ихъ преобладаніе въ ложахъ было еще болѣе естественно. Имя Кейта въ особенности сохранено масонскимъ воспоминаніемъ, вѣроятно, потому, что при немъ масонство въ первый разъ проникло въ собственно русскіе кружки.

---

[1]) Т. е., конечно, основалъ ложу.

[2]) Пѣснь LIII, стр. 66. При пѣснѣ замѣчено, что она пѣлась въ Россіи, въ ложахъ, въ царствованіе Елизаветы. См. Ешевскій, Сочиненія, М. 1870, т. III, стр. 445.

[3]) Gesch. der grossen National-Loge der Preuss. Staaten zu den drei Weltkugeln. Berl. 1840, стр. 16.

Повидимому, уже вскорѣ масонство начало проникать и другими путями, не только черезъ иностранцевъ, жившихъ въ Петербургѣ, но и черезъ русскихъ, которые сами вывозили его изъ-за границы.

Къ 1747 году относится мало извѣстное до сихъ поръ дѣло о масонствѣ графа Николая Головина. Онъ служилъ волонтеромъ въ прусской службѣ, около этого времени вернулся изъ-за границы и въ Петербургѣ призванъ былъ къ А. И. Шувалову: ему объявлено было отъ имени императрицы (Елизаветы), что „хотя она довольныя причины имѣетъ о поступкахъ его сумнѣваться“, но по своему природному великодушію и милосердствуя къ молодости Головина, надѣется, что онъ впредь исправится,—и ему велѣно только уѣхать въ Москву и быть скромнѣе. Его подозрѣвали въ исполненіи какихъ-то порученій отъ прусскаго короля, Фридриха II, къ его дипломатическому агенту въ Петербургѣ, графу Варендорфу. На допросѣ Головина между прочимъ спросили, чтобы онъ безъ утайки объявилъ о своемъ вступленіи въ „фрамасонскій орденъ“, назвалъ, какіе есть еще русскіе члены его и какіе наблюдаются въ немъ законы или уставы; на что Головинъ отвѣчалъ: „я, признаюсь, жилъ въ этомъ орденѣ, и знаю, что графы Захаръ да Иванъ Чернышевы въ ономъ же орденѣ находятся, а болѣе тайностей иныхъ не знаю, какъ въ печатной книгѣ о фрамасонахъ показано“ [1]).

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ Головинъ вступилъ въ орденъ, или гдѣ вступили въ него Чернышевы, въ какомъ положеніи были тогда русскія ложи, — пока еще нѣтъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ упоминается подъ 1750 г. въ Петербургѣ ложа „Скромности“ (Zur Verschwiegenheit), неизвѣстно, русская или иностранная, скорѣе—послѣднее. Въ этой ложѣ „Скромности“ датскій министръ баронъ Мальцанъ, принадлежавшій къ ложѣ Зоровавеля (Zorobabel zum Nordstern) въ Копенгагенѣ, принялъ двухъ братьевъ изъ Риги, фонъ-деръ-Гейде и Цукербекера, которые затѣмъ въ

---

[1]) Лѣтоп. Тихонр. IV, 52. Какую онъ разумѣлъ печатную книгу, неизвѣстно. Пекарскій, Дополненія, стр. 3.

томъ же году основали ложу Сѣверной Звѣзды (Zum Nordstern) въ Ригѣ [1])

Отъ царствованія имп. Елизаветы мы имѣемъ еще одинъ документъ о русскомъ масонствѣ, относимый довольно вѣроятно къ 1756 году. Этотъ документъ есть донесеніе о масонахъ, представленное по приказанію императрицы Михайломъ Олсуфьевымъ графу А. И. Шувалову, управлявшему тогда тайной канцеляріей. Повидимому, это было только полицейское дознаніе, которое не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Олсуфьевъ долженъ былъ показать о „масонской сектѣ", „на чемъ оное основаніе свое имѣетъ и кто именно всякаго званія ей участники сообщества". На эти вопросы онъ между прочимъ доносилъ слѣдующимъ образомъ (буквально): „Всякаго званія чина людей, желающихъ ложа удостоить въ разныя времена, чрезъ случаи, изыскивая своихъ товарищей объ ономъ выше реченныхъ съ ясными доказательствами увѣрить, что оное ни что иное какъ ключь дружелюбія и братства, которое безсмертно во вѣки пребыть имѣетъ, и тако нашетшихся ихъ сообщества называемымъ просвѣщеніемъ оныхъ удостоиваетъ". Затѣмъ онъ, такимъ же слогомъ, описываетъ главнѣйшіе обряды принятія, и наконецъ, перечисляетъ „участниковъ общества". Въ его „реестрѣ гранметрамъ и масонамъ" названо до тридцати пяти лицъ, впрочемъ, безъ означенія ихъ масонскихъ должностей. На первомъ планѣ, вѣроятно главнымъ „гранметромъ", онъ ставитъ Романа Илларіоновича Воронцова (отецъ княгини Дашковой); затѣмъ „бригадиръ Александръ Сумароковъ", извѣстный писатель; офицеры кадетскаго корпуса: Мелиссино, Остервальдъ, Свистуновъ, Перфильевъ; дальше слѣдуютъ разныя болѣе или менѣе аристократическія имена, обозначенныя мѣстомъ ихъ службы—въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полку, въ конной гвардіи, въ Ингерманландскомъ полку: это были—князь Михайло Дашковъ, Ѳедоръ Мамоновъ, князь Мих. Щербатовъ, трое князей Голицыныхъ, „капитана Волкова двое дѣтей", князь Сергѣй Трубецкой, Иванъ Болтинъ, Николай Апраксинъ, князь Семенъ Мещерскій, Петръ Бутурлинъ, камеръ-пажъ

---

[2]) Handb. III, 107.

Петерсонъ и др. Наконецъ, упомянуто нѣсколько музыкантовъ, танцмейстеръ кадетскаго корпуса Пеле и купецъ Миллеръ.—Эти имена даютъ возможность составить понятіе о кружкѣ, въ которомъ масонство находило своихъ прозелитовъ. Замѣтимъ прежде всего имена офицеровъ кадетскаго корпуса. Въ пятидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія кадетскій корпусъ былъ однимъ изъ пріютовъ молодого русскаго просвѣщенія. Здѣсь находили себѣ мѣсто литературные интересы; здѣсь до 1752 г., когда явился въ Петербургѣ извѣстный Волковъ съ своей ярославской труппой, существовалъ театръ, въ которомъ кадеты и офицеры разыгрывали французскія пьесы, трагедіи и комедіи Сумарокова. Эти актеры играли въ самомъ корпусѣ, въ придворномъ театрѣ и въ комнатахъ самой императрицы, и въ числѣ лучшихъ изъ этихъ артистовъ были: фельдфебель Мелиссино, кажется, Петръ Ивановичъ, впослѣдствіи артиллерійскій генералъ, имѣвшій и большую масонскую извѣстность, и сержантъ Остервальдъ, оба упомянутые въ „реестрѣ“ масоновъ у Олсуфьева. Свистуновъ есть, конечно, тотъ Петръ Семеновичъ Свистуновъ, генералъ, о которомъ упоминаетъ впослѣдствіи Новиковъ въ своемъ словарѣ русскихъ писателей, называя его человѣкомъ „разумнымъ, ученымъ и искуснымъ“; Перфильевъ—тотъ, имя котораго осталось въ сочиненіяхъ Державина. Затѣмъ здѣсь же мы находимъ извѣстныя впослѣдствіи имена историковъ—князя Михаила Щербатова и Болтина; имя Ѳедора Мамонова было также извѣстно нѣсколько позже въ литературѣ... Однимъ словомъ, масонство является въ кружкѣ, въ которомъ русская литература и просвѣщеніе, только что вступавшія въ общественную жизнь, находили своихъ первыхъ друзей. Сумароковъ былъ тогда уже не молодъ (род. 1718); но въ кружкѣ офицеровъ, сержантовъ и т. д., было безъ сомнѣнія много молодежи, всегда воспріимчивой къ нравственнымъ вліяніямъ и новымъ понятіямъ... Графъ Романъ Воронцовъ и много лѣтъ спустя оставался въ числѣ главныхъ дѣятелей и начальниковъ русскаго масонства.

Въ это елизаветинское время безъ сомнѣнія вступилъ въ масонство Елагинъ, впослѣдствіи великій провинціальный мастеръ русскихъ ложъ. Въ своей запискѣ о масонствѣ онъ упоминаетъ, что вступилъ въ общество свободныхъ

каменьщиковъ „съ самыхъ юныхъ лѣтъ“ (онъ род. въ 1725 г., ум. въ 1796 г.) и что ложи въ это время имѣли уже своихъ членовъ изъ числа высшихъ государственныхъ сановниковъ. Внутреннее состояніе ложъ того времени не удовлетворяло Елагина, когда онъ судилъ о немъ съ своей позднѣйшей точки зрѣнія и когда онъ писалъ свою записку. По словамъ его, въ общество масоновъ увлекли его—„любопытство и тщеславіе, да узнаю таинство, находящееся, какъ сказывали, между ими, тщеславіе, да буду хотя на минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ общежитіи знамениты, и чинами и достоинствами и знаками отъ меня удалены суть, ибо нескромность братьевъ предварительно все сіе мнѣ благовѣстила... Содѣйствовала къ тому и лестная надежда, не могу ли чрезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастію моему... Съ такимъ предубѣжденіемъ препроводилъ я многіе годы въ исканіи въ ложахъ и свѣта обѣтованнаго и равенства мнимаго: но ни того, ни другаго, ниже какія пользы не нашелъ, колико ни старался“. Самыя работы ложи онъ считалъ игрушкой; вельможи оказались и здѣсь тѣми же вельможами. „Сего ради,—продолжаетъ Елагинъ,—по долгомъ стараніи, не пріобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ ни тѣни какого-либо ученія, ниже преподаяній нравственныхъ, а видѣлъ токмо единые предметы, неудобь постижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительные, катехизы, уму несоотвѣтствующіе; повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя; объясненія темныя и здравому разсудку противныя, которыя или нехотѣвшими, или незнающими мастерами безъ всякаго вкуса и сладкорѣчія преподавались“. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ свои мнѣнія о масонствѣ, сталъ считать его великимъ знаніемъ, и усвоилъ себѣ эти „катехизы, уму несоотвѣтствующіе“ и „повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя“,—но во всякомъ случаѣ его извѣстіе должно указывать, что состояніе ложъ было не вполнѣ удовлетворительное. Работа каменьщиковъ, вѣроятно, дѣйствительно шла не совсѣмъ удачно, и, вѣроятно, многіе мастера умѣли только „со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласнымъ воплемъ не понятныя ревѣть пѣсни

и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится праздествомъ Бахусу“ [1]).

Впослѣдствіи Новиковъ также не былъ доволенъ обычнымъ масонствомъ, потому что въ немъ, „хотя и дѣлались объясненія по градусамъ на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты“ [2]). Дѣло пошло удачнѣе только впослѣдствіи, когда во главѣ ложъ стали убѣжденные въ своемъ дѣлѣ.

У Елагина послѣ перваго увлеченія ложами наступилъ періодъ вольнодумства; но потомъ онъ сталъ усиленнѣе трудиться надъ уразумѣніемъ масонства и тогда, наконецъ, увѣрился въ немъ. Онъ „сталъ искать знакомства съ людьми состарѣвшимися въ масонствѣ, и не пропускалъ почти ни единаго изъ чужестранныхъ братовъ къ намъ пріѣзжавшихъ“, и проч. Этотъ новый періодъ исканій Елагина относится не позже, какъ къ 60-мъ годамъ, потому что въ 1772-мъ году онъ уже былъ столь ревностнымъ и знающимъ масономъ, что на его долю выпало гроссмейстерство въ русскихъ ложахъ,—а слѣдовательно люди, „состарѣвшіеся“ въ масонствѣ были во всякомъ случаѣ люди начала царствованія Елизаветы, если еще не временъ императрицы Анны. Кто они были, и что узналъ отъ нихъ Елагинъ, изъ его записокъ не видно.

Масонство не долго могло сохраняться въ тайнѣ; объ немъ скоро узнали и правительство и общество. Понятно, что и то и другое должны были отнестись къ нему весьма неблагосклонно. Масонство было страннымъ нововведеніемъ; оно заявляло какія-то свои особенныя правила, совершало какіе-то обряды, выдѣлялось въ тѣсно связанное и таинственное братство. Его нравственная задача была мало понятна, и его таинственность возбуждала подозрѣнія. Правительство, которому были совершенно непривычны подобныя затѣи въ обществѣ, уже съ этого времени заподозрило масоновъ и вело за ними тайный надзоръ. Въ массѣ общества, которая у насъ въ подобныхъ случаяхъ всегда слишкомъ легко поддавалась дикимъ инстинктамъ, масоны уже тогда пріобрѣли репутацію еретиковъ и отступниковъ

---

1) Р. Архивъ, 1864, 2-е изд., стр. 592 и далѣе.

2) Лонгиновъ, стр. 075.

и возбуждали тотъ нелѣпый страхъ и вмѣстѣ озлобленіе, память о которыхъ осталась въ словѣ „фармазонъ“, обогатившемъ тогда русскій языкъ и долго послѣ служившемъ для обозначенія всякаго безбожія и вольнодумства, — пока не были изобрѣтены другія слова той же силы и такого же количества смысла.

Ешевскій, въ одной изъ своихъ статей о масонахъ, приводитъ отрывки изъ силлабическихъ виршей, подъ названіемъ: „Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ“,—которыя принадлежатъ очевидно этой первой эпохѣ масонства и могутъ служить образчикомъ того, какъ относилось къ масонамъ большинство. Вирши наполнены самыми нелѣпыми обвиненіями противъ масоновъ и проникнуты крайнимъ ожесточеніемъ противъ „Антихристовыхъ рабовъ“. Вотъ для примѣра:

Проявились недавно въ Руссіи франъ-масоны
И творятъ почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтобъ къ Антихристу привесть отъ Христовы вѣры, и т. д.

Обряды принятія въ общество изображаются такъ:

Къ начальнику своего общества приводятъ,
Потомъ въ темны отъ него покои заводятъ,
Гдѣ хотяй въ сей сектѣ быть терпитъ разны страсти,
Отъ которыхъ, говорятъ, есть не безъ напасти.
Выбѣгаютъ отвсюду, рвутъ тѣло щипцами,
Дробятъ его всѣ уды шпаги и ножами.
Встаютъ мертвы изъ гробовъ, зубами скрежещутъ,
Мурины, видя сей ловъ, всѣ руками плещутъ...

Подъ „муринами“ авторъ разумѣетъ дьяволовъ. Самое значеніе франкъ-масонства объясняется слѣдующимъ образомъ:

Что же значитъ такое масонъ по французски?
Не иное что другое, вольный каменьщикъ по-русски.
Каменьщикомъ зваться Вамъ, масоны, прилично.
Вы беззаконія храмъ мазали отлично,
Любодѣйства Вавилонъ, градъ всякія скверны,
Въ коемъ Антихристу тронъ, яко рабы вѣрны,
Устрояете, и въ немъ берете надежду
Всякія утѣхи въ немъ получить одежду [1]).

---

[1]) Сочиненія Ешевскаго, т. III, стр. 421—423. Ср. Библіогр. Зап. 1861, стр. 70. Обличительныя стихотворенія противъ масоновъ находятся въ большомъ рукописномъ сборникѣ стихотвореній, принадлежащемъ Публичной Библіотекѣ.

Какая рука могла начертать эти вирши, можно догадываться по ихъ формѣ: но содержаніе ихъ занимало и нравилось и въ другихъ слояхъ общества—въ рукописи этого „Изъясненія“ замѣчено, что эти стихи списаны (въ 1765 г.) у полковника Тобольскаго пѣхотнаго полка, Безпалова. Извѣстно, что Державинъ также смотрѣлъ на масоновъ крайне неодобрительно и посильно вооружалъ противъ нихъ свою музу.

Есть свидѣтельства о томъ, что при Елизаветѣ ложи принуждены были собираться весьма скрытно, и, вѣроятно, не только изъ опасенія правительственныхъ преслѣдованій, но и вообще изъ опасенія мнѣній, господствовавшихъ въ массѣ и считавшихъ масонство дѣломъ совершенно безбожнымъ и законопреступнымъ. Образчикъ этихъ мнѣній мы находимъ, между прочимъ, въ запискахъ Державина. Наскучивъ своею солдатскою службой и желая учиться, Державинъ (кажется, въ 1763 г.) рѣшился идти къ И. И. Шувалову, который собирался тогда за границу, и хотѣлъ просить его, чтобы тотъ взялъ его съ собою въ чужіе края. Но дѣло не состоялось по слѣдующей причинѣ. Державинъ уже утвердился въ своемъ намѣреніи, „но какъ дошло сіе до тетки его“ (Державина, который говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ)... „жившей тогда въ Москвѣ въ своемъ домѣ... женщины по природѣ умной и благочестивой, но по тогдашнему вѣку не просвѣщенной, считающей появившихся тогда въ Москвѣ масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками преданными Антихристу, о которыхъ разглашали не вѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячь верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни, а Шувалова признали за ихъ главнаго начальника; то она ему, какъ племяннику своему, порученному отъ матери, и дала страшную нагонку, запретя накрѣпко ходить къ Шувалову“... [1]) Благочестивый ужасъ тетки Державина весьма наглядно выражаетъ понятія тогдашнихъ людей стараго вѣка, крайне недовѣрчивыхъ ко всякой, особенно иностранной новизнѣ, удалявшей отъ преданій стараго благочестія. Басня о томъ, какъ масоны умерщвляютъ своихъ отсутствующихъ враговъ была, кажется, до-

[1]) Сочин. Державина, изд. Грота, т. VI, стр. 437—438.

вольно распространена, какъ и вообще понятіе объ отступничествѣ и еретичествѣ масоновъ; та же басня, вмѣстѣ съ другими подобными подробностями, повторяется въ упомянутомъ силлабическомъ обличеніи „сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ". Описывая всякіе его ужасы, авторъ обличенія указываетъ на невозможность или большую опасность выхода изъ сборища. По словамъ его, въ обществѣ остается портретъ каждаго члена, и посредствомъ его масоны всегда могутъ погубить отступника:

Многіе тому примѣры, говорятъ, бывали,
Которые отъ сея вѣры отстать пожелали,
Но изъ оныхъ никого живыхъ нѣтъ на свѣтѣ;
Вить стоитъ смерть въ его и живомъ портретѣ,
Который лишь поранятъ пулей изъ пистолета,
Въ тотъ часъ увянетъ и лишится свѣта.

Мы уже замѣчали въ другомъ мѣстѣ, что эти силлабическія обличенія всего скорѣе должны были выйти изъ среды духовенства, но что они имѣли, конечно, своихъ читателей и въ другой публикѣ. А духовенство уже давно относилось къ масонству недружелюбно. Проповѣдники временъ императрицы Елизаветы, возставая заднимъ числомъ противъ иноземцевъ, владычествовавшихъ въ Россіи при Биронѣ, и призывая кару на людей, измѣнившихъ прародительскимъ уставамъ, осыпали этихъ иноземцевъ и ихъ угодниковъ всевозможными обвиненіями, возставали противъ этихъ „скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ" и противъ „нрава и ума эпикурейскаго и фреймасонскаго" [1]).

Въ числѣ рукописей Царскаго (№ 708), принадлежащихъ теперь графу А. С. Уварову, находится рукопись XVIII вѣка, подъ названіемъ „Отвѣтъ масонамъ", вышедшій вѣроятно изъ того же источника, какъ и упомянутое „Изъясненіе". Въ началѣ рукописи говорится между прочимъ: „Писалъ о франкъ - масонахъ бывшій проповѣдникъ слова Божія, Троицы Сергіевы Лавры архимандритъ Гедеонъ, и сіе напечатано въ недѣлю третію поста въ поученіи; а послѣ него не слышится болѣе обличенія отъ пастырей, а секта оныхъ

[1]) Проповѣди 1741 — 49 гг. Гедеона Антонскаго, Кирилла Флоринскаго, Арсенія Мацѣевича, Кирилла Ляшевецкаго и др.—„Лѣтописи" Тихонравовъ. II, стр. 22, смѣсь.

масоновъ умножается, и философы Вольтеръ и Руссо величаются". Этотъ Гедеонъ, архимандритъ Троицкой лавры, есть, конечно, извѣстный проповѣдникъ двора имп. Елизаветы Гедеонъ Криновскій; но въ собраніи его проповѣдей (1755—59) мы не нашли упоминаемыхъ здѣсь обличеній [1]). Самый „Отвѣтъ" состоитъ изъ опроверженія двухъ книжекъ, вѣроятно, ходившихъ тогда въ рукописи, подъ названіемъ „Бѣлый Масонъ" и „Защитникъ масонскія секты", о которыхъ мы также пока не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

У меня находится рукописный отрывокъ масонскаго ритуала, писанный, кажется, еще въ XVIII-мъ столѣтіи, и къ которому другой рукой приписано слѣдующее заглавіе: „Катихизисъ масоновъ, вѣрующихъ во Антихриста, въ діавола и сатану"; въ концѣ его прибавлено соотвѣтственное обличеніе этой вѣры. Въ этомъ заглавіи и обличеніи повторяется старое понятіе о безбожности масонскаго общества.

Эти указанія нѣсколько опредѣляютъ положеніе русскаго масонства при Елизаветѣ, когда полицейскій надзоръ и вражда людей стараго вѣка, вѣроятно, стѣсняли масоновъ и заставляли ихъ скрываться. По свидѣтельству Бёбера (впослѣдствіи гроссмейстера въ русскихъ ложахъ Александровскаго времени), „при императрицѣ Елизаветѣ масонство начало больше распространяться въ Россіи (чѣмъ прежде); но члены его такъ опасались за себя и за свое хорошее дѣло, что собирались только изрѣдка и совершенно въ тихомолку, и не въ обыкновенномъ помѣщеніи, а иногда даже на чердакѣ отдаленнаго большого дома. Тѣмъ не менѣе, братья, еще жившіе въ мое время, увѣряли меня, что никогда не было больше ревности къ дѣлу и больше единодушія, какъ въ этой Ecclesia pressa (гонимой церкви)" [2]). Надобно думать, что это извѣстіе о гоненіяхъ на масонство имѣло свои основанія; но гоненія или не были очень сильны, или со временемъ прекратились, — потому что, по разсказамъ Елагина, надо предположить еще въ царствованіе Елизаветы существованіе правильныхъ ложъ, и кромѣ того, въ одной печатной масонской рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, сохранившейся

---

[1]) Быть можетъ, они есть въ отдѣльныхъ изданіяхъ его словъ.

[2]) „Einige Notizen über die Freimauerei in Russland", сообщенная Бёберомъ веймарской ложѣ Амаліи. Handb. III, 612, Ср. Findel, 375.

отъ 1758 года, говорится даже о благосклонности (т. е., вѣроятно, терпимости) императрицы къ масонству. Нѣмецкій ораторъ ложи выражаетъ радость, что масоны наслаждаются „счастливѣйшимъ спокойствіемъ“ подъ скипетромъ императрицы; что „великая Елизавета, украшенная божественными качествами“, оказываетъ и имъ свою милость и т. д. [1]).

Затѣмъ о временахъ Петра III есть извѣстія, что Петръ III подарилъ домъ петербургской ложѣ „Постоянства“ (Zur Beständigkeit), гдѣ мастеромъ стула былъ консулъ Селли; и что самъ императоръ занимался масонскими работами въ Ораніенбаумѣ [2]).

Въ нашихъ источникахъ еще не нашлось прямыхъ данныхъ объ этомъ предметѣ, но существованіе масонской ложи въ ближайшей обстановкѣ Петра III вполнѣ подтверждается одной запиской, находящейся въ Государственномъ Архивѣ и относящейся къ первымъ днямъ царствованія Екатерины II. Эта записка, писаная въ видахъ доклада императрицѣ какимъ-то малоросомъ, вѣроятно изъ духовныхъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ, заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, ходатайство о томъ, чтобы именнымъ указомъ велѣно было представлять доклады о всѣхъ духовныхъ и церковныхъ дѣлахъ духовнику, и чтобы самый синодъ не могъ мимо его утруждать императрицу; во-вторыхъ, о томъ, чтобы взятъ былъ подъ караулъ Преображенскаго полка протопопъ Андрей, „какъ

---

1) Rede, welche beim Schluss des 1758-ten Jahres in der Loge der Freimäurer in St. Petersburg ist gehalten worden von dem Bruder A*** (съ эпиграфомъ изъ Галлера); 12 неперемѣч. страницъ; на послѣднихъ двухъ страницахъ „ода“, обращенная къ женщинамъ. Объ отношеніи импер. Елизаветы къ масонству говорится (стр. 10) такъ: Können wir nicht mit wahrem Vergnügen die Dauer unserer Zunft auch in den folgenden (Jahren) hoffen? Doch was unser Frohlocken vollkommen macht, ist die Erinnerung, unter welchem Zepter wie die glücklichste Ruhe geniessen. Die Grosse, mit göttlichen Eigenshaften ausgeshmückte Kayserin, Elizabeth, welche die ganze welt bellig als die Glückseligkeit ihrer Länder, den Glanz ihres Volkes bewundert, diese unvergleichliche Monarchin lasset auch uns Ihre Gnade und Huld allermildest angedeihen. Wir sind beglückt! Wir können uns bey unserer Freude nicht fassen. Wir wollen es der Nachwelt sagen“, etc. У Клосса, Bibl. № 839, брошюра обозначена невѣрно.

2) Findel, 2-te Ausg. 375. Handb. II, 551. Съ именемъ этого Селли или Селлина мы еще встрѣтимся дальше.

подозрительный человѣкъ, масонъ и явный злодѣй церкви святой“, потому что бывшему государю онъ, „ругая преданія св. Отцовъ“, разрѣшалъ во всѣ посты ѣсть мясо, за что ему обѣщано было мѣсто духовника и синодальнаго члена; и, въ-третьихъ, о томъ, чтобы былъ допрошенъ Волковъ, извѣстный любимецъ Петра III. „Волкова,—говоритъ записка,—яко масона, допросить; это при бывшемъ государѣ въ имѣющемся въ Арамбовѣ (т. е. Ораніенбаумѣ) ложѣ масонскомъ съ нимъ былъ и въ чемъ богопротивное той секты дѣйство состоитъ и гдѣ масонскія печатныя книги; уповательно онъ и обо всѣхъ такой секты участникахъ извѣстенъ“ [1]).

Царствованіе Императрицы Екатерины, открывшее въ своемъ началѣ новый просторъ для умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, должно было благопріятствовать и распространенію ордена. Впрочемъ, первые годы этого царствованія до сихъ поръ остаются также неясны; доступныя до сихъ поръ свѣдѣнія коротки и запутаны, и въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы не беремся пока связывать ихъ въ послѣдовательный разсказъ и хотѣли только привести вкратцѣ извѣстныя данныя и указать нѣкоторые еще неизвѣстные факты и требующіе разъясненія пробѣлы.

Масонство продолжало развиваться въ Петербургѣ, вѣроятно, при посредствѣ новыхъ пришельцевъ или сношеній съ заграничными ложами; но въ то же время являются и русскіе въ иностранныхъ ложахъ, занимаютъ въ нихъ болѣе или менѣе важное положеніе,—безъ сомнѣнія они играли роль и въ распространеніи масонства въ самой Россіи. Эти связи повлекли за собой и введеніе новыхъ масонскихъ „системъ“, которыя развились послѣ перехода масонства изъ Англіи въ континентальную Европу. Сношенія съ иностранными ложами легко могли сообщать русскимъ ложамъ эти новѣйшія усовершенствованія ордена. Многое шло черезъ личныя усилія иностранныхъ пропагандистовъ или самихъ русскихъ искателей, каковы были напр. русскіе друзья Сенъ-Мартена, Воронцовъ, Голицыны, Кошелевъ, Репнинъ, масоны Новиковскаго кружка и проч.

---

[1]) Пекарскій, Дополн., стр. 5.

Въ какомъ же видѣ пришло масонство къ намъ? При Филиппсѣ или Кейтѣ, въ немъ, конечно, еще не было большихъ прикрасъ, которыя развиваются въ содержанiи и формахъ масонства уже нѣсколько позднѣе. Но тѣмъ не менѣе, эти прикрасы появились и у насъ, вѣроятно, довольно скоро. Единственное, что извѣстно теперь о внѣшней обрядности старыхъ русскихъ ложъ, заключается въ упомянутомъ донесенiи Олсуфьева (около 1756 г.). По словамъ его, „палата“, въ которой кандидатъ ожидалъ принятiя, обивалась чернымъ сукномъ съ раскинутыми по немъ бѣлыми цвѣтами „во образѣ звѣздамъ“; столъ также покрытъ чернымъ сукномъ, и на немъ „мертвая голова“, съ обнаженной шпагой и заряженнымъ пистолетомъ; огонь изъ комнаты выносятъ, „а оная мертвая голова, вдѣланая на пружинахъ, имѣетъ движенiе, и такъ до онаго (кандидата?) касается“. Кандидата вводятъ въ ложу обыкновеннымъ порядкомъ, съ завязанными глазами; мастеръ (гранметръ) сидитъ за столомъ, покрытымъ пунцовымъ бархатомъ, „на столѣ обнаженная жъ шпага и циркуль, и оной столъ именуется престолъ“; чертежъ замѣняется клеенкой съ изображенiемъ Соломонова храма. Мастеръ велитъ ново-принимаемаго „предать тремъ мытарствамъ“: его обводятъ два раза вокругъ ложи съ зажженными свѣчами, „съ употребленiемъ притомъ сильномъ вѣтрѣ и въ воздухѣ огня“ (sic), потомъ вводятъ его на особую для того приготовленную гору, чтобы скинуть его съ горы, что и исполняется. Затѣмъ слѣдуетъ присяга, съ приложенiемъ Соломоновой печати и другими странными обрядами, напр. цѣлованiемъ у гранметра лѣвой ноги, три раза. Относительно символовъ, донесенiе говоритъ, что ложа имѣетъ три свѣтила: „первое свѣтило гранметръ, второе—небо, третiе—звѣзды, а у онаго жъ гранметра въ подножiе луна и т. д.“ [1]).

Изложенiе донесенiя вообще очень безсвязно и запутанно; доноситель, вѣроятно, многаго не понялъ, или передалъ не вѣрно. Но во всякомъ случаѣ изъ донесенiя видно, что въ обрядахъ уже не было той простоты, которую мы видѣли въ старомъ англiйскомъ ритуалѣ, и что новѣйшiя усовершенствованiя вошли въ значительной степени. Замѣтимъ,

---

[1]) Лѣтоп. Тихонр. IV, 49—50. Ср. выше о „свѣтильникахъ ложи“.

впрочемъ, что до сихъ поръ еще не опредѣлено, какого рода была ложа, описанная Олсуфьевымъ, въ которой „гранметромъ“ былъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ. Если это и не была ложа какой-нибудь изъ французскихъ системъ, то могла быть по крайней мѣрѣ ложа, обряды которой были передѣланы по французскимъ образцамъ.

ГЛАВА V.

Времена Екатерины II.—Высшія степени.—Клерикатъ.—Система Мелиссино. — Тампліерство. — Система Циннендорфа. — Новое утвержденіе англійскихъ ложъ. — Соединеніе Елагинскихъ и Рейхелевскихъ ложъ.

Положеніе масонства въ первые годы царствованія Екатерины II очень неясно. Есть только отрывочныя и не полныя свѣдѣнія. Такъ, въ бумагахъ И. П. Елагина, находящихся въ Государственномъ Архивѣ, остались документы, указывающіе, что въ Петербургѣ существовала тогда ложа Счастливаго Согласія (der glücklichen Eintracht), которая обратилась (15 дек. 1762 г.) къ берлинской ложѣ Трехъ Глобусовъ съ просьбой о признаніи ея. Берлинская ложа, отъ 7 апрѣля 1763 г., прислала это признаніе на имя не названнаго въ бумагѣ великаго мастера и братьевъ ложи, гдѣ одобрила ея работы и объявила ее своею ложею-сестрою. Къ письму братьевъ берлинской ложи прибавлено было оффиціальное свидѣтельство о законности петербургской ложи и правильности ея работъ. Далѣе изъ этой переписки находится въ бумагахъ Елагина еще письмо отъ великаго мастера Трехъ Глобусовъ къ великому мастеру и братьямъ Счастливаго Согласія съ изъявленіемъ готовности поддерживать переписку (въ маѣ 1763 г.) и письмо, того же времени, отъ „покрывателя ложи“ (tailleur) Трехъ Глобусовъ въ ложу петербургскую, съ просьбой уплатить луидоръ за изготовленіе футляра для патента, присланнаго ложѣ Счастливаго Согласія, и еще прислать что-нибудь (den beliebigen Douceur) для него самого, при чемъ онъ предлагаетъ, наконецъ, поставлять въ ложу орденскіе знаки, передники и т. п.

Далѣе, въ 1764 г., во время слѣдствія надъ Мировичемъ, этотъ послѣдній на допросѣ показалъ только на одного соучастника въ его дѣлѣ—поручика Великолуцкаго пѣхотнаго полка Аполлона Ушакова. Когда стали разыскивать Ушакова, то оказалось, что онъ былъ посланъ съ казенными деньгами къ кн. М. Н. Волконскому и на дорогѣ утонулъ въ рѣкѣ. Взяты были его бумаги. Въ нихъ оказались слѣдующія масонскія вещи. Во-первыхъ, листокъ съ изображеніями двухъ колоннъ, треугольника, молотка и другихъ масонскихъ знаковъ, составляющихъ принадлежность такъ называемаго ковра. Во-вторыхъ, на лоскуткѣ бумаги отрывокъ масонскаго катихизиса съ надписью „апрантифской“, т. е. ученическій [1]).

Можно думать, такимъ образомъ, что масонство не прерывалось со времени Елизаветы. Вскорѣ оно начинаетъ высказываться яснѣе, безъ сомнѣнія, потому, что расширяется самая его дѣятельность. Число его прозелитовъ становится больше, масонскія связи размножаются и къ намъ быстро начинаетъ передаваться то броженіе, которое въ то время происходило въ европейскомъ, особенно нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ.

Когда въ 1750—60 годахъ стали особенно распространяться такъ называемыя „высшія степени“, т. е. къ тремъ степенямъ англійскаго масонства начали прибавляться новыя степени новѣйшаго изобрѣтенія, порожденныя фантастическими наклонностями масонства или интригой, — эти новыя системы и степени получали извѣстность и у насъ, возбуждали любопытство и, наконецъ, бросали корень и утверждались въ русскихъ ложахъ. За границей русскіе вступали въ эти новыя степени; такъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ, отставши отъ англійской системы, вступилъ въ тампліерство; другіе приносили французскія степени и т. п. Въ то же время иностранные масоны, особенно нѣмецкіе, являлись въ Россію, въ остзейскіе города и Петербургъ, и вели свою пропаганду, по убѣжденію или по интригѣ, и въ скоромъ

---

[1]) Пекарскій, Дополн. стр. 5—11, гдѣ напечатанъ и самый отрывокъ катихизиса, составляющій, по мнѣнію Пекарскаго, самую раннюю русскую рукопись этого рода.

времени породили даже оригинальныя русскія попытки такихъ же изобрѣтеній.

Высшія степени имѣли у насъ, какъ и въ западныхъ ложахъ, большой успѣхъ, потому что, если только имъ вѣрили, онѣ представляли много завлекательнаго. Большинство „членовъ" ордена было изъ людей по своимъ понятіямъ или по складу ума, склонныхъ къ чудесному, и когда въ нихъ укоренялась мысль, что глубочайшая истина хранится гдѣ-то въ сокровенной тайнѣ и можетъ быть получена только посредствомъ посвященія, то набрать себѣ всевозможныхъ „градусовъ" становилось въ нихъ самымъ естественнымъ стремленіемъ. Такъ это дѣйствительно и было; наши масоны, какъ извѣстно по историческимъ свидѣтельствамъ, употребляли всевозможныя усилія, тратили огромныя деньги на то, чтобы собрать всѣ существующія степени и масонскіе секреты и отыскать между ними истинное масонство. Такъ было съ Елагинымъ, кн. Репнинымъ и многими другими; тѣмъ же искательствомъ занятъ былъ и Новиковъ... Для людей свѣтскаго образованія и высшаго общества высшія степени были привлекательны и своей внѣшней формой. Мы сказали уже, что почти всѣ онѣ были рыцарскія; по связи съ тампліерствомъ, крестовыми походами и т. п. Разноцвѣтныя ленты, ордена, символы (такъ называемыя „регаліи"), торжественные обряды съ рыцарскимъ характеромъ, громкіе титулы, переименованіе въ латинскіе псевдонимы,— все это, принимаемое за чистую монету, было любопытно, льстило самолюбію и аристократическимъ притязаніямъ. Когда наши масоны отправляли своихъ депутатовъ на Вильгельмсбадскій конвентъ въ 1782 г., они замѣчали въ своей запискѣ, что тампліерскіе градусы съ ихъ пышными церемоніями, рыцарскимъ одѣяніемъ, крестами, кольцами, епанчами (т. е. мантіями) и пр. очень нравились въ Россіи, какъ націи военной, гдѣ только знатное дворянство занималось масонскими работами [1]).

Наконецъ и самое содержаніе „градусовъ", ихъ символика и толкованія были располагаемы обыкновенно такъ, что и съ этой стороны они способны были возбуждать любопытство посвящаемыхъ. „Высшая степень, — говоритъ

---

[1]) Ешевскій. Сочиненія, т. III, стр. 484.

одинъ изъ опытныхъ знатоковъ масонства, Фесслеръ,—есть мистерія, составленная въ новѣйшія времена изъ различныхъ церемоній, символическихъ формулъ и гіероглифическихъ образовъ, гдѣ церемоніямъ, формуламъ и гіероглифамъ придается нравственное значеніе, но раскрытіе ихъ настоящаго смысла и полныя разъясненія обѣщаются только въ другой, еще высшей степени... И это обѣщаніе ведется отъ одной степени къ другой до тѣхъ поръ, насколько въ той или другой системѣ кажется необходимымъ символически предуказывать свои послѣднія и высшія разъясненія въ большемъ или меньшемъ количествѣ высшихъ степеней. Эти послѣднія и высшія разъясненія, которыя такимъ образомъ составляютъ заключительный камень цѣлой системы, сами по себѣ ничто иное, какъ выдуманная исторія ордена, противорѣчащая всякой дѣйствительной исторіи, не выдерживающая никакой повѣрки и критики, и изобрѣтенная тѣми, которые не умѣли иначе удовлетворить все болѣе и болѣе возрастающему любопытству братьевъ, или руководились прискорбнымъ убѣжденіемъ, что люди вездѣ любятъ обманъ больше, чѣмъ истину, и даже хорошее хотятъ видѣть только черезъ покровъ обмана".

Это понято было еще въ концѣ XVIII-го столѣтія, когда чрезмѣрность обмановъ и іезуитскія наклонности высшихъ степеней обратили на нихъ вниманіе людей, несклонныхъ къ таинственностямъ и достаточно свѣдущихъ въ исторіи. Первые внимательные критики увѣрились въ совершенной пустотѣ высшихъ степеней, и первымъ дѣломъ реформы масонства была отмѣна этихъ высшихъ степеней,—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это было возможно. Таково было реформаторское движеніе въ Германіи, начавшееся еще съ 1780-хъ годовъ, въ пору сильнѣйшаго развитія высшихъ степеней, и постепенно пріобрѣтавшее больше и больше послѣдователей. Любопытно, что и наши московскіе масоны въ упомянутомъ посланіи на Вильгельмсбадскій конвентъ (1782 г.) съ большимъ пренебреженіемъ отзываются о высшихъ степеняхъ, какія бывали въ русскихъ ложахъ до введенія тампліерскаго ордена. Упоминая о прежнихъ формахъ масонства, они замѣчаютъ: „...вели насъ изъ степени въ степень, изъ коихъ одна другой были гораздо жалчѣе. Множество изъ нашихъ братьевъ, особливо изъ имѣющихъ первѣйшіе чины

въ Имперіи, получили отъ нихъ отвращеніе, или, наскучивъ употреблять болѣе во зло святость присяги, отъ нихъ отказались. Наконецъ сообщили намъ О. Т. (т. е. орденъ тампліеровъ), и тогда возвратилась надежда въ сердца наши...“ [1]). Эта надежда потомъ также ослабѣла. Можно было бы отдать справедливость проницательности нашихъ масоновъ, если они способны были увидѣть, что ихъ высшія степени были одна „жалчѣе“ другой; но, къ сожалѣнію, ихъ проницательность не дошла до конца, потому что въ концѣ концовъ сами они остановились едва ли не на самой жалкой изъ всѣхъ системъ высшихъ степеней, т. е. на розенкрейцерствѣ...

Высшія степени удержались до послѣдняго времени и господствовали всего больше во французскихъ ложахъ, гдѣ и въ XVIII столѣтіи онѣ развились всего обширнѣе: одна изъ французскихъ системъ считаетъ до 99 степеней. Какъ велика была страсть къ высшимъ степенямъ, можно судить по тому, что одинъ изъ лучшихъ французскихъ знатоковъ масонства, Рагонъ, всю цифру существовавшихъ высшихъ степеней считаетъ до 900.

Понятно, что исторія ихъ очень запутана, и въ особенности при крайней отрывочности извѣстій о нашемъ масонствѣ въ настоящую минуту еще не легко было бы прослѣдить въ точности исторію тѣхъ высшихъ степеней, какія существовали въ русскихъ ложахъ.

Однимъ изъ первыхъ примѣровъ высшей степени, или первымъ, былъ такъ называемый „шотландскій мастеръ“ (maitre ecossais) или шотландское масонство, „екосскіе градусы“, какъ это называлось у насъ. Какъ видно по нѣкоторымъ изслѣдованіямъ [2]), въ этой шотландской степени не было ничего шотландскаго, кромѣ имени; изобрѣтеніе ея сдѣлано во Франціи и связано съ дѣятельностью упомянутаго Рамзая. Шотландскій мастеръ составилъ 4-ю степень, которая распространилась очень сильно и удержалась въ этомъ видѣ въ большомъ числѣ системъ. Во Франціи появляются въ первый разъ и степени съ рыцарскимъ характеромъ. Около 1750 г. установилась тампліерская система,

---

[1]) Ешевскій, III, стр. 483.

[2]) Handb. III, 163 и слѣд.

развившаяся потомъ особенно въ Германіи, подъ гермейстерствомъ Гунда, Фердинанда Брауншвейгскаго и Карла Гессенъ-Кассельскаго. Затѣмъ въ 1754 г. основалась во Франціи цѣлая система высшихъ степеней, такъ называемый Клермонтскій капитулъ, далѣе, дополнявшая тампліерство система клериката или духовныхъ степеней; шведская система, которая еще раньше тампліерства воспользовалась рыцарскимъ элементомъ изъ французскаго источника и т. д.

Въ нашемъ масонствѣ высшія степени появились, вѣроятно, уже очень рано. О самомъ Кейтѣ разсказывалось [1]), что онъ еще въ 1734 году принесъ изъ Англіи шотландскій орденъ св. Андрея (связанный съ особенной масонской степенью), который носили въ Гамбургѣ въ 1735 г. на зеленой съ красными краями лентѣ. Но историки подвергаютъ сомнѣнію этотъ фактъ на томъ основаніи, что до сихъ поръ не найдено никакого слѣда масонскихъ работъ въ Гамбургѣ раньше 1737 года. Любопытно только, что имя Кейта, играющее роль въ основаніи русскаго масонства, уже соединяется съ исторіей первыхъ высшихъ степеней.

Есть основанія предположить, что французскія степени шотландской и Клермонтской системы были тогда извѣстны русскимъ масонамъ, въ той или другой формѣ; нововведенія распространялись довольно быстро въ континентальныхъ ложахъ и въ русскомъ масонствѣ можно принимать французскія вліянія по всему характеру тогдашнихъ нравовъ и моднаго образованія. Самыя названія ордена и степеней были французскія, и иногда удерживались въ такой формѣ до очень поздняго времени, напр., слова: масонъ, апрантифъ, гранметръ, екосскій градусъ или метръ-екосе, т. е. maître ecossais, елюсскій градусъ, т. е. maître élu, избранный мастеръ, и т. п. Въ упомянутыхъ показаніяхъ Михаила Олсуфьева приводится уже степень „метра екосе“.

Когда явилась къ намъ тампліерская система, опять трудно сказать, но вѣроятно также давно. Русскіе члены тампліерскаго ордена встрѣчаются уже вскорѣ по основаніи этой системы и даже съ извѣстнымъ значеніемъ въ ней. Такой примѣръ представляетъ графъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ (1732 г.). Въ 1760-хъ годахъ онъ былъ русскимъ

---

1) Handb., III, 169, примѣч.

уполномоченнымъ въ Лондонѣ, потомъ имѣлъ дипломатическое положеніе въ Германіи и въ 1766 г. (по другимъ указаніямъ въ 1765 г.) вступилъ въ Гамбургѣ въ систему Строгаго Наблюденія: 19-го августа этого года онъ сдѣланъ былъ комтуромъ Крейцштейна, 26-го августа начальникомъ (praepositus) префектуры въ Ивенакѣ (Гамбургѣ), cum facultate induendi, т. е. съ правомъ посвящать другихъ въ рыцарство, и въ январѣ 1767 года онъ получилъ достоинство совѣтника тампліерскаго ордена. Его орденское имя было: eques ab Elephante [1]). Якоби, тогдашній секретарь VII-й, т. е. нѣмецкой, провинціи тампліерскаго ордена, въ своихъ запискахъ отзывается о Мусинѣ-Пушкинѣ, какъ о „ревностномъ и умномъ членѣ ордена", и разсказываетъ о его предложеніи основать масонско-тампліерскую колонію въ Саратовѣ, куда въ то время направлялись нѣмецкіе поселенцы. Планъ не состоялся, по словамъ Якоби, только по нерѣшительности и слабости гермейстера, т. е. барона Гунда [2]). Для тампліеровъ планъ былъ особенно интересенъ и важенъ потому, что въ это самое время они заняты были своимъ такъ называемымъ „Экономическимъ Планомъ" (по которому высшія орденскія должности должны были соединяться съ бенефиціями, т. е. съ извѣстными доходами и т. п.) и вообще старались дать ордену мѣсто и роль въ практической жизни, съ тенденціей, о которой мы имѣли случай упоминать. Дальнѣйшія свѣдѣнія о графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ говорятъ, что по отъѣздѣ изъ Гамбурга онъ въ 1777 г. вступилъ въ капитулъ Темпельбургъ, т. е. въ Курляндскую отрасль тампліерства въ Митавѣ, и дѣятельно заботился о распространеніи въ Россіи системы Строгаго Наблюденія [3]).

Во время семилѣтней войны, черезъ французскихъ офицеровъ, клермонтскія степени проникли въ Пруссію, и ревностнымъ распространителемъ ихъ сталъ, между прочимъ,

---

[1]) Его имя находится въ спискѣ вліятельнѣйшихъ членовъ Строгаго Наблюденія, между Fratres militares ad capit. Gen. pertinentes. См. Zeitschr. für Freim. Altenburg, 1825, 3, 244.

[2]) См. Zeitschr. für Freim. 1843, II, 3, 273—275.

[3]) Handb. II, 369. Леннингъ, Encyclop. der Freimaurerei, II, 529—530 приводитъ указанія о проектѣ Мусина-Пушкина изъ масонскаго романа „Saint-Nicaise", 2-te Ausg. 1786, стр. 179.

одинъ изъ извѣстнѣйшихъ масонскихъ шарлатановъ и обманщиковъ того времени, пасторъ Роза. Кругъ его похожденій касался и Россіи. Роза объѣзжалъ Германію съ цѣлью распространенія новой системы (которую называютъ и его именемъ), главный капитулъ которой былъ въ Берлинѣ, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ основалъ подчиненный капитулъ этой системы въ Ригѣ. Съ этимъ проникали уже и первые образчики масонскаго колдовства. Роза хвалился, что знаетъ scientias divinas elatas, алхимическое приготовленіе золота, даже магическое hominum factio и т. п. [1]).

Въ 1760-хъ годахъ, со вступленіемъ на престолъ Екатерины, въ русскомъ масонствѣ открывается особенно оживленная дѣятельность. Это довольно понятно, если мы вспомнимъ, что первые годы этого царствованія отличаются открытымъ заявленіемъ либеральныхъ началъ тогдашняго просвѣщенія; императрица гордилась тѣмъ, что она „позволяетъ мыслить" и позволяетъ говорить, и естественно, что когда она сама, съ своими придворными, переводила Мармонтелева „Велизарія", котораго преслѣдовали во Франціи, она могла смотрѣть сквозь пальцы на масонскія затѣи,— гдѣ ревностно участвовали и многіе изъ ея наиболѣе приближенныхъ слугъ. Есть смутныя извѣстія, что въ 1763 году она велѣла собрать свѣдѣнія о масонствѣ, и тогда благоволила къ масонской ложѣ Кліо [2]).

Русское масонство этого времени входитъ въ новыя

---

[1]) Zeitschr. für Freim. 1843, II, 2, 147. W. Keller, Gesch. der Freim. in Deutschl. Giessen 1859, 124. Ср. Handb. III, 80.

[2]) Handb. II. 552. Ср. Лонг., 110. „En 1763, ils (les travaux maçonniques) reprirent tout à coup une grande activité. A l'occasion de la fondation d'une loge à Moscou, sous le titre de Klio, l'impératrice Catherine s'était fait rendre compte de la nature et du but de l'institution maçonnique; elle avait compris aussitôt quel immense parti elle pouvait en tirer pour la civilisation de ses peuples et s'en était déclarée la protectrice. A partir de ce moment, les loges se multiplièrent en Russie.. (Clavel, Hist. pittoresque de la Franc-Maçonnerie, Paris, 1843, стр. 127), Точность этого свѣдѣнія очень сомнительна; самое основаніе ложи Кліо относится въ старыхъ иностранныхъ спискахъ только къ 1774 году. Но какой фактъ могъ послужить поводомъ къ этому извѣстію, мы не знаемъ. Ср. Handb. II, 103, гдѣ сообщены также еще двѣ-три подробности, достовѣрныя или недостовѣрныя, объ отношеніяхъ императрицы Екатерины къ масонству.

связи и даже тѣснымъ образомъ замѣшивается въ интриги, происходившія въ нѣмецкихъ ложахъ.

Такова была исторія тампліерскаго клериката, изобрѣтеннаго Штаркомъ и надѣлавшаго много шуму въ масонскомъ мірѣ.

Іоганнъ-Августъ Штаркъ (1741—1816) былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ наглыхъ интригановъ, дѣйствовавшихъ въ масонскихъ ложахъ конца XVIII стол. Въ разгарѣ Тампліерскихъ затѣй, Штаркъ явился на масонскую сцену съ новымъ изобрѣтеніемъ. Это былъ—тампліерскій клерикатъ, т. е. мнимая духовная или церковная отрасль тампліерскаго ордена, единственно владѣющая настоящими знаніями и тайнами ордена. Люди простодушные, или находившіе въ томъ выгоду, повѣрили ему, но уже скоро клерикатъ возбудилъ сильныя сомнѣнія и ожесточенныя нападенія противъ Штарка: обманъ становился слишкомъ наглымъ, и клерикатъ, своими формами и своими историческими ссылками показывавшій страшныя католическія наклонности, бросалъ подозрительную тѣнь на своего представителя, который былъ профессоромъ протестантской теологіи и потомъ оберъ-гофъ-предигеромъ при одномъ протестантскомъ дворѣ. Его стали считать тайнымъ католикомъ и іезуитомъ.

Штаркъ былъ Шверинскій уроженецъ, учился въ Геттингенѣ, въ 1763—65 г. жилъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ учителемъ въ Petrischule и гдѣ, какъ полагаютъ, былъ принятъ въ масонскую систему Мелиссино; въ 1765—68 г. онъ жилъ въ Англіи, въ Парижѣ (гдѣ состоялъ въ королевской библіотекѣ переводчикомъ для восточныхъ рукописей, и гдѣ, говорятъ, тайно обратился въ католичество) и въ Германіи; въ 1768 г. опять воротился въ Петербургъ и основалъ здѣсь свѣтскій тампліерскій капитулъ „Феникса“, къ которому, какъ полагаютъ, присоединилъ уже и клерикальный, существовавшій однако не долго. Затѣмъ, въ 1769—77 г. онъ былъ профессоромъ теологіи, оберъ-гофъ-предигеромъ и генералъ-суперъ-интендентомъ въ Кенигсбергѣ; но положеніе его здѣсь становилось, повидимому, трудно, и онъ перешелъ въ 1777 году въ Митаву, профессоромъ философіи при тамошней академіи. Въ Митавѣ онъ прожилъ до 1781 г., когда онъ перебрался, наконецъ, въ Дармштадтъ, гдѣ его масонскіе покровители доставили ему званіе оберъ-гофъ-

предигера, совѣтника протестантской консисторіи и, наконецъ, баронское достоинство. Тамъ онъ оставался до своей смерти, и отсюда онъ велъ полемику съ своими противниками, безпощадно на него нападавшими, когда, наконецъ, исторія клериката стала разоблачаться... Это, впрочемъ, не помѣшало Штарку сохранить вліяніе и авторитетъ при Дармштадтскомъ дворѣ.

Штаркъ былъ масономъ еще съ 1761 г. Онъ пріобрѣлъ, какъ говорятъ, большія свѣдѣнія въ масонскихъ вещахъ; любилъ говорить таинственно о высокой древности ордена, о великихъ его тайнахъ, чудесныхъ силахъ и знаніяхъ, которыми онъ обладаетъ. Онъ внушалъ своимъ друзьямъ и адептамъ вѣру въ чудесное, въ магію и духовидѣніе, вступалъ въ сношенія съ лейпцигскимъ шарлатаномъ Шрепферомъ, который занимался тогда вызываніемъ духовъ, и у котораго, между прочимъ, искалъ магическихъ познаній одинъ изъ главныхъ начальниковъ немного позднѣе явившагося розенкрейцерства, Бишофсвердеръ.

При какихъ обстоятельствахъ Штаркъ придумалъ клерикальную систему, до сихъ поръ не разъяснено вполнѣ, и свѣдѣнія о ней неясны и противорѣчивы. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, что клерикальный капитулъ (capitulum clericorum regularium) основалъ въ Петербургѣ шотландецъ лордъ Вильямсъ, что онъ, Штаркъ, былъ членомъ этого капитула, который онъ перенесъ потомъ въ Висмаръ (городокъ въ Сѣверной Германіи) и въ Кенигсбергъ. Въ 1767 г. Штаркъ вступилъ въ первыя сношенія съ тампліерскимъ гермейстеромъ, барономъ Гундомъ, предлагая соединить высшія степени тампліерства съ его клерикатомъ; при этомъ онъ представилъ патентъ, выданный ему въ 1766 г. мнимымъ клерикальнымъ начальникомъ Пиладомъ. Штаркъ утверждалъ, что свѣтское тампліерство не имѣетъ настоящихъ высшихъ знаній и тайнъ ордена, которыя чудеснымъ образомъ сохранились только въ клерикатѣ; этотъ клерикатъ скрывался до сихъ поръ, но теперь отыскался, и Штаркъ, для блага самого ордена, предлагалъ соединеніе свѣтской и духовной его отрасли. Клерикатъ долженъ былъ зависѣть отъ одного гермейстера, мимо всѣхъ другихъ орденскихъ властей, но долженъ былъ получить также извѣстныя преимущества. Соглашеніе состоялось, и клери-

катъ основался: его обряды отличались особой, почти церковной торжественностью, напоминавшей католическія церемоніи.

Мы не будемъ пересказывать подробностей этого основанія клериката, не имѣющихъ отношенія къ русскимъ ложамъ. Довольно упомянуть нѣкоторыя обстоятельства. Когда Штаркъ сдѣлалъ свои предложенія тампліерскому гермейстеру—открыть ему клерикальныя таинства ордена, то баронъ Гундъ послалъ къ нему въ Висмаръ одного изъ членовъ тампліерской администраціи, фонъ-Прангена, вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ Якоби, который и оставилъ довольно обстоятельныя записки объ этомъ посольствѣ. Прангенъ (род. въ 1737 г.; это былъ вюртембергскій офицеръ, взятый въ плѣнъ пруссаками въ Семилѣтнюю войну) былъ крайне довѣрчивый масонъ; передъ тѣмъ онъ скомпрометировалъ себя этой довѣрчивостью въ скандальномъ дѣлѣ обманщика Джонсона, вслѣдствіе чего былъ даже на время исключенъ изъ ордена; немудрено, что онъ не понялъ и новаго шарлатана, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло. Штаркъ посвятилъ его въ клерикальную степень со всѣми потребными церемоніями, но когда отъ него пожелали болѣе положительныхъ указаній о клерикальныхъ таинствахъ, Штаркъ сталъ говорить, что для открытія ихъ ему нужно сначала съѣздить въ Петербургъ, гдѣ будто бы находятся болѣе посвященные члены клериката. Прежде, чѣмъ дѣло успѣло достаточно разъясниться, тампліерскіе начальники (Шубартъ) извѣстили циркуляромъ братьевъ объ открытой мнимой отрасли ордена,—и, несмотря на позднѣйшія разоблаченія, многіе изъ тампліеровъ остались увѣрены въ этой баснѣ, что и доставило Штарку многихъ вліятельныхъ покровителей. Это былъ вообще человѣкъ вкрадчивый, умный и ловкій, съ большими свѣдѣніями, хорошо изучившій масонскую орденскую исторію и практику. Составляя свою подложную исторію мнимой клерикальной отрасли тампліерства, онъ ловко воспользовался существовавшей легендой тампліерскаго ордена, съумѣлъ дополнить ее новыми, какъ будто вѣроподобными, фактами и подробностями въ клерикальномъ смыслѣ,—такъ что тампліерскіе братья были, кажется, подкуплены этой баснословной исторіей, въ которой они не подозрѣвали поддѣлки. Случилось, однако, что Пран-

генъ, въ то самое время, когда Штаркъ дѣйствительно отправился въ Петербургъ (1768 г.), —поступилъ на русскую службу, и, осенью 1768 г., въ Петербургѣ, встрѣтился со Штаркомъ. Этотъ послѣднiй, въ своихъ окончательныхъ переговорахъ съ Гундомъ, утверждалъ относительно клерикальныхъ тайнъ слѣдующее: что эти тайны сохранились въ флорентинской отрасли тампліерства, гдѣ былъ гермейстеромъ лордъ Саквилль († 1769); и что оттуда эти тайны перенесены въ Петербургъ Наттеромъ, извѣстнымъ въ то время рѣзчикомъ на камнѣ и граверомъ († 1763), который поселился въ Петербургѣ въ 1762 г. Называя Саквилля гермейстеромъ „Строгаго Наблюденія“ въ провинціи Италіи, Штаркъ ссылался на него еще въ 1775 г., когда тотъ давно умеръ, притомъ Саквилль, хотя дѣйствительно былъ мастеромъ масонской ложи во Флоренціи, сколько извѣстно исторически, не только не имѣлъ, но и не могъ имѣть никакихъ клерикальныхъ преданій. Самъ Наттеръ въ то время умеръ, и поэтому ссылаться на него было довольно удобно. Прангенъ, встрѣтившись въ Петербургѣ съ Штаркомъ, долженъ былъ убѣдиться, что въ Петербургѣ нечего искать клериката. Штаркъ уже находился нѣсколько времени въ Петербургѣ и, по словамъ Якоби, „успѣлъ уже, не особенно почетнымъ для себя способомъ, перессориться съ большей частью тамошнихъ масоновъ „Строгаго Наблюденія“. Относительно клериката оказалось, что „тайный клерикальный начальникъ“ Пиладъ, былъ просто малообразованный часовщикъ Шюргеръ, который служилъ Штарку простымъ орудіемъ: этотъ клерикальный начальникъ не умѣлъ даже хорошенько подписать своего орденскаго имени (Pilades вм. Pylades). Штаркъ просто предварительно говорилъ или писалъ ему то, что тотъ долженъ былъ выдавать потомъ за свои высшія клерикальныя сообщенія.

Дальнѣйшая исторія клериката принадлежитъ уже исторіи германскаго масонства; впрочемъ, мы встрѣтимся съ ней еще далѣе. Замѣчательно, что увѣренность въ его существованіи сохранялась довольно долго у ревностнѣйшихъ тампліеровъ; Штаркъ ловко уклонялся выступать лично въ обширныхъ масонскихъ собраніяхъ защитникомъ своей системы и обыкновенно выставлялъ другихъ. Такъ, на конвентѣ въ Коло, въ 1772 г., явился тампліеръ фонъ-Равенъ, котораго Штаркъ

успѣлъ сдѣлать начальникомъ клерикальной отрасли (пріоромъ): появленіе Равена въ клерикальномъ облаченіи и полукатолическая церемоніальность его должности на иныхъ произвели впечатлѣніе, въ другихъ возбудили протестантскія сомнѣнія или вызывали смѣхъ. Но вообще дѣло, несмотря на всю изворотливость Штарка, съ самаго начала было подозрительно и не удалось; къ 1777 г. клерики оффиціально отстранились отъ ордена, и ихъ дѣятельность прекратилась. Штаркъ пропагандировалъ съ тѣхъ поръ тайныя науки, магію и вообще мистическое колдовство, и это, вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ клериката, долго составляло предметъ масонской полемики, о которой мы упомянемъ дальше.

Если еще нельзя фактически провѣрить разсказовъ о томъ, что Штаркъ имѣлъ въ Петербургѣ особыя тампліерскія связи, что въ Петербургѣ былъ очагъ клериката и т. д., то эти разсказы показываютъ, однако, что въ Петербургѣ было уже тогда какое-то масонское движеніе[1]).

Бёберъ, въ упомянутой запискѣ о русскомъ масонствѣ, излагаетъ дѣло такимъ образомъ. Когда Елагинъ получилъ изъ Англіи патентъ на достоинство великаго провинціальнаго мастера въ Россіи, то подъ его управленіемъ основалось нѣсколько ложъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, также въ Ригѣ и Ревелѣ, „которыя всѣ называли себя ложами Слабаго Наблюденія“ (lata observantia, въ противоположность Строгому, stricta observantia) „и по своимъ собственнымъ бумагамъ работали во всѣхъ степеняхъ“. Затѣмъ о дѣятельности Штарка говорится такъ: „Въ 1768 г. извѣстный Штаркъ основалъ ложу Строгаго Наблюденія, подъ названіемъ Фениксъ, и въ слѣдующемъ году къ ней приступила также и ложа упомянутаго Слабаго Наблюденія, которая носила имя Истиннаго Постоянства (Der Wahren Beständigkeit) и работала подъ молоткомъ, т. е. управленіемъ нѣ-

---

[1]) О Штаркѣ см. Handbuch, статьи Kleriker, Starck, Sackville, Natter, Prangen, Ordenssagen, Williams; также Zeitschr. für Freim. (die Maurerhalle), 1844—1845, Gesch. der zum System der Stricten Observanz gehörenden Freimaurer, Якоби, бывшаго секретаря гермейстера Гунда; Findel, Gesch. стр. 317—325; Nicolai, Einige Bemerkungen über den Ursprung und die Gesch. der Rosenkreuzer und Freymaurer, Berl. u. Stettin, 1806; Kloss, Bibliographie № 3382—3438; [Wolfstieg, по указателю]; Keller, Gesch. der Freim. in Deutschland, Giessen 1859, стр. 147, 179 и слѣд.

коего Селлина (конечно, того самаго, котораго имя упоминается во времена Петра III),—приступила, какъ говорится въ находящемся у меня протоколѣ ложи Феникса, убѣдившись въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ. Кажется, однако, что эта связь продолжалась недолго, потому что упомянутый протоколъ кончается собраніемъ 9-го декабря 1769 г.“ [1]).

По другимъ извѣстіямъ [2]), довольно неопредѣленнымъ, говорится, что Штаркъ 23-го іюня 1768 г. основалъ въ Петербургѣ префектуру Строгаго Наблюденія, свѣтскій капитулъ Феникса, или, что тампліерство было введено въ Россію въ 60-хъ годахъ, когда Строгое Наблюденіе принесено было въ Петербургъ изъ ложи „Трехъ Львовъ“ въ Висмарѣ (это была именно ложа Штарка и его друзей, основ. въ 1767 г.), и что тогда же былъ учрежденъ капитулъ, гдѣ великимъ мастеромъ былъ купецъ Людеръ. Напротивъ, другіе говорятъ, что онъ самъ узналъ высшія степени тампліерства изъ подобнаго учрежденія, существовавшаго въ Петербургѣ уже раньше. Великимъ мастеромъ въ этомъ „Capitulum Petropolitanum“ называютъ, какъ мы сказали, купца Людера, а въ числѣ членовъ его поименовывается немало людей изъ высшаго слоя общества, напр., генералъ Болтинъ, генералъ Бороздинъ, Новгородскій намѣстникъ графъ Брюсъ, князь Юрій Влад. Долгорукій, оберъ-прокуроръ въ Москвѣ князь Гагаринъ (онъ былъ прокуроромъ уже впослѣдствіи), камергеръ князь Куракинъ, тайный совѣтникъ князь Несвицкій, „президентъ“ Ржевскій, сенаторъ князь Щербатовъ, также гр. Разумовскій, гр. Строгановъ. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ мы уже встрѣчали въ масонскихъ ложахъ временъ Елизаветы; другія играютъ болѣе или менѣе важную роль и въ дальнѣйшей исторіи нашего масонства.

Въ Курляндіи въ это время уже существовала префектура Строгаго Наблюденія, подъ названіемъ Темпельбургъ, въ Митавѣ. Это была одна изъ первыхъ по времени префектуръ тампліерской системы, которая имѣла вообще большой успѣхъ въ Курляндскомъ дворянствѣ. Тампліерскій капитулъ былъ основанъ также въ Ригѣ. Въ 1772 г. Курляндскіе тампліеры имѣли уже своего представителя на масон-

---

1) Handb. III, стр. 613.
2 Handb. II, 552; III, 108, 479.

скомъ конвентѣ въ Коло, и вообще отличались большою ревностью къ ордену, но пріоръ Курляндскихъ тампліеровъ, фонъ-Фирксъ, относился недовѣрчиво и враждебно къ Штарку [1]).

Объ упомянутомъ нами Прангенѣ (eques a Pavone) Якоби разсказываетъ дальше въ своихъ запискахъ, что въ Петербургѣ Прангенъ, встрѣтившись опять со Штаркомъ, хотя и потерялъ надежду узнать таинственныхъ высшихъ начальниковъ системы, но все-таки одушевленъ былъ ревностью къ ордену, и „при содѣйствіи нѣкоторыхъ тамошнихъ (т. е. Петербургскихъ) братьевъ основалъ свѣтскій капитулъ“, и затѣмъ отправился къ своему назначенію: онъ принятъ былъ въ службу ротмистромъ въ Московскій карабинерный полкъ. Полкъ его находился тогда на турецкой границѣ, и Прангенъ остался тамъ на все время турецкой войны до заключенія мира и состоялъ адъютантомъ при князѣ Голицынѣ и графѣ Румянцовѣ [2]). Основанный имъ „свѣтскій капитулъ“ есть, вѣроятно, тотъ же самый Фениксъ, учрежденіе котораго приписывается Штарку. Вообще это было, кажется, первое формальное утвержденіе тампліерской системы въ русскихъ ложахъ.

Извѣстія о вліяніи французскаго масонства на русскія ложи того времени до сихъ поръ очень ограниченны; но что вліяніе было, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, припомнивъ вообще сильное вліяніе французскихъ нравовъ и нерѣдкія путешествія въ Парижъ, уже тогда получившій свою притягательную силу для русскаго барства. Извѣстно [3]), что въ 1773 г. графъ А. С. Строгановъ уже участвовалъ на масонскомъ конвентѣ, который устроенъ былъ герцогомъ Шартрскимъ (будущимъ Egalité) въ Парижѣ для организаціи французскаго Grand Orient. Далѣе, Новиковъ въ своихъ показаніяхъ упоминаетъ, что во время переѣзда его въ Москву (1779 г.) тамъ были, между ложами другихъ системъ, „одна или двѣ ложи настоящихъ французскихъ, и у нихъ (т. е. ложъ) было (по его словамъ) французское масонство, которое мы всѣ, такъ называвшіеся тогда Рейхелевскіе ма-

---

[1]) Handb. ibid., также II, 171.

[2]) Handb. II, 606. Maurerhalle, 1844, III, 305—306.

[3]) Лонг., стр. 96.

соны, совершенно презирали и почитали за глупую игру и дурачество“ [1]). Мы упомянемъ дальше о личныхъ связяхъ многихъ изъ русскихъ аристократовъ того времени съ Сенъ-Мартеномъ, связяхъ, которыя не остались, быть можетъ, безъ влiянiя и въ русскихъ ложахъ [2]). Эти непосредственные послѣдователи Сенъ-Мартена и почитатели его книги и были, собственно, мартинисты, — названiе, которое потомъ совсѣмъ невѣрно прилагали къ Новикову и его друзьямъ.

Около того же времени, именно около 1765—1768 гг., основана была въ Петербургѣ особая система съ высшими степенями, собственно русскаго изобрѣтенiя. Это система Мелиссино. Младшiй братъ куратора Московскаго университета, артиллерiйскiй генералъ Мелиссино, вообще игралъ значительную роль въ русскомъ масонствѣ и, между прочимъ, занималъ важное мѣсто въ великой Провинцiальной Ложѣ Елагина: какъ говорятъ, онъ ввелъ свою систему въ ложѣ Скромности, въ Петербургѣ, въ которой онъ предсѣдательствовалъ [3]). Эта система, кажется, не выходила за предѣлы Россiи, но была, однако же, довольно извѣстна: въ 1780-хъ годахъ нѣкто Корсицкiй или Коржицкiй, бывшiй русскiй офицеръ, жившiй пенсiей во Львовѣ и посвящавшiй въ высшiя степени извѣстнаго Фесслера, сообщалъ ему и систему Мелиссино; Леннингъ подробно описываетъ ее въ своей Энциклопедiи [4]); Фишеръ о ней говоритъ въ своихъ воспоминанiяхъ, о которыхъ мы упоминаемъ дальше; иностранные историки называютъ ее одной изъ самыхъ странныхъ системъ съ высшими степенями. Составлена она была, конечно, подъ влiянiемъ той страсти къ высшимъ степенямъ, которая овладѣла тогда почти всѣмъ европейскимъ масонствомъ и легко могла оказать влiянiе на масонскую голову съ предпрiимчивостью и фантазiей, каковъ былъ, судя по отзывамъ, Мелиссино. Одинъ изъ нѣмецкихъ современниковъ или, по крайней мѣрѣ, близкихъ къ тому

---

[1]) Лонг., стр. 078.

[2]) Довольно вспомнить такихъ знакомыхъ Сенъ-Мартена, какъ Репнинъ, Чернышевъ и Кошелевъ.

[3]) Handb. II, 306.

[4]) Encycl. der Freim. II, 460—481.

времени масонскихъ писателей, Фишеръ (издатель „Элевзиній“), знакомый съ положеніемъ русскихъ дѣлъ, описываетъ Мелиссино (родомъ онъ былъ грекъ) „высокимъ худощавымъ человѣкомъ, съ блестящими глазами и съ богатыми дарованіями. Онъ съ одинаковымъ совершенствомъ держалъ ложу на четырехъ языкахъ и имѣлъ притомъ прекрасную наружность и увлекательное краснорѣчіе“ [1]). Фишеръ полагалъ, что въ системѣ Мелиссино и заключается источникъ, который навелъ Штарка на мысль о клерикатѣ; онъ думалъ, что Штаркъ могъ именно познакомиться съ этой системой во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Другіе [2]) считаютъ предположеніе неосновательнымъ, потому уже, что клерикатъ по времени считаютъ старѣе системы Мелиссино. Впослѣдствіи, въ концѣ царствованія Екатерины, Мелиссино закрылъ свою ложу вслѣдствіе приказанія императрицы [3]).

Къ началу 70-хъ годовъ относится появленіе въ русскихъ ложахъ системы Циннендорфа, которая только недавно передъ тѣмъ образовалась въ Германіи, какъ особенная отрасль тампліерства. Ревностнымъ дѣятелемъ этой системы въ Петербургѣ былъ гвардейскій генералъ-аудиторъ Рейхель, вступившій въ русскую службу въ 1770 г., [4]) и отношенія котораго съ Новиковымъ указаны въ книгѣ Лонгинова.

Въ распространеніи системы Циннендорфа дѣйствовалъ въ нашихъ ложахъ, кромѣ Рейхеля, еще Розенбергъ, также изъ пріѣзжихъ иностранцевъ. Имя Розенберга встрѣчается, между прочимъ, и въ біографіи Новикова, который имѣлъ съ нимъ разныя масонскія отношенія, и мы сообщимъ о немъ нѣсколько біографическихъ подробностей изъ нѣмецкой масонской литературы. Розенбергъ, собственно говоря, былъ одинъ изъ тѣхъ авантюристовъ, которые находили въ

---

[1]) Zeitschr. für Freim. Altenb. 1823, I, 20 и слѣд. См. также согласную съ этимъ характеристику Мелиссино въ „Mémoires secrets sur la Russie“, Paris, 1802, III, 425—435. Авторъ „Мемуаровъ“ близко зналъ Мелиссино. Онъ говоритъ, между прочимъ, что Мелиссино былъ „grand-maitre de l'ordre maçonnique en Russie“, основателемъ многихъ ложъ. Это „гросмейстерство“ относится, вѣроятно, къ системѣ, носящей имя Мелиссино.

[2]) Handb. II, 307.

[3]) Это разсказано у Лонгинова, стр. 304.

[4]) Пекарскій, Дополн., стр. 57.

масонствѣ только средство для устройства своихъ личныхъ дѣлъ;—такъ отзываются о немъ новѣйшіе масонскіе историки и такое же впечатлѣніе онъ оставилъ повидимому и въ нашихъ старыхъ масонахъ, по крайней мѣрѣ, они чувствовали къ нему нѣкоторое недовѣріе [1]). Георгъ Розенбергъ, бывшій ротмистромъ въ отрядѣ волонтеровъ Люкнера, еще во время пребыванія въ Германіи заявилъ себя ревностнымъ послѣдователемъ Циннендорфа въ его масонской реформѣ; неизвѣстно, руководился ли онъ при этомъ какими-нибудь вопросами убѣжденія. Принятый въ масонство въ Дрезденѣ, еще въ 1752 г., Розенбергъ въ 1763 г. въ парижской ложѣ La Candeur получилъ высшія французскія степени, и въ Мецѣ, въ теченіе трехъ недѣль, пріобрѣлъ степени chevalier d'Orient, d'Occident и de l'Aigle. Съ кучей французскихъ „градусовъ" онъ явился въ Гамбургъ, соединился тамъ съ другими братьями, и, опираясь на свои мнимыя полномочія, открылъ самовольно свою ложу „Трехъ (золотыхъ) Розъ", изъ-за которой онъ вошелъ въ рѣзкій споръ съ властями „Строгаго Наблюденія", не признававшими за нимъ такихъ правъ. Потомъ онъ, вмѣстѣ съ двумя другими братьями того же характера, обратился за конституціей, т. е. за формальнымъ утвержденіемъ своей ложи, къ Циннендорфу, который въ то время уже основалъ свою систему. Циннендорфъ, дѣйствительно, далъ имъ конституцію, со старшинствомъ отъ 24 января 1770 г., хотя самая просьба ихъ отправилась въ Берлинъ только въ августѣ. Способъ дѣйствій Розенберга былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ: одни говорили, что онъ захватилъ кассу ложи; другіе винили его только въ томъ, что онъ принималъ въ свою ложу безъ разбора (это доставляло доходъ); но вообще онъ такъ запутался въ денежныхъ дѣлахъ ложи, что противъ него начались серьезныя жалобы, вслѣдствіе которыхъ, передъ его внезапнымъ отъѣздомъ въ Россію, противъ него приняты были „очень непріятныя мѣры". Его отъѣздъ, вѣроятно, и произошелъ отъ желанія избѣгнуть этихъ мѣръ. Любопытнымъ фактомъ въ дѣятельности Розенберга въ Гамбургѣ было, однако, то, что въ 1771 г. онъ въ своей ложѣ ввелъ въ масонство Лессинга. Въ Россію Розенбергъ пріѣхалъ въ 1774 г., въ Пе-

[1]) Ср. Ешевскій, Сочин., т. III, стр. 536.

тербургѣ умѣлъ сойтись съ Рейхелемъ, но хорошія отношенія между ними удержались недолго, такъ какъ Розенбергъ хотѣлъ пользоваться масонскими связями только для своихъ личныхъ цѣлей. Такъ, сообщается фактъ, что за свое путешествіе въ Швецію онъ заставилъ заплатить себѣ 1,400 руб. прежде,чѣмъ выдалъ полученные имъ акты. Въ то время, когда начались въ нашихъ ложахъ несогласія и недоразумѣнія относительно зависимости отъ Швеціи, Розенбергъ разошелся съ начальниками ложъ и былъ исключенъ изъ ордена 11 декабря 1781 г., вмѣстѣ со своимъ братомъ Вильгельмомъ. Этотъ Вильгельмъ былъ секретаремъ посольства при Куракинѣ, во время поѣздки послѣдняго въ Швецію въ 1776—77 г. По исключеніи изъ ордена, Розенбергъ поселился въ Петербургѣ и жилъ пособіями отъ „братьевъ". Пока въ Петербургѣ еще работала ложа Аполлона, онъ жилъ въ ея домѣ. Въ 1798 г. онъ умеръ, и немногіе остававшіеся братья похоронили его на свой счетъ [1]). По системѣ Циннендорфа или Рейхелевской, какъ у насъ ее называли, основаны были уже вскорѣ нѣсколько ложъ. Въ нѣмецкихъ и нашихъ источникахъ, мы находимъ о нихъ такія указанія: въ 1771 г., 12 марта, учреждена была ложа Аполлона, въ 1772 г. ложа Гарпократа въ Петербургѣ, военная ложа (1773) тамъ же и ложа Изида (12 октября 1773) въ Ревелѣ. Въ то же время основана была въ Петербургѣ ложа Горуса, въ которой мастеромъ стула упоминается Нартовъ (по другимъ указаніямъ она принадлежала Елагинскому союзу; Нартовъ,—конечно, тотъ же, который упоминается въ масонской перепискѣ 1780-хъ годовъ, изданной Ешевскимъ). Въ 1776 г. упоминается основаніе (петербургской) ложи Латоны, гдѣ мастеромъ стула былъ [Новиковъ]; и въ томъ же году гвардейскій капитанъ Иванъ Чаадаевъ (дѣдъ П. Я. Чаадаева) основалъ ложу Немезиды [2]).

---

[1]) Schröder, Materialien, II, 131, 146, 208; IV, II, Nettelblatt, Prov.—Kalender von 1836, стр. 91. Handb., II, 194; III, 83—84, 108—110. Лонгин. стр. 102—103, 236.

[2]) Handb. III, 108. Ср. Лонг. 94—103. [А. Я. Ильинъ въ своемъ дневникѣ за 1776 г. называетъ однако ложу Немезиду—ложей Храповицкаго]. Храповицкій, упоминая въ запискахъ о своемъ „старомъ масонствѣ", говоритъ только, что онъ былъ въ ложѣ А. И. Бибикова (подъ 1792 г.).

Еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Рейхелевскихъ ложахъ мы находимъ въ показаніяхъ Новикова, во время слѣдствія 1792 года. Имена ложъ здѣсь не названы, и потому показанія Новикова довольно трудно сличать съ приведенными сейчасъ свѣдѣніями; кромѣ того, Новиковъ дѣлалъ только общій счетъ ложамъ, не указывая перемѣнъ, происходившихъ въ ихъ составѣ и характерѣ.

Онъ считаетъ въ „Рейхелевскомъ масонствѣ по берлинскому акту“ слѣдующія ложи:

1) Нѣмецкая ложа, гдѣ великимъ мастеромъ былъ баронъ Рейхель, а послѣ Розенбергъ („помнится маіоръ“). Въ 1792 г. Новиковъ не зналъ, существуетъ ли она и собираются ли ея члены.—Это была собственная ложа Рейхеля „Аполлонъ“.

2) Ложа кн. Николая Никит. Трубецкого, о которой Новиковъ замѣчаетъ, что она уничтожилась.

3) Ложа Ив. Арт. Артемьева (сенатскаго оберъ-секретаря). О ней Новиковъ также полагаетъ, что она уничтожилась.

4) Ложа Андрея Андр. Нартова (д. ст. совѣтника), о которой Новиковъ также не зналъ, собирается ли она (Ложа Горуса).

5) Нѣмецкая Ложа въ Ревелѣ, о которой онъ ничего не зналъ.—Это была, конечно, „Изида“.

6) Ложа самого Новикова, которая уничтожилась по отъѣздѣ его изъ Петербурга: „члены ея разошлись,—замѣчаетъ Новиковъ,—кромѣ показанныхъ съ нами“ [„Латона“].

7) Ложа маіора Дубянскаго, въ которую, по словамъ Новикова,—„при соединеніи съ Иваномъ Перфильевичемъ (т. е. при соединеніи Рейхелевскихъ ложъ съ Елагинскими) опредѣленъ былъ (мастеромъ) въ 1776 году Александръ Васильевичъ Храповицкій.—Ложа Дубянскаго была, вѣроятно, та Астрея, гдѣ началось первое знакомство Новикова съ масонствомъ.

Подъ этой же рубрикой упомянуты еще двѣ ложи: Льва Вас. Тредьяковскаго и Вас. Ив. Крюковскаго, которыя, повидимому, также надо относить къ Рейхелевскимъ.

Въ числѣ членовъ первыхъ названныхъ семи ложъ показаны, между прочимъ, Игн. Ант. Тейльсъ, Ив. Аѳ. Дмитревскій, Левъ Вас. Тредьяковскій; въ двухъ послѣднихъ

ложахъ названы Ал. Андр. Ржевскій, Ѳед. Ив. Глѣбовъ, графъ А. С. Строгановъ и баронъ Строгановъ.

Перечисляя первыхъ, Новиковъ замѣчаетъ: „Всѣ сіи съ нами въ связи не были, кромѣ двоихъ, которые тамъ и показаны съ нами“. О ложахъ Тредьяковскаго и Крюковскаго замѣчено: „Сіи члены и ложи, при Шварцѣ, были нѣсколько времени съ нами въ соединеніи, но какъ началась и кончилась сія связь, упомнить не могу; а помню, что тогда были они въ перепискѣ съ кн. Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ“. [1]

Въ запискѣ Бёбера о русскомъ масонствѣ сообщаются еще такія свѣдѣнія о Рейхелевскихъ ложахъ. Ложа Аполлона основана была Рейхелемъ безъ сношенія съ провинціальнымъ великимъ мастеромъ (?), и встрѣтила большое одобреніе между знатными лицами. Но работы почему-то остановились (кажется, по случаю отъѣзда Рейхеля въ Москву); тогда явился въ 1774 г. Розенбергъ, управлявшій прежде въ Гамбургѣ ложею Трехъ Розъ, и по убѣжденіямъ Рейхеля, вновь открылъ работы въ ложѣ Аполлона, и дѣятельность ея такъ расширилась, что въ короткое время съ ней соединилось пять русскихъ вновь открытыхъ ложъ, — между прочимъ, Латоны и Озириса, —которыя приняли акты этой ложи и работали въ одномъ съ ней помѣщеніи. Въ эту ложу вступилъ въ 1776 г. и Бёберъ. Но работы ея были интенсивны недолго, такъ какъ Рейхель, поссорившійся съ Розенбергомъ, убѣдилъ членовъ упомянутыхъ ложъ стать подъ управленіе великаго провинціальнаго мастера (это былъ тогда Елагинъ),—который не только призналъ бы ихъ акты подлинными, но и ввелъ бы такіе акты въ остальныхъ зависящихъ отъ него ложахъ. Такимъ образомъ, ложа Аполлона осталась одинокою...[2]).

Таковы до сихъ поръ свѣдѣнія, какія имѣются о Рейхелевскихъ ложахъ. Мы скажемъ дальше о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находились онѣ къ Елагинскимъ, а пока напомнимъ только о томъ, какъ относился къ нимъ Новиковъ. Онъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что тѣ (Ела-

---

[1]) Пунктъ 3-й показаній Новикова, у Лонгин.; Сборн. Русск. Ист. Общ. т. II, стр. 146—148. О Тредьяковскомъ ср. Лонгинова, стр. 97, и Русск. Стар., 1871.

[2]) Handb. III, 613.

гинскія) ложи, которыя онъ сначала узналъ, не удовлетворяли его, и что въ первый разъ онъ нашелъ настоящее ученіе въ ложахъ Рейхелевскихъ. Повидимому, Рейхель принадлежалъ къ числу масоновъ, серьезно понимавшихъ свое дѣло, и этому надо приписать его вліяніе, какъ на Новикова, такъ и вообще на Елагинскія ложи.

Обратимся теперь къ ложамъ Елагинской системы.

Рядомъ съ распространеніемъ системы Циннендорфа, или Рейхелевскихъ ложъ, возобновлялась и первоначальная англійская система. Это было такъ называемое „общество Елагинской системы". Въ общихъ чертахъ, ихъ отношенія состояли въ слѣдующемъ. Въ масонствѣ того времени, какъ мы видѣли, происходило уже довольно путаницы, и около 1770 года является въ русскихъ ложахъ сильное стремленіе получить болѣе правильную организацію и ввести въ ложи извѣстную дисциплину. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1770 году, 22 мая, въ Петербургѣ открыта была великая провинціальная ложа (т. е. административный центръ) по сношенію русскихъ масоновъ съ Берлинской ложей Royal Iork [1]). Эта ложа, называвшаяся прежде De l'Amitié, давно была въ натянутыхъ отношеніяхъ къ своей ложѣ-матери, и когда ей въ 1765 г. случилось принять въ масоны проѣзжавшаго черезъ Берлинъ герцога Іоркскаго, она приняла названіе Royal Iork zur Freundschaft. Въ то время шла въ Берлинѣ пропаганда тампліерства; ложа Трехъ Глобусовъ приняла его, но Royal Iork отказалась, и, при посредствѣ герцога Іоркскаго, получила (кажется, въ 1767 г.) конституцію отъ англійской Великой Ложи и перешла къ ней; при этомъ Великая Ложа не справилась, однако, работаетъ ли принятая ею ложа по англійскимъ законамъ и обычаямъ. (Акты и обычаи этой ложи остались, такимъ образомъ, прежніе).

Какіе акты и кѣмъ именно получены были отъ ложи Royal Iork въ Петербургѣ, остается не совсѣмъ ясно. Замѣтимъ, что въ томъ же 1770 г. эта ложа была въ связяхъ съ Циннендорфомъ, который, отступивши въ то время отъ Строгаго Наблюденія или Тампліерства, основывалъ уже свои ложи и даже, съ королевскаго разрѣшенія, назвалъ

---

[1]) Лонгин. 94, по свѣдѣніямъ въ протоколахъ ложи „Уранія".

свою систему Grosse Landesloge aller Freimaurer von ganz Deutschland, которой онъ хотѣлъ придать значеніе тѣмъ, что вступилъ въ сношенія съ англійской Великой Ложей. Онъ сдѣлалъ это черезъ посредство ложи Royal Iork, которая позволила ему работать въ своемъ помѣщеніи, такъ что это имѣло такой видъ, будто въ основаніи его системы лежатъ англійскіе акты. Впослѣдствіи (1773 г.) онъ добился (не совсѣмъ правильно, повидимому) формальнаго договора съ англійской Великой Ложей, который подчинялъ всѣ англійскія ложи въ Германіи его Великой Ложѣ, подъ гросмейстерствомъ герцога Лудвига Гессенъ-Дармштадтскаго [1]).

Эта ли неопредѣленность отношеній Ройяль-Іорка къ англійской Великой Ложѣ, или еще другія обстоятельства, подѣйствовали на нашихъ масоновъ, но, повидимому, вновь устроенная (1770 г.) русская провинціальная ложа не удовольствовалась этимъ косвеннымъ и отдаленнымъ отношеніемъ къ источнику масонства и старалась вступить въ прямыя связи съ Лондонской Великой Ложей. Вслѣдствіе этого, состоялось назначеніе И. П. Елагина великимъ мастеромъ Петербургской провинціальной ложи, о чемъ въ 1772 году, 28 февраля, великій секретарь заявилъ въ Лондонской Великой Ложѣ.

Въ бумагахъ Елагина, находящихся въ Государственномъ Архивѣ, хранится, между прочимъ, и пергаментный дипломъ, выданный ему тогда отъ Лондонской Великой Ложи на это званіе и подписанный 26 февраля герцогомъ Бофортскимъ. Дипломъ обязываетъ Елагина представлять отчеты ложѣ-матери, назначать собранія, праздновать день Іоанна Крестителя и присылать къ казначею ложи-матери сборъ съ каждой вновь открываемой ложи въ 3 фунта и 3 шиллинга. По показаніямъ Новикова, англійское масонство, находившееся подъ управленіемъ Елагина, получено было „отъ какого-то лорда Питера". Разнорѣчіе объясняется близостью времени. Генри Соммерсетъ, герцогъ Бофортскій, былъ гросмейстеромъ Великой Ложи съ 1767 по 1772 г.; а съ 4 мая 1772 г. по 1 мая 1777 г. гросмейстеромъ былъ Робертъ-Эдуардъ Питеръ (Petre), баронъ Writtle, такъ что при этомъ послѣднемъ могли быть сдѣланы какія-нибудь

---

[1]) Keller, Gesch. der Fr. in Deutschland, стр. 141, 154 и др.

послѣднія формальности для утвержденія Елагина, присылка документовъ и т. п. [1]). Лордъ Питеръ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи англійскаго масонства. Между прочимъ, онъ далъ извѣстному масонскому писателю Престону одобреніе на изданіе его классической масонской книги „Illustrations of Masonry“, 1772 г., которая была вообще первымъ изданіемъ, какое было разрѣшено Великой Ложей послѣ „Конституціи“ Андерсона. Тотъ же гросмейстеръ далъ одобреніе и книгѣ Гучинсона „Spirit of Masonry“, которая была впослѣдствіи у насъ переведена, хотя эта книга не считалась потомъ строго-нравственнымъ изложеніемъ англійскаго масонства, какъ вообще въ это время Великая Ложа, какъ говорятъ, не хранила строго стараго преданія.

Такимъ образомъ, началась вторичная связь русскаго масонства съ англійскимъ: первая, относившаяся больше къ иностранцамъ, жившимъ въ Петербургѣ, съ теченіемъ времени, вѣроятно, ослабѣла, вмѣстѣ съ наплывомъ чужихъ системъ и размноженіемъ русскихъ масоновъ разнаго характера. Съ назначеніемъ Елагина, который ревностно преданъ былъ теперь масонству, утвердилась прочнѣе и англійская система, а впослѣдствіи, когда въ нашемъ масонствѣ распространился мартинизмъ, а потомъ розенкрейцерство, то прежнія системы, и Елагинская въ особенности, разумѣлись подъ именемъ „стараго масонства“ [2]).

Въ показаніяхъ Новикова подъ управленіемъ Елагина показаны слѣдующія ложи:

1) Провинціальная ложа.

2) Собственная ложа Елагина [ложа Музъ].

---

[1]) Пекарск., стр., 31. Kloss, Gesch. der Freim. in England, стр. 197. Сборникъ Русск. Ист. Общ., II, 145. Handb. I, 85; II, 553—555.

[2]) Англійскій масонскій календарь 1777 и 1778 г. заключаетъ слѣдующій отзывъ о положеніи русскихъ ложъ (Freemasons Calendar 1777, 1778; Handb. III, 107). „Первой правильной ложей, основанной въ обширной русской имперіи, была утвержденная въ іюнѣ 1771 г. ложа „Совершеннаго Согласія“ (Parfaite Union) въ Петербургѣ. Мастеръ стула и большая часть изъ членовъ были живущіе тамъ англійскіе купцы, которые поддерживали это учрежденіе съ большой точностью и съ большимъ рвеніемъ. Такъ какъ много русскихъ дворянъ и знатныхъ во время основанія этой ложи были уже масонами, то по просьбѣ своей они получили въ 1772 году отъ Великой англійской Ложи для его

3) Ложа В. Игн. Лукина (по ошибкѣ, конечно, здѣсь поставлено имя Влад. Иван. Лукина) [Уранія].

4) Ложа П. Ив. Мелиссино [Марсъ, позже—Скромность].

5) Ложа Ивана Вас. Несвицкаго [Беллона].

6) Англійская ложа [Parfaite Union].

7) Ложа Я. Ѳ. Дубянскаго [Астрея].

8) Ложа въ Архангельскѣ [св. Екатерина Трехъ Подпоръ].

9) Ложа во Владимірѣ, при графѣ Романѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ, который самъ находился въ провинціальной ложѣ, а этой ложей, какъ припоминаетъ Новиковъ, управлялъ секретарь Воронцова, П. Ив. Бергъ.

Новиковъ замѣчаетъ, что подъ управленіемъ Елагина были и другія ложи въ Петербургѣ и другихъ городахъ, но онъ ихъ не помнитъ. Онъ не могъ также сказать, существуютъ ли эти ложи и бываютъ ли въ нихъ собранія. Онъ называетъ затѣмъ имена нѣкоторыхъ членовъ Елагинскихъ ложъ, которыя могъ припомнить (А. Л. Щербачевъ, Ст. В. Перфильевъ, Ал. Андр. Ржевскій, Ив. Бор. Леццано, докторъ Эли, П. С. Свистуновъ и друг.) и дѣйствительно встрѣчающіяся въ спискахъ самого Елагина, о которыхъ скажемъ дальше [2]).

Указанія Новикова должны относиться ко времени до соединенія Елагинскихъ ложъ съ Рейхелевскими, такъ какъ онъ перечисляетъ ихъ особо, слѣдовательно, до 1776 года, когда послѣдовало это соединеніе.

По другимъ источникамъ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ Елагинскихъ ложахъ. Изъ диплома, даннаго Елагинымъ на учрежденіе ложи Музъ въ іюнѣ 1772 г., видимъ, что провинціальнымъ великимъ намѣстнымъ мастеромъ былъ

превосходительства, сенатора, тайнаго совѣтника Ивана Елагина патентъ на званіе провинціальнаго гросмейстера въ россійской имперіи, подписанный герцогомъ Бофортскимъ. Елагинъ такъ ревностно исполнялъ обязанности своего званія, что въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ основаны были различныя, хорошо устроенныя ложи. Высшее дворянство имперіи не только поощряло искусство (т. е. каменьщическое) своимъ значеніемъ, но и заняло также масонскія должности въ большой и въ частныхъ ложахъ, и русская провинціальная ложа намѣревается построить для ложи домъ, чтобы имѣть тамъ свои собранія".

²) Сборн. Русск. Ист. Общ. II, стр. 145—146.

при Елагинѣ въ этомъ году (т. е. съ самаго основанія Главной Ложи) Романъ Воронцовъ, а провинціальнымъ великимъ секретаремъ —Василій Майковъ, извѣстный въ то время поэтъ.

Затѣмъ, въ протоколахъ ложи „Уранія“ личный составъ Провинціальной ложи представляется за 1773—1774 гг. въ слѣдующемъ видѣ: великій провинціальный мастеръ — Елагинъ, великій провинц. намѣстный мастеръ — гр. Р. Л. Воронцовъ, 1-й и 2-й великіе провинц. надзиратели — А. Л. Щербачевъ, ген.-маіоръ и кн. Ив. В. Несвицкій (или Несвижскій), тайный совѣтникъ и камергеръ; великій провинц. хранитель сокровищъ—Ст. В. Перфильевъ, ген.-маіоръ; вел. провинц. меченосецъ —Ѳ. Фрезе; вел. провинц. секретарь—В. Игн. Лукинъ [1]). Составъ Главной Ложи, повидимому, измѣнился послѣ соединенія съ Рейхелевскими ложами, какъ увидимъ далѣе.

Ближе опредѣлить ложи, принадлежавшія къ Елагинской системѣ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, довольно трудно по извѣстнымъ теперь даннымъ.

Собственная ложа Елагина была, повидимому, та самая ложа Музъ, о дипломѣ которой мы упоминали. Въ другихъ извѣстіяхъ она же, вѣроятно, называется ложей „Девяти Музъ“ или „Трехъ Музъ“, причемъ упоминается, что мастеромъ стула былъ въ ней самъ Елагинъ и что собранія ея, какъ и собранія Главной Провинціальной Ложи, происходили въ его домѣ на Елагиномъ островѣ [2]).

Ложа Лукина была одной изъ первыхъ ложъ, учрежденныхъ подъ управленіемъ Елагина. Въ сентябрѣ 1772 г. шестнадцать членовъ ложи Музъ условились составить новую ложу „уединенныхъ“, какъ они себя наименовали; предположеніе ихъ было утверждено масонскими властями въ Петербургѣ 31 января 1773 г., и 16 марта послѣдовало открытіе самой ложи, названной „Ураніей“. Мастеромъ стула былъ въ ней выбранъ Лукинъ. Въ собраніи рукописей гр. Уварова (№ 243) сохранились подлинные протоколы этой ложи на русскомъ языкѣ, до 1 іюля 1775 г. [3]).

---

[1]) Пекарск., стр. 35—36. Лонгин., стр. 95—96.

[2]) Ешевскій, Сочин., III, 448. Handb. III, 108.

[3]) Лонгин., стр. 94 и слѣд. [Протоколы той же ложи за 1776—1788 г. хранятся въ архивѣ Grosse Landesloge въ Берлинѣ—См. Фридрихсъ, 42; за 1781—1793 г. (на нѣмецк. языкѣ) въ Собраніи рукописей гр. Уварова, № 227

Подъ управленіемъ Мелиссино находились въ разное время различныя ложи. Новиковъ въ своемъ показаніи, вѣроятно, имѣлъ въ виду ложу Скромности (Verschwiegenheit), о которой говоритъ Бёберъ въ своей позднѣйшей запискѣ о русскомъ масонствѣ. Въ протоколахъ „Ураніи" Мелиссино названъ еще великимъ мастеромъ ложи „Марса" въ Яссахъ: это была, конечно, временная ложа, существовавшая въ ту пору, когда Мелиссино находился при арміи въ Молдавіи (въ 1774 г.). По словамъ Бёбера, ложа „Скромности" Мелиссино и „Уранія" Лукина были самыя многолюдныя, наиболѣе уважаемыя и великолѣпныя [1]).

Ложа кн. Несвицкаго [называлась „Беллоной", какъ объ этомъ можно судить по дневнику А. Я. Ильина].

„Англійская Ложа", т. е. состоявшая изъ англичанъ и, вѣроятно, другихъ иностранцевъ, была, можетъ быть, та самая „Parfaite Union", которая въ англійскомъ масонскомъ календарѣ (см. выше) названа первой правильной ложей, основанной въ Россіи, т. е., вѣроятно, получившей въ то время свою конституцію прямо изъ Лондона, еще до основанія Главной Провинціальной Ложи. „Parfaite Union" основана была, по тому же извѣстію, въ іюнѣ 1771 г.; мастеръ стула и большинство членовъ были англійскіе купцы, жившіе въ Петербургѣ.

Ложа Я. Ѳ. Дубянскаго называлась „Астреей". Просьба объ ея учрежденіи подана была Дубянскимъ и нѣкоторыми другими членами, большею частью иностранцами, въ мартѣ 1775 года, и 30 мая того же года Лукинъ передалъ Дубян-

---

[1]) Handb. III, 613. Лонгиновъ, стр. 95, упоминаетъ, что ложа Скромности основана была 4 апрѣля 1775 года; приведенная имъ цитата невѣрна; [но дѣйствительно въ ложѣ Ураніи 4 апрѣля 1775 г. было объявлено о вновь учрежденной въ Петербургѣ ложѣ Скромности (рук. гр. Уварова № 243)].

Этой ложѣ Скромности принадлежитъ слѣдующій сборникъ масонскихъ рѣчей: Anreden in der E. Loge der Verschwiegenheit gehalten von dem B(ruder) C. G. C. Beer. St. Petersburg, gedruckt bey Weitrecht und Schnoor. 1781, 39 стр. Здѣсь помѣщены слѣдующія рѣчи:

— Bey der Geburt des Grossfürsten Alexander Pawlowitsch, gehalten am 25 Februar 1778.

— Am Johannis-Tage 1778.

— Gedächtniss-Rede auf den H. B. Fürst Alexander Iwanowitsch Metschersky, gehalten am 18 May 1779. Это тотъ Мещерскій, на смерть ко-

скому присланную отъ Елагина конституцію новой ложи и „Астрея“ была тогда же открыта. Это была та ложа, въ которую вступилъ Новиковъ [въ началѣ своихъ масонскихъ исканій] [1]).

Ложа въ Архангельскѣ, носившая имя „св. Екатерины“, существовала еще съ 1766 года, состояла преимущественно изъ купцовъ и работала на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 70-хъ годахъ она подчинилась Елагину и новое учрежденіе ея считалось съ 14 февраля 1775 года [2]).

О ложѣ во Владимірѣ мы не имѣемъ еще другихъ свѣдѣній.

Новиковъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что, кромѣ названныхъ, имъ были открыты еще и другія ложи этой системы въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Дѣйствительно, въ прото-

---

тораго Державинъ написалъ извѣстную оду. Мещерскій могъ когда-нибудь находиться въ ложѣ Скромности и быть въ ней мастеромъ стула. „Мы, братья,—говоритъ ораторъ,—стоимъ у его гроба въ горести и печалимся о потерѣ достойнаго масона, полезнаго члена въ цѣпи цѣлаго, достохвальнаго слуги государства и любезнаго друга. Какъ горѣла въ немъ ревность къ нашимъ почтеннымъ работамъ, когда онъ, при открытіи ложи, съ открытой головой, исполняя свою должность (im Amte), касался своими губами словъ Вѣчнаго“ (стр. 24). Любопытно, что рѣчь въ память этого друга „роскоши, прохладъ и нѣгъ“ въ особенности настаиваетъ на той, впрочемъ, нерѣдкой у тогдашнихъ масоновъ мысли, что люди въ самой печали не должны предаваться мрачной меланхоліи, что, напротивъ, жизнь создана для счастья и удовольствій: эта цѣль указана самимъ Творцомъ міра, въ законодательствѣ природы наше сохраненіе и продолженіе является удовольствіемъ, всемогущая рука привела первому обитателю міра помощницу и т. д. Нужно только, чтобы удовольствіе не превращалось въ насыщеніе испорченныхъ страстей.

— Bey der Aufnahme des Herrn Alexis von M*, am October 1780. Этотъ Алексѣй М. былъ единственный сынъ мастера стула въ ложѣ Скромности, который самъ и принималъ его, что подаетъ „ритору“ особый поводъ къ краснорѣчію. Здѣсь, кажется, идетъ рѣчь о томъ самомъ П. И. Мелиссино, который, какъ было сказано выше, былъ мастеромъ стула въ ложѣ Скромности. Объ его „единственномъ сынѣ“ упоминается въ запискахъ Масона, III, 432.

Тому же Бееру принадлежитъ, конечно, приведенная у Клосса (№ 1340 [Wolfstieg, № 17408]); Gedächtnissrede auf die Brüder Nicol. Meyer und Dietr. Jäger (т. е., вѣроятно, упомянутый выше купецъ Егеръ, (Jäger), gehalten in der L. zur Verschwiegenheit, den 28 October und 4 Nov. 1777, von dem Br. Beer. St. Petersburg. Weitbrecht, 1777.

[1]) Лонгин., стр. 100.

[2]) Лонгин., стр. 95.

колахъ ложи „Ураніи" и въ другихъ источникахъ называются еще другія ложи Елагинской системы, напримѣръ, „Беллона" въ Петербургѣ, „Кліо" въ Москвѣ (это имя уже встрѣтилось намъ выше); „Минерва" въ Сагодурахъ, въ Молдавіи; „Эрато" въ Петербургѣ, уже существовавшая въ мартѣ 1775 г., гдѣ мастеромъ былъ кн. Александръ Ив. Мещерскій, пріятель Державина [1]).

Мы докончимъ, насколько возможно, этотъ списокъ Елагинскихъ ложъ дальше, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ Елагинской системы къ появившейся въ концѣ семидесятыхъ годовъ шведской системѣ, и теперь остановимся на отношеніяхъ первой къ Рейхелевской системѣ [2]).

Съ оффиціальнымъ утвержденіемъ Елагинской системы и со введеніемъ Циннендорфской, или Рейхелевой, русскія ложи главнымъ образомъ раздѣлились между этими двумя формами и управленіями (кромѣ того, существовали, кажется, чистое тампліерство, ложи французскаго устройства и, можетъ быть, система Мелиссино). Но раздѣльное ихъ существованіе длилось недолго и кончилось соединеніемъ Рейхелевскихъ ложъ съ Елагинскими, подъ управленіемъ Елагина. Указанія о томъ, какъ именно совершилось это соединеніе, до сихъ поръ не вполнѣ ясны.

Елагинъ, разсказывая въ своей запискѣ о масонскихъ дѣлахъ, говоритъ слѣдующее: „Аглицкая великая ложа, гдѣ и какъ сохраняетъ свои таинства, того... ни обществу нашему, ниже самимъ зависящимъ отъ нея и въ самомъ Лондонѣ находящимся, неизвѣстно. Слѣдовательно надлежитъ весьма достойнымъ учинитися, и къ тому пріобрѣсть еще друга, чрезъ котораго бы удобѣ возможно было достигнуть до хранилища. Она раздаетъ одни токмо на постановленіе ложъ грамоты, повелѣвающихъ работать въ первыхъ трехъ іоанновскихъ степеняхъ, да и на сіи работы письменно ничего не сообщаетъ, хотя притомъ и не воспрещаетъ работы высшихъ степеней, какія кто изъ мастеровъ воспріять заблагоразсудитъ. Вѣдаетъ она, что первыя три степени суть

---

[1]) Ср. Лонгин., тамъ же.

[2]) [Росписи русскихъ ложъ различныхъ системъ даны въ статьѣ А. В. Семеки въ I т. сборника „Масонство въ его прошломъ и настоящемъ" М. 1914].

совершенное содержаніе всего цѣлаго ученія нашего“ и проч. [1]).

Въ бумагахъ Елагина, находящихся въ Государственномъ Архивѣ, есть нѣсколько рукописей, которыя заключаютъ въ себѣ изложеніе не только такъ называемыхъ символическихъ или низшихъ іоанновскихъ степеней, но и высшихъ степеней (на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ), повидимому, главнымъ образомъ высшихъ степеней французскаго происхожденія. Къ сожалѣнію, эти рукописи описаны недостаточно Пекарскимъ, который привелъ только краткое ихъ оглавленіе. На одной изъ рукописей есть помѣта: „Гіероглифы, изъ Лондона присланные“ [2]).

Пекарскій не разъясняетъ, какое значеніе могли имѣть эти „Гіероглифы“ и насколько сходны или несходны находящіеся, повидимому, въ „Гіероглифахъ“ ритуалы низшихъ степеней съ тѣми русскими ритуалами, которые также есть въ бумагахъ Елагина и о которыхъ мы скажемъ дальше. Судя по приведеннымъ сейчасъ словамъ Елагина объ англійской Великой Ложѣ, онъ не получилъ отъ нея собственныхъ ея ритуаловъ, а присланные „Гіероглифы“ могли быть ему сообщены только частнымъ образомъ, для свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ другихъ масонскихъ системахъ. Елагинъ и вообще самъ собиралъ матеріалы подобнаго рода.

Рядомъ съ этимъ, въ бумагахъ Елагина находится собраніе масонскихъ уставовъ и ритуаловъ на нѣмецкомъ языкѣ (а затѣмъ и русскихъ переводовъ съ нихъ, сдѣланныхъ Елагинымъ). Это были уставы и ритуалы, принадлежавшіе Рейхелевой ложѣ Аполлонъ, какъ видно по печатямъ, приложеннымъ къ этимъ рукописямъ. На одной изъ рукописей помѣта: Berlin, 1770; на другой названъ Петербургъ и тотъ же годъ. Эти помѣты должны означать время полученія этихъ матеріаловъ въ Берлинѣ и доставленія ихъ въ Петербургъ. Это были акты Цинвендорфской системы и нахожденіе ихъ въ бумагахъ Елагина надо объяснять (какъ и предполагалъ Пекарскій) тѣмъ обстоятельствомъ, что эти двѣ системы вступили, наконецъ, въ соединеніе [3]).

---

[1]) Р. Архивъ, 1864, 2-е изд., стр. 598.

[2]) Пекарск., стр. 31—34.

[3]) Пекарскій, стр. 22—26.

Ложи Елагина первоначально относились къ Рейхелю съ недовѣріемъ. Изъ протоколовъ ложи Уранія видно, что Елагинскія ложи считали систему Рейхеля „шизматическою“ и, чтобы принять къ себѣ ея членовъ, сначала требовали отъ нихъ отреченія отъ своей прежней системы. Но съ теченіемъ времени этотъ взглядъ измѣняется. До членовъ Елагинскихъ ложъ стали доходить слухи, что въ Петербургѣ есть истинное масонство и что оно привезено изъ Берлина Рейхелемъ, и Новиковъ былъ въ числѣ тѣхъ членовъ Елагинской системы, которые сблизились съ Рейхелемъ прежде всего [1]). Рейхелева система произвела на нихъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ ихъ собственныя ложи. Когда, за отсутствіемъ Рейхеля, Розенбергъ (около 1775 г.), по ихъ просьбѣ, учредилъ для нихъ новую ложу Рейхелевой системы подъ управленіемъ Чаадаева и имъ даны были акты трехъ степеней (Циннендорфскіе), то „между сими актами, — говоритъ Новиковъ, — и прежними англійскими усмотрѣли мы великую разность, ибо тутъ (въ Рейхелевыхъ или Циннендорфскихъ актахъ) было все обращено на нравственность и самопознаніе, говоренныя же рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность“. Въ то же время Новиковъ и его товарищи услышали, что въ Москвѣ Елагинъ со всѣми своими ложами ищетъ соединенія съ Рейхелемъ и его ложами.

Это соединеніе, дѣйствительно, состоялось: 3 сентября 1776 г. ложи обѣихъ системъ соединились въ Великую Провинціальную или Національную Ложу. Великимъ провинціальнымъ мастеромъ всего русскаго масонства былъ Елагинъ; намѣстнымъ великимъ мастеромъ былъ графъ [Никита] Ивановичъ Панинъ; въ числѣ главныхъ должностныхъ лицъ Великой Провинціальной Ложи за это время называютъ генералъ-лейтенанта П. И. Мелиссино, генераловъ Леццано и Николаи, барона Унгернъ-Штернберга, Бутурлина и другихъ. Большая часть этихъ именъ встрѣчается въ числѣ важнѣйшихъ членовъ Елагинскихъ ложъ, насколько

---

[1]) Показанія Новикова, у Лонг. 75. Въ текстѣ, стр. 102 и др., Лонгиновъ невѣрно объясняетъ отношенія Елагина къ Рейхелевой системѣ, считая эту послѣднюю „Карлсбадской“ и смѣшивая два разныхъ періода: семидесятые и восьмидесятые годы.

они извѣстны до сихъ поръ [1]). Ложи стали называться соединенными; впрочемъ, многія остались и неприсоединенными. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, эти соединенныя ложи реверсомъ, даннымъ 3 сентября этого года, признали и главенство Берлинской (Потсдамской) ложи Минервы, основанной въ 1768 г. Циннендорфомъ [2]).

Число соединившихся подъ управленіемъ Елагина ложъ полагаютъ до двѣнадцати. При общихъ собраніяхъ каждая ложа была представляема мастеромъ стула и обоими надзирателями; собранія эти происходили по четвертямъ года, такъ же, какъ Елагинъ предписывалъ это и въ дипломѣ, данномъ ложѣ Музъ, и собирались въ домѣ Елагина, на Елагиномъ островѣ [3]).

При этомъ соединеніи Елагинъ, какъ мы упоминали, обѣщалъ признать подлинность актовъ Рейхелевскихъ ложъ и предлагалъ ввести эти акты въ остальныхъ зависѣвшихъ отъ него ложахъ. Дѣйствительно, онъ занялся Рейхелевскими актами, принадлежавшими ложѣ Аполлонъ. Въ бумагахъ его сохранился переводъ ритуаловъ для первыхъ трехъ степеней масонства (1777 г.). Эти ритуалы употреблялись потомъ и въ другихъ ложахъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, были введены въ то время Елагинымъ въ его собственныхъ ложахъ [4]). Далѣе, въ бумагахъ Елагина мы находимъ, повидимому, и дальнѣйшіе „градусы" Циннендорфской системы: нѣмецкія рукописи, указанныя Пекарскимъ на стр. 51: „пятая", „шестая", „седьмая" и „восьмая" книги, заключающія въ себѣ вопросы или катехизисъ для шотландскихъ учениковъ и товарищей, для шотландскихъ мастеровъ, для рыцарей востока и для рыцарей запада, эти рукописи представляютъ, кажется, ни что иное, какъ высшія Циннендорфскія степени. Циннендорфъ взялъ свои высшія степени, какъ извѣстно, изъ шведской системы; только онъ получилъ ихъ не вполнѣ, именно, вмѣсто полныхъ девяти, только семь, которыя и заключаются въ этихъ рукописяхъ: шотландскіе ученики и товарищи, или, иначе, избранные братья или

---

1) Handb. III, 108; Ср. Пекарск., стр. 52—53.
2) Лонгин., стр. 103.
3) Handb., тамъ же; Пекарск., 35.
4) Пекарск., стр. 22—27, 38 и др.

черные братья — 4-я степень; шотландскіе мастера — 5-я; рыцари востока — 6-я и рыцари запада — 7-я степень [1]). Эти степени также были переведены Елагинымъ и въ бумагахъ его сохранился, кромѣ того, реестръ (Пек., 52), изъ котораго можно заключить, что Елагинъ намѣревается ввести шотландскія и, вѣроятно, также другія высшія степени и въ своихъ ложахъ.

Далѣе, въ его бумагахъ сохранилась и еще одна высшая степень. Въ особой рукописи его коллекціи находится: Das Achte Buch. Fragen für die vertrauten St. Johannis Brüder (Пек., стр. 54), которая, быть можетъ, есть 8-я степень шведской системы, по тому подраздѣленію, какое было дано ей вновь въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія [2]).

ГЛАВА VI.

Масонскія понятія Елагина.

Мы передавали выше разсказъ Елагина о вступленіи его въ масонство и о впечатлѣніи, какое оно на него произвело. Не знаемъ, какія именно были тѣ ложи, съ которыми онъ тогда познакомился; вѣроятно, это были ложи англійской системы; но хотя онъ нигдѣ не упоминаетъ, чтобы самъ принадлежалъ къ какой-нибудь иной системѣ, онъ, въ теченіе своего масонскаго поприща, могъ узнать и другія системы, которыя къ намъ проникали, какъ зналъ систему Рейхелевскихъ ложъ; наконецъ, онъ зналъ высшія степени по актамъ, которые собиралъ съ великимъ трудомъ и большими издержками, но въ своихъ ложахъ оставался вѣренъ англійской системѣ.

Съ внѣшней стороны онъ и устоялъ на этомъ; но съ внутренней стороны, въ самой сущности дѣла, онъ имѣлъ ту же судьбу, какая постигла наше масонство вообще, осо-

---

1) Ср. Handb. III, 215—216.

2) Ср. Handb. III, 216. Наконецъ, въ бумагахъ Елагина есть бумаги, книги и акты другихъ системъ, отчасти и въ переводѣ на русскій языкъ; см. Пекарск., стр. 54—59. Но, повидимому, эти другіе акты служили для него только предметомъ любопытства и не имѣли практическаго значенія.

бенно въ его лучшихъ представителяхъ новиковскаго кружка. „Елагинская система“ кончила тѣмъ же фантастическимъ мистицизмомъ, и точно также не сохранила смысла стараго англійскаго учрежденія.

Какъ мы выше сказали, англійская „Великая Ложа“ не давала никакихъ письменныхъ „актовъ“ или ритуаловъ и ограничивалась только сообщеніемъ „Конституцій“. На этотъ счетъ она вообще была очень беззаботна. „Къ сожалѣнію“,—говорятъ масонскіе историки,--„Великая Ложа слишкомъ мало заботилась объ учрежденіяхъ и отношеніяхъ братства въ другихъ странахъ, куда, однако, оно было принесено изъ Англіи, и потому, когда съ ней искали связей и сношеній, она много разъ дѣлала самыя прискорбныя ошибки, которыя являются совершенно необъяснимыми, если не приписать ихъ самому грубому незнанію положенія масонскихъ дѣлъ внѣ Англіи“ [1]). Елагинъ зналъ этотъ способъ дѣйствій англичанъ и такъ говоритъ объ англійской Великой Ложѣ:—„Вѣдаетъ она, что первыя три степени суть совершенное содержаніе всего цѣлаго ученія нашего, а сего точно ради письменно не только ихъ не даетъ, но и писать и вырѣзывать, инако какъ токмо для дѣйствія мѣломъ обрисовать, запрещаетъ законами“. Этого, дѣйствительно, строго требовала масонская клятва, и въ англійскихъ ложахъ, въ теченіе, кажется, всего XVIII вѣка, не былъ въ употребленіи даже „коверъ“, принятый уже очень рано въ континентальныхъ ложахъ. Елагинъ находитъ также, что „показуетъ сія книга (конституціи) то, что всѣ системы, всѣ высшія степени суть выродки и уроды, незнающими прямого существа изъ нея по большей части произведенные“ [2]).--Онъ утверждаетъ, что провѣрилъ это и собственнымъ опытомъ. Сдѣлавшись великимъ провинціальнымъ мастеромъ русскихъ ложъ, онъ счелъ своею обязанностью еще больше стремиться къ „разрѣшенію таинственнаго узла“, т. е. къ полному уразумѣнію масонства. Онъ

---

[1]) Handb. I, 294. Сюда относятъ, напр., и договоръ англійской Великой Ложи съ великой ложей, основанной Цинендорфомъ въ Берлинѣ (1773),—обстоятельство, къ которому, быть можетъ, имѣетъ отношеніе и упомянутое нами прежде заимствованіе Елагинымъ ритуала Іоанновскихъ степеней у Рейхеля.

[2]) Р. Архивъ, 1864, 2-е изд. стр. 598, 599.

отовсюду собиралъ все, что могъ пріобрѣсти изъ учрежденій и постановленій ордена въ Европѣ. „За безумно истраченныя деньги,—говоритъ онъ,—собралъ я громады писаній, громады начертаній и плановъ, громады такъ называемыхъ высшихъ степеней и обрядовъ",—но во всемъ этомъ онъ не нашелъ ничего удовлетворительнаго, и увидѣлъ здѣсь одни умствованія, иногда „острыя и разумныя", иногда нелѣпыя, увидѣлъ множество заблужденій и „мракъ, витійственнымъ бредомъ предлагаемый", а всего больше корыстолюбіе, прикрывавшееся великолѣпіемъ ложъ и дорого стоющихъ принятій, „въ которыхъ за взятое у пріемлемаго существенное золото обѣщевается ему въ награду способъ къ изобрѣтенію мечтательнаго злата". Такимъ образомъ, Елагинъ, повидимому, устоялъ противъ произвольныхъ нововведеній, щедро разсыпанныхъ въ высшихъ степеняхъ; въ своихъ ложахъ онъ рѣшился не допускать ихъ. „Узнавъ подробно в с ѣ о б м а н ы, не могъ я приступить къ преподаванію высшихъ степеней и донынѣ (т. е. до 1786 г., когда это писано) еще никто отъ меня ниже четвертыя степени не воспріялъ [1]), тѣмъ паче, что къ дѣйствительному ученію нашему токмо первыхъ трехъ довлѣетъ" [2]). Это было совершенно въ духѣ англійскаго масонства. Оно всегда относилось недовѣрчиво къ высшимъ степенямъ, и единственное исключеніе составляла упомянутая выше степень Royal Arch, которая явилась у Старыхъ масоновъ, какъ дополненіе къ степени мастера, но которой вовсе не принимали Новые масоны Великой Ложи. Правда, высшія степени проникали съ теченіемъ времени и къ англичанамъ, и отдѣльные члены съ высшими степенями были терпимы, но въ собраніяхъ ложъ эти высшія степени не имѣли никакого особаго значенія и шли заурядъ. Въ 1787 г., въ то самое время, когда Елагинъ писалъ свои записки, лондонскіе масоны Великой Ложи праздновали особенно торжественнымъ образомъ день св. Іоанна, и въ протоколѣ были положительно отвергнуты „всѣ, в в е д е н н ы я і е з у и т а м и, степени масонства, тампліерская система, Royal Arch и

---

[1]) Т. е. даже и четвертой степени не получилъ, не говоря о дальнѣйшихъ.

[2]) Тамъ же, стр. 598.

подобныя отклоненія, происшедшія съ начала (XVIII) столѣтія"[1]).

Возставая противъ системъ высшихъ степеней, Елагинъ всего сильнѣе вооружается противъ розенкрейцерства, или такъ называемой имъ карлсбадской системы, которую онъ считалъ гибельнымъ суевѣріемъ, обманомъ и даже тайнымъ іезуитствомъ; онъ не находитъ достаточно словъ для его обличенія.

Итакъ, повидимому, Елагинъ долженъ былъ сберечь простоту англійскаго взгляда на дѣло. На дѣлѣ этого, однако же, не было. Елагинъ сохранялъ, сколько могъ, внѣшность англійскаго масонства, отвергалъ высшія степени, обличалъ карлсбадскую систему, и при всемъ томъ мы видимъ его, въ концѣ концовъ, въ сущности, на той же самой дорогѣ, по которой шли московскіе розенкрейцеры... Какъ ни можетъ это показаться неожиданнымъ, это было, однако, естественно по тогдашнему положенію нашей образованности, при которомъ могъ такъ сильно развиться и исключительный мистицизмъ новиковскаго круга. Тѣ же внутреннія побужденія, темное исканіе какихъ-нибудь новыхъ общественныхъ и нравственныхъ началъ, та же безпомощность относительно науки и бѣдность образовательныхъ средствъ дѣйствовали здѣсь и принесли тотъ же результатъ, т. е. фантастическій мистицизмъ.

Масонскія понятія Елагина, извлеченныя имъ изъ его долговременной опытности, достаточно ясно высказываются въ оставшихся отъ него бумагахъ, въ особенности въ его собственныхъ твореніяхъ. Изъ этихъ твореній напечатано было нѣсколько отрывковъ, на которыхъ мы и остановимся[2]).

Въ этихъ бумагахъ находится нѣсколько книгъ начатаго Елагинымъ обширнаго трактата о масонствѣ, подъ заглавіемъ: „Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменьщиковъ изъ разныхъ творцевъ свѣтскихъ, духовныхъ и мистическихъ собранная и въ пяти частяхъ предложенная И. Е., великимъ россійскія провинціальныя ложи мастеромъ". На отдѣльныхъ частяхъ этого сочиненія

---

[1]) Altenburger Zeitschr., 1826, 409.

[2]) Русскій Архивъ, 1864, 2-е изд. стр. 586—604. Пекарскій, Дополн. стр. 92—115; описаніе его мистическихъ бумагъ, тамъ же, стр. 55—59

выставлены 1786—1788 годы; это было то время, когда въ особенности распространялась новая система, розенкрейцерство, которая возбуждала особенное негодованіе Елагина и отъ которой онъ хотѣлъ предохранить учениковъ его собственной школы. Поводомъ къ составленію книги Елагинъ самъ указываетъ то обстоятельство, что свободные каменьщики, состоявшіе подъ зависимостью „аглицкія всемірныя ложи", поколебались новою карлсбадскою системою и возмнили, что въ ней и находится истинное ученіе. Братья говорили Елагину, что ложи, слѣдующія, новой системѣ, утверждаютъ, что старое каменьщичество есть чистое заблужденіе и потеря времени, а что „давно взыскуемое таинство" находится именно въ ложахъ этихъ новыхъ системъ; поэтому братья стали убѣдительно просить Елагина открыть имъ чистосердечно: правильна ли ихъ старая система, или надо имъ искать истины въ новыхъ ложахъ, и если старая правильна, то чтобы онъ открылъ имъ, „чего они отъ толь продолжительнаго упражненія ихъ, кромѣ неудобь вразумительныхъ гіероглифовъ, непонятныхъ символовъ и прекословныхъ иносказаній ожидать долженствуютъ". Елагинъ сталъ опасаться, что братья увлекутся въ заблужденіе; онъ согласился на ихъ требованіе и принялся за трудъ. Онъ выбралъ достойнѣйшихъ братьевъ, которымъ онъ нашелъ возможнымъ передать свои познанія о масонскомъ ученіи, и составилъ „повѣствованіе, сказующее, что оно знаменуетъ? Откуда оно? Какъ до насъ достигло? И достойно ли вѣроятія и вниманія нашего?"

Мы извлечемъ прежде всего изъ книги Елагина, насколько она до сихъ поръ извѣстна, его историческія понятія о масонствѣ, его мнѣнія объ англійской системѣ и о распространеніи высшихъ степеней.

Ученіе наше, говоритъ Елагинъ, родилось не отъ вымысловъ ума человѣческаго, но отъ Бога, ибо оно есть слово божіе; потому новыя системы и новыя постановленія никакъ не могутъ стать противъ него: онѣ могутъ ослѣпить на нѣкоторое время слабость людей любопытныхъ, но безсильны поколебать ревность просвѣщенныхъ. „Въ Англіи и Шотландіи, съ самаго постановленія ордена свободныхъ каменьщиковъ, не было никакихъ существенныхъ измѣненій, ибо въ нѣдрахъ сестръ сихъ прямое существо его пребы-

ваетъ. Но во Франціи и Нѣмецкой землѣ неудобь сказуемо, сколько въ короткихъ временахъ великихъ послѣдовало перемѣнъ и съ ними умствованій и заблужденій". Англія дала свои конституціи и въ Берлинъ, и въ Брауншвейгъ, и въ Стокгольмъ, и никому не дала при этомъ больше трехъ степеней, но не закрываетъ своихъ таинствъ отъ достойныхъ, и предоставляетъ имъ искать ихъ, какъ нѣкогда въ Египтѣ. „Устрашенные таковою трудностію въ началѣ пылкіе французы, а потомъ глупые (Sic) германцы прибѣгли одни, гордясь остротою разума, другіе омрачаясь корыстію къ разнообразнымъ вымысламъ, которые показуютъ однихъ во многочисленности высшихъ степеней суетность и пышность, другихъ въ сооруженіи системъ горделивое корыстолюбіе. Тако произошли блестящія французскія въ высшія степени принятія, къ которымъ безъ разбора всякаго званія люди и самые невѣжды допускаются. [1]) Тако возродилась прежде шведская система и отъ нея Циннендорфская, потомъ Гундова [2]), подлинно собачья, ибо она есть стриксъ-обсерванская — жадная, алчная и сребролюбивая, а изъ сея похитившія общую казну и требуемаго въ ней отчета союзнымъ ложамъ не давшія химерическія системы. Умысливъ и прилѣпясь къ похитителямъ, ексъ-іезуиты постановляютъ нынѣ... и уже постановили новую неизвѣстнаго начальства неизвѣстную систему".

Въ этихъ словахъ Елагинъ разумѣетъ розенкрейцерскую систему, и далѣе характеризуетъ ее слѣдующими чертами.

---

[1]) Елагинъ дѣлаетъ къ этому слѣдующее примѣчаніе: „Два повара французы, въ услуженіи у меня бывшіе и кромѣ ложныхъ счетовъ ничего писать неумѣющихъ, показали мнѣ достаточныя грамоты изъ ложъ, гдѣ они не только разными екосскими рыцарями, но одинъ изъ нихъ и рыцаремъ Розе Круа и Востока сдѣланъ. Благодареніе Богу, что они кромѣ именъ, и ложныхъ словъ и лентъ ничего не знаютъ, да и понятія ни малѣйшаго о братствѣ не имѣютъ. Здѣсь есть двѣ ложи въ домахъ у министровъ (т. е., конечно, у иностранныхъ посланниковъ), и съ моего дозволенія: одна французская, другая италіанская, въ которыхъ упражняющіеся мастера оба французы и повары. Если бъ я и не дозволилъ имъ по ихъ обыкновенію работать, они бъ, не взирая на то, не преминули открыть ложи по дозволенію, въ патентахъ ихъ отъ В. Л. (Великой Ложи) дюка де-Шартра данному".

[2]) Примѣчаніе Елагина: „Hund—собака по русски".

„Сія неисповѣдуемыми обѣщаніями ученія, у нихъ однихъ токмо существующаго, укрѣпляетъ легковѣріе братства, возрождая изъ тлѣющагося іезуитскаго пепла мечтательнаго феникса. Они, называя братіевъ свободными каменьщиками, опредѣлили надъ ними безпредѣльную начальствующую власть, покоряющую и разумъ, и волю. Она даже до того связуетъ ихъ свободу, что не могутъ братія, строгимъ ихъ законамъ подвергнувшіеся, за собственное сребро свое, вопросить, гдѣ обитаютъ старцы ихъ, гдѣ ихъ премудрое училище и соборъ, кто ихъ начальники, въ рукахъ которыхъ законодательная сія власть господствуетъ? Одно только является къ омраченному братству снисхожденіе, что покоренныя ложи могутъ знать, кто ихъ префектъ, а префектъ вѣдаетъ, кто и гдѣ ихъ провинціалъ; провинціальная же ложа имѣетъ счастіе знать единаго въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городѣ съ нею сносителя или корреспондента, который ея донесенія доставляетъ недовѣдомому собору и отъ него насылаетъ повелительныя рѣшенія. Столько извѣстно мнѣ изъ чтенія вышедшихъ противъ сей системы и отъ нея писаній, которыя многое и объ ученіи ея извѣщаютъ. Такая скрытная власть не самое ли хитрое и злокозненное іезуитами отвращеніе вѣрныхъ сыновъ отъ ихъ отечества и подданныхъ отъ законныя власти и государя и т. д.?“

Мы возвратимся дальше къ этому обличенію розенкрейцерства и замѣтимъ пока, что оно замѣчательно совпадало съ тѣмъ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ, какое нѣсколько времени спустя обнаружилось и въ правительствѣ.

Успѣхъ розенкрейцерства въ то время такъ смутилъ Елагина, что для противодѣйствія ему онъ и предпринялъ свои бесѣды.

Этотъ трудъ былъ для Елагина уже не первымъ случаемъ разъясненія масонской мудрости, потому что еще прежде онъ началъ писать толкованія на знаменитую книгу Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ“. Книга эта, судя по словамъ Елагина, произвела сильное впечатлѣніе въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ и породила самые разнообразные отзывы: одни считали ее сумасбродною, другіе— вреднымъ іезуитскимъ ухищреніемъ, третьи — исчадіемъ иллюминатства. Елагинъ видѣлъ въ этихъ нападкахъ на книгу „сущее невѣжество“ и презрительно говоритъ о ху-

лителяхъ, обращавшихъ „самую важнѣйшую премудрость въ глумленіе и шутку“. Между прочимъ, она заинтересовала графа Н. И. Панина, который, однако, не понималъ „сокровеннаго смысла“ этой книги и спрашивалъ о ней мнѣнія Елагина. Этотъ послѣдній сказалъ ему, что книга „мыслящему явно открываетъ истинныя познанія какъ въ любомудріи, такъ и въ богомудріи“, и что, словомъ, она символически излагаетъ настоящее ученіе масонства. Онъ принялся объяснять Панину сокровенную мудрость, но тотъ опять не удовлетворился „словесными объясненіями, которыя къ отверстію (sic) глубокомыслія творцова (т. е. автора, Сенъ-Мартена) недостаточными ему казались“, и тогда Елагинъ принялся писать примѣчанія къ труднѣйшимъ мѣстамъ и написалъ ихъ такъ много, что они могли составить цѣлую книгу. Но Панинъ тѣмъ временемъ умеръ и Елагинъ не успѣлъ сообщить ему своей мудрости... Она и должна была теперь войти въ его записки, которыя онъ началъ составлять по требованію „братьевъ“.

Извѣстные до сихъ поръ отрывки сочиненія Елагина представляютъ только введеніе, предварительный разсказъ Елагина о его собственныхъ масонскихъ исканіяхъ и заключеніе первой части. Но и въ этихъ отрывкахъ, а также и въ другихъ бумагахъ Елагина, мы найдемъ достаточно указаній о томъ, какъ Елагинъ понималъ содержаніе масонскаго ученія и въ какія страны направлялись его мысли. Мы упоминали выше, какъ прошелъ первый періодъ его легкомысленнаго отношенія къ масонству, періодъ сомнѣній и вольнодумства. Когда затѣмъ онъ сталъ бесѣдовать съ людьми „состарѣвшимися въ масонствѣ“ и съ чужестранными братьями, онъ мало-по-малу пріобрѣлъ высокое мнѣніе о масонскомъ таинствѣ, и, наконецъ, былъ уже недалекъ отъ настоящаго розенкрейцерскаго мистицизма. Прежде всего Елагинъ указываетъ на знакомство съ какимъ-то англичаниномъ, о которомъ говоритъ съ великими похвалами. Это былъ путешественникъ, недолго бывшій въ Россіи; Елагинъ узналъ отъ него, что масонство есть таинственная наука, которая рѣдко кому открывается; что Англія не сообщаетъ о ней письменно ничего, что тайна эта хранится въ Лондонѣ, въ особенной ложѣ, „древнею называемой“, что очень немногіе братья знаютъ эту ложу и что быть посвящену въ ея таин-

ства чрезвычайно трудно. Не знаемъ, такъ ли дѣйствительно говорилъ англичанинъ, но Елагинъ утвердился въ этомъ понятіи; по крайней мѣрѣ, онъ не одинъ разъ упоминаетъ о „таинствахъ“ англійской ложи; вѣря въ англійскую систему, онъ не увлекся и высшими степенями. Древняя ложа, о которой говорилъ ему пріѣзжій англичанинъ, была, вѣроятно, „Lodge of Antiquity“, одна изъ четырехъ старыхъ ложъ, соединеніе которыхъ въ 1717 г. составило Лондонскую Великую Ложу и послужило началомъ масонства. Эта ложа считалась дѣйствительно самой старой и начало ея относимо было къ незапамятнымъ временамъ, откуда и ея названіе. Около этого времени мастеромъ стула былъ въ ней упомянутый выше Престонъ (1742—1818), одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ англійскихъ писателей о масонствѣ, который въ свое время пользовался большой славой. Его книга „Illustrations of Free-Masonry“ (1772 г. и много друг. изд.) считается однимъ изъ главнѣйшихъ произведеній масонской литературы и лучшихъ кодексовъ англійской системы [1]). Между тѣмъ Елагинъ познакомился съ другимъ братомъ, имени котораго также не называетъ и который былъ посвященъ въ „истинные масоны“. Этотъ братъ также утверждалъ, что масонство есть „древнѣйшая таинственная наука, святою премудростію называемая“, что она существуетъ отъ начала вѣковъ, закрытая иносказаніями и символами, что она никогда не придетъ въ забвеніе и не подвергнется измѣненію; что это та самая премудрость, которая хранилась у патріарховъ, потомъ хранилась въ храмахъ „халдейскихъ, египетскихъ, въ училищахъ Соломоновыхъ, Ессейскомъ [2]), Синайскомъ, Іоанновомъ“, потомъ „новою благодатію въ откровеніи Спасителя преподавалась“, наконецъ, что эта самая премудрость пребывала „въ ложахъ или училищахъ Ѳалѣевомъ (т. е. Ѳалесовомъ), Пиѳагоровомъ, Платоновомъ и у любомудрцевъ индѣйскихъ, китайскихъ, арабскихъ, друидскихъ“ и т. д. Вся эта масонская миѳологія была уже сильно распространена въ то время и переполняла масонскія разсужденія о древности ордена и глубинѣ его мудрости, особенно въ системахъ съ высшими

---

[1]) О „Древней ложѣ“ и Престонѣ см. Handb. I, 36; II, 607—616.

[2]) Въ Р. Архивѣ напечатано „Елейскомъ“.

степенями. Историческое изложеніе въ „Конституціяхъ“ Андерсона уже тронуло эту тему о древности масонскаго братства, но еще не безъ искренней простоты средневѣковой легенды. Впослѣдствіи эта тема развивается при помощи мнимой исторіи, въ легенду вставлены были ученыя ссылки, археологическія толкованія, еврейская и классическая эрудиція, безъ всякой критики, чего, впрочемъ, и не замѣчали братья, обыкновенно въ наукахъ весьма неглубокіе. Преимущественно отличались въ этомъ нѣмцы и французы, но англійская литература также представляетъ подобныя воображаемыя исторіи масонства, какова, напр., книга Гучинсона, переводъ которой, между прочимъ, появился въ числѣ тайныхъ изданій Новиковскаго кружка и которая, какъ увидимъ, занимала также и Елагина.

Елагинъ, услышавъ эту генеалогію масонской мудрости отъ „истиннаго масона“, былъ совершенно пораженъ „толь избыточественнымъ содержаніемъ таинствъ“, и убѣдился въ своемъ полномъ невѣжествѣ и безплодной потерѣ времени въ ложахъ, — онъ не зналъ до тѣхъ поръ ничего подобнаго... Онъ принялся за дѣло. „Братъ“ руководилъ его своими толкованіями и назначилъ ему на изученіе мудрости пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ревностно читалъ Писаніе и отцовъ церкви, изучалъ древнихъ мудрецовъ: „Пиѳагоръ, Анаксагоръ, Сократъ, Эпиктетъ, Платонъ, Ермій Трисмегистъ и самъ Орфей, Гомеръ и Зороастръ, съ помощію Геродота, Діодора Сикилійскаго, Плутарха, Цицерона, Плинія и многихъ симъ подобныхъ вліяли въ душу мою новыя и спасительныя размышленія“. Пусть, впрочемъ, не подумаетъ читатель, чтобы Елагинъ дѣйствительно углублялся въ настоящую классическую древность; черезъ нѣсколько строкъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что не могъ читать этихъ произведеній въ подлинникѣ [1]), и говоритъ, что, вѣроятно, все-таки не достигъ бы „воззрѣнія на отдаленное храма премудрости зданіе“, если бы „всевышній Архитектъ“ не даровалъ ему просвѣщеннѣйшаго учителя и совершеннаго друга въ нѣкоемъ Станиславѣ Эли.

---

[1]) Ср. восхваленіе классической учености Елагина—въ пику нашему времени—въ „Біографическомъ свѣдѣніи объ И. П. Елагинѣ“. Журн. Землевлад., т. VI (1859, № 21), стр. 6.

Елагинъ отзывается объ этомъ Эли самымъ восторженнымъ образомъ. По словамъ его, это былъ человѣкъ, совершенный въ наукѣ масонской и врачебной наукѣ, „въ знаніи языка еврейскаго и кабалы превосходный, въ ѳеозофіи, въ физикѣ и химіи глубокій“; наконецъ, по свидѣтельству Елагина, это былъ авторъ книжки „Братское увѣщаніе“. Повидимому, онъ долго былъ руководителемъ Елагина, который говоритъ, что онъ преподалъ ему многое „или паче сказать и нынѣ (1786 г.) продолжаетъ преподавать“ все, что нужно „къ разумѣнію таинственнаго смысла и рѣченій иносначущихъ“. Имя доктора Эли названо въ показаніяхъ Новикова въ числѣ членовъ Елагинскихъ ложъ, но, по всѣмъ видимостямъ, онъ былъ розенкрейцеръ [1]). Книжка его, о которой намъ уже случалось упоминать, представляетъ весьма характерный образчикъ розенкрейцерскаго, мнимо-глубокаго, теологическаго и алхимическаго вздора [2]).

Клоссъ въ своей библіографіи отнесъ ее прямо въ разрядъ розенкрейцерскихъ сочиненій (имени автора Клоссъ не зналъ). Что характеръ наставленій этого „совершеннаго друга“ былъ именно таковъ, можно судить уже и по тому, что Елагинъ говоритъ о немъ. Вслѣдствіе наставленій Эли передъ нимъ нѣсколько открылся тотъ свѣтъ, „который при начальномъ въ орденъ нашъ вступленіи освобожденнымъ отъ перевязки глазамъ нашимъ показуется“,—говоритъ онъ, намекая на завязываніе глазъ вступающему масону. Елагинъ утверждаетъ, что онъ преодолѣлъ тьму гіероглифовъ и символовъ, проникъ ихъ смыслъ и „проразумѣлъ преданія египетскія, писанія творцевъ, Des erreurs et de la verité,

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. II, стр. 146.

[2]) „Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свбднм. кмнцкм. Писаны братомъ Седдагомъ“. М. 1784. Переведена была съ нѣмецкаго майоромъ Оболдуевымъ. Подлинникъ называется Brüderliche Vermahnungen an einige Brüder Freimaurer, von dem Bruder Seddag. Philadelphia, 1781; занесена въ Missiv an die Brüderschaft des G. u K. Kreuzes, Leipz. 1783, стр. 112,—По указанію Клосса, книга издана въ Лейпцигѣ (Leipzig, Böhme), но въ другомъ указаніи мѣстомъ изданія этой книги означенъ именно Петербургъ (см. [Wolfstieg № 42508], Kloss, Bibliogr. № 2649 и Neues Taschenbuch für Freymaurer auf d. J. 1801, Rostock., bei Stiller (стр. 86). Книга есть въ Публ. Б-кѣ. Въ концѣ ея (стр. 108): geschrieben in meiner Studirstube den 9 ten des 3 ten Monats 1781—von mir, einem wahren Bruder, wohnhaft in Fleischburg (т. е. Петербургъ).

Tableaux naturels Веллинга (Welling von Saltz), Роберта Флуктиба (Schutzschrift für Rosenkreutzer - Gesellschaft), Эліасъ артиста (Elias, Buch der Welt) въ его истинѣ и заблужденіяхъ и прочихъ, таинственными называемыхъ". „Симъ способомъ", замѣчаетъ Елагинъ, объяснились для него притчи св. Писанія, „открылось несумнѣнное слова или первенца сына Божія воплощеніе", его пришествіе въ міръ, страданіе и смерть, „его живоноснаго креста таинство" и проч. „Труба Іоанна Евангелиста, гласъ вопіющаго въ пустынѣ Іоанна и вѣщанія апостоловъ, благовѣствующихъ миръ и новую благодать человѣку", наполнили его душу вѣрою и святымъ почитаніемъ. „Словомъ, посредствомъ объявленныхъ (т. е. указанныхъ выше) пособій и чрезъ нихъ откровеннымъ свѣтомъ, который и во тмѣ, какъ говоритъ Богословъ, свѣтится, постигъ я нѣсколько царственную науку [1]) нашу", она царственна потому, говоритъ Елагинъ, что она есть премудрость, которая „глаголетъ царственное" по Соломону.

Такъ довершились исканія нашего провинціальнаго великаго мастера. Елагинъ сознается, что только „нѣсколько постигъ", потому что всю эту науку едва ли возможно постигнуть кому-нибудь изъ смертныхъ, и убѣждаетъ братьевъ, что если свѣтъ еще имѣетъ для нихъ приманки, если желаютъ они получить почести и власть въ орденѣ, то пусть они лучше не пускаются въ тернистый путь этой многотрудной науки, потому что вмѣсто веселья потребуется здѣсь неусыпное прилежаніе и бдѣніе, вмѣсто „пріятныхъ Волтеровыхъ сочиненій" займетъ время темная глава изъ Исаіи пророка, а вмѣсто почестей и власти „часто кротость, униженіе, повиновеніе и смиреніе встрѣчаются".

Очевидно, что Елагинъ приходитъ къ тому же мистическому піэтизму нашихъ розенкрейцеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состояли „пособія" Елагина, на основаніи которыхъ онъ проразумѣлъ таинственную премудрость? Они приводятъ насъ именно къ тѣмъ же источникамъ, изъ которыхъ питались московскіе розенкрейцеры; въ книгахъ, перечитанныхъ Елагинымъ, мы узнаемъ произведенія, наполнявшія ту

[1]) То, что старые масоны называли royal craft, „королевское ремесло", выражая этимъ покровительство англійскихъ королей своему цеху.

огромную мистическую литературу, печатную и рукописную, явную и тайную, которая произведена была въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, въ особенности трудами Новиковской школы, подъ вліяніемъ розенкрейцерскихъ тенденцій. Наставникъ Елагина, „въ кабалѣ превосходный и въ ѳеозофіи глубокій“, указывалъ ему тѣ самыя книги, которыя въ то же время переводились и печатались въ Москвѣ, въ видахъ розенкрейцерской системы, какъ переведено было и собственное произведеніе этого наставника, „Братскія увѣщанія“. Та пестрая смѣсь старой и новой мистики, алхиміи, магіи и т. п., которая переполняетъ розенкрейцерскую литературу, повторяется и въ „пособіяхъ“ Елагина. Книга Сенъ-Мартена, которой онъ придавалъ такое значеніе, была самой лучшей школой мистическаго суевѣрія и въ этомъ смыслѣ совершенно сходна съ розенкрейцеровскими книгами. „Робертъ Флуктибъ“ есть Флоддъ (Fludd, въ латинской формѣ de Fluctibus, 1574—1637), ревностный проповѣдникъ стараго розенкрейцерства, выросшаго, какъ мы упоминали прежде, въ началѣ XVII-го столѣтія изъ фантастической выдумки или сатиры Валентина Андреэ. Флоддъ написалъ цѣлую массу мистико-теософскихъ и алхимическихъ сочиненій, которыя пользовались большой репутаціей между англійскими и нѣмецкими піэтистами и алхимиками XVII-го вѣка, и снова были пущены въ ходъ новыми розенкрейцерами второй половины XVIII-го. Флоддъ былъ увѣренъ въ дѣйствительномъ существованіи розенкрейцерскаго общества, выдуманнаго Андреэ, и въ защиту своего мнѣнія написалъ названную Елагинымъ апологію. Когда основалось новое розенкрейцерство, эта апологія была переведена съ латинскаго на нѣмецкій однимъ ревностнымъ розенкрейцеромъ, и издана въ 1782 году [1]). Вѣроятно, около тѣхъ же временъ, когда Елагинъ изучалъ Флодда подъ руководствомъ Эли, появилась на русскомъ языкѣ его „Исторія микрокосма“, розенкрейцерскій трак-

[1]) Robert de Fluctibus, Schutzschrift für die Aechtheit der Rosenkreutzer. Gesellschaft ei. d. Latein. mit Anm. von Adamah Booz (A. M. Birkholz). Leipz. Böhme, 1782. (См. Missiv an die Brüderschaft etc. des G. und R. Kreuzes. Leipz. 1783, стр. 52; Kloss, № 2483 [Wolfstieg № 42515].

татъ, который, въ огромномъ фоліантѣ, находится въ числѣ рукописей Публичной Библіотеки. На русскомъ языкѣ существовали также и „маго-кабалистическія и теозофическія сочиненія“ Георга Веллинга [1]). Такое руководительство не могло миновать своей цѣли, и Елагинъ также углубляется въ туманный піэтизмъ и въ толкованія мистическихъ буквъ и символовъ, что онъ считалъ глубокимъ богомудріемъ. „Таинство креста“, можетъ быть, также недаромъ отмѣчено имъ въ числѣ вещей, которыя открылись его разумѣнію; это таинство разъяснялось въ особенной розенкрейцерской книжкѣ, имѣвшей у насъ нѣсколько переводовъ.

Въ бумагахъ Елагина остались слѣды этихъ мистическихъ изученій. Такъ, сохранились здѣсь черновыя работы Елагина о книгѣ Сенъ-Мартена, напр., „Объясненіе таинственнаго смысла въ божественномъ писаніи о сотвореніи Селенныя, служащее ключемъ къ разобранію книги Истинны и Заблужденій“ и т. п.; нѣсколько тетрадей съ мистическими толкованіями еврейскихъ словъ съ египетской азбукой; собраніе мистическихъ и кабалистическихъ чертежей, выкладокъ и рисунковъ; различныя мистическія книги и рукописи; наконецъ, ритуалы различныхъ высшихъ степеней, напр., французской chevalier de l'Aigle, K. D. S. (вѣроятно, Kadosch), англійскій Royal Arch, что Елагинъ неправильно перевелъ „Царскія Архитектуры“; подложный масонскій катихизисъ Генриха VI англійскаго, будто бы изданный Локкомъ и пр. Если эти послѣднія собственно масонскія вещи служили Елагину только предметомъ любопытства, для расширенія его масонской опытности, то нѣтъ сомнѣнія, что другія рукописи и книги, мистическія и кабалистическія, служили для его собственнаго поученія въ таинственной наукѣ. Рядъ сочиненій, которыя мы здѣсь встрѣчаемъ, достаточно опредѣляетъ направленіе его занятій.

Въ тетрадяхъ Елагина мы находимъ выписки изъ Марсилія Фицина, изъ Евгенія Филалеѳа (Eug. Philaletha, или

---

[1]) Первая часть сочиненія Веллинга трактуетъ „о соли“, откуда, вѣроятно, и вышло замѣчаніе, поставленное Елагинымъ при его имени.

Thom. Vaughan, англійскій мистикъ XVII-го вѣка)[1]; нѣмецкую рукопись, заключающую мистическое сичиненіе съ именемъ Гермеса Трисмегиста и русскій переводъ этого сочиненія: „Гермеса Трисмегиста познаніе естества и въ немъ откровеннаго великаго Бога“ и пр. [2]). Далѣе встрѣчаются здѣсь Occulta occultissima, das ist gröstes und hoechstes Geheimniss aller Geheimnisse и проч., и также Cabala mystica Naturae, worinnen die principia derer Characterum eröffnet und angewiesen werden и проч., оба сочиненія Германа Фиктульда, плодовитаго алхимиста и „герметическаго“ писателя, сочиненія котораго встрѣчаются и въ русскихъ переводахъ, въ масонскихъ рукописяхъ съ прошлаго вѣка; „Theosophisch-mago-cabalistisches A. B. C.“, сочиненіе, помѣченное 1787 годомъ и какъ будто писанное въ Петербургѣ.

Одна изъ рукописей Фиктульда помѣчена, какъ принадлежавшая Рейхелю, у котораго Елагинъ, повидимому, также заимствовался познаніями въ „таинственной наукѣ“. Въ тѣхъ же бумагахъ находится, между прочимъ, и письмо Рейхеля къ Елагину отъ 1 іюня 1786 г., на нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ помѣщенъ разборъ книги: Microcosmische Vorspiele des neuen Himmels und der neuen Erde,—Рейхель хвалитъ автора этой книги и говоритъ, что онъ былъ „истинный другъ человѣка“ [3]).

Изъ вещей собственно масонскихъ замѣтимъ еще печатное изданіе: Geheime Figuren der Rosenkreuzer, aus dem 16-ten und 17-ten Jahrhundert etc., которыя были подъ-статъ алхимической литературѣ, и книгу Гучинсона, о которой мы имѣли случай упоминать. Эта книга находится среди бумагъ Елагина въ рукописномъ переводѣ: „Духъ масонскій въ нравственныхъ и объяснительныхъ поученіяхъ, сочиненіе Вильліама Гутшисона, изданное въ 1775 году въ Лондонѣ“; [переводъ отличается отъ того], который былъ изданъ новиковскимъ кружкомъ.

---

[1]) См. Bibliothèque Ouvaroff, № 1155 и слѣд., Kloss, № 2435, [Wolfstieg № 42237].

[2]) То же сочиненіе, которое, въ изданіи 1706 г., находится въ Bibl. Ouvaroff № 643—644.

[3]) См. объ этой книгѣ Bibl. Ouvaroff, № 1517. Упомянутый Фиктульдъ также очень цѣнилъ это мистико-алхимическое произведеніе.

Основныя понятія масонства англійской системы, конечно, должны были совершенно затеряться среди такихъ занятій алхимической мудростью и еврейской кабалистикой: Елагинъ бродилъ здѣсь какъ въ лѣсу, и всѣ масонскія понятія превратились у него въ почти имъ непонимаемый мистицизмъ и въ проповѣдь смиренія и повиновенія, ту же проповѣдь, которая въ другихъ казалась самому Елагину „суевѣрнымъ пустосвятствомъ"... Судьба подшутила надъ Елагинымъ тѣмъ, что въ то самое время, когда онъ обвинялъ „суевѣрное пустосвятство" Новиковскаго кружка, побудившее духовную и свѣтскую власть къ „истребленію собраній" и навлекшее „мрачную дворскаго негодованія тучу",— въ число шести розенкрейцерскихъ книгъ, запрещенныхъ при разборѣ 1786 г., попали и „Братскія увѣщанія" его руководителя и друга Станислава Эли.

Такимъ образомъ, „Елагинская система" сводилась къ тому же знаменателю, и это явленіе характеристично для исторіи образованія за то время. Мы говорили уже, что масонство было одною изъ первыхъ попытокъ самостоятельной дѣятельности общества, и въ этомъ смыслѣ оно должно было неизбѣжно отразить въ себѣ общее положеніе вещей. Силы русскаго общества были еще очень невелики, положительное образованіе крайне слабо, такъ что эти люди, задавши себѣ серьезные вопросы религіи, нравственности и общественныхъ обязанностей, стали легкою добычею мистическаго піэтизма и фантазерства, которые вообще всего легче овладѣваютъ мало вооруженными умами. Многіе изъ людей, ставшихъ потомъ ревностными масонами, передъ тѣмъ бывали крайними вольнодумцами, какъ самъ Елагинъ, какъ Лопухинъ; но они отказывались отъ вольнодумства, кажется, очень легко, потому что и вольнодумство ихъ не имѣло никакихъ корней, не опиралось на собственной, логически обдуманной мысли. Они бывали одинаково слабосильны и въ томъ и въ другомъ направленіи. Но въ мистицизмѣ они больше находили себя въ своей сферѣ, потому что мистицизмъ именно и гонитъ всякую разсудительную мысль и они успокаивались въ немъ окончательно. Для русскихъ „братьевъ" это успокоеніе облегчалось тѣмъ, что примѣръ этого подавало имъ множество чужеземныхъ „братьевъ", все-таки сохранившихъ въ ихъ глазахъ нѣкоторый

особый авторитетъ, несмотря на всю привязанность многихъ изъ нихъ къ національно-русскому, какъ это было у Новикова. Скептическое сомнѣніе и критика на нихъ не дѣйствовали, не потому, чтобы скептицизмъ XVIII-го вѣка (мы говоримъ объ истинныхъ представителяхъ его) былъ несостоятеленъ, а потому, что онъ былъ имъ не по силамъ. Въ самомъ дѣлѣ, несостоятельность, которую мы видимъ въ этомъ скептицизмѣ теперь, —видимъ благодаря тому, что современная наука ушла дальше его положеній,—въ то время далеко не была очевидна, а люди нашего общества въ особенности не были въ силахъ опровергнуть его логическимъ образомъ. Они просто уходили, отвертывались отъ него, какъ ученикъ отъ трудной задачи, или, наконецъ, воображали, что противъ французской философіи можно было бороться кабалистикой и нѣмецкимъ розенкрейцерствомъ...

Послѣдующее поколѣніе масоновъ, воспитавшееся на взглядахъ Елагина или Новикова, осталось почти на томъ же самомъ пунктѣ развитія; такъ, напр., было у Лабзина, Невзорова и другихъ людей этого стиля. Другіе воспитанники Новиковской школы пошли дальше и уже скоро освободились отъ нелѣпыхъ крайностей своихъ предшественниковъ, какъ, напр., Карамзинъ и другіе. Но любопытно, что и въ этомъ поколѣніи еще осталась извѣстная неопредѣленность теоретическихъ понятій, наклонность къ туману, и если не было піэтизма, то явилась сантиментальность, — черта, въ значительной мѣрѣ наслѣдованная отъ предыдущаго періода.

ГЛАВА VII.

Русская Національная Ложа шведской системы.—Столкновеніе съ Елагинскими ложами.

Въ 1776 году состоялось, какъ мы видѣли, соединеніе Елагинскихъ ложъ съ Рейхелевскими; но едва былъ устраненъ одинъ расколъ, какъ открылся новый. Съ 1777 года начинаются переговоры между одной частью русскихъ масоновъ и Шведской Великой Ложей; цѣлью этихъ переговоровъ было введеніе шведской системы и основаніе

новой Великой Ложи, на этотъ разъ въ зависимости отъ Швеціи.

Прежде, чѣмъ перейти къ этой исторіи, мы остановимся еще на Елагинскихъ ложахъ, чтобы досказать исторію распространенія Елагинской системы.

Это была вообще едва ли не самая распространенная въ русскихъ ложахъ система. Мы привели выше рядъ ложъ, къ ней принадлежавшихъ; но кромѣ того было много другихъ ложъ, основанныхъ въ семидесятыхъ годахъ и позднѣе и державшихся Елагинской системы въ то смутное время, когда русское масонство было въ полномъ броженіи и дѣлилось между Елагинской системой, шведской системой, тампліерствомъ и розенкрейцерствомъ.

Такъ, въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія упоминаются слѣдующія ложи, основанныя вновь по системѣ Елагина, или къ ней присоединившіяся:

Л. Аполлона, въ Ригѣ.

Л. Изиды, въ Ревелѣ.

Л. Zur Wohethätigkeit, въ Петербургѣ.

Л. Трехъ Мечей, въ Москвѣ.

Л. Аписа, въ Москвѣ.

Л. Трехъ христіанскихъ добродѣтелей, въ Москвѣ.

Отъ Елагина получилъ разрѣшеніе на основаніе ложи въ Могилевѣ и извѣстный Шварцъ, впослѣдствіи первый начинатель нашего розенкрейцерства [1]).

Въ 1780-хъ годахъ:

Ложа Астреи, въ Ригѣ.

Л. Konstantin zum gekrönten Adeer, въ Ригѣ.

Л. Надежды Невинности, въ Ревелѣ.

Л. Сѣверной Звѣзды, въ Архангельскѣ.

Въ 1790-хъ годахъ:

Л. Малаго Свѣта, въ Ригѣ.

Ложа въ Шкловѣ и другія [2]).

Но нераздѣльное господство Елагинской системы было непродолжительно, и шведская система явилась ей сильнымъ

[1]) Зап. Елагина, у Пекарскаго, стр. 102, прим.

[2]) См. подробности объ этихъ ложахъ, въ прил. IV. Называютъ еще въ Елагинскомъ союзѣ ложи Castor и Zum Schwert въ Ревелѣ и Pollux въ Дерптѣ.

противникомъ. Какъ шло дѣло введенія у насъ этой системы, до сихъ поръ не вполнѣ ясно, и мы можемъ пока только указывать хронологическую связь фактовъ.

Вскорѣ послѣ соединенія Елагинскихъ ложъ съ Рейхелевскими, произошли въ нашемъ масонствѣ разныя несогласія, такъ что Великая Ложа не могла оказывать большихъ успѣховъ. Есть извѣстія, что Рейхель отстранился, какъ отъ Розенберга, такъ вообще и отъ ложъ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ соединенныхъ ложахъ оказывались различныя несправедливости. Князь Трубецкой, который былъ прежде съ нимъ въ связи и желаніямъ котораго не удовлетворяло верховное управленіе Елагина, переѣхалъ въ Москву и перенесъ туда основанную имъ ложу Озириса, а также ложи Изиды и Латоны. Эти пересаженныя въ Москву ложи привлекли вниманіе высшаго дворянства, напр., людей, какъ князья Щербатовъ, Долгорукій, Гагаринъ, Голицынъ, Волконскій, графъ Салтыковъ и др. Георгъ Розенбергъ, поссорившись съ Рейхелемъ, поссорился и съ Елагинымъ, такъ что онъ съ своей ложей Аполлона не присоединился къ провинціальной ложѣ, но продолжалъ работать самъ по себѣ, до тѣхъ поръ, пока ему представился случай примкнуть къ другой русской великой ложѣ, которая уже готовилась въ то время [1]).

Разсказываютъ, что дѣло началось еще въ 1776 году, когда князь А. Б. Куракинъ отправился 30 сентября, въ Стокгольмъ для оффиціальнаго извѣщенія шведскаго короля о вступленіи в. князя въ бракъ съ вюртембергской принцессой Софіей-Доротеей (Маріей Ѳедоровной); что старшая ложа соединенныхъ, т. е. Елагинско-Рейхелевскихъ ложъ, воспользовалась этой поѣздкой кн. Куракина и дала ему рекомендательное письмо къ главной Стокгольмской Ложѣ, прося ее „князя Куракина во всѣ градусы масонскіе принять“ и съ нимъ прислать ихъ. Затѣмъ, по словамъ Новикова, по возвращеніи князя Куракина оказалось, что онъ и кн. Гагаринъ приняты во всѣ градусы, и отъ шведской ложи даны „акты и дипломъ на всѣ россійскія ложи“,

---

[1]) Handb. III, 108.

начальникомъ которыхъ и сдѣланъ былъ кн. Куракинъ, передавшій это начальство кн. Гагарину [1]).

По разсказу Бёбера въ его запискѣ о русскомъ масонствѣ, въ этомъ дѣлѣ опять игралъ какую-то роль Георгъ Розенбергъ. Въ его ложу Аполлона, оставшуюся тогда въ сторонѣ отъ соединенныхъ ложъ Елагина и Рейхеля, вступилъ баронъ Пфейфъ, большой авантюристъ, и Розенбергъ завязалъ черезъ него переписку съ его братомъ, игравшимъ значительную роль въ шведскомъ капитулѣ, и получилъ отъ него увѣреніе, что въ Швеціи были бы очень рады оказать русскимъ братьямъ содѣйствіе къ полученію большихъ познаній. По словамъ Бёбера, это и послужило поводомъ къ тому, что Куракинъ, посланный въ Стокгольмъ въ 1777 году (1776?), дѣйствовалъ тамъ въ интересахъ русскаго масонства [2]) и при своемъ возвращеніи привезъ съ собой конституціи для старошотландскихъ, шотландскихъ и національной ложъ, со многими такъ называемыми „клейнодами“, или символическими масонскими украшеніями [3]).

Говорятъ далѣе, что для исполненія плана присоединенія русскихъ ложъ къ шведской системѣ, воспользовались и пребываніемъ въ Петербургѣ шведскаго короля Густава III. Въ честь его, 26 и 27 іюня 1777 г., происходили блестящія собранія въ Розенберговой ложѣ Аполлона: по словамъ Рейнбека, это были почти публичныя празднества, на которыхъ присутствовалъ король со многими лицами своей свиты [4]).

Въ Елагинскихъ бумагахъ Государственнаго Архива сохранилось нѣсколько писемъ, относящихся къ этому дѣлу.

---

[1]) Лонг., стр. 105, 075 и слѣд.

[2]) „Für uns negoziirte“, говоритъ Бёберъ.

[3]) Handb, III, 613. Прибавляютъ, что при Куракинѣ находился, въ качествѣ секретаря посольства, Вильгельмъ Розенбергъ, братъ Георга, и что герцогъ Карлъ Зюдерманландскій открылъ В. Розенбергу виды на основаніе великой Провинціальной ложи въ Россіи, и капитула съ высшими степенями, если достаточное число русскихъ ложъ согласно будетъ стать подъ верховное управленіе Швеціи (Handb. III, 108).

[4]) Handb. III, 109. G. Reinbeck, Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg über Moskwa etc. nach Deutschland, im Jahre 1805. Leipz. 1806, II, стр. 176.

Это, во-первыхъ, французскія письма къ кн. Куракину отъ Кауница-Ритберга, отъ 2 іюня, 23 августа и 5 сентября 1777 г.; во-вторыхъ, черновое французское письмо Елагина къ не названному „депутату шведской великой ложи“, которымъ, вѣроятно, былъ тотъ же Ритбергъ [1]). Въ первомъ изъ писемъ Ритбергъ обѣщалъ доставить Куракину бумаги, которыя должны прибыть вмѣстѣ съ королемъ, т. е. Густавомъ III, котораго тогда ждали въ Петербургѣ. При второмъ онъ сообщалъ Куракину письмо отъ герцога Зюдерманландскаго (полученное имъ отъ князя Бѣлосельскаго) и проситъ Куракина показать это письмо сенатору Елагину, князю Гагарину и сообщить его содержаніе генералу Мелиссино и „двумъ его надзирателямъ“ (т. е. надзирателямъ его ложи); Куракинъ долженъ былъ увидѣть изъ письма герцога причины, которыя его замедлили и которыя останавливаютъ „завершеніе дѣла“, и письмо должно было дать Куракину оправданіе (décharge) относительно лицъ, настаивающихъ, вѣроятно, на этомъ завершеніи дѣла. Изъ третьяго письма можно, кажется, заключить, что „дѣло“ состояло въ основаніи капитула (для высшихъ степеней шведскаго масонства), что Куракинъ, со своей стороны, сдѣлалъ все, что нужно было для этого, но что основаніе замедлилось на нѣсколько времени только вслѣдствіе повелѣнія высшей масонской власти (т. е. герцога), которое распространяется на всѣ вообще капитулы. Затѣмъ относительно русскихъ масоновъ вообще, которые не знаютъ и не должны знать о капитулѣ, Ритбергъ пишетъ, что отъ самого Куракина будетъ зависѣть поставить ихъ на настоящую дорогу: отъ него зависитъ дать имъ, чрезъ признаннаго ими гросмейстера, шведскіе акты (которые Куракинъ могъ получить отъ Розенберга) и законныя конституціи, и ввести ихъ въ сношенія съ Стокгольмской ложей, и они могутъ быть увѣрены, что получатъ все, относящееся къ ихъ степенямъ, совершенно такъ же, какъ въ Швеціи. Если они не захотятъ работать по этимъ шведскимъ актамъ, то это будетъ ихъ вина, а не вина кн. Куракина и не шведской великой ложи. Затѣмъ Ритбергъ завершалъ свое поруче-

[1]) См. „Осмнадцатый Вѣкъ“, Бартенева, Т. II, стр. 370—373 и полнѣе въ Дополн., Пекарскаго, стр. 59—63.

ніе, и говорилъ, что не имѣетъ больше дѣла до масонства, не имѣетъ больше ничего сообщить, а что тѣ акты, какіе у него были и какіе могутъ находиться только въ рукахъ капитула, кн. Куракинъ получитъ тотчасъ, какъ только капитулъ будетъ установленъ.

Письмо Елагина, адресованное къ депутату шведской великой ложи, повидимому, разсчитывало на дипломатическую тонкость. Онъ отвѣчаетъ на письмо депутата и „съ полнѣйшею братскою нѣжностью" принимаетъ участіе, выраженное этимъ депутатомъ къ „нашему соединенію" [1]), и затѣмъ, высказавъ свою приверженность къ священнымъ таинствамъ, замѣчаетъ, что дѣлаетъ все, зависящее отъ него, „чтобы легкія узы нашего ордена соединяли души и сердца истинныхъ масоновъ въ наибольшихъ добродѣтеляхъ". Это послѣднее, вѣроятно, должно было служить шведскому депутату отвѣтомъ на его предложенія о шведской системѣ. Далѣе Елагинъ обѣщаетъ внушить управляемымъ имъ братьямъ чувства признательности и дружбы къ шведской великой ложѣ, благодаритъ ее за довѣріе, оказанное къ его рекомендаціи, когда она „приняла достойнаго брата Куракина въ высшія степени и сдѣлала для него доступными самыя высшія знанія ордена. Но чтобы высказать свое мнѣніе относительно того, что ему по довѣренности сообщилъ кн. Куракинъ, Елагинъ желаетъ дождаться актовъ, ему обѣщанныхъ, чтобы вникнуть въ нихъ, „прежде удовольствованія васъ вполнѣ лучами блистающей авроры нашей божественной мудрости, я хочу сказать отъ первой степени до послѣдней".

Изъ этихъ отрывочныхъ извѣстій мудрено, конечно, составить точное понятіе о ходѣ этого дѣла. Мысль о сношеніяхъ со Швеціей является, повидимому, изъ двухъ источниковъ, во-первыхъ, изъ интриги Розенберга и во-вторыхъ, изъ желанія масоновъ „соединенныхъ ложъ" получить дальнѣйшія степени, по той дорогѣ, на которую уже выводило ихъ соединеніе съ Рейхелемъ, и гдѣ самъ

[1]) Такъ, мы думаемъ, надо прямо перевести слова: notre réunion, которыя Пекарскій передаетъ „къ нашимъ собраніямъ". Мнѣ кажется, что рѣчь идетъ именно о „соединеніи" съ шведской ложей, почему Елагинъ дальше опять и говоритъ о соединеніи, какъ онъ его понимаетъ.

Рейхель уже не могъ вести ихъ далѣе. Изъ письма Елагина видно, что онъ самъ, какъ великій мастеръ, рекомендовалъ Куракина въ Швецію и, повидимому, самъ участвовалъ въ упомянутомъ желаніи. Елагину сообщены были и тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣлъ Куракинъ, и тѣ бумаги, которыя доставлялись черезъ Кауница-Ритберга. Но затѣмъ въ Елагинѣ явились какія-то сомнѣнія; быть можетъ, слишкомъ высказались властолюбивыя побужденія шведской великой ложи. Какъ бы то ни было, онъ не участвовалъ въ дальнѣйшемъ веденіи этого дѣла и не вступилъ въ союзъ со Швеціей.

Дѣло, повидимому, тянулось очень долго. Фактическое основаніе новой Провинціальной Ложи совершилось уже только въ 1779 году и послѣднія формальныя утвержденія получены были изъ Швеціи только въ 1780 г.

Подробности объ основаніи ложи также не вполнѣ еще ясны [1]).

Разсказываютъ, во-первыхъ, что кн. Куракинъ, воротившись въ 1777 году въ Петербургъ, сообщилъ высшія степени шведской системы кн. Гагарину, генералу П. Ив. Мелиссино, барону Унгернъ-Штернбергу и купцу Егеру (Iäger). Многія изъ ложъ, работавшихъ подъ управленіемъ Елагина, обратились, кажется, въ первое же время, къ шведской системѣ, какъ, напр., петербургскія ложи „Благотворительности“ (Zur Wohlthätigkeit) подъ начальствомъ Фрезе, „Феникса“ подъ начальствомъ Гагарина, „Св. Александра“ подъ начальствомъ Куракина и Шмелинга, ложа Zu den drei Streithammern, основанная Бёберомъ въ Ревелѣ. Послѣ этихъ приготовленій, 25 мая 1779 г., основана была провинціальная ложа русской имперіи подъ управленіемъ князя Гавріила Гагарина (впослѣдствіи оберъ-прокурора въ сенатѣ, въ Москвѣ), съ утвержденія герцога Карла Зюдерманландскаго, какъ гросмейстера шведскаго капитула, и съ согласія орденскихъ властей русской Великой Ложи. Эта новая провинціальная ложа русской имперіи называлась также русской національной ложей.

---

[1]) Изложеніе Лонгинова, стр. 105 и слѣд., не вполнѣ точно. Неясно, между прочимъ, почему онъ называетъ въ этомъ кн. Ивана Сер., а не Гавр. Петров. Гагарина.

Цѣль шведской великой ложи состояла, какъ говорятъ, въ томъ, чтобы удержать русскую великую ложу въ зависимости отъ Швеціи; въ этотъ планъ вошли въ особенности князь Куракинъ и Георгъ Розенбергъ. Новообразованная провинціальная ложа тотчасъ же открыла свою дѣятельность и начала съ того, что разослала по всѣмъ русскимъ ложамъ циркулярное предложеніе присоединиться къ ней. Съ этимъ приглашеніемъ соединялась угроза, что въ противномъ случаѣ ложи будутъ объявлены незаконными и подвергнутся опалѣ и отлученію. Циркуляръ исходилъ отъ великаго секретаря Бёбера [1]).

Такъ говорится въ однихъ показаніяхъ. По другимъ свѣдѣніямъ, основанію провинціальной ложи предшествовало учрежденіе шведскаго капитула. Въ одномъ позднѣйшемъ масонскомъ документѣ сказано, что кн. Куракинъ вывезъ изъ Швеціи акты и конституціи, и что первымъ учрежденіемъ по шведской системѣ въ Петербургѣ былъ Капитулъ Феникса, основанный еще въ 1778 году и находившійся въ полной зависимости отъ Швеціи [2]). Въ шведскомъ патентѣ, выданномъ въ 1780 г., и о которомъ мы скажемъ сейчасъ, упоминается конвенція 10 апрѣля 1778 года (acte de convention), которая, повидимому, и была первымъ формальнымъ договоромъ о подчиненіи русскихъ ложъ Швеціи: вѣроятно, на основаніи той же конвенціи учрежденъ былъ и названный выше Капитулъ Феникса.

Затѣмъ, къ 1780 году относится шведскій патентъ на учрежденіе въ Петербургѣ директоріи. Этотъ патентъ, на французскомъ языкѣ, выданный Карломъ Зюдерманландскимъ, наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, въ качествѣ Великаго Провинціальнаго Мастера VII и IX-й провинцій (т. е. Швеціи и Россіи), подписанъ былъ 1780 г., въ 9 день 5-го мѣсяца, въ Стокгольмѣ, и подлинникъ его находится теперь въ собраніи масонскихъ документовъ Московскаго Музея [3]). Эта инструкція излагаетъ въ началѣ свои мотивы слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Handb. III, 109.

[2]) Инструкція Вибелю, 1818 (въ рук. Моск. Музея).

[3]) Рук. на иностр. языкахъ, № [374]: Instruction pour le Directoire établi à St.-Pétersbourg, donnée ú Stockholm le 9 mai 1780.

„Принимая во вниманіе похвальную и блестящую преданность и рвеніе, которыя обнаруживаютъ братья достопочтеннаго Капитула, основаннаго нами въ Петербургѣ, къ общему благу нашего св. ордена, съ первой минуты, когда мы разсудили за благо возжечь у нихъ свѣтъ, и имѣя въ виду мѣстность россійской имперіи, обширное пространство которой требуетъ, для сохраненія добраго порядка и точнаго исполненія нашихъ святыхъ законовъ, надзора болѣе внимательнаго и который могъ бы предупредить или быстро исправить злоупотребленія и безпорядки, какіе могли бы проникнуть какъ въ масонскія ложи, такъ и въ различные капитулы, могущіе впредь быть учрежденными въ этой имперіи: мы сочли нужнымъ, согласно тому, что было условлено въ ст. второй Договора (Acte de Convention) 10 апрѣля 1778 г., учредить въ Петербургѣ Директорію, которая бы не только наблюдала за сохраненіемъ законовъ, статутовъ и обрядовъ св. ордена, но также разрѣшала и судила всѣ раздоры, какіе могли бы возникнуть между братьями, какъ масонами, такъ и тампліерами, работающими надъ распространеніемъ и поддержаніемъ свѣта, и которые, по этой причинѣ, не должны доходить до свѣдѣнія профанныхъ судей, не принадлежа къ ихъ вѣдѣнію (ressort).

„Съ этой цѣлью мы хотѣли дать достопочтеннымъ братьямъ, имѣющимъ составить вышепомянутую Директорію, слѣдующую инструкцію, которая, будучи основана на древнихъ законахъ и обычаяхъ, во всѣ времена принятыхъ и учрежденныхъ въ нашемъ св. орденѣ, послужитъ имъ руководствомъ, по которому они на будущее время будутъ завѣдывать и спеціально управлять всѣми дѣлами, какія будутъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ св. ордену X. Іер. (Храма Іерусалимскаго) на всемъ пространствѣ имперіи всея Россіи“.

Въ 1-й статьѣ сказано, что, такъ какъ Капитулъ петербургскій извѣстенъ братьямъ только подъ именемъ Великой Національной Ложи, то Директорія, которой будетъ принадлежать управленіе этой ложей, будетъ носить имя Совѣта Великой Національной Ложи.

По ст. 2-й, господство шведской Великой Ложи ограждается слѣдующимъ условіемъ: „Такъ какъ Директорія Россіи зависитъ единственно отъ Великаго Провинціаль-

наго Мастера IX Провинціи (или Россіи, т. е. отъ герцога Зюдерманландскаго), то она обязывается къ точному соблюденію всѣхъ статей Договора 1778 года; „и никогда не дѣлать по собственной волѣ (de son propre chef) никакихъ новыхъ учрежденій, мѣръ или перемѣнъ, не испросивъ и не получивъ предварительно согласія Великаго Провинціальнаго Мастера“ и проч.

По ст. 9-й, Великій Префектъ, предсѣдатель Директоріи, долженъ быть извѣстенъ братіи подъ именемъ Великаго Провинціальнаго Мастера. При его отставкѣ или смерти, назначеніе новаго префекта совершается Великимъ Генеральнымъ Мастеромъ всего ордена (Grand Maître Général de tout le St. Ordre) изъ числа лицъ, представляемыхъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ IX провинціи... [1]).

Таковы отрывочныя извѣстія объ утвержденіи національной ложи шведской системы, доставляемыя иностранными источниками и немногими оффиціальными документами. „Инструкція“ 1780 года, повидимому, только давала послѣднюю форму управленію, которое, собственно, утвердилось ранѣе, вѣроятно, съ перваго основанія капитула, въ 1778 году. Приведенная нами дата учрежденія Ложи, 25 мая 1779 г., не встрѣтилась намъ въ другихъ источникахъ, но въ іюнѣ того же 1779 упоминаются циркуляры Провинціальной Ложи, приглашавшіе братьевъ къ присоединенію. Этотъ годъ и былъ, вѣроятно, годомъ формальнаго установленія и начала дѣйствій Провинціальной Ложи.

Шведская система при самомъ началѣ имѣла, кажется, значительный успѣхъ.

Новиковъ въ своихъ показаніяхъ, считаетъ въ ней слѣдующія ложи:

1) Капитулъ Петербургскій, съ префектомъ, кн. Гавр. Петр. Гагаринымъ.

2) Капитулъ Московскій, о которомъ Новиковъ вѣрно не зналъ, былъ ли это особенный капитулъ или переведенный въ Москву съ переѣздомъ туда кн. Гагарина.

Далѣе нѣсколько ложъ: 3) Великая ложа, съ великимъ мастеромъ кн. Гагаринымъ. 4) Провинціальная ложа въ

---

[1]) Великимъ Генеральнымъ Мастеромъ считался тогда въ шведской системѣ самъ король Густавъ III (ср. Handb. III, стр. 214—215).

Москвѣ, великимъ мастеромъ которой былъ кн. Юрій Владим. Долгорукій. 5) Ложа Ал. Матв. Карамышева. 6) Ложа Алексѣя Яковл. Ильина.

Новиковъ не могъ припомнить другихъ ложъ, какія были еще въ шведской системѣ въ Петербургѣ, Москвѣ и иныхъ городахъ, и относительно названныхъ имъ замѣчалъ, что, сколько ему извѣстно, онѣ (въ 1792 г.) больше не существуютъ [1]).

Мы имѣемъ еще два другихъ списка ложъ шведской системы:—одинъ въ нѣмецкихъ показаніяхъ масонской энциклопедіи, другой—въ показаніяхъ русскаго масона Бёбера, вошедшихъ также въ эту энциклопедію: здѣсь число ложъ гораздо значительнѣе [2]).

Ложи шведской системы или подлежавшія Національной Ложѣ кн. Гагарина показаны здѣсь слѣдующія:

1) Аполлона,—уже извѣстная намъ ложа Розенберга, въ Петербургѣ.

2) Феникса,—это было названіе, принадлежавшее петербургскому капитулу.

3) Благотворительности или Пеликана, въ Петербургѣ, подъ начальствомъ Фрезе. (Эта ложа названа у Бёбера Mildthätigkeit zum Pelikan, и, кажется, она же, въ другихъ случаяхъ, называется Zur Wohlthätigkeit).

4) Св. Александра, въ Петербургѣ, находившаяся (въ это время или раньше) подъ начальствомъ кн. Куракина и Шмелинга.

5) Пламенѣющей Звѣзды (Zum Flammenden Stern), въ Петербургѣ.

6) Горуса, въ Петербургѣ (по показанію „Энциклопедіи").

7) Латоны, и

8) Озириса, указанныя Бёберомъ, какъ находящіяся въ Петербургѣ. Показаніе, кажется, не точное: ложи этого названія находились въ Петербургѣ, но еще до основанія Провинціальной Ложи шведской системы были перенесены въ Москву.

9) Трехъ Мечей (Zu den drei Degen), въ Москвѣ.

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. II, стр. 146.

[2]) Handb. III, стр. 109—110, 613.

10) Трехъ (христіанскихъ) Добродѣтелей, въ Москвѣ.

11) Аписа, въ Москвѣ.

12) Нептуна, въ Кронштадтѣ, основанная 12 января 1781 г. [1]), гдѣ мастеромъ былъ извѣстный адмиралъ Самуилъ Грейгъ.

13) Трехъ Сѣкиръ (Zu den drei Streithammern), въ Ревелѣ.

14) Военная ложа въ Кинбурнѣ.

15) Ложа въ Пензѣ, по показанію Бёбера, который, впрочемъ, не могъ припомнить ея названія.

16) Наконецъ, сюда же причисляетъ Бёберъ, какъ и Новиковъ, Провинціальную Ложу въ Москвѣ, которая, по словамъ Бёбера, основана была изъ Петербурга: главою ея былъ кн. Юрій Вл. Долгорукій, „подъ управленіемъ котораго были многія новоучрежденныя ложи".

Въ приведенномъ спискѣ читатель замѣтитъ имена ложъ, появляющіяся впервые въ шведской системѣ; другія перешли сюда изъ ложъ Елагинскаго Союза. Подробности этого столкновенія двухъ системъ пока еще мало извѣстны; объ немъ можетъ дать нѣкоторое понятіе разсказъ нѣмецкихъ историковъ о томъ, какъ шведскія нововведенія приняты были въ ложахъ остзейскихъ городовъ.

Мы упоминали о циркулярѣ, разосланномъ отъ великаго секретаря Провинціальной Ложи, Бёбера, съ приглашеніемъ приступить къ новой системѣ. Ложи нѣмецкихъ остзейскихъ

---

[1]) Handb. II, 165. [Списокъ членовъ ложи Нептуна 1780—81 г.г. опубликованъ Т. О. Соколовской въ журналѣ „Море" 1907 г. № 8]. Адмиралъ Грейгъ, умершій въ 1788 году, повидимому, занималъ не послѣднее мѣсто въ тогдашнемъ масонствѣ, какъ можно судить по двумъ масонскимъ рѣчамъ, нѣмецкой и русской, которыя были изданы по его смерти.

Первая рѣчь напечатана въ книжкѣ: Am Grabe Greighs. B. F. v. D. St. Petersburg, 1788, 27 стр. Эта рѣчь, перечисляя героическіе подвиги Грейга на службѣ Россіи, восхваляя высокія качества его ума и сердца, (панегиристъ, изъ правдолюбія, упоминаетъ, впрочемъ, какія-то Kleinen Wolken der Tugend, помѣшавшія Грейгу достичь полнаго нравственнаго совершенства), называетъ его вмѣстѣ, съ тѣмъ, однимъ изъ „столповъ масонства" (стр. 26) и нѣсколько разъ возвращается къ его масонской дѣятельности. Описывая его постоянство, вѣрность, неустрашимость, и вмѣстѣ кротость, человѣколюбіе, авторъ продолжаетъ:

„И къ тебѣ, мирное, любящее масонство (Stille liebreiche Maurerey),

провинцій, — разсказываетъ нѣмецкій историкъ, — вовсе не были склонны тотчасъ послѣдовать этому приглашенію. Давно уже существовавшая въ Ревелѣ ложа Изиды, которой присланъ былъ Бёберомъ циркуляръ отъ 26 іюня 1779 г., объявила прямо, что не присоединится къ новой Великой Ложѣ; вслѣдствіе этого, 24 августа послѣдовало исключеніе этой ложи въ актѣ, который адресованъ былъ къ ложѣ Zu den drei Streithammern и подписанъ Георгомъ Розенбергомъ и Бёберомъ. Вмѣстѣ съ Изидой, отказалась присоединиться къ Провинціальной Ложѣ и ложа Zum Schwert въ Ригѣ, получившая свое утвержденіе изъ Брауншвейга. Мастеръ стула въ этой ложѣ, Бальтазаръ Бергманъ, ссылался на то, что ложа его была признана со стороны ложъ въ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи и Швеціи; впрочемъ, онъ былъ не безусловно противъ соединенія съ новой русской Великой Ложей. Дѣйствія русской Національной Ложи кн. Гагарина главнымъ образомъ направлены были противъ Циннендорфа, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста въ циркулярѣ, посланномъ къ рижскимъ ложамъ: „Великая Ложа должна желать заявленія, не подчинены ли всѣ эти ложи, — не находящіяся ни въ спискахъ шведскихъ ложъ, ни въ спискахъ соединенныхъ нѣмецкихъ ложъ, — управленію нѣкоего Циннендорфа въ Берлинѣ, который, какъ это можетъ засвидѣтельствовать Великая Ложа, по самымъ положительнымъ основаніямъ объявленъ былъ обманщикомъ и публично

сердце его обращалось съ любовью и радостью! Слишкомъ великій и слишкомъ чистый, чтобы заниматься лентами (масонскими) и бездѣлушками, онъ выбралъ твою единственную истинную цѣль — добродѣтель и человѣческое счастье. Совершенный человѣкъ, котораго ты, знакомое съ слабостію смертныхъ, представило, кажется, больше какъ высшій идеалъ, чѣмъ какъ достижимый предметъ, — былъ его великой цѣлью, и его ревность достигла бы этой цѣли, если бы ему не помѣшала человѣческая слабость". Авторъ не хочетъ скрывать этой слабости, но думаетъ, что „ангелъ неба сотретъ ее навсегда изъ книги вѣчности слезой состраданія, которую онъ такъ охотно даетъ человѣческому величію, потому что оно не можетъ быть безъ слабости", и пр.

„Безсмертный духъ! — взгляни изъ своего звѣзднаго жилища и посмотри, какъ мирное масонство, неподвижное и нѣмое отъ горести, отъ имени цѣлаго отечества, проливаетъ здѣсь слезу благодарности на твой прахъ" и т. д.

указанъ, какъ таковой, всѣмъ добрымъ братьямъ. Поэтому Великая Ложа весьма желаетъ, чтобы документальное утвёрждение, о сообщеніи котораго просили ложу, происходило не отъ названнаго здѣсь виновника столь многоразличнаго зла, или, по крайней мѣрѣ, чтобы въ случаѣ, если бы это было по несчастію такъ, ложа отнынѣ отказалась отъ всякаго съ нимъ соединенія и подчинилась бы той дирекціи, законность которой была правильно признана всѣми свѣдущими въ дѣлахъ ордена". Поэтому и отъ каждаго посѣтителя изъ циннендорфской ложи, если онъ желалъ получить доступъ въ ложу, принадлежащую къ Національной Ложѣ, требовали, чтобы онъ клятвенно засвидѣтельствовалъ, что впредь отказывается отъ всякой дальнѣйшей связи съ циннендорфской ложей. Изъ остзейскихъ ложъ, только одна, Zu den drei Streithammern, въ Ревелѣ, присоединилась къ Національной Ложѣ; зато рижскія ложи, Apollo, Castor, Zum Schwert, Isis въ Ревелѣ, и Pollux въ Дерптѣ, остались въ прежней связи подъ управленіемъ Елагина.

Между тѣмъ и внутреннее положеніе самой Провинціальной Ложи кн. Гагарина, кажется, съ самаго начала было не совсѣмъ благопріятно. Въ августѣ 1780 года, она получила изъ Швеціи всѣ регаліи, — т. е. всякіе масонскіе символы, орудія и украшенія масонской обрядности, въ разныхъ системахъ нѣсколько особенныя, — которыхъ у нея еще не было, но послѣ перваго успѣха она не усиливалась. Раз-

---

Упомянувъ о наградахъ и почестяхъ, оказанныхъ Грейгу императрицей Екатериной, авторъ продолжаетъ:

„Не опьяненный отъ всѣхъ этихъ милостей и восхваленій и среди трудовъ, которые онъ продолжалъ еще съ большимъ жаромъ, онъ не забывалъ и о тебѣ, кроткій братскій союзъ масонства. Его проницательный взглядъ видѣлъ черезъ тотъ флёръ, который масонство набросило на лицо мудрости, чтобы охранить ее отъ профанаціи, чтобы возбудить любовь къ изслѣдованію и сдѣлать болѣе желательнымъ ея раскрытіе. Даже посвященный очень рѣдко проникаетъ это легкое покрывало, если онъ не владѣетъ улучшеннымъ сердцемъ и очищеннымъ умомъ, и совершенно незнающій часто желаетъ разорвать его неумѣстной насмѣшкой, или потому, что смотритъ не съ надлежащей точки зрѣнія, или потому, что эта точка зрѣнія сдвинута отъ него масонскими шарлатанами. Грейгъ почувствовалъ посвященіе; черезъ легкій мракъ онъ видѣлъ свѣтъ, онъ видѣлъ возвышенныя намѣренія масонства и съ радостью сталъ его опорой. Какъ мастеръ стула въ ложѣ

сказываютъ, что между руководителями ея, особенно между Георгомъ Розенбергомъ и кн. Гагаринымъ, произошли несогласія, главнымъ образомъ, по вопросу о зависимости отъ Швеціи. Къ этому присоединилось и то, что въ Стокгольмѣ 15 марта 1780 г. послѣдовало назначеніе герцога Карла Зюдерманландскаго первымъ начальникомъ ордена (Vicarius Salomonis) седьмой и девятой провинцій,—къ этой послѣдней принадлежала и Россія. Русскія ложи, стоявшія подъ управленіемъ Елагина и Гагарина, возражали противъ этой зависимости, тѣмъ болѣе, что подобное положеніе русскихъ ложъ возбудило серьезное опасеніе въ императрицѣ Екатеринѣ. Вслѣдствіе такого положенія вещей, Національная Ложа пріостановила свои работы. Самъ князь Гагаринъ долженъ былъ оставить Петербургъ и отправился 10 ноября 1781 г. въ Москву; передъ тѣмъ Національная Ложа постановила еще исключеніе братьевъ Розенберговъ,—тѣхъ самыхъ людей, которые играли такую дѣятельную роль въ основаніи этой ложи.

Бёберъ въ своей запискѣ сообщаетъ слѣдующія частности объ этомъ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ въ Провинціальной Ложѣ. „Эта новая связь (т. е. масонская связь со Швеціей), — говоритъ онъ, привлекла къ себѣ очень многихъ изъ знатныхъ лицъ, и это возбудило въ императрицѣ нѣкоторое подозрѣніе, въ особенности потому, что князья Куракинъ и Гагаринъ были извѣстные любимцы ве

Нептунъ, онъ старался для нея дать истинный видъ дикому камню, чтобы этотъ камень могъ послужить краеугольнымъ камнемъ храма мудрости; онъ сдѣлалъ чувства своихъ братьевъ болѣе утонченными и воспріимчивыми къ высокому благоуханію добродѣтели, и такимъ образомъ приготовлялъ для міра и для государства хорошихъ, полезныхъ, любящихъ свой долгъ людей. Масонство посвящаетъ ему за это глубокую благодарность, и имя Грейга останется незабвеннымъ въ его лѣтописяхъ“, etc.

Грейгъ оставилъ по себѣ хорошую память не между одними масонами. Сегюръ въ своихъ „Запискахъ“ (Спб. 1865, стр. 336) говоритъ о Грейгѣ: „Въ это время (1788) императрица понесла чувствительную потерю: скончался адмиралъ Грейгъ. Дѣятельный начальникъ, просвѣщенный администраторъ, искусный адмиралъ, воинъ храбрый и скромный, онъ сошелъ въ могилу, уважаемый врагами и оплакиваемый знавшими его“.

Другая рѣчь называется: „Слово на смерть В... Д... Б... (т. е. высокодостойнаго брата) Грейха. Говоренное въ ☐ П... 1788 года октября

ликаго князя (Павла Петровича), и она выразила свою щекотливость по этому предмету сначала сатирическими брошюрами, изъ которыхъ одна называлась „Противонелѣпое Общество“ [1]), а потомъ по поводу одной статьи, напечатанной въ Гамбургской газетѣ, и выразила такъ громко, что тогдашній оберъ-полиціймейстеръ, бывшій членомъ ордена, посовѣтовалъ намъ остановить работы (т. е. масонскія собранія) и покинуть прекрасно устроенное помѣщеніе ложи. Куракинъ и Гагаринъ, подъ предлогомъ нѣкоторыхъ порученій, были удалены изъ Петербурга и наши ложи оставались въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Мелиссино, Лукинъ и остальныя елагинскія ложи смѣло продолжали свои работы. Только одна ложа Благотворительности (Mildthätigkeit zum Pelikan) осмѣлилась, несмотря на то, снова начать дѣйствія послѣ короткаго промежутка времени, такъ какъ коллежскій совѣтникъ Фрезе, человѣкъ весьма уважаемый, управлявшій этой ложей въ качествѣ мастера стула, съ разныхъ сторонъ получилъ увѣренія, что опасаться больше нечего [2]); и такъ какъ вслѣдствіе того эта ложа

---

29 дня членомъ □ Г... А. М. Въ Санктпетербургѣ“. (8 стран. съ заглавнымъ листомъ, 8°. Книжка означена въ каталогѣ Смирдина № 11603). Слово также начинается изъявленіемъ горести и восхваленіемъ добродѣтелей, „великихъ и любезныхъ свойствъ, кои украшали оплакиваемаго нами В... Д... Б..., кои дѣлали честь роду человѣческому и образовали въ немъ мужа благочестива, мудра, великодушна, единымъ словомъ истиннаго в... к...!“ Слово говоритъ о военныхъ подвигахъ и „общественныхъ добродѣтеляхъ Грейга, его безкорыстіи и справедливости: „въ публичной и приватной жизни украшали его всѣ тѣ свойства, кои составляютъ истиннаго и усерднаго в... к...“ Авторъ приглашаетъ братьевъ дать самимъ себѣ „слово жить и умереть подражая ему (Грейгу)—въ чемъ непремѣнно и успѣемъ, если подобно ему будемъ исполнять всѣ тѣ спасительные обязанности, кои налагаетъ на насъ с..., мудрый и Б... любви исполненный О... В... К...“ Упоминается и дѣятельность Грейга какъ мастера стула.

[1]) Эта французская брошюра: „La société antiabsurde“, и русскій переводъ ея, помѣченные 1759 годомъ, изданы были на самомъ дѣлѣ въ 1780 г. Мы приведемъ дальше подробности объ этой книжкѣ. свидѣтельство Бёбера есть, кажется, первое положительное указаніе на время и поводъ сочиненія этой брошюры императрицы Екатерины; Полторацкій по библіографическимъ даннымъ (брошюра не упоминается раньше 1780 г.) вѣрно относилъ ее къ этому времени.

[2]) То же упоминается въ отвѣтахъ Вибелю: „Одна изъ ложъ (Коронованнаго Пеликана), не хотѣвшихъ отдѣлиться отъ Швеціи, въ которой

стала въ нѣкоторомъ смыслѣ ложей-матерью, то она основала въ 1781 г. новую ложу, подъ названіемъ Zum Eichthal.

„Въ 1783 г. русское масонство получило новое направленіе, къ которому далъ поводъ нѣкто Шварцъ“,—т. е. извѣстный профессоръ, другъ Новикова, глава русскаго розенкрейцерства.

Причина, почему Екатерина возымѣла нѣкоторое недовѣріе къ этимъ ложамъ, заключалось, по всей вѣроятности, въ томъ, что ихъ начальниками были любимцы великаго князя и она опасалась какихъ-нибудь опасныхъ политическихъ сплетеній отъ связей ихъ съ герцогомъ Зюдерманландскимъ. Кн. Куракинъ, какъ мы дальше упомянемъ, замѣшанъ былъ въ дѣло о предположеніи выбрать великаго князя главою русскаго масонства. Удаленіе кн. Куракина и Гагарина, повидимому, совершенно успокоило Екатерину.

Переѣздъ кн. Гагарина въ Москву нанесъ, однако, сильный ударъ всей нашей шведской системѣ. Въ Москвѣ кн. Гагаринъ устроилъ „капитулъ“ шведской системы, или перенесъ туда существовавшій въ Петербургѣ; въ это время основалось, кажется, нѣсколько новыхъ ложъ его системы въ Москвѣ, но авторитетъ системы оканчивался. Въ Москвѣ въ это время всего сильнѣй обнаружилось въ масонскомъ обществѣ стремленіе къ самостоятельности и къ пріобрѣтенію, наконецъ, масонскихъ познаній. Представителемъ этого стремленія былъ кругъ Шварца и Новикова. Въ этихъ видахъ они основали тайную сіентифическую ложу Гармонію.

братъ Бёберъ былъ членомъ, продолжала работать до тѣхъпоръ, пока всѣ масонскія работы не прекратились по приказу имп. Екатерины. Ешевскій, III, 458. — Полицейместеромъ, прекратившимъ работу, былъ, кажется, П. В. Лопухинъ, впослѣдствіи московскій губернаторъ, отчасти привлеченный къ дѣлу Новикова въ Москвѣ. Въ зап. Храповицкаго, подъ 22 мая 1792 г., упоминается, что кн. Прозоровскій прислалъ императрицѣ поданное ему „письмо отъ московскаго губернатора П. В. Лопухина, гдѣ проситъ оправданія отъ названія мартинистомъ, свидѣтельствуетъ тѣмъ, что по забраніи бумагъ Н., видны всѣ въ томъ участники, и онъ былъ только полицеймейстеромъ два раза въ ложахъ Петербургскихъ для узнанія и донесенія ея Величеству о перепискѣ съ герцогомъ Зюдерманландскимъ“.

Московскіе масоны надѣялись, что Швеція, не давши Россіи самостоятельности, доставитъ русскому масонству, по крайней мѣрѣ, высшія орденскія познанія; но всѣ ихъ ожиданія обманулись. Они уже скоро увидѣли, что „несмотря на всѣ обѣщанія Швеціи и на всѣ старанія к. Г. Пет. (князя Гавріила Петровича Гагарина), она намъ ничего не сообщаетъ, и что письма, которыя оттуда пишутъ, наполнены политическихъ учтивствъ и больше ничѣмъ"; притомъ они знали, что „самовластный поступокъ г. (герцога) Зюдерманландскаго въ сооруженіи 9-ой пров. и приписаніи къ ней Россіи и большей части Европы, вооружилъ весь орденъ противъ него", кромѣ того, они стыдились „покоренія россійскаго братства братству шведскому" и знали, „что самое сіе покореніе, а наипаче требованіе безумныхъ шведскихъ бр., когда-нибудь могутъ великій ударъ въ Россіи ордену сдѣлать"; наконецъ, московскіе братья услышали, что собирается всеобщій масонскій конвентъ для уничтоженія безпорядковъ и несогласій въ орденѣ (это былъ Вильгельмсбадскій Конвентъ) и нашли что „не можетъ быть удобнѣе случаю освободить россійское братство отъ всякаго подчиненства" [1]). Московскіе масоны, въ бытность кн. Гагарина въ Москвѣ, пригласили его въ свою ложу Гармоніи, объявили ему свои желанія и свои сомнѣнія о Швеціи: „онъ на все согласился, сдѣлался почетнымъ членомъ ложи Гармоніи, одобрилъ предметъ исканій и съ тѣмъ разстался" [2]).

По извѣстнымъ теперь даннымъ не видно въ точности, какія отношенія установились между шведскимъ масонствомъ Гагарина и московскими ложами, когда послѣднія получили на Вильгельмсбадскомъ Конвентѣ 1 сент. 1782 г. учрежденіе особой масонской „провинціи" для Россіи на свою долю. Изъ переписки московскихъ масоновъ извѣстно, что они не были съ нимъ въ ссорѣ: „мы всѣ силы употребляли соединить его съ собою, но успѣть въ томъ не могли; однако мы съ нимъ не въ ссорѣ, но онъ ни во что не входитъ и не мѣшается" [3]).

---

[1]) Письмо кн. Н. Н. Трубецкого къ А. А. Ржевскому [въ сентябрѣ 1782 г.] у Ешевскаго, III, 464.

[2]) Письмо Новикова къ Ржевскому, 14 февр. 1783 г. у Еш., III. 471.

[3]) Тамъ же, стр. 510—511.

Впослѣдствіи, въ отвѣтахъ Вибелю, мы находимъ, однако, извѣстіе, что послѣ признанія Россіи особой провинціей на Вильгельмсбадскомъ Конвентѣ кн. Гагаринъ не безъ нѣкотораго затрудненія покорился новому порядку вещей, „присоединился въ 1783 году къ 8-ой провинціи съ большей частью ложъ, отъ него зависѣвшихъ, и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-ложи Феникса въ Москвѣ“ [1]).

Упомянутая ложа Коронованнаго Пеликана, съ Фрезе и Бёберомъ, не приступила къ этому союзу, и въ перепискѣ московскихъ масоновъ мы находимъ, безъ сомнѣнія поэтому, очень недружелюбные отзывы о Фрезе. Московскіе масоны считали дѣло свое русскимъ, и въ противникахъ своихъ видѣли нѣмцевъ, равнодушныхъ или враждебныхъ русскому интересу [2]).

Бёберъ остался ревностнымъ приверженцемъ шведскаго масонства, которое и возобновилось потомъ въ царствованіе Александра, когда (въ 1807 г.) возстановлена была ложа Коронованнаго Пеликана.

ГЛАВА VIII.

Общія замѣчанія объ историческомъ значеніи личности и дѣятельности Новикова.

Послѣ описанныхъ волненій въ нашемъ масонскомъ мірѣ, наступилъ въ русскихъ ложахъ новый фазисъ, гораздо болѣе замѣчательный. Центромъ франкъ-масонскаго движенія сталъ Н. Ив. Новиковъ, и его дѣятельность, выступивши за предѣлы ложи, въ обширной степени простиралась на общественную жизнь и литературу. Въ нашей новѣйшей исторіи онъ стоитъ едва ли не первымъ человѣкомъ, который, если не самъ исключительно создалъ, то сосредоточилъ и оживилъ нравственно-общественное движеніе, исходившее

---

[1]) Ешевскій, III, 458.
[2]) Ешевскій, III, 539—546. Ср. стр. 514.

изъ самостоятельныхъ начинаній общества, а не изъ однихъ оффиціальныхъ указаній. До него наша общественная жизнь, образованіе и литература были почти только выполненіемъ программы, данной петровскою реформой, выполненіемъ, не выходившимъ за предѣлы предписанныхъ правилъ и образцовъ. Съ Новикова къ этой оффиціальной иниціативѣ, едва ли не въ первый разъ, присоединяется иниціатива общественная, которая дѣйствовала съ тѣми же цѣлями гражданскаго улучшенія и образованности, но уже сама, независимо, пыталась опредѣлять свою точку зрѣнія, свои средства и пріемы. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы до Новикова не дѣйствовали замѣчательныя личности, посвящавшія себя на служеніе общественному благу: вовсе нѣтъ,—были такія личности, даже несравненно болѣе талантливыя, какъ Ломоносовъ, были люди, которые столь же искренно и съ своего рода увлеченіемъ трудились для общества, какъ цѣлый рядъ писателей, въ литературѣ и въ историческомъ изученіи ставившихъ первые вопросы общественнаго самосознанія, напр., Сумароковъ и многіе другіе; въ трудахъ этихъ людей была иногда и значительная степень самостоятельнаго сужденія, въ результатахъ были полезныя слѣдствія, распространялись полезныя знанія, возбуждалась любовь къ образованію. Но дѣятельность этихъ людей оставалась, по преимуществу, индивидуальной; они не создавали школы, не увлекали за собой людей общества на опредѣленную практическую дѣятельность въ смыслѣ одной идеи; просвѣщеніе продолжало оставаться оффиціально академическимъ или школьнымъ, или—въ высшемъ кругу—чужимъ, французскимъ; литература въ своемъ воспитательномъ значеніи продолжала походить на тѣ книги, корректуру которыхъ держалъ еще самъ Петръ Великій своей царской рукой; пріобрѣтавшіяся знанія и понятія не расширялись дальше тѣхъ, которыя требовались, какъ первая, элементарная необходимость для государственнаго хозяйства. Словомъ, общество еще утопало въ государствѣ; индивидуальныя силы, возбужденныя реформой, стали являться на ея поддержку и укрѣпили ее въ сознаніи болѣе образованнаго класса, но собственная иниціатива общества сдѣлала еще мало. Эта иниціатива обнаруживалась только въ рѣдкихъ отдѣльныхъ случаяхъ, еще не успѣла найти себѣ ни опредѣленной до-

роги, ни ясной цѣли, и не умѣла соединять людей для свободнаго стремленія къ образованію, для общественной самодѣятельности въ тѣхъ задачахъ, которыя до тѣхъ поръ исключительно себѣ присвоивало государство. Между тѣмъ, государство могло успѣшно достигать цѣлей національнаго развитія только при условіи, когда оно могло имѣть за эти цѣли и самодѣятельность общества; а для развитія этой самодѣятельности нужно было, чтобы заявила себя индивидуальная личность, свобода нравственной человѣческой природы, которая только при извѣстномъ просторѣ развитія могла обнаруживать свою плодотворную энергію. На дѣлѣ, эта нравственная свобода личности имѣла въ жизни слишкомъ мало мѣста, а ея законныя и естественныя требованія слишкомъ мало укладывались въ существовавшія рамки оффиціальныхъ порядковъ; но общественная самодѣятельность была возможна только на этомъ условіи,—и создать ее было именно тою задачей, которая предстояла русскому обществу въ XVIII столѣтіи, послѣ усвоенія реформы Петра. Заслуга первой широкой попытки къ разрѣшенію этой задачи, въ значительной мѣрѣ, принадлежитъ Новикову, и этимъ, въ общихъ чертахъ, опредѣляется его историческое значеніе. Путь его былъ указанъ обстоятельствами времени; Новиковъ могъ сильно ошибаться въ средствахъ, которыя должны были вести къ этой цѣли, во многомъ онъ положительно заблуждался, но заслуга его, тѣмъ не менѣе, остается высокой; онъ искренно и преданно служилъ общественному благу и жертвовалъ этому служенію своимъ трудомъ и своей личной безопасностью.

Личность Новикова и судьба его, въ главныхъ чертахъ, достаточно извѣстны. Его масонская дѣятельность разъяснена была біографіей, написанной Лонгиновымъ, и матеріалами, изданными Историческимъ Обществомъ, Пекарскимъ и проч. Мы не будемъ останавливаться на фактическихъ подробностяхъ біографіи, на его происхожденіи, скудномъ первоначальномъ воспитаніи, недостаточность котораго сказалась потомъ и въ его зрѣлые годы, на его службѣ, сначала въ Измайловскомъ полку, потомъ при извѣстной комиссіи для составленія новаго Уложенія; предполагаемъ извѣстной и его первую журнальную и потомъ издательскую дѣятельность и напомнимъ, вообще, только главныя данныя. Его изда-

тельская дѣятельность началась въ 1769—1774 гг. изданіемъ сатирическихъ журналовъ, которые вошли тогда въ моду— какъ говорятъ, не безъ вліянія прямого желанія императрицы, которая хотѣла развлечь вниманіе публики и отклонить его отъ шедшей тогда турецкой войны; хотя можно думать, что, принимая сама участіе въ этихъ журналахъ, императрица могла просто слѣдовать своимъ вкусамъ—именно въ то время весьма либеральнымъ и, сама съ охотой занимаясь литературными развлеченіями, она, быть можетъ, просто желала имѣть для этого нѣсколько оживленную арену. Прекратились потомъ эти журналы не оттого, что прекратилась турецкая война, а оттого, что произошла нѣкоторая перемѣна въ настроеніи императрицы: вызванное ею литературное движеніе не совсѣмъ отвѣтило ея ожиданіямъ. Журналы Новикова, въ особенности знаменитый „Живописецъ", представили уже зачатки той совершенно серьезной сатиры, которая такъ рѣдка въ нашей литературѣ, хотя за этой литературой и считаются большія сатирическія свойства. Эти журналы не понравились. Еще раньше, чѣмъ Новиковъ окончательно оставилъ свою сатиру, вѣроятно, уже чувствуя непрочность этого направленія по обстоятельствамъ литературы, отъ него не зависѣвшимъ, онъ обратился въ другую сторону, гдѣ, если не надѣялся принести болѣе непосредственной пользы, то ожидалъ гораздо большихъ удобствъ для самаго труда. Это были его историческія изданія и собранія старыхъ памятниковъ: „Словарь о россійскихъ писателяхъ", „Древняя Россійская Идрографія", „Древняя Россійская Вивліоѳика" и пр. Затѣмъ подготовлялся новый періодъ дѣятельности Новикова, окончательно опредѣлившійся съ 1779 г. Это—періодъ масонства и мартинизма, время дружбы и союза съ Шварцемъ, Дружескаго общества и Типографической компаніи, наиболѣе оживленный, занятой и вліятельный періодъ въ трудовой жизни Новикова, окончившійся катастрофой 1792 года, которая разрушила литературныя и филантропическія предпріятія Новикова и его друзей, нанесла имъ огромныя потери, нанесла еще болѣе сильный нравственный ударъ самому Новикову и окончательно прекратила его дѣятельность. Въ 1796 г., по вступленіи на престолъ императора Павла, Новиковъ былъ освобожденъ изъ Шлиссельбургской тюрьмы и про-

жилъ еще лѣтъ двадцать тяжелой жизни. Но старое время уже не вернулось.

Въ этомъ отдѣлѣ его біографіи, естественно, сосредоточивается главнѣйшій интересъ. Это былъ, по преимуществу, масонскій періодъ дѣятельности Новикова.

Историки нашей литературы, говоря о масонствѣ Новикова, нерѣдко принимаютъ его мистицизмъ, во-первыхъ, за направленіе, рѣзко отдѣляющееся отъ его первой дѣятельности, за совершенно новый періодъ въ исторіи его понятій; во-вторыхъ, склонны считать этотъ мистицизмъ ненужнымъ, случайнымъ заблужденіемъ, въ которое странно было впадать неглупому человѣку. Мы думаемъ иначе, и именно, относительно перваго полагаемъ, что между этими двумя предполагаемыми періодами вовсе не было такого рѣзкаго и глубокаго различія, какъ представляютъ, а что, напротивъ, одинъ весьма послѣдовательно развивается въ другой; и относительно второго мнѣнія мы полагаемъ, что новиковскій мистицизмъ, говоря исторически, не только былъ совершенно естественнымъ явленіемъ, но въ обстоятельствахъ тогдашняго общества былъ даже серьезнѣе, нежели то представляли себѣ его противники. Мы объяснимъ это дальше.

Развитіе понятій Новикова въ самомъ дѣлѣ было очень послѣдовательное, безъ всякихъ внезапныхъ перерывовъ и безъ всякой „перемѣны направленія". Какъ было уже сказано, образованіе Новикова, по его собственному признанію, было очень недостаточно; и этотъ недостатокъ, къ сожалѣнію, въ то время слишкомъ общій, становился весьма серьезнымъ недостаткомъ въ человѣкѣ, способномъ такъ глубоко предаваться общественному интересу и нравственнымъ требованіямъ, какъ Новиковъ. Въ людяхъ посредственныхъ и ничтожныхъ такой недостатокъ безвреднѣе, потому что самыя дѣла ихъ посредственны и ничтожны; въ людяхъ талантливыхъ и съ практической энергіей этотъ недостатокъ только усиливаетъ ошибку, если они впадаютъ въ нее. У Новикова это дѣйствительно увеличило силу его личнаго заблужденія,—хотя, впрочемъ, отъ такого же заблужденія вовсе не были свободны и болѣе образованные его друзья; назовемъ хотя Шварца и Лопухина, или другихъ аристократическихъ членовъ ордена, которыхъ модное обра-

зованіе не спасало отъ фантастики, —такъ что можно дѣлать весьма естественное заключеніе, что обыкновенное тогдашнее образованіе, пожалуй, также не могло бы не спасти Новикова отъ его заблужденія. Этотъ недостатокъ въ личномъ развитіи Новикова высказался не вдругъ; онъ обнаружился въ полной силѣ только впослѣдствіи, именно тогда, когда передъ нимъ стала задача теоретическаго опредѣленія и положительнаго установленія его принциповъ. Въ первое время, когда эти вопросы теоріи и идеала еще не выросли до настоятельнаго требованія, Новиковъ руководился въ своихъ взглядахъ на общественныя отношенія непосредственными внушеніями честнаго доброжелательнаго сердца. Дѣло его развитія и общественная дѣятельность начались съ весьма простого и естественнаго нравственнаго чувства. Его журнальная сатирическая дѣятельность,—которую онъ началъ молодымъ человѣкомъ 25-ти лѣтъ и которая составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія—была вызвана именно этимъ глубокимъ чувствомъ, слишкомъ оскорбленнымъ жалкой дѣйствительностью и горячо желавшимъ другихъ, лучшихъ порядковъ и отношеній. Въ этомъ журналистѣ,—весь журналъ котораго составлялъ въ годъ маленькую книжку, и то на-половину занятую почти обязательными панегириками, —мы видимъ замѣчательно смѣлаго представителя нравственныхъ требованій, уже явившихся въ сознаніи лучшихъ людей, писателя, возмущеннаго свѣтской пустотой и общественной несправедливостью и ищущаго справедливости и просвѣщенія. Достаточно припомнить нѣкоторыя страницы его журналовъ, чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе о его стремленіяхъ. Въ посвященіи „Живописца“ императрицѣ (какъ автору комедіи: „О время“) онъ выражаетъ желаніе, чтобы „дарованная вольность умамъ россійскимъ“ была употреблена на пользу общества; онъ указываетъ недостатки и пороки этого общества и обращается къ Екатеринѣ съ словами: „Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенной порочной человѣкъ, видя осмѣваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ

вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первой разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными". Онъ указываетъ автору комедіи „О время" обширное поле для исправленія нравовъ, осмѣянія пороковъ и предразсудковъ; и изъ его пожеланій видно, что сатира, существовавшая тогда въ русской литературѣ, казалась ему еще слишкомъ тѣсна и ничтожна. Онъ даетъ чувствовать и всю трудность своего собственнаго положенія, когда говоритъ императрицѣ: „Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ—исправлять нравы своихъ единоземцевъ". Въ одномъ изъ слѣдующихъ листковъ журнала, онъ представляетъ картину жалкаго положенія литературы, въ которой „годится въ писатели даже онъ, человѣкъ, который россійской грамотѣ учился у дьячка, который и самъ не зналъ никакихъ правилъ, а о грамматикѣ и не слыхивалъ..." Правда, замѣчаетъ онъ, „нѣкоторые ненавистники письмянъ (т. е. литературы) новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе россійскаго языка и правилъ грамматическихъ",—но все это пустяки, замѣчаетъ онъ: „посмотрите только на молодыхъ нашихъ писателей, вы увидите, что они никогда вашимъ не слѣдуютъ правиламъ..." Знаніе русскаго языка, ученіе—все это ненужный вздоръ, по мнѣнію этихъ „молодыхъ писателей", отъ лица которыхъ говоритъ здѣсь авторъ, иронически причисляя себя къ ихъ числу. Онъ также считаетъ знаніе не нужнымъ, и въ этомъ мнѣніи многіе крѣпко его поддерживаютъ, напр., поддерживаютъ „благородные невѣжды, вѣтреные щеголи"—и люди стараго вѣка. „И вы, добрые старички, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: „дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно: науки да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль, одно разоренье!" Дѣтямъ своимъ вы говорите: „рости только великъ, да будь счастливъ, а умъ будетъ. Прекрасное нравоученіе! неоспоримые доводы!" [1]).

Эта глубокая иронія, или „отрицаніе", по нынѣшнему

---

[1]) Стр. 13—14, изд. Ефремова.

способу выраженія, вполнѣ раскрываетъ передъ нами, какъ хорошо понималъ Новиковъ всю ограниченность тогдашняго русскаго просвѣщенія и ничтожество литературы, занимавшейся пустяками, для которыхъ годились даже совсѣмъ безграмотные писатели, какихъ онъ изображаетъ. Онъ чувствовалъ, что литература имѣетъ серьезныя задачи, требующія отъ писателя знаній, таланта, критики; но ничего подобнаго не оказывалось въ русской литературѣ—печальное сознаніе, которое не одинъ разъ повторяется у лучшихъ дѣятелей нашей литературы и повторяется совершенно естественно.

Также мало утѣшительнаго Новиковъ видѣлъ и въ отношеніи самаго общества къ дѣлу просвѣщенія. Рядъ картинъ, которыя онъ проводитъ передъ читателемъ, поражаетъ своей безотрадной правдивостью. Свѣтскій щеголь—типъ екатерининскихъ временъ, едва ли достаточно понятый историками нашей литературы во всемъ его объемѣ—доказываетъ, что ему и безъ наукъ совершенно хорошо, что изъ нихъ, пожалуй, еще стоитъ вниманія стихотворство, потому что иной разъ можетъ придти охота написать (любовную) пѣсенку. „Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я не знаю русскова языка. Покойный батюшка терпѣть его не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ: и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился“ и т. д.,—характеристика тѣхъ избалованныхъ и извращенныхъ людей, которыхъ такъ много бывало въ XVIII-мъ столѣтіи, и которые отличались только совершенной негодностью для служенія обществу и умѣньемъ проживать въ свое удовольствіе огромныя помѣстья.

Образованіе вовсе не нужно и „Худовоспитаннику“, „котораго вся наука въ томъ состоитъ, чтобы умѣть кричать: „пали! коли! руби!“ и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ“. Но безъ науки ему однако не повезло и въ службѣ. „Вмѣсто большаго чина, даютъ ему деньги... Онъ идетъ въ отставку, и говоритъ: достоинства не награждаются! Худовоспитанникъ пріѣзжаетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ

у него и здѣсь никому и никакой пощады"... (стр. 17). Далѣе, науки нисколько не нужны модной щеголихѣ, ненужны Кривосуду и т. д.

Крѣпостной вопросъ выставленъ вообще въ такой рѣзкой формѣ, какъ это рѣдко случалось въ русской литературѣ. Дикіе нравы и своеобразное міровоззрѣніе захолустья изображены въ нѣсколькихъ страницахъ „Писемъ уѣзднаго дворянина къ сыну", съ такой наблюдательностью, которая, по нашему мнѣнію, далеко заслоняетъ комедіи фонъ-Визина, потому что здѣсь картина не испорчена никакой утрировкой. „Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ што великіе затеи. Колокольню строютъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго; статошное ли это дѣло; то дѣлалось по благословенію Патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать. Вѣра-то тогда была покрѣпче, во всемъ другъ мой надѣялись на Бога, а нынче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все это проклятая некресть дѣлаетъ: отъ Нѣмцовъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть во адѣ... Нынче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ Кормчей книгѣ положено за это проклятіе. Нынче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указанныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей ничего не написано... Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ даетъ кладъ; а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери такъ немного прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, до што ты изволишь сдѣлать..." (стр. 93—94),—въ этихъ немногихъ чертахъ читатель видитъ настоящій, неподдѣльный XVIII-й вѣкъ.

Упомянемъ наконецъ переписку съ „пречестнымъ отцомъ Тарасіемъ", который въ письмѣ къ „Живописцу" сѣтуетъ о развращеніи вѣка и замѣчаетъ относительно его самого: „Мы же ничесо же противу тебѣ дерзаемъ рещи, яко и самъ являешися чтити священный чинъ духовный, и весь причетъ церковный. Аще же что возмниши написати во обличеніе иноческаго житія блюди себѣ, да не како..." Живописецъ отвѣчаетъ ему между прочимъ, въ его же тонѣ: „Оле безумія нашего! поучати бо токмо навыкохомъ, а не

поучатися. Всякъ, аще и юнъ сый, дерзновенно укоряетъ брата своего, и затыкаетъ ушеса своя, егда рекутъ ему: ты кто еси, судяй. Возведи, премудрый старецъ, очи твои окрестъ тебя и виждь братію твою. Сѣмо поучаютъ: а гдѣ же поучаются? ондѣ исправляютъ: и гдѣ исправляются? не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающіи. Но блюду себѣ, по словеси твоему, да не како..[1])". Эта небольшая переписка весьма характеристична для опредѣленія понятій Новикова въ этомъ отношеніи, и очень хорошо объясняетъ, почему онъ могъ увлекаться мистицизмомъ, который находилъ онъ въ масонствѣ. Очевидно, что уже съ самаго начала своей дѣятельности онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ относительно религіозной нравственности.

Замѣтимъ, наконецъ, что уже здѣсь Новиковъ съ большимъ интересомъ говоритъ объ обществѣ для печатанія книгъ (стр. 261), уже здѣсь даетъ мѣсто самому рѣшительному отрицанію французской философіи, которую считалъ атеистической и безнравственной. Въ „Живописцѣ" помѣщено довольно туманное описаніе сна (форма, къ которой любили тогда обращаться), гдѣ авторъ описываетъ сначала мудрыхъ людей, заботящихся о здравомъ воспитаніи и восклицаетъ: „Благополучна та страна, гдѣ юношество къ пользѣ государя, ко благосостоянію общества, ко преодолѣнію господствующихъ въ народѣ предразсужденій и къ собственному своему благополучію хорошо воспитывается". Затѣмъ слѣдуетъ любопытное мѣсто, которое мы выпишемъ вполнѣ, потому что оно, кѣмъ бы ни было написано (статья подписана: „отечеству своему всякаго блага желающій Р..."), даетъ довольно ясное понятіе о взглядахъ Новикова на французскую философію, которую онъ, очевидно, смѣшивалъ съ ея отрепьями въ тогдашнемъ русскомъ модномъ воспитаніи:

„По удаленіи моемъ изъ оныхъ садиковъ (гдѣ авторъ видѣлъ образчики мудраго воспитанія), увидѣлъ я въ дали огромные храмы: но лишь только сталъ я приближаться къ одному изъ нихъ, то встрѣтили чрезвычайно ласково какъ меня, такъ и другихъ для богомолія идущихъ людей муд-

[1]) Стр. 129—131.

рецы, которые то французскими, то русскими выраженіями по фисикѣ доказывали, что солнце, луна, звѣзды земля и все вообще строеніе міра могло получить свое бытіе и безъ посредства Божія. Многіе изъ тѣхъ, которые твердо знали французскій языкъ (вспомнимъ, что Новиковъ по-французски не зналъ), принимали доказательства ихъ за справедливыя, и не входя въ храмъ возвращались домой съ сердцами грубыми, памятозлобными и равномѣрно какъ на друзей, такъ и на недруговъ своихъ неугасимою ненавистію пылающими. Другіе, напротивъ того, не слушали мечтательныхъ и богопротивныхъ ихъ доказательствъ, но проходили, оглядываясь на нихъ съ презрѣніемъ, во внутренность храма. Съ сими послѣдними вошелъ и я и, имѣя покорное сердце къ Существу непостижимому для разума человѣческаго, безднами заблужденія окруженнаго, со слезами просилъ его, дабы обратилъ на путь истинный заблудшихъ моихъ согражданъ. Отсюда пошелъ я во слѣдъ за незнакомымъ старикомъ, который, идучи тихо ворчалъ про себя слѣдующее:—Неужели и во всѣхъ государствахъ такіе произрастаютъ отъ наукъ плоды?—Никакъ!—Науки приносятъ обществу великія пользы и связываютъ его самыми крѣпкими узами здраваго разсудка: они учатъ жить добродѣтельно и Богу достодолжное воздавать почтеніе; а что люди, не изслѣдовавъ еще совершенно и того, что всегда у нихъ въ глазахъ, желаютъ знать и сокрытое черною завѣсою отъ слабаго ихъ зрѣнія, тому причиною собственное ихъ безуміе. Такъ, подлинно такъ, продолжалъ онъ, и этой заразы ничѣмъ другимъ предупредить не можно, какъ только частымъ напоминаніемъ молодымъ людямъ того, что кто Бога забываетъ, тотъ вѣрно навлекаетъ на себя праведный его гнѣвъ" (стр. 280—281).

Приведенныя цитаты довольно полно и достаточно ясно выражаютъ общественные и нравственные взгляды Новикова въ эту первую пору. Содержаніе этихъ взглядовъ уже теперь составляютъ вражда къ свѣтской пустотѣ, т. е. отсутствію нравственныхъ интересовъ, пламенное стремленіе къ исправленію общественной несправедливости (и именно къ улучшенію быта крестьянъ), къ разсѣянію „предразсужденій" посредствомъ воспитанія и книгъ, крайняя вражда къ французской философіи, мало, впрочемъ, понимаемой, но

вмѣстѣ и недовольство духовными учителями, неумѣвшими исполнять своей обязанности. Однимъ словомъ, это была съ самаго начала религіозно-гуманная или филантропическая точка зрѣнія, и ей онъ остался вѣренъ до конца. По самому характеру этого человѣка, всѣ эти вопросы становились для него жизненнымъ дѣломъ, а не пустымъ литературнымъ хвастовствомъ или дешевой сатирой,—какъ это слишкомъ часто бывало у его современниковъ. Къ этимъ первоначальнымъ понятіямъ могли привести Новикова его собственная чистая натура и вліяніе идей, уже проникавшихъ въ нашу литературу изъ европейскаго настроенія: если въ литературѣ и въ самыхъ оффиціальныхъ актахъ говорилось уже о благодѣтельности наукъ, о возвышеніи человѣческаго достоинства образованіемъ, объ улучшеніи нравовъ и искорененіи невѣжества, то честно думающій человѣкъ легко могъ вывести изъ этого заключенія, какія мы видимъ въ понятіяхъ Новикова. Отсюда его борьба противъ общественной несправедливости, невѣжества и „предразсужденій". При этомъ онъ не могъ не видѣть всей нелѣпости моднаго образованія на французскій ладъ, которое, кромѣ немногихъ исключеній, конечно было пародіей настоящаго образованія; но, не владѣя хорошенько понятіями этого образованія и будучи самъ человѣкомъ патріархальнаго воспитанія, онъ былъ не въ силахъ понять его настоящаго смысла, и, обличая модныхъ франтовъ, онъ смѣшалъ съ ними и новую французскую литературу, которая, по его мнѣнію, ихъ воспитывала. При своей недоступности для него и при сильномъ противорѣчіи его традиціоннымъ убѣжденіямъ, французская литература и ея идеи легко могли представиться ему чѣмъ-то въ родѣ превышенія власти со стороны разума, выходомъ изъ должнаго повиновенія, легкомысліемъ или дерзостью: изъ того, что онъ слышалъ о французской философіи, Новиковъ заключалъ, что она безбожна, а онъ отличался искренней религіозностью; въ ней представлялся ему одинъ грубый матеріализмъ, когда онъ самъ искалъ возвышеннаго религіозно-нравственнаго идеала.

Въ этомъ исканіи и заключается объясненіе его внутренняго развитія. Человѣкъ, отдавшійся подобной идеѣ, естественно становился сатирикомъ въ своемъ отношеніи къ общественной дѣйствительности и мистикомъ, когда ему

надо было рѣшать внутренніе личные вопросы. Новиковъ былъ и тѣмъ и другимъ безъ всякой „перемѣны направленія“.

Какъ человѣкъ патріархальный, какъ человѣкъ положительно незнакомый съ лучшими успѣхами тогдашняго знанія и неприготовленный къ принятію научныхъ истинъ, онъ долженъ былъ искать идеала мистическаго; онъ не способенъ былъ ни къ модному невѣрію или индифферентизму, потому что искалъ нравственнаго удовлетворенія, а для невѣрія не видѣлъ и достаточныхъ основаній; съ другой стороны его не удовлетворялъ и корреспондентъ его Тарасій,—и потому съ этой стороны онъ былъ вполнѣ открытъ новымъ вліяніямъ, которыя могли затронуть бы въ немъ эту струну. Такія вліянія явились, и онъ сдѣлался масономъ.

Масонство, прежде всего, давало ему мистическую религіозность, которая казалась ему широкой, потому что открывала далекія перспективы знаній таинственныхъ и оттого еще особенно привлекательныхъ,—и вмѣстѣ нравственный кодексъ, отвѣчавшій его давнишнимъ стремленіямъ: эта новая религіозность казалась ему выше традиціонныхъ понятій и нравовъ; а въ нравственномъ кодексѣ масонства онъ именно встрѣчалъ уваженіе къ человѣческому достоинству, взаимную любовь и помощь, призывы къ совершенствованію и освобожденіе отъ мелочей и грязи жизни. То „истинное“ масонство, которому Новиковъ хотѣлъ собственно слѣдовать, удовлетворяло его и тѣмъ, что совершенно отстраняловсякіе политическіе вопросы, отъ которыхъ онъ положительно уклонялся; религіозная терпимость масонства оставляла ему спокойную совѣсть относительно его православныхъ обязательствъ и, вѣроятно, казалась ему вещью, достойной возвышеннаго значенія религіи; національная и сословная терпимость ордена, нравственная равноправность людей была дѣломъ просвѣщенныхъ понятій, къ которымъ онъ издавна былъ склоненъ, —вспомнимъ, напримѣръ, его обращенія къ автору комедіи: „О время“ и его постоянную мысль объ угнетенныхъ классахъ. Наконецъ, онъ находилъ въ масонствѣ и подтвержденіе своихъ враждебныхъ отношеній къ свободному мышленію: религіозность масонскихъ ложъ, уже въ самомъ началѣ оттѣненная мистицизмомъ, въ его время уже сильно заражена была мистическими элементами; ретроградныя политическія ин-

триги, овладѣвавшія орденомъ, оставляли ретроградный слѣдъ и въ самыхъ теоретическихъ воззрѣніяхъ масонства, и въ этой формѣ масонство становилось положительно враждебно просвѣтительнымъ стремленіямъ: таковъ былъ мартинизмъ и, всего больше, розенкрейцерство; въ меньшей степени, таковы же были и всѣ предшествовавшія мистическія формы масонства, съ которыми былъ знакомъ Новиковъ,—и потому онъ былъ удовлетворенъ масонствомъ и съ этой стороны.

Такимъ образомъ, вступленіе въ орденъ не было для Новикова отказомъ ни отъ какого изъ основныхъ его убѣжденій; скорѣе напротивъ, это было полное завершеніе ихъ, утвержденіе ихъ въ прочное, положительное ученіе. Ново было здѣсь только то, что масонство выводило его на опредѣленную общественную дѣятельность, гдѣ онъ съ рѣшимостью, какой не было у другихъ, взялъ на себя иниціативу дѣла.

Новиковъ въ первый разъ вошелъ въ ложу еще въ 1775 году. Съ этого времени его издательская дѣятельность (журналъ „Утренній Свѣтъ") принимаетъ мистическо-религіозный характеръ, и онъ начинаетъ свое филантропическое поприще основаніемъ двухъ училищъ для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Въ началѣ 1779 года, убѣжденный своими московскими друзьями-масонами, кн. Трубецкимъ и Херасковымъ, онъ переселяется въ Москву, гдѣ Херасковъ, одинъ изъ кураторовъ университета, предложилъ ему снять университетскую типографію. Новиковъ дѣйствительно снялъ ее, и съ того же года началась его московская издательская дѣятельность, которая уже вскорѣ приняла весьма обширные размѣры, въ русской литературѣ еще невиданные до тѣхъ поръ, и была рѣшительно проникнута масонскими тенденціями. Въ то же время Новиковъ встрѣтился съ Шварцемъ. Это была одна изъ самыхъ привлекательныхъ и интересныхъ личностей всего русскаго масонства,—сильный мистикъ, но еще болѣе, кажется, энергическій филантропъ и ревнитель просвѣщенія; правда, Шварцъ также понималъ просвѣщеніе въ мистическомъ смыслѣ, но онъ отличался отъ Новикова и другихъ своихъ друзей элементомъ ученаго образованія, который, безъ сомнѣнія, и сообщалъ въ значительной степени Дружескому Обществу его лучшія просвѣтительныя

черты. Новые друзья стали дѣйствовать въ одномъ направленіи и для одной цѣли: нѣкоторая разница въ понятіяхъ и, можетъ быть, также во взглядахъ на формы масонскаго мистицизма не мѣшала ихъ дружной дѣятельности. Шварцъ, вѣроятно, не безъ ближайшаго содѣйствія Новикова, основываетъ учительскую или Педагогическую семинарію, которая, между прочимъ, приготовляла и литературныхъ исполнителей для масонскихъ изданій. Рядомъ съ этимъ, начинаются и неблагопріятныя обстоятельства и предзнаменованія: императрица Екатерина уже находила въ масонскихъ дѣлахъ поводы къ неудовольствію и подозрѣніямъ,—но на первое время московскій кружокъ стоялъ еще внѣ этихъ подозрѣній и продолжалъ свои предпріятія. Въ началѣ 1781 года масонскій кружокъ основалъ въ Москвѣ Дружеское Ученое Общество: это были, прежде всего, Новиковъ и Шварцъ, затѣмъ двое князей Трубецкихъ, кн. Черкасскій, Херасковъ, Татищевъ, Чулковъ, Тургеневъ, Кутузовъ и братъ Новикова; впослѣдствіи сюда вошли всѣ дѣятельные московскіе масоны. Въ слѣдующемъ году Дружеское Общество открыто было оффиціально и публично, съ разрѣшенія московскаго главнокомандующаго, гр. Чернышева, и съ благословенія митрополита Платона. Къ прежнимъ учрежденіямъ прибавилась Переводческая семинарія при университетѣ, служившая для переводныхъ масонскихъ изданій Новикова. Гр. Чернышевъ, самъ не чуждый масонства, былъ расположенъ къ людямъ и предпріятіямъ этого кружка очень благосклонно. Засѣданія общества происходили публично и привлекали многочисленныхъ посѣтителей; общество мало-по-малу расширяло кругъ своихъ дѣйствій. Поѣздка Шварца за границу (1781—82 г.г.) и сношенія съ нѣмецкими масонскими центрами, доставляли московскому масонству этого кружка самостоятельное положеніе орденской провинціи, что, при настроеніи кружка, дало ему еще больше нравственной увѣренности. Прежнія исканія русскаго масонства не приводили къ желанному результату: ни Елагинская, ни шведская система кн. Гагарина не могли установить прочности масонскаго ученія и учрежденій. Теперь московскіе ревнители думали, что нашли источникъ тайнъ, верховныхъ учителей и начальниковъ „ордена“. Это еще усилило ихъ увѣренность и предпріимчивость.

Указъ 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ доставилъ имъ новыя средства: Новиковъ стѣснялся пользоваться университетской типографіей для своихъ чисто масонскихъ изданій, а потому, тотчасъ послѣ указа, основаны были двѣ частныя типографіи Новиковымъ и Лопухинымъ, откуда, главнымъ образомъ, и выходили спеціально масонскія изданія. Къ этому они присоединили еще тайную типографію, гдѣ издано было нѣсколько, впрочемъ, немного, книгъ, которыя предназначались, собственно, для избраннаго масонскаго кружка и которыя впослѣдствіи послужили однимъ изъ главныхъ формальныхъ обвиненій противъ Новикова.

Въ началѣ 1784 г. умеръ профессоръ Шварцъ, еще молодымъ человѣкомъ, 33 лѣтъ. Это была существенная потеря для масонскаго дѣла, потому что Шварцъ былъ чрезвычайно ревностный, вѣроятно, самый талантливый и, навѣрное, самый ученый изъ всего Дружескаго Общества. Но дѣла Общества продолжали процвѣтать. Рядомъ съ Дружескимъ Обществомъ появляется и, мало - по - малу, замѣняетъ его, Типографическая Компанія, учрежденная въ 1784 году формальнымъ образомъ между главными членами московскаго масонства, въ видѣ коммерческаго предпріятія, въ средства котораго вошли капиталы, внесенные разными членами (до 60.000 руб.) и также цѣлый огромный запасъ изданій Новикова. Въ то же время поддерживались разныя филантропическія заведенія кружка, школы, больницы и т. п.

Съ 1785 г. стали обнаруживаться неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства. Чернышевъ умеръ; мѣсто его, въ званіи главнокомандующаго, занялъ Брюсъ, человѣкъ суровый и мало расположенный къ филантропіи. Какъ бываетъ очень часто, Брюсъ сталъ дѣйствовать наперекоръ тому, что дѣлалъ его предшественникъ, и началъ притѣснять масоновъ,— или мартинистовъ, какъ ихъ тогда чаще (хотя, какъ увидимъ, невѣрно) называли,—которымъ Чернышевъ покровительствовалъ. Около этого времени въ Баваріи поднятъ былъ іезуитами процессъ противъ появившагося тогда ордена иллюминатовъ, и преслѣдованіе этого ордена (такого же тайнаго, какъ масонство, но задуманнаго въ просвѣтительномъ смыслѣ и потому ославленнаго масонскими іезуитами нѣмецкихъ ложъ за разбойничій вертепъ), о которомъ

тогда много говорили, вѣроятно, не мало содѣйствовало успѣху наговоровъ Брюса и другихъ недоброжелателей московскаго масонства, — хотя эти московскіе масоны были, по своимъ политическимъ понятіямъ, совершенные агнцы, и иллюминатовъ считали злодѣями рода человѣческаго и своего ордена. У насъ этого не понимали или не хотѣли понимать. Одно обстоятельство въ особенности повредило московскому кружку. Императрица стала подозрѣвать московскихъ масоновъ въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, который, какъ было извѣстно, имѣлъ расположеніе къ масонскому ордену. На дѣлѣ, эти сношенія были рѣдки, и ограничивались, кажется, поднесеніемъ великому князю двухъ-трехъ масонскихъ изданій умозрительно-мистическаго содержанія. Но, какъ бы то ни было, со второй половины 1785 года начинаются все болѣе и болѣе возрастающія строгости противъ „мартинистовъ".

Главнѣйшіе факты этого преслѣдованія были слѣдующіе. Въ 1785 г. велѣно было Брюсу составить роспись книгамъ, изданнымъ у Новикова, а митрополиту Платону „испытать Новикова въ законѣ Божіемъ" и разсмотрѣть новиковскія изданія. Отзывъ Платона (январь, 1786) говорилъ съ высокимъ уваженіемъ о христіанскихъ качествахъ Новикова и одобрялъ почти всѣ книги, изданныя Новиковымъ, — (преимущественно религіозно-нравственныя, въ числѣ которыхъ были и сочиненія самого Платона) — Платонъ отозвался непониманіемъ масонско-мистическихъ книгъ, и сильно осуждалъ нѣсколько сочиненій, „гнусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ", которыя вышли также въ числѣ другихъ изъ типографіи Новикова, и потомъ, однако, не были поставлены ему въ вину [1]). Впрочемъ, обвиненіе было уже высказано впередъ въ новомъ указѣ (отъ 23 января 1786 г.), присланномъ еще до полученія донесеній Платона, гдѣ повелѣвалось объявить Новикову, что типографіи заведены для печатанія полезныхъ книгъ, а не сочиненій, „наполненныхъ новымъ расколомъ (т. е. масонствомъ) для обмана и уловленія невѣждъ"; въ другомъ указѣ, присланномъ отъ того же 23 января, повелѣвалось также имѣть надзоръ за

---

[1]) Ср. Лонгин., стр. 035—036. Списокъ книгъ, показавшихся „сумнительными" и опасными митр. Платону, весьма достопримѣчателенъ.

школами и осмотрѣть больницу, заведенную въ Москвѣ людьми, составляющими „скопище извѣстнаго новаго раскола“. Въ томъ же 1786 г., является новая мѣра, хотя и общая, но, главнымъ образомъ, направленная противъ Новикова; велѣно было отобрать изъ книжныхъ лавокъ всѣ книги, „до святости (т. е. до религіи) касающіяся“ и напечатанныя не въ синодальной типографіи. Самая крупная цифра книгъ, отобранныхъ по этому указу, приходилась на долю новиковскихъ изданій; многое, вѣроятно, было сожжено: впрочемъ, важнѣйшія изъ масонскихъ книгъ, изданныхъ въ тайной типографіи, уцѣлѣли отъ обоихъ осмотровъ; отъ перваго они ускользнули, потому что были спрятаны особо, а затѣмъ онѣ были перевезены въ деревню князя Черкасскаго. Этотъ послѣдній ударъ былъ опять очень тяжелъ; онъ, уже окончательно, отнималъ у масоновъ возможность продолжать свое дѣло въ прежнемъ направленіи: книги религіозныя или касавшіяся до „святости“ составляли главный отдѣлъ въ ихъ изданіяхъ и главное средство для распространенія дорогихъ имъ мистическихъ идей. Но Типографическая Компанія не могла бросить книжныхъ предпріятій: они были начаты слишкомъ широко, интересы были слишкомъ далеко заведены и спутаны, чтобы можно было ликвидировать дѣла, — тѣмъ болѣе еще, что ликвидація должна была быть крайне убыточной, когда предпріятіе главнымъ образомъ держалось именно тѣмъ, что стало теперь чистой невозможностью. Такимъ образомъ, дѣло продолжалось. Новиковъ, въ 1788—89 г., жилъ уже почти постоянно въ своей деревнѣ, но все еще управлялъ дѣлами Компаніи, и послѣ мѣропріятія 1787 г. опять обратился къ тѣмъ историческимъ и археологическимъ изданіямъ, какія были первымъ предметомъ его издательскихъ предпріятій. Въ этой новой исторической серіи является второе, значительно распространенное изданіе „Вивліоѳики“, „Дѣянія Петра Великаго“ Голикова, „Лѣтопись о мятежахъ“, и пр., изданія, которыя еще до недавняго времени были необходимыми книгами для людей, занимавшихся русскою исторіей. Въ 1788 г., вѣроятно, по какимъ-нибудь новымъ доносамъ на Новикова, императрица запретила вновь отдавать ему университетскую типографію по истеченіи срока его аренды въ 1789 году. Эта новая аренда, конечно, и не состоялась:

Новиковъ простился со своими читателями въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и кончилъ дѣла съ университетомъ. Недолго продолжалась и Типографическая Компанія. Обстоятельства становились все тяжелѣе; событія французской революціи отразились паникой и при русскомъ дворѣ, какъ намъ ни странно теперь читать, что въ то время въ Россіи могли быть какія - нибудь опасенія подобнаго рода. Но тутъ же случилось „дѣло Радищева“,—какъ извѣстно, совершенно одинокаго мечтателя, который былъ простосердеченъ до того, что находилъ въ это время возможнымъ печатать книгу вродѣ своего „Путешествія“. Императрица сочла его за „мартиниста“, тогда какъ это былъ человѣкъ, образовавшійся по просвѣтительной литературѣ того времени. Въ Москву назначенъ былъ между тѣмъ новый главнокомандующій Прозоровскій, старый фрунтовой генералъ, видѣвшій всю политическую мудрость въ строжайшей дисциплинѣ, человѣкъ надменный по характеру, ограниченный по уму и плохо образованный, о назначеніи котораго Потемкинъ писалъ императрицѣ такъ: „Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества“ [1]). Нечего и говорить, что опять это былъ недругъ масонскаго кружка. Новиковъ и его друзья остались безъ покровителей: прежніе сотрудники императрицы, свидѣтели лучшихъ лѣтъ ея царствованія, Панины, Чернышевъ, Бибиковъ, гр. Орловъ, Тепловъ, Олсуфьевъ, и др. уже не существовали въ это время, и общество Новикова не могло имѣть съ этой стороны помощи, какую могло бы имѣть прежде. Въ 1791 г. Типографическая Компанія, наконецъ, закрылась подъ давленіемъ обстоятельствъ, за невозможностью дѣлать что-нибудь при столь неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ и подъ тяжелыми и крайне несправедливыми подозрѣніями. Въ этомъ году императрица уже думала объ арестѣ Новикова и послала въ Москву графа Безбородко изслѣдовать положеніе дѣла, давъ ему полномочіе арестовать Новикова, если найдетъ къ этому основаніе. Безбородко, очевидно, не же-

---

[1]) Лонгин., стр. 301.

малъ брать на себя дѣло, казавшееся ему несправедливымъ, и не воспользовался своимъ полномочіемъ, къ большой досадѣ Прозоровскаго. Но это не надолго отсрочило развязку. Въ 1792 г. она совершилась. Назначено было слѣдствіе о дѣйствіяхъ Новикова и его товарищей: онъ былъ внезапно арестованъ и вскорѣ отправленъ подъ конвоемъ въ Шлиссельбургъ, на допросы къ Шешковскому; его захваченныя бумаги разбиралъ въ Москвѣ кн. Прозоровскій, и важнѣйшее изъ нихъ отослалъ въ Петербургъ. Въ бумагахъ нашелся документъ, рѣшившій судьбу Новикова: это была записка извѣстнаго тогда архитектора Баженова о разговорахъ его съ в. кн. Павломъ Петровичемъ, къ которому онъ былъ нѣсколько близокъ. Баженовъ, который былъ въ связяхъ съ Новиковскимъ кружкомъ, раза два-три представлялъ в. князю нѣсколько масонскихъ изданій, что было обыкновеннымъ подношеніемъ для пріобрѣтенія нѣкоторой благосклонности, и притомъ выполняемымъ съ великой осторожностью, конечно, по извѣстнымъ отношеніямъ императрицы къ вел. князю. Баженовъ передавалъ въ особыхъ запискахъ свои разговоры съ Павломъ Петровичемъ и, повидимому, сильно прикрашивалъ ихъ въ смыслѣ масонскихъ желаній. Но въ послѣдній разъ (это былъ, кажется, третій) в. князь отозвался даже о масонахъ очень недружелюбно. По всему судя, разговоры были совершенно незначительные, и когда императрица, получивъ записку Баженова (переписанную и слегка исправленную или сокращенную въ копіи), показала ее Павлу Петровичу, ему легко было отклонить всякое подозрѣніе о какихъ-нибудь связяхъ съ „мартинистами" одной коротенькой, пренебрежительной запиской, которою Екатерина, повидимому, совершенно убѣдилась [1]). Но времена были таковы, что легкой тѣни подозрѣнія, что масоны желали завлечь въ свой кругъ великаго князя, было довольно, чтобы видѣть въ Новиковѣ величайшаго преступника, мало того, чтобы онъ самъ, со всякими заклятіями, также призналъ себя такимъ преступникомъ. Онъ безъ суда былъ заключенъ на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; при немъ позволено было

[1]) Показаніе Новикова на 21-й вопросный пунктъ, въ Сборн. Русск. Истор. Общ., II, 117—123. Пекар. Дополн., стр. 134.

находиться только одному изъ его молодыхъ друзей. Это было въ 1792 г. Книги, захваченныя у Новикова, подверглись новымъ пересмотрамъ, результатомъ которыхъ было то, что изъ принадлежавшихъ ему книгъ 1964 отданы были въ Духовную Академію, 5194—въ университетъ, а 18656—было сожжено [1]). Но въ 1796 году воцарился Павелъ I, и Новиковъ былъ тотчасъ освобожденъ. Онъ прожилъ еще въ своемъ деревенскомъ уединеніи до 1818 года и умеръ 74 лѣтъ.

Таковы общія черты этой исторіи. Мы сообщимъ дальше нѣкоторыя подробности „дѣла Новикова", которое составляетъ такой печальный и, къ сожалѣнію, такой характеристическій эпизодъ въ исторіи русскаго образованія.

Въ изслѣдованіи о подобномъ предметѣ передъ нами являются вопросы: какимъ образомъ въ русскомъ обществѣ, столь мало развитомъ и только что разбуженномъ реформой, еще съ половины прошлаго столѣтія могло начаться движеніе, которое пріобрѣтаетъ при Новиковѣ такіе обширные размѣры? Какой былъ смыслъ этого движенія, что привлекало къ нему людей русскаго общества и привязывало къ нему? Какіе были его результаты и какіе могли бы явиться еще, если бы оно не было прервано? Вообще, къ какому роду общественной дѣятельности принадлежали стремленія Новикова и были ли они, въ цѣломъ, полезны или вредны?

Это—существенные вопросы, на которыхъ долженъ остановиться изслѣдователь, желающій опредѣлить значеніе Новикова и примкнувшаго къ нему общественнаго кружка. Мы привыкли уважать имя Новикова, несомнѣнно и заслуживающее большого уваженія, но исторически мы еще не опредѣлили, въ чемъ же состоитъ заслуга Новикова, гдѣ ея сущность и гдѣ ея границы, потому что она имѣетъ свои очень необходимыя границы. Принципъ, которому служилъ Новиковъ, нельзя принимать на слово: этимъ принципомъ, въ концѣ концовъ, сталъ мистицизмъ. Онъ имѣлъ у насъ свою благопріятную сторону въ литературныхъ и филантропическихъ трудахъ Новикова и свою зловредную и позорную сторону въ подвигахъ Магницкаго и ему подоб-

---

[1]) Лѣтоп. Тихонр., V, II, стр. 10.

ныхъ: самая дѣятельность Новикова имѣла стороны, гдѣ она перестаетъ внушать сочувствіе и дальнѣйшее развитіе которыхъ могло уклонить на вредную дорогу наше общественное образованіе. Далѣе, извѣстные вкусы и понятія, когда они доходятъ до размѣровъ общественнаго направленія, какъ это было въ масонствѣ Новиковскаго кружка, не могутъ быть приписываемы ни модѣ, ни личному вліянію одного человѣка, увлекающаго другихъ своею энергіею и талантомъ: для того, чтобы образовалось такое направленіе, нужны болѣе обширныя причины, нужно, чтобы общественное настроеніе было къ нему способно, могло дать ему пищу и опору. Такимъ образомъ, вопросъ о Новиковѣ, какъ замѣчательнѣйшемъ представителѣ масонскаго движенія въ его время, сводится къ цѣлому вопросу о состояніи русскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка.

Новиковъ, убѣжденный своими друзьями, вступилъ въ масонство въ 1775 году, въ одну изъ петербургскихъ ложъ Елагинской системы. Къ этой порѣ особеннаго оживленія русскаго масонства оно стало больше и больше вступать въ отношенія съ нѣмецкими ложами и, наконецъ, къ тому времени, когда начинается ревностная масонская дѣятельность Новикова, оно окончательно подпало нѣмецкимъ вліяніямъ, и усвоило себѣ тѣ крайности масонскихъ тайноученій, которыя господствовали въ то время въ нѣмецкихъ ложахъ. Мы постараемся дальше показать, что это происходило очень послѣдовательно. Какъ скоро наши масоны стали на дорогу таинственныхъ ученій, они, естественно, должны были стремиться къ тому, чтобы сколько можно полнѣе овладѣть этими ученіями. Сношенія съ англійскими ложами были рѣдки, да и мало удовлетворяли нашихъ масоновъ по части мистическихъ секретовъ; между тѣмъ, до нихъ доходили слухи о другихъ „системахъ“, будто бы обладающихъ глубокими тайными знаніями. Это еще больше раздражало возбужденное воображеніе, и у нашихъ масоновъ являлось понятное желаніе опредѣлить свое положеніе между этими различными системами и выбрать себѣ между ними наиболѣе надежное руководство. По мѣрѣ того, какъ усиливались ихъ ожиданія, возрастали въ нихъ довѣрчивость и легковѣріе, и, наконецъ, они остановились на той формѣ масонства, которая съ наибольшимъ мистическимъ

фанатизмомъ или съ наибольшею наглостію выдавала ихъ за непреложную и единственную истину.

Новиковъ не удовлетворялся Елагинскими ложами, въ которыхъ было мало ученія, былъ предубѣжденъ противъ „строгаго наблюденія“, которому приписывались скрытыя политическія цѣли,—при его основаніи и дѣйствительно существовавшія. Но эта осторожность не избавила Новикова отъ заблужденій другого рода. Въ Москвѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1779 г., Новиковъ, послѣ новыхъ исканій масонской тайны и новыхъ недоумѣній и волненій, сдѣлался, наконецъ, розенкрейцеромъ, — послѣдователемъ одной изъ самыхъ шарлатанскихъ и нелѣпыхъ системъ нѣмецкаго масонства. Это розенкрейцерство и наполнило всѣ самые дѣятельные годы его, весь московскій періодъ его жизни, и Новиковъ остался, кажется, ему вѣренъ до послѣднихъ дней.

Въ наше время не трудно видѣть, гдѣ было больше правды, какое изъ двухъ направленій тогдашней мысли ближе подходило къ истиннымъ путямъ человѣческаго развитія,—идеи тогдашняго „просвѣщенія“ (какъ ни были онѣ преувеличенны) или необузданное фантазерство и обскурантизмъ мистиковъ. Новиковъ впалъ въ печальное и вредное заблужденіе, но мы знаемъ его, однако, за человѣка, глубоко преданнаго интересамъ человѣческой мысли, и потому его заблужденіе становится знакомъ времени, тѣмъ болѣе, что это заблужденіе раздѣляли и много другихъ людей, достойныхъ уваженія по своимъ нравственнымъ качествамъ. Масонство было для этихъ людей исканіемъ тайнъ о божествѣ, природѣ и человѣкѣ, и его успѣхъ показываетъ какъ то, что въ обществѣ дѣйствительно были пламенныя стремленія къ разрѣшенію представлявшихся ему нравственныхъ и общественнныхъ вопросовъ, такъ и полную безпомощность этихъ людей.—Роль нашего масонства была особенно печальна въ этомъ отношеніи. Въ Англіи насъ всего меньше поражаетъ эта несообразность средневѣковаго фантастическаго братства среди XVIII-го вѣка, послѣ Бэкона, Ньютона, Локка, Толанда и другихъ свободныхъ мыслителей: англійское масонство было своимъ, туземнымъ произведеніемъ, держалось въ жизни на тѣхъ же правахъ, на какихъ держится въ Англіи столько другихъ остатковъ отъ среднихъ вѣковъ, и притомъ, главное,

оживлено было новыми религіозно-нравственными воззрѣніями. Во Франціи и Германіи орденъ былъ поставленъ уже иначе; но въ Германіи онъ нашелъ, однако, подготовленную почву и могъ установиться, хотя и получилъ новую окраску и едва ли не въ большинствѣ понизился въ уровнѣ своихъ первоначальныхъ идей. Правда, здѣсь начинаются уже нелѣпыя и вредныя злоупотребленія мистицизма, доходившія до сумасбродства, но, съ другой стороны, эти вещи имѣли свой противовѣсъ въ разумномъ прогрессѣ. Во Франціи масонская мистика никогда не поднималась до сильнаго вліянія въ обществѣ; въ Германіи, которая оказала наиболѣе сильное вліяніе на броженіе умовъ въ Россіи, рядомъ съ крайностями піэтизма и мистическаго масонства, уже дѣйствовали раціоналисты и „просвѣтители“; начинали свое поприще Шиллеръ и Гёте, полагались основанія Кантовой философіи. Даже оставаясь въ чисто масонской средѣ, наши масоны, если бы были нѣсколько серьезны, уже и въ то время могли бы найти себѣ лучшихъ руководителей; потому что къ періоду 1780—90-хъ годовъ, въ Германіи, въ самыхъ ложахъ и въ масонской литературѣ, уже развилась сильная реакція противъ мистическаго обскурантизма. Въ 1778 г., Лессингъ издалъ свои замѣчательныя „Разговоры для масоновъ“ (Gespräche für Freimaurer), гдѣ онъ думалъ осмыслить масонство широкой идеей о служеніи дѣлу общаго счастья, идеей терпимости и братскаго облегченія общественныхъ тягостей и неравенствъ. Въ то же время обнаруживается различнымъ образомъ стремленіе къ совершенному преобразованію искажавшагося „ордена“: къ періоду 1780—90 г.г. относятся и попытки иллюминатовъ, усилія Николаи, Боде, литературная и масонская дѣятельность Гердера, стремленія Эклектическаго Союза; въ концѣ столѣтія начинаются и реформаторскіе труды Шрёдера, Фесслера, вскорѣ начинаются и научныя историческія попытки разъясненія масонства.

Совсѣмъ иное положеніе было у насъ: образованіе еще только дѣлало свои первые шаги, и люди, искавшіе разрѣшенія своихъ нравственныхъ недоумѣній, впадали въ мистицизмъ, даже не имѣя почти возможности выбора, и никакого критеріума, по которому они могли бы установить свои понятія. И мы едва ли, напр., имѣемъ большое право обви-

нять Новикова за то, что онъ, повидимому, такъ легко обошелся безъ критики: эта критика не всякому была по силамъ, для нея требовалась извѣстная подготовленность мысли, извѣстная степень настоящихъ знаній, а отсутствіе этихъ знаній было общимъ свойствомъ и недостаткомъ цѣлаго времени. Гдѣ было Новикову учиться у раціоналистовъ или у Лессинга, когда эти раціоналисты, этотъ Лессингъ и до сихъ поръ недоступны вполнѣ русской литературѣ; когда въ самомъ образованномъ классѣ нашего общества до сихъ поръ, — черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Новикову приходилось принимать свое рѣшеніе, —большинство не въ силахъ уразумѣть точки зрѣнія Лессинга? Но все-таки, скажутъ на это, Новиковъ былъ черезъ мѣру легкомысленъ и легковѣренъ, когда довѣрялся розенкрейцерству, которое, кромѣ обскурантизма, рекомендовало еще только безсмысленную алхимію, добываніе философскаго камня и прочій кабалистическій вздоръ, о которомъ странно говорить... Но припадки подобнаго легкомыслія были болѣзнью вѣка. Это было время европейской знаменитости графа Сенъ-Жермена, Каліостро, іезуитскихъ чудотворцевъ, время Сенъ-Мартена, Сведенборга, масонскихъ вызывателей духовъ и проч., которые находили себѣ вѣру въ европейскомъ образованномъ обществѣ. Это легкомысліе мы встрѣтимъ и въ знаменитостяхъ тогдашняго литературнаго міра. Новиковъ могъ вѣрить въ алхимію и магію, когда Лафатеръ, европейская знаменитость, чудо философскаго глубокомыслія, передъ которымъ преклонялся образованный свѣтъ Европы, когда этотъ Лафатеръ вѣрилъ во всякій безсмысленный метафизическій вздоръ, вѣрилъ въ патера Гаснера и Каліостро, писалъ сантиментальныя посланія къ одному и говорилъ комплименты второму, который надъ нимъ же смѣялся. И однако же Лафатеръ имѣлъ передъ собой всѣ средства знанія и критики, и могъ бы научиться въ этихъ вещахъ здравому смыслу... Не забудемъ, наконецъ, другой стороны масонства, которая сохранялась въ его уставахъ при всѣхъ его отклоненіяхъ въ теософію и мистику: это—братская любовь къ людямъ. Между масонами были люди, искренно понимавшіе эту сторону своего ученія, способные къ глубокому убѣжденію, готовые служить общественному благу,— и для этихъ людей принципъ нравственнаго закона и чело-

вѣколюбія долженъ былъ получать особенную силу и могъ доставлять имъ полное нравственное удовлетвореніе. Новиковъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу этихъ убѣжденныхъ людей: таковы были и друзья его Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ и, вѣроятно, еще многіе другіе, о которыхъ мы мало знаемъ, чтобы сказать это о нихъ столь же утвердительно.

Исторія обращенія Новикова въ масонство, разсказанная имъ самимъ съ очевидной искренностью въ слѣдственныхъ показаніяхъ, представляетъ именно и эту безпомощность мысли и познаній, и горячее стремленіе узнать истину и настоящій путь къ полезной дѣятельности, а въ то же время и боязливыя опасенія навлечь какое-нибудь неудовольствіе властей. Онъ знаетъ свое время—и потому крайне опасается всего „политическаго“ и всячески отъ него удаляется, онъ радъ, когда узнаетъ, что въ „истинномъ“ масонствѣ дѣйствительно нѣтъ политическаго, что оно имѣетъ только нравственныя цѣли.

Вступая, наконецъ, въ масонство, онъ уступилъ убѣжденіямъ своихъ друзей, которые, по всей вѣроятности, желали имѣть его въ орденѣ, какъ человѣка умнаго и съ энергіей, который не остался бы только зрителемъ. Онъ сдѣлался членомъ общества въ ту смутную его пору, когда оно доискивалось источника знаній, которыхъ у него недоставало. Новиковъ колебался, и впослѣдствіи говоритъ о борьбѣ, которая тогда совершалась въ нѣмъ: „Находясь на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество“ [1]), т. е. въ масонство. На него подѣйствовало то, что онъ слышалъ о возвышенныхъ цѣляхъ ордена, но все-таки онъ хотѣлъ сначала увѣриться въ дѣлѣ и вступилъ въ масонство только на условіяхъ: „чтобы не дѣлать никакой присяги и обязательства, чтобы мнѣ открыть три первые градуса напередъ, и если я найду что противное совѣсти, то чтобы меня не считать въ числѣ масоновъ“ [2]),—что и было сдѣлано по его желанію. Вступивши

---

[1]) Лонгин. стр., 99.
[2]) Тамъ же, стр. 074.

въ орденъ, онъ, вѣроятно, нѣсколько успокоился относительно его смысла и цѣлей: вскорѣ онъ вошелъ окончательно въ дѣло и сталъ посѣщать ложи. Но тогдашнее положеніе масонства не удовлетворяло его: ложи производили на него такое же впечатлѣніе, какъ нѣкогда на Елагина, потому что „въ собраніяхъ почти играли масонствомъ, какъ игрушкою, ужинали и веселились, и хотя въ ложахъ и дѣлались изъясненія по градусамъ (т. е. смотря по разнымъ степенямъ масонства) на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты“ [1]). Неясность толкованій таинственнаго и высокаго предмета только раздражала любопытство. Новиковъ искренно желалъ „основать“ на чемъ-нибудь свое душевное спокойствіе, и вскорѣ онъ увлекается въ мудреные поиски за „истиннымъ“ масонствомъ. Понятно, что онъ долго его не находилъ, и что затронутая фантазія искала такихъ формъ масонства, въ которыхъ были бы признаки высшей мудрости; онъ дѣйстовалъ даже не безъ критики и отвергалъ многія системы, которыя имѣли успѣхъ въ русскомъ обществѣ. „Елагинская система“ не удовлетворяла его по ограниченности тайныхъ знаній; „стриктъ-обсерванскіе градусы“, т. е. тампліерство, казались ему подозрительны политически; французское масонство онъ считаетъ за „глупую игру и дурачество“;—но онъ слышитъ въ то же время, что тамъ-то есть „старое масонство“, и снова волнуется и ищетъ. Политическія тенденціи онъ отвергаетъ совершенно; онъ удаляется отъ „строгаго наблюденія“ и впослѣдствіи всѣми силами оберегается отъ иллюминатовъ, которые, по словамъ его, „суть истинные и злѣйшіе враги масонскаго ордена“ и могутъ почитаться „злодѣями человѣческаго рода“. Въ слѣдственныхъ отвѣтахъ Новикова остались, несомнѣнно, правдивыя черты его тогдашняго настроенія, когда онъ съ тревожною любознательностью искалъ разрѣшенія задачи: трогательныя черты этой внутренней борьбы странно поражаютъ насъ, когда мы вспомнимъ, въ какой обстановкѣ приходилось Новикову писать свои признанія, кто принималъ эти признанія, какъ писавшему приходилось сдерживать ощущенія, невольно имъ овла-

[1]) Лонгин., стр. 075.

дѣвавшія при воспоминаніяхъ, — чтобы не сказать лишняго слова... Вотъ, напримѣръ, разговоръ его съ упомянутымъ выше барономъ Рейхелемъ, отъ котораго Новиковъ, въ первое время своего масонства, доспрашивается сущности ордена: „Въ сіе время бывъ однажды у барона Рейхеля и разговаривая черезъ переводчика (Новиковъ не зналъ по-нѣмецки), не помню кто былъ, о всѣхъ раздѣленіяхъ и разныхъ партіяхъ въ масонствѣ, спросилъ я у него въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: Я не прошу васъ о вышнихъ градусахъ, ниже о изъясненіи масонства, потому что я рѣшился терпѣливо ожидать, упражняясь, сколько могу, въ нравственности, самопознаніи и исправленіи себя, но прошу васъ, дайте признакъ мнѣ такой, по которому я могъ бы безошибочно узнать истинное масонство отъ ложнаго, чтобы нехотя не зайти въ ложное; что я по сему признаку вѣрно слѣдовать буду, — но что ежели онъ мнѣ дастъ несправедливый, то онъ Богу отвѣтствовать будетъ. Подъ именемъ истиннаго масонства разумѣли мы то, которое ведетъ посредствомъ самопознанія и просвѣщенія къ нравственному исправленію кратчайшимъ путемъ, по стезямъ христіанскаго нравоученія;—и просилъ его о томъ со слезами. Онъ также со слезами сказалъ мнѣ, что онъ охотно это сдѣлаетъ и скажетъ вѣрно, и сказалъ: всякое масонство, имѣющее политическіе виды, есть ложное; и ежели ты примѣтишь хотя тѣнь политическихъ видовъ, связей и растверживанья словъ равенства и вольности, то почитай его ложнымъ. Но ежели увидишь, что чрезъ самопознаніе, строгое исправленіе самого себя, по стезямъ христіанскаго нравоученія, въ строгомъ смыслѣ, нераздѣльно ведущее; чуждое всякихъ политическихъ видовъ и союзовъ, пьянственныхъ пиршествъ и развратности нравовъ членовъ его; гдѣ говорятъ о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстямъ и порокамъ, но владѣть оными, — такое масонство, или ужъ есть истинное, или ведетъ къ сысканію и полученію истиннаго; что истинное масонство есть, что оно весьма малочисленно, что они не стараются нахватывать членовъ, что они, по причинѣ великаго въ сіи времена распространенія ложныхъ масоновъ, весьма скрытны и пребываютъ въ тишинѣ: ложные масоны всего этого не любятъ. За сей совѣтъ готовъ я отвѣтствовать

предъ Богомъ" [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя представленія о масонствѣ, какъ нравственномъ совершенствованіи, какъ работѣ надъ исправленіемъ самого себя,—въ небольшомъ, тѣсномъ кругу и въ тайнѣ,—составляли существенную черту въ масонскихъ понятіяхъ Новикова, и что въ такомъ стремленіи его съ самаго начала и была причина его позднѣйшаго, такъ скоро имъ овладѣвшаго, увлеченія розенкрейцерствомъ. Около того же времени онъ встрѣчается съ княземъ Репнинымъ, такимъ же искателемъ масонской истины, и между ними происходитъ разговоръ того же рода. „Въ 1776 или седьмомъ году, въ бытность князя Петра Ивановича Репнина въ Петербургѣ (а знакомъ ему сдѣлался въ бытность мою на короткое время въ Москвѣ, кажется, чрезъ брата моего, и одинъ разъ обѣдалъ у князя Петра Ивановича Репнина и онъ меня очень обласкалъ), былъ я у него и по причинѣ его болѣзни и обѣдалъ у него одинъ: узнавъ, что я масонъ, онъ сказалъ, что и онъ масонъ, что онъ, въ разныхъ государствахъ бывши, искалъ масонства и что, не жалѣя денегъ, старался онъ доставать всевозможные градусы, но всегда находилъ лживые. Но, наконецъ, познакомился съ однимъ человѣкомъ, —а гдѣ, не сказалъ, — который далъ ему понятіе такое, что истинное масонство скрывается у истинныхъ розенкрейцеровъ, что ихъ весьма трудно найти, а вступленіе въ ихъ общество еще труднѣе, что у нихъ скрываются великія таинства; что ученіе ихъ просто и клонится къ познанію Бога, натуры и себя; что много ложныхъ обществъ, называющихся симъ именемъ, что много шарлатановъ и обманщиковъ называются симъ именемъ, и потому-то весьма трудно найти истинныхъ: и многое говоря, заключилъ, что счастливъ тотъ, кто найдетъ истинныхъ, а на сей конецъ хотѣлъ онъ познакомиться съ барономъ Рейхелемъ, чтобы узнать его. Я спросилъ его, что онъ нашелъ и вступилъ ли? На сіе онъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ объ нихъ хорошее понятіе, и хотѣлъ послѣ еще говорить, но не было случая" [2]). Послѣ, въ 1782 году, такія же разсужденія съ Шварцемъ по поводу розенкрейцерства, которое Шварцъ предлагалъ при-

---

[1]) Лонгин., стр. 076.
[2]) Лонгин., стр. 077.

нять московскому кружку: — какой „предметъ“, т. е. цѣль этого ордена? Нѣтъ ли въ немъ чего противнаго христіанскому ученію или противъ государей и т. д.

Розенкрейцерство было послѣднимъ пунктомъ, на которомъ остановился кружокъ Новикова, быть можетъ, не безъ вліянія разсказовъ князя Репнина, а главнымъ образомъ, по убѣжденіямъ Шварца. Въ глазахъ Новикова и его друзей, эта форма имѣла, вѣроятно, то преимущество передъ другими, что она не заявляла никакихъ прямыхъ политическихъ тенденцій, и что вмѣстѣ съ тѣмъ эта форма представляла обширный запасъ мистической фантастики.

Чѣмъ же могла быть общественная дѣятельность, построенная на подобныхъ основаніяхъ? Мы уже замѣчали, что успѣхъ нашего масонства,—въ свою самую дѣятельную пору вполнѣ мистическаго,—прежде всего обнаруживалъ безсиліе общества передъ инымъ, болѣе опредѣленнымъ и критическимъ рѣшеніемъ вопросовъ религіи, нравственности и общественной жизни. Мистицизмъ есть то же суевѣріе, какъ программа и общественное направленіе, быть можетъ, еще болѣе вредное, чѣмъ суевѣріе народной массы, потому что это — суевѣріе людей, считающихся образованными и, конечно, могущихъ быть такими. Какъ и суевѣріе, мистицизмъ неспособенъ стоять рядомъ съ положительной точной наукой, не выдерживаетъ ея критики и оттого инстинктивно боится науки и отвергаетъ ее. Такова и была, дѣйствительно, среда, въ которой мистическое масонство находило наибольшее число своихъ ревностныхъ адептовъ. Люди съ строгимъ логическимъ умомъ или владѣвшіе точными знаніями, не могли быть масонами мистическаго толка. Императрица Екатерина, по положительности своего ума, должна была не любить масонство,—хотя бы оно и не возбуждало въ ней политическихъ подозрѣній. Съ другой стороны, оно должно было быть популярно между умами, вышедшими изъ простого невѣжества, но еще мало воспитанными настоящей наукой. Условія русскаго общества XVIII-го вѣка вполнѣ способствовали успѣху подобнаго направленія. Образованность была еще слишкомъ слаба; единственный университетъ, основанный только въ 1755 году, едва выходилъ изъ размѣровъ средней школы; литературное вліяніе, въ смыслѣ просвѣщенія, ограничивалось небольшимъ кружкомъ

читающей публики, —и если при этомъ уровнѣ образованія въ обществѣ являлась уже нѣкоторая потребность вдумываться въ трудные вопросы о человѣкѣ и природѣ и зарождалась первая попытка нравственнаго самосознанія, то мистицизмъ довольно естественно представлялся той формой, въ которую могли уложиться эти стремленія. Образованіе наше было вообще заимствованное, и изъ тѣхъ различныхъ формъ и направленій, которыя къ намъ приходили изъ европейскаго источника, оно усвоивало болѣе или менѣе то, что соотвѣтствовало существующему уровню умственной зрѣлости, что было по вкусу и по силамъ. Такъ было и здѣсь. Когда эта форма была вывезена къ намъ изъ-за границы, она была принята прежде всего людьми того легкаго образованія, которое было тогда почти единственнымъ свѣтскимъ образованіемъ, но которое уже могло открывать возможность и болѣе серьезныхъ интересовъ. Но и здѣсь масонство было сначала всего больше только модной забавой и развлеченіемъ, „братья“ собирались въ „столовыя ложи“ для ужиновъ и пріятнаго препровожденія времени, и только у немногихъ является болѣе серьезное пониманіе дѣла. Еще нѣсколько лѣтъ, и эти люди ѣздятъ по Европѣ, „не жалѣютъ денегъ“ на розысканіе драгоцѣнной тайны и считаютъ „счастливымъ“ человѣка, которому удается найти ее. Этимъ людямъ, безъ сомнѣнія, искренно хотѣлось найти истину... Самъ Новиковъ не представляетъ исключенія изъ числа людей, которые искали истины въ масонствѣ, не имѣя возможности найти ее инымъ путемъ. Его собственное образованіе было скудно, онъ ограниченъ былъ въ своемъ чтеніи одпѣми русскими книгами, которыя сто лѣтъ тому назадъ давали очень немного пищи и для ума, и для сердца; и нельзя не видѣть большого историческаго смысла въ его признаніи, что масонство явилось для него исходомъ „на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей“. Это была, слѣдовательно, первая популярная философія, какая была по силамъ для людей обиходнаго образованія въ половинѣ XVIII-го вѣка [1]). Естественно, что при тѣхъ умственныхъ

[1]) „Сохраняя въ глубинѣ души уваженіе къ религіи, внушенное ему съ дѣтства, — разсказываетъ біографъ Новикова, — онъ высказалъ, напримѣръ, по обыкновенію своему, независимое свое мнѣніе о Дидро, который посѣтилъ Петербургъ въ 1773 году и былъ въ большой модѣ

средствахъ, каковы были средства значительнаго большинства въ образованномъ классѣ, нельзя было бы и думать о болѣе глубокомъ и логическомъ направленіи. Для общества съ ограниченнымъ кругомъ образованія и чуждаго серьезной наукѣ, масонство было наиболѣе доступнымъ содержаніемъ изъ того, что представляли иностранные источники; оно и было принято.

Сообразно съ этими тѣсными размѣрами умственнаго развитія въ обществѣ, представлявшемъ среду для дѣятельности Новикова, и сообразно съ тѣми нравами, которые дѣлали общество безгласнымъ и безправнымъ при патріархально-деспотическомъ характерѣ жизни, были очень скромны и размѣры самой иниціативы. Дѣйствія Новикова были крайне осмотрительны, даже робки. Отдаваясь дѣлу искренно и готовясь трудиться для разъ принятаго принципа, онъ долго медлилъ этимъ принятіемъ, онъ опасливо осматривался, не нарушаетъ ли какихъ правилъ и запретовъ. Онъ видѣлъ, что какъ бы этотъ принципъ ни былъ невиненъ и безобиденъ въ этомъ смыслѣ (въ своихъ показаніяхъ онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что масонство есть не больше, какъ только „самосознаніе, строгое исправленіе самого себя, по стезямъ христіанскаго нравоученія"), онъ представлялъ въ русской жизни нѣчто новое и невиданное, къ чему отнеслись бы, на первый разъ, съ извѣстнымъ недовѣріемъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Новиковъ, дѣйствительно, считалъ принятое имъ ученіе только болѣе глубокимъ пониманіемъ и дѣятельнымъ выполненіемъ истинной, церковной нравственности, — приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ думали нѣмецкіе піэтисты, но только несравненно менѣе смѣло и послѣдовательно, чѣмъ они; и митрополитъ Платонъ, исполняя данное ему порученіе „испытать Новикова въ вѣрѣ", вѣроятно съ полной увѣренностью могъ

при дворѣ и въ обществѣ: „это умный французъ, да ему, какъ невѣрующему, вѣрить нельзя". (Лонгин. стр. 98). Не знаемъ, въ чемъ тутъ можно видѣть особую „независимость" мнѣнія, — какъ будто дѣло въ томъ, что человѣку надо разбирать, кому вѣрить, а не въ томъ, чтобы самому судить объ аргументахъ, и притомъ судить по самымъ свойствамъ аргументовъ, а не по свойствамъ человѣка, который ихъ предлагаетъ. Мнѣніе это показываетъ не столько „независимость" Новикова, сколько слабость его въ этихъ предметахъ.

написать въ своемъ донесеніи императрицѣ: „Молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ“ [1]); но во всякомъ случаѣ, Новиковъ чувствовалъ, что его масонство вводитъ новый элементъ въ общественный обиходъ и отсюда его мелочная, бдительная и боязливая осторожность. Онъ былъ, повидимому, хорошо знакомъ съ русскою жизнью и зналъ, что существующіе нравы крайне непривычны къ подобнымъ вещамъ, что самый невинный принципъ, выставленный передъ обществомъ, какъ независимое личное убѣжденіе и какъ программа общественной дѣятельности, рискуетъ большими опасностями. Если, съ одной стороны, въ поискахъ за „истиннымъ масонствомъ“ онъ ищетъ удовлетворенія самому себѣ, старается обезпечить важность своихъ личныхъ мнѣній, то съ другой онъ старается обезпечить себя и отъ упомянутыхъ опасностей, —онъ ожидалъ, что „истинное“ масонство и въ этомъ отношеніи дастъ ему большую увѣренность. Почти тягостно читать въ его признаніяхъ разсказъ обо всѣхъ этихъ страхахъ и недоумѣніяхъ. Масонство была вещь, не запрещенная закономъ; уже давно было Новикову положительно извѣстно, что въ масонскихъ ложахъ собирается „не малое число знатнѣйшихъ особъ въ государствѣ“, что главная ложа управляется „его высокопревосходительствомъ“ Ив. Перф. Елагинымъ; друзья завѣряютъ его, что въ ложахъ не дѣлается ничего законопротивнаго,—но онъ, тѣмъ не менѣе, ограждаетъ себя всевозможными предосторожностями и отъ „ложнаго масонства“, и отъ малѣйшаго нарушенія правилъ государственной полиціи или господствующей религіи. Его понятія были вполнѣ ортодоксальны въ обоихъ отношеніяхъ и, вступивъ въ ложу, онъ думалъ, что ея секреты могутъ совершенно мириться съ его совѣстью... Конечно, другіе такъ не затруднялись: они смѣло вступали въ орденъ, устраивали ложи, носили титулы, и остались потомъ здравы и невредимы, потому что для нихъ дѣло и кончалось титулами и обрядами. Для Новикова вступленіе въ ложу было началомъ дѣятельности, гдѣ онъ—хотя крайне скромно и безобидно

---

[1]) Лонгин., стр. 035.

хотѣлъ, однако, итти своей дорогой, внѣ оффиціальной программы и начальственныхъ приказовъ; его мелочныя предосторожности даютъ намъ мѣрку тогдашней общественной дѣятельности, и эту мѣрку не долженъ забывать историкъ того времени.

Итакъ, умственныя средства, съ которыми началась дѣятельность Новикова, были ограниченны, по цѣлому состоянію тогдашняго образованія; его дѣйствія были крайне умѣренны и боязливы, потому что общество не давало начинающему никакой гарантіи, не обѣщало никакой поддержки въ трудную минуту. Въ самомъ содержаніи его пропаганды было много туманной фантастики и мистицизма, враждебнаго истинной наукѣ и отвращавшаго отъ нея. Печально за судьбу русскаго образованія видѣть, что люди достойные, доброжелательные и преданные общественному благу, приходили къ тому, что поучались алхиміи и кабалистикѣ у нѣмецкихъ шарлатановъ и обскурантовъ и закрывали глаза на то, что было истиннаго и глубокаго въ лучшихъ проявленіяхъ просвѣтительной европейской мысли; что желая трудиться для просвѣщенія, они сами ставили ему помѣхи и препятствія и въ то время, когда европейская мысль, давно бросивши средневѣковой хламъ, установляла идеи, на которыхъ должно было потомъ основаться новое развитіе общества и образованности, эти люди хватались за этотъ самый средневѣковой хламъ...

При всей этой ограниченности и безпомощности, въ понятіяхъ и предпріятіяхъ Новикова и его друзей были однако стороны, по которымъ эти люди имѣютъ несомнѣнное право на мѣсто въ исторіи успѣховъ русскаго образованія: имъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ самостоятельная иниціатива, которую можно считать первымъ обширнымъ примѣромъ общественной самодѣятельности со временъ реформы; служеніе нравственнымъ интересамъ общества, не вызванное никакими оффиціальными указаніями, а внушенное инстинктомъ обязанности къ обществу и внутреннимъ убѣжденіемъ. Въ дѣлѣ Новикова, исторія его борьбы за идею принимаетъ особенно печальный и возбуждающій участіе характеръ еще и потому, что, вообще говоря, онъ дѣйствовалъ очень умѣренно (мы объяснимъ дальше, почему не имѣютъ особеннаго значенія тѣ нарушенія закона о печати,

изъ которыхъ сдѣлали главное формальное обвиненіе противъ него); онъ принималъ, съ своей стороны, всѣ, описанныя выше, мѣры предосторожности, дѣлалъ всѣ уступки (напр., при самомъ началѣ правительственныхъ неудовольствій изъявилъ готовность совершенно оставить ложи, если бы отъ него потребовали этого, — но этого не потребовали), — и, несмотря на то, подвергся жестокому преслѣдованію. По той упомянутой нами чертѣ его убѣжденій, которая также получала въ масонствѣ свое практическое выполненіе и состояла въ стремленіи къ нравственному улучшенію согражданъ, въ братской любви къ людямъ, Новикова и его друзей можно назвать филантропами въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Благотворительная дѣятельность Новиковскаго кружка есть фактъ; достаточно прочесть записки Лопухина, чтобы видѣть, какъ въ людяхъ порядочныхъ масонство становилось источникомъ тѣхъ гуманныхъ отношеній къ людямъ, человѣколюбія и вѣротерпимости, которыя такъ мало были вразумительны для стараго русскаго общества и которыя такъ полезно было бы ему уразумѣть. Тѣ же филантропическія побужденія лежали въ основѣ образовательной дѣятельности Новикова. Въ обществѣ XVIII-го вѣка, которое подъ внѣшними манерами европейскаго образованія еще сохраняло такъ много старой грубости, подобные труды были отраднымъ проблескомъ лучшихъ возникающихъ понятій. Наконецъ, что дѣятельность Новикова не приняла другого, болѣе вѣрнаго по своимъ основаніямъ, пути, это было въ значительной мѣрѣ не личной ошибкой, а слѣдствіемъ странныхъ условій времени, и въ особенности отсутствія прочнаго образованія въ цѣлой средѣ. Мистицизмъ послѣ временъ Новикова еще разъ выдвинулся на сцену въ нашей общественной исторіи, и какой язвой для общества могъ онъ сдѣлаться, будучи поставленъ оффиціальной программой, показали времена Магницкаго, двадцатые годы XIX-го столѣтія. Явившись тогда въ роли господствующаго элемента, онъ вполнѣ раскрылъ свои ненавистныя свойства, объемъ которыхъ едва ли и теперь вполнѣ извѣстенъ, хотя о Магницкомъ писано уже не мало. Но исторически этотъ мистицизмъ, сколько мы думаемъ, нельзя производить отъ Новиковскаго масонства. Въ этотъ промежутокъ времени прошло очень много новыхъ вліяній,

которыя могли заслонить собой масонство Новиковскаго кружка. Правда, отъ временъ Новикова не прерывалась филіація понятій и личныя связи съ людьми новыхъ поколѣній, но при всемъ томъ, можно, кажется намъ, освободить память Новикова отъ нареканія, что его пропаганда отразилась въ необузданностяхъ обскурантизма двадцатыхъ годовъ. Личность Новикова остается чистой въ нашихъ глазахъ; по своей печальной судьбѣ, Новиковъ, хотя и мистикъ, остается дѣятелемъ и, къ сожалѣнію, мученикомъ русскаго просвѣщенія.

ГЛАВА IX.

Мистика. Мартинизмъ.

Мистицизмъ составлялъ вообще одну изъ главнѣйшихъ особенностей нашего масонства, какъ былъ сильно распространенъ и въ европейскомъ обществѣ XVIII-го вѣка. Оставивъ въ масонствѣ первоначально только оттѣнокъ его идеальныхъ тенденцій, мистицизмъ потомъ все сильнѣе и и сильнѣе проникалъ въ него особенно въ континентальныхъ ложахъ, гдѣ онъ находилъ поддержку въ туземномъ піэтизмѣ и дошелъ до крайнихъ предѣловъ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда всѣ направленія европейской мысли достигли послѣдней степени напряженія.

Названіе мистицизма прилагается, вообще, къ тому нравственно-религіозному взгляду, который принимаетъ, что ясное понятіе о божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго человѣческаго познанія, что этого понятія не даютъ и положительныя религіи, и что оно достигается непосредственнымъ приближеніемъ къ божеству, чудеснымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое происходитъ внѣ всякой дѣятельности сухого разсудка. Такимъ образомъ, основной чертой мистицизма является сильно возбужденное религіозное чувство и предположеніе полнаго безсилія разума, постигать высокія и таинственныя истины (изъ которыхъ мистикъ дѣлаетъ свою исключительную принадлежность) безъ помощи высшаго внутренняго свѣта. Чѣмъ сильнѣе возбуждаются въ чело-

вѣкѣ эти сверхъестественныя стремленія, и чѣмъ меньше онъ находитъ помощи въ разумномъ знаніи и мышленіи, тѣмъ больше онъ склоненъ впадать въ мистицизмъ. Мистикъ живетъ только чувствомъ и фантазіей, и стремленіе знать истину естественно превращается у него въ фантастическое желаніе проникнуть въ сверхъ-человѣческій міръ и найти успокоеніе въ единеніи съ „причиной всего", божескимъ духомъ...

Это настроеніе можетъ имѣть много различныхъ степеней, отъ спокойной религіозности, которая ищетъ личнаго нравственнаго удовлетворенія, до крайней неясности мысли, блуждающей въ теософскомъ туманѣ, до чрезмѣрнаго возбужденія, переходящаго въ патологическій экстазъ и галлюцинаціи, или до фанатическаго ожесточенія, отвергающаго всякія права человѣческаго разума и переходящаго въ крайній обскурантизмъ. Различныя степени и характеры мистицизма, какъ направленія, опредѣляются различными обстоятельствами — цѣлымъ характеромъ времени, степенью его знаній, общественными условіями, дающими мистицизму дорогу въ тѣ или другіе классы общества; какъ личное свойство, мистицизмъ вызывается въ общихъ указанныхъ условіяхъ и собственно-личными особенностями и болѣзненными неправильностями организаціи, которыя дѣлаютъ людей склонными къ подобной фантастикѣ. Всѣ проявленія мистики трудно, конечно, подвести подъ одно точное опредѣленіе, и мистическія направленія въ общественной жизни могутъ подлежать разной исторической оцѣнкѣ.

Исторически, судьба мистицизма представляетъ необозримо длинную лѣтопись господства его надъ человѣческою мыслью и трудной борьбы, которою вела противъ него раціональная наука. Представленія мистическаго характера являются у всѣхъ народовъ, при первомъ выходѣ ихъ изъ грубаго фетишизма въ болѣе идеальныя религіи. Эти представленія и вообще остаются наиболѣе популярнымъ разрядомъ понятій въ массахъ, которыя по степени ихъ умственнаго развитія всегда представляли удобную почву для особаго рода народнаго мистицизма.

Но мистицизмъ игралъ свою роль и въ обществахъ цивилизованныхъ, какъ литературное и философское напра-

вленіе. Главнѣйшей эпохой этого рода былъ александрійскій періодъ, когда историческое развитіе греческой философіи завершилось неоплатонизмомъ и другими школами, искавшими въ мистикѣ исхода изъ философскаго скептицизма. Мистика, въ значительной мѣрѣ выходившая изъ этого александрійскаго источника, стала господствующимъ характеромъ средневѣковаго міровоззрѣнія. Съ тѣхъ поръ роль мистицизма не прекращалась до самаго послѣдняго времени и въ литературѣ, гдѣ онъ являлся продолженіемъ стараго преданія и новой реакціей или противъ сухого школьнаго домгатизма или противъ крайностей матеріалистической философіи (какъ въ періодъ нѣмецкаго піэтизма и въ XVIII-мъ вѣкѣ) и въ общественной массѣ, гдѣ онъ соединялся съ алхиміей и магіей, или производилъ болѣе или менѣе экзальтированныя религіозныя секты. Въ этой своей исторіи мистицизмъ получалъ иногда смыслъ оживляющей оппозиціи противъ умственнаго застоя и нравственнаго гнета, но въ концѣ концовъ, если ему случалось пріобрѣтать силу и власть въ обществѣ, онъ всегда переходилъ въ преслѣдованіе науки и свободы мысли [1]). Обѣ эти роли играло и мистическое масонство XVIII-го вѣка.

Мистика ведетъ къ обскурантизму очень естественно. Мистицизмъ ставитъ себя внѣ и выше обыкновеннаго мышленія, единственнымъ руководителемъ своимъ признаетъ личное чувство и внутреннее созерцаніе; поэтому мистицизмъ и точное знаніе противоположны по самой сущности. Таково и было дѣйствительно ихъ историческое отношеніе. Въ средніе вѣка господство мистицизма было упадкомъ всѣхъ начатковъ точной науки, которые были оставлены классической древностью; всѣ прежніе результаты научнаго знанія оставались безплодны или забыты; въ умахъ исчезла способность смотрѣть на предметы съ научной

[1]) Для большихъ подробностей см.: Ewald, Briefe über die alte Mystik und den neuen Mysticismus, Tubing. 1822;—H. Schmid, Der Mysticismus des Mittelalters, Iena, 1824;—Heinroth, Gesch. und Kritik des Mysticismus, Leipz. 1830;—Дрэперъ, Ист. умств. развитія Европы, съ англ. 2 т. Спб. 1865;—Lecky, Hystory of the Rise and Influence of the spirit of Rationalism in Europe, 2 voll. Lond. 1865;—Noack, Die christliche Mystik, Konigsb. 1853. [Изъ болѣе новой литературы см. особенно Kiesewetter, Die Geheimwissenschaften, Lpz. 1895].

точки зрѣнія. „Такъ—разсказываетъ историкъ науки,—вмѣсто того, чтобы относить событія внѣшняго міра къ пространству и времени, къ осязательной связи и причинамъ, люди старались подвести такія явленія подъ духовныя и сверхчувственныя отношенія и зависимость; они относили ихъ къ высшимъ разумнымъ существамъ, къ теологическимъ обстоятельствамъ, къ прошедшимъ и будущимъ событіямъ въ нравственномъ мірѣ, къ состояніямъ ума и чувствъ, къ созданіямъ воображаемой миѳологіи и демонологіи. И такимъ образомъ ихъ физическая наука сдѣлалась магіей, ихъ астрономія сдѣлалась астрологіей, изученіе состава тѣлъ стало алхиміей, математика стала созерцаніемъ духовныхъ отношеній чиселъ и фигуръ, и философія сдѣлалась теософіей". Мистицизмъ такъ вѣренъ себѣ, что эти превращенія науки въ фантастическія блужденія мысли такимъ образомъ повторяются у масонскихъ мистиковъ XVIII-го столѣтія, несмотря на все то, что было уже сдѣлано наукой послѣ среднихъ вѣковъ. Тотъ же писатель говоритъ дальше о характерѣ средневѣковаго взгляда на науку слѣдующими словами, которыя буквально прилагаются и къ мистическимъ кружкамъ въ XVIII-мъ вѣкѣ: „Различные результаты наклонности человѣческаго ума къ мистицизму, нами указанные (астрологія, алхимія, магія и т. д.) составляютъ выдающуюся характеристическую черту умственнаго міра въ теченіе многихъ вѣковъ. Теософія и теургія ново-платониковъ, мистическая ариѳметика пиѳагорейцевъ и ихъ преемниковъ, предвѣщанія астрологовъ, притязанія алхиміи и магіи довольно ясно выражаютъ собой общій характеръ и наклонности тогдашняго образа мыслей относительно философіи и науки. Правда, бывали болѣе сильные умы, которые въ большей или меньшей степени сбрасывали съ себя эту массу обманчивыхъ и пустыхъ идей; но, съ другой стороны, въ толпѣ и между людьми немыслящими мистицизмъ часто доходилъ до такихъ крайностей суевѣрія, о которыхъ мы съ трудомъ можемъ составить себѣ понятіе... Господствовавшія представленія были произвольны и неопредѣленны, и они разсматривались съ болѣзненно-возбужденной фантазіей и энтузіазмомъ, которые не подчинялись здравому и спокойному размышленію ни на какихъ

условіяхъ. Эта мысль, управлявшая энтузіазмомъ, нѣкоторымъ образомъ замѣнила разумъ, создавая вѣру; но мнѣнія, пріобрѣтенныя такимъ образомъ, не имѣли прочнаго значенія; въ нихъ не было постояннаго напоминанія старыхъ истинъ и твердаго основанія для новыхъ. Опытъ напрасно собиралъ свои запасы... и люди такъ были заняты сверхъестественными сокровищами, которыя должны были свалиться для нихъ съ облаковъ, что они мало замѣчали или не замѣчали вовсе тѣхъ богатствъ, которыя они могли бы найти возлѣ себя" [1]).

Тотъ же историкъ справедливо находитъ весь періодъ средневѣковаго мистицизма безплоднымъ для точнаго знанія, потому что мнимыя открытія алхимиковъ въ химіи были только случайными находками, для которыхъ алхимистъ не зналъ никакого разумнаго объясненія. И мистическія науки среднихъ вѣковъ не вдругъ уступили свое мѣсто новой наукѣ. Со временъ „Возрожденія" имъ наносимы были сильные удары со стороны гуманизма, который возвращалъ умы къ положительности древнихъ, и со стороны точныхъ наукъ, которыя уже начинали владѣть оружіемъ правильнаго научнаго метода, разрушавшаго, мало-по-малу, всѣ прибѣжища стараго суевѣрнаго невѣжества. Но въ XVII-мъ столѣтіи Кеплеръ, которому такъ много обязана астрономическая наука, все еще вѣрилъ въ австрологію: такъ медленно совершалась побѣда.

Въ теченіе XVII-го и XVIII-го вѣковъ, здравыя знанія сдѣлали однако такіе успѣхи, что, кажется, трудно было бы представить себѣ, чтобы послѣ Галилея и Ньютона, послѣ Декарта, Локка, Спинозы, послѣ рѣзкихъ вызововъ англійскаго и французскаго скептицизма, въ умахъ второй половины XVIII-го вѣка могли сохранить мѣсто тѣ представленія о міровомъ порядкѣ, какія мы находимъ въ масонскомъ мистицизмѣ и какія приличны были развѣ только среднимъ вѣкамъ. И однако же, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, распространеніе мистицизма привело опять къ алхиміи, магіи, мистической ариѳметикѣ и кабалистическимъ умствованіямъ. Нельзя представить себѣ болѣе рѣзкаго примѣра соединенія въ одной эпохѣ двухъ противоположныхъ вещей.

---

[1]) Уэвелль, Исторія индукт. наукъ, т. I, стр. 353, 381.

Это объясняется тѣмъ, что мистицизмъ обращался къ тѣмъ слоямъ общества, которые въ точныхъ наукахъ были очень слабы, но соблазнялись перспективой получить знаніе тайнъ природы. Для этихъ людей тайна природы все еще являлась, какъ въ средніе вѣка, въ видѣ секрета, извѣстнаго немногимъ избраннымъ, въ видѣ удивительнаго фокуса и волшебства. Понятно, что мистики этого разряда способны были съ озлобленіемъ обрушиваться на ту науку, которая и тогда раскрывала алхимическія нелѣпости и называла ихъ по имени. Мистики-лицемѣры, распространявшіе магію и алхимію по особеннымъ соображеніямъ, были, конечно, еще злѣйшими врагами науки, потому что она мѣшала ихъ планамъ. Тѣ и другіе не уставали обвинять науку въ легкомысліи (за непризнаніе мистическаго глубокомыслія), въ вольнодумствѣ и безбожіи, и даже приводили тогда и послѣ къ гоненіямъ противъ раціональной науки, какъ было, напримѣръ, въ концѣ XVIII-го столѣтія въ Германіи и въ періодъ бурбонской и іезуитской реставраціи въ XIX-мъ вѣкѣ почти во всей Европѣ.

Возвращеніе новѣйшихъ мистиковъ къ алхиміи и магіи было весьма послѣдовательно. Мистическія фантазіи неподвижны и долговѣчны, въ противоположность развивающемуся движенію науки. Глубочайшія знанія открываются мистику не путемъ изученія, а послѣ извѣстнаго религіознаго искуса, путемъ самоуглубленія, созерцаній и непосредственныхъ вдохновеній; и мистики, раздѣленные многими вѣками научныхъ открытій, могли, однако, совершенно сходиться въ своихъ воззрѣніяхъ, потому что путь ихъ былъ одинъ и тотъ же. Относительно происхожденія своихъ тайноученій, новыя мистическія секты ссылались всего чаще на глубочайшую древность и вѣрили въ преемственность тайны, соединяющую новѣйшія времена съ этой древностью. И здѣсь опять та же противоположность наукѣ: послѣдняя мало-по-малу накопляетъ запасъ своихъ истинъ, начиная съ простѣйшихъ наблюденій и доходя потомъ до широкихъ обобщеній; въ мистикѣ, напротивъ, полнѣйшее знаніе приписывается древности: новыя времена и люди не прибавляютъ ничего, и только сберегаютъ въ тайнѣ, извѣстной немногимъ, старое сокровище и стараются подготовить и другихъ посвященныхъ хранителей этого сокровища.

Вмѣстѣ съ этимъ, мистики, естественно, готовы видѣть отрывки древнихъ сверхъестественныхъ знаній во всякомъ мистицизмѣ старыхъ временъ, какой имъ случается узнать; такъ, для масонскихъ мистиковъ XVIII-го вѣка получали равный авторитетъ и средневѣковые мистики, и мистики III—IV столѣтій. Въ сущности, они удовлетворялись безъ особеннаго разбора всякимъ умозрительно-фантастическимъ туманомъ, поэтому въ масонскомъ мистицизмѣ XVIII-го вѣка, европейскомъ и русскомъ, почти нѣтъ возможности разграничить опредѣленныхъ направленій: идеально-фантастическая философія, вродѣ Бёма, шла рядомъ съ каббалистикой и алхиміей, сведенборгизмомъ и животнымъ магнетизмомъ Месмера, съ вызываніемъ духовъ, добываніемъ золота и философскаго камня и съ чудесными исцѣленіями. Всѣ роды сверхъестественнаго совершались въ мистическихъ кружкахъ Европы XVIII-го вѣка; у піэтистовъ были свои „вдохновенные" и дѣлатели золота; Гаснеръ производилъ чудесныя исцѣленія; Шрепферъ вызывалъ духовъ; даже въ XIX столѣтіи баронесса Крюднеръ пророчествовала.

Чтобы ближе ознакомиться съ характеромъ источниковъ, откуда почерпался мистицизмъ нашего масонства, мы остановимся на двухъ школахъ, которыя у насъ имѣли особенный успѣхъ и вліяніе. Одна школа была французская, это — мартинизмъ. Другая, нѣмецкая—розенкрейцерство.

Слово мартинизмъ, которымъ обозначали ученіе французскаго мистика Сенъ-Мартена, очень долго служило самымъ обыкновеннымъ названіемъ для нашего мистическаго масонства. Мартинистами въ особенности называли членовъ и послѣдователей новиковскаго кружка. Сенъ-Мартенъ пользовался у нашихъ масоновъ большимъ уваженіемъ, вѣроятно съ самаго появленія его книги „О заблужденіяхъ и истинѣ" (1775 г.), хотя книга была издана по-русски уже позднѣе (1785 г.). Книга Сенъ-Мартена говоритъ о всевозможныхъ сюжетахъ религіи, общественной жизни, естествознанія, политики, нравственности и т. д. [1]), но не представляетъ,

---

[1]) Вотъ заглавіе русскаго перевода, по которому можно составить нѣкоторое понятіе о разнообразіи ея содержанія:

„О заблужденіяхъ и истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается Примѣчателямъ сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣш-

впрочемъ, полной и послѣдовательной системы. Самъ авторъ также не есть крайній представитель мистицизма, потому что одаренъ еще нѣкоторой долей осторожности, старается смягчать рѣзкость мистицизма, когда онъ переходитъ у другихъ въ родъ грубаго волхвованія, хотя въ глубинѣ души все-таки вѣритъ въ него. Среди сумасбродствъ Пасквалиса, Сведенборга, Эккартсгаузена, Лафатера и крайняго легкомыслія людей, вѣрившихъ во всякія шарлатанства, его можно иногда принимать за умѣреннаго. Міръ, по представленію Сенъ-Мартена, есть эманація божественнаго Слова, которое онъ понимаетъ не въ христіанско-догматическомъ, а въ какомъ-то гностическомъ смыслѣ, дающемъ больше простора для фантазіи. Эманаціей объясняется особенный міръ духовъ, который вообще играетъ такую важную роль въ мистицизмѣ, и изученіе котораго составляло для Сенъ-Мартена, какъ для множества другихъ фантастовъ XVIII-го вѣка, предметъ мучительныхъ усилий. Въ этомъ понятіи о мірѣ духовъ находится центръ тяжести въ ученіи Сенъ-Мартена. Въ общихъ чертахъ дѣло состояло въ слѣдующемъ. Вселенная и человѣкъ оживотворяются однимъ общимъ принципомъ, изъ котораго эманируютъ спиритуальныя силы. Эти силы дѣйствуютъ и во внѣшней природѣ, и въ человѣкѣ; низшія силы управляютъ матеріальной природой, высшія—умственной жизнью человѣка. Человѣкъ выше природы и вообще ближе къ этимъ высшимъ силамъ, и величайшее усиліе его духовныхъ способностей должно состоять въ „великомъ дѣлѣ“ (grand œuvre), о которомъ Сенъ-Мартенъ всегда говоритъ крайне неопредѣленно и уклончиво и которое, безъ сомнѣнія, должно было состоять въ стремленіи къ непосредственному сліянію съ высшими силами, чѣмъ и достигается тогда знаніе тайнъ созданія и божества. Сенъ-Мартенъ не даетъ ближайшаго объясненія темнымъ

ности, и вмѣстѣ указывается путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи Добра и Зла, о Человѣкѣ, о Натурѣ вещественной, о Натурѣ невещественной и о Натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Философа неизвѣстнаго. Переведено съ французскаго. Иждивеніемъ типографической компаніи. Въ Москвѣ. Въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1785 года“. XII и 542 стр., 8°.

выраженіямъ о возвышеніи въ высшія сферы, но иногда нельзя не видѣть въ нихъ весьма опредѣленнаго смысла—экстаза, духовидѣнія и галлюцинацій [1]). Силы, управляющія матеріальной природой, не суть физическіе законы, какъ мы понимаемъ ихъ теперь, а дѣйствующія спиритуальныя существа. Мистики вообще смѣялись надъ матеріальнымъ изученіемъ веществъ природы и сожалѣли о „школьныхъ" химикахъ, которые тратятъ напрасно время, потому что не изучаютъ духа веществъ (esprit, spiritus), въ которомъ, однако, и заключается ихъ сущность: сами мистики говорятъ о духѣ соли, духѣ меркурія и т. д.; и эти духи, объясняя матеріально природу и ея чудесныя тайны, вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ у нихъ отвлеченное и нравственное значеніе, такъ что химическій терминъ есть также нравственное или теософическое положеніе, какъ въ средневѣковой алхиміи... Спиритуальныя силы имѣютъ различныя градаціи: между міромъ земнымъ и высшимъ спиритуальнымъ, къ которому стремились всѣ желанія мистика, есть средній міръ, имѣющій свои области различнаго спиритуальнаго достоинства,—иныя изъ нихъ имѣютъ даже свои опасности, потому что исполнены сѣтями и соблазнами. Не всѣ умѣютъ отличать истинный путь въ высшія сферы, и истинное „просвѣщеніе" (въ мистическомъ смыслѣ) есть трудный подвигъ. Человѣку мудрено отрываться отъ земной ограниченности, и ему необходимы для этого особенныя усилія. Здѣсь начало теургіи, мистическихъ обрядовъ и пріемовъ, потому что усилія, которыми достигалось сверхъестественное вѣдѣніе, были, несомнѣнно, не только усилія чувства и отвлеченной мысли, но и извѣстные матеріальные способы. Къ этому направлены всѣ пламенныя стремленія мистиковъ древ-

---

[1]) Въ книгѣ „О заблужденіяхъ и истинѣ", говоря „о воспроизведеніи образовъ" и о „истеченіяхъ изъ единицы", Сенъ-Мартенъ дѣлаетъ такого рода намекъ (по русскому перев., стр. 84):

„Не присовокуплю я къ сему разсужденію тѣхъ доводовъ, которымъ не повѣрятъ, хотя они такого свойства, что такъ невозможно мнѣ въ нихъ сомнѣваться, какъ бы я самъ присутствовалъ при сотвореніи вещей". Находя въ его книгѣ подобныя вещи, легко понять, почему Николаи, нѣмецкій масонъ-раціоналистъ, о которомъ мы упомянемъ еще дальше, человѣкъ весьма разсудительный, называлъ книгу Сенъ-Мартена гнуснымъ обманомъ („ein niederträchtig hinterlistiges Werk"). Во многихъ другихъ мѣстахъ Сенъ-Мартенъ дѣлаетъ

нихъ и новыхъ; мистики были увѣрены, что могутъ достигать особеннаго сверхестественнаго развитія способностей физическихъ и нравственныхъ, необыкновенныхъ вдохновеній, сношеній съ высшими существами, дара предвѣщанія и экстаза и т. д.

Что для пріобрѣтенія этихъ способностей употреблялись матеріальные способы, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя мистики относительно этого очень скрытны, и Сенъ-Мартенъ, даже въ дружеской перепискѣ съ посвященными, говоритъ объ этомъ такъ темно, что часто невозможно понять, о чемъ собственно идетъ рѣчь. Одинъ изъ компетентныхъ знатоковъ дѣла, знаменитый Эккартсгаузенъ— которымъ зачитывался впослѣдствіи гоголевскій почтмейстеръ—прямо утверждаетъ, что на человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ, какія нужны были бы для объясненія этихъ вещей. Таково было и „великое дѣло“ Сенъ-Мартена. Его учитель въ масонствѣ и мистикѣ, Мартинецъ Паскualисъ, ревностно занимался теургическими операціями; ученикъ его, аббатъ Фурнье, разсказываетъ, что своими практическими упражненіями онъ достигъ, наконецъ, чудесныхъ видѣній. Духовидѣніе Сведенборга было предметомъ великаго удивленія.

Быть можетъ, Сенъ-Мартенъ былъ только умѣреннѣе въ этомъ отношеніи. Онъ не былъ расположенъ къ Месмеру, котораго считалъ „матеріалистомъ, но матеріалистомъ, владѣющимъ большимъ могуществомъ“; Сведенборгъ казался ему болѣе сильнымъ въ „наукѣ душъ“, чѣмъ въ „наукѣ духовъ“; онъ возстаетъ противъ „мнимыхъ миссій“ и „мнимыхъ манифестацій“ (ясновидѣніе, магнетизмъ, сообщенія

подобные завлекающіе намеки о своихъ глубокихъ сверхъестественныхъ знаніяхъ, которыхъ онъ только не хочетъ или не можетъ открыть:

„Сколько желаю, чтобъ всякій достигъ сего разумѣнія, столько обязанности мои запрещаютъ мнѣ давать малѣйшее о семъ объясненіе“ (стр. 317).

„Но умолкну, о святая истинна! Я буду похититель твоихъ правъ, ежели и темнымъ образомъ возвѣщу тайны твои“ (стр. 493).

„Но можетъ я и такъ излишне сказалъ, и ежели поступлю далѣе, страшусь нарушить права, не принадлежащіе мнѣ“ (стр. 400).

Масонъ-раціоналистъ, а потомъ иллюминатъ Боде въ своемъ Examen impartial du livre intitulé „Des erreurs et de la vérité etc.“ (1782) считаетъ эту книгу шифрованной языкомъ іезуитовъ.

съ низшими духами): ему самому представлялись болѣе возвышенныя цѣли, сближеніе съ болѣе высокими сферами, и достигать ихъ ему хотѣлось, повидимому, безъ грубыхъ матеріальныхъ пріемовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ проходилъ школу Пасквалиса, и впослѣдствіи занимался какими-то таинственными операціями съ графомъ д'Отривомъ (d'Hauterive), который пріобрѣлъ себѣ потомъ большую славу этими дѣлами: онъ, говорятъ, достигъ до „физическаго знанія дѣятельной и разумной причины" (или „Слова") и пріобрѣлъ способность освобождаться отъ своего тѣла во время своихъ мистическихъ восхожденій въ высшія спиритуальныя области. Сеансы Сенъ-Мартена съ нимъ не могли имѣть другой цѣли. Изъ его высшей мудрости остался еще его „Трактатъ о числахъ", нѣчто вродѣ мистической ариѳметики или опыта въ каббалистикѣ, гдѣ онъ признаетъ за числами мистическое значеніе („каждое число выражаетъ божественный законъ, или спиритуальный—добрый или злой, или стихійный" и т. д.), причемъ критикуетъ пріемы другихъ счетчиковъ [1]). Несмотря на отказы отъ грубаго мистицизма, онъ все-таки остается вполнѣ мистикомъ: подъ конецъ онъ сталъ крайнимъ почитателемъ Якова Бёма и вмѣстѣ удивляется его ученику Гихтелю, человѣку и писателю на-половину, если не вполнѣ сумасшедшему.

Сенъ-Мартенъ отдѣляется нѣсколько выгодно отъ другихъ мистиковъ своего времени и несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, который среди фантастическаго тумана обнаруживается иногда чертами ума и наблюдательности. Онъ умѣлъ уважать Руссо, удивляться Вольтеру, „cet homme extraordinaire, qui est un monument de l'esprit humain"; онъ

[1]) Именно Эккартсгаузена; см. Matter, p. 263. Въ книгѣ „О заблужденіяхъ и истинѣ" есть уже примѣры этой каббалистики. Разсуждая о суетности наукъ, о „торопливости астрономовъ" и исправляя ихъ своими умствованіями, онъ, напримѣръ, замѣчаетъ о „востокѣ" (стр. 393, по русск. перев.): „Я говорю о истинномъ Востокѣ, котораго восхожденіе солнца есть токмо указательный знакъ, и который оказывается видимымъ образомъ и гораздо точнѣе въ уровнѣ (или ватерпасѣ) и въ перпендикулѣ (или отвѣсѣ), о томъ Востокѣ, который числомъ своимъ четыре можетъ одинъ обнять все пространство, понеже, соединяя съ числомъ девять или съ числомъ притяженія, то-есть, соединяя дѣйствующее съ страдательнымъ, составляетъ онъ число тринадцать, которое есть число Натуры".

могъ вступать въ диспутаціи съ сенсуалистомъ Гарà, оставаясь на почвѣ логики, что было бы совершенно невозможно для многихъ другихъ людей этого разбора. При всемъ томъ, онъ совершенно не понимаетъ науки и относится къ ней враждебно. Въ книгѣ „О заблужденіяхъ и истинѣ“ онъ силится доказать тщету обыкновенной науки и возбудить къ ней недовѣріе: онъ не понимаетъ, какимъ образомъ „люди, знающіе сладость разума и духа, могутъ хоть на минуту заниматься матеріей“. Эта матерія отомщала за себя: Сенъ-Мартену приходилось становиться въ весьма глупыя положенія, которыя характеристично представляютъ и всю роль мистицизма. Біографъ Сенъ-Мартена [1]) разсказываетъ (стр. 265), что онъ, какъ, вѣроятно, очень многіе другіе мистики, былъ непріятно пораженъ открытіемъ планеты Урана: новая планета совершенно разстраивала принятое мистическое число семь, на которомъ было построено много самыхъ капитальныхъ мистическихъ умозрѣній. Сенъ-Мартену приходилось имѣть и другія непріятныя встрѣчи съ областью науки. Кажется, еще прежде этого открытія Урана, Сенъ-Мартенъ, желая пропагандировать свои идеи и въ самомъ ученомъ мірѣ, хотѣлъ побесѣдовать объ этихъ вещахъ съ знаменитымъ астрономомъ Лаландомъ. Звѣзды играютъ важную роль въ мистическихъ соображеніяхъ, и Сенъ-Мартенъ воображалъ, повидимому, что они съ Лаландомъ занимаются однимъ дѣломъ, или что онъ, Сенъ-Мартенъ, поможетъ Лаланду понять вещи какъ слѣдуетъ. Но Лаландъ не захотѣлъ и слушать его... [2]). Онъ радуется, впрочемъ, что, несмотря на эту неудачу, его идеи часто „подтверждались“ въ его бесѣдахъ съ „другими“ людьми; эти „другіе“ были свѣтскіе маркизы, шевалье, герцогини и подобные знакомцы Сенъ-Мартена въ Парижѣ, въ Англіи, Италіи, Эльзасѣ, гдѣ бывалъ Сенъ-Мартенъ, и, наконецъ, многіе русскіе, которыхъ онъ также имѣлъ въ числѣ своихъ друзей. Въ сущности, Сенъ-Мартенъ отказывается отъ всѣхъ земныхъ наукъ, потому что онѣ принадлежатъ низшимъ способностямъ, и заботится только

---

[1]) Matter въ книгѣ „S.-Martin, sa vie et ses oeuvres“, 2 изд. П. 1864. Ред.

[2]) Лаландъ также былъ масонъ, но другого разбора. Онъ принималъ въ свою ложу Вольтера. См. Handbuch s. v. Lalande.

о „небесныхъ“: онъ даже нападалъ на ревнителей религіи за то, что они пренебрегаютъ или безсильны творить чудеса [1]).

Мораль Сенъ-Мартена столько же туманна. Нравственное совершенствованіе сопутствуетъ, по его понятіямъ, возвышенію въ высокія спиритуальныя сферы. Сенъ-Мартенъ не даетъ никакого опредѣленнаго нравственнаго кодекса; его не было и въ лекціяхъ о морали, читанныхъ имъ въ 1774 году въ ліонской ложѣ благотворительности. Мораль его стоитъ вообще на религіозно-мистическомъ основаніи: какъ человѣку нечего искать знанія въ книгахъ, такъ нечего искать тамъ и правилъ морали; онъ найдетъ ихъ въ самомъ себѣ, потому что онъ есть отраженіе высшаго Начала, и руководствомъ долженъ служить ему внутренній свѣтъ. Человѣкъ не долженъ забывать своего высокаго человѣческаго достоинства; долженъ стараться, чтобы и другіе также уважали его: любовь къ ближнему является сохраненіемъ чистоты самаго Начала, которое оживотворяетъ человѣка.

Вотъ образчикъ мистицизма, который одно время былъ великимъ авторитетомъ для нашего масонства. Мистическія идеи шли къ намъ вообще широкой струей, разными путями: черезъ прямое посредство ложъ, черезъ личныя сношенія и путемъ литературы. Теперь еще трудно сказать, насколько Сенъ-Мартенъ имѣлъ вліяніе на наше масонство черезъ пропаганду ложъ, принимавшихъ его взляды; но личное вліяніе его не подлежитъ сомнѣнію, а тѣмъ больше вліяніе литературное. Книга его произвела большое впечатлѣніе въ мистическихъ кружкахъ, и наши масоны не даромъ, конечно, получили названіе мартинистовъ. Въ біографіи Сенъ-Мартена мы находимъ нѣсколько русскихъ именъ въ числѣ его друзей. Особенный другъ и почитатель его былъ князь Алексѣй Голицынъ; далѣе упоминаются Воронцовъ, Кошелевъ, Зиновьевъ, Скавронскій, гр. Разумовскій и др.

---

[1]) Matter, p. 182. О наукѣ онъ говоритъ такъ: „C'est mâcher à vide que de courir après la matière. J'ai vu (!) les sciences fausses du monde, et j'ai vu pourquoi il ne peut rien comprendre à la vérité: elles ne mettent en jeu que les facultés inférieures. Pour les sciences humaines, il ne faut que de l'esprit: elles ne demandent pas d'âme; tandis que pour les sciences divines il ne faut point d'esprit, parce que l'âme les engendre toutes“, Ibid. p. 417.

Между ними Сенъ-Мартенъ находилъ людей, способныхъ подниматься до его возвышенныхъ умозрѣній, какъ напр., Воронцовъ. Съ однимъ изъ Репниныхъ, вѣроятно, съ фельдмаршаломъ, Сенъ-Мартенъ былъ въ перепискѣ [1]).

Мы видѣли выше, что книга Сенъ-Мартена нашла великаго поклонника въ тогдашнемъ Великомъ Мастерѣ русскихъ ложъ, Елагинѣ, который принялся за ея истолкованіе для „братьевъ“. Но въ особенности названіе „мартинистовъ“ присоединялось къ масонамъ новиковскаго круга [2]), вѣроятно потому, что книга Сенъ-Мартена и у нихъ пользовалась авторитетомъ. Ими же она была переведена и на русскій языкъ. Названіе „мартинистовъ“ такъ и осталось спеціально за ними, хотя въ 80-хъ годахъ ихъ, собственно говоря, уже нельзя было называть мартинистами: ихъ мнѣнія о Сенъ-Мартенѣ измѣнились. Впослѣдствіи наши масоны отзываются даже какъ будто свысока о книгѣ Сенъ-Мартена. Такъ, кн. Трубецкой въ письмѣ къ Ржевскому, въ 1783 г., насмѣхаясь надъ хвастовствомъ масона Рибаса, который хвалился, что знаетъ „внутреннія познанія ордена“,— говоритъ: „видно, что для него природа скачокъ сдѣлала, и, поступая вездѣ постепенно, его, яко избраннаго изъ всѣхъ смертныхъ, вдругъ учинила совершеннымъ; нѣтъ... Когда же онъ называетъ познаніемъ (этихъ внутреннихъ орденскихъ тайнъ) размышленія и толкованія іероглифовъ, подобно книгѣ Des Erreurs et de la Veritè, я вамъ скоро изобиліе такихъ толкованій доставлю; и кто, подобно Рибасу, думаетъ, что онъ по онымъ имѣетъ внутреннія познанія, тотъ уподобляется мальчику, начертившему изъ Вобана чертежъ и потому воображающему быть уже инженеромъ“ [3]). Въ это время московскіе масоны полагали себя уже гораздо дальше мистики Сенъ-Мартена, потому что вступили въ настоящій „внутренній орденъ“, т. е. въ

---

[1]) См. Matter, стр. 134 и слѣд.

[2]) По-французски названіе „les martinistes“ очень неопредѣленно и, кажется, больше относится къ послѣдователямъ учителя Сенъ-Мартена въ мистицизмѣ, Мартинеца Пасквалиса, и только послѣ приложено было къ почитателямъ Сенъ-Мартена, который собственно не основывалъ никакой особой секты. Ср. Matter, стр. 71.

[3]) Ешевск. Сочин. III, 535.

розенкрейцерство, гдѣ, по ихъ убѣжденію, и заключались высшія теоретическія и практическія таинства ордена, наслѣдованныя отъ Адама и патріарховъ.

ГЛАВА X.

Розенкрейцерство.—Его начало; возобновленіе въ концѣ XVIII-го вѣка въ Германіи; введеніе его въ Москвѣ.

Розенкрейцерство была послѣдняя форма масонскаго мистицизма, на которой остановился московскій кружокъ. Розенкрейцерствомъ завершилось исканіе „истиннаго масонства", такъ долго занимавшее московскихъ масоновъ, и на немъ Новиковъ, повидимому, остановился окончательно.

По своему внѣшнему отношенію къ масонству, розенкрейцерство было однимъ изъ тѣхъ наростовъ, которые пристали къ масонству въ XVIII-мъ столѣтіи и вносили въ него свои собственныя тенденціи, употребляя для этого новыя прибавочныя степени. Новыя степени и выдавались обыкновенно за настоящую масонскую тайну; онѣ возбуждали любопытство, привлекали прозелитовъ, а также открывали путь для тѣхъ интригъ и обмана, которые бывали ихъ цѣлью. Въ низшихъ степеняхъ розенкрейцерство сохранило обычное масонское содержаніе, — настоящее дѣло заключалось въ дальнѣйшихъ степеняхъ.

Розенкрейцерство есть одно изъ тѣхъ фантастическихъ произведеній мистицизма, которыми такъ богаты были XVII-е и XVIII-е столѣтія [1]). Первое появленіе этого имени отно-

---

[1]) Исторія розенкрейцерства до сихъ поръ еще обстоятельно не разъяснена; главныя данныя можно найти въ слѣдующихъ книгахъ: Missiv an die Brüderschaft des Ordens des Goldenen und Rosenkreuzes, Leipz. 1783 (здѣсь списокъ розенкрейцерскихъ книгъ 1614—1783 г.);— Les plus secrets mystères des hauts grades de la Maçonnerie devoilés, ou le parfait Rose-croix, trad. de l'anglais. Jérusalem (Orléans), 1768;—Semler, Sammlungen zur Historie des Rosenkreuzes, Leipz. 1786—88;—Buhle, Ueber Ursprung und die vornehmen Schicksale der Freimaurer und Rosenkreuzer. Gött. 1804; — Fr. Nicolai, Einige Bemerkungen über den Ursprung und die Geschichte der Rosenkreuzer und Freymaurer (по поводу книги Буле). Berlin u. Stettin 1806;—Die beiden Hauptschriften der Ros., die Fama u. die Confession, kritisch geprüfter Text etc. Frankf. 1827; — изслѣдованіе Гу-

сятъ къ 1614 году, — но только имени, потому что собственно розенкрейцерство явилось тогда только какъ проектъ общества. Авторомъ этого проекта былъ Валентинъ Андреэ. Среди религіозныхъ и политическихъ смутъ начала XVIII-го вѣка онъ, какъ говорятъ, возымѣлъ мысль объ обществѣ, которое составилось бы для всеобщаго преобразованія и улучшенія государственныхъ и церковныхъ отношеній и воспитанія, въ противодѣйствіе гностическому мистицизму, который въ то время имѣлъ много приверженцевъ въ Германіи, и вмѣстѣ въ противодѣйствіе схоластической теологіи: онъ самъ хотѣлъ основываться на чистомъ ученіи Писанія. Этотъ планъ онъ изложилъ въ нѣсколькихъ книгахъ [1]), и въ одной изъ нихъ разсказана слѣдующая исторія. Христіанъ Розенкрейцъ, къ имени котораго привязана вся исторія этого общества (Розенкрейцъ, т. е. истинный христіанинъ съ его радостями и страданіями въ жизни, изображаемыми Розой и Крестомъ), родившійся будто бы въ 1388 г., былъ молодой дворянинъ, который, оставивши свой монастырь, отправился въ святую землю и затѣмъ въ Дамаскѣ, Египтѣ и Фецѣ узналъ таинства физики, математики и магіи. Возвратившись въ Германію, онъ построилъ себѣ прекрасный домъ (domus Scti Spiritus), и для основанія братства Розы и Креста выбралъ себѣ трехъ друзей изъ прежняго монастыря, съ которыми онъ и хотѣлъ начать трудъ своей міровой реформы; затѣмъ онъ выбралъ еще четырехъ, которые, получивши должныя наставленія, отправились трудиться для той же цѣли на дѣлѣ. Члены общества должны были собираться разъ въ годъ въ домѣ общества для отчета о своей дѣятельности; каждый долженъ былъ при жизни выбрать себѣ преемника; въ теченіе ста лѣтъ общество должно было сохраниться въ тайнѣ. Въ награду за участіе въ дѣлѣ обѣщалось обладаніе высшими знаніями и, при нравственно чистой жизни, безболѣзнен-

---

рауэра о Fama и пр. въ Niedner's Zeitschrift für historische Theologie, N. F. 1852, стр. 298—302 [Wolfstieg, № 42234].— Br. Bauer, Freimaurer, Jesuiten, Illuminaten, Berl. 1863.

[1]) Это были: Fama Fraternitatis R. C. oder Bruderschaft des hochlöblichen Ordens des R. C., Kassel. 1614; Confession und Bekandnüss der Societät und Bruderschaft R. C., ib. 1615; Chymische Hochzeit des Christian Rosenkreutz (напис. 1603). 1616.

ность; смерть и мѣсто погребенія должны были быть скрываемы. Общество существовало сто двадцать лѣтъ подъ управленіемъ Христіана и его преемниковъ, и послѣ того въ домѣ общества найдена была могила Розенкрейца съ различными мистическими фигурами и предметами и съ книгами, заключавшими въ себѣ таинства ордена. Андреэ приглашалъ ученыхъ изслѣдовать правила братства, а государей и подданныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, призывалъ вступать въ него: въ церковномъ отношеніи для этого нужно было признаніе евангельскаго Христа и принятіе двухъ таинствъ, въ политическомъ — признаніе нѣмецкой Римской имперіи; дѣланіе золота, считавшееся высшей задачей тайной философіи, здѣсь отклонялось на томъ основаніи, что братство, хотя и могло дѣлать золото, но могло сдѣлать много другихъ вещей, гораздо лучшихъ.

Итакъ, исторія Розенкрейца есть просто романъ, въ которомъ Андреэ хотѣлъ изложить свои задушевныя стремленія. Этой исторіи другіе приписываютъ только чисто сатирическое значеніе. Валентинъ Андреэ былъ уважаемый писатель своего времени, духовный поэтъ и сатирикъ. Въ религіозномъ настроеніи, которое диктовало его фантазіи о братствѣ Розы и Креста, существеннымъ предметомъ его стремленій было практическое христіанство и нравственное улучшеніе общества; вездѣ, гдѣ можно, онъ устраивалъ благотворительныя общества и учрежденія; его идеаломъ была строгая нравственная дисциплина женевскаго кальвинизма [1]). Сатира противъ безплодныхъ умствованій теософовъ и схоластической теологіи наполняетъ всю его писательскую дѣятельность. Его книги о розенкрейцерствѣ имѣли странную судьбу; читатели, возбужденные религіозными вопросами и пріученные къ теософской таинственности, приняли фантазію Андреэ за дѣйствительно существующій орденъ, который и произвелъ разнообразные толки: одни возставали противъ него, другіе увлекались характеромъ новаго братства и желали быть его членами, напр., алхимисты Майеръ, Шперберъ, англійскій мистикъ Флоддъ и др. Андреэ

[1]) Онъ говоритъ въ своей біографіи, что къ этой нравственной дисциплинѣ „онъ будетъ стремиться всю свою жизнь, и что онъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы ввести нѣчто подобное въ свою церковь“—онъ самъ былъ тогда лютеранинъ (Nicolai, стр. 33. Anm.).

издалъ потомъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ старался разъяснить дѣло, но впечатлѣніе было уже произведено. Разные значительные люди вступили въ сношенія съ Андреэ, чтобы дѣйствительно основать орденъ [1]), чему, однако, помѣшали тревоги 30-тилѣтней войны. Тѣмъ не менѣе, мистики и алхимисты овладѣли планомъ Андреэ, и съ 1622 г. появляется дѣйствительное розенкрейцерское общество съ развѣтвленіями въ Германіи, Голландіи, даже Италіи. Члены его именовались истинными розенкрейцерами, называли основателемъ своего ордена Христіана Розе, въ своихъ собраніяхъ надѣвали голубую орденскую ленту съ золотымъ крестомъ и розой. Исторія этихъ розенкрейцеровъ еще мало опредѣлена; несомнѣнно, что въ ихъ обществѣ пріобрѣтаютъ господство идеи полнаго мистицизма и алхиміи.

Этому розенкрейцерству XVIII вѣка принадлежитъ цѣлая обширная литература, нѣмецкая, англійская и французская, литература теософіи, алхиміи и магіи. Въ ней полагалось несомнѣннымъ существованіе таинственнаго братства, разсказывались удивительныя исторіи объ ихъ знаніяхъ, о появленіи между людьми и т. д. Все это разсказывалось съ полнымъ убѣжденіемъ: указывались мѣста, лица, видѣнія удивительныхъ незнакомцевъ, которымъ оказывалось по нѣскольку сотъ лѣтъ, которые владѣли богатствами, неизвѣстно откуда происшедшими, владѣли сверхестественными знаніями, и потомъ исчезали такъ же таинственно, какъ появлялись. О нѣкоторыхъ алхимикахъ говорили, что они принадлежали къ ордену и знали его тайны. Впослѣдствіи всѣ эти исторіи и эти теософско-алхимическія книги розенкрейцеровъ были приняты ихъ новѣйшими продолжателями, какъ преданія ихъ ордена [2]).

---

[1]) Въ энцикл., ст. Theosophes, говорится о розенкрейцерахъ: „Les merveilles qu'ils disoient d'eux, leur attachèrent beaucoup de sectateurs, les uns fourbes, les autres dupes. Leur société repandue par toute la terre n'avoit point de centre. Descartes chercha partout des rose-croix, et n'en trouva point" (XVI, 261). Энцикл. приб., однако, что исторія ихъ стала такъ темна, что теперь (во время изд. энцикл.) считаютъ почти прежніе разсказы о нихъ за басни.

[2]) Позднѣйшій писатель о розенкрейцерахъ Дженнингсъ (Jennings: The Rosicrucians, their Rites and mysteries etc. London, 1870) посвятилъ цѣлую книгу мистической и фантастической сторонѣ розенкрейцерства XVIII вѣка; онъ разсказываетъ нѣсколько чудесныхъ исторій о членахъ

Нѣкоторые историки масонства, слѣдя за исторіей этихъ розенкрейцеровъ XVII-го вѣка, думали даже, что розенкрейцерскія общества послужили началомъ самаго масонства.

Новое видоизмѣненіе розенкрейцерства обязано своимъ появленіемъ тѣмъ интригамъ, которыя овладѣли нѣмецкими ложами со второй половины XVIII-го столѣтія. Трудно сказать, какими путями соединялись всѣ элементы, составившіе это новое розенкрейцерство, сколько было здѣсь суевѣрнаго невѣжества, легковѣрія и сознательной интриги; но не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти черты присутствовали въ его образованіи. Оно появилось въ 1756—1768 г., сначала въ южной Германіи (гнѣздѣ іезуитства), выдавая свой орденъ за высшія степени масонства и утверждая, что настоящая глубокая тайна масонства именно заключается въ той теософіи, алхиміи и магіи, которыя открываются въ высшихъ розенкрейцерскихъ степеняхъ. Въ Германіи ревностнымъ дѣятелемъ его былъ Лейпцигскій шарлатанъ Шрепферъ, фокусникъ вродѣ Каліостро, довольно долго морочившій свою публику вызываніемъ духовъ и послѣ нѣкоторыхъ неудачъ кончившій жизнь самоубійствомъ, но въ особенности Вёлльнеръ, впослѣдствіи прусскій министръ. Подъ вліяніемъ послѣдняго, розенкрейцерство утвердилось въ берлинской ложѣ „Трехъ Глобусовъ", гдѣ сначала алхимическія и теософскія таинства ограничивались, повидимому, только теоріей, посвященіемъ въ „теоретическіе братья" или „теоретическій градусъ", но потомъ на этомъ градусѣ основана была цѣлая алхимическая и магическая іерархія (Juniores, Theoretici, Practici, Philosophi, Minores, Majores, Adepti Exempti, Magistri и Magi). Вёлльнеръ, мистикъ и ханжа, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ ордена: онъ усердно занимался каббалистикой и магіей и этимъ прельщалъ легковѣрнаго Фердинанда Брауншвейгскаго. Другой алхимикъ и розенкрейцеръ подобнаго свойства, Бишофсвердеръ, довелъ шарлатанство до послѣдняго безстыдства.

этого общества, какъ имъ вѣрили въ XVII-мъ столѣтіи, — склоненъ находить глубокомысленную философію въ ихъ алхимической символикѣ, которую старается даже (въ отдѣльныхъ примѣрахъ) разъяснить съ помощью новѣйшихъ изслѣдованій.—Но Дженнингсъ нисколько не касается чисто исторической стороны предмета,—именно происхожденія самого ордена и его ученій.

Іог. Кристофъ Вёлльнеръ (въ тампліерствѣ eques a cubo) (1732—1800) началъ свое поприще предигеромъ въ небольшомъ мѣстечкѣ близъ Берлина и подъ конецъ былъ государственнымъ министромъ и министромъ духовныхъ дѣлъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II. Его историческая репутація самая незавидная: это былъ обскурантъ, своимъ „эдиктомъ о религіи“ и введеніемъ цензуры уничтожившій терпимость и просвѣтительныя стремленія Фридриха Великаго. Его время было временемъ гоненія противъ всякой живой мысли: его гоненію, между прочимъ, подпалъ и Кантъ. Его роль въ придворной сферѣ была крайне сомнительная, его союзниками были люди положительно дурные, и дѣйствія его не оправдываются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своихъ розенкрейцерскихъ фантазіяхъ онъ былъ, какъ говорятъ, искрененъ, т. е. дѣйствительно вѣрилъ во всѣ тѣ нелѣпости, какія проповѣдывалъ [1]). Такъ, онъ вѣрилъ въ шарлатанскіе обманы масонскаго авантюриста Гугомоса на Висбаденскомъ конвентѣ въ 1776 г.; вѣрилъ въ разсказы о духовидѣніяхъ и волшебной бутылкѣ другого шарлатана, Лосса, занимался самъ магіей и вызываніемъ духовъ, что мало рекомендуетъ и его здравый смыслъ, и государственныя способности.

Его достойнымъ сотоварищемъ былъ Бишофсвердеръ (1741—1803), сначала саксонскій камергеръ и шталмейстеръ принца Карла курляндскаго, потомъ офицеръ прусской службы при Фридрихѣ II, довѣренный человѣкъ наслѣднаго принца, а при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II—военный министръ. Какъ и Вёлльнеръ, онъ принадлежалъ къ системѣ „Строгаго Наблюденія“ (гдѣ назывался eques a grypho), но не удовлетворился ею и искалъ въ масонствѣ алхиміи и магіи Когда Шрепферъ показывалъ свое искусство въ Лейпцигѣ Карлъ курляндскій послалъ Бишофсвердера испытать это искусство; но посланный сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ этого обманщика, въ котораго совершенно увѣровалъ. Когда Шрепферъ застрѣлился, Бишофсвердеръ привязался такимъ же образомъ къ его преемнику Фрелиху, потомъ къ Гугомосу; этотъ послѣдній выдавалъ себя за единственно знающаго подлинныя таинства тампліерскаго ордена, и Бишофсвердеръ собирался сопровождать Гуго-

---

[1]) См. отзывъ Финделя, Ист. фр-мас., т. I, стр. 241.

моса въ его путешествіи на островъ Кипръ, гдѣ будто бы жилъ настоящій гроссмейстеръ ордена. Но Гугомосъ предпочелъ бѣжать, потому что другіе члены Висбаденскаго собранія успѣли понять его продѣлки. Алхимія и магія Бишофсвердера кончилась приготовленіемъ возбуждающихъ средствъ и вызываніемъ духовъ: тѣмъ и другимъ онъ эксплуатировалъ своего короля.

Въ исторіи новиковскаго кружка упоминается, въ числѣ заграничныхъ братьевъ, нѣкто Дю-Боскъ [1]). Это былъ Францъ Дю-Боскъ, игравшій важную роль въ берлинскомъ розенкрейцерствѣ, купецъ, саксонскій камерратъ, членъ тампліерской системы и основатель ложи въ Лейпцигѣ. Въ тампліерствѣ онъ носилъ имя eques ab arbore frugifera и принадлежалъ къ числу наиболѣе вліятельныхъ членовъ его. Въ Лейпцигѣ онъ былъ, между прочимъ, въ связяхъ съ тѣмъ же Шрепферомъ, которому давалъ денегъ, кажется, въ ожиданіи вознагражденія отъ его алхимическихъ предпріятій. Впослѣдствіи, по вступленіи на престолъ Фридриха Вильгельма II, Дю-Боскъ переселился въ Берлинъ, гдѣ и игралъ значительную роль въ розенкрейцерскихъ дѣлахъ. По показаніямъ Трубецкого, съ Дю-Боскомъ имѣлъ сношенія въ Берлинѣ Кутузовъ, который былъ посредникомъ въ перепискѣ Трубецкого съ орденскими властями.

Баронъ Шрёдеръ, принадлежавшій къ интимному кругу московскихъ розенкрейцеровъ, считается у нѣмецкихъ историковъ авантюристомъ сомнительнаго свойства. Шрёдеръ одно время жилъ въ Варшавѣ, гдѣ управлялъ масонской ложей, потомъ, въ 1773 г. отправился въ Гамбургъ, и, наконецъ, сдѣлался агентомъ розенкрейцеровъ въ Москвѣ. По смерти Шварца, онъ сталъ, какъ извѣстно, начальникомъ московскаго розенкрейцерства, подъ именемъ Sacerdos. Впослѣдствіи онъ возсталъ въ Берлинѣ противъ розенкрейцеровъ и вызвалъ силанумъ или прекращеніе работъ. Нѣмецкіе историки разсказываютъ анекдотъ, что, когда заболѣлъ Шварцъ, то Шрёдеръ поскакалъ на курьерскихъ въ Берлинъ, чтобы достать отъ Вёлльнера розенкрейцерское универсальное лекарство, и получилъ его, но оно пришло уже

---

[1]) Zeitschr. für Freim. Altenb. 1825, стр. 243. Neuste Zeitschr. für Freim. 1841, 270—271. Тамъ же и о Бишофсвердерѣ.

поздно; потомъ оказалось, что доза лекарства была бы смертельна. По нашимъ извѣстіямъ Шрёдеръ поѣхалъ въ Берлинъ уже только по смерти Шварца, для извѣщенія орденскихъ властей; и если этотъ анекдотъ не достовѣренъ фактически, то онъ все-таки характеристиченъ, потому что былъ совершенно возможенъ [1].

По смерти Фридриха Великаго (1786), Вёлльнеръ и Бишофсвердеръ, оба эти дѣятеля „Соломонскихъ наукъ", сдѣлались министрами и вмѣстѣ съ г-жей Рицъ (графиней Лихтенау), которой они были кліентами, играли самую позорную роль въ исторіи прусскаго двора и прусской политики.

Розенкрейцерство, на ряду съ другими подобными явленіями, вызвало въ людяхъ разсудительныхъ живѣйшія опасенія и противодѣйствіе. Берлинскіе просвѣтители (Николаи и его друзья) видѣли въ розенкрейцерствѣ положительную интригу, въ „тайныхъ начальникахъ" ордена, въ строгомъ „повиновеніи", которое требовалось отъ его членовъ, находили признаки іезуитства. Поздѣйшій писатель, вполнѣ компетентный для внутренней исторіи нѣмецкаго общества, говоритъ объ этихъ мнѣніяхъ такъ: „Что Николаи и его друзья были вообще правы въ своихъ опасеніяхъ относительно тайнаго проникновенія папизма, это достаточно доказали наступившія вскорѣ времена романтиковъ. Что они были правы въ частности, когда утверждали продолжающееся втихомолку существованіе іезуитовъ и ихъ большое вліяніе на тайные ордены, а черезъ нихъ дальше, и когда они опасались новаго помраченія умовъ даже въ протестантскихъ странахъ, — это доказали реакція іезуитовъ на югѣ Германіи и успѣхи розенкрейцерства въ Берлинѣ, тотчасъ по смерти великаго короля (Фридриха II),—успѣхи, послѣдствія которыхъ Николаи пришлось испытать на самомъ себѣ. Люди, какъ Броннеръ, хорошо знавшій положеніе вещей на югѣ и совершенно посвященный, какъ Форстеръ, который самъ участвовалъ въ розенкрейцерствѣ на сѣверѣ— это такіе свидѣтели, голосъ которыхъ въ особенности заслуживаетъ вниманія. Послѣдній тѣмъ болѣе, что сначала совершенно враждебно относился къ „просвѣщенію" и къ

---

[1]) См. Handb. I, 111, 124; III, 202, 483.

Николаи... А Форстеръ, какъ будто противъ воли, признавался, что берлинскіе просвѣтители, т. е. Николаи и его друзья, не безъ основанія чуяли здѣсь интриги папизма“ [1]). Самъ Николаи, впослѣдствіи, когда можно было свободнѣе и яснѣе говорить о тогдашнихъ временахъ, такъ разсказываетъ объ общественномъ положеніи розенкрейцерства.

„... Въ то время въ Германіи и, особенно, въ Берлинѣ, пустилъ корни и такъ называемый орденъ Златорозоваго Креста, когда наскучили маскарады тампліерства... Но вмѣсто этого шутовства, здѣсь люди еще болѣе вреднымъ образомъ попались въ руки „неизвѣстныхъ начальниковъ“, черезъ посредство системы розенкрейцерства; потому что эта система (какъ и всякое дѣло ловкихъ „неизвѣстныхъ начальниковъ“) въ концѣ концовъ совпадала съ тампліерствомъ въ своей высшей степени, именно—въ *магическомъ клерикатѣ!* Правда, я тогда еще не зналъ подлиннаго происхожденія, обширнаго распространенія и могущества шарлатанскаго ордена розенкрейцеровъ; я еще не видѣлъ съ точностью, какъ онъ могъ распространить столько свою силу посредствомъ невѣроятно послѣдовательной связи всѣхъ его частей: впослѣдствіи, я достаточно узналъ все это, чтобы возненавидѣть этотъ столько же хитропридуманный, сколько наглый обманъ (bübische Betrügerey), больше, чѣмъ какое-нибудь другое тайное общество, рожденное изъ нѣдръ „неизвѣстныхъ начальниковъ“. Но я и тогда уже имѣлъ случай столько узнать объ этомъ орденѣ, что могъ видѣть, что черезъ него, кромѣ раздора и ненависти, распространялись также суевѣріе, теософія, магія, духовѣдѣніе, католицизмъ и алхимія. Въ особенности распространялась также и нелѣпая вѣра въ крайне древнее происхожденіе ордена.

„Уже съ 1783 года, многія лица дѣлали предположенія о близкой смерти Фридриха Великаго и по этому поводу строились различные проекты. Директоры розенкрейцерскихъ кружковъ въ Берлинѣ довольно ясно высказывались въ дружескомъ обществѣ, какое вліяніе ихъ орденъ получитъ при новомъ правительствѣ, не только черезъ уничтоженіе всякаго, отъ нихъ не зависящаго, масонства, но и относительно многихъ другихъ предметовъ въ государствѣ. Люди,

[1]) Gervinus, Gesch. der deutscher Dichtung, 4-е изд., V, 251, 275.

знавшіе положеніе дѣла, легко могли видѣть возможность такого результата, а послѣдующее время показало также нѣсколько и дѣйствительность, въ особенности же обширные планы „неизвѣстныхъ начальниковъ“ [1]).

Въ это послѣдующее время Вёлльнеръ и Бишофсвердеръ сдѣлались при новомъ правительствѣ министрами. Чтобы показать, чѣмъ было на практикѣ это прусское розенкрейцерство, которое грозило пріобрѣсти у насъ вліяніе, мы приведемъ нѣкоторыя подробности словами также близкаго свидѣтеля Шлоссера:

„Старый прусскій король умеръ 17-го августа 1786 года; его наслѣдникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ II, по своей природѣ, вслѣдствіе соблазновъ и воспитанія, уже весьма рано упалъ также глубоко, какъ Людовикъ XV упалъ только въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ, какъ Людовикъ XV и какъ многіе мужчины и женщины, преданные чувственной любви, былъ весьма приверженъ, какъ говорится, къ церкви. При этомъ, онъ былъ во власти своихъ любовницъ и ихъ родственниковъ, а такіе люди, какъ Бишофсвердеръ и Вёлльнеръ, фанатики, мистики и ханжи, мистифицировали его для своихъ цѣлей... Вёлльнеръ, Бишофсвердеръ, Рицъ и сообщники ихъ никому, кромѣ своихъ креатуръ, не давали хода... Дочь вальторниста Энке, которую король обвѣнчалъ съ своимъ камергеромъ Рицомъ, исполняла такія же дѣла, какъ Помпадуръ, обязанностью которой было, какъ извѣстно, заботиться о Людовикѣ XV-мъ, какъ только она одна то умѣла. Рицъ сдѣлалась главнымъ лицомъ въ государствѣ, и что тамъ творилось, какую роль играла она подъ именемъ графини Лихтенау,—она разсказываетъ намъ устами своего защитника. Книга, ею продиктованная, низкая и безстыдная, наполненная отвратительными и подлыми документами, издана въ настоящемъ столѣтіи (Apologie der Gräfin Lichtenau. Leipz. 1808)...

„Въ это время (въ 90-хъ годахъ) царствованіе Фридриха-Вильгельма походило на конецъ царствованія Людовика XV; прусскій король, такъ же какъ и Людовикъ, надѣялся примириться съ Богомъ за прегрѣшенія плоти—слѣпою вѣрою и дикимъ мистицизмомъ. Вёлльнеръ, который сначала хоть

[1]) Nicolai, Einige Bemerk. стр. 10, 12.

по наружности долженъ былъ сдерживаться, потому что король не хотѣлъ тотчасъ высказаться реакціонеромъ, окружилъ себя толпой слѣпо вѣрующихъ, издалъ, такъ называемый религіозный эдиктъ и неистовствовалъ противъ раціонализма... Если бы кто захотѣлъ писать скандалезную хронику или сатиру вмѣсто исторіи, то прусская исторія времени Фридриха-Вильгельма II представила бы для этого такой-же богатый матеріалъ, какъ и исторія Людовика XV... Одни письма Мирабо содержатъ въ себѣ значительный запасъ сплетень, истинныхъ и ложныхъ; а послѣ 1806 года появилась, какъ извѣстно, цѣлая библіотека сочиненій о прусской придворной исторіи. Уже общеизвѣстные разсказы о ежедневной жизни короля, слабаго отъ чувственности и фантазіи, и поэтому обладаемаго суевѣріемъ и мистицизмомъ, достаточно соблазнительны; тайная исторія скандаловъ того времени заняла бы многіе томы“ [1]). Со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма III (въ 1797 г.), когда, по словамъ Шлоссера, „произошла благодѣтельная перемѣна при дворѣ и въ частныхъ дѣлахъ королевской фамиліи, потому-что король и его супруга были образцами семейныхъ добродѣтелей и истинной религіозности“ (т. VI, стр. 101), достойная графиня и Бишофсвердеръ должны были немедленно оставить Берлинъ; вскорѣ за ними удаленъ былъ и Вёлльнеръ. Розенкрейцерство кончилось.

---

[1]) Шлоссеръ, Исторія XVIII-го стол., т. IV (по русск. перев.), стр. 360—375 а также т. V.—Финдель, стр. 290—297 разсказываетъ эти частныя подробности о розенкрейцерахъ съ нѣкоторыми варіаціями. „Bischofswerder hatte sich dem König, während dieser noch Kronprinz war, durch Bereitung künstlicher Stimulantien, der sogenannten Diavolini, unentbehrlich zu machen gewusst und ihn tief in die Netze mystischer Ordensgaukeleien (т. е. Розенкрейцерства) verstrickt, so tief, dass er und seine Creaturen es unbedenklich wagen durften, die Majestät mit dem handgreiflichsten Betrug von Geisterbeschwörungen zu äffen und zu ängstigen. Es existiert eine Erzählung aus dem Munde der Gräfin Lichtenau, wodurch wir erfahren, dass Friedrich-Wilhelm durch eine solche mit der plumpsten Taschenspielerei veranstaltete Geistercitation, wobei man ihn Marc Aurel, Leibnitz und den grossen Kurfürsten sehen liess, in die lächerlichste Todesangst versetzt wurde“. F. Scherr, Deutsche Kulturgesch. 2-ое изд., стр. 425.

Такова была настоящая сущность и практическая общественная цѣнность мистической школы, у которой думало подъ конецъ поучаться масонство новиковскаго кружка. Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности о другихъ видоизмѣненіяхъ европейскаго мистицизма, проникшаго въ наши ложи,—изъ сказаннаго нами уже достаточно ясно, какого рода тенденціи грозили овладѣть нашимъ масонствомъ, подобно тому, какъ онѣ овладѣли масонскими ложами въ Европѣ. Наше масонство было очень воспріимчиво ко всѣмъ подобнымъ вліяніямъ; мы видѣли, что въ немъ принимались самыя разнообразныя системы: англійская, шведская, французская, разныя нѣмецкія,—и хотя не всѣ могли утверждаться прочно и нѣкоторыя, послѣ извѣстной критики, положительно отвергались, но всѣ могли оставлять слѣды своего присутствія. Въ орденѣ были люди, крайне преданные его интересамъ—мы называли циннендорфиста Рейхеля, розенкрейцера Шварца, князя Репнина и др.; московскіе мистики имѣли даже постояннаго делегата при очагѣ розенкрейцерства, и этотъ делегатъ, Кутузовъ, быть можетъ, сдѣлался бы іерофантомъ новыхъ мистерій, если бы смерть не унесла его. Не безъ вліянія должны были оставаться и странствующіе искатели истиннаго масонства, и любители мистики, какъ кн. Репнинъ, Голицынъ, Воронцовъ, Строгановъ и т. д. Очень вѣроятно, что этими путями должно было переходить къ намъ много разнообразныхъ мистическихъ воззрѣній, и наши масоны должны были познакомиться съ обширнымъ запасомъ мистическихъ идей и книгъ, въ которыхъ имъ указывали истинную мудрость. Мы увидимъ дальше, что запасъ, въ самомъ дѣлѣ, представлялся огромный. Распространеніе масонскихъ идей въ русскомъ обществѣ пошло двумя путями—посредствомъ ложъ и литературнымъ образомъ. Въ то время, какъ масонскіе секреты могли распространяться только въ ограниченной средѣ избранныхъ и испытанныхъ людей, путемъ посвященія—литературная пропаганда могла дѣйствовать на всю массу общества, подготовляя его къ настоящимъ тайнамъ. Предпріимчивость и ревность Новикова явились средствомъ для дѣйствія на общество въ духѣ масонства.

До какихъ же размѣровъ шелъ мистицизмъ Новикова и особенно его крайняя форма—розенкрейцерство? Мы, ка-

жется, имѣемъ возможность сказать, что этотъ мистицизмъ не дошелъ до своихъ послѣднихъ предѣловъ, какъ это было въ западныхъ мистическихъ сектахъ и ложахъ; наше розенкрейцерство остановилось, сколько мы знаемъ, на первыхъ степеняхъ. Прямое показаніе Новикова говоритъ слѣдующее: „О дѣланіи золота, исканіи камня философскаго и прочихъ химическихъ практическихъ работахъ предписанныхъ, во взятыхъ бумагахъ, хотя и находится тамъ: но какъ изъ насъ не было никого еще, кто бы практическое откровеніе сихъ работъ зналъ, то посему всѣ предписанія и оставались безъ всякаго исполненія. Предъ отъѣздомъ же Кутузова изъ Берлина сказано было; о чемъ въ показаніяхъ моихъ не упомню въ которыхъ мѣстахъ упомянуто, что Кутузовъ въ Берлинѣ будетъ наученъ и наставленъ между прочимъ и въ практическихъ химическихъ работахъ; но исполнилось ли сіе обѣщаніе или нѣтъ, не знаю, а слышалъ я отъ князя Трубецкаго, что Кутузовъ писалъ къ нему, что онъ упражнялся въ практическихъ работахъ“ (Лонг., стр. 0105). „Въ магіи и кабалѣ и не могли изъ насъ никто упражняться, какъ то по бумагамъ видно, находясь въ нижнихъ только еще градусахъ, и мнѣ о сихъ наукахъ, кромѣ названія ихъ не извѣстно. А въ химіи должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохотѣ, и потому, что ни первыхъ основаній показать намъ было еще не кому“ (тамъ же, стр. 0112). Это показаніе едва ли можно заподозривать, потому что послѣ смерти Шварца, послѣ удаленія Шрёдера, при отсутствіи Кутузова, до самой смерти остававшагося за границей, не было, кажется, никакихъ прямыхъ связей, черезъ которыя новиковскій кружокъ могъ бы получить дальнѣйшія практическія степени розенкрейцерства. Новиковъ и его друзья, вѣроятно, и не покушались дѣлать золото и искать философскаго камня: онъ избавился отъ этихъ послѣднихъ нелѣпостей,—хотя, по всему видно, считалъ ихъ возможными. Тоже впечатлѣніе оставляютъ показанія Трубецкого, Лопухина и Тургенева. Лопухинъ признается относительно „философскаго дѣла, о которомъ говорится въ герметическихъ книгахъ“, т. е. относительно алхиміи и магіи, что „дѣла сего онъ никогда не опровергалъ, не имѣя довольно разуму доказать себѣ невозможность онаго“... „Но ежели оно возможно, думалъ я (прибав-

ляетъ къ этому Лопухинъ), не отрицая сей возможности по мнѣнію о безднѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея (sic), то и сіе дѣло безполезное быть не можетъ" (Лонг. 0130). Эта грамматически темная фраза едва ли не выражаетъ темноты самой мысли Лопухина объ этихъ вещахъ; отъ Лопухина въ этомъ отношеніи не отличались, вѣроятно, и другіе. Впослѣдствіи, въ „Духовномъ Рыцарѣ", Лопухинъ относитъ къ „антихристовой церкви" тѣхъ „духовныхъ сластолюбцевъ", которые „прилежатъ къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему", которые „прилѣпляются къ златодѣланію, къ продолженію грѣховной своей жизни, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи", и пр.,—изъ чего прямо слѣдуетъ, что къ этой антихристовой церкви онъ не причислялъ тѣхъ, кто занимался подобными вещами не для удовлетворенія самолюбію своему, а по любви къ истинѣ: очевидно, что здѣсь говорятъ въ немъ воспоминанія недоученаго розенкрейцерства, и что пристрастіе къ игрѣ тайными знаніями онъ скрашиваетъ аскетической „любовью къ истинѣ",—потому что онъ тутъ же говоритъ объ истинной химіи, тайной философіи, божественной алхиміи и магіи,—пустая фразеологія, которая была бы просто глупа, еслибъ не находилось людей, которые дѣлали ее орудіемъ обскурантизма. А это, къ сожалѣнію, было.

Точно также, какъ мы не предполагаемъ у нашихъ розенкрейцеровъ какого-нибудь практическаго знанія и занятій алхиміей и магіей,—кромѣ развѣ немногихъ элементарныхъ попытокъ, принадлежащихъ ихъ низшимъ „градусамъ",—мы не предполагаемъ, чтобы имъ извѣстна была и та гнусная закулисная интрига, надъ которой работали ихъ руководители, берлинскіе розенкрейцеры. Мы не знаемъ для этого никакихъ данныхъ, и, кажется, не имѣемъ основаній заподозривать показанія всѣхъ нашихъ розенкрейцеровъ, единогласно отвергающихъ въ своемъ (т. е. московскомъ) орденѣ всякія политическія тенденціи. „Повиновеніе Великому Мастеру,—показываетъ Лопухинъ,—и откровенность ему, я и всѣ, сколько мнѣ извѣстно, благомыслящіе (члены) общества нашего принимали только въ смыслѣ, до науки касающемся; если же бы кто сталъ отъ меня требовать чего противнаго

моимъ обязанностямъ христіанина и вѣрноподданнаго, то я не только бы отбѣжалъ отъ него, какъ отъ опаснѣйшаго врага, но и открылъ бы его правительству... И послѣ во всѣхъ актахъ (ордена) не видѣлъ ничего, которое бы могло открыть мнѣ хотя тѣнь подозрѣнія на то, чтобы оные обѣты (розенкрейцерская присяга) учреждены были въ видѣ обращенія ихъ на отношенія политическія, и ежелибъ одну тѣнь оную примѣтилъ, то возгнушался бы всѣмъ институтомъ, яко богопротивнымъ. Также если бы изъ членовъ онаго, отъ кого-либо услышалъ расположеніе обращать тѣ обѣты на такой смыслъ, то бы почелъ его извергомъ, котораго не только удалиться, но правительству открыть должно и полезно“ (Лонг., стр. 0130). Онъ, несомнѣнно, такъ и думалъ; до политическихъ идей наше общество еще слишкомъ далеко не доросло въ тѣ времена, и наши розенкрейцеры въ этомъ отношеніи остались, конечно, совершенными младенцами, въ сравненіи съ ихъ берлинскими наставниками. Наставники внушали имъ, покамѣстъ, только одно—вражду къ иллюминатамъ, о которыхъ наши масоны думали не иначе, какъ объ извергахъ рода человѣческаго. Съ оффиціальной точки зрѣнія за это ихъ можно было бы только похвалить. Впослѣдствіи мы скажемъ еще объ этомъ предметѣ, а теперь обратимся къ литературной дѣятельности новиковскаго кружка, которая подъ конецъ стала главнѣйшимъ орудіемъ мистическо-масонской пропаганды.

Масонство, какъ система понятій, распространялось двумя способами: посредствомъ ложъ, т. е. прямого посвященія, и посредствомъ литературной пропаганды, и этимъ послѣднимъ путемъ понятія распространялись, конечно, сильнѣе, потому что книга относилась къ гораздо большему числу людей: эти читатели (если книга на нихъ дѣйствовала) еще не становились, правда, непосредственными членами общества, но по характеру воззрѣній они уже мало отличались отъ нихъ и были приготовлены къ дальнѣйшимъ откровеніямъ масонской мудрости. Черезъ литературу масонство становилось гораздо болѣе обширнымъ явленіемъ, чѣмъ, если бы оно ограничивалось распространеніемъ ложъ: поэтому Новиковъ, какъ дѣятельный и предпріимчивый изда-

тель, пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе въ исторіи русскаго масонства и въ распространеніи мистическихъ идей, —отголоски которыхъ слышатся во все время царствованія Александра.

Литературную дѣятельность нашего масонства, вѣроятно, безошибочно можно назвать эклектической. Изданія новиковскаго кружка не представляютъ одной строгой системы; напротивъ, при основномъ мистическомъ характерѣ, они имѣютъ весьма разнообразные оттѣнки. Это было естественно: во-первыхъ, самый мистицизмъ допускаетъ огромное разнообразіе произвольной фантастики, которое одинаково удовлетворяетъ мистика, недостаточно самостоятельнаго, т. е. не выбравшаго себѣ одной опредѣленной idée fixe; во-вторыхъ, русскій мистицизмъ, какъ тенденція, и былъ именно слишкомъ новъ и мало самостоятеленъ, —и потому въ самыхъ различныхъ источникахъ искалъ удовлетворенія для своей блуждающей мысли. Наконецъ, русское масонство, какъ орденская „система“, долго не устанавливалось въ одну прочную форму, и избранный московскій кружокъ только съ 1782 г. остановился на розенкрейцерствѣ, т. е. на низшихъ степеняхъ его.

Изданія Новикова, выражавшія его мистическое направленіе, представляютъ, главнымъ образомъ, книги троякаго свойства [1]).

Во-первыхъ, въ эти изданія входили книги, не имѣвшія, собственно, никакого отношенія къ масонству, но отличавшіяся мистическими свойствами; въ числѣ ихъ новиковскій кружокъ считалъ творенія христіанской философіи и книги аскетическія. Въ этомъ пунктѣ наши масоны какъ бы примыкаютъ къ общепринятой церковной литературѣ, и примыкаютъ совершенно искренно, потому что, кромѣ того, что наши масоны могли оставаться строго православными, какъ оставался Новиковъ,—въ частности, масонство, въ ихъ глазахъ, сближалось съ церковью и тѣмъ обстоятельствомъ, что

[1]) Въ слѣдующемъ далѣе перечетѣ книгъ мы называемъ, вообще, книги, выходившія изъ типографіи Новикова, Типографической Компаніи, Лопухина,—хотя не всегда имѣемъ увѣренность въ происхожденіи книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи, отъ иниціативы новиковскаго кружка. Подробное библіографическое изслѣдованіе завело бы насъ слишкомъ далеко; но, въ общемъ, выводы останутся вѣрны.

обряды ордена, а слѣдовательно и ихъ таинственный смыслъ, представляли, по ихъ мнѣнію, большое сходство съ обрядами греко-восточной церкви. При общепринятомъ тогда мнѣніи о незапамятной древности масонства и о томъ, что масонство было первоначально именно формальной религіозной мистеріей, нашимъ масонамъ приходила въ голову мысль искать объясненія масонскихъ таинствъ въ монастырскихъ архивахъ. Въ своемъ отвѣтѣ на циркулярное положеніе гроссмейстера, приглашавшее депутатовъ русскихъ ложъ на конгрессъ въ Вильгельмсбадѣ и предлагавшее предварительные вопросы о сущности и формахъ масонства, они выставляли на видъ это свое мнѣніе и полагали, что наши древнія церковныя эмблемы, полученныя изъ Греціи, и писанія восточныхъ отцовъ церкви, объясненныя въ этомъ смыслѣ, придали бы масонству особенное уваженіе (Лонг., стр. 171). Вѣроятно, не безъ связи съ этимъ обстоятельствомъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ масонскихъ изданій 1785 г., посвященномъ П. А. Татищеву [1]), помѣщено, между прочимъ, „описаніе одного мистическаго изображенія въ Софійскомъ монастырѣ (sic) въ Кіевѣ...“ Конечно, упомянутое сходство можно было найти только при особенномъ желаніи, и давать ему подобное объясненіе—только при неисправимомъ масонскомъ увлеченіи, но наши масоны искренно думали, что оно есть, и должны были предполагать, что оно не случайно и имѣетъ свою причину въ древнемъ источникѣ, общемъ для обоихъ учрежденій. Мы увидимъ дальше, что книги о разныхъ древнихъ религіозныхъ таинствахъ составляли важную принадлежность масонской библіотеки. Такимъ образомъ, общепринятыя мистическія и аскетическія книги совершенно естественно стоятъ въ новиковскихъ изданіяхъ рядомъ съ подобными книгами, имѣющими положительный масонскій оттѣнокъ. Къ первому изъ означенныхъ нами отдѣловъ мы именно относимъ эти общепринятыя книги, которыя соотвѣтствовали мистическимъ стремленіямъ масонства, и тѣ, которыя хотя и не были общеприняты и даже казались сомнительными съ православной точки зрѣнія, но вовсе не составляли „орденскихъ“ книгъ, т. е. писанныхъ въ специфически-масонскомъ смыслѣ.

---

[1]) Указаніе сдѣлано у Ешевскаго, III, 417.

Такъ, например, изъ типографіи Новикова выходили различныя писанія Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Діонисія Ареопагита („о небесной іерархіи“), Іустина Философа (1782—87); далѣе: блаженнаго Августина (нѣсколько книгъ), Лактанція, Анзельма, Ѳомы Кемпійскаго (1783—87), книги Дмитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Платона; далѣе, цѣлый рядъ религіозно-мистическихъ поэмъ: „Избіеніе младенцевъ“, Марино, съ итальянскаго (1779); „Авелева смерть“, Геснера; „Искушеніе Авраамово“, съ нѣмецкаго; „Іосифъ“, Битобе (перев. фонъ-Визина, 2-е изд.); „Потерянный рай“, Мильтона, перев. съ франц. (1780); „Даніилъ во рвѣ львиномъ“, Мозера (1781) [1]); „Плачъ или нощныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи, съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: Страшный судъ и Торжество вѣры, извѣстнаго англійскаго меланхолика Эдуарда Юнга, перев. съ нѣм. (1785); „Любопытное и достопамятное путешествіе христіанина и христіанки къ блаженной вѣчности“, Іоанна Бюніана, т. е. знаменитый Pilgrim Progress Джона Бёньяна, и „Собраніе сочиненій“ этого писателя (1786); „Мессіада“ Клопштока (1785—87); „О происхожденіи зла“, поэма Галлера, перев. Карамзина (1786); наконецъ, рядъ книгъ по мистической философіи: „Разсужденіе противъ атеистовъ и неутралистовъ“, Гуго Гроція (1781); „Христіанинъ, воинъ Христовъ и побѣдоносное оружіе“, Эразма Роттердамскаго (1783); „Объ истинномъ христіанствѣ“, Іоанна Арндта, книга, пользовавшаяся великимъ уваженіемъ у нашихъ мистиковъ (1784); „О познаніи самого себя“, Іоанна Масона (1783, 2-е изд. 1786), также книга очень уважаемая [2]); „Естественная богословія

---

[1]) Наши издатели были, вообще, мало разборчивы относительно литературныхъ и философскихъ достоинствъ: мистика выкупала для нихъ все. Мозеръ былъ не незначительный нѣмецкій писатель, но достоинство его заключается вовсе не въ этой поэмѣ. Извѣстнѣйшая его книга „Владыка и слуга“ (Der Herr und der Diener, geschildert mit patriotischer Freiheit), 1759,—смѣлое обличеніе мелкихъ и крупныхъ деспотовъ тогдашней Германіи, гдѣ ихъ, какъ извѣстно, было очень много. Но объ его поэмѣ Шлоссеръ выражается такимъ образомъ: „О „Даніилѣ во рву львовомъ“ и другихъ поэтическихъ произведеніяхъ Мозера мы умолчали бы изъ уваженія къ нему, даже и тогда, если бы писали спеціальную исторію нѣмецкой литературы“. (Ист. XVIII в., II, 416).

[2]) Джонъ Масонъ (John Mason), одинъ изъ очень извѣстныхъ нон-

или доказательство бытія Божія и свойствъ Божіихъ, почерпнутыхъ изъ дѣлъ творенія“, Дергама, перев. съ франц. (1784), также книга авторитетная [1]); далѣе, „Божественная и истинная метафизика“, Пордэджа, англійскаго послѣдователя Якова Бёма, перев. съ нѣм. 1787 г. и др.

Мы назвали въ этомъ отдѣлѣ книги Арндта, Масона и др., которыя, собственно говоря, не принадлежатъ къ „орденской“ литературѣ, но, тѣмъ не менѣе, имѣли въ глазахъ нашихъ масоновъ тоже „орденское“ значеніе. Іоаннъ Арндтъ (род. 1555, ум. 1621), книга котораго, какъ извѣстно, была издана и запрещена еще при Аннѣ, и теперь вышла вновь, былъ кальвинистическій аскетъ XVI—XVII-го вѣка, по самому времени не имѣющій отношенія къ масонскому обществу; но его мистическая нравственность (которая, надобно сказать, была искренняя и, по-своему, возвышенная нравственность, а не мораль берлинскаго розенкрейцерства) до такой степени отвѣчала мистическимъ наклонностямъ, которыя овладѣвали масонствомъ больше и больше, что Арндтъ сталъ классическимъ авторитетомъ масонскаго мистицизма. То же надобно сказать о современникѣ Арндта, знаменитомъ башмачникѣ Яковѣ Бёмѣ (1575—1624). Это былъ мистикъ по преимуществу, быть можетъ, замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ, какіе появлялись въ новой европейской литературѣ, по чрезвычайной силѣ фантазіи и геніальнымъ проблескамъ трансцендентальной мысли. Бёмъ не разъ выдавалъ свое сочиненіе за прямое божественное вдохновеніе,

---

конформистскихъ духовныхъ въ Англіи, въ половинѣ XVIII-го стол., род. около 1705 г., умеръ въ 1763. Репутація этого писателя основывается, главнымъ образомъ, на книгѣ, которая и была у насъ переведена: Self Knowledge; a Treatise, shewing the nature and benefice, of that important Science, and the way to attain it. 1745. Книга эта имѣла много изданій, и въ 1811 была стереотипирована.

[1]) Дергамъ (William Derham), извѣстный въ свое время англійскій духовный писатель и серьезный естествоиспытатель, род. 1657, ум. 1735 Изъ книгъ его, подлинникъ нашего перевода есть, конечно: Physico-Theology, or a Demonstration of the Being and Attributes of God, from his works of Creation etc. Lond. 1713, и много другихъ изданій. Кромѣ того, въ томъ же смыслѣ были написаны имъ: Astro-Theology, астрономическое доказательство бытія Божія, и Christo-Theology, доказательство божественнаго авторитета христіанской религіи.

а мистики XVIII-го вѣка, сами искавшіе духовидѣнія и экстазовъ, не сомнѣвались, что это было такъ: Сенъ-Мартенъ считалъ себя недостойнымъ завязать сапогъ его (что и было справедливо, потому что французскій писатель XVIII-го вѣка могъ бы быть разсудительнѣе), и въ послѣднее время началъ переводить его сочиненія на французскій языкъ; для нашихъ масоновъ онъ былъ крайнимъ предѣломъ мудрости, которую они, впрочемъ, едва ли могли понять. Бёмъ имѣлъ много ревностныхъ приверженцевъ; и въ Англіи, еще въ концѣ XVIII-го вѣка, почитательница его Джени Лидъ (Jane Leade) основала особое общество для изученія его сочиненій, а Пордэджъ пріобрѣлъ у мистиковъ большой авторитетъ своими комментаріями къ Бёму. Въ русскую литературу сочиненія Бёма проникли еще въ концѣ ея стараго періода; они обращались между масонами въ рукописяхъ, и новиковскій кружокъ, не рѣшаясь (или же только не желая передъ посторонними) выдавать ихъ прямо за „орденскія", считалъ ихъ крайне полезной школой для воспитанія мистицизма. Эти и подобныя книги были переходомъ къ прямому посвященію и къ чисто масонской литературѣ.

Во-вторыхъ. Собственно масонскія книги, писанныя масонами и въ чисто масонскомъ смыслѣ, — до сихъ поръ еще не были разсмотрѣны въ историко-литературномъ отношеніи въ ихъ полномъ составѣ, а это могло бы очень наглядно опредѣлить пути, которыми распространялся у насъ масонскій мистицизмъ. Трудность опредѣлительнаго вывода объ этомъ предметѣ въ настоящую минуту увеличивается тѣмъ, что книги эти, печатавшіяся нерѣдко тайно, подвергавшіяся запрещеніямъ, конфискаціямъ и истребленію, потомъ потерявшія интересъ,—сдѣлались чрезвычайно рѣдки; другія масонскія сочиненія и переводы ходили только въ рукописяхъ между адептами. Наши масоны, какъ и естественно, должны были особенно заботиться объ усвоеніи того обширнаго матеріала, какой уже представляла западная масонская литература. Изъ масонской переписки 1780-хъ годовъ, приведенной у Ешевскаго, мы дѣйствительно видимъ, что собираніе различнаго масонскаго матеріала составляло для нашихъ масоновъ предметъ внимательнѣйшихъ заботъ, и авторъ одного письма радуется, что московскій архивъ ихъ

такъ богатъ, какъ едва ли какой-нибудь другой въ Европѣ[1]): русскіе масоны, искавшіе этого матеріала, повидимому, не возбуждали къ себѣ недовѣрія, какое имѣли другъ къ другу западныя ложи различныхъ системъ. Точно также русская масонская литература того времени есть почти исключительно переводная и эклектическая. Мы назовемъ важнѣйшія изданія новиковскаго кружка, относящіяся къ масонству вообще.

По вступленіи въ орденъ, Новиковъ издавалъ журналы: „Утренній свѣтъ" (1777—1780), „Московское Ежемѣсячное изданіе" (1781), „Вечерняя Заря" (1782) и „Покоящійся Трудолюбецъ" (1784), посвященные тому содержанію, которое Новиковъ считалъ полезнымъ для нравственнаго воспитанія общества. Выборъ нравоучительныхъ статей и разсказовъ, наполняющихъ эти журналы, дѣлался уже подъ прямымъ вліяніемъ масонскихъ вкусовъ, и можетъ характеризовать эти вкусы, какъ многое изъ упомянутаго нами выше въ первомъ отдѣлѣ. Но затѣмъ являются и изданія чисто масонскія, относящіяся прямо къ ордену, выражающія его мысли, защищающія его отъ обвиненій, приготовляющія ко вступленію въ него. Вотъ нѣсколько такихъ книгъ: „Карманная книжка для В. К. (т. е. Вольныхъ Каменьщиковъ) и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ" (1783); „Простосердечное о молитвѣ наставленіе" (1783); „Духъ масонства; нравоучительныя и истолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона" (1783); „Апологія или защищеніе ордена

---

[1]) „Депутаты, посланные нами (по поводу Вильгельмсбадскаго конвента), не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, привезли къ намъ изо всѣхъ капителей и архивъ ордена все то, что до внѣшняго и іероглифическаго ордена принадлежитъ, такъ что всѣхъ системъ работу мы теперь у себя имѣемъ, и еще, что недостаетъ, то получаемъ почти на всякой почтѣ, такъ что, соединясь съ капителями всѣхъ системъ внѣшняго ордена, мы сдѣлались такъ, какъ средоточіемъ, въ которое все то, что капители всѣхъ партій имѣютъ, стекается; и наша архива богатѣе становится, нежели во всей Европѣ, ибо тамъ капители разныхъ системъ другъ отъ друга таятся и другъ другу ничего не даютъ, а мы, бывъ съ ними со всѣми въ связи, и не объявляясь ничьей партіи, но признавая всѣхъ ихъ за истинныхъ брр., токмо стремящихся разными путями къ той же и единственной цѣли ордена, все то отъ всѣхъ ихъ получили и получаемъ, что они только имѣютъ..." Ешевскій, III, 485.

Вольныхъ Каменьщиковъ“ (1784); „О заблужденіяхъ и истинѣ“, Сенъ-Мартена (1785); „Опытъ о таинствахъ и подлинномъ предметѣ Свободнаго Каменьщичества“ (въ „Магазинѣ Свободно-Каменьщической“, 1784, т. I, стр. 25—61); „О древнихъ мистеріяхъ и таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ“ (1785); „Новая Киропедія“ Рамзая (1785) и мн. др. [1]).

Само собою разумѣется, что масонская т а й н а нисколько не раскрывалась въ этихъ изданіяхъ; напротивъ, ее старательно прятали, или же только самыми неопредѣленными и неясными намеками давали понять читателю, что, если бы онъ вступилъ въ орденъ, то нашелъ бы въ немъ раскрытіе всѣхъ глубочайшихъ истинъ, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно встрѣтить здѣсь и филиппики противъ ложнаго масонства, въ томъ родѣ, какъ ужасался и избѣгалъ его Новиковъ. Обыкновенно, эти книги представляютъ нравственно - религіозныя разсужденія съ оттѣнкомъ масонскаго мистицизма, насколько это возможно сдѣлать для постороннихъ, или защиту масонскихъ принциповъ отъ различныхъ обвиненій. „Духъ масонства“ и

[1]) О „Карманной книжкѣ“ см. библіографическое замѣчаніе у Ешевскаго, III, 407—408. „Духъ масонства“ есть переводъ книги: Spirit of Masonry in moral and elucidatory lectures, Lond. 1776; нѣмецкій переводъ вышелъ въ Берл. 1780. Вильямъ Гучинсонъ (Hutchinson) есть англійскій писатель второй половины столѣтія. „Апологія“ принадлежитъ извѣстному въ исторіи и интригахъ масонства И. Авг. Штарку,—„Apologie des Ordens der F. M. Von dem Bruder... Mitgliede der Schottischen Loge zu p. Philadelphia im Jahre 5651. (Königsberg 1770. Объ изданіи 1769, названномъ въ предисловіи книги, см. Kloss, Bibl. № 371 [Wolfstieg № 23760]). „Опытъ о таинствахъ“, по указанію издателей, есть переводъ книжки: Essai sur les Mistères et le véritable objet de la confrérie des Francs-Maçons. Seconde édition, revue et corrigée. Amsterd. 8⁰. 40 стр. „Опытъ“ изданъ въ первый разъ въ 1771, въ Парижѣ, хотя на заглавіи стоитъ „Гага“; второе изданіе сдѣлано въ Амстердамѣ, 1776, съ нѣкоторыми поправками. Kloss № 701 [Wolfstieg № 29992]. „Новая Киропедія“, изданная по-русски въ первый разъ еще въ 1765 г., есть масонскій романъ во вкусѣ Телемака „Les Voyages de Cyrus“, Kloss, № 3935—42 [Wolfstieg № 41478], того шотландскаго баронета Рамзая (1688—1743), который былъ приверженцемъ претендента и однимъ изъ изобрѣтателей масонскаго тампліерства. Книга Сенъ-Мартена, Des Erreures et de la Verité, ou les Hommes rappeles au principe universel de la science, par un Phil... inc..., 2 part. Edimbourg, 1775, вышла вовсе не въ Эдинбургѣ, а въ Ліонѣ; авторъ очень любилъ всякую таинственность, даже совсѣмъ ненужную.

книжки о древнихъ таинствахъ, болѣе или менѣе прямо объясняютъ древнее происхожденіе ордена, идущее отъ первыхъ временъ міра. „Духъ масонства“ объясняетъ и самую символику масонской ложи и ея обрядовъ. „Апологія“ защищаетъ общія основанія масонства съ нравственной и общественно-политической стороны, не касаясь никакой спеціальной системы. „Карманная книжка“ наполнена общими нравственными изрѣченіями и разсужденіями, которыя также могли бы относиться ко всякой системѣ, и т. п.

Въ третьихъ. Особый отдѣлъ можно, наконецъ, составить изъ книгъ, носящихъ на себѣ болѣе или менѣе рѣзкій оттѣнокъ розенкрейцерства, или алхимической фантастики. Книги эти могли бы быть и не чисто-розенкрейцерскаго происхожденія, потому что, какъ мы видѣли, алхимическія наклонности уже издавна сопровождаютъ мистику, и сама старая средневѣковая алхимія была не только практической наукой добыванія золота, но вмѣстѣ и высшею тайною философіей и теософіей. И въ самомъ масонствѣ алхимія и магія появляются, кромѣ розенкрейцерства, и въ другихъ „системахъ“. Здѣсь мы ставимъ подобныя вещи подъ розенкрейцерскую рубрику потому, что въ нашемъ масонствѣ онѣ должны были служить, въ особенности, этому его оттѣнку, какъ изложеніе понятій, признаваемыхъ въ тѣсномъ кружкѣ московскаго розенкрейцерства, и, вѣроятно, какъ средство къ дальнѣйшему расширенію его впослѣдствіи. Этихъ книгъ въ особенности много является именно съ того времени, когда въ новиковскомъ кружкѣ утвердилось розенкрейцерство.

Сюда принадлежатъ слѣдующія изданія: „Должности братьевъ З. Р. К. (Злато-Розоваго-Креста), древнія системы, говоренныя Хрисофирономъ въ собраніяхъ юніоратскихъ“, и пр. (1784);—руководство для низшихъ степеней розенкрейцерства;—„Хрисофиронъ“ было масонское имя [Гёрунга]; „Рѣчи, говоренныя въ присутствіи Н. Н. братомъ Розоваго Креста“, напечатанныя, вѣроятно, въ тайной типографіи около того же времени;—„Gemma Magica или магическій драгоцѣнный камень, то-есть краткое изъясненіе Книги Натуры по седми величайшимъ листамъ ея, въ которой можно читать Божественную и Натуральную Премудрость вписанную перстомъ Божіимъ“, М. въ тип. Лопухина 1784

одинъ изъ самыхъ характеристическихъ образчиковъ алхимическаго и теософическаго вздора, въ который вѣрили наши простодушные мистики; здѣсь изложена цѣлая система алхимическаго и теософскаго естествознанія, по характеру совершенно средневѣковая и отличающаяся крайней фантастикой и, конечно, крайнимъ невѣжествомъ;—„Краткое извѣщеніе о невидимомъ существѣ и о находящихся въ неизмѣримомъ его пространствѣ тваряхъ добрыхъ и злыхъ, также звѣздныхъ и стихійныхъ духахъ, о происхожденіи духовъ, существъ и дѣйствіи ихъ" (вѣроятно, 1784);—„Магиконъ" [1]) (также); -„Химическая псалтирь, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ", Парацельса,—знаменитаго средневѣковаго врача, алхимика и теософа (1784);—„Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго и весьма важнаго содержанія" (1783), аллегорическое наставленіе о „великомъ дѣлѣ", т. е. добываніи золота и философскаго камня. Сюда же надобно отнести и слѣдующія книги: „Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зерцалѣ при древней и Моисейской философіи: какое есть свойство верхнихъ и нижнихъ водъ, какъ оттуда все имѣетъ происхожденіе свое", и проч. (безъ года и мѣста печатанія);—„Колыбель камня мудрыхъ, описанная неизвѣстнымъ Шевалье" и проч. Москва, 1783; алхимико-мистическое описаніе приготовленія философскаго камня [2]);—„Словарь библейскій и эмблематическій" (по Лонгинову, 1786; см. стр. 271);—„Крата Репоа, или описаніе посвященія въ тайное общество египетскихъ жрецовъ" (1784);—одна изъ тѣхъ фантастическихъ книгъ, которыя масоны старыхъ

---

[1]) Это есть, вѣроятно, книга Клейкера: „Magicon, oder das geheime System einer Gesellschaft unbekannter Philosophen (т. е, послѣдователей Сенъ-Мартена). Von einem Unbekannter des Quadratscheins. (Hannover, Helwing), въ 2 ч., 1784. См. Kloss, Bibl. № 3902 [Wolfstieg № 43103] и Handb. II, стр. 284.

[2]) О книгѣ „Шестидневныхъ дѣлъ" и пр. см. Ешевскій, III, 557. Лонгиновъ указываетъ другое изданіе, по Сопикову; „Колыбель камня мудрыхъ" въ экземплярѣ, мною читанномъ, имѣетъ положительное указаніе года—1783, и мѣста печати — „Москва, въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія". Лонгиновъ ошибочно думаетъ, что изданіе печаталось въ тайной типографіи и около 1786 года (стр. 271).

временъ принимали за чистую монету и изъ которыхъ они извлекали аргументы о древности своего ордена; описаніе египетскихъ таинствъ снабжено, какъ слѣдуетъ, египетскими именами мѣстъ, божествъ, жрецовъ и фантастическими подробностями, и вмѣстѣ сохраняетъ извѣстную степень сходства съ масонскими обрядами, а также и съ розенкрейцерской мудростью и магіей—изъ чего и извлекались упомянутые аргументы. Сюда же относятся и „Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свбднм. кмнщкм.“, (1784), которыя въ туманно - алхимическомъ стилѣ розенкрейцеровъ говорятъ о духѣ, объ изученіи человѣка и природы и т. п. Всѣ эти книги очень рѣдки. Наконецъ, сюда же принадлежитъ цѣлый разрядъ рукописныхъ переводовъ, какъ напр., „Платоново Кольцо или физико-химическое изъясненіе природы“ и т. д., которому придавалось значеніе классической книги розенкрейцерскаго ученія и друг. [1]).

Русскія сочиненія, о которыхъ мы скажемъ дальше нѣсколько словъ, представляютъ, вообще, мало оригинальнаго въ сравненіи съ различными перечисленными здѣсь иностранными источниками: очевидно, что въ этихъ источникахъ были существенные образцы, дальше которыхъ наши масоны едвали въ состояніи были итти на пути алхимическаго фантазерства.

Изъ этого одного перечета такъ называемыхъ „масонскихъ книгъ“, читатель можетъ видѣть, что эти книги, идущія изъ самыхъ различныхъ историческихъ періодовъ и настроеній, никакъ не могутъ представлять собой одной цѣльной системы понятій, которую можно было бы счесть опредѣленнымъ кодексомъ убѣжденій нашего масонства; между тѣмъ, каждый изъ этихъ разрядовъ имѣлъ свое положительное значеніе въ глазахъ русскихъ масоновъ,—очевидно, потому, что всѣ оттѣнки мистицизма сливались для нихъ въ одну туманную теософію, какая, собственно, и требовалась для смутныхъ понятій нашего масонства, совершенно лишеннаго всякой серьезно - научной опоры. Прежде всего, любопытно встрѣтить здѣсь мистическія и аскетическія книги древнихъ вѣковъ христіанства. При-

---

[1]) См. Ешевскій, III, 558—560.

сутствіе здѣсь этихъ книгъ, конечно, не случайное, и то упомянутое нами выше обстоятельство, что московскіе масоны находили въ обрядахъ ордена сходство съ церковными преданіями и символами, показываетъ, что Новиковъ, вѣроятно, совершенно искренно думалъ, что масонство вполнѣ идетъ „по стопамъ христіанскаго нравоученія". Вспомнимъ здѣсь и тотъ не лишенный особаго значенія фактъ, что архіепископъ Платонъ, хотя и не соглашался съ нѣкоторыми умствованіями нашихъ масоновъ, но, вообще, относился благосклонно къ дѣятельности новиковскаго кружка, давалъ свое благословеніе на открытіе Дружескаго Общества и вполнѣ благопріятно отзывался о христіанскомъ характерѣ понятій и жизни Новикова. Замѣтимъ и высокое уваженіе Платона къ графу Чернышеву, покровителю московскаго кружка и также, кажется, бывшему масономъ. Итакъ, Новиковъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, думалъ, что его масонство есть только болѣе глубокое пониманіе и практическое примѣненіе традиціонныхъ истинъ религіи. Мы приведемъ дальше отрывки изъ его мнѣній за послѣднее время его жизни, изъ которыхъ видно, что нравственная сторона его понятій развивалась въ немъ въ положительный аскетизмъ, а розенкрейцерскія представленія о природѣ—для повѣрки (а затѣмъ, конечно, и для полнаго отверженія) которыхъ онъ не имѣлъ даже самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній—перешли у него въ поразительно-нелѣпое суевѣріе.

Такимъ образомъ, однимъ изъ элементовъ, составляющихъ кругъ понятій новиковскаго масонства, была религіозная мистика, въ которой Новиковъ надѣялся оставаться вполнѣ вѣрнымъ православному преданію.

Далѣе. Мы видѣли, что различныя масонскія системы сохраняли обыкновенно три основныя, такъ называемыя Іоанновскія, степени стараго англійскаго масонства. Самые ритуалы нѣсколько измѣнялись въ различныхъ системахъ, но они удерживали первоначальный основной характеръ, а вообще представляли собой символику нравственныхъ понятій и того, что называлось тогда естественной теологіей; въ эту символику уже издавна входили легендарныя подробности, напр., воспоминанія о строеніи Соломонова храма, но вовсе не было ни алхиміи, ни магіи. Наше

масонство принимало этотъ ритуалъ въ той или другой редакціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало представленія стараго англійскаго масонства, свободнаго отъ позднѣйшихъ извращеній и примѣсей. Это была, безъ сомнѣнія, наиболѣе здравая доля масонства, которая могла имѣть свое нравственное вліяніе. Итакъ, вторымъ элементомъ нашего масонскаго кодекса понятій являются идеи стараго англійскаго масонства, идеи естественной теологіи и уваженія къ человѣческому достоинству, съ которымъ соединялось требованіе братскихъ отношеній къ людямъ.

Въ изданіяхъ кружка найдется не мало примѣровъ присутствія этого элемента. Такова книга Гучинсона, переведенная въ самомъ разгарѣ масонскихъ предпріятій Новикова, и сохраняющая черты англійскаго масонства. Она состоитъ изъ объясненія масонской символики, толкованія исторіи человѣчества съ масонской точки зрѣнія, и спеціальной масонской наукой считаетъ не алхимію, а геометрію, какъ это и слѣдуетъ по средневѣковымъ воспоминаніямъ [1]).

Принятіе въ орденъ членовъ всѣхъ вѣръ, всѣхъ національностей, сословій и общественныхъ положеній, сохранившееся изъ стараго масонства, предполагало особенное расширеніе національнаго чувства въ чувство космополитическое, религіозную терпимость и понятіе объ общественно-нравственной равноправности; — вмѣстѣ съ тѣмъ, орденъ заявлялъ о своемъ повиновеніи государству. Масонскія книги говорили объ этомъ совершенно положительно:

„По обязательствамъ нашимъ,—говорилось въ книгахъ, признаваемыхъ нашими масонами, смотримъ мы на міръ, яко на общій домъ. Должность наша повелѣваетъ намъ оказывать любовь и дружбу всѣмъ чадамъ дома сего. Не наше званіе (т. е. обязанность) пещись объ особливыхъ

---

[1]) Ср. Уэвеллъ, Ист. Индукт. Наукъ, I, 425—о мистицизмѣ въ средневѣковой архитектурѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что Гучинсонъ слишкомъ охотно пускается въ толкованія о древнихъ таинствахъ, связывая ихъ косвенно съ масонствомъ; и что, безъ сомнѣнія, поэтому требовательный масонъ-раціоналистъ Николаи причисляетъ „Духъ масонства“ также къ фальшивымъ (betrüglich) книгамъ. Einige Bemerk. стр. 13, Anm.

мнѣніяхъ каждаго, и мы бы были уже не члены, но Деспоты, разрушающіе всеобщую тишину, ежели бы отъ всѣхъ требовали согласія съ нашими мыслями; превосходною любовію обращаемся мы къ тѣмъ, кои соединены съ нами крѣпчайшимъ союзомъ, не дѣлая изъ того заговора или шайки. О противящихся волѣ всеблагаго Домодержца сожалѣемъ; но, между тѣмъ, не равно мы почитаемъ христіанина съ жидомъ, съ язычникомъ или магометаниномъ. Христіанскій законъ мы почитаемъ единымъ и необходимымъ путемъ, учрежденнымъ отъ Бога къ приведенію насъ къ вѣчному блаженству, и превозносимъ (т. е. предпочитаемъ) изъ христіанъ тѣхъ, кои имѣютъ чистѣйшія и правдѣ сходственнѣйшія понятія; впрочемъ, отдаемъ каждаго его собственному увѣренію (т.е. убѣжденію). Никакое общество, по мнѣнію нашему, не состоитъ безъ законовъ, безъ головы и членовъ, кои вообще обязаны споспѣшествовать благу цѣлаго по возможности своей. Все состоитъ въ отношеніи одного къ другому, такъ, какъ члены тѣла. Ежели ноги не хотятъ ходить, то кровь приходитъ въ огустѣніе.

„Если уста не хотятъ принимать пищи, то тѣло будетъ чувствовать въ сокахъ недостатокъ. Гдѣ всѣ члены откажутся отъ обязанностей своихъ, тамъ и премудрый разумъ не можетъ распредѣлять и назначать дѣйствія. Итакъ, то, что требуемъ мы отъ членовъ нашихъ въ разсужденіи нашего общества, то самое должны они и государству оказывать. Ибо не перестаютъ они быть членами государства сего, хотя купно они и нашими суть, и мы бы, конечно, ничего добраго отъ нихъ не могли надѣяться, ежелибъ не восхотѣли они, каждый по своему состоянію и званію, совѣстнымъ образомъ исполнять то, къ чему они, яко члены государства, обязаны суть.

„Обязанности наши требуютъ отъ членовъ нашихъ добраго поведенія по правиламъ христіанскаго и естественнаго предписанія; правила наши основываются на добродѣтели. Кто преступитъ то, къ чему онъ, яко человѣкъ и яко христіанинъ, обязанъ, тотъ, конечно, преступаетъ и наши законы, становясь гнилымъ общества членомъ, котораго отрѣшить должно. Вольный Каменьщикъ, сказующій о всѣхъ сихъ должностяхъ, оныя хваля, одобряетъ передъ другими, а самъ не исполняетъ, подобенъ

указующему прямой путь, но стоящему неподвижно на своемъ мѣстѣ.

„Вотъ истинное понятіе о нашихъ обязательствахъ въ разсужденіи религіи, государства и нравовъ“ [1]).

О религіозной терпимости та же книга говоритъ въ другомъ мѣстѣ:

„Вольнокаменьщической орденъ не имѣетъ цѣлію своею никакихъ въ христіанствѣ толковъ. До Франкмасоновъ, яко Вольныхъ каменьщиковъ, разные сіи пункты, до разныхъ дѣлъ принадлежащіе, отнюдь не касаются. Обращать къ христіанству не наше дѣло, но духовныхъ. Права ихъ для насъ столь священны, что мы никакъ вмѣшиваться въ нихъ не желаемъ. Увѣреніе и обращеніе есть дѣло Божіе. Намъ ли слабымъ, толикимъ порокамъ и заблужденію подверженнымъ людямъ властвовать надъ душами другихъ людей? Мы идемъ въ семъ случаѣ тѣмъ путемъ, который сообразнѣйшій есть и Божеству, и Натурѣ. Натура во всѣхъ своихъ дѣлахъ разнообразна: ни одинъ цвѣтокъ на другой не походитъ; и сей-то различности наиболѣе дивиться должно; ибо, не смотря на то, все соединено общимъ союзомъ. Такъ для чего же и намъ принуждать къ совершенному сходству въ мысляхъ. Всюду и здѣсь разнообразіе да послужитъ въ честь Богу. Довольно, что связуютъ насъ союзы человѣчества и христіанства: довольныя причины къ человѣколюбію, братолюбію и терпѣнію (т. е. терпимости).

„Законы терпѣнія почитаемъ мы дѣлающими честь человѣчеству и истинной вѣрѣ...

„Неужели въ семъ находятъ что-либо наказанія достойнаго?.. Я думаю, что сіе было бы несправедливо... Кто насъ за сіе осуждаетъ, тотъ весьма еще удаленъ отъ пути добродѣтели, естества и отъ ученія, Божествомъ проповѣдуемаго“ [2]).

Въ своихъ практическихъ отношеніяхъ наши масоны оставались вѣрны этой космополитической вѣротерпимости: они совершенно спокойно принимали орденскія установленія отъ иностранцевъ, въ ихъ собственной средѣ дѣйствовали протестанты... И это не лишено своего значенія; если

---

[1]) Апологія, 1784, стр. 188—190.
[2]) Стр. 109—110.

у аристократическихъ масоновъ такая вѣротерпимость могла имѣть свое основаніе въ индифферентизмѣ, который способно было внушать модное воспитаніе, то Новиковъ былъ здѣсь человѣкъ патріархальныхъ преданій...

Въ другой книгѣ понятіе о внутренней сущности масонства и значеніи его въ обществѣ передается въ такихъ словахъ:

„Просвѣщенія (т. е. наблюденія, опыты) столѣтія нашего довольно научаютъ насъ, что человѣкъ развращенъ, и что причину сего надлежитъ искать въ общественномъ состояніи. Погрѣшности перваго воспитанія, ужасное различіе благъ щастія, а сверхъ сего еще страсти, отъ могущества и знатности рождающіяся, испортили первоначальныя чувствованія натуры въ человѣческомъ сердцѣ; черезъ то сдѣлали они его нещастнымъ и оплакиванія достойнымъ. Нѣкотораго рода метафизика, которая чѣмъ болѣе надута была софизмами и заблужденіями, тѣмъ высочайшею и основательнѣйшею почиталась, запутала разумъ человѣческой еще и съ другой стороны. По сему основатели масонства главною цѣлію поставили себѣ то, чтобъ возвратить человѣковъ къ первой ихъ натуральной добротѣ и заставить законы натуры прозябнуть паки въ сердцахъ ихъ въ величайшемъ совершенствѣ. Сія была также цѣль религіи; ее же стараются достигнуть и гражданскіе законы всѣхъ возможныхъ образцовъ правленія. Можетъ быть, Свободному только Каменьщичеству извѣстны были истинные къ достиженію сего способы.

„Итакъ, намѣреніе сего Общества есть то, чтобъ образовать человѣка разумнымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ; а въ семъ отношеніи старалось оно разсѣять его заблужденія, умягчить нравы его безвиннымъ въ жизни удовольствіемъ, вспомоществовать ему и подкрѣплять его въ его потребностяхъ.

„Всѣ члены общества сего суть Братія, и ни языки, ни одежды, ни мнѣнія, ни достоинства, ни состояніе, ни богатства, ни малѣйшаго не дѣлаютъ между ними различія. Равенство есть первый ихъ законъ. По сей системѣ весь свѣтъ почитается якобы республикою; каждая нація есть фамилія и каждый членъ сынъ оной. А какъ всѣ особенные члены общества сего суть Братія, Братія, предположившіе себѣ

дѣйствовать разумно и добродѣтельно,—то должны они любить другъ друга и помогать одинъ другому, поступать съ другими людьми также честно и пристойно, и быть добрыми, вѣрными гражданами государства.

„Человѣчество (т. е. человѣколюбіе), сія изящная и благородная добродѣтель, объемлющая всѣ другія, составляющая предметъ здравой философіи и основаніе христіанства; она есть душа Каменьщиковъ“ [1]).

Это человѣколюбіе — опять вѣрно сохраненная черта первоначальнаго масонства—также находило у нашихъ масоновъ практическое выполненіе, особенно у Новикова, въ которомъ эта черта, еще до поступленія въ орденъ, была существенной чертой личнаго характера. Послѣ вступленія въ орденъ, онъ устраиваетъ, вмѣстѣ съ другими, нѣсколько филантропическихъ заведеній, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ: это были благотворительныя школы, семинаріи при университетѣ, больница, аптека, посылка молодыхъ людей за границу и распространеніе книгъ. Разсказываютъ, что онъ раздавалъ свои изданія и даромъ, чтобы пріохотить къ чтенію, и покупалъ по нѣсколько переводовъ одной книги, чтобы не отталкивать молодыхъ людей отъ литературныхъ занятій. Его горячее участіе къ народному бѣдствію (голодъ въ 1787 г.), вызвавшее извѣстный поступокъ богача Походяшина, который отдалъ въ распоряженіе Новикова большія деньги для раздачи неимущимъ, — показываетъ, что масонское „человѣчество“ (для этого понятія, какъ видимъ, еще только придумывалось русское слово) было для него не одной фразой. Упомянутая выше „Апологія“, оправдывая орденъ отъ разныхъ взводившихся на него обвиненій, приводитъ (по словамъ автора, съ дозволенія орденскихъ властей) слѣдующій отрывокъ изъ масонской присяги: „быть сострадательному ко всѣмъ человѣкамъ, а особливо моимъ братьямъ; повиноваться власти, законамъ государства, въ которомъ я живу, быть ему вѣрну, добродѣтельну и готову на службу его, дѣлать добро и ненавидѣть зло, и вообще, таковымъ быть, каковымъ Вольному Каменьщику приличествуетъ“ (стр. 69). Этотъ мотивъ

---

[1]) „Опытъ“ и пр. въ „Магазинѣ Своб.-Каменьщ.“, ч. I, стр. 28—33.

постоянно повторяется въ масонскихъ книгахъ, переводныхъ и русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ видѣ понималъ и Новиковъ свои обязанности къ государству и обществу, и называть его филантропическую дѣятельность—его „промысломъ“, какъ она была названа, значило наносить ему слишкомъ незаслуженное и несправедливое оскорбленіе.

Масонскія понятія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, были положительнымъ нравственнымъ содержаніемъ, которое могло имѣть свои благотворныя примѣненія въ общемъ уровнѣ русской жизни, — правда, общество наше уже встрѣчало нѣкоторыя подобныя понятія въ своей новой литературѣ, но встрѣчало только обрывочно и случайно, и еще не видѣло, чтобы они излагались какъ требованіе, какъ глубокое убѣжденіе и практически выполняемое правило. Въ этомъ смыслѣ масонскія правила терпимости и человѣколюбія, выставляемыя, какъ нравственное обязательство каждаго мыслящаго члена общества,—эти правила были въ русской общественной жизни особенно нужнымъ и благотворнымъ возбужденіемъ. Но затѣмъ въ содержаніи нашего масонства мы встрѣчаемся и съ другой, оборотной, стороной дѣла, съ тѣми крайними преувеличеніями мистицизма, переходившими въ шарлатанство и наглость, о которыхъ мы достаточно говорили выше. Этотъ новый элементъ масонскаго міровоззрѣнія—мистическое блужданіе мысли—занимаетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много мѣста въ нашемъ масонствѣ и крайне повредилъ въ немъ и тому, что было въ немъ дѣйствительно полезнаго и благороднаго. Какъ и другія черты нашего масонства, его преувеличенная мистика была вещь заносная, и у насъ тѣмъ болѣе прискорбная, что средства русской литературы были слишкомъ слабы, чтобы оказать ей должное сопротивленіе. Иначе было, напр., въ Германіи, гдѣ этой преувеличенной мистикѣ сопротивлялись люди изъ самаго ордена, какъ Бистеръ, Боде, Николаи, Фёрстеръ и т. д., не говоря о раціоналистахъ и людяхъ точной науки внѣ ордена... Но если и въ самой Германіи критика благоразумныхъ людей не могла удержать фантастическаго легковѣрія, то наше общество, и сами масоны, прежде всего, оказывались противъ этой фантастики совершенно беззащитными. Мы выше замѣчали, что само старое масонство своими легендарными элементами уже по-

давало поводы къ этимъ преувеличеніямъ, которыя совершали люди слишкомъ ревностные не по разуму, или наглые обманщики, и которымъ вѣрили люди простодушные. Если уже старое масонство говорило о томъ, что познаніе истины идетъ по преданію отъ древности и отъ строенія Соломонова храма, то при увлеченіи орденомъ естественно являлись мнимоисторическія изслѣдованія этой традиціи: Соломонова храма было не довольно, заговорили о египетскихъ жрецахъ и халдеяхъ, усердные люди стали искать египетскихъ и халдейскихъ таинствъ, и напали на алхимію. За Андерсономъ, за „Естественнымъ Богословіемъ" Дергама, за Іоанномъ Масономъ и Арндтомъ, послѣдовательно шли Бёмъ и Пордэджъ, и за ними Сенъ-Мартенъ и розенкрейцерство. Мы также говорили, что наши масоны, повидимому, далеко не дошли въ этомъ направленіи до своихъ наставниковъ, но, обращаясь къ ихъ книгамъ, мы находимъ всетаки чрезвычайно странныя вещи. „Теоретическій градусъ Соломонскихъ наукъ" и подобныя наставленія, которыми наглые берлинскіе интриганы снабжали простодушныхъ москвичей [1]), открывали путь ко всевозможнымъ фантастическимъ нелѣпостямъ, — и ужасающій объемъ этихъ нелѣпостей мы поймемъ только тогда, когда представимъ себѣ, что всѣмъ этимъ вещамъ благочестиво и серьезно вѣрилось. Московскіе масоны искали мудрости въ „Хризомандерѣ", въ „Химической Псалтыри" и другихъ подобныхъ книгахъ,

[1]) „Теоретическій градусъ", т. е. изложеніе познаній, сообщаемыхъ въ этой степени, есть нѣчто въ родѣ азбуки или первыхъ четырехъ правилъ алхиміи. Ешевскій, III, 527, приводитъ слѣдующее оглавленіе этого „градуса": Предувѣдомленіе. — Принятіе. — Наставленіе гл. надз. — Законы для собранія Т. Ф. (теоретическихъ философовъ).— Обряды столоваго собранія. — Вопросы и наставленія Т. брр. — Заключеніе.—Собранія. — Наставленія для Т. брр.—О стихіяхъ вообще.—Объ огнѣ.—О воздухѣ —О водѣ.—О землѣ. — О стихійныхъ вещахъ и духахъ. — О тѣлесныхъ вещахъ.—О соли.—О сѣрѣ.—О меркуріѣ. — О сѣмени всѣхъ вещей. — Рожденіе. — Соблюденіе. — Разрушеніе.—Дѣйствіе верхнихъ звѣздъ.—О метеорахъ.—О металлахъ.—Рожденіе металловъ.— Золото. — Серебро.—Меньшіе металлы.—Дорогіе камни.—Минералы. — О растительныхъ.—О животномъ царствѣ.—Человѣкъ. — О болѣзняхъ человѣческихъ. — Тѣла. — О болѣзняхъ ума. — О болѣзняхъ души. — О совершенномъ согласіи всѣхъ вещей". Здѣсь, очевидно, заключается программа мнѣній, какія мы видимъ у Новикова и его друзей относительно предметовъ природы: это—ихъ „тайная философія".

выше нами перечисленныхъ; ихъ западные наставники выкапывали въ библіотекахъ мирно покоившіяся книжки средневѣковыхъ алхимиковъ и почерпали въ нихъ средства для приготовленія Diavolini и для распространенія обскурантизма,—а простодушные москвичи нетерпѣливо дожидались, когда имъ пришлютъ новый „градусъ“, выкраденный у этихъ алхимиковъ. Правда, москвичи не занимались дѣланіемъ золота и исканіемъ философскаго камня, но эти вещи, однако, были „предписаны“ и не исполнялись (какъ говоритъ Новиковъ) только потому, что изъ нихъ „не было никого еще, кто бы практическое откровеніе сихъ работъ зналъ“. Новиковъ не говоритъ, чтобы это было невозможно. Правда, Лопухинъ причисляетъ къ „антихристовой церкви“ тѣхъ, кто „прилежитъ къ златодѣланію“, но мы видѣли, что главную причину осужденія составляетъ мотивъ: если это дѣлается изъ суетнаго любопытства; но „истинная алхимія“ и „Божественная магія“ пользуются у него высокимъ уваженіемъ. Мы уже замѣчали, что это раздѣленіе или это смѣшеніе понятій объясняется самими свойствами алхимическаго языка, который смѣшиваетъ терминологію матеріальнаго химическаго процесса съ терминологіей нравственной и метафизической. Наши масоны научались этому въ своихъ книгахъ и въ „градусахъ“, которые именно и старались прикрывать свои алхимическія нелѣпости мнимыми высшими цѣлями и таинственной философіей. Для образчика алхимической метафизики, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ книжки, писанной для профановъ или готовящихся къ высшимъ знаніямъ: книжка смѣется надъ невѣжествомъ тѣхъ грубыхъ алхимиковъ, которые не знаютъ настоящаго способа изыскивать тайны „натуры“.

„Вотъ примѣръ, весьма къ сему приличный! Древніе мудрецы, писавшіе о философскомъ камнѣ, говорятъ о соли, сѣрѣ и меркуріи. Химисты, не разумѣя ихъ загадочныхъ и иносказательныхъ реченій и не вѣдая философской (sic) соли, сѣры и меркурія, работаютъ безъ размышленія наудачу, и вмѣсто кучъ золота и всеобщаго врачества, вырабатываютъ себѣ дрожаніе членовъ и нищенскую суму...

„Итакъ, не довольствуйся никогда однимъ звукомъ алле-

горическихъ словъ; но старайся и тщись испытать внутренній смыслъ оныхъ, по примѣру древнихъ...“ [1]).

Отсюда слѣдуетъ, повидимому, что авторъ понимаетъ алхимію, какъ метафизическую науку, скрывающую подъ химическими терминами гораздо болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ, собственно, выражаютъ эти термины. Онъ продолжаетъ въ томъ же стилѣ:

„Такимъ образомъ, напр., истинный испытатель изъ слова с о л ь, а знающій древніе химическіе знаки изъ сего знака (знакъ соли), коимъ древніе соль означали, видятъ болѣе о с о л и в е щ е й, нежели сколько могутъ научить насъ всѣ новѣйшія описанія солей и раздѣленія ихъ на роды (основанныя на наружныхъ видахъ, вкусѣ и видимыхъ, но еще не основательно познанныхъ дѣйствіяхъ). Ибо познаніе во внутренность вещей вселенной существенной соли, которую сыны Гермеса (sic) с о л і ю н а т у р ы называютъ, есть для большей части химистовъ еще глубоко сокровенное таинство. Ищущій истины алхимистъ разсматриваетъ исусство свое совсѣмъ изъ другой точки зрѣнія, нежели новые плавильщики: тотъ изыскиваетъ самъ даже до средоточія земли (Centrum terrae); а не довольствуется такъ, какъ сіи, раздробленіемъ такихъ тѣлъ, кои въ лавкахъ и аптекахъ купить можно“ и т. д. (стр. 119).

Весь этотъ туманъ, прикрашенный дальше ссылками на Гермеса Трисмегиста, говорившаго иносказательно о соли, на библейскія изреченія и т. п., разсчитанъ, конечно, для профановъ или для начинающихъ, какими были и наши масоны, и если отсюда еще мудрено было научиться алхиміи, то это было уже хорошей программой обскурантизма и удовлетворительнымъ средствомъ для внушенія людямъ, довѣрчивымъ къ этой мудрости, самыхъ дикихъ понятій о вещахъ или даже для совершеннаго умопомраченія. Способъ, которому слѣдуетъ „истинный испытатель“ природы и божественной премудрости, объясняется дальше такъ:

„Мы должны отнизу вознестися выспрь, извнѣ обратиться внутрь себя, естьли хотимъ надѣяться достигнуть высокаго и глубокаго познанія“ (стр. 134), — а это дѣлается слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) „Братскія увѣщанія“ и проч., стр. 117.

„Читай, братъ мой, читай священное твореніе, читай его постепенныя слѣдствія, читай его яснымъ внутреннимъ окомъ мудрыхъ, имущихъ око свое во главѣ (курсивы въ подлинникѣ), какъ говоритъ премудрый Соломонъ. Читай не спѣшно, какъ читаетъ большая часть чтецовъ, спѣшащихъ только до другого листа скорѣе дочесться. Читая неправильно на семъ листѣ, не можешь ты надѣяться пользы на другомъ листѣ, развѣ обратишься назадъ; итакъ, читай правильно и сначала. Естьли желаешь читать исторію сотворенія, то придержися перваго стиха:

Bereschith bara Elohim eth haschamajim weeth haaretz;

и читай его нѣсколько лѣтъ, а потомъ уже читай далѣе. (Въ примѣчаніи прибавлено: „Когда же ты сіе, и далѣе, основательно прочиталъ, тогда читай тамъ, гдѣ еще ничего не писано“). Естьли же ты не чтецъ Священнаго Писанія, и краткозрящъ для примѣчанія шаговъ натуры,—то по крайней мѣрѣ дѣлай небольшое физическое и нравственное разсмотрѣніе себя самаго: ибо самого себя имѣешь ты всегда при себѣ“, и т. д. (стр. 134).

Не знаемъ, говорится ли это въ прямомъ смыслѣ или опять аллегорическомъ, есть ли это мистификація или симптомъ помѣшательства... Книжка написана, очевидно, въ розенкрейцерскомъ духѣ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ о великой мистической силѣ имени Iehowah, которому даетъ каббалистическія числовыя толкованія и которое было также могущественнымъ „grand nom“ для Сенъ-Мартена.

Мы не будемъ пускаться въ изслѣдованіе алхимическихъ секретовъ нашего розенкрейцерства; они были простымъ повтореніемъ западныхъ образцовъ, которые, въ свою очередь, брали эту мудрость, въ значительной степени, изъ готовыхъ средневѣковыхъ источниковъ. Изъ немногихъ подробностей, нами указанныхъ, читатель можетъ достаточно видѣть свойство этихъ странныхъ подновленій алхиміи и каббалистики, имѣвшихъ притязаніе построить высшую философію и строившихъ ее на совершенномъ отрицаніи здраваго смысла.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о масонскихъ сочиненіяхъ самого кружка. Книжки, изданныя имъ, представляютъ мало самостоятельнаго; это — повтореніе обще-

масонскихъ и потомъ розенкрейцерскихъ темъ, вражда противъ „злоупотребленій разума“, мистическая теософія и защита ордена. Таковы книжки: „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми писателями“ (1780—1787), Лопухина, — тетрадка въ нѣсколько страничекъ съ ребяческими обличеніями энциклопедистовъ; „Духовный рыцарь, или ищущій премудрости“ (1791), его же, маленькая книжка, гдѣ напечатанъ и „Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Франкъ-масоновъ“, составляющій апологію ордена противъ несправедливыхъ обвиненій и представляющій масоновъ истинными христіанами и вѣрными подданными; его же книжка „О внутренней церкви“, изданная уже при Павлѣ (1798) и наполненная обычнымъ туманнымъ мистицизмомъ. Книжка Тургенева: „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ?“, изданная сначала по-французски, и уже послѣ (въ 1796) по-русски, есть опять апологія ордена, доказывающая, что таковымъ гражданиномъ и подданнымъ именно бываетъ масонъ. Журналъ новиковскаго кружка: „Магазинъ Свободно-Каменьщической“ (1784) заключаетъ въ себѣ, кромѣ упомянутаго прежде „Опыта“, разсужденія и рѣчи, говоренныя въ ложахъ, и главнымъ образомъ, трактующія о спеціальныхъ нравственныхъ обязанностяхъ масона въ орденѣ: о довѣренности къ ордену и мастерамъ, о повиновеніи, о скромности, о любви къ отечеству и т. п. Тема повиновенія повторяется довольно часто, и это усиленное требованіе повиновенія едва ли не стоитъ въ связи съ розенкрейцерствомъ, потому что „неизвѣстные начальники“ именно требовали отъ розенкрейцеровъ слѣпого повиновенія и предостерегали ихъ отъ употребленія собственнаго разума. Затѣмъ въ „Магазинѣ“ помѣщенъ цѣлый рядъ масонскихъ хоровъ и пѣсенъ, гдѣ воспѣвается Екатерина, Павелъ, восхваляется орденъ и его мудрыя правила, обличаются пороки и вольнодумство, передъ которыми затворяется ложа:

„Бѣги отъ насъ, злой вольнодумецъ,
Распутный, мѣстъ сихъ удались!
Бѣги, неистовый безумецъ,
Безбожникъ адскій, здѣсь не зрись!“ и т. п.

Упомянемъ еще послѣдняго могикана этой литературы новиковскаго кружка, книгу: „Письма С. И. Г.“ (въ 2-хъ ч.,

Москва, 1832). Это были письма Гамалѣи, вѣрнаго друга и товарища Новикова, писанныя имъ къ одному другу и представляющія характеристическій образчикъ понятій, на которыхъ окончательно остановились московскіе розенкрейцеры [1]): это была довольно странная помѣсь христіанской мистики и строгаго аскетизма съ воспоминаніями тайной философіи, — письма изобилуютъ цитатами изъ Св. Писанія, понимаемыми въ самомъ мистическомъ смыслѣ, и когда разсужденія автора касаются внутренней человѣческой природы, мы видимъ, что онъ остается вѣренъ фантастикѣ Сенъ-Мартена и розенкрейцерства. Но несравненно любопытнѣе помѣщенныя въ этой же книгѣ письма Новикова къ Карамзину, по поводу изданія сочиненій этого послѣдняго. Въ одномъ изъ писемъ Новиковъ выражаетъ свое несогласіе съ философіей Карамзина и находитъ въ ней „болѣе пылкости воображенія и увлеканія въ царство возможностей, нежели основательности". Мы увидимъ сейчасъ, въ чемъ онъ полагалъ основательность. Рѣчь идетъ по поводу писемъ Мелодора и Филалета и разговора ихъ о счастіи, гдѣ въ Мелодорѣ Новиковъ узнаетъ самого Карамзина, а въ Филалетѣ—его друга Петрова, воспитанника новиковскаго кружка и, между прочимъ, переводчика „Хризомандера". Затѣмъ Новиковъ самъ разсуждаетъ объ истинной философіи,—такой, какою она должна быть по его мнѣнію. Мы приведемъ это разсужденіе, потому что оно чрезвычайно характеристично опредѣляетъ послѣдній пунктъ, къ которому пришли наши розенкрейцеры, — старыя, мнимо-философскія притязанія мистическаго масонства и странное положеніе, въ которое приходилось имъ становиться передъ здравымъ смысломъ и самыми элементарными понятіями науки:

..."Философія холодная мнѣ не нравится,—говоритъ Новиковъ. — Истинная Философія, кажется мнѣ, должна быть огненна, ибо она небеснаго происхожденія... И у меня есть свой Филалетъ, Англичанинъ, Философъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ, между прочимъ: „Покажите мнѣ науку, которая была

[1]) Замѣтимъ, что письма принадлежатъ къ послѣднимъ годамъ жизни Новикова и Гамалѣи; Гамалѣя дѣлилъ уединеніе Новикова въ селѣ Авдотьинѣ и немного пережилъ его: Новиковъ умеръ въ 1813, Гамалѣя въ 1822 году.

бы совершеннымъ, а не поддѣльнымъ отпечаткомъ творенія! Которая могла бы вести меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога! Чрезъ которую могъ бы я изслѣдовать всеобщія и невидимыя сущности, Ему подвластныя! Науку, чрезъ которую могу я вѣрно притти къ познанію всѣхъ тайнъ, въ натурѣ скрытыхъ! Такова есть та наука, въ которой физика Адама и всѣхъ патріарховъ состояла, и которая ему была открыта.

„Ежели кто захочетъ согласиться умомъ и сердцемъ со мнѣніемъ моего Филалета, что, кажется, и должно сдѣлать, ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова другихъ,—такъ философія вашего Филалета должна остановиться и призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣдующихъ не будутъ совершенно согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ безполезны. Какія же начала? А вотъ какія: что есть Богъ? Что есть Богъ въ единицѣ? Что есть Богъ въ Троицѣ? Что есть натура? Одна ли есть натура или болѣе? Таковымъ ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ инаковъ? Что есть небо и одно ли оно или болѣе? Впечатлѣна ли троичность Божія во всей его твари или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны? Какъ сотворенъ человѣкъ, изъ чего, изъ какихъ частей, и почему сказано о немъ, что онъ сотворенъ по образу Божію и по подобію? Казалось бы, и одного выраженія довольно было, но положено два. Также, почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама въ мужа и жену, а извѣстно по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Евы еще не было, и что Ева уже сотворена была изъ ребра Адамова, тогда, когда Адаму уже нужно было спать? О какихъ верхнихъ водахъ и нижнихъ сказываетъ Моисей, что Богъ отдѣлилъ верхнія воды отъ нижнихъ? Какъ мы это должны разумѣть?.. Одинъ ли существуетъ видимый или чувственный міръ, или есть другіе міры? Солнце и всѣ планеты и звѣзды принадлежатъ къ видимому міру; гдѣ же обитаютъ Ангелы? Гдѣ Божественный Престолъ? Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ [1]), на-

---

[1]) Вспомнимъ, что открытіе Урана точно также смутило и Сенъ-

ходя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія. Какъ же мы должны разумѣть слова Давидовы, который говоритъ, что Богъ въ солнцѣ положилъ селеніе Свое; и далѣе, что солнце, яко женихъ, выходитъ изъ чертога своего, и яко исполинъ, предпріемлетъ путь отъ края небесе до края небесе, и нѣтъ мѣста, которое бы укрылось отъ теплоты его, и проч. Что есть философія и откуда она? Изобрѣтена ли человѣкомъ или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она человѣческа, а мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣкѣ, во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ и перемѣнятся въ другія, новыя; намъ любезнѣе всего новое, новое и новое. Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыя Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій; за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ [1]). Однако, они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? Не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя. Любезные древніе философы и Патріархи не такъ разумѣли философію...“ (ч. II, стр. 254—261).

Слова Новикова едва ли еще требуютъ комментаріевъ. Это былъ, конечно, обскурантизмъ, хотя, повторяемъ, эта темнота мысли и бѣдность знаній могутъ найти больше

Мартена, потому что разстраивало мистическое число семь. Что бы они сказали теперь?

[1]) Новиковъ воображалъ, что имѣетъ о стихіяхъ высшее, алхимическое понятіе, переданное розенкрейцерствомъ: онъ считалъ ихъ четыре, какъ это и сказано въ „Теоретическомъ градусѣ“.

„облегчающихъ обстоятельствъ“ въ исторіи русскаго общества, чѣмъ можетъ находить ненавистный обскурантизмъ европейскихъ мистиковъ XVIII-го и XIX-го вѣка, и у насъ— обскурантизмъ Магницкаго. Новиковскій кружокъ находился въ заблужденіи по незнанію, въ которомъ до извѣстной степени не былъ виноватъ; но европейскіе обскуранты, какъ Сенъ-Мартенъ и подобные, были совершенно виноваты въ незнаніи, если дѣйствовали по незнанію, или же, какъ Вёлльнеръ и его розенкрейцеры, виноваты были въ прямой злоумышленной враждѣ къ просвѣщенію, когда дѣйствовали съ сознательной іезуитской цѣлью распространять невѣжество и развращать общественную нравственность. Когда въ XIX-мъ столѣтіи, въ періодъ господства меттерниховской реакціи, обскурантизмъ сталъ цѣлой системой, онъ становился уже настоящимъ преступленіемъ противъ просвѣщенія и народовъ, преступленіемъ, для котораго нѣтъ никакихъ оправданій.

Мы видѣли, какъ глубоко упалъ новиковскій кружокъ въ вопросахъ о наукѣ и просвѣщеніи. Тѣмъ не менѣе, при всей крайности мистицизма, овладѣвшаго масонствомъ, за нимъ остается извѣстная доля положительнаго нравственнаго вліянія. Прежде всего, не все масонство было розенкрейцерскимъ, и сами розенкрейцеры не измѣняли и не мѣшали тѣмъ преданіямъ стараго масонства, на которыя мы выше указывали и въ которыхъ было много нравственно полезнаго для общества, только что начинавшаго серьезно задавать себѣ нравственные вопросы. И у насъ это вліяніе масонства, быть можетъ, было цѣннѣе, чѣмъ въ западномъ обществѣ, потому что самая жизнь была бѣднѣе и ограниченнѣе. Для европейскаго масона общественная жизнь представляла несравненно больше умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; на литературной и ученой аренѣ шла открытая борьба, которая втягивала всѣ сильные умы и характеры,—масонство во многихъ случаяхъ становилось только предварительной элементарной школой, изъ которой общественный человѣкъ выходилъ на болѣе широкое поприще, оставляя тѣсную сферу закрытой и окруженной молчаніемъ ложи для живыхъ вопросовъ, волновавшихъ массу общества,

и для прямой практической дѣятельности. Такъ это дѣйствительно и было: Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Николаи, Лессингъ прошли черезъ ложи, какъ черезъ элементарную школу, которая не осталась для нихъ безъ теплыхъ впечатлѣній. У насъ дѣло стояло иначе: общественная мысль едва зарождалась, и масонскіе идеалы, какъ ни были они отвлеченны и неясны, дольше могли оставаться единственнымъ нравственнымъ руководствомъ и стремленіемъ. Это была особенно популярная форма нравственнаго воспитанія. Какъ нѣчто невиданное и неслыханное, оно могло имѣть успѣхъ между людьми, неспособными ни къ какой другой формѣ нравственнаго обузданія. Въ самомъ дѣлѣ, московскіе масоны, посылая свои мнѣнія на Вильгельмсбадскій конгрессъ, говорятъ, что обряды тампліерской системы, особенно сложные и пышные, производили большое впечатлѣніе на русскихъ, какъ „націю военную", гдѣ въ первое время поступали въ члены ордена люди изъ знатнаго дворянства, которое, будучи „воспитано весьма чувственнымъ образомъ", всего лучше понимаетъ подобные способы „показывать ему отношенія умозрительныя". Понимаемое сколько-нибудь серьезно, масонство способно было оставлять въ этихъ людяхъ благотворныя впечатлѣнія. Вступая въ ложу, новый членъ уже на первыхъ шагахъ встрѣчалъ оригинальную фантастическую символику, которая завлекала воображеніе и своимъ нравственнымъ смысломъ могла возбуждать хоть какую-нибудь работу сознанія. Съ тѣмъ же характеромъ являлась передъ читателемъ и масонская книга. Книги, собственно „орденскія", въ публику не пускались, а въ другихъ, при всемъ ихъ мистицизмѣ, проходили, однако, мотивы о нравственномъ достоинствѣ человѣка, о національной и религіозной терпимости, о нравственной равноправности людей, о человѣколюбіи, обязательномъ для мыслящаго человѣка и т. д., такъ что передъ читателемъ являлся нравственный идеалъ, въ первый разъ проповѣдуемый съ увлеченіемъ и настойчиво. Каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ въ его послѣдней редакціи у розенкрейцеровъ новиковскаго кружка, во многихъ книгахъ и въ обыкновенной практикѣ ложъ сохранялись его основныя понятія, и это, конечно, были понятія просвѣщенныя и прогрессивныя: эти относительно широкія религіозныя воззрѣнія (во

всякомъ случаѣ выходившія изъ обычной мѣрки), сознаніе человѣческаго достоинства, космополитическое чувство связи съ цѣлымъ человѣчествомъ, едва ли не въ первый разъ являлись теперь въ кодексѣ литературныхъ идей въ такой положительной формѣ. Опредѣляя это нравственное вліяніе масонства, мы не должны, въ особенности, забывать свойства той среды, въ которой ему приходилось дѣйствовать: эта среда, очень вѣрно нарисованная „Живописцемъ", не можетъ не входить въ разсчетъ при оцѣнкѣ его историческаго значенія. „Болѣе полная разработка матеріаловъ одна можетъ опредѣлить (замѣчаетъ Ешевскій), въ какой мѣрѣ мистическое направленіе могло способствовать смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія; но уже одна самоотверженная дѣятельность Н. И. Новикова служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ значительно было вліяніе этого направленія. Кто знаетъ, до какой степени вліяніемъ членовъ мистическихъ обществъ можетъ объясниться гуманный характеръ правленій Екатерины II-й и Александра I-го?" Такое вліяніе едва ли подлежитъ сомнѣнію; мы думаемъ только, что оно основано на нравственной, а не на мистической сторонѣ масонскаго содержанія, на преданіяхъ стараго англійскаго масонства, а не на розенкрейцерствѣ.

Въ нравственной оцѣнкѣ нашего масонства должна быть принята во вниманіе и другая сторона его, которая, едва ли справедливо, до сихъ поръ упускалась изъ виду. Мы уже замѣчали, что въ дѣятельности Новикова было то новаго для русскаго общества, что эта дѣятельность была свободной общественной иниціативой. Каково бы ни было собственное содержаніе понятій Новикова, онъ, во всякомъ случаѣ, заявлялъ права индивидуальной свободы мысли противъ обязательности авторитета, до тѣхъ поръ господствовавшей въ такъ называемомъ образованномъ классѣ безъ возраженій. Заявленіе его было, какъ мы видѣли, до послѣдней степени скромно; оно безпрекословно подчинялось всѣмъ существовавшимъ оффиціальнымъ условіямъ, но затѣмъ, въ этихъ опредѣленныхъ границахъ, оно требовало необходимаго простора для развитія личныхъ нравственныхъ стремленій. Противники Новикова не понимали, что это заявленіе было естественнымъ послѣдствіемъ того,

что общественная мысль начинала пробуждаться и, по обыкновеннымъ законамъ развитія, сама искала формы для своего выраженія, и что для успѣха дѣла (если онъ былъ желателенъ) надо было дать ей возможный просторъ и средства высказаться; эти противники поддались личной антипатіи, не хотѣли допустить ни содержанія, ни формы этой мысли, или, если отчасти одобряли содержаніе, не допускали формы и пріемовъ. Новикова нельзя было упрекнуть съ легальной точки зрѣнія (и впослѣдствіи его можно было упрекнуть только въ неважныхъ вещахъ); но имъ уже хотѣлось обязать его къ ходячимъ мыслямъ и ходячей морали; подъ конецъ его совершенно заставили замолчать и прекратить всякую дѣятельность. Это было крайне прискорбнымъ событіемъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія и крайне вреднымъ антецедентомъ для послѣдующихъ временъ. Если только легальныя требованія въ сущности исполнялись, общественное явленіе должно было быть предоставлено его собственному теченію: если направленіе было ошибочно, полезнѣе было бы дать ему высказаться, и оно всегда нашло бы въ самомъ обществѣ противодѣйствіе, которое лучше всего раскрыло бы его ошибки, и тогда, въ результатѣ, сохранились бы только его лучшія и благотворныя стороны, которыхъ, напримѣръ, даже противники не отвергали въ нашемъ масонствѣ. Насильственная остановка часто имѣетъ свойство только укрѣплять тѣ принципы, противъ которыхъ употребляются подобныя средства, и вызывать другія насилія. Слѣдующій историческій періодъ принесъ господство тѣхъ идей, которыя наканунѣ преслѣдовались, и это господство едва ли пріобрѣло отъ того мягкости и умѣренности: случалось, какъ извѣстно, совсѣмъ напротивъ... Личность и дѣятельность Новикова тѣмъ, въ особенности, и интересны для насъ, что онъ мистикъ, враждебно относившійся къ разумной наукѣ, и, наконецъ, почти готовый обскурантъ —своими убѣжденіями и дѣятельностью именно выражалъ эти требованія свободы мысли и общественнаго развитія. Какъ это ни странно, но въ этомъ именно и заключается историческое значеніе труда Новикова и нравственный интересъ его личности, потому что въ самомъ содержаніи его понятій, какъ мы сейчасъ видѣли, было слишкомъ много страннаго и непривлекательнаго. Къ

сожалѣнію, противники Новикова, желавшіе заставить его итти по рутинной дорогѣ, не видѣли, что просвѣщеніе подъ ферулой всегда будетъ только пародіей на просвѣщеніе: становясь въ первый разъ на ноги, оно, конечно, можетъ иногда падать, но ему надо предоставить свободу двигаться и оно окрѣпнетъ само, не будетъ нуждаться въ помочахъ, и только тогда оно будетъ прочнымъ національнымъ просвѣщеніемъ и дастъ настоящіе плоды.

Въ слѣдующихъ главахъ мы остановимся подробнѣе на этихъ отношеніяхъ дѣятельности Новикова и разсмотримъ характеръ нападеній на него противной стороны и свойство его послѣдняго процесса.

ГЛАВА XI.

Литературная борьба Екатерины II съ масонствомъ.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II, московское масонство понесло ударъ, который совершенно остановилъ его общественную дѣятельность и произвелъ подавляющее дѣйствіе на всѣхъ остальныхъ масоновъ. Этотъ ударъ былъ не случайнымъ неудовольствіемъ власти, а напротивъ, результатомъ давнишняго и постояннаго недовѣрія и вражды. Откуда же шли они—это недовѣріе и вражда?

Первоначальное процвѣтаніе, а потомъ паденіе новиковскаго кружка были явленіемъ общественнымъ и, въ этомъ смыслѣ, кромѣ ближайшихъ причинъ и личныхъ отношеній, въ которыхъ часто ищутъ ихъ единственнаго объясненія, они имѣли свои болѣе отдаленныя и болѣе обширныя причины. Историки замѣчаютъ, что императрица не любила масоновъ, что ей непонятно и непріятно было это увлеченіе фантастикой, и что она уничтожила масонскую дѣятельность Новикова, подозрѣвая въ ней политическую, враждебную ей тенденцію. Это—правда; но до послѣднихъ событій императрица терпѣла эту фантастику; она боролась противъ нея самымъ правильнымъ и почетнымъ оружіемъ—литературнымъ; масоны бывали въ ея ближайшей обста-

новкѣ [1]). Съ другой стороны, при слѣдствіи по дѣлу, она должна была убѣдиться въ несостоятельности своихъ преувеличенныхъ опасеній; тѣмъ не менѣе, Новиковъ былъ осужденъ, и осужденъ тяжелѣе всѣхъ другихъ, потому что относительно его ближайшихъ товарищей удовольствовались короткимъ московскимъ допросомъ, ограничились приказаніемъ имъ жить въ своихъ деревняхъ, а Лопухина, участвовавшаго съ Новиковымъ въ тайномъ печатаніи масонскихъ книгъ, даже оставили въ Москвѣ.

Дѣло въ томъ, что Новиковъ былъ, и естественно долженъ былъ казаться, самой сильной личностью московскаго кружка и настоящимъ представителемъ направленія: если у другихъ (особенно у богатыхъ аристократовъ) масонство могло быть прихотью или модой, у него оно объяснялось только убѣжденіемъ (по мнѣнію императрицы—злонамѣренностью). Это и привлекло на него особенную бурю. Но масонство, вообще, не имѣло подъ собой почвы въ русскомъ обществѣ и ему трудно, даже невозможно было держаться: при императорѣ Павлѣ, который даже покровительствовалъ масонамъ, гонимымъ наканунѣ, ложи оставались, однако, въ бездѣйствіи; при Александрѣ онѣ открылись снова, масонство расширилось, какъ никогда прежде, но тѣмъ не менѣе, въ 1822 г. ложи были опять закрыты, и, кажется, уже навсегда.

Историческое объясненіе этихъ фактовъ заключается въ томъ, что здѣсь встрѣчались два различныхъ начала, взаимное отношеніе которыхъ можетъ служить мѣркой внутренняго развитія общества, начало авторитета или административной опеки и начало общественной самодѣятельности. Въ своемъ крайнемъ смыслѣ первое исключаетъ собою второе, какъ это и бываетъ въ обществахъ съ слабымъ внутреннимъ развитіемъ; и чѣмъ больше оба начала сближаются и чѣмъ больше развивается объемъ второго, тѣмъ больше общество, развивая внутреннія свои силы, становится способно къ прочному гражданскому процвѣтанію.

Новиковскій кружокъ, какъ мы не разъ замѣчали,

[1]) Елагинъ, Зах. Чернышевъ, Бибиковъ, Репнинъ, Строгановъ, Храповицкій и др. Масонскій слухъ могъ даже утверждать, будто она сама, тайнымъ образомъ, присутствовала въ ложѣ при посвященіи в. кн. Павла Петровича.

именно представляетъ собой попытку общественной самодѣятельности въ новомъ русскомъ обществѣ, созданномъ петровской реформой, и судьба его, какъ судьба цѣлаго русскаго масонства, служитъ указателемъ того положенія, въ какомъ стояло тогда это начало въ русской жизни.

Времена были еще крайне неблагопріятны для общественной самодѣятельности. При Екатеринѣ переживалъ самую блестящую эпоху тотъ старый общественный порядокъ, который основанъ былъ еще московской централизаціей и представлялъ крайнее развитіе правительственной опеки надъ всѣми сторонами общественной жизни. Принудительный характеръ петровской реформы, за который осуждали ее славянофилы, самъ былъ еще наслѣдіемъ старинной государственной практики; реформа еще усилила государство матеріальными средствами европейской образованности. Вѣкъ Екатерины продолжалъ ту же систему опеки, которая, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII-го столѣтія, направилась теперь и къ нравственному улучшенію общества, но опять только по предписаніямъ того авторитета, который управлялъ и внѣшней жизнью государства.

Стремленія правительственной опеки къ улучшенію внутренняго быта и нравовъ (любопытнымъ памятникомъ которыхъ остался знаменитый „Наказъ“) и постепенное развитіе самаго общества, дѣйствительно породили въ обществѣ потребность нравственнаго улучшенія. Но необходимое условіе дѣйствительнаго нравственнаго успѣха заключается въ самостоятельной работѣ общества, отъ котораго въ этомъ случаѣ невозможно требовать, чтобы оно слѣдовало исключительно чьей-либо одной программѣ: напротивъ, ему необходимъ извѣстный просторъ и свобода выбора. А здѣсь, въ положеніи русскаго общества второй половины XVIII-го вѣка, это условіе было почти немыслимо: по господствующему началу опеки, первое несогласіе во взглядахъ, первое рѣшеніе того или другого вопроса, независимое отъ этого начала, должны были повести къ столкновенію, въ которомъ слабая попытка самодѣятельности должна была пасть. Такъ это и случилось съ дѣятельностью Новикова.

Подобные примѣры повторяются и во многихъ литера-

турныхъ событіяхъ того времени. Припомнимъ журналы 90—80-хъ годовъ XVIII вѣка. Сатирическіе листки, появившіеся съ конца 60-хъ годовъ, уже скоро стали возбуждать неудовольствіе императрицы, потому что переступали границу, какую она предполагала для литературныхъ упражненій. Переписка фонъ-Визина съ авторомъ „Былей и Небылицъ“ окончилась очевиднымъ неудовольствіемъ, и брюзгливый „дѣдушка“, выведенный въ „Быляхъ“ представителемъ старыхъ, болѣе благоразумныхъ временъ, крайне раздраженъ на людей, которые стали разсуждать слишкомъ смѣло и „о всемъ мірѣ косо и криво пекутся“.

Обративши вниманіе на тонъ извиненій фонъ-Визина послѣ извѣстныхъ отвѣтовъ автора „Былей и Небылицъ“ на его вопросы, мы достаточно поймемъ, что это уже перестало быть литературнымъ состязаніемъ,—и если мы не ошибаемся -письмо произвело въ Екатеринѣ только презрѣніе къ его автору [1]). Свободнаго выраженія мыслей, конечно, нельзя было и ожидать. При одномъ изъ своихъ отвѣтовъ фонъ-Визинъ, авторъ „Былей“ замѣчаетъ: „сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли“ (очевидно, вовсе не поощряя этого свободоязычія); а на объяснительное письмо фонъ-Визина, просившее автора „Былей“ обличать пороки, авторъ замѣчаетъ, что изъ „Былей“ „строго исключается все то, что не въ у л ы б а т е л ь н о м ъ д у х ѣ и не по вкусу прародителя моего“ (упомянутаго брюзгливаго „дѣдушки“), „либо скуку возбудить могущее“ [2]). Конечно, такая программа была весьма неблагопріятна для противорѣчій, особенно упорныхъ.

А такимъ упорнымъ противорѣчіемъ невольно, при всей осторожности, становилась издательская и масонская дѣятельность новиковскаго кружка. Характеръ этихъ изданій не подходилъ подъ программу; изданія выражали образъ

[1]) Именно, если мы не ошибаемся, что къ этому автору относятся слова императрицы въ письмѣ къ кн. Дашковой: „le misérable travail qui soit évidemment de la plume de l'auteur des Questions“ etc. Mémoires [de la princesse D a s c h k o f f. Publié par Mistress W. Bradfort, traduit de l'anglais par Alfr. des E s s a r t s]. T. III, P. 1859, стр. 127 [въ изданіи Bibliothéque russe et polonaise, т. XI].

[2]) Соч. Е к а т е р и н ы II [акад. изд., т. V, Спб. 1903, стр. 54, 70, 71].

мыслей, составившійся внѣ ея и стремились (худо-ли, хорошо-ли) вызывать общество на серьезные нравственные вопросы. Масонскія мнѣнія были непріятны императрицѣ, но масоны считали себя въ правѣ какъ держаться ихъ въ душѣ, такъ и излагать ихъ литературно, когда на нихъ не только еще не падало запрещенія, но масонство имѣло полную терпимость. Стѣсненія масонской дѣятельности начинаются съ тѣхъ поръ, какъ орденъ пересталъ быть игрушкой и начиналъ дѣлаться извѣстной нравственной силой.

Таковъ былъ общій смыслъ положенія масонства. Оно было открыто всякимъ случайностямъ, потому что, какъ примѣръ общественной инціативы, оно, вообще, не имѣло никакихъ прочныхъ правъ существованія [1]).

Съ самаго начала масонство показалось постороннимъ людямъ, вообще, чѣмъ-то подозрительнымъ: какъ новость, нарушавшая старину, оно порождало недовѣріе, смыслъ его былъ непонятенъ. При Елизаветѣ графа Головина формально допрашивали объ его масонствѣ; позднѣе, къ масонству нѣсколько привыкли, но въ массѣ общества оставалась подозрительность и вражда. Для людей стараго вѣка, „фармазонъ“ былъ столько же ненавистенъ, какъ „волтеріянецъ“,—хотя это должны были быть люди весьма различнаго свойства. Какъ понимали масоновъ въ извѣстномъ слоѣ общества, довольно видно изъ той „псалмы“, о которой упомянуто выше: масоновъ обвиняли въ какомъ-то ужасномъ нарушеніи общественныхъ правилъ, религіи и нравственности.

Другого рода нападенія на орденъ нашли себѣ мѣсто въ литературѣ.

Главное и почти исключительное мѣсто принадлежитъ здѣсь сочиненіямъ императрицы Екатерины; она нѣсколько разъ возвращалась къ этому предмету, и поданный ею примѣръ былъ, конечно, главнымъ поводомъ и къ литератур-

[1]) Въ слѣдующемъ изложеніи мы не будемъ пересказывать всей исторіи паденія московскаго кружка; отсылая читателя къ изложенію фактовъ у Лонгинова, мы остановимся преимущественно на томъ, что у него объяснено недостаточно, или невѣрно, или не указано вовсе.

нымъ выходкамъ противъ масонства у другихъ, напр., и у Державина. Первымъ нападеніемъ императрицы была брошюра въ нѣсколько страницъ, подъ названіемъ: „Тайна противо-нелѣпаго общества (Antiabsurde), открытая непричастнымъ оному"; она была издана въ 1780, хотя помѣчена 1759-мъ годомъ [1]). По указанію Бёбера, брошюра вызвана была начавшимися передъ тѣмъ связями русскихъ масоновъ съ Швеціей. Это—нерѣдко весьма остроумная пародія масонскаго ритуала, заключающая въ себѣ, во-первыхъ, „Извѣстіе" о началѣ противо-нелѣпаго, т. е. противнаго масонскимъ нелѣпостямъ общества („общество сіе начало свое воспріяло въ то самое время, въ которое общій разсудокъ въ свѣтъ ввошелъ", т. е. здравый смыслъ, esprit commun); во-вторыхъ, „Обрядъ принятія" и, въ-третьихъ, „Катехизисъ". Масонскимъ странностямъ въ этой пародіи противополагается здравый смыслъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

„Ложа принятія должна быть комната, которая бы отнюдь не походила на корчму, а тѣмъ менѣе на лавку площадныхъ врачей".

Первое намекаетъ на застольныя собранія масоновъ или, такъ называемыя, столовыя ложи, которыя были особенно въ ходу въ началѣ нашего масонства, какъ мы выше упоминали; второе указываетъ, вѣроятно, на символическія принадлежности ложи и масонскаго наряда, хотя сравненіе, взятое не изъ русскихъ нравовъ, едва ли было мѣтко.

„Мушьи ножки, начерченныя мѣломъ, и прочія дѣтскія игрушки, или шалости, навсегда изъ оной изгнаны".

Это намекаетъ, вѣроятно, на масонскій чертежъ, который для принятія новаго брата чертился мѣломъ на полу ложи и изображалъ масонскіе символы; этотъ чертежъ дѣлался также особо и его просто клали на полъ; это такъ называемый „коверъ" (tapis).

„Принимаемый входитъ съ своимъ вводителемъ, не имѣя глазъ завязанныхъ и во всей одеждѣ для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ честной бесѣдѣ быть обнаженнымъ".

---

[1]) Перепеч. въ соч. Екатерины II, акад. изд., т. V, Спб. 1903, стр. 345—352. Ред.

Масонскій ритуалъ въ обрядѣ принятія требовалъ завязыванія глазъ принимаемому и обнаженія груди и одного колѣна.

Далѣе, принимаемаго подводятъ къ начальнику противо-нелѣпаго общества, даютъ ему вынимать изъ корзины разныя тетради и спрашиваютъ его мнѣнія объ ихъ содержаніи. Принимаемый находитъ въ корзинѣ (конечно, брошенныя туда противо-нелѣпыми людьми по негодности) тетради, пародирующія масонскую мудрость, церемоніи и костюмы: „скаска о кикимарахъ, о бабѣ-Ягѣ, въ которой нѣтъ ни капли общаго разсудка, и коими надъ людьми издѣваются“; дальше: „шарлатанство, двадцать разъ объ одномъ повторяемое, которое болѣе ни къ чему не служитъ, какъ только къ ежедневному умноженію числа въ обманъ вдающихся“; „болтанье и дѣтскія игрушки сколь скучныя, столь отвратительныя; маскерады и смѣшныя украшенія всякаго рода, всякія нелѣпости, съ вопросами и отвѣтами, имъ подобными“. Принимаемый на все отвѣчаетъ, что это скучно, нелѣпо и „скаредно“.

Затѣмъ начальникъ объясняетъ новопринятому: „Государь мой! наше общество не посылаетъ своихъ денегъ къ чужестранцамъ;—мы дружелюбно и весело вмѣстѣ ужинаемъ; теперь отъ васъ зависитъ число наше умножить; другой разъ вы заплатите вашъ рубль. Если у насъ остаются деньги, мы помогаемъ ими бѣднымъ людямъ, которые съ нами въ одной землѣ живутъ. Не забывайте никогда, что человѣческій здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть мечтанія, а разумъ вдаваться въ небылицы“.

Въ „Катехизисѣ“ начальникъ и принимаемый, между прочимъ говорятъ такъ:

Вопросъ. Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ?

Отвѣтъ. Въ жмурки.

В. Одни ли малыя дѣти въ сію игру играютъ?

О. Малые и также большіе...

В. Кто таковы тѣ большіе дѣти, о коихъ вы сказали?

О. Тѣ, кои, безпрестанно обманывая другихъ, многократно сами въ обманъ вдаются...

В. Что противуполагается общему разсудку и правиламъ прямого разсужденія?

О. Химеры, привидѣнія и изступленія.

В. Что противополагается строгой точности?

О. Пустыя и неясныя слова...

В. Что такое есть, которое въ просторѣчіи называется обезьянствомъ?

О. Необычайныя и странныя тѣлодвиженія. (Подъ этими послѣдними разумѣются условные пріемы и тѣлодвиженія, по которымъ масоны узнавали другъ друга, и которые употреблялись въ ложахъ при разныхъ обрядахъ).

Эта пародія вполнѣ выражаетъ взгляды императрицы на масонство: ей не нравились его мистическій туманъ и внѣшнія странности; ей не нравилось и то, что масоны посылаютъ деньги чужестранцамъ, тогда какъ члены противо-нелѣпаго общества помогаютъ бѣднымъ, живущимъ съ ними на одной землѣ. Но пародія по разнымъ причинамъ не была убѣдительна: личная антипатія автора была замѣтна, но сущность дѣла не была еще опровергнута.

Кто доказалъ тогда нашимъ масонамъ, что орденъ есть только игрушка и произвольная выдумка? Они знали, напротивъ, что ему придается высокій авторитетъ, что онъ имѣетъ множество послѣдователей въ Европѣ, между людьми даже высокаго общественаго положенія, людьми образованными, которыхъ они могли считать не легко способными вдаваться въ пустой обманъ; что многіе изъ государей Европы были его членами и оказывали ему покровительство. Орденъ, какъ учрежденіе, по ихъ мнѣнію, чрезвычайно древнее и закрытое для профановъ, могъ, естественно, имѣть свои внѣшнія отличія, обстановку и символы; они могли казаться смѣшны для постороннихъ, но это не лишало ихъ внутренняго значенія. Его символы были исполнены нравственнаго смысла, превышавшаго ходячую мораль. Наконецъ, посылка денегъ чужестранцамъ могла не считаться дѣломъ особой важности; посылки были невелики и притомъ масоны могли указать на гораздо большія деньги, которыя отдавались такимъ же чужестранцамъ за пустую модную роскошь, или которыя тратились для поощренія „безбожныхъ“ писателей, какъ Вольтеръ или Дидро, ненавистныхъ тогда не однимъ масонамъ.

Приравнивая масоновъ къ малымъ дѣтямъ, а ихъ ле-

генды къ ребячьимъ сказкамъ, пародія такъ развиваетъ еще этотъ аргументъ:

Вопросъ. Какія сказки кормилицы сказываютъ дѣтямъ?

Отвѣтъ. Сказки о домовыхъ дѣдушкахъ и о кикимарахъ.

В. Забавны ли онѣ или нравоучительны?

О. Никакъ, онѣ наводятъ лишь зѣвоту, и все тутъ.

В. Что дѣлали въ такихъ случаяхъ благоразумныя воспитательницы въ половинѣ осьмагонадесять столѣтія?

О. Онѣ запрещали сказывать сказки о кикимарахъ и прочая.

Это, конечно, еще меньше рѣшало вопросъ. Во-первыхъ, зачѣмъ запрещать, если сказки наводятъ лишь зѣвоту, а другой опасности не представляютъ? Во-вторыхъ, если можетъ быть благоразумной педагогической мѣрой запрещеніе нескладныхъ сказокъ маленькимъ дѣтямъ, то для нѣсколько взрослыхъ запрещенія, какъ извѣстно, цѣли не достигаютъ: они заставляютъ только дѣлать запрещаемое тайкомъ, что бываетъ еще хуже, потому что вводитъ недовѣріе и лицемѣріе. Для большихъ дѣтей нужны объясненія, а такого объясненія наши масоны не получали.

Въ томъ же тонѣ написаны и три комедіи императрицы Екатерины противъ масонства, теософіи, духовидѣнія и магнетизма. О комедіяхъ „Обманщикъ“ и „Обольщенный“ (обѣ 1785), сама императрица пишетъ къ Циммерману: „первая весьма живо представляетъ Каліостро (коего я никогда не видывала, ни его жены, хотя она здѣсь и была), а другая— имъ обманутыхъ“. Третья комедія была „Шаманъ Сибирскій“ (1786), для которой, по словамъ самой императрицы, послужила основой статья Энциклопедіи Théosophes [1]).

Это была цѣлая систематическая полемика. Комедіи императрицы переводились на французскій и нѣмецкій языки; императрица писала о нихъ Циммерману, что, какъ извѣстно, служило для нея только своего рода средствомъ полуоффиціально дѣлать извѣстными свои мысли о томъ или другомъ предметѣ. Она писала къ Циммерману съ мнимой откро-

---

[1]) Комедіи „Обманщикъ“, „Обольщенный“ и „Шаманъ Сибирскій“ перепечатаны въ сочин. Екатерины II, акад. изд., т. I, Спб. 1901. Ред.

венностью о политическихъ предметахъ, будучи увѣрена, что письма будутъ прочитаны на иностранной почтѣ или будутъ распространены самимъ Циммерманомъ. Она говоритъ съ нимъ и объ этихъ комедіяхъ и посылаетъ къ нему ихъ переводы. Екатеринѣ, очевидно, хотѣлось не только обличить заблужденія своихъ подданныхъ, но и кольнуть нѣмецкихъ масонскихъ мистиковъ, у которыхъ тѣ поучались. Циммерманъ игралъ тогда роль esprit fort, человѣка безъ предразсудковъ, и самъ полемизировалъ одно время противъ мистиковъ. Въ статьѣ своей противъ страсбургскихъ магнетизеровъ онъ упоминаетъ о сибирскихъ шаманахъ и пишетъ императрицѣ комплименты по поводу ея комедіи. „Я очень рада, — отвѣчаетъ она,—что вы хорошо отзываетесь о „Сибирскомъ Шаманѣ", ибо сама очень люблю эту піесу, но опасаюсь, что она никого не исправитъ. Нелѣпости стойки; содержащіяся же въ сей піесѣ сдѣлались модными. Большая часть нѣмецкихъ принцевъ думаютъ, что слѣпо предаваться симъ фиглярствамъ принадлежитъ къ искусству жить въ свѣтѣ... Сіи новыя заблужденія принудили у насъ сдурачиться такимъ людямъ, которые прежде сего не были дураками..." [1]). Описывая татарскихъ имамовъ, видѣнныхъ ею въ Крыму, она замѣчаетъ: „Между ними есть такіе люди, кои вертятся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ обморокъ, и все кричатъ: алла гюе; такіе очень близки получить вдохновеніе, а слѣдовательно, не очень далеки отъ шамановъ сибирскихъ и нѣмецкихъ..." О первыхъ двухъ комедіяхъ императрица пишетъ Циммерману: „Наша публика весьма полюбила сіи двѣ піесы, которыя и въ самомъ дѣлѣ очень забавны. Я для того къ вамъ сіе пишу, чтобъ вы знали, какъ здѣсь обходятся съ иллюминатами. Говорятъ, что Германія ими наполнена, и это, я думаю, по модѣ, потому что французы восхищаются такими бреднями..." Наконецъ, въ письмѣ 1788 г.: „Думаю, что ученики Каліостровы столь же безопасны, какъ и Магометовы... Это секта слабыхъ умовъ и фанатиковъ" [2]).

---

[1]) Въ этомъ случаѣ она могла, между прочимъ, разумѣть И. П. Елагина и графа А. С. Строганова (Лонгиновъ, 133; Державинъ, изд. Грота, I, 245).

[2]) Соч. Екатерины, изд. Смирдина, III, 443, 451, 456. [Ср. акад.

Комедіи императрицы достаточно извѣстны, и мы извлечемъ изъ нихъ только обвинительные пункты, ради которыхъ онѣ написаны. Сибирскій шаманъ, вывезенный въ Петербургъ, возбуждаетъ въ столицѣ великое удивленіе: онъ колдуетъ, угадываетъ людскіе характеры по чертамъ лица, лечитъ мудреныя болѣзни и т. п. Благоразумное лицо комедіи, выведенное, по обычаю, и здѣсь, разсуждаетъ обо всемъ этомъ такъ: „Глупость и невѣжество вездѣ видитъ колдовство тутъ, гдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится". Комедія есть pièce d'intrigue, и шаманъ играетъ роль, какую исполняетъ во французскихъ комедіяхъ ловкій интриганъ-слуга: онъ соединяетъ любящія сердца и, собственно говоря, этимъ дѣлаетъ хорошее дѣло. Но порокъ долженъ быть наказанъ, и комедія все-таки кончается криминально: шамана берутъ подъ стражу. Вина его въ томъ, что онъ выманивалъ деньги у легковѣрныхъ, завелъ шаманскую школу и, между прочимъ, устроилъ слѣдующее: „сказываютъ, будто онъ у какой-то купеческой вдовы выманилъ денегъ и обѣщалъ ей показать мужа на яву, и для того приводилъ къ ней два дня сряду нарочно наряженныхъ бородачей, коихъ она, испугавшись, приняла за мертваго сожителя", и этотъ обманъ потомъ открылся. Но насколько виноватъ былъ шаманъ въ чужой глупости? Онъ не самъ пріѣхалъ изъ Сибири въ столицу, его вывезли другіе, которые, собственно говоря, и должны бы быть въ отвѣтѣ, но казнь пала на одного шамана, и если другія преступленія шамана были похожи на приключеніе съ купчихой, исполненное комизма, то авторъ едва ли бы не лучше достигъ своей цѣли (исправленія нравовъ), если бы оставилъ дѣло на почвѣ смѣшного, а не сводилъ его къ уголовному суду; да кромѣ шамана занялся бы и купчихой. Съ уголовнымъ судомъ, особенно стариннымъ, комизмъ прекращается.

Въ „Обманщикѣ" комедія опять не выдерживаетъ безъ уголовнаго суда. Лицо, изображающее Каліостро, говоритъ мистическій вздоръ, бесѣдуетъ съ духами, варитъ золото хозяину дома (гдѣ его дружески приняли), и для этого от-

---

изд., т. I, стр. 288, 342—346]. Мы упоминаемъ дальше о смѣшеніи масоновъ съ иллюминатами, которое дѣлаетъ императрица, говоря о своихъ комедіяхъ противъ масонства.

бираетъ у хозяина настоящее золото и алмазы и съ ними исчезаетъ. Въ концѣ комедіи полиція, однако, излавливаетъ его и отдаетъ въ руки правосудія.

Въ „Обманщикѣ“ собрано, кажется, всего больше подробностей, принадлежащихъ собственно русскому масонству. Главное лицо комедіи, Радотовъ (radoter — болтать), есть именно мартинистъ, какъ ихъ тогда представляли. Онъ ведетъ себя странно. Жена его боится, чтобы онъ не сошелъ съ ума: онъ говоритъ не такъ, какъ другіе, въ мысляхъ есть связь, но онѣ странны. На вопросъ, не жалуется ли онъ на болѣзнь, жена отвѣчаетъ: „боли всякой онъ весьма радъ, какъ собственно своей, такъ и людей постороннихъ“, потому что, по словамъ его, „болѣзнь есть благое самое состояніе“ (указаніе на мистическій аскетизмъ, какой былъ у нашихъ масоновъ). Дальше: „На прошедшей недѣлѣ пропали у насъ часы со стола, у меня табакерка; пришли ему про то сказать, онъ съ улыбкой молвилъ только: хорошо, кому ни есть годятся“ (есть подобные разсказы о другѣ Новикова, Гамалѣѣ). „Онъ уклоняется отъ того, что намъ кажется хорошо, весело, пріятно; равномѣрно и отъ людей и дѣлъ“. Началось это съ нимъ „съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ былъ въ отпуску: на дорогѣ, что ли, встрѣтился съ какимъ-то человѣкомъ, котораго онъ привезъ сюда; съ нимъ онъ запершись сидитъ долго и приводятъ къ нему еще нѣсколько людей, коихъ имена и состояніе мало кому извѣстны. Одѣты они дурно, говорятъ языкомъ невразумительнымъ, лицами блѣдны, отъ голода ли то, не вѣдаю; но когда съ нимъ обѣдаютъ, тогда для нихъ вдвое пить и ѣсть изготовить надлежитъ“.

Благоразумное лицо комедіи говоритъ о немъ такъ: „Я его почитаю обманутымъ... Онъ доискивается вещей такихъ, кои давно въ свѣтѣ извѣстны, что найти нѣтъ возможности, и точно всего того, что изстари замыкалось подъ разумнымъ словомъ суемудрія... Похоже на то (что онъ бредитъ), ибо онъ варитъ золото, алмазы, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ нивись что: домогается притомъ имѣть свиданіе съ какими-то невидимками, посредствомъ разныхъ шалостей и сущихъ ребячествъ, коими разумный свѣтъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго смѣется... Голову свернули ему каббалическія старыя

бредни; для разобранія какихъ-то цифровъ досталъ онъ еврейскаго учителя, котораго онъ почитаетъ за весьма великаго знатока... сей бѣдной Жидъ потаенно здѣсь торгуетъ въ лоскутномъ ряду“.

Нелѣпостями Радотова заражена и его дочь. Бабушка ея разсказываетъ: „Пришла ко мнѣ въ горницу внука моя Таисія, увидѣла на столѣ передо мною стоитъ стаканъ съ цвѣтами; она начала цѣловать листочки, я спросила: на что? она на то сказала, что на каждомъ листѣ душекъ обитаетъ!.. и будто на булавошномъ концѣ нѣсколько тысячъ умѣщается!.. Я отъ страха обмерла!.. вѣкъ чего мы боялись!.. предковъ нашихъ въ ужасъ приводило... отъ чего отплевывались... съ тѣмъ нынѣ самовольно окружаются! и щенки уже возятся!.. развращеніе вѣдь это сущее!“

Наконецъ, еще одна черта: „Они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ“, на что одно изъ благоразумныхъ лицъ комедіи замѣчаетъ: „Дѣла такого роду на что производитъ сокровенно? когда благимъ указаніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства“. То же лицо выражается вообще относительно масонства: „Колико отдаляется въ жизни кто отъ принятыхъ уже повсюду правилъ, толико приближается онъ къ колобродному воображенію“.

Какъ видимъ, сюжетъ и здѣсь сводится опять къ тому же мотиву, именно къ воровству-мошенничеству, которое въ концѣ комедіи открывается и наказывается уголовнымъ порядкомъ. Сравнивая содержаніе комедіи съ общественнымъ явленіемъ, изображеніе котораго было ея цѣлью, мы найдемъ, что авторъ переступалъ мѣру: онъ слишкомъ явно хотѣлъ уронить масонство и представить его въ пошломъ видѣ; комическая сила исчезала за очевиднымъ его раздраженіемъ. Каково бы ни было масонство того времени, но свести его на одно разбиваніе бауловъ съ деньгами и нескладный „сумбуръ“ въ рѣчахъ было слишкомъ преувеличено. Масонство состояло не въ этомъ, и не люди „неизвѣстнаго состоянія“ были его заводчиками: правда, въ немъ появлялись и авантюристы, но, главнымъ образомъ, свои

люди изъ высшей аристократіи пускались въ ревностные поиски за масонствомъ, какъ, напр., русскіе друзья Сенъ-Мартена, Воронцовъ, Репнинъ, Скавронскій, Голицынъ, Кошелевъ, какъ другіе искатели масонской и розенкрейцерской алхиміи...

Далѣе, насколько нравственныя стремленія масонства отступали отъ принятыхъ уже правилъ, мы видѣли выше въ исторіи личныхъ понятій Новикова: нерѣдко бывало то, что эти отступленія вызывались именно болѣе высокими нравственными требованіями, какимъ не удовлетворяла принятая мораль; масонскій аскетизмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже доходилъ до отрицанія крѣпостного права. Самая масонская фантастика могла находить оправданіе въ условіяхъ нашей образованности. Что, напримѣръ, хотѣлъ сказать авторъ словами бабушки о сущемъ развращеніи ея внучки? „Развращеніе“ состоитъ только въ томъ, что бабушка, какъ женщина стараго вѣка, боялась разговоромъ о духахъ накликать нечистую силу. Если внучка уже смѣло говоритъ о духахъ, то это былъ даже нѣкоторый успѣхъ,— конечно, еще плохой, но, во всякомъ случаѣ, не хуже стараго. „Разумный свѣтъ“, правда, могъ смѣяться надъ такими ребячествами (притомъ, надъ ребячествами не только внучки, а еще болѣе самой бабушки); но средства русскаго образованія были, къ сожалѣнію, еще не такъ велики, чтобы массу общества можно было слишкомъ винить за тѣ или другіе предразсудки; а главное, настоящее образованіе поощрялось очень умѣренно, и самъ авторъ „Былей и небылицъ“ бывалъ очень недоволенъ, когда въ образованныхъ людяхъ проявлялись свойства, которыхъ „наши предки не имѣли“.

Новое поколѣніе было, однако, лучше стараго уже въ томъ, что все-таки думало объ учрежденіи школъ, больницъ и т. п. Благоразумное лицо комедіи и здѣсь упрекаетъ масоновъ, что они дѣлаютъ это потаенно. Это обвиненіе не вполнѣ точно: масоны дѣйствительно окружали свое общество таинственностью (хотя она, по словамъ самой императрицы, похожа была на театральную тайну, о которой говорятъ такъ, что всѣмъ слышно, и, кромѣ того, эта тайна во многихъ книгахъ напечатана), но свои больницы и школы наши масоны учреждали вовсе не потаенно,

а напротивъ, совершенно откровенно: объ нихъ печаталось и во всеобщее свѣдѣніе.

Наконецъ, извѣстная доля этихъ обвиненій была уже разъяснена самими масонами. Мы уже говорили, что масса общества питала предубѣжденіе противъ нихъ; масоны знали о нерасположеніи императрицы, и еще до появленія комедій воспользовались для своей защиты апологіями ордена, являвшимися въ западной литературѣ масонства. Такова „Апологія", изъ которой мы уже приводили отрывки; по мнѣнію масоновъ, она, вѣроятно, достаточно опровергала обвиненія, какія взводились на нихъ съ общественно-политической точки зрѣнія. Мы приведемъ ея главнѣйшія аргументы [1]).

Упомянувши сначала разныя неблагопріятныя мнѣнія, существовавшія тогда объ орденѣ, и сказавши о дѣйствительныхъ недостаткахъ нѣкоторыхъ братьевъ и „ложныхъ масоновъ", авторъ берется, однако, защищать орденъ отъ обвиненій несправедливыхъ, и ведетъ защиту почти такъ:

— Масоновъ обвиняютъ, что они скрываютъ свое ученіе въ тайнѣ, что, поэтому, ихъ тайна есть, вѣроятно, „тайна злобы"; что такъ какъ правительство не знаетъ этой тайны, и масонское общество существуетъ безъ разрѣшенія правительства, то оно составляетъ государство въ государствѣ и, слѣдовательно, не должно быть терпимо. Авторъ отвѣчаетъ на это, что тайна есть не въ одномъ масонствѣ, и одна тайна не можетъ ничего говорить противъ ордена: государственные люди также имѣютъ и скрываютъ свои тайны, а ихъ никто, однако, не винитъ; и масоны употребляютъ тайну потому, что не всѣмъ людямъ доступно ученіе подобное ихъ ученію, и тайна нужна именно для того, чтобы сохранить его въ чистотѣ. Масоновъ вовсе нельзя упрекнуть въ томъ, что они составляютъ status in statu, какъ можно было упрекнуть въ этомъ іезуитовъ, это, конечно, самое опасное и вредное обвиненіе для ордена, но оно по-

---

[1]) „Апологія", изданная безъ имени автора, принадлежитъ, какъ было уже сказано, одному изъ самыхъ крупныхъ интригановъ нѣмецко-русскаго масонства, извѣстному оберъ-гофъ-предигеру Штарку, о которомъ см. выше [стр. 111—115]. Но это не дѣлаетъ раз ницы въ содержаніи аргументовъ, которые были довольно общими у масоновъ.

ложительно опровергается тѣмъ, что въ орденѣ находятся самые важные государственные люди, и даже самые государи (какъ, напримѣръ, императоръ Францъ), которые, конечно, не могутъ быть врагами государству; при томъ братья обязываются повиноваться государственной власти, что должно было бы освободить ихъ отъ подозрѣній.

Масонамъ говорятъ, что ихъ общество безполезно, что каменщики строятъ уже давно, по ихъ счету чуть не съ сотворенія міра, но еще никогда ничего не выстроили, слѣдовательно, государству эти люди безполезны и оно имѣетъ право изгонять ихъ. Авторъ отвѣчаетъ, что мудрено судить о томъ, о чемъ нѣтъ свѣдѣній, и что глухіе считаютъ безполезными музыкантовъ, а слѣпые живопись. Противъ масоновъ существуетъ предубѣжденіе, и это самое заставляетъ ихъ скрываться; люди предубѣжденные не хотѣли признавать и явныхъ хорошихъ дѣлъ масонства, которыя были, однако, оцѣнены тамъ, гдѣ масоны могли существовать открыто, именно въ Англіи и Швеціи. Достаточно, если орденъ улучшаетъ своихъ собственныхъ членовъ, которые продолжаютъ принадлежать государству; этимъ орденъ приноситъ свою пользу.

— „У васъ, говорятъ масонамъ, сборище всякихъ людей, состояній, возрастовъ, народовъ и ремеслъ. Таковая смѣсь нельзя, чтобы не колебала отъ Бога и натуры основанный порядокъ и наблюдала точно законъ каждаго, и сонмище ваше тѣмъ опаснѣе, что оно покрываетъ всю землю“. Мы привели выше разсужденіе „Апологіи“ о религіозной терпимости, защищающее орденъ относительно „всякихъ вѣръ“. Авторъ говоритъ дальше, что еслибъ орденъ держался относительно „состояній“ противоположнаго правила и принималъ не всякихъ людей, а только, напримѣръ, однихъ государственныхъ людей, однихъ военныхъ, однихъ мѣщанъ, духовныхъ или однихъ „подлыхъ“ людей и т. д., то изъ этого еще легче было бы составить ужаснѣйшія обвиненія въ вещахъ, опасныхъ для государственнаго спокойствія, въ заговорахъ, ересяхъ и т. п. Если бы въ орденъ принимались одни молодые люди, или также принимались женщины, то явились бы обвиненія въ развратѣ и пр. Главное же основаніе этого масонскаго обычая въ томъ, что масонство не снимаетъ съ человѣка никакихъ его об-

щественныхъ обязанностей, и онъ, будучи въ орденѣ, остается гражданиномъ по-прежнему.

Объ этихъ общественныхъ отношеніяхъ „Апологія“ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Можетъ быть и уволятъ насъ, наконецъ, противники наши отъ такого порицанія, но порядокъ, скажутъ, въ обществѣ таковымъ смѣшеніемъ нарушается.

„Было бы такъ, если бы обязательства наши освобождали насъ отъ прочихъ обязательствъ. Государь и начальникъ не рушатъ своихъ обязательствъ. Внѣ ложи онъ остается таковымъ, и сынъ, подданный и слуга не забываютъ должностей своихъ. Обязательства ордена обязываютъ ихъ къ большей приверженности, повиновенію и вѣрности внѣ ложи. Не разрушаетъ орденъ союзъ должностей свѣтскихъ и порядка, Богомъ установленнаго, не колеблетъ. Знаемъ мы, сколь сей нуженъ; не колеблетъ, но паче утверждаетъ. Для чего не дѣлали такихъ укоризнъ первому христіанскому обществу, кое не меньше изъ разнаго рода людей, возраста и пола состояло, и котораго члены также братьями именовались?“

Наши масоны вполнѣ принимали эти аргументы и, позднѣе, сами выставляли ихъ доказательной защитой своего общества (напр., И. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ).

Мы упомянемъ еще два-три литературныхъ факта, заявлявшіе также нѣкоторое противодѣйствіе масонству со стороны общества, весьма, впрочемъ, слабое.

Въ 1784 г. вышла книжка „Масонъ безъ маски“ [1]), имѣвшая цѣлью осмѣять орденъ. Книжка, очевидно, англійскаго происхожденія, но переведена съ французскаго: къ русскимъ обстоятельствамъ она вовсе не приходилась, и даже давала не очень дурное понятіе о цѣляхъ масонства. Авторъ является бывшимъ масономъ; онъ бросилъ общество, потому что нашелъ въ немъ одни ребяческіе обряды, скрывающіе за собой праздное препровожденіе времени: ложу онъ представляетъ клубомъ, куда люди собираются пить портеръ и толковать о политикѣ, о вѣрѣ и обо всемъ на

[1]) „Масонъ безъ маски или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно. Въ Санктпетербургѣ 1784 года, печатано съ дозволенія указнаго у Христофора Геннинга“. VII стр., 3 ненум. и 114 стр.

свѣтѣ. Онъ подробно описываетъ обряды (низшихъ степеней), осмѣивая масонскія хитрости, употребляемыя съ цѣлью производить впечатлѣніе на новичка. Въ предисловіи и въ самой книгѣ онъ издѣвается надъ масонствомъ, но въ самомъ началѣ даетъ о немъ такое понятіе. „Масонство было прежде сего собраніе людей избранныхъ, которыхъ дружба соединяла и поощряла взаимно подавать помощь другъ другу въ нуждахъ, а нынѣ оное не что иное есть, какъ общество такихъ людей, кои любятъ роскошь и пиры и кои пріемлются безъ всякаго разбору въ состояніи или достоинствѣ... Пріятно бы было, если бы исторія сохранила намъ имя того человѣка, который первый положилъ камень во основаніе сего обширнаго зданія. Сей человѣкъ, коему должно приписывать по справедливости безсмертіе, имѣлъ просвѣщенный разумъ и чистое сердце. Онъ усмотрѣлъ, что всѣ люди равны и что ничего недостаетъ къ ихъ благополучію, какъ токмо, чтобы они сами хотѣли онаго достигнуть чрезъ взаимную и искреннюю любовь. И поелику страсти человѣческія и достоинства (т. е. различіе общественныхъ положеній) препятствуютъ успѣху нашего благополучія, то онъ надѣялся, изгнавъ оныя, возвратить прежнюю неповинность, и выдумалъ на сей конецъ систему, которой идею, по моему мнѣнію, взялъ онъ изъ Платоновой системы“ (стр. 1—6). Въ своемъ современномъ масонствѣ авторъ находитъ много недостатковъ, но самъ называетъ ихъ „печальнымъ злоупотребленіемъ“, „слѣдствіемъ слабости человѣческой и нещастія временъ“. Понятно, что такое осужденіе масонства не могло повредить ему; книжка описывала чужіе недостатки и высоко цѣнила самую сущность масонства...

Естественно было ожидать, что обличительныя пьесы императрицы вызовутъ услужливыхъ подражателей. Въ 1786 г. явилась (совсѣмъ плохая) комедія неизвѣстнаго автора: „Мнимый мудрецъ“, гдѣ выводится обманщикъ-алхимистъ, который учитъ „самопознанію“ (намекъ на книгу Іоанна Масона), приводитъ въ своихъ рѣчахъ цѣлыя тирады изъ книги „О заблужденіяхъ и истинѣ“, напечатанныя курсивомъ, чтобы читатель какъ-нибудь не проглядѣлъ того, что долженствовало быть обличеніемъ, благоразумное лицо опять обличаетъ обманъ и т. д.

Изъ другихъ нападеній на масонство, явившихся около этого времени [1]), упомянемъ развѣ о стихахъ Державина. Какъ извѣстно, Державинъ не любилъ масонства, и въ своихъ восхваленіяхъ императрицы, онъ не забываетъ упомянуть:

Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ,—

т. е. въ масонскія ложи; въ одѣ на „Счастіе" онъ колетъ мартинистовъ стихомъ:

Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились;—

но эти и подобныя выраженія не даютъ основанія предположить, чтобы Державинъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ выше мартинистовъ по своимъ понятіямъ. Названіе „мартышекъ" взято было изъ чужихъ рукъ, именно, изъ комедіи императрицы Екатерины. Его собственныя метафизическія понятія не отличались особенною ясностью, и насмѣшки надъ масонствомъ не помѣшали ему потомъ писать натянутыя оды на мальтійскій орденъ, впослѣдствіи извѣстнымъ образомъ, смѣнившій масонство.

Собственно говоря, единственнымъ настоящимъ возраженіемъ противъ масонскаго мистицизма явилась тогда любопытная книга, происхожденіе которой до сихъ поръ не разъяснено. Это—„Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ" или опровerженіе знаменитой книги Сенъ-Мартена, составленное будто бы обществомъ одного губернскаго города и напечатанное будто бы въ Тулѣ [2]). Здѣсь уже давно предполагали мистификацію и думали, что книга обязана своимъ происхожденіемъ желанію и участію прави-

---

[1]) См. нѣкоторыя указанія у Лонгинова, стр. 258, прим.

[2]) Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города. Въ Тулѣ, 1790. 8°, XVI и 377 стр.; въ концѣ 8 ненум. стр., „Таблица показующая страницы текста и изслѣдованія онаго" и 4 ненум. стр. опечатокъ. При заглавіи эпиграфъ:

Хоть полкъ противныхъ мнѣ возстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань,
На Бога полагаюсь.

Изъ одъ Ломоносова.

тельства. Это болѣе, чѣмъ вѣроятно. „Изслѣдованіе“ весьма обстоятельно разсматриваетъ книгу Сенъ-Мартена, опровергаетъ ея мистику научными фактами, обличаетъ ея „каббалистическое вранье“, пустую таинственность и самохвальство. Это было, именно, такое оружіе, какимъ слѣдовало бы сражаться противъ масонскаго мистицизма. Предисловіе разсказываетъ, что издатели думали выдать книгу еще раньше (предисловіе въ читанномъ нами экземплярѣ дѣйствительно имѣетъ видъ припечатаннаго къ книгѣ послѣ), говоритъ о появленіи (1785) и успѣхѣ книги Сенъ-Мартена между русскими читателями, и о желаніи „особливаго общества“ противодѣйствовать этому ея вліянію. Въ самой книгѣ упоминаются русскія подробности, напр., случай въ Турецкую войну 1770 г., случай, происходившій въ Петербургѣ въ 1782 г. (стр. 149, 204),—но такія вещи могли бы быть присоединены и къ чужой книгѣ. Въ самыхъ опроверженіяхъ авторъ или авторы обнаруживаютъ большое знакомство съ изслѣдованіями историческими и естественно-научными, ссылаются на Галилея, Мопертюи; на Бюффона, Боннета, Бургава, Винслова, Глаубера, Бехера, Шталя; на Пристлея и Лавуазье, Бойля и Маркграфа, приводя иногда самыя ихъ ученія; показываютъ знаніе исторіи, миѳологіи и древностей и т. д., вообще, такую эрудицію, которой невозможно предположить въ обществѣ губернскаго города. Намъ кажется, что книга носитъ на себѣ слѣды перевода.

Жаль только, что „Изслѣдованіе“ явилось слишкомъ поздно и слишкомъ единично. Къ тому времени наши масоны (или ихъ избранный кружокъ) считали себя уже ушедшими дальше этой книги: они отзывались о ней нѣсколько свысока и могли и не придать цѣны ея опроверженію. Литературная полемика была бы, конечно, единственнымъ достойнымъ оружіемъ противъ масонскаго мистицизма; и она могла бы найти себѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ обильную пищу въ масонскихъ изданіяхъ, выходившихъ отъ московскаго кружка.

ГЛАВА XII.

Нѣмецкіе обскуранты и просвѣтители XVIII вѣка; ихъ взаимная полемика; вліяніе ихъ на русское масонство.

Мнѣнія императрицы Екатерины всегда были неблагосклонны къ мистицизму, но не всегда они были такъ рѣшительно враждебны къ масонству, какъ это было въ последніе годы ея царствованія. Этому враждебному настроенію содѣйствовали и домашнія обстоятельства, и постороннія.

Императрица Екатерина признавалась, что не понимаетъ „Мессіады" Клопштока, т. е. даже наиболѣе умѣреннаго мистицизма изъ того, что предлагали русской публикѣ московскіе издатели [1]); она гораздо лучше понимала французскихъ раціоналистовъ и скептиковъ, хотя вообще очень легко отказывалась отъ ихъ теорій въ практическихъ случаяхъ [2]). Во взглядѣ на мистицизмъ она сходилась съ французскими и нѣмецкими „философами". Она интересовалась положеніемъ дѣла въ европейскомъ обществѣ и сама желала участвовать въ той борьбѣ, которая шла, особенно у нѣмцевъ, противъ мистической пропаганды. Она посылала къ Циммерману и, вѣроятно, къ другимъ переводы своихъ комедій противъ мартинистовъ; въ перепискѣ съ Циммерманомъ не разъ возвращается къ этому предмету, съ удовольствіемъ говоритъ о своей литературной войнѣ противъ „иллюмината" Каліостро... Всѣ эти отношенія, очевидно, оказывали свое вліяніе на ходъ ея мыслей о русскомъ мар-

---

[1]) Въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой по поводу русскаго перевода (1785—87): „Je dois avouer que je ne comprends trop rién à ce poème dans l'original: cependant je crois fort qu'il fera grand plaisir à nos mystiques et j'espère que la vente en sera fructueuse". Mém. de la pr. Daschkoff, Paris, 1859, III, 184.

[2]) Ея мысли и выраженія нерѣдко принимали чисто французскій оборотъ. Напр., просматривая рѣчь, которую кн. Дашкова должна была произнести въ академіи, императрица умѣряетъ возданныя ей похвалы и, между прочимъ, замѣчаетъ: „Effacez aussi: comme une divinité bienfaisante—apothéose qui ne s'accorde guère avec la religion chrétienne. Je crains fort de n'avoir pas de titres à la sainteté, moi qui ai mis des restrictions au temporel du clergé". (Mém. de la pr. Daschkoff III, 128).

тинизмѣ, который она постоянно приравнивала къ европейскому мистицизму.

Въ нѣмецкой литературѣ 80-ые годы XVIII вѣка были, въ особенности, временемъ оживленной литературной борьбы противъ мистики и обскурантизма. Эта борьба велась отчасти на почвѣ масонства, къ которому обѣ стороны имѣли извѣстныя отношенія. Мистическія секты масонства, розенкрейцеры съ ихъ алхиміей и магіей, съ ихъ проповѣдью слѣпой вѣры и слѣпого повиновенія „неизвѣстнымъ начальникамъ", шарлатаны и фантазеры, вродѣ Каліостро, Шрепфера, патера Гаснера, Лафатера, Сведенборга, Сенъ-Мартена, стали возбуждать серьезныя опасенія люцей здравомыслящихъ, которые, кромѣ помраченія умовъ мистикой, опасались прямой іезуитской пропаганды и тайнаго католичества [1]).

Однимъ изъ ревностнѣйшихъ обличителей этого рода обскурантизма былъ другъ Лессинга, Николаи, издатель „Всеобщей Нѣмецкой Библіотеки", затѣмъ Гедике и Бистеръ, издатели „Берлинскаго Ежемѣсячнаго журнала" (Berlinische Monatsschrift), Боде и др. Они усердно выводили наружу алхимическія затѣи, за которыми прятался, по ихъ мнѣнію, крипто-католицизмъ или, во всякомъ случаѣ, нарушеніе протестантской свободы изслѣдованія, вмѣсто которой внушалась слѣпая вѣра. Обскуранты, съ своей стороны, выставляли себя защитниками покидаемой религіи и обвиняли своихъ противниковъ въ невѣріи и матеріализмѣ. Одно обстоятельство очень помогло имъ въ этомъ. Въ половинѣ 80-хъ годовъ произошло въ Баваріи раскрытіе и уничтоженіе ордена иллюминатовъ, основаннаго Вейсгауптомъ въ масонскихъ формахъ, въ оппозицію іезуитскому и

[1]) Тогдашніе скептики, или люди, считавшіе себя очень проницательными, иногда смѣялись надъ страстью раціоналистовъ вездѣ подозрѣвать тайное іезуитство или крипто-католицизмъ; докторъ Циммерманъ придумалъ даже слово „Jesuitenriecherei", которое въ насмѣшку прилагали къ Николаи и другимъ тогдашнимъ врагамъ іезуитства. Нѣкоторыя изъ ихъ подозрѣній могли быть преувеличены; но были факты, которые способны оправдать ихъ подозрѣнія: „религіозный эдиктъ" Вёлльнера и, вообще, писанія розенкрейцеровъ, нося положительно католическо-изувѣрный, а вовсе не протестантскій характеръ, и фактическія обращенія въ католичество, начавшіяся въ это время, не лишены своего особеннаго значенія.

розенкрейцерскому обскурантизму; этотъ орденъ въ нѣкоторыхъ своихъ представленіяхъ впалъ въ другую крайность, довольно рѣзкій радикализмъ, и когда изъ взятыхъ бумагъ ордена открылось, что къ числу иллюминатовъ принадлежали и нѣкоторые изъ масоновъ-раціоналистовъ, какъ, напр., Николаи и Боде, это дало ихъ противникамъ желанный поводъ кричать объ ихъ зловредности для общественнаго спокойствія, потому что баварскіе эксъ-іезуиты, уничтожившіе орденъ иллюминатовъ, прокричали о немъ, какъ о страшномъ заговорѣ противъ вѣры и престоловъ. Это изобрѣтеніе было особенно эксплуатировано послѣ 1789 г. Но еще до этого слово „иллюминатъ" получило значеніе чего-то крайне ужаснаго: иллюминатамъ приписывались страшные замыслы и злодѣянія, ихъ готовы были обвинять во всевозможныхъ проискахъ и преступленіяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это слово было и очень двусмысленно, потому что съ нѣмецкими иллюминатами стали смѣшивать въ сущности имъ совершенно противоположныхъ французскихъ illuminés, какъ называли секту послѣдователей Мартинеца Пасквалиса, учителя Сенъ-Мартена, и самого Сенъ-Мартена, секту теософско-магическаго характера, весьма близкую къ розенкрейцерству; во французскомъ употребленіи слова illuminés, подъ нимъ разумѣлись и мистическіе шарлатаны, вродѣ Сенъ-Мартена, Каліостро и т. п. Сыпалось множество перекрестныхъ обвиненій раздражительной брани и преувеличеній, и хотя общія понятія обѣихъ сторонъ были довольно опредѣленны, но человѣкъ посторонній, недостаточно вникавшій въ споръ, могъ не понять взаимнаго положенія сторонъ. Такъ и случилось съ императрицей. Путаница этой борьбы осталась, повидимому, не совсѣмъ ясной для нея; а въ послѣдніе годы къ этому присоединилась у нея вообще крайняя подозрительность ко всему умственному движенію европейскаго общества, и ей пришлось, наконецъ, стать въ очень сильное противорѣчіе съ ея собственными прежними мнѣніями и дѣйствіями.

Казалось бы, однако, что императрица должна была довольно близко знать это движеніе въ Германіи, потому что и сама не разъ въ него вмѣшивалась.

Въ 1787 г. императрица приказала перевести на русскій языкъ книгу г-жи фонъ-деръ-Реке о пребываніи Каліостро

въ Митавѣ въ 1779 году [1]), только что изданную въ Берлинѣ Николаи. Императрицѣ хотѣлось видѣть на русскомъ языкѣ новое и на этотъ разъ фактическое обличеніе шарлатана, противъ котораго она писала свою комедію. Исторія этой книжки заключается въ слѣдующемъ. Г-жа фонъ-деръ-Реке, принадлежавшая къ одному изъ извѣстнѣйшихъ аристократическихъ домовъ Курляндіи, знала Каліостро въ Митавѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько времени до своего пріѣзда въ Петербургъ. Каліостро совершенно овладѣлъ довѣріемъ ея отца и дяди, графовъ Медемъ и ихъ ближайшаго кружка; чтобы дѣйствовать на женскую половину этого общества, онъ завелъ въ ихъ домѣ ложу для дамъ (такъ называемая maçonnerie d'adoption), куда вступила и г-жа Реке, и производилъ здѣсь свои магическіе фокусы. Ея отецъ и дядя были давнишніе масоны, были преданы алхиміи, и Каліостро нашелъ въ нихъ самыхъ ревностныхъ и довѣрчивыхъ прозелитовъ. Сама г-жа Реке также вполнѣ была убѣждена въ магической силѣ Каліостро, несмотря на предостереженія нѣкоторыхъ благоразумныхъ друзей, и перемѣнила свое мнѣніе только послѣ, когда стала хладнокровнѣе обдумывать его поступки и прислушиваться къ извѣстіямъ о его дальнѣйшихъ похожденіяхъ. Въ 1787 году она рѣшилась напечатать свою книжку о Каліостро, гдѣ помѣстила свои записки 1779 года и рядомъ съ ними en regard свои комментаріи 1787 года, обличавшіе шарлатанство, которое она прежде не понимала. Она думала теперь о Каліостро такъ же, какъ говорили о немъ берлинскіе просвѣтители.

Г-жа Реке, по словамъ ея, рѣшилась издать свою книгу, несмотря на то, что многіе, особливо родные, отговаривали

---

[1]) „Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостра на 1779 годъ, и произведенныхъ имъ тамо магическихъ дѣйствій, собранное Шарлоттою Елисаветою Констанціею фонъ деръ Реке, урожденною графинею Медемскою (sic). Перевелъ съ нѣмецкаго Тимоѳей Захарьинъ". Спб. у Шнора 1787, 299 стр. Нѣм. подлинникъ, 1787, изд. Николаи, указанъ у Клосса, Bibl., № 3353. [Wolfstieg № 14372].—„Berlinische Monatsschrift" 1788, мартъ, стр. 210, разсказываетъ, что императрица Екатерина, которая такъ заботится о просвѣщеніи и объ изгнаніи суевѣрій, признала важность сочиненія г-жи ф.-д.-Реке, велѣла перевести его на русскій языкъ и дала переводчику 400 рублей въ награду.

ее отъ этого, отчасти представляя ей неприличнымъ вмѣшиваться въ подобныя дрязги по ея положенію, а также и опасаясь, какъ говоритъ она, „чтобы кроющіеся повсюду злодѣи, и меня такъ же, какъ вѣчной памяти достойнаго Ганганелли, тайнымъ ядомъ не отравили“ (стр. 38). Она считала Каліостро тайнымъ орудіемъ іезуитовъ, и говоритъ, что не издала бы своего сочиненія, „ежели бы я не была совершенно увѣрена, что кромѣ Каліостро, Шрепфера и Гасснера, есть еще многія тихимъ образомъ повсюду ползающія орудія властолюбивыхъ іезуитовъ, которые множество честнѣйшихъ людей обольщаютъ ложными обѣщаніями о доставленіи имъ сверхъестественныхъ силъ, и на подобіе Каліостро заводятъ общества, дабы помощію оныхъ достигнуть до своего намѣренія, которое въ томъ состоитъ, чтобъ слѣпою вѣрою и слѣпымъ послушаніемъ покорить людей подъ свое иго“ и пр. (стр. 35—36). Г-жа Реке упоминаетъ, что Каліостро внушалъ ей особенно великое почтеніе къ слову „Егова“ (grand nom Сенъ-Мартена) и къ буквамъ J. H. S. „Теперь я довольно понимаю,— говоритъ она, — что оныя буквы не что иное суть, какъ извѣстный J. H. S., знакъ іезуитскаго ордена“, и замѣчаетъ, что „симъ еще подтверждается многими уже принятая сія догадка, что Каліостръ былъ точно высланецъ (т. е. эмиссаръ, агентъ) изъ общества іезуитовъ, которые чрезъ него желали дѣйствовать въ Петербургѣ“, что она считаетъ, вообще, совершенно возможнымъ предположеніемъ [1]).

Г-жа Реке желала, чтобы издателемъ ея книги былъ именно Николаи, который тѣмъ охотнѣе взялся за этотъ трудъ, что книга совершенно подходила къ его собственнымъ взглядамъ: притомъ въ это время, въ 1787 г., въ Берлинѣ уже начали господствовать розенкрейцерскіе министры Фридриха-Вильгельма II, глава и „Магъ“ ордена Вёлльнеръ, товарищъ его и ученикъ Шрепфера, Бишофсвердеръ и проч. Самъ король былъ первымъ приверженцемъ магіи въ тогдашнемъ Берлинѣ. Николаи мудрено было

[1]) См. стр. 203—209 книги Э. ф. д. Реке; говоря объ іезуитской пропагандѣ, она замѣчаетъ: „Склонность къ чудесамъ, питаемая книгами, съ намѣреніемъ для того писанными, подаетъ имъ способы весьма удачно надъ людьми дѣйствовать; а что сія склонность безпрестанно усиливается, сіе можетъ быть также ихъ пронырствомъ совершается“.

теперь вести прямую борьбу противъ берлинскаго обскурантизма, и онъ воспользовался случаемъ говорить противъ него косвенно по поводу Каліостро. Николаи написалъ предисловіе къ книжкѣ, гдѣ, изложивши свое мнѣніе о Каліостро и отдавъ похвалу любви къ истинѣ и искренности г-жи Реке, осторожно рекомендуетъ этотъ примѣръ нѣкоторымъ изъ своихъ соотечественниковъ и желаетъ имъ одержать надъ собой такую же побѣду, какую умѣла одержать надъ своимъ прежнимъ заблужденіемъ г-жа Реке и которая имъ также принесла бы великую пользу. По мнѣнію Николаи, Каліостро есть умышленный обманщикъ, который, безъ сомнѣнія, „нарочно посланъ отъ самаго коварнаго общества для положенія основанія какому-нибудь будущему предпріятію“. „Я бы могъ еще много говорить, — замѣчаетъ онъ дальше, — о Каліостровой неудобопонятной магической системѣ (которая, хотя и наполнена темными и обоюдными загадками, однакожъ я ее нарочно понимаю), также о весьма удивительномъ ея согласіи съ столь славною и весьма малымъ числомъ людей понимаемою книгою: Des erreurs et de la verité“ (стр. 17, 24—25). Онъ обращаетъ вниманіе на то, съ какой хитростью Каліостро старался согласить свою магію съ христіанской религіей; и замѣчая, что Каліостро, какъ видно изъ разсказовъ г-жи Реке, очень ловко и часто ссылается на тексты Ветхаго и Новаго Завѣта, и что у католиковъ свѣтскимъ людямъ запрещается читать библію, выводитъ отсюда, что Каліостро долженъ быть католическій попъ, и, стало быть, тѣмъ легче іезуитъ, чѣмъ считала его и г-жа Реке. Николаи указываетъ при этомъ, какой вредъ происходитъ отъ такого хитраго смѣшенія лжи съ истиной, темныхъ магическихъ фантазій съ чистыми и ясными понятіями „благочестиваго и мудраго христіанства“.

Въ слѣдующемъ, 1788 году, г-жа Реке написала другую книжку подобнаго содержанія, также изданную въ Берлинѣ Николаи и опять заслужившую вниманіе императрицы. Эта книжка направлена была противъ знаменитаго, въ свое время, дармштатскаго гофъ-предигера Штарка [1]), котораго

[1]) Etwas über des Herrn Oberhofpredigers J. A. Starck Vertheidigungsschrift, nebst einigen andern nöthigen Erläuterungen von Charl. Elis.

берлинскіе просвѣтители въ особенности обвиняли въ іезуитскомъ обскурантизмѣ и крипто-католицизмѣ.

Мы упоминали прежде о дѣятельности Штарка, и о тампліерскомъ клерикатѣ. Было ли это дѣйствительное іезуитство—трудно сказать, но во всякомъ случаѣ, это была затѣя, разсчитанная на масонское легковѣріе и имѣвшая цѣлью доставить клерикамъ вліяніе и связи. Штаркъ, дѣйствительно, устроилъ свои личныя дѣла... По мнѣнію самихъ масоновъ, клерикатъ имѣлъ тотъ же смыслъ, какъ розенкрейцерство, и они думали, что въ своихъ высшихъ степеняхъ обѣ системы сводятся къ одному „магическому клерикату“, въ руки однихъ и тѣхъ же „неизвѣстныхъ начальниковъ“, т. е. іезуитовъ; способъ дѣйствій—одинъ и тотъ же, помраченіе умовъ магическими и алхимическими бреднями и внушеніемъ слѣпой вѣры. Интриганство Штарка возмущало, однако, людей здравомыслящихъ. Такъ было, повидимому, уже въ Кёнигсбергѣ; когда онъ жилъ въ Митавѣ, тамошній тампліерскій пріоръ вынужденъ былъ жаловаться на него орденскимъ властямъ, но клерикальный начальникъ уничтожилъ эту жалобу; другіе документы, говорившіе противъ Штарка и находившіеся въ архивѣ тампліерской директоріи, были уничтожены по желанію герцога Брауншвейгскаго. Къ концу 70-хъ годовъ, шарлатанство клериката обнаружилось для самихъ тампліеровъ; въ 80-хъ гг., дѣло начало всплывать и для большой публики, и противъ Штарка, который не хотѣлъ отказаться отъ роли въ масонствѣ, началась рѣзкая полемика, продолжавшаяся цѣлые годы. Штаркъ, между прочимъ, самъ вызывалъ нападенія, для него совсѣмъ невыгодныя: въ 1785, онъ написалъ или издалъ, безъ своего имени, масонскій романъ „Saint-Nicaise“, гдѣ, между прочимъ, отзывался непочтительно объ основателѣ тампліерства, баронѣ Гундѣ, тогда уже умершемъ. Задѣтые тампліеры отвѣтили въ „Anti-Saint-Nicaise“, который въ томъ же стилѣ изобразилъ д-ра и оберъ-гофъ-предигера Штарка, воспользовавшись для изображенія его собственными письмами, уцѣлѣвшими въ орденскомъ архивѣ. Въ то же время за это дѣло рев-

Const. von der Recke, geb. Gräfinn v. Medem (22 Febr.). Berlin und Stettin, Nicolai, 1788. Выписки изъ этой книжки въ Berl. Mon. 1788, и въ Allg. Deutsche Bibliothek, 1789, томъ II. 87.

ностно взялись и берлинскіе просвѣтители, которымъ была ненавистна эта пропаганда магическаго и клерикальнаго обскурантизма, которую они считали солидарной съ такой же пропагандой берлинскихъ розенкрейцеровъ. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ преслѣдователей Штарка былъ Николаи; издатели „Berlinische Monatsschrift“, Гедике и Бистеръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимались разъясненіемъ исторіи д-ра Штарка; съ обѣихъ сторонъ выходили цѣлыя книги обвиненій и защиты, и Клоссъ въ своей библіографіи могъ наполнить цѣлый отдѣлъ полемикой, имѣвшей предметомъ этого дѣятеля.

Г-жа Реке знала Штарка во время пребыванія его въ Митавѣ и въ разгарѣ полемики нашла нужнымъ подать и свой голосъ. Она въ свое время также считала его человѣкомъ необыкновеннымъ и слушала его мистическія откровенія, и теперь разсказывала о нихъ такъ же искренно, какъ незадолго передъ тѣмъ о Каліостро. Ея свидѣтельства не были благопріятны для Штарка. Этого профессора теологіи обвиняли, между прочимъ, что въ 1773 г. онъ находился въ сношеніяхъ съ вызывателемъ духовъ Шрепферомъ (это былъ содержатель кофейни въ Лейпцигѣ, кончившій жизнь самоубійствомъ, когда стали раскрываться его плутни); Штаркъ утверждалъ, что онъ хотѣлъ только „разузнать“ Шрепфера, чтобы потомъ „обличить“ его. Хотя и такое разузнаванье не совсѣмъ шло къ его теологической профессіи, но г-жа Реке разсказываетъ, что, напротивъ, Штаркъ, еще въ 1780, совершенно серьезно и въ убѣдительномъ тонѣ представлялъ ей Шрепфера человѣкомъ, владѣющимъ сверхестественными силами, а объ его преемникѣ, мало тогда извѣстномъ Фрелихѣ, говорилъ, что, быть можетъ, онъ будетъ еще болѣе великъ, чѣмъ Шрепферъ [1]). Штаркъ, по разсказамъ г-жи Реке, внушалъ вообще своимъ адептамъ наклонность къ чудесному, и съ особеннымъ жаромъ таинственно разсказывалъ ей о магическихъ событіяхъ, между прочимъ, что однажды онъ самъ видѣлъ сверхъестественное блистаніе, когда въ сосѣдней комнатѣ одному изъ его больныхъ друзей видимо явился Христосъ.

[1]) Въ книгѣ Лонгинова (стр. 299) о Шрепферѣ ошибочно сказано, что онъ былъ „иллюминатъ“; напротивъ, это былъ наставникъ розенкрейцерства. О Штаркѣ говорится также неточно.

Магія, некромантія и духовидѣніе играли большую роль въ его наставленіяхъ и исторіяхъ, и онъ пользовался вообще большимъ значеніемъ въ мистическихъ кружкахъ Митавы.

„Г. Штаркъ,—говоритъ г-жа Реке,—въ Митавѣ (1777—1778) былъ очень дѣятеленъ въ извѣстныхъ тайныхъ обществахъ (т. е. масонскихъ ложахъ); у людей, которые думали, что еще можно было получить великія таинства отъ неизвѣстныхъ начальниковъ, особенно изъ Франціи, онъ вообще считался за важнаго человѣка, который долженъ знать настоящіе неизвѣстные источники таинствъ, и потому на него смотрѣли съ тайнымъ благоговѣніемъ. По крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ ничего, чтобы отклонять отъ себя такое мнѣніе или уменьшать оказываемое ему отъ этого благоговѣніе; напротивъ, онъ дѣйствительно имѣлъ учениковъ въ мнимыхъ тайныхъ наукахъ, и его поэтому не безъ основанія подозрѣвали, что онъ подавалъ своимъ ученикамъ надежды, которыхъ не исполнялъ“.

Въ 1779 г. въ Митавѣ было такимъ образомъ два магика, Штаркъ и Каліостро, и хотя, по разсказамъ г-жи Реке, это были люди совершенно одной школы, они встрѣтились, однако, враждебно, какъ соперники по промыслу. Каждый изъ нихъ не совѣтовалъ довѣряться другому, называя дѣйствія другого „черной магіей“ и считая свою „бѣлой“ или божественной. „Одинъ,—говоритъ г-жа Реке въ книжкѣ о Каліостро, — остерегалъ учениковъ своихъ отъ такихъ заклинаній, кои дѣйствуютъ чрезъ воскуренія, а другой отъ тѣхъ, при которыхъ шпага употребляется. Господинъ докторъ Штаркъ могъ бы любителямъ истины наилучшимъ образомъ изъяснить связь сего дѣла“ (стр. 105).

Относительно іезуитства, въ которомъ обвиняли почтеннаго доктора теологіи, г-жа Реке разсказываетъ въ своей книжкѣ о немъ, что „кардиналъ Борджіа, бывшій префектъ коллегіи пропаганды, самъ говорилъ знатнымъ путешественникамъ, что теперь главнѣйшее мѣстопребываніе и кругъ дѣйствій іезуитовъ на сѣверѣ, и что нѣкоторые іезуиты даже занимаютъ мѣста протестантскихъ проповѣдниковъ“. Далѣе, что „одинъ курляндскій дворянинъ встрѣтилъ у того же кардинала Борджіа такія свѣдѣнія о Курляндіи и ея политическомъ и церковномъ состояніи, которыя привели его въ изумленіе и подтвердили догадку, что римскій дворъ

и пропаганда должны имѣть весьма хорошихъ корреспондентовъ и здѣсь...“ [1]).

Роль Штарка въ русскомъ масонствѣ остается до сихъ поръ очень темная. Относительно пребыванія въ Митавѣ замѣтимъ, что къ этому времени (1777—81) относится поѣздка Шварца изъ Могилева въ Митаву, гдѣ, какъ слышалъ тогда Шварцъ, находится особенно уважаемое старое масонство. Между этими „курляндцами“, съ которыми Шварцъ остался въ сношеніяхъ и послѣ, онъ, вѣроятно, зналъ и Штарка. Впослѣдствіи, въ числѣ масонскихъ изданій новиковскаго кружка были и книги Штарка, напримѣръ, упомянутая „Апологія“; быть можетъ, Штарку принадлежитъ и книга „О мистеріяхъ“, переведенная Петровымъ. Не знаемъ, могъ ли Шварцъ видѣть Штарка во вторую свою поѣздку, но любопытно, что рекомендація къ берлинскимъ розенкрейцерамъ, опредѣлившая дальнѣйшее направленіе масонскихъ ложъ была получена Шварцемъ въ Митавѣ. Замѣтимъ еще, что Карамзинъ, отправлявшійся въ свое путешествіе въ 1789 году, былъ знакомъ съ полемикой, которая происходила тогда между берлинскими „просвѣтителями“ и Штаркомъ; въ Берлинѣ онъ видѣлся съ Николаи, въ Дармштадтѣ онъ очень желалъ видѣть Штарка, и не увидѣлъ только потому, что Штарка въ то время тамъ не было. Карамзинъ вовсе не былъ на сторонѣ Николаи, напротивъ, все его сочувствіе принадлежитъ Штарку; говоря о немъ и вспоминая преслѣдованія его враговъ, онъ приводитъ даже стихи Шекспира, изображающіе „безумство злословія“ [2]). Это расположеніе къ Штарку было вывезено, безъ сомнѣнія, изъ Москвы.

Императрица также, повидимому, интересовалась полемикой противъ Штарка. Когда г-жа Реке послала ей свою книжку противъ дармштадтскаго оберъ-гофъ-предигера, императрица выразила въ письмѣ къ г-жѣ Реке удовольствіе, доставленное ей чтеніемъ этой книги. Екатерина даже сама приняла участіе въ полемикѣ; перу императрицы слѣдуетъ приписать французскую брошюру противъ Штарка, изданную въ 1789 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Lettre

[1]) Ср. Berl. Monatsschrift: 1788, май, стр. 565—570; іюнь, 630—631.

[2]) Соч. Карамзина, Смирд. изд. II, 65—69, 174—176.

de Mr. Starckowsky à son ami et parent, M. Starck à Darmstadt, à Moscou (6 Août) 1789“ [1]).

Большое значеніе, какъ было уже сказано, придавала Екатерина и своей, направленной противъ мистицизма, перепискѣ съ Циммерманомъ.

Докторъ Циммерманъ (1728—1795) былъ извѣстный въ свое время врачъ, а главное, „философъ“ во вкусѣ XVIII-го вѣка, знаменитый своей книгой „Объ уединеніи“ (въ тѣ времена считавшеюся классической), далѣе, авторъ книги „О народной гордости“, нѣсколькихъ книгъ о Фридрихѣ II и т. д. Книга „Объ уединеніи“ доставила ему расположеніе императрицы Екатерины. Циммерманъ, почти какъ Вольтеръ или Дидро, былъ моднымъ писателемъ въ одномъ кругѣ европейскаго общества, какъ Сенъ-Мартенъ, Каліостро, Лафатеръ были модными людьми въ другомъ, а иногда, впрочемъ, и въ томъ же самомъ. Лучшія сочиненія Циммермана были написаны имъ въ 1755—64, но затѣмъ въ 80—90-хъ годахъ „онъ впалъ въ ипохондрію, — говорятъ его біографы,—которая произвела въ немъ мрачный взглядъ на вещи; такъ, онъ вообразилъ себѣ, что мнѣнія многихъ изъ его современниковъ о политикѣ и религіи происходятъ изъ одного тайнаго ордена“ (иллюминатства), которому онъ придавалъ въ своей фантазіи небывалые размѣры и ужасающія свойства. „Къ этому ордену,—продолжаютъ его біографы, — принадлежали, по его мнѣнію, многіе изъ нѣмецкихъ ученыхъ; Циммерманъ думалъ, что отъ этого ордена произошла даже и французская революція. Въ особенности,

[1]) Клоссъ упоминаетъ и нѣмецкій переводъ: Brief des Herrn Starkowsky an seinen Freund und Vetter Herrn Dr. Starck zu Darmstadt. A. d. franz. übers. Germanien 1789. 8⁰. (Bibl. № 3425—3426 [Wolfstieg № 23261]). Письмо императрицы къ г-жѣ Реке, въ Berl. Monatsschrift 1788, авг., стр. 130—131.

Вотъ нѣкоторыя указанія о дальнѣйшей дѣятельности Штарка (онъ ум. въ 1816). Фарнгагенъ фонъ-Энзе замѣчаетъ въ своихъ запискахъ подъ 5 августа 1825: „О герцогинѣ Дармштадтской говорятъ, что при всей развратности и расточительности, она оказала странѣ ту услугу, что всегда удерживала герцога отъ перехода въ католичество. Его оберъ-гофъ-предигеръ Штаркъ безъ этого сопротивленія навѣрно побудилъ бы его сдѣлать публично этотъ переходъ. Штаркъ посвятилъ герцога въ одну мнимую степень масонства, въ которой они взаимно выслушивали свою исповѣдь, получали разрѣшеніе и т. под.“. (Varnhagen von Ense, Blätter aus d. preuss. Geschichte, III, стр. 342—343).

въ послѣдніе годы своей жизни онъ крайне рѣзко нападалъ на членовъ этого мнимаго союза и вооружался противъ многихъ достойныхъ ученыхъ, чѣмъ почти совершенно подорвалъ свою прежнюю славу. Такъ и въ нѣсколькихъ своихъ книгахъ о Фридрихѣ Великомъ онъ позволилъ себѣ распространять о политическихъ предметахъ много показаній не вполнѣ и даже совершенно фальшивыхъ и чрезвычайно сурово судить о людяхъ другихъ мнѣній, и это, конечно, не способно было увеличить его славу...“ Циммерманъ былъ человѣкъ крайне тщеславный и въ его ипохондріи, кажется, именно участвовало его неудовлетворенное самолюбіе. Онъ не понималъ новой начинавшейся литературы; его самолюбіе страдало, когда въ литературной славѣ его заслоняли другіе; по мнѣнію Шлоссера, это былъ и вообще человѣкъ, неспособный къ серьезному пониманію вещей и, слѣдовательно, очень способный руководиться внушеніями мелкаго самолюбія.

Итакъ, роль Циммермана была въ тѣ годы не наилучшая. Въ первое время, въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда началась его переписка съ императрицей, онъ еще не страдалъ ипохондріей, и въ его письмахъ есть замѣчанія, не лишенныя справедливости, и похвальная умѣренность; но уже и здѣсь замѣтно, что онъ не совсѣмъ понимаетъ тѣ отношенія, о которыхъ говоритъ, однако, рѣшительнымъ и судейскимъ тономъ.

Въ письмѣ къ императрицѣ отъ 15 февраля 1786, отрывокъ котораго мы приводимъ въ примѣчаніи[1]), Циммер-

---

[1]) „Il est indubitable comme Votre Majesté le remarque, que c'est par mode, que l'alchymie et la magie inondent l'Allemagne, et par ce que les Français sont épris de ces balivernes. Mais puisque c'est par la foi la plus aveugle en ces balivernes que les petits font dans ce moment-ci le mieux leur cour aux grands, c'est aussi par là que cette contagion a fait ces pro grès rapides et imprévus. Aussi toutes ces folies dont Votre Majesté rit, sont pratiquées en Allemagne par des societés si nombreuses et si r é d o u t a b l e s, qu'il faut avoir chez nous un front d'airain pour s'en moquer. Un comédien allemand qui les mettrait sur le théatre serait lapide.

„C e n'e s t c e p e n d a n t q u e p a r es c o m é d i e s, e t n o n p a s p a r l e s é d i t s q u e l e s s o u v e r a i n s r é m e d i e n t à c e s f o l i e s. Des philosophes se sont avisé l'été passé d'employer toute leur éloquence pour m'engager de représenter à Votre Majesté Imperiale les consequences funestes de l'esprit de nos temps, même pour les grands états et pour les

манъ, по поводу комедій императрицы и Каліостро, говорить о чрезвычайномъ распространеніи алхиміи и магіи, и замѣчаетъ, что въ Германіи имъ преданы общества столь многочисленныя и страшныя, что было бы мудрено открыто смѣяться надъ ними на сценѣ, и однако же, говоритъ онъ, государи должны исправлять эти нелѣпости комедіями, а не эдиктами. Это замѣчаніе очень резонно. Дальше Циммерманъ хвастливо разсказываетъ, что „философы“ (можетъ быть, берлинскіе раціоналисты) будто бы упрашивали его объяснить императрицѣ вредныя послѣдствія этого духа времени, потому что, по ихъ мнѣнію, за алхимистами и волшебниками прячутся эксъ-іезуиты, которые стремятся проникнуть во всѣ кабинеты, и что съ ихъ господствомъ могутъ снова явиться во всѣхъ столицахъ Европы костры и убійства. Такія опасенія имѣли будто бы „философы“ и, конечно, фанатизмъ и наглость эксъ-іезуитовъ (достаточно обнаружившіяся уже вскорѣ) могли возбуждать серьезныя опасенія. Но Циммерманъ отказался исполнить ихъ просьбу и отвѣтилъ имъ, что императрица сочтетъ его за сумасшедшаго, если онъ будетъ дѣлать ей подобныя представленія, и что въ случаѣ надобности, она выставитъ противъ такихъ вещей развѣ только хорошую труппу актеровъ.

Все это было прекрасно, хотя Циммерманъ былъ вовсе не прозорливѣе „философовъ“, тѣмъ больше, что самъ находилъ страшными тѣ общества, которыя выбирали своимъ оружіемъ алхимію и магію. Но прошло немного времени и Циммерманъ обратилъ самыя злостныя обвиненія противъ тѣхъ самыхъ людей, которые, при всей трудности дѣла, боролись противъ этой страшной алхиміи и магіи.

---

gouvernements. Ils ont cru qu'a cheval sur le dos des sorciers et des alchymistes les ex-jesuites se glissaient dans tous les cabinets. Ils ont vu en consequence de cela des Empires renversés et les buchers et les massacres de l'ancien temps rétablis dans toutes les grandes capitales. J'ai repondu à ces philosophes que si je faisais des représentations pareilles à Votre Majesté qu'elle croirait que la tête me tourne, et que dès qu'Elle s'apercevra que ces folies gagnent aussi dans son Empire comme je le crois, Elle ne leur opposera pour toute législation qu'une bonne troupe de comédiens“. (Marcard, Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard. Bremen 1803, стр. 328—329).

ГЛАВА XIII.

Иллюминатство и московскіе мартинисты въ представленіи Екатерины II.

Французская революція произвела въ Германіи тревожное настроеніе и переполохъ: партіи высказались опредѣленнѣе, журналистика приняла консервативно-аристократическую окраску, обскуранты нашли давно желанный случай съ мнимымъ правомъ возстать противъ „просвѣтителей", которыхъ они нагло стали обвинять теперь во всѣхъ безпорядкахъ и бѣдствіяхъ революціи: испуганное общество плохо соображало, насколько такія обвиненія могли быть основательны. Берлинскіе розенкрейцеры, занявшіе теперь министерскіе посты, преслѣдовали раціоналистовъ; ихъ братья по духу, вѣнскіе эксъ-іезуиты и журналисты, какъ Гофштеттеръ, Гашка и др. съ яростью накинулись на тогдашнихъ нѣмецкихъ писателей, защищавшихъ права здраваго смысла противъ пропаганды суевѣрія и умственнаго отчаянія.

Теперь, между прочимъ, снова стали раздувать обвиненія противъ „иллюминатовъ". Этотъ орденъ, уничтоженіе котораго въ Баваріи въ 1785 доставило такую радость баварскимъ эксъ-іезуитамъ, теперь почти уже не существовалъ. Послѣ закрытія ордена, имя Николаи оказалось въ числѣ членовъ, и Штаркъ тотчасъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выставить своего преслѣдователя человѣкомъ неблагонамѣреннымъ и опаснымъ; Николаи разъяснилъ (въ 1788) свое участіе въ орденѣ, который былъ для него только предметомъ любопытства, и въ которомъ онъ видѣлъ одинъ невинный проектъ, составленный безъ знанія людей и непримѣнимый [1]). Но теперь обвиненія поднялись вновь: иллюминатовъ объявили зачинщиками всего французскаго возмущенія; журналъ Николаи, знаменитая въ свое время „Всеобщая Нѣмецкая Библіотека", подвергся преслѣ-

[1]) Friedrich Nicolai öffentliche Erklärung über seine geheime Verbindung mit dem Illuminaten-Orden, nebst beyläufigen Digressionen betreffend Hrn. Johann Augus. Stark und Hrn. Johann Kaspar Lavater. Berlin u. Stettin, 1788.

дованію розенкрейцерскихъ министровъ; австрійскій эксъ-іезуитъ Штаттлеръ въ 1791 г., въ особомъ сочиненіи, доказывалъ, что главныя положенія французской революціонной конституціи взяты изъ идей „Всеобщей Нѣмецкой Библіотеки“; наконецъ, къ розенкрейцерамъ, эксъ-іезуитамъ и Штарку присоединился и докторъ Циммерманъ. Въ „Отрывкахъ о Фридрихѣ Великомъ“ (1790) онъ вопіялъ о тайномъ обществѣ, имѣющемъ цѣлью ниспроверженіе государственнаго порядка, и причислялъ къ этому тайному обществу людей, оказавшихъ истинныя заслуги нѣмецкому образованію и, конечно, весьма далекихъ отъ революціи. Циммерманъ писалъ къ императору Леопольду о безуміи нашего вѣка, и призывалъ правительства возстать противъ воображаемаго чудовища [1]).

Вопли обскурантовъ имѣли тѣмъ больше успѣха, что общество было сильно встревожено: событія революціи шли въ такой быстрой и рѣзкой прогрессіи, представляли такой необычайный примѣръ общественнаго возбужденія, что дѣйствовали ошеломляющимъ образомъ даже на людей серьезныхъ, заставляя отчаяваться въ добрыхъ качествахъ человѣческой природы. Только немногіе проникали въ истинныя причины переворота и видѣли въ немъ то, чѣмъ онъ на дѣлѣ былъ, т. е. результатъ цѣлой длинной исторіи. Циммерманъ совершенно не понялъ этого и сталъ повторять нелѣпыя обвиненія обскурантовъ. Въ борьбѣ съ иллюминатами, Циммерманъ встрѣтился съ извѣстнымъ въ свое время писателемъ барономъ Книгге, игравшимъ не совсѣмъ благовидную роль въ учрежденіи иллюминатскаго ордена, и Шлоссеръ такъ сопоставляетъ эти двѣ личности:

„Этотъ баронъ фонъ-Книгге, примкнувшій къ иллюминатамъ въ 1780 году, принадлежалъ къ тѣмъ нѣмецкимъ знаменитостямъ, которыя умѣютъ совершенно обмануть міръ,—извѣстно, что такая дорога гораздо лучше ведетъ къ славѣ, нежели истинное достоинство, понятное только для немногихъ. Въ этомъ онъ былъ похожъ на своего антагониста, доктора Циммермана, состоявшаго гофратомъ и лейбъ-медикомъ при ганноверскомъ дворѣ. Оба они безчи-

---

[1]) См. Gervinus, Gesch. der deutsch. Dicht., 4-e Ausg. V, 352.—Hettner, III², 204.

сленными знакомствами, важничаньемъ и поверхностнымъ, разсчитаннымъ на публику, читающую романы, писательствомъ, умѣли составить себѣ имя и пріобрѣсти вліяніе... Книгге, будучи каммергеромъ въ Веймарѣ, живши во Франкфуртѣ и Гейдельбергѣ,—центрахъ мистицизма и масонства, познакомился со всѣми средствами, нужными для достиженія той цѣли, которая кажется высшей цѣлью жизни такимъ людямъ, какъ Циммерманъ и онъ. Чтобы все испробовать, Книгге перешелъ даже изъ протестантовъ въ католики, а потомъ опять изъ католиковъ въ протестанты. Пользоваться мистицизмомъ и масонствомъ, духовенствомъ и философами—для него было все равно, все годилось для его цѣли. Циммерманъ, напротивъ, поставилъ себѣ такую цѣль, что находилъ выгоду смертельно ненавидѣть все это, и въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка эта ненависть, обратившись въ мономанію, довела его до помѣшательства [1]). Оба они, и Циммерманъ и Книгге, достигли своей цѣли,—имена ихъ стали славны во всей Европѣ. Сначала Книгге игралъ большую роль во всѣхъ орденахъ, потомъ сталъ писателемъ.—Долго онъ странствовалъ по Германіи, наслаждаясь жизнью, которую кончилъ въ Бременѣ, въ званіи оберъ-гауптмана и схоларха. Циммерманъ получалъ ордена и другія почести отъ многихъ государей... Сначала онъ писалъ только о томъ, что зналъ, наконецъ о всевозможныхъ вещахъ, въ которыхъ ничего не понималъ,—именно послѣднія книги и принесли ему наиболѣе славы. Всѣ газеты хвалили его толстую книгу „Объ Уединеніи"; масса публики считала его однимъ изъ своихъ оракуловъ; но каждый порядочный человѣкъ, владѣвшій перомъ и обладавшій глубокими мыслями и истиннымъ одушевленіемъ, видѣлъ въ немъ только презрѣннаго пустозвона,—такимъ изобразилъ его величайшій сатирикъ Германіи, гёттингенскій натуралистъ Лихтенбергъ [2])"...

Таковъ былъ оракулъ, авторитетъ котораго, конечно, для многихъ опредѣлялъ точку зрѣнія на событія и на умственное движеніе въ Германіи... Къ сожалѣнію, мы знаемъ

[1]) Ср. Gervinus, IV, 341;—Marcard, 291 и слѣд.

[2]) Шлоссеръ, исторія XVIII вѣка, III, 213—214; см. особенно IV, 154—156: о союзѣ съ Лафатеромъ и объ отношеніи къ нимъ обоимъ Лихтенберга.

только одну часть переписки императрицы съ Циммерманомъ; но переписка еще продолжалась въ 1791-мъ году, и судя по тому, что писалъ тогда Циммерманъ въ своихъ книгахъ и что писалъ къ императору Леопольду [1]), можно полагать, что эта переписка имѣла не весьма благопріятное вліяніе на мнѣнія императрицы: въ послѣдніе годы Германія казалась императрицѣ переполненною самыми вредными людьми...

Для ближайшаго знакомства съ положеніемъ умовъ въ Германіи, по которому дѣлались заключенія и о московскомъ масонствѣ, нужно сказать нѣсколько словъ о много разъ нами упомянутомъ орденѣ иллюминатовъ, которому въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII вѣка, приписывались самыя ужасныя качества и, именно, возбужденіе французской революціи. Для нашихъ масоновъ этотъ орденъ былъ предметомъ страха и ненависти, членовъ его они считали извергами, и потому отрицательно онъ получаетъ важность и для опредѣленія нашего масонства. Лонгиновъ въ своей книгѣ даетъ объ немъ самое странное понятіе. Основываясь на масонскихъ свѣдѣніяхъ и упустивъ изъ виду болѣе спокойныя историческія свидѣтельства, онъ изобразилъ иллюминатовъ точно также, какъ въ старину изображали ихъ вѣнскіе и берлинскіе, іезуитскіе и розенкрейцерскіе обскуранты.

На дѣлѣ, орденъ иллюминатовъ вовсе не былъ ни такъ зловреденъ, ни такъ обширенъ, какъ представляла его старинная репутація. Орденъ, по своимъ формамъ и происхожденію, былъ результатомъ тѣхъ же стремленій къ общественно-нравственной дѣятельности, отъ которыхъ произошло и распространеніе масонства; только вмѣсто мистики и клерикально „рыцарскихъ тенденцій“, овладѣвшихъ масонствомъ, онъ хотѣлъ служить свободѣ мысли и здравому

---

[1]) Почитатель Циммермана Маркардъ пишетъ: Ich würde die meisten der damals im nördlichen Deutschland regierenden Fürsten nennen müssen, wenn ich alle die hohen Personen angeben wollte, von welchen er, entweder unmittelbar oder durch ihre Familien, Merkmahle des Zutrauens und der Achtung erhielt,.. Wäre Kayser Leopold II († 1792) länger am Leben geblieben, so ist kein Zweifel, er würde Zimmermann sehr ausgezeichnet haben (Marc. 9), Рабское отношеніе Маркарда къ Циммерману характеризовано у Шлоссера, см. т. IV.

просвѣщенію; для своей пропаганды, иногда впадавшей и въ радикальныя крайности, онъ воспользовался ходячими формами масонства. Въ тѣ времена „просвѣщеннаго деспотизма", невозможность открытой дѣятельности для общественно-нравственныхъ интересовъ, вообще, замыкала людей въ условныя тайныя общества, братства и союзы; устройство этихъ обществъ складывалось опять въ формѣ начальства и опеки, непривычка къ самостоятельности заставляла искать „мастера" или даже „неизвѣстнаго начальника", повиноваться какимъ-то „отцамъ", какъ это послѣднее было у розенкрейцеровъ. Иллюминатство не отличалось здѣсь отъ всякихъ другихъ „системъ" масонства, но содержаніе ордена, или его „градусовъ", было иное. Споръ между отживающими преданіями и новымъ просвѣщеніемъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка становился болѣе и болѣе рѣзкимъ. Масонство было уже протестомъ противъ формальной религіозности и нравственности и хотѣло освѣжить ихъ внушеніемъ гуманистическихъ понятій; но оно дѣлало мало или ничего для настоящаго просвѣщенія, въ особенности, когда первоначальное масонство сильно испортилось въ разныхъ новыхъ системахъ, въ тампліерствѣ, клерикатѣ, розенкрейцерствѣ и т. д. Въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка уничтоженіе іезуитскаго ордена показало обширность его развѣтвленій и не прекратило растлѣвающаго вліянія обскурантизма, которому орденъ служилъ такъ вѣрно и которымъ пользовался такъ ловко. Въ обществѣ явилось сознаніе о необходимости противодѣйствовать этому злу и однимъ изъ результатовъ этого сознанія было основаніе иллюминатства. Орденъ иллюминатовъ также принялъ масонскую форму: это была, во-первыхъ, единственная привычная и допущенная тогда форма общественной дѣятельности, которой новый орденъ хотѣлъ только дать лучшее направленіе; во-вторыхъ, она облегчала пропаганду готовыми пріемами.

Орденъ основался именно въ той части Германіи, которая была гнѣздомъ іезуитства и розенкрейцерства, и гдѣ всего сильнѣе чувствовалась нравственная духота — въ Баваріи [1]). Основатель иллюминатства, профессоръ въ Инголь-

[1]) См. о немъ Шлоссеръ, III, 211—229; Геттнеръ, III², 333—354; Handb., II, 13—30; Финдель, 244—254; [L. Engel, Geschichte des

штатѣ, Адамъ Вейсгауптъ, былъ самъ воспитанникъ іезуитовъ, но Вейсгауптъ возненавидѣлъ воспитателей. Онъ вступилъ въ университетъ въ 1773 г., тотчасъ по закрытіи іезуитскаго ордена, и получилъ каѳедру каноническаго права, принадлежавшую прежде іезуитамъ, и, кромѣ того, читалъ лекціи нравственной философіи въ смыслѣ тогдашняго нѣмецкаго „просвѣщенія". Притѣсненія эксъ-іезуитовъ мало-по-малу навели его на мысль о противодѣйствіи, которое должно было дѣйствовать такими же тайными и систематическими средствами, какими пользовались сами іезуиты по тогдашней страсти къ тайнымъ братствамъ и вслѣдствіе примѣровъ, полученныхъ въ воспитаніи, Вейсгауптъ задумалъ сдѣлаться Лойолой, но для цѣлей просвѣщенія. Эта мысль была, конечно, фантазіей; въ самомъ исполненіи было много страннаго и даже вздорнаго, что свидѣтельствовало о недостаткѣ практической разсудительности и чему помогали, впрочемъ, и другіе дѣятели иллюминатства, въ числѣ которыхъ явились и люди, въ родѣ упомянутаго Книгге.

Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ Вейсгауптъ оставилъ подробный разсказъ объ основаніи ордена, любопытнымъ образомъ рисующій тогдашнее положеніе умовъ. Для своихъ плановъ онъ думалъ сначала обратиться прямо къ масонству, но нашелъ здѣсь тампліерство и алхимію; это заставило его думать объ основаніи своего особаго общества, особенно, когда на его глазахъ одинъ алхимистъ вербовалъ въ свою ложу молодыхъ людей и, между прочимъ, его университетскихъ слушателей, въ которыхъ Вейсгауптъ видѣлъ надежду лучшаго дѣла. Онъ рѣшился спасти ихъ отъ безсмысленной нелѣпости и послѣднее рѣшеніе внушено было ему чтеніемъ извѣстной въ свое время книги „О заслугѣ" Аббта (рано умершаго талантливаго писателя), полной одушевленными призывами къ служенію родинѣ и общему благу и представляющей любопытный образчикъ тенденцій нѣмецкаго „просвѣщенія" 60-хъ годовъ XVIII вѣка [1]). Подъ

Illuminaten-Ordens, Berl. 1906]; Литература объ орденѣ иллюминатовъ указана у Клосса, Bibliogr., стр. 241—246 [и у Wolfstieg'а, т. II, стр. 971—982].

[1] Вотъ, напр. отрывокъ, по словамъ Вейсгаупта произведшій на него увлекательное впечатлѣніе: „Гдѣ тотъ человѣкъ, который рѣшился трудиться для временного и вѣчнаго блага многихъ, очень многихъ

этими впечатлѣніями Вейсгауптъ составилъ „статуты перфектибилистовъ“, названіе, которое онъ, впрочемъ, скоро перемѣнилъ на названіе „иллюминатовъ“ (просвѣщенныхъ). Основной цѣлью ордена онъ ставилъ господство разумности; второстепенной цѣлью были взаимная помощь между членами ордена и облегченіе средствъ къ просвѣщенію: орденъ долженъ былъ бороться съ безплоднымъ и фальшивымъ педантизмомъ, съ нетерпимостью, съ дурнымъ воспитаніемъ, съ общественнымъ угнетеніемъ. Для постепеннаго приготовленія членовъ ордена къ этой дѣятельности должна была служить лѣстница степеней. Низшія степени предназначались для изученія морали, исторіи и знанія людей; здѣсь рекомендовалось чтеніе книгъ, служащихъ для образованія сердца — изъ поэтовъ особенно баснописцы, изъ моралистовъ—Сенека, Плутархъ, Адамъ Смитъ, Базедовъ, Аббтъ, Лабрюйеръ. Въ высшихъ степеняхъ указывались книги по „политикѣ и религіи“, и именно указывались крайніе французскіе философы: Робинé, Гельвецiусъ, „Система природы“, но впослѣдствіи эти матеріалисты, кажется, уступили мѣсто вліянію Руссо.

Во внѣшнемъ устройствѣ приняты были масонскія формы, но сказалось и вліяніе іезуитскаго воспитанія основателя. Вейсгауптъ хотѣлъ одинъ стоять во главѣ ордена, потому что, по собственнымъ его словамъ, Лойола, Доминикъ и Францискъ не сдѣлали бы своего дѣла, если бы подчинились внушеніямъ своихъ товарищей. Отъ іезуитства заимствованъ былъ также взаимный надзоръ между членами, стремленіе пріобрѣтать послѣдователей между сильными и

людей, устроить ихъ жизнь такъ, чтобы они дѣлались все счастливѣе и совершеннѣе, чтобы правила, ведущія къ этому, были имъ привычны и любезны; ...человѣкъ, который бы взялся за этотъ трудъ даже тогда, когда бы еще никто не считалъ его возможнымъ, и часто даже безплодно терялъ свои усилія; человѣкъ, который бы имѣлъ увѣренность и надежду на этотъ трудъ, не боялся никакихъ препятствій и опасностей, не покорялся бы никакому внутреннему уклоненію или равнодушію, — и все это только для счастья сердечно любимыхъ ближнихъ, созданныхъ съ нами по одному образу: о, гдѣ тотъ человѣкъ, который это дѣлаетъ? Если его уже нѣтъ, гдѣ его статуя, гдѣ ея мраморный обломокъ?. Скажите это мнѣ, чтобы я могъ обнять холодный камень, и въ память его первообраза пролить на него горячія слезы благодарности“.

богатыми людьми (хотя, впрочемъ, это была общая и естественная наклонность тогдашнихъ братствъ) и прямо высказанное оправданіе средствъ цѣлями. Изъ масонства взята была таинственность и торжественность церемоніала, которую Вейсгауптъ считалъ нужной, чтобы дѣйствовать на воображеніе адептовъ, особенно между католиками.

Въ первые годы орденъ похожъ былъ на фантастически задуманную школу для католической молодежи, школу, которая, по свидѣтельству безпристрастныхъ людей, имѣла въ низшихъ степеняхъ очень здравое и полезное дѣйствіе.

Вторую эпоху въ существованіи ордена составило время его обширнаго распространенія за предѣлы Баваріи, въ сѣверную Германію, когда дѣятельнымъ членомъ его сталъ баронъ Книгге. Баронъ былъ большой знатокъ въ масонскихъ дѣлахъ, и по его вліянію орденъ былъ преобразованъ: къ первымъ „минервальскимъ“ степенямъ, которыя, по мнѣнію Книгге, не могли вполнѣ удовлетворить болѣе образованныхъ сѣверныхъ протестантовъ, прибавлена была цѣлая масонская система, именно, сначала общепринятыя „іоанновскія степени“ и затѣмъ еще третій, высшій классъ, степени „мистерій“. Въ этой формѣ надѣялись легче распространять орденъ между собственными масонами (какъ, напр., распространялось розенкрейцерство). За распространеніе ордена взялся Книгге, и орденъ дѣйствительно уже вскорѣ имѣлъ большой успѣхъ на сѣверѣ Германіи. Теоретическія положенія ордена опредѣлялись въ цѣлую систему, основанную на идеяхъ тогдашней „философіи“, проникнутую увѣренностью въ силѣ просвѣщенія, которому нѣкогда предстоитъ исправить много золъ, отягощающихъ человѣчество. Какъ ни отдаленны были цѣли ордена, но общій характеръ его идеаловъ привлекалъ множество послѣдователей, между прочимъ, истинно достойныхъ людей, какъ Дальбергъ, Федеръ, Николаи и др., которые, по словамъ Шлоссера, вступали въ иллюминатство именно изъ негодованія на вторженіе мистицизма и обскурантизма въ масонство. Послѣдователи ордена были во всѣхъ слояхъ общества: въ числѣ ихъ были герцогъ веймарскій Карлъ-Августъ, извѣстный другъ и покровитель Шиллера, Гёте, Виланда; герцогъ Эрнестъ готскій; наслѣдный принцъ Августъ саксенъ-готскій; герцогъ Фердинандъ Брауншвейг-

скій, другіе владѣтельные князья, аристократы и министры, гёттингенскіе профессоры Коппе, Мертенсъ; знаменитый педагогъ Песталоцци и даже Гердеръ и Гёте [1]).

Иллюминатскій раціонализмъ и скептицизмъ скоро былъ открытъ тѣми, кого всего ближе касался, т. е. баварскими эксъ-іезуитами, которые употребили всѣ средства для его подавленія. Орденъ давалъ оружіе противъ себя и въ личныхъ недостаткахъ своихъ руководителей и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ системы. Вейсгауптъ впадалъ въ крайности и, какъ личный характеръ, повидимому, мало способенъ былъ внушать сочувствіе; по крайней мѣрѣ Шлоссеръ ставитъ его на одну доску съ своекорыстными интриганами Книгге и Цвакомъ [2]). Основатели иллюминатства выдавали свой орденъ за старое учрежденіе, и хотя это былъ слишкомъ обычный тогда масонскій обманъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, компрометировалъ орденъ. Еще болѣе могли компрометировать его стремленіе превращать массу членовъ ордена въ слѣпое орудіе начальника, оправданіе средствъ цѣлями или излишній радикализмъ въ отвлеченныхъ вопросахъ, что успѣло отдалить отъ него многихъ членовъ. Поэтому, когда баварское правительство захватило бумаги ордена и раскрылись подобныя мистификаціи и іезуитскіе

---

[1]) Въ упомянутой книгѣ о Циммерманѣ приводится между прочимъ письмо къ Ц. придворнаго врача императрицы, Вейкарда (въ февр. 1786), гдѣ находится слѣдующее извѣстіе: „Fürst Repnin ist durch Prinz Ferdinand (конечно, Ферд. Брауншвейгскій) Provincial der Illuminaten in Russland...“ Затѣмъ въ томъ же письмѣ о Репнинѣ говорится: „Repnin ist Enthusiast für das Buch Des Erreurs et de la Vérité, und so noch andere. Nur die Profane verstehen es nicht,—sagen sie,—aber die guten Herren auch nicht; sie sehen garnicht ein dass es Dummheiten sind.“. Marcard, 135—136. Вейкардъ, кажется, смѣшиваетъ иллюминатство вообще съ мистическими сектами, въ смыслѣ французскихъ illuminés.

[2]) Николаи, лично, впрочемъ, не знавшій Вейсгаупта, говоритъ о немъ иначе; упомянувъ о томъ, что самъ никогда не видѣлъ Вейсгаупта, онъ замѣчаетъ: „Wenn ich, wie ich mit Vergnügen bekenne, eine vorzüglich günstige Meinung von seinem persönlichen Charakter hege: so habe ich sie bloss aus dem Urtheile mehrerer rechtschaffener Männer, die ihn genauer kennen“. Nicolai, Oeffentl. Erklärung, стр. 66. Сужденіе Шлоссера могло относиться къ ошибкамъ Вейсгаупта въ теоретической постройкѣ ордена, о которыхъ прямо говоритъ и Николаи.

пріемы Вейсгаупта, то настоящіе эксъ-іезуиты и мистификаторы нашли здѣсь прекрасный случай прійти въ благородное негодованіе и прокричать о безнравственности всѣхъ вообще людей, принадлежавшихъ къ ордену. Люди простодушные этому и повѣрили: они забыли только, что эта безнравственность была еще больше у тѣхъ, кто теперь строго осуждалъ ее, что оправданіе средствъ цѣлями было основнымъ и постояннымъ принципомъ самихъ іезуитовъ, которымъ они пользовались гораздо больше, чѣмъ иллюминаты (если только пользовался кто-нибудь изъ нихъ, кромѣ Вейсгаупта, Книгге и Цвака); что розенкрейцеры, не задумываясь надъ средствами, привлекали къ себѣ людей столько сильныхъ, какъ король прусскій и т. д. Вейсгауптъ въ сравненіи съ ними былъ только наивенъ тѣмъ, что высказывалъ прямо то, что они старательно скрывали, и, кромѣ того, его бумаги были захвачены цѣликомъ, а розенкрейцерскихъ бумагъ захвачено не было. Далѣе, излагая въ своихъ программахъ дальнѣйшія перспективы человѣческаго развитія, иллюминаты предавались мечтаніямъ о всеобщей свободѣ и равенствѣ людей во вкусѣ Руссо: эксъ-іезуиты прямо обвинили ихъ въ стремленіи къ низверженію порядка, престоловъ и алтарей. Трудно было, конечно, повѣрить, что подобному занятію могъ предаться Фердинандъ Брауншвейгскій или Карлъ-Августъ веймарскій или почтенные профессоры гёттингенскаго университета или Гердеръ и т. д. Но люди легковѣрные или находившіе въ томъ выгоду, продолжали этому вѣрить, и, какъ будто, даже съ нѣкоторымъ основаніемъ. Между иллюминатами могли встрѣтиться люди, которые принимали мечтанія буквально, какъ между розенкрейцерами были люди, ожидавшіе, что отъ Вёлльнера они могутъ получить мудрость Моисея и Аарона: „къ сожалѣнію, — замѣчаетъ Шлоссеръ, — въ числѣ баварскихъ старшинъ иллюминатства, какъ всегда бываетъ, когда люди отъ грубѣйшаго суевѣрія переходятъ къ противоположной крайности, находилось слишкомъ много людей, вмѣстѣ съ католицизмомъ отвергнувшихъ и всѣ теологическіе принципы“.

Эксъ-іезуитскіе обскуранты въ Баваріи употребляли всѣ средства, чтобы раздуть дѣло объ орденѣ и заподозрить цѣлое общественное направленіе; курфирстъ Карлъ-Теодоръ

былъ тогда въ рукахъ іезуитовъ; ихъ шпіоны проникли въ орденъ и представили ужасающіе доносы. Но преслѣдованіе началось не вдругъ: въ 1784 г. въ Баваріи запрещены были всѣ тайныя общества; въ 1785 г. Вейсгауптъ былъ лишенъ каѳедры и, предчувствуя опасность, бѣжалъ изъ Баваріи.

„Тогда,—разсказываетъ нѣмецкій историкъ,—выпущена была свора ищеекъ и доносчиковъ... Читая документы о показаніяхъ, какія дѣлали передъ судомъ Уцшнейдеръ, аббатъ Реннеръ, проф. Грюнбергеръ, патеръ Козандей (шпіоны и обвинители ордена), приходишь въ ужасъ отъ этого сплетенія лжи. Всѣ юридическія формы были произвольно брошены въ сторону. Слѣдствіе производилось особой придворной комиссіей, которая одна дѣлала донесенія двору и отъ него получала приказанія. Какого рода были эти слѣдователи, объ этомъ свидѣтельствуетъ анекдотъ, сообщаемый однимъ изъ достойнѣйшихъ иллюминатовъ, барономъ Меггенгофеномъ, въ его „Исторіи и Апологіи“: генералъ Бельдербушъ встрѣтилъ обвиняемаго словами, что вредность ордена доказывается уже тѣмъ, что онъ рекомендуетъ своимъ членамъ чтеніе всѣхъ старыхъ языческихъ книгъ (онъ разумѣлъ древнихъ классическихъ авторовъ). Въ Баваріи началась совершенная облава. Всѣ, кто были членами ордена или имѣли отношенія къ кому-нибудь изъ членовъ, были лишены своихъ должностей; часть обвиненныхъ подверглась изгнанію“ [1]).

Орденъ обвинялся въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, въ стремленіи низвергать троны и алтари, въ отравленіяхъ и убійствахъ; иллюминаты представлены были извергами рода человѣческаго. Баварское правительство, захвативъ бумаги ордена, напечатало ихъ и разослало къ различнымъ европейскимъ дворамъ; но даже въ самой Германіи ни одно правительство не нашло нужными строгихъ мѣръ противъ ордена, къ какимъ приглашала Баварія [2]). Напротивъ того,

---

[1]) Hettner, III², 349.

[2]) Мы упоминали, что Лонгиновъ принимаетъ именно тѣ отзывы объ орденѣ, какіе хотѣлось распространить баварскимъ эксъ-іезуитамъ и берлинскимъ розенкрейцерамъ. По его мнѣнію, названные нами выше члены ордена были изверги; онъ увѣряетъ, что „всѣ правительства Европы не могли не притти въ волненіе, узнавши, ка-

самъ Вейсгауптъ, голова котораго была оцѣнена въ Баваріи, нашелъ гостепріимство и покровительство у герцога готскаго и писалъ здѣсь свою исторію и защиту ордена; другіе иллюминаты были тотчасъ приняты на службу Іосифомъ II; даже въ Пруссіи, иллюминаты остались цѣлы и невредимы, и Николаи въ 1788 г., несмотря на господство розенкрейцеровъ въ правительствѣ, могъ еще вести полемику объ орденѣ съ Лафатеромъ и Штаркомъ. До взрыва французской революціи еще не было того страха, который потомъ вызывалъ въ Германіи, и въ другихъ странахъ, крайнюю подозрительность противъ всякой свободной мысли.

Но орденъ, тѣмъ не менѣе, упалъ: публичность раскрыла его ошибки, и дѣлала невозможнымъ сохраненіе и лучшихъ его частей, тѣмъ больше, что благоразумные люди еще раньше указывали на несообразность—вести дѣло просвѣщенія путемъ масонскихъ таинственностей. Онъ исчезъ мало-по-малу и самъ собой... Но въ литературѣ роялистской эмиграціи и консервативныхъ партій—не понимавшихъ причины паденія старой Франціи,—въ числѣ любимыхъ сюжетовъ остались обвиненія противъ тайныхъ обществъ, въ которыхъ эта литература видѣла единственную причину бѣдствій Франціи. Такова была особенно знаменитая книга аббата Баррюэля и современная ей книга Робизона [1]): это были два главнѣйшіе источника, изъ которыхъ долго послѣ реакціонеры заимствовали свои обвиненія противъ про-

---

кая сильная организація была создана, чтобы поколебать спокойствіе государствъ и все, что составляетъ интересы общества и священнѣйшее достояніе человѣчества". „Во всѣхъ странахъ стали искать, не существуетъ ли гдѣ-либо тайно отрасль безбожнаго, злодѣйскаго заговора" (стр. 248). Все это очень странно и совершенно невѣрно. Здравую историческую характеристику ордена Лонгиновъ могъ бы найти даже въ масонскихъ современныхъ сочиненіяхъ, какъ книга Финделя, какъ Handbuch, не говоря о Шлоссерѣ или Геттнерѣ и проч.

[1]) Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme. Par M. l'abbé Augustin Barruel. Londres. 1797, 4 voll.—Proofs of Conspiracy against all the Religions and Governments of Europe, carried on in the secret meetings of Free-Masons, Illuminati etc. By John Robison. Edinb. 1797. Книга Робизона нѣсколько разъ вышла также по-нѣмецки и по-французски. Книга Баррюэля въ 1806—1809 годахъ была издана въ русскомъ переводѣ.

свѣщенія и либеральныхъ учрежденій и съ помощью которыхъ они пугали общественное мнѣніе [1]).

Каковы бы ни были ошибки иллюминатства,—позднѣйшіе историки отдаютъ справедливость его просвѣтительнымъ стремленіямъ. Здравыя идеи, выраженныя въ его программѣ, находили искреннее сочувствіе между самыми почтенными людьми; на молодыхъ людей низшія минервальскія степени дѣйствовали самымъ благотворнымъ воспитательнымъ образомъ: „многіе минервалы,—говорилъ впослѣдствіи одинъ изъ близкихъ свидѣтелей,—до сихъ поръ съ благодарностью и глубокимъ чувствомъ вспоминаютъ, какъ эти школы оживляли ихъ трудолюбіе, пробуждали и развивали любовь къ наукамъ, вливали въ сердце воспріимчивость ко всему доброму и благородному". „Несмотря на злоупотребленіе, которому подвергались тайныя учрежденія иллюминатства,—говоритъ Шлоссеръ, — орденъ этотъ очень сильно содѣйствовалъ внесенію свѣта въ средневѣковой мракъ мрачнѣйшихъ областей Германіи". Съ такой же исторической похвалой говорятъ объ орденѣ позднѣйшіе масонскіе писатели.

Такова была сущность этого ордена, которому приписано было множество небывалыхъ преступленій, и который никогда не имѣлъ настоящей политической дѣятельности. Главнѣйшими обвинителями явились тѣ обскуранты, которые сами составляли, по словамъ г-жи Реке, „невидимое общество, которое весьма заботилось, чтобы разумъ въ тинѣ суевѣрія погрузить, дабы чрезъ то мало-по-малу можно было ему удобнѣе надъ землями и народами владычествовать" [2]). Къ нимъ присоединился, какъ мы видѣли, и Циммерманъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ пока никакихъ свѣдѣній о томъ, были ли у насъ послѣдователи иллюминатства. Вы-

---

[1]) Въ книгѣ Мунье (J. J. Mounier, De l'influence attribuée aux Philosophes, aux Fr. Maçons et aux Illuminés sur la Révolution de France. Tübingen, 1801 и др. изд.) уже разъяснено было, что во французскомъ употребленіи словомъ illuminés обозначались мистики и шарлатаны XVIII вѣка, какъ Сенъ-Жерменъ, Каліостро, Сведенборгъ, Сенъ-Мартенъ, не имѣвшіе ничего общаго съ иллюминатами Вейсгаупта: эксцентричность мистиковъ, таинственность и фантастическія занятія ихъ кружковъ при всеобщей тревогѣ умовъ могли наводить постороннихъ на мысль о тайныхъ политическихъ козняхъ.

[2]) „Описаніе", стр. 278.

шеприведенное извѣстіе Вейкарда о князѣ Репнинѣ есть, вѣроятно, недоразумѣніе [1]). Масоны новиковскаго кружка, по наставленіямъ своихъ берлинскихъ „отцовъ", простодушно считали иллюминатовъ извергами человѣческаго рода, хотя Новиковъ замѣчаетъ, что, по словамъ самихъ „отцовъ", въ иллюминатствѣ „набрано много и добраго", только оно служитъ для „прельщенія". „Отцы" прислали московскимъ братьямъ статуты иллюминатовъ, по которымъ бы можно было узнать ихъ на случай, если бы они какъ-нибудь между ними оказались (какъ бывало въ Германіи, гдѣ иллюминаты скрытно проникали въ ложи, надѣясь распространить тамъ свое ученіе [2]).

Есть основаніе думать, что эта литература взаимныхъ обвиненій не оставалась безъ вліянія на понятія императрицы; сама она, повидимому, вникала ближе въ характеръ споривших сторонъ, а потому и было возможно вліяніе съ обѣихъ точекъ зрѣнія. Впечатлѣнія собирались въ разное время и,

---

[1]) Вотъ одно только извѣстное намъ указаніе, которое можетъ допустить иллюминатство кн. Репнина. Вейкардъ упоминаетъ о полученіи имъ иллюминатской степени отъ герцога Брауншвейгскаго (который дѣйствительно былъ въ орденѣ), въ началѣ 1786; самый фактъ произошелъ, вѣроятно, раньше. По показаніямъ Новикова, нѣкто Гине, родственникъ Татищева, въ 1785 г. прибывши въ Москву, „весьма хвалилъ кн. Репнина и сказывалъ, что въ немъ сдѣлалась великая перемѣна" (конечно, въ какомъ-нибудь масонскомъ отношеніи). Потомъ Репнинъ пріѣхалъ въ Москву и здѣсь познакомился между прочимъ съ розенкрейцерскимъ агентомъ въ Москвѣ, барономъ Шрёдеромъ. Отъ барона въ новиковскомъ кружкѣ слышали „великія объ немъ похвалы". Репнинъ хотѣлъ быть принятымъ въ розенкрейцерство, и по этимъ отношеніямъ могъ, конечно, этого ожидать; но потомъ баронъ Шрёдеръ уѣхалъ въ Берлинъ; „а по возврашеніи бароновомъ изъ Берлина, въ 1786 году въ концѣ видѣлся онъ съ кн. Репнинымъ одинъ разъ и послѣ свиданія сего слышалъ я отъ кн. Трубецкаго, что баронъ Шрёдеръ княземъ Репнинымъ недоволенъ и видѣться съ нимъ болѣе не хочетъ, а хочетъ знакомство свое совсѣмъ прервать. Причину сего мнѣ не сказали"... (Лонгиновъ, 100). Не можетъ ли это относиться къ иллюминатскимъ сношеніямъ кн. Репнина?

[2]) Такой случай какъ будто представился въ 1784 г., когда въ иллюминатствѣ заподозрили брата Нартова, извѣстнаго въ свое время переводчика. Дѣло произошло такимъ образомъ. Нартовъ адресовалъ масонскимъ властямъ въ Петербургѣ нѣкоторые масонскіе вопросы, и желалъ на нихъ отвѣта. Изъ Петербурга прислали ихъ въ Москву, гдѣ находилось управленіе VIII масонской провинціи, учрежденное послѣ

не провѣряемыя ближе, породили, наконецъ, въ императрицѣ общее и полное недовѣріе ко всему броженію умовъ въ 80—90-ые годы. Отношеніе ея ко всему этому было, кажется, такое же смутное, какъ у ея корреспондента Циммермана. Уже прежде она привыкла связывать русское масонство съ тѣмъ, что слышала и читала о мистическихъ сектахъ и другихъ партіяхъ въ Европѣ, и въ послѣднее время,—когда она рѣшала судьбу новиковскаго кружка,—перенесла на московскія событія свою крайнюю, но неопредѣленную подозрительность,—забывая все различіе между двумя разрядами понятій, между шарлатанскимъ или простодушнымъ мистицизмомъ и стремленіями къ просвѣщенію, и что еще важнѣе, забывъ всю громадную разницу между русской жизнью, только что начинавшей свое развитіе, и умственной жизнью европейскаго общества.

Въ своихъ комедіяхъ противъ Каліостро и теософовъ въ 1785—86 году императрица выводитъ на сцену марти-

---

Вильгельмсбадскаго конвента. Кн. Н. Н. Трубецкой, занимавшій одно изъ главныхъ мѣстъ въ этомъ управленіи и вмѣстѣ въ розенкрейцерствѣ, далъ отвѣты и послалъ ихъ въ Петербургъ А. А. Ржевскому съ такимъ розенкрейцерски-таинственнымъ наставленіемъ: „При семъ посылаю [отвѣты Нартову] дабы ты, позвавъ къ себѣ Нартова, сказалъ, что ты препроводилъ вопросы его къ тѣмъ, которые тебѣ извѣстны, и что получилъ на оные отвѣты, которые и прочти ему. И ежели хочешь, то дай и списать. Только не сказывай, чьи они, и отъ кого ихъ получилъ. Мы великое имѣемъ сомнѣніе, не принадлежитъ ли онъ къ тому тайному обществу, о которомъ въ отвѣтахъ упомянуто, и отъ котораго отцы наши (т. е. Вёлльнеръ) насъ весьма остерегаютъ и для познанія онаго прислали намъ ихъ акты всѣхъ степеней... А наипаче это сомнѣніе въ насъ родилось отъ его знака, который есть въ тѣхъ актахъ“. Ешевскій, въ рукахъ котораго были эти вопросы и отвѣты, замѣчаетъ, что отвѣты коротки и написаны съ непріязненнымъ, худо скрываемымъ чувствомъ къ вопрошателю. О тайномъ обществѣ упоминается въ отвѣтѣ на 11-ый вопросъ: могутъ ли всѣ числа отъ одного до десяти истолковать, что есть число 1 и 10-е, что значитъ 5? Отвѣтъ: „Что же принадлежитъ до одиннадцатаго вопроса, то мы отъ искренней любви просили Бога, да не принадлежитъ дѣлающій его къ нѣкоторому тайному обществу, которое имѣетъ оный въ катихизмѣ перваго градуса своего, и которое происходитъ изъ ада, хотя великолѣпнымъ именемъ свѣта одѣваетъ себя. Трепещемъ мы о немъ и для него, и для любезнаго отечества нашего“. Ешевскій, III, 537—538. Но здѣсь могла быть рѣчь и о какой-нибудь другой враждебной розенкрейцерству системѣ.

нистовъ и въ то же время называетъ Каліостро иллюминатомъ,—по тому же смѣшенію понятій, вслѣдствіе котораго многіе считали тогда Каліостро агентомъ иллюминатовъ Вейсгаупта [1]); но нѣсколько времени спустя, въ 1787—88, императрица поощряетъ книги г-жи Реке; сама, какъ предполагаютъ, пишетъ брошюру противъ врага иллюминатовъ Штарка; въ 1788, настоящій иллюминатъ, Николаи, издававшій книги г-жи Реке, издаетъ въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ трехъ комедій Екатерины II противъ мистиковъ съ панегирикомъ императрицѣ въ предисловіи. Но вскорѣ она выслушиваетъ нелѣпыя нападенія и доносы Циммермана на тѣхъ же самыхъ „философовъ", нападенія, совершенно во вкусѣ Штарка и розенкрейцеровъ. Въ 1790 г., императрица считаетъ Радищева мартинистомъ,—хотя онъ въ самой книгѣ смѣется надъ масонскимъ мистицизмомъ. Въ 1791 г., императрица не совѣтуетъ князю Голицыну посылать дѣтей для образованія въ нѣмецкія училища, „ибо во многихъ изъ нихъ теперь ученые раздѣлились на два класса, равно для общества вредные": одни—явные безбожники, другіе — лицемѣрные мартинисты [2])... Когда произошла французская революція, то при всеобщемъ неумѣніи объяснить себѣ причину событій, все приписывалось тайнымъ обществамъ: франкъ-масоны, иллюминаты и якобинцы стали синонимами. Княгиня Дашкова еще долго послѣ этихъ временъ воображала, по примѣру Баррюэля, что „несчастная Франція" была вовлечена въ свои бѣдствія „иллюминатами и мнимыми философами" [3]), не имѣя никакого отчетливаго понятія ни о тѣхъ, ни о другихъ и забывая, что, собственно говоря, въ числѣ „мнимыхъ философовъ" особенно видное мѣсто принадлежало именно ея любимцу, Дидро: ей казалось, что это были какіе-нибудь другіе философы, а не именно тѣ, которые писали „Энциклопедію". Кн. Прозоровскій во время своего слѣдствія всячески выискивалъ у нашихъ масоновъ сходство съ французскими революціонерами.

---

[1]) Въ упомянутомъ письмѣ Вейкарда, 1786, говорится, между прочимъ: In Moscau ist die Secte der Cabalisten sehr stark, die Martinisten heissen. Das aufgeklärte Saeculum!" (Marcard, 134).

[2]) Русск. Архивъ, 1865, стр. 1138.

[3]) Mémoires, Paris 1859, I, XXIV.

Поворотъ мнѣній относительно „философовъ“ пришлось испытать и самой императрицѣ: ей самой нужно было оправдывать свои отношенія къ ея прежнимъ любимцамъ.

Сохранилось одно ея письмо къ кому-то (отъ 1789 г.), заключающее въ себѣ оправданіе ея прежней переписки съ Вольтеромъ: императрицу упрекало въ этомъ какое-то третье лицо, судя по обстоятельствамъ, вѣроятно, архіеп. Платонъ, который, какъ извѣстно, очень не одобрялъ французской литературы, и въ особенности такихъ ея представителей, какъ Вольтеръ; императрица старается доказать, что въ перепискѣ не было ничего предосудительнаго и что здѣсь она заботилась всего больше о славѣ Россіи [1]).

Въ дѣлѣ Новикова представился подобный же случай. Въ числѣ вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ обвиняемымъ и, какъ извѣстно, составленныхъ подъ надзоромъ самой императрицы, одинъ изъ важныхъ вопросовъ былъ по поводу книги „О народной гордости“. Книга считалась особенно вредной; обвиняемые отъ нея отказывались, ссылаясь на незнаніе объ ней; Новиковъ узналъ ее только тогда, когда ему показали ее на допросѣ. Книга напечатана была въ ихъ компанейской типографіи [2]), и Новиковъ утверждаетъ въ своемъ показаніи, что имѣетъ о ней только „весьма темное и конфузное воспоминаніе“, что книги этой не читалъ, и что она отдана въ печать „только по одной цензурѣ“,—а кѣмъ принесена, не помнитъ. „И когда,—говоротъ онъ въ своемъ показаніи,—мнѣ изъ сей мерзкой книги (мѣста) показаны и прочтены, то я ужаснулся, что такая книга у насъ напечатана (и) здѣсь паки дерзаю призывать всесвятѣйшаго Бога во свидѣтели въ томъ, что я сей книги, до показанія мнѣ оныя здѣсь, не читалъ и совершенно не зналъ содержанія ея; намѣренія къ разслѣдованію столь мерзкихъ понятій не имѣлъ“, и т. д. Быть можетъ книга, дѣйствительно, прошла черезъ ихъ типографію случайно, какъ много другихъ не-масонскихъ книгъ, и что мѣста, прочитанныя изъ нея Новикову, были „противны

[1]) Это любопытное письмо напечатано въ Русск. Архивѣ, 1866, стр. 71—72.

[2]) Въ текстѣ показаній Новикова у Лонгинова, стр. 0110, она ошибочно названа „о народной радости“; но въ другихъ показаніяхъ вѣрно: гордости.

и мерзки по собственнымъ его понятіямъ". Книга написана въ духѣ отрицательной философіи XVIII-го вѣка, и своимъ скептическимъ отношеніемъ къ разнымъ видамъ національной гордости, или самолюбія, а также религіи, могла показаться рѣзкой по тогдашнимъ, да и по нынѣшнимъ русскимъ понятіямъ. Но любопытно, что авторъ этой книги былъ никто иной, какъ тотъ же докторъ Циммерманъ— когда еще не впадалъ въ „ипохондрію" [1]).

По всѣмъ различнымъ и неяснымъ впечатлѣніямъ, нами отчасти указаннымъ, императрица пришла, наконецъ, къ мысли, что масонская пропаганда новиковскаго кружка имѣетъ свои политическіе замыслы. Нѣкоторые факты тогдашней литературы, перетолкованные въ такомъ же смыслѣ, какъ „Вадимъ" Княжнина и „Путешествіе" Радищева, еще увеличили ея подозрительность; и если она считала Радищева „мартинистомъ", чѣмъ онъ не былъ, то это показывало, какой неопредѣленно-опасный смыслъ давала она этому слову, и было дурнымъ предзнаменованіемъ для настоящихъ мартинистовъ. Всѣ ихъ дѣйствія уже окрашивались въ ея глазахъ этимъ свѣтомъ и когда явился малѣйшій поводъ въ письмѣ Баженова, указывавшемъ на нѣкоторыя отдаленныя отношенія масонства къ великому князю Павлу Петровичу, императрица дала полный просторъ къ враждебному отношенію къ мартинистамъ: она сочла ихъ якобинцами.

ГЛАВА XIV.

Конецъ новиковскаго кружка.

Крайняя нелюбовь Екатерины къ масонамъ болѣе всего объясняется, конечно, тѣмъ общественнымъ характеромъ

---

[1]) Вотъ названіе этой любопытной и рѣдкой книги: „Народная гордость. Переводъ съ французскаго языка. Москва, въ Типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія, 1788". 187 стр. 8⁰. Подлинникъ Циммермана явился еще въ 1758. Лонгинову этотъ пунктъ показанія Новикова остался непонятенъ, и книга ему неизвѣстна (стр. 328). Сопиковъ, однако, упоминаетъ ее въ своемъ каталогѣ и кромѣ того указываетъ другой переводъ ея, который явился подъ заглавіемъ: „Образъ народнаго любочестія", въ переводѣ съ нѣм., Николая Поливанова, Спб. 1793—непосредственно послѣ осужденія Новикова и преслѣдованія этой самой книги!

масонства, который особенно обнаруживался въ послѣдніе годы, и главной жертвой гоненія недаромъ сталъ именно человѣкъ, который своей личной энергіей развилъ этотъ общественный характеръ масонства, хотя въ масонскомъ чиноначаліи онъ не имѣлъ перваго мѣста и хотя проступки, послужившіе къ его обвиненію, были и проступками цѣлаго кружка въ равной степени. Его отличало отъ другихъ только нравственное превосходство.

Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы видѣть, въ какомъ отношеніи масонство было нарушеніемъ „принятыхъ правилъ“ и старыхъ преданій.

Основой масонскаго движенія, какъ мы не разъ замѣчали, было именно нравственное пробужденіе самого общества. Лопухинъ прямо указываетъ цѣль, къ которой они стремились: „надобно человѣку морально перероДиться“ [1]), и потребность этого перерожденія возбуждалась въ нихъ яркими недостатками окружающей жизни. Ихъ нравственныя стремленія приняли піэтистическую форму. Они ставили очень высоко свою піэтистическую мораль, когда въ обществѣ они не встрѣчали ничего ей равносильнаго и когда она представлялась имъ единственнымъ исходомъ изъ противорѣчій господствующей морали, хладнокровно мирившей внушенія любви на словахъ, и несправедливость и насиліе на дѣлѣ. Мы понимаемъ теперь, ихъ разрѣшеніе противорѣчія было неглубоко; ихъ преувеличенія уже тогда стали предметомъ насмѣшекъ, но господствующія понятія не находили достаточно опроверженія для ихъ основного идеала, и онъ явился протестомъ, сначала непріятнымъ, потомъ ненавистнымъ.

Нагляднымъ примѣромъ того, какъ эти стремленія встрѣчались съ господствующей моралью, могутъ служить многіе разсказы Лопухина. Онъ былъ, по склонности, весьма нищелюбивъ. „Съ того времени,—говоритъ онъ,—какъ я, по щастію, узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель (т. е. со времени вступленія въ масонство), уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели“. „Помощь ближнему... особливо воспитываетъ духъ

---

[1]) Записки И. В. Лопухина въ Чтен. М. Общ. И. Др. 1860, II. 15—16.

въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готоваго всегда соединиться съ духомъ человѣческимъ, а въ семъ соединеніи состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство... Но князь Прозоровскій отмѣнной былъ неохотникъ до такой морали и подаватели милостыни казались ему бунтовщиками"[1]).

Филантропическая и образовательная дѣятельность цѣлаго кружка, благотворительныя школы, стипендіи, даровая раздача лекарствъ, книжная торговля и даровая раздача книгъ и т. д., вся эта дѣятельность была первымъ примѣромъ подобнаго рода въ новомъ русскомъ обществѣ и по „принятымъ правиламъ" ее объясняли только злоумышленіемъ; помощь Новикова бѣднымъ во время голода была названа его „промысломъ", какъ Прозоровскій подаваніе милостыни считалъ бунтомъ.

Старымъ привычкамъ противорѣчило и сближеніе въ ложѣ людей различныхъ общественныхъ положеній: Прозоровскому это казалось революціоннымъ „равенствомъ".

Личные характеры подъ вліяніемъ масонства развивались въ такую сторону, которая опять дѣлала этихъ людей оригиналами или отщепенцами. Таковъ былъ Гамалѣя, извѣстный масонъ этого кружка, одинъ изъ ближайшихъ друзей Новикова и одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ переводчиковъ мистическихъ книгъ. Аскетизмъ былъ для него твердымъ принципомъ, строго проводимымъ и въ практическую жизнь; и удивительно еще то, что такой человѣкъ могъ при гр. Чернышевѣ занимать мѣсто начальника его канцеляріи. Гамалѣя былъ настоящій безсребренникъ. Слуга однажды обокралъ его и бѣжалъ. Когда его поймали, Гамалѣя сказалъ ему: „Видно, мнѣ не суждено имѣть людей, отпускаю тебя, и вотъ деньги, которыя ты взялъ; ступай съ Богомъ". Разъ ночью онъ встрѣтился съ ворами, которые потребовали у него часы и кошелекъ; онъ спокойно отдалъ ихъ и пришедши домой, сталъ молиться, чтобы воры не употребили отнятаго на что-нибудь дурное. За его службу хотѣли дать ему 300 душъ крестьянъ, но онъ отказался на томъ основаніи, что не знаетъ, какъ управиться и съ одной своей душой, и боится взять на свое попеченіе еще триста

---

[1]) Чтен. Общ. И. Др. 35—36.

чужихъ [1]). Такія разсужденія не могли не поражать въ то время, когда крестьяне раздавались чрезвычайно щедро.

Представляя рѣдкій въ то время примѣръ сознательнаго и самостоятельнаго „убѣжденія“, какъ правила жизни, масоны, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляли примѣръ постоянства въ этомъ убѣжденіи. Были, конечно, и между ними люди, легко смотрѣвшіе на дѣло и легко его покидавшіе, но было не мало людей, оставшихся вѣрными ему и въ тѣ періоды, когда масонство не существовало открыто. Такъ дѣйствовали масоны не только въ Москвѣ и Петербургѣ, но и въ провинціяхъ: въ Ярославлѣ, Казани, Орлѣ, Вологдѣ и проч. Образчикъ масона, занесенный судьбой въ провинціальную жизнь, представляетъ, напримѣръ, извѣстный въ свое время масонъ Ив. Панаевъ, о которомъ разсказывается въ запискахъ его сына, извѣстнаго идиллика, В. И. Панаева [2]). Бывши въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII в. дѣятельнымъ „братомъ“ и „мастеромъ“ въ Петербургѣ, Панаевъ не оставилъ и въ Перми своей пропаганды въ филантропическомъ, образовательномъ и піэтистическомъ смыслѣ. Онъ поддерживалъ сношенія съ масонами новиковскаго кружка, получалъ отъ нихъ масонскія книги, снабжалъ ими своихъ пріятелей и, по словамъ записокъ, „въ особенности любилъ руководствовать молодыхъ заблудшихъ людей, и многихъ поставилъ на путь истинный“. При открытіи народныхъ училищъ Панаевъ вызвался принять въ свое завѣдываніе пермское народное училище и заботливо управлялъ имъ.

Съ этимъ стремленіемъ пробуждать нравственные интересы и содѣйствовать распространенію образованія, у масоновъ соединилось теплое отношеніе къ возрастающему поколѣнію: какъ Тургеневъ обратилъ вниманіе на Карамзина, такъ Панаевъ открылъ въ Перми и вывелъ на дорогу Мерзлякова. Въ масонскомъ кружкѣ молодые люди, въ качествѣ „учениковъ мудрости“, должны были находить приготовленіе къ будущей дѣятельности въ смыслѣ извѣстнаго принципа, сближались съ людьми старшаго поколѣнія, иногда съ важнымъ общественнымъ положеніемъ, испытывали

---

[1]) Лонгиновъ, 163.

[2]) „Вѣстн. Европы“, 1867, т. III, 201—202. Надо замѣтить, что В. И. Панаевъ старательно умалчиваетъ о масонствѣ своего отца.

нравственно-общественныя вліянія, какія прежде ограничивались школой или составляли дѣло случая. Когда жилъ еще Шварцъ, ко всему этому присоединялся особый курсъ лекцій философско-историческаго содержанія, конечно, еще болѣе усиливавшій авторитетъ масонскаго кружка для молодой аудиторіи. Нѣкоторыхъ воспитанниковъ своихъ они посылали, наконецъ, за границу. Таково было отношеніе московскаго кружка къ той молодежи, которую они собирали около себя въ качествѣ семинаристовъ и стипендіатовъ, переводчиковъ и т. п. Такъ, въ перепискѣ Карамзина съ его другомъ Петровымъ слышатся эти масонскія вліянія, быть можетъ, еще недостаточно указанныя въ умственномъ характерѣ Карамзина; они любопытны и въ Петровѣ, человѣкѣ съ несомнѣннымъ умомъ, склоннымъ къ критическому скептицизму, съ начитанностью и свѣдѣніями, — котораго даже странно видѣть въ этой обстановкѣ. Самый кружокъ, повидимому, до конца остался на своей колеѣ крайняго мистицизма, но люди новаго поколѣнія, какъ Петровъ, имѣютъ уже болѣе обширный горизонтъ, обнаруживаютъ значительное знакомство съ европейской литературой, восхищаются Шекспиромъ, слѣдятъ за литературной борьбой въ нѣмецкой литературѣ: отправившись за границу, Карамзинъ имѣлъ уже довольно опредѣленныя понятія о нѣмецкой литературѣ, ея партіяхъ и т. д. Передъ отъѣздомъ, Карамзинъ, какъ говорятъ, заявилъ масонскому кружку, что его мысли приняли иное направленіе и поэтому онъ уже не можетъ причислять себя къ ихъ обществу; и любопытно, что кружокъ, хотя и пожалѣлъ объ этомъ, но сохранилъ къ нему дружелюбное отношеніе — терпимость, какой не имѣла обыкновенно масонская братія.

Понятно, что въ обществѣ, большинство котораго жило въ патріархальной, порядочно грубой простотѣ, люди, будившіе сонную неподвижность, задававшіе новые вопросы, отдѣлявшіеся отъ массы, легко могли возбуждать къ себѣ то непріязненное чувство, о которомъ разсказываетъ Лопухинъ. Если было не мало людей, которые сочувствовали многимъ стремленіямъ кружка и подчинялись нравственному его вліянію, то для огромнаго большинства масоны стали почти предметомъ ненависти. Мѣры, принятыя властями, согласовались съ понятіями массы.

Когда въ половинѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка, по смерти З. Г. Чернышева, стала высказываться неблагосклонность высшихъ сферъ къ масонству, обвиненія и нападки посыпались съ особымъ ожесточеніемъ. Мы передадимъ только нѣкоторыя подробности словами Лопухина, которыя, изображая характеръ времени и взгляды самихъ масоновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ, во многихъ случаяхъ, и дѣйствительное историческое оправданіе масоновъ.

„Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, что совсѣмъ не знаютъ, распускали разныя о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и еще больше тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

„Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ, такъ называемыхъ, лучшихъ людей или публики, не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди, и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.?

„Между тѣмъ, коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанные, старались представлять насъ подозрительными и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто бы связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

„Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускалъ онъ и до розыска, вѣроятно, для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобныя ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необхо-

димо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя, всѣмъ жертвуютъ.

„Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. Итакъ онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго все, что въ государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы Государыниной, то Ей нечего опасаться...“ [1]).

Слѣдствія подозрѣній долго ограничивались тѣмъ, что запечатывали, пересматривали, запрещали изданныя масонами книги; Новикова велѣно было испытать въ законѣ Божіемъ; Лопухинъ подвергся гоненіямъ отъ московскаго главнокомандующаго Брюса.

„... Въ концѣ 1784 года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, невѣря при томъ существованію духовъ [2]), и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько же неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые, и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько. . . . .

„У страха глаза велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали довѣренностъ къ навѣтамъ, обычай

[1]) Чтен. Общ. И. Др. 1860, II, стр. 17—18.

[2]) При этомъ Лопухинъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Вѣруя, что есть Богъ, всемогущій творецъ, духъ непостижимый и, конечно, вездѣсущій, весьма безразсудно думать, что строенія его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ, невидимыхъ, а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобы они могли имѣть вліяніе на человѣковъ“.

слушать шпіоновъ, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ правду доносить о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ несчастную къ нимъ довѣренность и съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строитъ свою фортуну на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобы ей сохранять ихъ покой.

„Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги.

„Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ не похожи на наши...“ [1]).

Лопухинъ разумѣетъ здѣсь иллюминатовъ, относительно которыхъ онъ естественно раздѣлялъ упомянутыя нами преставленія, внушенныя розенкрейцерами и іезуитами; и наши масоны, вполнѣ справедливо отвергая всякую солидарность съ иллюминатами, въ свое время имѣли для себя въ этомъ отношеніи полное оправданіе. Но, разсуждая объ этомъ въ своихъ запискахъ, Лопухинъ прибавляетъ мысль, вѣроятно появившуюся у него еще въ то же время; онъ показываетъ, что въ сущности такой причинѣ даже и нельзя было бы приписывать французскаго переворота.

„Впрочемъ,—говоритъ онъ по поводу иллюминатовъ,—главною причиною революціи ставить самую оную философію и общества, похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда больные, изнуривъ себя и всѣ соки испортивъ невоздержностью и неосторожностью, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ-нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, есть ли бъ разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться:—злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ че-

[1]) Чтен. Общ. И. Др., стр. 20—21.

ловѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революціи...“ [1]).

Мы почти съ изумленіемъ встрѣчаемъ такое ясное пониманіе у человѣка съ розенкрейцерскимъ мистицизмомъ въ головѣ, и это даетъ новый намекъ на то, какъ много могли эти люди расходиться съ ходячими понятіями того времени. Большинство и высшія сферы думали тогда совершенно иначе; они не умѣли представить себѣ ясно страшнаго броженія, охватившаго во Франціи цѣлыя общественныя массы:—считаться съ этимъ было трудно, а по старымъ привычкамъ нужно было найти виновныхъ, какъ бы ни было трудно понять, что нѣсколько человѣкъ могутъ быть виной броженія и безумствъ цѣлой страны. Виновныхъ, конечно, и находили между тѣми, кто прежде возбуждалъ къ себѣ недовѣріе въ людяхъ консервативнаго свойства. Надъ обвиненіями не задумывались: въ Германіи, а потомъ въ остальной Европѣ обвинили иллюминатовъ, а однимъ изъ главныхъ основаній обвиненія былъ тотъ фактъ, что около 1788 г. въ Парижѣ было двое иллюминатовъ (между прочимъ, упомянутый нами обличитель Сенъ-Мартена, Боде); у насъ обвинили мартинистовъ.

Это обвиненіе почти непонятно по тому крайнему невѣдѣнію русской жизни, какое оно предполагаетъ въ обвинителяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было слишкомъ мало понимать эту жизнь и зарождавшіяся въ ней умственныя и нравственныя стремленія, чтобы свести дѣятельность и тенденціи нашего масонства на революціонныя затѣи, и исполнителями революціонныхъ замысловъ счесть Лопухина и его друзей. Но обвиненія были, однако, не шуточны. Въ 1792, когда начались допросы, князь Прозоровскій положительно подозрѣвалъ и вывѣдывалъ у Лопухина—о связяхъ съ якобинцами! Князь Прозоровскій обвинялъ масоновъ въ иллюминатствѣ, но Лопухинъ объяснилъ ему всю разницу между ними и этимъ обществомъ; на допросѣ онъ выспрашивалъ у Лопухина о перепискѣ съ „французами“, и когда Лопухинъ подтвердилъ, что переписка была, Прозоровскій былъ въ восторгѣ: онъ былъ увѣренъ, что добился сознанія въ связяхъ съ якобинцами. Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

---

[1]) Чтен. Общ. И. Др., стр. 21—22.

„Это хорошо, что вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуйста, о чемъ же и когда вы къ нимъ писывали?—Не упомнишь, — отвѣчалъ я, — всего, о чемъ и когда.—Однако, сколько можешь вспомнить.—Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого-нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ.— „Вы шутите, сердясь, говорилъ мнѣ князь.—Къ какимъ же французамъ вы писывали это?—Къ лавочникамъ здѣшнимъ; а то къ какимъ же?—Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ якобинцами.—А ваше сіятельство были съ ними въ перепискѣ?—Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался?—говорилъ онъ.—Такъ знайте же,—сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь,—что въ чести, въ вѣрности государю и отечеству я никакъ вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ“... [1]).

Этотъ разговоръ весьма наглядно показываетъ, какое громадное разстояніе было между фактами и тѣмъ значеніемъ, которое придавала имъ подозрительность власти. И это былъ вовсе не единственный случай такого взгляда на вещи. Въ то время находилось за границей трое русскихъ членовъ московскаго кружка:—Кутузовъ, который жилъ въ Берлинѣ для розенкрейцерскихъ занятій, Колокольниковъ и Невзоровъ, которые ѣздили за границу за счетъ Лопухина учиться медицинѣ. Въ началѣ 1792 г., когда разрѣшалось дѣло Новикова, эти послѣдніе, кончивъ свое ученіе и получивъ степень докторовъ медицины, возвращались въ Россію. За границей они по самымъ принципамъ и наставленіямъ Лопухина не вступали въ какія-нибудь ложи или другія общества, изъ опасенія „ложнаго масонства“ или тогдашнихъ зловредныхъ идей; они строго выполнили наставленіе, но тѣмъ не менѣе съ ними произошли слѣдующія вещи, разсказанныя Невзоровымъ.

„...Мы съ покойнымъ товарищемъ своимъ В. Я. Колокольниковымъ, живя еще въ голландскомъ Лейденѣ, получили отъ благодѣтеля своего И. В. Лопухина письмо, въ которомъ онъ насъ увѣдомляетъ, что въ Россіи нѣкоторые злоязычники разславляютъ, что будто бы мы въ Парижѣ (въ которомъ мы не только тогда, но и никогда не были)

---

[1]) Чтен. Общ. Ист. и Др., стр. 42.

были изъ русскихъ въ числѣ депутатовъ во французское національное собраніе съ поздравленіемъ французовъ съ революціонными ихъ предпріятіями. И въ 1792 году въ мартѣ мѣсяцѣ привезли насъ въ Петербургъ и въ Невскій монастырь подъ именемъ якобинцевъ, какъ я послѣ узналъ... Смѣшнѣе же всего и грѣшнѣе то, что покойный Степанъ Ивановичъ Шешковскій въ Алексѣевскомъ равелинѣ при петербургской крѣпости допрашивалъ насъ и, конечно, по повелѣнію, отъ чего произошла французская революція, сіе чудовищное произведеніе кровопійственной философской просвѣщенной политики, противъ чего всего именно благодѣтельные наши учители и наставники, истинные свободные каменщики, и ученіемъ, и примѣрами, и сочиненіями, и всѣми заведеніями именно шли, въ чемъ я ручался тогда письменно своею головою..." [1]).

Изъ всѣхъ показаній, вообще данныхъ въ этомъ процессѣ, нельзя было не видѣть, что масоны были совершенные агнцы въ политическихъ дѣлахъ; ихъ отвѣты исполнены были такой преданности, что нужно было крайнее и до послѣдней степени несправедливое предубѣжденіе противъ нихъ, чтобы считать ихъ опасными. Припомнимъ здѣсь, что въ числѣ предполагаемыхъ агентовъ и посредниковъ съ якобинцами поставили было и Карамзина!

Наконецъ, едва ли можно сомнѣваться, что также точно къ весьма простымъ вещамъ сводилось и существенное обвиненіе—по сношеніямъ масоновъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Что основной пунктъ обвиненій лежалъ именно здѣсь (чего не хотѣли дать замѣтить обвиняемымъ), и что онъ имѣлъ такіе именно, а не другіе размѣры, въ этомъ убѣждаютъ уже слова записокъ Лопухина. „Прочіе вопросы (т. е. вопросные пункты по обвиненіямъ, кромѣ этого),—говоритъ Лопухинъ,—сочинены были только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ" [2]). Мысль о томъ, что было бы полезно имѣть во главѣ русскаго отдѣла ордена такое важное лицо, являлась

[1]) Библіографич. Записки, 1858, I, 651—652.
[2]) Чтен. Общ. Ист. и Др. 45.

еще при Шварцѣ; но къ этому не было, однако, принято положительныхъ мѣръ, а въ особенности, судя по тону всѣхъ показаній объ этомъ предметѣ, не дѣлалось ничего предосудительнаго. Обвиняемые почти одинаково показываютъ, что мысль о вниманіи къ ордену со стороны этой особы доставляла имъ удовольствіе, но что этими помышленіями дѣло и ограничивалось. Всего больше, повидимому, говорилъ на эту тему въ ихъ кружкѣ архитекторъ Баженовъ, имѣвшій сношенія лично съ великимъ княземъ, но едва ли точно принадлежавшій къ тѣсному кружку розенкрейцеровъ; со стороны кружка въ этомъ отношеніи все дѣло состояло въ посылкѣ нѣсколькихъ изданныхъ имъ книгъ. По словамъ Трубецкого, самъ Новиковъ много разъ говаривалъ, что Баженовъ „фанатикъ, которому кажутся небылицы",—понятно, что они дѣйствительно едва ли бы довѣрили такому человѣку какой-нибудь планъ въ этомъ смыслѣ. Наконецъ, самое письмо Баженова объ этомъ предметѣ, составлявшее главнѣйшій corpus delicti, было писано еще въ 1787 г.

Притомъ изъ показаній Лопухина можно видѣть, что и самое отношеніе великаго князя къ ордену не было безусловно удовлетворительно. Лопухинъ говоритъ въ своемъ показаніи такъ: „Рѣдкая посылка отъ Новикова къ этой особѣ книгъ чрезъ архитектора Баженова и разговоры сего послѣдняго съ нею не казались мнѣ заслуживающими никакого худаго вниманія (sic). Слова особы сея, сколько я слышалъ, переданныя чрезъ Баженова Новикову, изъявили ея благодушіе и склонность къ упражненіямъ въ христіанствѣ, мнѣніе сперва о упражненіяхъ нашихъ не худое, а потомъ сумнѣніе и подозрѣніе насъ въ намѣреніяхъ нечистыхъ. Симъ послѣднимъ мнѣніемъ я оскорблялся—какъ то естественно; ибо я почиталъ упражненія мои чистыми, и въ чистотѣ сей увѣренъ былъ, зная однакожъ, что особа та не могла вѣдать точно основанія нашего, имѣя свѣдѣніе только по немногимъ разговорамъ съ Баженовымъ и по слухамъ. Сожалѣніе сіе мое мнѣ было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ важнѣе особа, какъ естественно наибольше желать одобренія своихъ мнѣній и дѣлъ отъ важнѣйшихъ особъ" [1]). Въ запискахъ Лопухинъ замѣчаетъ

[1]) Лонгиновъ, стр. 0128.

объ этомъ въ своемъ показаніи: „написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы“ [1]).

Что у нашихъ масоновъ легко могла явиться подобная мысль, это совершенно понятно: въ западномъ масонствѣ они видѣли множество примѣровъ участія или главенства въ орденѣ разныхъ коронованныхъ или владѣтельныхъ лицъ; притомъ о великомъ князѣ они знали или предполагали, что онъ посвященъ въ орденъ. Они даже и не скрывали вовсе мысли о томъ, какъ благодѣтельно было бы подобное обстоятельство для ордена. Въ примѣчаніи мы приводимъ отрывокъ изъ книги, изданной масонами еще въ 1784 году; правда, книга издана была собственно для своего кружка, но выраженная мысль уже конечно переставала быть тайной [2]). Въ послѣднее время, какъ мы замѣтили, эта мысль, вѣроятно, была и совсѣмъ оставлена: самый кружокъ начиналъ падать, и въ 1791 г. Типографическая Компанія была уничтожена самими компаньонами. Дѣло Новикова выросло до своихъ прискорбныхъ размѣровъ только вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ и чисто личныхъ впечатлѣній императрицы. Тревожныя событія времени усилили до крайней степени давнишнее недовѣріе къ проявленіямъ общественной мысли, и, можетъ быть, пробудившіяся воспоминанія о прошедшемъ, о придворныхъ переворотахъ стараго времени, дали новую пищу подозрительности, и

---

[1]) Чтен. Общ. Ист. и Др., стр. 41.

[2]) „Есть ли бъ когда либо можно было ввести во внутренность Ордена Государей, смотрящихъ еще и нынѣ на него съ опасной стороны, и предложить имъ въ величайшей ясности всѣ благодѣтельные, великодушные, благородные и человѣкодружественные планы и начертанія для блага рода человѣческаго: то безъ сомнѣнія содѣлалися бы они толико же ревностными покровителями оныхъ, какъ и толь многіе другіе великіе и просвѣщенные Европейскіе государи, которые, знакомы будучи со внутренностью Ордена, становятся нашими предводителями, и самодѣйственнѣйшимъ образомъ споспѣшествуютъ всѣмъ полезнымъ для человѣчества начертаніямъ.

„Можетъ быть близка уже сія благополучная эпоха: наступитъ она безъ сомнѣнія; ибо невѣроятно, чтобъ вѣчно пребыло сокрыто во мракѣ учрежденіе, управляемое здравымъ разсудкомъ, дѣлающее человѣковъ добродѣтельными и купно щастливыми“. Магазинъ свободно-каменьщической, 1784, т. 1, ч. 1, стр. 26—27.

безъ того выроставшей съ лѣтами: все это способно было совершенно закрыть настоящій видъ новиковскаго дѣла.

Разсказавъ объ арестѣ Новикова, объ отвозѣ его окольными дорогами въ Шлиссельбургъ, о великихъ предосторожностяхъ, принятыхъ во время переѣзда, съ цѣлымъ гусарскимъ конвоемъ, — Лопухинъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „я описываю подробности сіи для того, чтобъ представить, какъ дѣйствовали: можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались“.

Кн. Прозоровскій надѣялся, что его наградятъ за совершенный подвигъ; но нѣсколько ошибся въ ожиданіи. Императрица, по окончаніи дѣла, быть можетъ, въ глубинѣ души увидѣла его сущность въ болѣе должномъ свѣтѣ. Въ началѣ 1793 г., Прозоровскій пріѣхалъ въ Петербургъ. Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что, послѣ представленія Прозоровскаго, императрица обратилась къ Храповицкому со словами: „знаетъ ли онъ (Прозоровскій) самъ зачѣмъ пріѣхалъ?“ Потомъ, не дождавшись отвѣта, прибавила: „онъ пріѣхалъ сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ“. Ея слова были похожи на иронію, потому что кн. Прозоровскій въ это время никакой награды не получилъ. Но вовсе не поправилось и положеніе мартинистовъ.

Въ чемъ же состоялъ процессъ Новикова? При началѣ дѣла, его предполагали отдать на правильное „законное сужденіе“ [1]), но процессъ ограничился допросами у Прозоровскаго и Шешковскаго; „законнаго сужденія“ не было, и дѣло кончилось заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургѣ. Мы указали выше, почему самая тяжкая участь досталась изъ всего кружка только Новикову. Его ближайшіе друзья, товарищи и соучастники, иногда по дѣламъ ордена даже болѣе компрометтированные по тогдашнимъ понятіямъ, отдѣлались легкими взысканіями, Лопухинъ былъ освобожденъ совсѣмъ. Уже это обстоятельство показываетъ, что слѣдствіе для самыхъ предубѣжденныхъ людей не представило достаточнаго повода къ преслѣдованію, и однако же въ рѣшеніи 1-го августа 1792 г. о Новиковѣ и его друзьяхъ (хотя эти послѣдніе понесли только легкое взысканіе, и въ

---

[1]) **Указъ 1 мая 1792 г.; Лонгиновъ, 071.**

сущности, были оставлены въ покоѣ) говорится какъ о „преступникѣ и его сообщникахъ"; дѣятельность ихъ характеризована какъ „вредные замыслы", побужденія—„духъ любоначалія и корыстолюбія", свойства ихъ послѣдователей—„крайняя слѣпота, невѣжество и развращеніе", средства—„плутовство и обольщеніе" [1]).

Лонгиновъ подробно разбираетъ предметы обвиненій и показанія Новикова, и во всей массѣ инкриминацій и подозрѣній находитъ, собственно, одну вину,—по своему свойству, конечно, не заслуживающую такого наказанія, какое постигло Новикова, — именно тайное напечатаніе нѣсколькихъ масонскихъ сочиненій и продажу книгъ, разъ запрещенныхъ, въ чемъ Новиковъ прямо повинился, — какъ и другіе, которые отчасти въ этомъ участвовали, отчасти знали это. Остальныя преступленія были мнимыя, и между прочимъ заключались въ вещахъ, составляющихъ простую обыкновенную принадлежность масонства, каковы были, напр., масонскія сношенія, обряды, знаки и т. п.; тогда какъ масонство вовсе не подвергалось никакимъ формальнымъ запрещеніямъ. Далѣе „замѣчательно (говоритъ Лонгиновъ), что, судя по отвѣтамъ Новикова, его вовсе и не спрашивалъ и объ изданіи книги, заключавшей въ себѣ раскольническія сочиненія, которая, однако, служила главнымъ поводомъ къ его аресту" [2]). Въ чемъ заключалось настоящее, неохотно высказываемое обвиненіе, т. е. „уловленіе въ свою секту извѣстной особы", мы выше видѣли.

Разбирая показанія Новикова, данныя на допросѣ, и сличая ихъ съ фактами, біографъ его старается опредѣлить степень искренности показаній и находитъ: что Новиковъ „не обманывалъ въ нихъ", но „не говорилъ ни слова о томъ, о чемъ его не спрашивали"; иногда „измѣняла ему память", отчего происходятъ нѣкоторыя ошибки; наконецъ, Новиковъ „старался смягчать обстоятельства, которыя могли ему повредить, и напротивъ того преувеличивать нѣсколько все то, что говорило въ его пользу".

И затѣмъ біографъ продолжаетъ: „Обвинять ли его за это? Предоставляемъ судить о томъ читателю, прося его,

---

[1]) Лонгиновъ, 0114—0115.
[2]) Лонгиновъ, 329.

однако, вспомнить, что отвѣты на вопросы Шешковскаго писаны больнымъ человѣкомъ, не совершившимъ никакого государственнаго преступленія, схваченнымъ внезапно, переведеннымъ въ дальній крѣпостной казематъ и поставленнымъ лицомъ къ лицу съ безпощаднымъ сыщикомъ, въ эпоху всеобщаго страха“ [1]).

Нашъ вопросъ кажется страннымъ: если Новиковъ, не совершившій никакого государственнаго преступленія, былъ поставленъ въ такое положеніе,—думать о подобномъ обвиненіи можно только становясь на точку зрѣнія Шешковскаго. Послѣ того, какъ Новиковъ созналъ свою единственную вину—указанный выше проступокъ, и если все остальное, о чемъ его допрашивалъ Шешковскій, вовсе не запрещалось закономъ и не было преступленіемъ, что же оставалось ему еще дѣлать? Безпристрастный читатель исторіи Новикова едва ли станетъ думать о какомъ-нибудь подобномъ обвиненіи. Ему скорѣе представится то печальное положеніе, въ какое становился здѣсь Новиковъ, какъ представитель извѣстныхъ потребностей общественнаго развитія и его дѣятель: внѣ указаннаго проступка, между обвиняемымъ и его инквизиторомъ не было правильнаго юридическаго отношенія; напротивъ, это были люди совершенно разнаго рода, не имѣвшіе одного общаго языка. Новиковъ могъ искренно и справедливо сознавать въ себѣ глубокую преданность благу своего отечества—въ дѣятельности, никогда не запрещенной закономъ, и нашедшей сильный отголосокъ въ обществѣ; его сыщикъ не понималъ и никогда не могъ понять этого,—не думаемъ, чтобы молчаніе Новикова о томъ, „чего не спрашивали“, могло быть въ этомъ случаѣ юридическимъ вопросомъ. Можно только жалѣть, что исторія трудныхъ процессовъ общественнаго развитія приноситъ примѣры такихъ встрѣчъ и такихъ печальныхъ контрастовъ.

Этотъ нравственно-юридическій смыслъ дѣла Новикова былъ уже совершенно ясенъ для самихъ современниковъ. Вспомнимъ фразу Потемкина, который предостерегалъ императрицу при назначеніи ею въ Москву кн. Прозоровскаго, долженствовавшаго рѣшить дѣло мартинистовъ. Безбородко,

---

[1]) Лонгиновъ, тамъ же.

еще при жизни императрицы (въ 1794 г.), говорилъ Лопухину, съ которымъ только тогда познакомился, что „дѣло сіе несоотвѣтственно ея славѣ“ [1]). Карамзинъ въ запискѣ, писанной имъ о Новиковѣ для императора Александра въ 1818 г., при всей нарочитой мягкости своей фразы, называетъ Новикова „невиннымъ страдальцемъ“, „жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго“.

Эта тяжелая судьба и память преслѣдованія надолго закрыли дѣятельность Новикова той неизвѣстностью и молчаніемъ, которыя покрываютъ еще многія событія и явленія нашей новѣйшей общественной исторіи. Современники и ближайшія поколѣнія считали его имя опальнымъ, и историческое изученіе только постепенно начало раскрывать этотъ любопытный эпизодъ въ судьбахъ русскаго образованія. Когда праздновался столѣтній юбилей московскаго университета, — къ исторіи котораго имя Новикова такъ тѣсно привязано, — и когда выходили изданія, посвященныя исторіи этого университета, опала еще лежала на имени Новикова: „имя Новикова, — замѣчаетъ Лонгиновъ, — казалось столь запретнымъ, что редактору этихъ изданій, покойному С. П. Шевыреву, стоило величайшихъ трудовъ, чтобы провести въ печати, и то съ урѣзками, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ“ [2]). Только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка литература выдвинула этотъ историческій эпизодъ, хотя изученіе его все еще остается весьма неполнымъ.

Тѣмъ не менѣе, при всей опалѣ, имя Новикова никогда не забывалось. Въ двухъ-трехъ словахъ, которыми упоминали о немъ въ началѣ, потомъ въ краткихъ и сухихъ біографіяхъ, оно постоянно называлось какъ высокое имя русской литературы; и въ этихъ отзывахъ, безъ спора признававшихъ значеніе Новикова, несомнѣнно сказывались традиціи 80-хъ годовъ XVIII вѣка, — того времени, когда Новиковъ занималъ господствующее положеніе въ общественно-литературномъ движеніи. Его имени отдавалось уваженіе и тогда, когда еще никто не опредѣлилъ суммы и значенія его дѣятельности и когда его еще боялись называть.

---

[1]) Чтен., Общ. И. Др. стр. 36.

[2]) Лонгиновъ, стр. 3.

Эта дѣятельность раздѣлялась, вообще, на три различные предмета, въ которыхъ, однако, Новиковъ постоянно одушевлялся однимъ господствующимъ стремленіемъ. Онъ предпринималъ и совершалъ историческіе труды, собираніе и изданіе памятниковъ старой исторіи и литературы, руководясь историческимъ чувствомъ, которое въ изученіи прошлаго указывало ему одно изъ орудій общественнаго развитія. Онъ брался за сатиру, часто горькую и язвительную, стараясь этимъ указаніемъ вопіющихъ недостатковъ общества внушить ему стремленіе къ лучшему и болѣе совершенному. Наконецъ, онъ сталъ ревностнымъ масономъ,—но и здѣсь имъ руководитъ та же мысль о служеніи обществу: блуждая въ масонскихъ символахъ и іероглифахъ, онъ думаетъ, что находитъ тѣ же символы въ преданіяхъ русской старины; вѣря въ древность и глубокій смыслъ ордена, онъ старается глубже утвердить его на русской почвѣ, дать масонству національную самостоятельность, усвоить его русской жизни, такъ что и здѣсь, въ одномъ изъ самыхъ странныхъ увлеченій „западомъ", какія только можетъ представить исторія русскаго образованія, онъ, какъ всѣ лучшіе люди, увлекавшіеся „западомъ", остается вѣренъ главному стремленію—служить своему обществу.

Результатъ, оставшійся въ русской литературѣ отъ масонской дѣятельности Новикова и его кружка, производитъ самъ по себѣ странное и тяжелое чувство. Этотъ результатъ, который долженъ представлять собой плодъ задушевныхъ стремленій и многолѣтняго труда,—есть масса книгъ, преисполненныхъ туманнымъ мистицизмомъ, грубымъ незнаніемъ, ребяческими заблужденіями, фантастическимъ суевѣріемъ, гдѣ мы только съ трудомъ отыскиваемъ то первоначальное побужденіе, которое выполняется здѣсь въ такомъ извращенномъ видѣ. Но если бы мы даже не знали цѣнныхъ историческихъ трудовъ Новикова, дающихъ ему, независимо отъ всего остального, почетное мѣсто въ исторіи литературы, и если бы знали только автора „Живописца", ставшаго послѣ мрачнымъ мистикомъ,—мы нашли бы разъясненіе этого страннаго развитія, совершавшагося безъ указаній и поддержки въ средѣ, почти лишенной образованія, и исторія громаднаго, хотя въ большей степени совершенно фальшиваго труда, показала бы намъ въ масонѣ Новиковѣ

дѣятеля, имѣющаго всѣ права на сочувственное воспоминаніе. Преслѣдованіе, доставшееся ему на долю, усиливаетъ это сочувствіе, какъ всегда, когда преслѣдованію подвергается сильное и чистое убѣжденіе.

Наконецъ, преслѣдованіе, упавшее тяжелымъ ударомъ на личную судьбу Новикова, не уничтожило его дѣла — опять историческій фактъ, множество разъ повторявшійся въ судьбѣ общественныхъ понятій. Мистическая школа, отчасти выросшая подъ вліяніемъ московскаго кружка, отчасти развившаяся независимо, имѣла свой новый періодъ процвѣтанія въ царствованіе Александра I. На этотъ разъ процвѣтаніе мистицизма отличалось уже другими свойствами: то, съ чѣмъ можно было мириться у Новикова въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка, приняло въ началѣ XIX-го самыя антипатичныя формы, становилось положительнымъ вредомъ для общества, и, конечно, не найдетъ въ исторіи тѣхъ оправданій, какія можетъ найти мистицизмъ Новикова.

Итакъ, ближайшее изученіе открываетъ въ дѣятельности Новикова слишкомъ много слабыхъ сторонъ, состоящихъ въ фантастическомъ мистицизмѣ и отрицаніи настоящей положительной науки, и эти заблужденія Новикова, сами по себѣ очевидно вредныя для дѣла образованія, до сихъ поръ едва ли даже оцѣнены во всемъ ихъ объемѣ; но съ той относительной точки зрѣнія, которая необходима въ историческомъ рѣшеніи, въ новиковскомъ мистицизмѣ мы всетаки можемъ видѣть извѣстный успѣхъ относительно той неподвижности и отсутствія живыхъ умственныхъ интересовъ въ массѣ общества, едва начинавшей сознательную жизнь въ новыхъ условіяхъ петровской реформы. Какъ цѣлое общественное явленіе, литературная судьба Новикова даетъ и свой историческій урокъ, — потому что теоретическій выводъ изъ историческихъ данныхъ можетъ быть и практическимъ указаніемъ — для тѣхъ, кто бы захотѣлъ совѣтоваться съ исторіей. Изъ этой литературной судьбы можно, кажется, вывести, — что общественно-литературный успѣхъ и вліяніе, подобное вліянію и успѣху Новикова, бываютъ результатомъ не одной личной тенденціи отдѣльнаго человѣка, но обнаруживаютъ зрѣющія наклонности и стремленія самого общества; и что съ тѣхъ поръ, какъ об-

щество перестаетъ быть неразсуждающею массой и начинаетъ свою самодѣятельность, ему становится необходимъ и долженъ быть предоставленъ извѣстный просторъ, терпимость и свобода мышленія, если только мы желаемъ, чтобы эта самодѣятельность могла стать настоящею сознательною общественною силой:—организмъ общества, не совершенно слабосильнаго, самъ правильно совершитъ процессъ развитія, и только при самостоятельной работѣ мысли общество можетъ научиться вѣрно различать „заблужденія и истину“, и дѣятельность его достигнетъ прочныхъ результатовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ.

Въ исторіи нашихъ масонскихъ ложъ XVIII и первой четверти XIX вѣка до сихъ поръ остается много неяснаго, событія все еще представляются отрывочно, разныя масонскія направленія остаются довольно смутными. Между тѣмъ масонское движеніе любопытно, какъ одно изъ первыхъ самостоятельныхъ проявленій нашего общества въ смыслѣ извѣстной нравственной тенденціи; оно обнимало весьма значительную часть общества, упорно держалось въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, выказало большую дѣятельность въ своихъ практическихъ предпріятіяхъ.

Нельзя сказать, чтобы для этой исторіи не было матеріаловъ. Многое изъ ея документовъ, безъ сомнѣнія, погибло безвозвратно; масонскія ложи и масоны не одинъ разъ подвергались преслѣдованіямъ, начиная со временъ Елизаветы Петровны и до 1826-го года,—при этомъ было, конечно, истреблено или растеряно много документовъ, личныя воспоминанія исчезали даже для самихъ адептовъ. При всемъ томъ, осталось и до сихъ поръ не мало разнаго рода письменнаго и печатнаго матеріала въ нашихъ библіотекахъ, матеріала еще далеко не разработаннаго; многое, вѣроятно, еще сбереглось и въ частныхъ рукахъ, у потомковъ людей, принадлежавшихъ къ масонскому обществу и сохранившихъ отъ истребленія свои документы. Желательно было бы, чтобы лица, владѣющія подобнымъ матеріаломъ, сберегли его, передавая въ общественныя библіотеки или сообщая тѣмъ, кто занимается этой исторіей.

Въ настоящемъ случаѣ мы хотѣли указать нѣкоторые матеріалы, которыми мало еще пользовались историки масонскихъ ложъ. Большія собранія масонскихъ рукописей

находятся въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, и въ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ,—оба принадлежавшія обширной масонской библіотекѣ и архиву. Въ Публичной Библіотекѣ, кромѣ большого числа рукописей, надобно указать еще цѣлую библіотеку масонскихъ и мистическихъ печатныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, которая принадлежала нѣкогда извѣстному въ свое время масону, графу М. Ю. Віельгорскому, и гдѣ находится много рѣдкихъ и замѣчательныхъ изданій. Рукописное собраніе Публ. Библіотеки въ 1869 г. умножилось другой масонской коллекціей, принадлежавшей извѣстному Ѳ. И. Прянишникову, въ свое время также масону. Обѣ рукописныя коллекціи Публ. Библіотеки состоятъ главнымъ образомъ изъ рукописной масонской литературы конца XVIII и начала XIX столѣтія: сочиненій масонскихъ или отнесенныхъ къ масонству, трактатовъ объ орденѣ, твореній по мистической философіи и морали, по алхиміи, каббалистикѣ и магіи. Собственно историческаго и документальнаго здѣсь немного. Таковы, въ коллекціи Прянишникова, протоколы различныхъ степеней ложи „Умирающаго Сфинкса",— работы ложъ,—нѣсколько уставовъ и ритуаловъ,—отдѣльныя историческія замѣтки [1]). Несравненно богаче и разнообразнѣе московское собраніе, доставшееся Публичному Музею отъ покойнаго профессора Ешевскаго. Это—большой масонскій архивъ, принадлежавшій нѣкогда великому мастеру одного отдѣла русскихъ ложъ, временъ императора Александра, С. С. Ланскому. Въ нѣсколькихъ стахъ нумеровъ, коллекція Московскаго Музея заключаетъ въ себѣ разнообразные документы. Это былъ оффиціальный архивъ, и значительную долю его составляютъ протоколы и дѣла ложъ, союза Великой Провинціальной Ложи,—съ возстановленія ложъ при Александрѣ и до закрытія ихъ въ 1822-мъ году. Длинный рядъ фоліантовъ наполненъ оффиціальными дѣлами, документами и перепиской, по которымъ можно съ подробностью ознакомиться съ дѣятельностью ложъ этой системы. Другой отдѣлъ архива составляетъ обширное собраніе уставовъ и ритуаловъ, представляющихъ богатый

[1]) Библіографическое описаніе масонскихъ рукописей Прянишникова находится въ Отчетѣ Публ. Библ. за 1869-й годъ. [Изъ другихъ Отчетовъ П. Б. см. особ. за 1874 и 1878 г.г.].

матеріалъ для изученія масонскихъ обычаевъ и обрядовъ. Далѣе, какъ въ Публичной Библіотекѣ, находится здѣсь большая коллекція масонской литературы по различнымъ разрядамъ мистическихъ ученій. Далѣе, одинъ изъ важнѣйшихъ, въ историческомъ отношеніи, отдѣловъ этой коллекціи—до сихъ поръ единственный въ своемъ родѣ по богатству матеріала—есть собраніе частной переписки масоновъ. Наконецъ,—большое собраніе грамотъ, дипломовъ и разныхъ вещественныхъ принадлежностей масонства — масонскія эмблемы, костюмы, картины, принадлежности ложи и т. д. [1]).

Наконецъ, можно упомянуть еще третью, менѣе, кажется, значительную коллекцію масонскихъ матеріаловъ, находящуюся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [2]).

Несмотря на богатство московской коллекціи, она осталась до сихъ поръ почти нетронутой изслѣдователями. Единственный разъ воспользовался ею Ешевскій, когда она еще находилась у него, и, притомъ, воспользовался одной небольшой ея долей. Мы имѣли, къ сожалѣнію, только короткое время въ своемъ распоряженіи, чтобы ознакомиться съ этой коллекціей, которая могла бы доставить матеріалъ для цѣлаго обширнаго изслѣдованія.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ иной цѣли, кромѣ общаго указанія на интересъ тѣхъ матеріаловъ, которые остаются еще неразработанными въ рукописяхъ Публичной Библіотеки и Московскаго Музея. Мы упомянемъ, кромѣ того, еще объ одномъ небольшомъ собраніи масонскихъ бумагъ, за сообщеніе котораго обязаны Е. И. Ламанскому.

I. Розенкрейцеры.

Возникновеніе розенкрейцерской системы масонства въ Москвѣ было разсказано Ешевскимъ и Лонгиновымъ; мы указывали въ другомъ мѣстѣ общій характеръ этой си-

[1]) См. „Каталогъ масонскихъ рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ“ въ приложеніи къ Отчету Музея за 1899 г. и отд. М. 1900. Часть масонской переписки XVIII в., использованная Ешевскимъ, напечатана Я. Л. Барсковымъ въ книгѣ „Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка“, изд. Отд. р. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, Пг. 1915. Ред.

[2]) Изъ этой коллекціи сдѣланы Пекарскимъ извлеченія, составившія „Дополненія къ ист. мас. въ Россіи XVIII столѣтія“. Спб. 1869.

стемы, въ которой къ обыкновенному масонскому мистицизму примѣшалось особенное пристрастіе къ тайнымъ наукамъ, алхиміи и магіи. Розенкрейцерство введено было у насъ московскимъ профессоромъ Шварцемъ, который, во время поѣздки 1781 г. въ Германію передъ Вильгельмсбадскимъ конвентомъ, познакомился въ Берлинѣ съ представителями этой новой системы. Шварцу показалось, и его товарищамъ въ Москвѣ также, что они нашли, наконецъ, давно отыскиваемыя таинства, которыхъ тщетно искали въ разныхъ другихъ системахъ масонства. На Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Россія признана и объявлена была VIII-й особой провинціей ордена, подчиненной только одному гросмейстеру ордена; но это пріобрѣтеніе, заслуга котораго принадлежала московскимъ масонамъ, не столько ихъ радовала, сколько розенкрейцерство, которое они случайно при этомъ отыскали.

Въ изслѣдованіяхъ Ешевскаго изложено содержаніе переписки московскихъ масоновъ, изъ которой открываются обстоятельства возникновенія розенкрейцерства. Но матеріалъ еще не былъ имъ исчерпанъ, и въ немъ найдется еще многое для подробной исторіи розенкрейцерства. Такъ, въ рукописяхъ Музея остались различные уставы, наставленія, такъ называемые катихизисы розенкрейцерства, книги, которыя рекомендовалось читать, переписка и т. п.

Упомянемъ сначала рукопись, заключающую общія положенія розенкрейцерскаго ордена.

„Верховно-братскимъ избраніемъ, силою и властію утвержденное вступленіе въ первый классъ Достохвальнѣйшаго Ордена Златаго Розоваго Креста, по послѣдней главной реформаціонной конвенціи составленное для благаго употребленія всѣхъ достойныхъ братьевъ, имѣющихъ право вводить и принимать другихъ мастеровъ Сіянія Свѣта и Потеряннаго Слова. Съ братскаго согласія издано въ лѣто Господне 1777“ (18 листовъ, писанныхъ рукой С. С. Ланского) [Рум. Муз. № 2169].

Въ той же коллекціи находится другой, болѣе старый переводъ этого сочиненія („Отъ верховнѣйше-братской избранія-мощи и силы утвержденный входъ въ первый классъ“ и проч.), которое имѣло также другое заглавіе: „Сильныя увѣщанія, извлеченныя изъ истинныхъ писаній высокоосвя-

щеннаго ордена Злато-Розоваго Креста“ и проч. [№ 2168] [1]). Нѣмецкій оригиналъ называется: „Von Obristbrüderlicher Wahl, Macht und Gewalt bestättigter Eingang zur ersten Classe des preiswürdigsten Ordens vom Goldenen Rosenkreuze и пр., или: Starke Erweise aus den eigenen Schriften des hochheiligen Ordens der Gold—und Rosenkreuzer“ и проч. [2]).

Далѣе, имѣется два перевода другихъ постановленій розенкрейцерства:

„Извлеченіе поучительныхъ орденскихъ постановленій З. Р. К. древней системы, которые учреждены при послѣдней главной преобразовательной генеральной конвенціи лѣта Господня 1777-го по братскому согласію и введены во всѣхъ о к р у г а х ъ [3]) для соблюденія братскаго порядка и для точнѣйшаго исполненія всѣми къ нимъ принадлежащими орденскими сродственниками“ [№ 2169] (писано рукой Ланского, 15 листковъ, заключающихъ только двѣ главы). Болѣе старый переводъ этихъ постановленій: „Перечень наставительныхъ ордена положеній З. Р. К. древней системы“ и проч. (75 стр. f⁰; пять главъ) [4]) см. [№ 2168].

Въ первомъ переводѣ имѣется также:

„Таблица, какимъ образомъ катихизировать при принятіяхъ или иныхъ большихъ и малыхъ обыкновенныхъ конвенціяхъ, также предъ столомъ и послѣ онаго“ (11 листковъ) [№ 2169].

Другая любопытная рукопись, въ которой собраны были С. С. Ланскимъ разные розенкрейцерскіе документы, между прочимъ, письма Коловіона, указанныя Ешевскимъ [5]), въ музейномъ каталогѣ значится подъ № [1954].

Коловіонъ было розенкрейцерское имя, или одно изъ именъ, Н. И. Новикова, и письма его къ „начальнику“, — какъ видно изъ писемъ, розенкрейцерскому, — очень любопытны въ историческомъ смыслѣ. Они, правда, еще не откры-

---

[1]) Ср. Е ш е в с к і й, Сочиненія, III, стр. 559.

[2]) K l o s s, Bibliographie № 2672. Ср. Chrysophirons Reden etc. Herausgegeben ohne Erlaubniss der Obern. München, 1792, стр. IX, прим.

[3]) Вмѣсто этого слова въ рукописи находятся два кружка, которые, кажется, служили у розенкрейцеровъ для обозначенія этого слова.

[4]) Е ш е в с к і й, тамъ же, стр. 552.

[5]) Сочин. III, стр. 553—556, 564. Рукопись, о которой мы говоримъ, писана весьма старательно, и Е ш е в с к і й прибавилъ къ ней оглавленіе: „Матеріалы для исторіи масонства. 1) Три письма Коловіона къ

ваютъ всей сущности отношеній, существовавшихъ въ нашемъ розенкрейцерскомъ обществѣ, но, во всякомъ случаѣ, характеризуютъ ихъ. Кто былъ начальникъ, на это въ письмахъ нѣтъ прямыхъ указаній. Но это былъ начальникъ московскій, такъ какъ Новиковъ говоритъ о „словесныхъ объясненіяхъ" съ нимъ (въ первомъ письмѣ пунктъ 8-й, во второмъ п. 6-й). Судя по обстоятельствамъ, это былъ, вѣроятно, извѣстный агентъ берлинскихъ розенкрейцеровъ, баронъ Шрёдеръ, который, по смерти Шварца, сталъ управляющимъ московскими розенкрейцерами и посредникомъ въ сношеніяхъ съ берлинскими властями ордена [1]). Письма были писаны, повидимому, въ 1784-мъ году, и по смерти Шварца, который упоминается какъ „въ Богѣ почивающій"; но страннымъ образомъ, въ первомъ же изъ этихъ писемъ, говорится о Шварцѣ, какъ о живомъ человѣкѣ: Коловіонъ объясняетъ начальнику, что не можетъ передать Шварцу нѣкоторыхъ дѣлъ (какъ начальникъ того желалъ), такъ какъ Шварцъ очень обремененъ. Чѣмъ объясняется это противорѣчіе, мы не понимаемъ. Могла произойти путаница при переписываньи этихъ документовъ.

Письма Коловіона, какъ увидитъ читатель, очень похожи на настоящую исповѣдь, гдѣ не только сообщается общее душевное состояніе, но и отдѣльные случаи, гдѣ человѣкъ самымъ откровеннымъ образомъ высказываетъ свои желанія, сомнѣнія или раскаяніе. Дѣйствительно, розенкрейцерскіе порядки требовали подобной исповѣди. Наставленія ордена постоянно говорили о необходимости полнѣйшаго повиновенія начальникамъ, безусловнаго довѣрія къ нимъ, ненарушимой скромности, молчанія и т. д. Объ этомъ пространно и настоятельно говорили поученія Хризофирона, [Гёрунга], которыя переведены были тогда на русскій языкъ: тема эта повторяется безпрестанно и въ тѣхъ письменныхъ упражненіяхъ, надъ которыми трудились и у насъ адепты

начальнику; 2) Форма переписки; 3) Рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ брр. З. и Р. К. въ Россіи; 4) Письма Коловіона къ Porrectus; 5) Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловіона, большею частію писанные его К. рукою.—Писано рукою гр. С. Ст. Л[анско]го, послѣдняго великаго мастера.—С. Е.". Всего въ рукописи 122 листка, 8⁰.

[1]) Лонгиновъ, стр. 215.

„теоретическаго градуса“ и которыхъ довольно много осталось въ рукописяхъ. Въ одной изъ рѣчей Хризофирона упоминается, что младшіе должны доставлять начальникамъ каждую четверть года подобные отчеты о себѣ, по которымъ начальники и сообщаютъ имъ потомъ свои ободренія и увѣщанія, наказываютъ или награждаютъ ихъ. Противники розенкрейцеровъ въ Германіи не упустили указать въ этомъ новую примѣту скрытно-католическихъ тенденцій, и удивлялись, что розенкрейцеры, это мнимые протестанты, требуютъ исповѣди четыре раза въ годъ, тогда какъ самъ святой отецъ довольствуется только одной [1]). Письма Коловіона едва ли не были такими отчетами за четверть года.

Ешевскій заимствовалъ изъ этихъ писемъ только отдѣльныя фактическія указанія; но письма еще не были ни разу напечатаны въ полномъ составѣ, и мы нашли не лишнимъ привести ихъ въ извѣстность. Относительно формы писемъ должно замѣтить, что по правиламъ розенкрейцерской переписки—„сверху получаемое писаніе называется отпускъ, а снизу вверхъ—увѣдомленіе. Писать должно по пунктамъ: 1, 2, 3 и такъ далѣе. Если отвѣтствуется, то не должно ничего упоминать, что содержится въ пунктѣ, но просто отвѣтствовать, напримѣръ, на 1-й (то-то и то-то), на 2-й, на 3-й и т. д.“ [2]). Такимъ образомъ пункты, выставленные въ письмѣ Новикова, предполагаютъ соотвѣтственные вопросы со стороны начальника. Наконецъ, въ письмахъ встрѣчаются отдѣльныя слова (имена), писанныя шифромъ, намъ неизвѣстнымъ; въ подписи передъ именемъ „Colovion“ стоятъ также, повидимому, два слова (имени), написанныя двумя различными шифрами.

Три письма Коловіона къ Начальнику.

O. C. D. A. N. S. E.

Высокопочтеннѣйшій!

Высокодостойный начальникъ!

Съ радостнымъ сердцемъ получилъ я, в. д. Н., отпускъ вашъ подъ № 1-мъ и возсылая недостойное мое благодареніе ко Всемогущему, Всеправедному и Всемилосердному,

---

[1]) Chrysophirons Reden, стр. 67.

[2]) Ешевскій, тамъ же, стр. 552.

Тріединому Богу за безчисленныя щедроты, которыя отъ божественной десницы милосердіе Его толь щедро, изобильно и пребогато и въ толико краткое время, чрезъ высокославныхъ начальниковъ нашихъ изліялъ Онъ и изливаетъ на отечество наше: да будетъ препрославленъ во вѣки вѣковъ милосердый Богъ и Отецъ всякаго милосердія и всякаго утѣшенія, и съ истинною покорностію моею сіе первое увѣдомленіе пишу.

1) Благодарю и прославляю всемогущую десницу Всемилосердаго Спасителя нашего, что даровалъ Онъ и даруетъ по милосердію своему и мнѣ недостойнѣйшему и худшему отчасти уразумѣвать, какъ существо святой работы Христова ордена [1]), такъ и высокія наставленія въ Богѣ почившаго отца моего Гаргануса [2]), чрезъ ваши, в. д. Н., словесныя наставленія и поученія, такъ и сей первый вашъ отпускъ.

2) Повелѣніе ваше, в. д. Н., относительно къ сочиненію описи, въ какомъ положеніи дѣла типографическія находятся, со всѣми подробностями, къ тому необходимо нужными, начато мною и в. п. бр. Шварцемъ исполненіемъ и приготовленіемъ всего къ тому нужнаго; я спѣшить буду привести сіе къ концу, какъ только скоро возможность будетъ и при увѣдомленіи моемъ къ вамъ съ покорностію представлю. Свидѣтельствуюсь совѣстью, что сіе бремя удручаетъ меня, и я съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю того, чтобы я при семъ дѣлѣ былъ только повѣренный и исполнялъ бы повелѣнія, что по дѣйствительному учрежденію компаніи исполниться можетъ. Наиискреннѣйше признаюсь, в. д. Н., что сіе страданіе, какъ наказаніе, я дѣйствительно заслужилъ, ибо при началѣ заведенія сихъ дѣлъ, я многое дѣлалъ по умственности и тѣмъ самымъ распространялось сіе дѣло весьма обширно; частію же и непредвидѣнныя происшествія столь увеличили оныя, что силы одного человѣка не могутъ объимать его. Но какъ ни тяжко бремя сіе, однако повелѣнія ваши и волю высшихъ нашихъ высоко-

---

[1]) Въ рукописи кружокъ съ точкою посрединѣ.

[2]) Розенкрейцерское имя Шварца. Дальше говорится о Шварцѣ, какъ еще о живомъ и дѣйствующемъ лицѣ. Надо предположить или ошибку при переписываніи документовъ или позднѣйшую переправку, которая вошла въ копію.

славныхъ начальниковъ съ истинною покорностію исполнять во всю жизнь мою буду и молю Спасителя моего, да даруетъ Онъ мнѣ силы, по божественнымъ словамъ у св. Павла, благодарить Бога и Отца о всякой скорби нашей и вѣрить, что Онъ, по милосердію своему, все на пользу нашу строитъ.

3) Касательно до порученія дѣлъ в. п. бр. Шварцу, я тотчасъ исполнилъ и поручилъ ему весь магазинъ книжный, контору, лавку и всѣ счеты, какъ новые, такъ и старые; въ исполненіе чего онъ уже и вступилъ. Но какъ повелѣніе ваше, в. п. Н., было, чтобы поручить ему и типографическія дѣла, то на сіе съ покорностію моею представляю:

a) Ежели поручить ему же дѣла типографическія, то онъ столь обременится, что невозможно ему будетъ всего исполнить, ибо и порученныя уже теперь ему дѣла столь обширны, что едва ли не все займутъ его время, хотя это часть только; къ тому же, кажется мнѣ, что по тихости его нрава и нѣжной чувствительности, не можетъ онъ съ пользою исправить и сіе дѣло; да кажется мнѣ также, что и въ самомъ порядкѣ дѣлъ сихъ гораздо полезнѣе поручить сіе другому.

b) Для сего кажется весьма способнымъ мнѣ братъ Іоанновскій мастеръ Алексѣевъ, съ которымъ я о семъ говорилъ и который охотно беретъ на себя сію должность и хочетъ для сего взять увольненіе отъ службы. Въ смотрѣніи за типографическими дѣлами главнѣйшее и безпокойнѣйшее есть то, что безпрестанно имѣть смотрѣніе за рабочими людьми, чтобы они приходили на работу, чтобы исправно работали и чтобы не было кражи и напраснаго медленія и остановки въ дѣлѣ; также и разбирать безпрестанно ихъ ссоры и проч., ибо вамъ, в. д. Н., частію извѣстно, что большая часть рабочихъ людей, по прежнему за ними несмотрѣнію, избалованы и пьяницы, то и смотрѣніе за ними должно имѣть строгое, и сіе съ покорностію моею представляю на благоизволеніе ваше. Вообще же о будущемъ производствѣ дѣлъ типографическихъ со всѣми частями оныхъ, по сочиненіи генеральной описи состоянію всѣхъ дѣлъ, будемъ мы обще съ в. п. бр. Шварцемъ трудиться сдѣлать планъ, который при увѣдомленіи моемъ представлю разсмотрѣнію вашему.

4) Искренно и чистосердечно признаюсь предъ вами,

в. д. Н., что драгоцѣнные столбы, на коихъ св. о—нъ основывается, т. е. любовь къ Богу и ближнему, не разумѣлъ я, или лучше сказать: худо и неправильно разумѣлъ оныя и думалъ, что человѣкъ самъ собою можетъ любить Бога и ближняго; даже и былъ въ заблужденіи, что я исполнялъ оныя, то благодаря съ пролитіемъ слезъ моего Спасителя, что далъ Онъ мнѣ восчувствовать и познать слѣпоту мою; далъ Онъ мнѣ уразумѣть и ощутить, что любовь есть даръ Божій, который ощущать и наслаждаться онымъ даруетъ Онъ святымъ своимъ, сего сладчайшаго наслажденія и бѣдныхъ грѣшниковъ; бываютъ минуты, въ кои ощущаютъ они любовь къ ближнимъ своимъ и имѣютъ сладчайшее упованіе и любить Бога. Но минуты сіи скоротечны. Ежедневно, вставая и ложась, приношу я къ Отцу свѣтовъ, во имя Сына Спасителя нашего, недостойную молитву мою о дарованіи сего сладчайшаго ощущенія любви и благодарю милосердаго Спасителя моего за то, что не рѣдко даруетъ Онъ мнѣ, по милосердію своему, сильное хотѣніе любить ближняго и Бога. Спаситель нашъ въ божественномъ словѣ своемъ изъясняетъ намъ, что больше сей любви нѣтъ, да кто положитъ душу свою за други своя, и сію святую и божественную истину запечатлѣлъ Онъ положеніемъ души своей за други свои, за всѣхъ грѣшниковъ,—но коль чуждъ еще я сей божественной любви! Часто еще, весьма часто и рано встать и поздно лечь и въ слякоть пойти для друга своего не хочется. Съ пролитіемъ слезъ пишу я сіи строки; благодарю Спасителя моего и вѣчно благодарить и прославлять буду милосердіе Его, что въ извѣстной вамъ, в. д. Н., болѣзни моей и послѣ оной даровалъ Онъ мнѣ такія ощущенія и чувства, коихъ я чуждъ былъ. Сколь сладостно, радостно и восхитительно и мгновенное ощущеніе смиренія, за которымъ слѣдуетъ любовь.

Такія ощущенія, кои часто гордость, часто слѣпое упрямство, часто своенравіе отъ меня закрывали. Увѣренъ я, в. д. Н., что чистая и непорочная молитва милосердыхъ и мудрыхъ отцевъ нашихъ и высокославныхъ начальниковъ ходатайствуетъ за насъ и привлекаетъ на отечество наше милосердіе и благословеніе Всемогущаго, — молитва сихъ истинныхъ священниковъ единой истинной и невидимой церкви Христа Спасителя нашего, которымъ обѣщалъ Онъ,

по милосердію своему, пребыть съ ними до скончанія міра, которымъ далъ Онъ ключи и вязать и рѣшить.

5) Искренно исповѣдую, в. п. Н., что въ полученномъ мною отъ васъ отпускѣ, касательно до сего пункта многое мнѣ открывалось въ разсужденіи минувшихъ дѣлъ и также точно и въ разсужденіи домашнихъ моихъ и показало мнѣ, что всякая умственная осторожность, тщаніе и попечительность суть суетны и часто бываютъ поводомъ къ тому самому, отъ чего предостерегаемся, ибо я точно для предупрежденія только таковыхъ безпорядковъ домашнихъ, всѣхъ постороннихъ, имѣющихъ до меня дѣло, во всякое время къ себѣ пускалъ и пускаю, и деньги самъ платилъ, и весьма часто подтверждалъ, чтобы ни одному человѣку не отказывали, но тотчасъ бы пускали ко мнѣ или сказывали, когда я въ кабинетѣ; но со всѣмъ тѣмъ открылъ я нѣсколько такихъ случаевъ. Я сдѣлалъ нынѣ еще наистрожайшее подтвержденіе о семъ и буду употреблять всю возможность для прекращенія сихъ, часто терзающихъ меня безпорядковъ.

6) Относительно же къ братьямъ, а наипаче къ брр. Филусу и Виваксу, [1]) я неоднократно бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ, въ разсужденіи насмѣшекъ ихъ о бр. Татищевѣ. Сильный Богъ даровалъ мнѣ на то время и силу и, кажется мнѣ, что въ бр. Филусѣ открылъ предубѣжденіе противъ бр. Тати[щева]; но онъ столь былъ тронутъ симъ, что съ того времени ни одного раза не примѣтилъ я въ немъ сего проступка. Что же принадлежитъ до бр. Вивакса, признался онъ чистосердечно, что онъ проступался въ семъ по неосторожности и неосмотрительности, приставая только къ рѣчамъ другихъ, или лучше сказать, отъ пустой болтливости; но благодаря Спасителя нашего, что и онъ живо ощутилъ мерзость сего порока, и не примѣтилъ я, чтобъ онъ въ разсужденіи бр. Тат. послѣ сего когда-нибудь проступился. Вообще же оба они съ того времени весьма примѣтно стараются оказывать противное прежнему ихъ поступку.

7) Относительно къ 7-му пункту вашего, в. д. Н., отпуска, т.-е. о распространеніи любви въ сердцѣ моемъ, къ искоре-

---

[1]) Розенкрейцерскія имена И. В. Лопухина и А. И. Новикова. Ред.

нію грубости и ласковой пріемности ко всякому человѣку, съ искреннимъ и чистосердечнымъ признаніемъ доношу, что я всѣ силы, даруемыя мнѣ по милосердію Спасителя, употребляю къ сему, чувствую однако, что еще часто и нынѣ проступаюсь въ разсужденіи грубости и ласковости; но благодаря милосердаго моего Спасителя, что въ ту же минуту и чувствую сіи проступки, раскаиваюсь, стражду внутренно о семъ и прошу и молю милосердія Его, да подкрѣпитъ оно меня въ семъ искренномъ и истинномъ хотѣніи моемъ быть со всякимъ ласкову, ни съ кѣмъ грубу и стараться отпущать отъ себя всякаго довольнымъ. Неоднократно ощущалъ я, высокодостойный начальникъ, сладость чувства сего, чтобы хотѣть всякаго любить, хотѣть всякаго довольнымъ отпустить, хотѣть быть ласкову со всякимъ. Хотѣніе сіе часто производило возможность исполнить: исполненіе же самое давало новыя силы и новое къ сему стремленіе; но и сіе самое хотѣніе почиталъ я милосердіемъ Спасителя. Вообще, в. д. Н., съ извѣстной вамъ болѣзни моей, я ощущаю въ себѣ, по милосердію Спасителя, великую перемѣну. Съ сего времени я почитаю новую эпоху въ жизни моей; въ сіе время и съ сего времени столь живо ощутилъ я милосердую десницу Спасителя, изторгшаго меня изъ челюстей ада и изъ когтей сатаны, такъ что, несмотря на то, что когда я разсматривалъ должности мои и каковымъ быть я долженъ, то гнушаюсь и мержу собою; но когда взгляну на то, что я былъ прежде, то слезы раскаянія и благодарности проливаются. И теперь омываю уже донесеніе мое слезами. Буди вѣчно хвалимъ, прославляемъ и превозносимъ, милосердый Спаситель грѣшниковъ, св. о—нъ Его и наши мудрые и милосердые отцы и высокославные начальники. Вѣрю я и увѣренъ, что ихъ чистыми и непорочными молитвами, въ которыхъ они истинно подражаютъ образу ихъ милосердаго Спасителя, и что они, по божественнымъ словамъ у св. Павла, яко крѣпкіе носятъ немощи безсильныхъ, ощущаемъ толикія милосердіи Божіи.

8) Касательно до изъясненія вашего, в. д. Н., мнѣ, что каждый R. C. долженъ быть рабъ своего слова и что обѣщанное имъ должно быть непремѣнно, есть для меня весьма сильный урокъ, ибо, какъ я неоднократно словесно вамъ, в. д. Н., признавался, что сіе напряженіе держать свое слово,

худо мною выразумѣнное, было источникомъ многихъ моихъ дѣйствій, о коихъ я теперь наиискреннѣйше раскаиваюсь, ибо, какъ вамъ извѣстно, что безпрерывное помѣшательство въ дѣлахъ типографическихъ и сильныя разстройки по симъ дѣламъ, со стороны университета происшедшія, такъ запутали всѣ сіи дѣла, что не могъ уже я ихъ обозрѣть, ни удержать въ рукахъ своихъ и по неосторожности, болѣе же по умственности, желая поправить оныя, часто умножалъ только ихъ; а къ тому же, что не имѣлъ я, да еще и нынѣ едва иногда имѣю твердость отказать въ несправедливыхъ требованіяхъ, но старался въ то же время ихъ удовлетворять, часто принужденъ былъ не исполнить своего обѣщанія и въ справедливыхъ требованіяхъ. Сверхъ того, какъ по извѣстнымъ вамъ бывшимъ обстоятельствамъ, не могъ я дѣлать свободныхъ оборотовъ въ денежныхъ дѣлахъ, то отъ всего сего произошло, что я боялся дать слово и отказывалъ въ такихъ дѣлахъ изъ страха только, что можетъ быть не сдержу слова, которыя послѣ съ удобностію исполнялъ. Я смѣю увѣрить васъ, в. д. Н., что я всѣ, дарованныя мнѣ отъ Бога силы начинаю употреблять къ тому, чтобы сіе предписаніе ваше могъ всегда исполнять въ точности. Богъ да благословитъ и, по милосердію своему, да поможетъ мнѣ исполнить оное.

9) Буди препрославленъ, милосердый Спаситель нашъ, за толикое милосердіе его къ отечеству нашему, которое явилъ Онъ чрезъ милосердыхъ отцевъ и высокославныхъ начальниковъ нашихъ, дозволеніемъ печатать мистическія книги. Что касается до цѣны, по которой ихъ продавать, такъ и о расположеніи и заведеніи особой типографіи въ институтномъ домѣ для печатанія такихъ книгъ для братьевъ, то я должностію моею ощущаю о всемъ ономъ дѣлать словесное увѣдомленіе, ибо намъ весьма часто будутъ нужны скорыя рѣшенія, то и невозможно, кажется мнѣ, обо всемъ ономъ дѣлать письменныхъ донесеній. На сіе ожидаю я вашего повелѣнія.

10) Касательно же до предписанія вашего, в. д. Н., о скрытности начальниковъ, смѣю увѣрить васъ, что я и самъ исполняю и всѣмъ брр., мнѣ ввѣреннымъ, вкореняю и подтверждаю сіе весьма часто и, благодаря за сіе Спасителя, кажется, что всѣ мы строго сіе исполняемъ.

11) Предписаніе ваше, в. д. Н., въ 11-мъ пунктѣ вашего отпуска, чтобы остерегаться не говорить предъ неизготовленными еще и не стремящимися жаждущимъ сердцемъ о тѣхъ истинахъ, кои каждый R. C. почерпаетъ въ сердцѣ своемъ, чрезъ дѣйствіе духа св. о—на, я по силамъ моимъ всѣмъ брр. давно вкоренилъ и нынѣ то же дѣлаю; но относительно къ себѣ исповѣдаю чистосердечно, что сія св. истина, сильно мною почувствованная и худо выразумлѣнная еще при жизни блаженнаго, въ Богѣ почивающаго отца моего Гаргануса, который неоднократно оную проповѣдывалъ, была такъ сказать причиною, или праведнѣе сказать: на сей истинѣ я палъ въ заблужденіе, что и было уже причиною ко многимъ заблужденіямъ, такъ что я весьма мало уже говорилъ даже и съ брр. о—на и, такъ сказать, сдѣлался-было нѣмъ; но, благодаря моего Спасителя, и сіе во мнѣ примѣтно истребляется. При семъ также было и то причиною, что я истинно ощущалъ и нынѣ живо ощущаю недостоинство и скверность мою, и что всѣ брр. много разъ достойнѣе и лучше меня и что всѣ они искуснѣе въ познаніяхъ, и больше книгъ читали, и съ лучшимъ успѣхомъ, и проч., и проч., а отъ сего самаго и не смѣлъ я говорить съ ними, а еще менѣе наставлять ихъ. Но слова божественныя у св. ап. Павла: „буяя міра, немощная міра и худорожденная міра и уничиженная міра избра Богъ“, пролили въ разсужденіи сего свѣтъ въ душѣ моей и я ощутилъ, что сіе, по наружности казавшееся мнѣ доброе чувство, происходило изъ весьма нечистаго источника, т.-е. что я думалъ дѣлать сіе своими силами и также иногда отъ скрытной зависти. Вотъ какія мерзкія порожденія дьявола смѣютъ принимать на себя видъ смиренія или уничиженія [1]). Часто и весьма часто по милосердію Спасителя дознавалъ я, какъ хитро можетъ сатана преображаться въ ангела свѣтла; но сіе отъ того, что глаза наши уже были омрачены и не могутъ видѣть уже: „яже суть Духа Божія и яже духа лестча“. Ощутилъ я, по милосердію Спасителя, что мы долженствуемъ только не знать что говорить и не умѣть какъ говорить и признать недостоинство свое и ничтожность и сдѣлаться, такъ сказать, ничѣмъ, т.-е. придти въ основаніе

[1]) Въ рук. „уничтоженія“.

истиннаго смиренія и вздохнуть изъ глубины сокрушеннаго сердца къ Божественному Учителю ничтожныхъ, неученыхъ, простыхъ младенцевъ, то скоро учинимся мы, по благодати Его, трубою, въ которую Онъ будетъ учить и просвѣщать (не могу я выразить словами, в. д. Н., что я при семъ чувствую); но сколь часто послѣ сего падаемъ мы, приписывая изъ сего себѣ хотя нѣчто. Милосердый Спаситель да сохранитъ насъ отъ искушенія сатанинскаго и да избавитъ насъ отъ лукаваго.

12) Послѣдній пунктъ отпуска вашего, в. д. Н., пріемлю я спасительнымъ для меня наставленіемъ, какъ въ разсужденіи себя самого, такъ и брр., ввѣренныхъ мнѣ, и исповѣдаю искренно, что пролилъ онъ свѣтъ на многія мои недоумѣнія и сомнѣнія. Содержащееся въ немъ частію, хотя и весьма слабо, исполнилъ я въ разсужденіи себя и въ разсужденіи брр. моихъ. Вѣрую истинамъ, въ немъ содержащимся и прошу, именемъ милосердаго Спасителя моего, да даруетъ онъ силу брр., мнѣ ввѣреннымъ, успѣвать болѣе и болѣе постигать и ощущать сіи св. истины и дѣятельно послѣдовать Спасителю, который есть путь, истина и животъ, и св. Его орудіямъ столько, сколько благоволитъ Онъ, по милосердію своему, даровать намъ силъ къ исполненію званія нашего, св. должностей и всѣхъ пунктовъ пресв. присяги, учиненной нами Ему и крестоносному и св. Его о—ну на всю жизнь нашу.

Симъ конча, заключаю да Б. и. Е. с. б. с. н. препоручаю себя и брр., мнѣ ввѣренныхъ, вашимъ, в. д. Н., молитвамъ и съ истинною покорностію и преданностію остаюсь вѣрно послушнѣйшій о—на сродственникъ яко истинный Frater Roseae et Aureae Crucis.

— — — — — — Colovion [1]).

O. C. D. A. N. S. E.

Высокопочтеннѣйшій начальникъ!

Верховно-братскій отпускъ вашъ подъ № 2 я получилъ и съ покорностію моею на оный отвѣтствую.

1) Медленность и долгое молчаніе на первый вашъ, в. п.

---

[1]) Передъ этой подписью поставлены, повидимому, два слова (или имени) двумя разными шифрами.

Н., отпускъ всеискренно признаю я и самъ неизвиняемыми по уясненіи сего обстоятельства. Подлинно, я долженъ былъ все оставить, хотя бы и всѣ дѣла отъ того разстроиться должны были, но исполнить какъ возможно скорѣе повелѣніе моего начальника; но я уповаю и надѣюсь, что вы, в. п. Н., отпустите мнѣ сію [1]), не отъ нехотѣнія, но отъ худаго выразумѣнія происшедшую погрѣшность. Еслибъ я сначала исполнилъ то, что дѣлалъ послѣ, т.-е. донесъ бы о невозможности скоро сдѣлать сей описи, то не заслужилъ бы сего праведнаго выговора, и я при семъ самомъ случаѣ ощущаю, что наказаніе дѣлаемъ мы сами себѣ, а не начальники наши. Я прошу и молю ежедневно милосердаго Спасителя моего, да даруетъ Онъ мнѣ, по милосердію своему, силы исполнять въ точности всѣ должности званія моего и буду впредь всѣ дарованныя мнѣ отъ Бога силы употреблять къ точнѣйшему и строжайшему исполненію всѣхъ вашихъ повелѣній. Милосердый Богъ и Отецъ Господа нашего Спасителя Іисуса Христа, по милосердію своему, да поможетъ мнѣ исполнять сіе мое всеискреннѣйшее желаніе.

2) Требованную вами, в. п. Н., опись мы кончили, которую при семъ подъ лит. А на россійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ прилагаю. Мы старались съ возможною точностію оную сдѣлать, но совсѣмъ тѣмъ не сомнѣваюсь я, чтобы не нашлись въ ней ошибки. Весьма вѣроятно, однако, то, что сіи ошибки будутъ не къ ущербу, но къ пользѣ компаніи.

3) Повелѣніе ваше, высокопочтенный начальникъ, въ разсужденіи брата ——— [2]) я исполнилъ; говорилъ съ нимъ обстоятельно, назначилъ ему ——— [3]) (250) руб. годоваго жалованья, комнату и столъ, чѣмъ онъ совершенно доволенъ. Онъ обѣщалъ порученную ему должность съ наивозможнѣйшею ревностью и прилежаніемъ исполнять. Сегодня подастъ онъ прошеніе о увольненіи его и какъ скоро опростается назначенная ему комната, то переѣдетъ онъ и вступитъ въ отправленіе должности. Я весьма надѣюсь на прилежаніе, усердіе и дарованія сего молодаго человѣка.

---

[1]) Въ рукоп. „сіе“.

[2]) Имя написано шифромъ; повидимому, рѣчь идетъ о томъ же Алексѣевѣ, о которомъ говорится въ предыдущемъ письмѣ.

[3]) Цифра написана шифромъ.

4) Касательно до § 4 вашего, в. п. Н., отпуска, въ которомъ вы распространили еще объясненіе на соблюденіе слова своего, пріемлю за нужное мнѣ наставленіе и всекрайнѣйше буду стараться, сколько милосердый Спаситель поможетъ, исполнить сіе самымъ дѣломъ, ибо не довольно того, чтобы мы признавали только, но должны исполнять самимъ дѣломъ, по словамъ божественнымъ: „не слышатели только, но творцы закона, сіи оправдятся".

5) Типографія для печатанія мистическихъ книгъ совсѣмъ уже учреждена и вступила дѣйствительно въ работу, и теперь печатаются двѣ книги: 1) W. Простосердечное о молитвѣ наставленіе. 2) Гучинсона, Духъ Каменьщичества. Впрочемъ, о подробностяхъ въ сихъ дѣлахъ, по случающимся нуждамъ, по дозволенію вашему, в. п. Н., буду я изъясняться съ повелѣнія [1]).

6) На § 8 вашего, в. п. Н., отпуска, я испрашиваю позволенія отвѣтствовать особымъ увѣдомленіемъ, тѣмъ паче, что о истинахъ, въ немъ содержащихся, обѣщали вы, в. п. Н., подробнѣе объяснить въ словесной бесѣдѣ. Симъ конча, заключаю да Б. и Е. С. б. с. н. препоручаю себя и брр., мнѣ ввѣренныхъ, вашимъ, в. п. Н., молитвамъ и съ истинною покорностью остаюсь вѣрнопослушнѣйшій о—на сродственникъ, яко истинный Frater Roseae et Aureae Crucis.

——————— Colovion [2]).

O. C. D. A. N. S. E.
В. С. Б. И. Н. Б. Н.

Высокопочтеннѣйшій начальникъ!

1) Возсылая недостойныя моленія мои ко Всевысочайшему Отцу небесному, что благоволилъ Онъ, по неизмѣримому милосердію своему, допустить насъ еще праздновать квартальную конвенцію, которую мы, во имя Всемилосердаго Спасителя, удостоились праздновать, вмѣстѣ со всѣми истинными сынами мудрости, къ чести и прославленію св. Его имени.

2) Какъ еще первыя теперь препровождаю къ вамъ, в.

---

1) Вѣроятно ошибка, вм. „словесно".
2) Въ подписи шифръ какъ въ предыдущемъ письмѣ.

п. Н., калкулаціонныя таблицы [1]), то признаваясь искренно, какъ въ собственномъ моемъ невѣжествѣ, такъ и въ ошибкахъ, которыя въ оныхъ находятся, испрашиваю верховнаго братскаго вашего извиненія, увѣряя притомъ, что дѣлалъ ихъ по лучшему моему разумѣнію. При сочиненіи оныхъ живо ощущалъ и недостоинство свое и сколь мало еще знаю я и себя самого и брр., мнѣ ввѣренныхъ.

3) Прилагаю при семъ, в. п. Н., петиты [2]) подъ шестью номерами: подъ № 1 и 6, взятые мною; подъ № 2, 4 и 5, взятые бр. Филусомъ и подъ № 3, взятый бр. Еліомасомъ [3]), испрашивая дальнѣйшаго препровожденія оныхъ къ высокославнымъ начальникамъ нашимъ.

4) Прилагаю также, по повелѣнію вашему, в. п. Н., росписи: 1) книгамъ, которыя есть у меня; 2) актамъ, кѣмъ которые переведены и переводятся кѣмъ именно; 4) книгамъ, которыя въ публичной типографіи напечатаны, на отечественномъ и на иностранныхъ языкахъ; 5) книгамъ, которыя въ тайной типографіи напечатаны и печатаются [4]).

Симъ конча, заключаю и да Б. и Е. п. с. н. б. препоручаю себя и брр., мнѣ ввѣренныхъ, вашимъ, в. п. Н., молитвамъ и съ истинною покорностью и преданностью остаюсь вѣрнопослушнѣйшій о—на сродственникъ, яко истинный Frater Roseae et Aureae Crucis.

——— Colovion [5]).

Петиты:

№ 1. Alexius Lodijensky. Авг. 18, 1784.
— 2. Peter Lopuchin. 4 іюля 1784.
— 3. Andreas Werewkin. 17 сент[ября] 1784.
— 4. Basilius Kolokolnikow. 21 сент[ября] 1784.
— 5. Maximus Newzorow. 22 сент[ября] 1784.
— 6. Basilius Bajenow. 26 сент[ября] 1784.

---

[1]) Ср. „Calculatur-Listen" въ дневникѣ [бар. Шрёдера], у Пекарскаго, Дополн. стр. 83 [у Я. Л. Барскова, стр. 219].

[2]) Такъ назывались, кажется, просьбы отъ желающихъ вступить въ орденъ. Ср. Ешевскаго, тамъ же, стр. 529.

[3]) Розенкрейцерское имя С. И. Гамалѣи. Ред.

[4]) Третій пунктъ пропущенъ въ самой рукописи; быть можетъ, здѣсь просто спутаны цифры въ копіи.

[5]) Передъ этой подписью только одинъ изъ прежнихъ шифровъ.

Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ берлинское розенкрейцерство, уже вскорѣ послѣ своего появленія, обратило на себя вниманіе своими тенденціями, которыя, по разнымъ основаніямъ, казались подозрительны людямъ просвѣщеннымъ и разсудительнымъ. Розенкрейцеры рекомендовали и распространяли нелѣпую алхимическую и магическую литературу, и вмѣстѣ крайній піэтизмъ и вражду къ существующей наукѣ. Они представляли собой партію ретроградовъ и обскурантовъ, отъ которой тѣмъ больше можно было опасаться вреда, что дѣятели ея имѣли значеніе при прусскомъ дворѣ и могли имѣть — а потомъ, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, и дѣйствительно имѣли — вліяніе на государственныя дѣла. Нѣмецкіе „просвѣтители“ не могли не возстать противъ розенкрейцерской алхиміи, подозрительно смотрѣли на тѣхъ „неизвѣстныхъ начальниковъ“, на которыхъ ссылались розенкрейцеры, и, вѣроятно, серьезно опасались, что за всѣмъ этимъ скрывается хитрая политическая интрига. „Просвѣтители“ полагали, что розенкрейцерство есть скрытная пропаганда католичества или даже, что въ розенкрейцерахъ скрываются іезуиты. Исторія гофъ-предигера Штарка и изобрѣтеннаго имъ „клериката“ подтверждала подобныя опасенія, и такъ какъ „орденскія“ дѣла творились вообще въ большомъ секретѣ, то противникамъ розенкрейцеровъ приходилось съ большимъ усиліемъ отыскивать ихъ дѣянія и тенденціи, чтобы вывести ихъ на свѣтъ: естественно, что воображеніе ихъ могло преувеличивать размѣры дѣла,—но они вовсе не ошибались въ сущности розенкрейцерскаго обскурантизма, потому что „орденскія дѣла“ оказывались, дѣйствительно, вреднымъ обскурантизмомъ всякій разъ, какъ только они пріобрѣтали практическое значеніе.

Такими противниками розенкрейцеровъ были извѣстный книгопродавецъ и писатель Николаи, Боде, издатели журнала Berlinische Monatsschrift Гедике и Бистеръ и т. д., которые ставили себѣ особенной задачей разоблаченіе этого шарлатанства. Одни старались сдѣлать это въ литературѣ, разъясняя должнымъ образомъ розенкрейцерскія писанія; другіе слѣдили за розенкрейцерами въ масонскихъ ложахъ и т. д. Такъ, напримѣръ, сдѣлано было упомянутое нами изданіе Рѣчей Хризофирона „безъ позволенія начальниковъ“,

гдѣ къ этимъ Рѣчамъ присоединены были обличительные комментаріи; такъ, Боде напечаталъ „Сильныя увѣщанія" (около 1787—88 г.), т. е. раскрылъ для публики розенкрейцерскія тайны.

Много этихъ враговъ розенкрейцерства вступило въ орденъ иллюминатовъ, основанный около того же времени въ Мюнхенѣ съ спеціальной цѣлью противодѣйствовать помраченію умовъ вслѣдствіе распространенія множества мистическихъ сектъ, шарлатанства и предполагаемаго іезуитства. Вейсгауптъ, чтобы придать болѣе силы своей борьбѣ, принялъ для своего ордена обычныя масонскія формы, но вложилъ въ нихъ то содержаніе, какое давала либеральная и просвѣтительная философія конца XVIII-го вѣка. Это движеніе вскорѣ оказало дѣйствіе на ложи, и потому мистическіе масоны старой школы и особенно розенкрейцеры возопили противъ зловредныхъ людей и ученій, проникшихъ въ самый орденъ и извращающихъ самыя его основы. Иллюминаты стали для нихъ въ особенности предметомъ благочестиваго ужаса; розенкрейцеры, дѣйствительно, боялись ихъ, называли ихъ исчадіями ада и даже буквально говорили, что они дѣйствуютъ на погибель ордену, по наущеніямъ дьявола. Они стали усиленно предостерегать своихъ учениковъ и адептовъ противъ иллюминатства, и достигли того, что, напр., московскіе розенкрейцеры говорили о немъ съ настоящимъ ужасомъ. Разоблаченія, устроенныя противниками розенкрейцеровъ, доводили послѣднихъ до того, что они находили нужнымъ прекращать на время свои работы, перемѣнять свои „лозунги" и т. п. Очевидно, эти разоблаченія производили между ними переполохъ.

Берлинскіе розенкрейцеры старательно остерегали отъ иллюминатовъ и своихъ московскихъ учениковъ: они сдѣлали это при первомъ введеніи своей системы въ Москвѣ, и затѣмъ еще разъ повторили свои предостереженія впослѣдствіи. Сюда именно относятся слѣдующіе два документа, которые мы беремъ изъ той же музейной рукописи [№ 1954], гдѣ Ланской, повидимому, собиралъ важнѣйшія преданія стараго розенкрейцерства. Въ этой рукописи циркуляръ противъ иллюминатовъ отнесенъ ко времени около 1787-го года. По словамъ Новикова въ его слѣдственныхъ показаніяхъ, предостереженіе сдѣлано было въ концѣ 1786-года, черезъ

Шрёдера, а въ 1787 году возвѣщено было такъ называемое „молчаніе“ или „бездѣйствіе“ ордена (silanum) — „по причинѣ великаго распространенія пронырствъ иллюминатовъ“ [1]).

Выписка изъ писанія (отпуска) В.... П.... къ Д...00.

I. Иллюминаты, во многихъ странахъ Европы разсѣявшіеся, суть весьма вредоносная секта, враждующая на царство Іисусово и на истинный орденъ [2]), долженствующій особенно пособствовать къ распространенію Божественнаго Царства сего, для чего и стараются они всевозможными образами уловлять души и отвлекать отъ истинной чистой христіанской религіи, стремясь къ разрушенію всѣхъ связей, нужныхъ къ содержанію богоугоднаго порядка въ обществахъ, требующаго любви и повиновенія къ государямъ и властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ; стараются они внушать злое стремленіе къ необузданнной независимости отъ свѣтской и духовной власти. Къ исполненію всѣхъ оныхъ пагубныхъ своихъ намѣреній тщатся они достигать размноженіемъ заразительнаго ихъ сообщества проповѣданіемъ и книгами, наполненными нечистымъ свѣтомъ ихъ ложныхъ просвѣтителей. Внемлите же, принадлежащіе къ Богу посвященному собратству истинныхъ Р. К. и къ кровавому знамени Агнца. Внемлите, именующіе имя Іисуса и любящіе Господа и Мастера своего: внемлите, братья! Каждый изъ насъ, кто сіе читаетъ, или слышитъ, воспріими нынѣ предъ лицемъ Всевѣдца вновь твердое намѣреніе навсегда въ округѣ [3]) своемъ, во всѣхъ своихъ профанскихъ отношеніяхъ, рачительно защищать дѣло Божіе и орденское [4]).

Станемъ на проломъ и не пропустимъ ни малѣйшаго случая противустать врагу. Премудрость и благость Божія

---

[1]) Лонгиновъ (стр. 248—249) относитъ циркуляръ противъ иллюминатовъ ко времени около 1785 года и упоминаетъ, что у него есть „рукописный переводъ этого циркуляра“. Любопытно, тотъ ли это циркуляръ, какой слѣдуетъ ниже, или другой. О взглядѣ Лонгинова на самое дѣло мы говорили въ своемъ мѣстѣ [выше, стр. 298 и 305 прим. 2]. Показаніе Новикова у Лонг., въ прилож., стр. 088.

[2]) Здѣсь и дальше, вмѣсто слова „орденъ“, изображается опять кружокъ съ точкой посрединѣ.

[3]) Поставленъ кружокъ и окончаніе.

[4]) Кружокъ съ точкой посрединѣ.

сами подадутъ намъ сіи случаи и всѣ полезныя средства доставятъ и напослѣдокъ вѣрно увѣнчаетъ Богъ наше искреннее стараніе благословеніемъ своимъ. На Него возложимъ упованіе наше и крѣпкая вѣра да воспаляетъ непрестанно молитву нашу, дабы Милосердый помиловалъ родъ человѣческій, толь драгоцѣнно искупленный Сыномъ Его, и дабы не удалось душеубійцѣ владычествовать на землѣ Божіей.

II. Подтверждается вящшее стараніе о успѣваніи въ орденской морали, которой теорія состоитъ въ истинномъ познаніи какъ совлекаться ветхаго Адама для облеченія въ новаго; практика же въ дѣятельности сего. Ученіе и образъ Спасителя и Мастера нашего Іисуса Христа, который есть путь, истина и животъ, содержитъ въ себѣ всѣ правила и исполненіе оной великой науки крестной, въ коей назидаетъ классическое ученіе орденское. Изъ сего ученія должны братья знать, что основаніе его есть мораль оная и существенный успѣхъ въ теоріи и практикѣ ея долженъ предшествовать ясному и безкровному откровенію въ орденѣ великихъ тайнъ натуры, кои суть стяжаніе очищенныхъ и вѣрныхъ орудій въ божественной экономіи орденской. . . . .

(Сей циркуляръ полученъ около 1787-го года).

Эта послѣдняя замѣтка, если сдѣлана Ланскимъ, то, конечно, по разсказамъ старыхъ масоновъ. Затѣмъ слѣдуетъ другая статья, — о которой мы не знаемъ, составляетъ ли она продолженіе предыдущаго, или особый документъ:

Копія съ повелѣнія.

силою котораго всѣ управляющіе начальники округовъ и окружные надзиратели, доколѣ отъ высокихъ н. о. [начальниковъ ордена] что другое повелѣно будетъ, должны [1]):

1) Поелику бывшія доселѣ тайныя братскія письмена или шифры 1-го, 2-го и 3-го класса, также какъ лозунги и проходныя слова Юніората [2]) нынѣ текущаго десятилѣтія сектѣ

[1]) Вмѣсто „округовъ“ и „окружные“ въ рукописи кружки; на мѣстѣ буквы *о* кругъ съ точкой. Это повелѣніе упомянуто въ „Дополненіяхъ“ Пекарскаго, стр. 72. Въ музейной рукописи недостаетъ означенныхъ въ Доп. именъ исключенныхъ братьевъ.

[2]) Юніоратъ—первая степень розенкрейцерства; дальше упоминается вторая степень—теоретики, и третья—практики.

иллюминатовъ преданы были и какъ сіе къ различнымъ обманамъ многихъ добрыхъ братьевъ и къ дальнѣйшему поползновенію на нѣкоторыя о[рден]скія таинства послужить и во зло употреблено быть можетъ, то всѣмъ брр. яко о[рдено]мъ запрещенные и proscribiret [1]) запретить и отнять; притомъ

2) Отнынѣ всѣхъ тѣхъ, кои впредь таковые употреблять будутъ, за присоединенныхъ къ иллюминатамъ признавать и изъ всякаго братскаго союза исключить и отдалить, а напротивъ того:

3) Нашимъ братьямъ первыхъ юніоратскихъ градусовъ, какъ-то: юніорамъ, теоретикамъ и практикамъ, какъ однимъ, такъ и другимъ, прежде бывшіе шифры философовъ, которые мы нынѣ употребляемъ и которые отнынѣ тайнымъ юніоратскимъ писаніемъ для всѣхъ брр. рѣченныхъ 3-хъ первыхъ градусовъ суть, для законнаго употребленія поручить и предписать. Въ то же время, для юніоратовъ, донынѣ бывшій лозунгъ Решъ въ новый лозунгъ перемѣняется — — [2]). Впрочемъ долженствуютъ всѣ брр. вообще и особенно быть спокойными; иллюминатамъ никакого явнаго препятствія не дѣлать, ниже уличать, но добрыя души, въ силу перваго и втораго пункта присяги, только съ великою осторожностію и мудростію, отъ такихъ злыхъ когтей сохранить тщиться; и притомъ долженствуютъ они для своего собственнаго путеводства вѣдать, что всѣ иллюминаты для избранія ко вступленію въ истинный орд. неспособными признаны, и потому тѣ, которые однако къ намъ введены были и по исполненіи ресепціи сей толико вредной секты далѣе придерживались, самымъ тѣмъ (ipso facto) полному исключенію подвержены суть.

Въ томъ рукописномъ матеріалѣ, который находится въ собраніяхъ Публичной Библіотеки и Московскаго Музея, есть обильное количество данныхъ для знакомства съ той

---

[1]) Отъ латино-нѣмецкаго proscribiren—изгнанные.

[2]) Слово, написанное шифромъ. Въ нашей копіи „Мистической Таблицы“ (гдѣ обозначены различныя принадлежности розенкрейцерскихъ степеней), снятой съ экземпляра Московскаго Музея, недостаетъ этихъ лозунговъ. Въ Handbuch, III, 96, лозунгъ первой степени обозначенъ Aesch.

литературой, которая служила пищей нашимъ масонскимъ мистикамъ и розенкрейцерамъ. Но, къ сожалѣнію, отъ конца XVIII-го столѣтія осталось немного свѣдѣній о внутренней, интимной жизни розенкрейцерскаго кружка. Свѣдѣнія, которыя находятся въ слѣдственныхъ показаніяхъ Новикова и его товарищей, страдаютъ обыкновенно неполнотой, неискренностью, даже прямой скрытностью, какія свойственны вообще подобнымъ показаніямъ и были особенно естественны въ этомъ случаѣ, гдѣ Новикову и его товарищамъ приходилось выдавать драгоцѣнные имъ „орденскіе“ секреты передъ людьми, которые были имъ не только совершенно враждебны, но должны были казаться и грубо-невѣжественными въ глубокихъ истинахъ ихъ ученія. Въ рукописномъ матеріалѣ только изрѣдка встрѣчаются историческія указанія о дѣятельности розенкрейцерскихъ кружковъ.

Такъ, было упомянуто Ешевскимъ свѣдѣніе о кружкѣ теоретическаго градуса „на востокѣ Вологды“. Протоколы засѣданій этого градуса (безъ заглавія) начинаются съ 12-го апрѣля 1791-го и продолжаются до 21-го мая 1792-го; всего здѣсь семь протоколовъ [Муз. № 2167] [1]).

Въ рукописяхъ Публичной Библіотеки сохранились работы другой провинціальной ложи того же теоретическаго градуса, именно орловской ложи, основанной въ 1784-мъ или 1785-мъ году, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ тогдашній орловскій вице-губернаторъ и ревностный масонъ, Захаръ Як. Карнѣевъ, (въ 1810 г. членъ государственнаго совѣта, позже — попечитель Харьковскаго учебнаго округа, † 1828 г.) [2]). Работы этой ложи находятся въ двухъ сборникахъ Публичной Библіотеки (F. III, № 47, 160 листовъ и № 48, 177 листовъ): эти сборники не имѣютъ никакого заглавія и сплетены изъ отдѣльныхъ тетрадей, и только на корешкѣ отпечатаны заглавія — „Разсужденія 1789-го года“ и „Разсужденія 1791-го года“.

Въ началѣ перваго изъ этихъ сборниковъ находится „Выписка“ изъ наставленія для теоретическихъ братьевъ: „о Богѣ“, „о натурѣ“, „о хаосѣ“, „о стихіяхъ вообще“ и

---

[1]) Ср. объ этой ложѣ Лонг. стр. 216. Ешевск., III, стр. 548.

[2]) Объ этой ложѣ упоминаютъ показанія Новикова, кн. Трубецкаго и особенно Лопухина. Лонг., прилож., стр. 0133.

т. д. Затѣмъ, въ отдѣльныхъ тетрадяхъ, слѣдуютъ рѣчи, читавшіяся въ собраніяхъ теоретическаго градуса. Рѣчи обращаются къ „достопочтеннымъ и любезнымъ братьямъ" и трактуютъ о различныхъ предметахъ христіанской и спеціально розенкрейцерской морали, о тѣхъ обязательствахъ, какія лежатъ на людяхъ, „введенныхъ во внутреннѣйшая храма соломонскихъ наукъ", о требованіяхъ данной ими присяги, о различныхъ вопросахъ „орденскаго" ученія,—разсужденія на различные тексты писанія, по случаю празднованія дня св. Іоанна Крестителя. Въ рѣчахъ нерѣдки выписки изъ „богомудрыхъ мужей", въ особенности изъ Якова Бёма.

Всего, въ обоихъ сборникахъ, помѣщено почти до сорока подобныхъ рѣчей, большая часть которыхъ подписана Захаромъ Карнѣевымъ; нѣсколько рѣчей принадлежатъ Григорію Нелѣдинскому, говорившему, „чтобы исполнить волю дост. почт. главнаго надзирателя".

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣчаются среди рѣчей замѣтки: „тутъ читали теорет. брр. разсужденія свои",—такъ что сборники эти почти имѣютъ видъ протоколовъ орловской ложи. Григорій Нелѣдинскій былъ, повидимому, братъ ревностный,—его рукой написанъ цѣлый рядъ масонскихъ рукописей въ коллекціи Публичной Библіотеки [1]).

Въ сборникѣ 1791-го года мы находимъ, между прочимъ, рѣчь Карнѣева въ память одного масона, который пользовался большимъ уваженіемъ въ розенкрейцерскомъ кругу, нѣкоего Краевича. „Вина собранія нашего, дост. почт. и люб. брр.,—говорилъ Карнѣевъ,—есть смерть почетнаго нашего члена, достойнаго теор. брата Ни. Але. Краевича, представльшагося отъ земли въ вѣчную жизнь въ 24 день сего [іюня] мѣсяца въ 6-мъ часу по полудни, сирѣчь въ самое то время, когда милосердствующій о спасеніи нашемъ Господь и Спаситель нашъ благоволилъ недостойнымъ намъ собравшись здѣсь едиными усты и единымъ сердцемъ молить, благодарить и хвалить Его, яко единаго Бога" и проч. (листъ 53—54).

Объ этомъ Краевичѣ упоминаетъ, между прочимъ, Лопухинъ въ той любопытной перепискѣ со Сперанскимъ.

---

[1]) Напримѣръ, F. III, № 24, 27, 30, 32—36, 42; Q. III, № 53, 54.

(1804—1806 года), гдѣ онъ знакомилъ его съ своею мистическою мудростью, посылая ему для его назиданія разныя „предрагоцѣнныя“ книжки. Въ томъ числѣ была книжка Révélations, о которой Лопухинъ говоритъ: „Révélations etc.—переводъ съ русскаго манускрипта нѣкотораго Краевича, который подлинно имѣлъ Böhmi'ческое просвѣщеніе, но больше ничего не написалъ. Вспоминается мнѣ въ сей моментъ, что есть у васъ эта книжка и русской оригиналъ отъ Ѳедора Петровича“ (Лубяновскаго) [1]....

Чтобы оцѣнить похвалу просвѣщенію Краевича, надо вспомнить, что Яковъ Бёмъ, котораго въ то время усердно переводилъ Гамалѣя и другіе, пользовался у розенкрейцеровъ величайшимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Это французское изданіе „Révélations“ очень рѣдко и извѣстно намъ только по каталогу библіотеки гр. Уварова. Этотъ великолѣпный каталогъ (Bibliothèque Ouvaroff. Catalogue Spécimen. Sciences secrètes. M. 1870. 4°), напечатанный только въ 75-ти экземплярахъ и не находящійся въ продажѣ, представляетъ вообще множество важныхъ библіографическихъ указаній въ описаніи рѣдкаго собранія гр. Уварова. Въ этомъ каталогѣ мы находимъ (№ 155—156) два изданія книжки: „Les Fruits de la Grâce, ou les Opuscules spirituels des deux F. M. (francs-macons) du vrai Système“ etc. 1790, или по другому изданію... „Opuscules spirituels de deux amateurs de la Sagesse“, съ текстомъ изъ Іоан. III, 3. 7. Два масона, бывшіе авторами этихъ „Плодовъ Благодати“, были Лопухинъ и кн. Н. В. Репнинъ. На стр. 67—90 этой книжки помѣщены „Révélations faites au Fr. C.......“, тѣ самыя, о которыхъ Лопухинъ писалъ Сперанскому, т.-е. откровенія Краевича.

Эти сочиненія Лопухина, кн. Репнина и Краевича находятся, на русскомъ языкѣ, въ рукописи Публичной Библіотеки Q. III. № 67. Это есть сборникъ масонско-мистическихъ статей, составленный въ 1790-хъ годахъ и названный на корешкѣ: „Разныя духовныя сочиненія“. Не имѣя подъ руками французскаго изданія, для сличенія статей, мы ограничимся библіографическими указаніями. Здѣсь, на л. 33-мъ, помѣщены „Плоды Благодати или духовныя мысли двухъ

[1]) „Р. Архивъ“: 1870, стр. 618.

любителей премудрости", съ текстомъ изъ Ев. Іоанна III, 3; статья кончается на оборотѣ 65 листа („конецъ запискамъ"). Далѣе, л. 66-й: „Прибавленія" (съ текстомъ изъ Ев. Іоанна VIII, 36)—„Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о св. к.", т.-е. свободныхъ каменьщикахъ. Листъ 69-й: „Выписка изъ пастырскаго Посланія къ истиннымъ с. к. древней системы 5785". На оборотѣ л. 72-го: „Что есть быть христіаниномъ и принадлежать къ церкви или къ невѣстѣ Агнца", въ вопросахъ и отвѣтахъ. На оборотѣ л. 75-го: „Примѣчаніе бр. К. касательно № 1 отдѣленія мыслей его, которыя не могли быть напечатаны прежде". Въ этой послѣдней статьѣ разсказывается, какъ авторъ желалъ испытать: „не могу ли разными моими духовными движеніями и направленіемъ ихъ въ вѣрѣ къ невидимымъ предметамъ внутреннихъ міровъ, истинно увидѣть тѣ вещи, кои я видѣлъ тамъ и тамъ въ описаніяхъ перомъ нѣкоего писателя". Для этого авторъ, „находясь въ глубочайшемъ суботномъ положеніи", началъ дѣлать „конвулсивныя движенія", и наконецъ добился своего, т.-е. пришелъ въ экстатическое состояніе. Онъ описываетъ свои ощущенія и оканчиваетъ такъ: „здѣсь рѣчь моя должна прерваться, ибо невозможно описать, въ какомъ стройномъ и можно сказать безсмертномъ состояніи моего тѣла я находился".

Затѣмъ помѣщены „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви и проч. 5792-го года", Лопухина, и рядъ другихъ статей мистическаго содержанія, наконецъ, на л. 189-мъ слѣдуютъ опять: „Писанія и откровенія просвѣщеннаго б. К." („1789 году, апрѣля 2-го дня внутренно открылось б. Н. К." и проч.). Здѣсь повторены нѣкоторыя изъ статей, помѣщенныхъ выше на листѣ 33-мъ и слѣд., но въ другомъ варіантѣ чтенія,—между прочимъ, и разсказъ объ экстатическомъ опытѣ. На листѣ 196-мъ написано карандашомъ заглавіе: „Лучъ Благодати" и слѣдуютъ одиннадцать писемъ мистическаго содержанія; подъ однимъ изъ нихъ подписано Н. К., и карандашемъ добавлено: „Краевичъ"; при первомъ письмѣ (какъ здѣсь говорится) была послана одна изъ предыдущихъ статей, 1789-го года, 2-го апрѣля [1]).

[1]) Мистическій піэтизмъ автора таковъ, что по поводу Сведенборга и Пордеча онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „отъ чего заврался Шведенборгъ, да и другой авторъ, коего я не смѣю сказать? отъ чего

Наконецъ, на л. 205—213, находятся „Бесѣды, кратко записанныя братомъ Д[митревскимъ], котораго оный просвѣщенный б. былъ нѣсколько времени водителемъ“—девять бесѣдъ мистическо-орденскаго характера: подъ „онымъ просвѣщеннымъ братомъ“ разумѣется, конечно, опять Краевичъ [1]).

Въ масонскихъ бумагахъ Московскаго Румянцевскаго Музея встрѣчаются также отдѣльныя указанія о старыхъ временахъ нашего розенкрейцерства. Розенкрейцерскія преданія вѣрно сохранялись адептами этой школы и, отчасти, переходили въ наслѣдство къ новымъ масонамъ. Старые розенкрейцеры, вообще, были упорными мистиками. Въ царствованіе Александра, они почти не участвовали въ новыхъ ложахъ, къ которымъ, по крайней мѣрѣ сколько извѣстно до сихъ поръ, не приступали ни Новиковъ, ни Гамалѣя, ни Лопухинъ, ни Поздѣевъ, ни Карнѣевъ и проч.; но они сохранили великій авторитетъ у новѣйшихъ мистическихъ масоновъ, и имѣли большое косвенное вліяніе на новыя ложи. Такъ, глубокое почтеніе питали къ старымъ розенкрейцерамъ С. С. Ланской и гр. Мих. Ю. Віельгорскій, которые главнымъ образомъ руководили Великой Провинціальной Ложей. Великимъ авторитетомъ ихъ былъ О. А. Поздѣевъ, собраніе писемъ котораго, находящееся въ Московскомъ Музеѣ, представляетъ любопытный матеріалъ для исторіи масонства и для исторіи общества Александровскихъ временъ. Въ рукахъ Ланского собрались остатки розенкрейцерскаго архива, и онъ самъ старательно списывалъ многіе его документы.

Въ перепискѣ С. С. Ланского есть указанія на его сношенія и съ другими старыми масонами, послѣдними почитателями и друзьями Новикова и Шварца. Такъ, въ письмѣ одного неизвѣстнаго его корреспондента есть упоминанія о Новиковѣ и Шварцѣ (сборникъ писемъ къ С. С. Ланскому), [Муз. № 1965—1966]: „Благодарю васъ,—пишетъ онъ,—за книгу: Отверзтыя врата Рецеля, по благости Господней въ манускриптѣ давно мнѣ уже извѣстную, и которую и покойный блаженной памяти благодѣтель мой Н. Ив.

сочиненія (ихъ) на многихъ мѣстахъ человѣчиною пахнутъ?“ и пр. Въ каталогѣ Уварова замѣчено также неблагосклонное отношеніе авторовъ книжки къ Сведенборгу.

[1]) Ср. рукописи Московскаго Музея № [2098 и 2322].

весьма уважалъ" [1]). Далѣе, онъ упоминаетъ книгу „L'amour glorifié",—„посыланную нѣкогда истинными брр. въ Англію, и съ благодарностію и тамъ принятую; а послѣ и здѣсь, но недостаточно и съ пропусками (видно отъ тогдашней цензуры) по-русски напечатанную" и „ко благу братства и въ благочестіи упражняющихся весьма важную" [2]). Въ томъ же письмѣ о семействѣ Шварца: „по вѣрной любви къ покойному блаженной памяти благодѣтельному орудію для отечества нашего Ив. Ег. Шварцу и заботясь о бѣдномъ (а паче по кончинѣ Вѣры Николаевны) состояніи вдовствующей супруги его, прибѣгаю къ вамъ съ напоминовеніемъ о предложеніи ей и на сей годъ благодѣтельной помощи вашей и посредствомъ вашимъ". Вѣра Николаевна есть, вѣроятно, дочь Новикова.

Въ собраніи Московскаго Музея находятся, между прочимъ, записныя книжки Ланского и Віельгорскаго [3]), куда они вносили собственно масонскія достопримѣчательности, а въ особенности замѣтки о бесѣдахъ съ О. А. Поздѣевымъ. Здѣсь—выписки изъ его писемъ, изъ рѣдкихъ масонскихъ писаній, имъ указанныхъ и сообщенныхъ, замѣтки о прежнихъ временахъ и т. п. Въ послѣдніе годы своей жизни (онъ умеръ въ 1820-мъ г.) Поздѣевъ жилъ въ Вологодской губерніи, кажется, на своемъ стеклянномъ заводѣ, и тамъ въ 1813—1815 мъ г. посѣщали его преданные ученики и поучались.

Поздѣевъ, въ своихъ бесѣдахъ, сообщалъ имъ чисто розенкрейцерскія „познанія" и наставленія. Для примѣра, приводимъ нѣсколько указаній. Въ одномъ мѣстѣ онъ сооб-

[1]) Такой манускриптъ есть (въ двухъ экземплярахъ) въ Публичной Библіотекѣ. Q. III. № 35 и № 36: „Отверзтыя врата тайной натуры и дѣйствующихъ свойствъ ея въ добрѣ и во злѣ, изъ коихъ весьма удобно познать можно, изъ чего здравіе и болѣзнь, также врачующее лекарство и ядъ производится. Также что есть эссенція вещей, и давно желанная всѣми химиками къ свѣдѣнію первая матерія философскаго универсальнаго лекарства въ пользу ищущимъ истинныхъ спагирическихъ и медицинскихъ знаній.—Описано Д. Георгіемъ Фридрихомъ Рецель, высоко-княж.-брауншв.-линеб. горнымъ совѣтникомъ и корол. профес. прусс. социетета наукъ сочленомъ" (въ 12 главахъ; 97 л.).

[2]) Въ каталогѣ Смирдина № 718: „Прославленная любовь, или разсужденіе о истинной премудрости", и проч. М. 1818.

[3]) Онѣ значатся подъ № 851—855.

щаетъ свѣдѣнія о розенкрейцерской литературѣ. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ розенкрейцерство имѣло свой источникъ въ сочиненіяхъ Валентина Андреэ, въ началѣ XVII-го столѣтія,—сочиненіяхъ, которыя говорили о таинственномъ орденѣ этого имени, и которыя, по мнѣнію однихъ, были мистической фантазіей Андреэ, а по другому мнѣнію—имѣющему за себя весьма большія основанія—имѣли только сатирическую цѣль, осмѣяніе мистической алхиміи и магіи. Но фантазія Андреэ именно понравилась людямъ, надъ которыми онъ хотѣлъ смѣяться, и розенкрейцеры имѣли огромный успѣхъ. Тема Андреэ была разработана этими людьми, и уже вскорѣ составилась изъ розенкрейцерства новая особая школа алхимиковъ и магиковъ, которая отъ начала XVII столѣтія сохранилась въ разныхъ формахъ до конца XVIII вѣка. Берлинскіе розенкрейцеры составляли одну изъ такихъ новѣйшихъ отраслей этой школы: чтобы выдѣлиться въ нѣчто высшее и самостоятельное и поддержать традицію мнимой старины своего ордена, они представляли его какъ учрежденіе, основанное при послѣдней главной преобразовательной конвенціи (Haupt und Reformations - Convention). Розенкрейцеры почувствовали, однако, неудобство для ихъ цѣлей въ сочиненіяхъ Андреэ, или увидѣли это неудобство изъ чужихъ указаній, и теперь они старательно отклоняли отъ себя связь съ этими сочиненіями. Это было очень естественно.

Въ записной книжкѣ Ланского (Муз. № 855, л. 16) мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о розенкрейцерской литературѣ, записанныя, безъ сомнѣнія, со словъ Поздѣева:

„Подъ именемъ Ф. Рзнкрц. напечатанныя книги: Fama Fraternitatis; Chymische Hochzeit; General Reformation der ganzen Welt; Confessio Fratrum (все это—книги Андреэ) и пр. суть отчасти совсѣмъ подложныя, частію же весьма испорчены. Они о—ми бр. (орденскими братьями) непризнаны.

„A. B. C. der Weisen есть раздробленное безъ связи извлеченіе изъ сочиненій истинныхъ мудрыхъ, однакожъ и писатель и издатель онаго не есть о—й брр.

„Изъ о—на вышедшія книги суть: Basilii Valentini, Arnold de Villanova, Raimund Lullii, Paracels., Rogerus Baco, Isaac

Holland, Sendivogius, Graf [1]) Bernhard, Helmont, Monte-Snyder, Hermetischer Triumph, и многихъ другихъ писателей тайныхъ наукъ временъ прошедшихъ, или Plumenek's Eröf. unter Einfluss etc., Compass der Weisen, Freimaurerische-Versammlungsreden des G. u. R. C., и Annulus Platonis".

Здѣсь собраны главнѣйшія сочиненія по тайнымъ наукамъ, имѣвшія авторитетъ у розенкрейцеровъ; нечего говорить о томъ, насколько достовѣрна историческая ссылка, что указанныя книги „вышли изъ ордена": довольно того, что сюда зачисленъ Рожеръ Баконъ.

Рядомъ съ приведенными замѣтками о книгахъ, Ланской записываетъ: „И. А. привезены изъ В.—Ш. въ 1783-мъ году. Работы по нимъ продолжались оный и послѣдующие годы до 1789, когда открылось гоненіе". Рѣчь, конечно, идетъ о какихъ-то актахъ,—вѣроятно, первыхъ степеняхъ розенкрейцерства, вывезенныхъ Шварцемъ. Извѣстіе о продолженіи работъ вплоть до 1789-го г. не сходится съ показаніями розенкрейцеровъ на слѣдствіи, когда они говорили, что работы, почти или совсѣмъ, прекратились еще ранѣе этого времени.

Въ записной книжкѣ Віельгорскаго (Муз. № 853) отмѣчено, изъ разговоровъ съ Поздѣевымъ, свѣдѣніе объ управленіи розенкрейцерствомъ въ Петербургѣ. Свѣдѣніе относится, конечно, къ восьмидесятымъ и девяностымъ годамъ прошлаго столѣтія: „....Послѣ доктора Звѣраки начальникомъ былъ брр. въ П.—Алек. Андр. Р.—, а потомъ уже Лен...". Первый начальникъ петербургскихъ братьевъ есть, конечно, тотъ Зверяга, имя котораго упоминается въ перепискѣ московскихъ масоновъ съ петербургскими [2]); второй есть извѣстный петербургскій масонъ того времени Алексѣй Андр. Ржевскій, извѣстный изъ той же переписки; третій (начальныя буквы его имени написаны очень неясно) есть, вѣроятно, Лѣнивцевъ, крайній мистикъ, который впослѣдствіи былъ членомъ комитета библейскаго общества.

---

[1]) Въ рук. неясно. Вообще, мы выписываемъ эти имена и заглавія съ буквальной точностью и съ тѣми ошибками, которыя произошли отъ диктовки или записыванія со словъ.

[2]) Это самое имя должно читать въ напечатанныхъ у Пек. отрывкахъ дневника [бар. Шредера], вм. „Иверакъ", какъ прочиталъ Пекарскій („Дополн.", стр. 79).

Въ другой книжкѣ Ланского (Муз. № 854) мы находимъ выписку изъ письма І. А. (т.-е. того же Іосифа Ал. Поздѣева) къ П. С. [Лихонину?] отъ января 1813 года. Здѣсь говорится, между прочимъ: „Что вы по службѣ и по московскимъ обстоятельствамъ принуждены сдѣлаться петербургскимъ жителемъ, то видно уже такъ надобно, тѣмъ паче, что и домъ вашъ отнятъ. Что дѣлать? Власть на то Господня, а между тѣмъ Богъ уготовалъ вамъ знакомыхъ, кои вамъ полезны по вѣчности и по времени, то видно и назначается вамъ мѣсто тутъ. Сердечной мнѣ Бел..... пошолъ на выгодное мѣсто изъ Петербурга, и тамъ очень прилѣжалъ ко времянной экономіи, но Богъ не того требуетъ; взятъ преждевремянно, кажется, по лѣтамъ въ вѣчность, ибо не здѣсь наше гнѣздо“... Къ обозначенному здѣсь имени сдѣлано такое примѣчаніе: „Бел..... былъ нѣкогда назначаемъ путеводителемъ для петербургскихъ брр. и можетъ быть (есть ли бы оставался въ семъ городѣ) не допустилъ бы А. А. Лѣнивц. съ послѣдователями передаться Грабіанкѣ, опаснѣйшему проповѣднику Авиньонцевъ, кои столь глубоко пустили корень, что и теперь многихъ стараются дѣлать послѣдователей, и въ семъ намѣреніи успѣваютъ“.

Въ записныхъ книжкахъ находятся, наконецъ, и нѣкоторыя подробности розенкрейцерскаго ученія, которыя Поздѣевъ передавалъ своимъ ученикамъ. Посѣщая его, они дѣлали выписки изъ его розенкрейцерскихъ рѣдкостей, записывали его изреченія, иногда весьма курьезныя и характеристичныя. Такъ, здѣсь находятся выписки изъ Θеофраста Парацельза, „Пимандра“ Меркурія Трисмегиста, изъ книги „о явленіяхъ духовъ по смерти“ и т. п., или дѣлаются выписки „изъ бесѣдъ“, т.-е. бесѣдъ съ Поздѣевымъ.

Такъ, въ декабрѣ 1813 года Ланской записываетъ розенкрейцерскія толкованія о меркуріи, сѣрѣ и соли, или духѣ, душѣ, тѣлѣ,—о томъ, что „въ X степени открывается значеніе имянъ божіихъ по разнымъ свойствамъ его: Адонай (значитъ) сотворилъ міръ; Елогимъ—свойство правосудія, коимъ и нынѣ міръ правится; неизрѣкаемое же имя содержитъ въ себѣ всѣ свойства и означаетъ то состояніе, когда все будетъ во всемъ“, о томъ, что „когда священникъ или дьяконъ во время отправленія литургіи кадитъ, то обходя жертвенникъ и выходя изъ олтаря чрез царскія

врата, описываетъ сію фигуру ☿“ (т.-е. алхимическую фигуру меркурія).

Слѣдуютъ мистическія толкованія о человѣкѣ. „Адамъ изъ перваго совершенства своего, или изъ образа и подобія Божія, палъ 3-мя степенями, изъ духовнаго (человѣка) въ зидерическаго, а изъ зидерическаго въ грубо плотскаго“. „Въ мастерской степени принимаемый повергается во гробъ тремя же ударами, а возстаетъ посредствомъ 5-ти мастерскихъ пунктовъ—пяти язвъ всевысочайшаго Мастера“. „Въ каждомъ человѣкѣ находятся духовный человѣкъ, зидерическій и плотской. Въ духовномъ человѣкѣ, зидерическомъ и плотскомъ суть три начала: духъ, душа и тѣло. Адамъ палъ въ духовномъ, зидерическомъ и плотскомъ состояніи, и увлекъ въ паденіи своемъ все потомство свое. Возстаніе должно произойти по тремъ началамъ, какъ духовнаго, такъ по тремъ началамъ зидерическаго и плотскаго человѣка. Вотъ почему предписываютъ намъ созидать духовный храмъ Соломоновъ чрезъ 3 раза 3“.

Къ этимъ толкованіямъ о паденіи Адама можно прибавить еще замѣчаніе, записанное Віельгорскимъ,—„о цѣломудренномъ лобзаніи, въ которомъ человѣкъ сообщаетъ магически тинктуру [1]) для зачатія человѣка—такъ, какъ Адамъ нѣкогда. Теперь же тинктура сообщается чрезъ грубый каналъ и проч.“ [2]).

Въ замѣткахъ Ланского помѣщено особое небольшое разсужденіе „о достиженіи къ сверхъ-натуральному состоянію“, т. е. тому, котораго успѣшно достигалъ Краевичъ. „Въ семъ состояніи,—говорится здѣсь,—являетъ имъ (людямъ, его достигшимъ) Богъ великую милость и чрезвычайныя дарованія, и не можно сказать, коликая любовь и истеченія благодати проистекаютъ имъ отъ Бога. Они часто чувствуютъ соединеніе со Христомъ, присутствіе святаго Духа и самихъ святыхъ ангеловъ; они вкушаютъ Бога и благость Его, и потому часто столько освобождаются отъ тварей, что забываютъ все позади ихъ существующее, и почти и себя самихъ уже не ощущаютъ, понеже они превращены во Христа и суть одинъ духъ съ нимъ, и блаженно въ Богѣ

[1]) Алхимическій терминъ.
[2]) Ср. прил. II. Ред.

погрузилися и погубилися. Гражданское ихъ хожденіе потомъ уже не на земли и не въ землѣ, но въ небѣ и къ небу"...

При этомъ сообщаются мистическія средства и рецепты для достиженія этого состоянія (Муз. № 854).

Наконецъ, рѣчь заходила и о практическихъ вопросахъ. Изъ переписки Поздѣева, находящейся въ Моск. Музеѣ, видно, что и Ланской, и Віельгорскій въ своемъ управленіи Провинціальной Ложей, постоянно обращались къ нему въ важныхъ вопросахъ, и масонскія дѣла безпрестанно обсуждаются между ними. Здѣсь мы ограничимся одной замѣткой въ книжкѣ Віельгорскаго (Муз. № 853), кажется, въ мартѣ 1814-го года: „Если случится говорить съ государемъ [1]),—совѣтовалъ Поздѣевъ,—то должно бы такъ говорить съ нимъ, н. п. М. — (т.-е. масонство) пріуготовляетъ ему людей вѣрныхъ, знающихъ, безкорыстныхъ, боящихся Бога и приверженныхъ ему, и О... (т.-е. орденъ) мысли даже не позволитъ войти, могущей противной быть вѣрности"... Далѣе: „Съ герцогомъ дѣйствовать какъ?" Разумѣется здѣсь, конечно, герцогъ Александръ Виртембергскій, который принималъ участіе въ тогдашнихъ масонскихъ дѣлахъ. Отвѣтъ Поздѣева: „NB. Наединѣ ему говорить наравнѣ о М." (т.-е. масонствѣ). „Отклоняться отъ такой должности, которая можетъ быть вредною бр. занятіямъ".

II. Авиньонское общество „Новаго Израиля".

Около восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія образовалось въ Авиньонѣ мистическое общество, принявшее имя „Новаго Израиля" или „Народа Божія", и соединившее въ себѣ всевозможные виды мистическаго фантазерства: участники его занимались алхиміей, каббалистикой, магіей, вызывали духовъ, имѣли видѣнія, сообщались съ небомъ, пророчествовали. Лонгиновъ разсказалъ исторію главнаго представителя этой мистической секты, польскаго старосты или графа Грабянки [2]), который въ семидесятыхъ годахъ сошелся въ Берлинѣ съ одной сектой алхимиковъ и теосо-

---

[1]) Это слово потомъ зачеркнуто.

[2]) Въ статьѣ „Одинъ изъ магиковъ XVIII вѣка", въ „Р. Вѣстн." 1860, августъ, кн. 2, стр. 579—603. См. также дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ, Муромцова, „Р. Вѣстн." 1860, ноябрь, кн. 1, „Совр. Лѣт.", стр. 19—21, и 1861, „Соврем. Лѣтоп.", № 2.

фовъ, и отчасти подъ ея вліяніемъ, отчасти, вѣроятно, по собственнымъ мистическимъ наклонностямъ, предался магіи и дѣланію золота, потерялъ на этомъ свое состояніе и, наконецъ, вмѣстѣ съ своими сотоварищами, основалъ въ Авиньонѣ упомянутое общество. Какъ мы сказали, здѣсь были всевозможные образчики мистики и шарлатанства, и въ концѣ концовъ общество изобрѣло цѣлую фантастическую религію, съ своими догматами и обрядами, своимъ первосвященникомъ, пророками и т. д. Грабянка былъ царемъ „Новаго Израиля" и главнымъ посредникомъ для сношеній съ небомъ. Однимъ изъ основныхъ положеній этой религіи было ожиданіе близкаго наступленія тысячелѣтняго царства—тотъ хиліазмъ, который вообще былъ тогда очень распространенъ у мистиковъ; но кромѣ того, какъ говорятъ, у Грабянки была мечта и о царствѣ болѣе матеріальномъ,—онъ мечталъ сдѣлаться польскимъ королемъ; говорятъ, однако, что онъ остерегался высказывать эту надежду своимъ русскимъ послѣдователямъ.

Грабянка, въ теченіи многихъ лѣтъ, дѣйствовалъ въ Авиньонѣ съ различнымъ успѣхомъ. Секта его находила много приверженцевъ, получала отъ нихъ значительныя средства, падала, возникала вновь. Съ восьмидесятыхъ годовъ она продолжалась до владычества Наполеона: въ храмѣ, который Грабянка устроилъ для своей религіи, совершались обряды, пророчества, толкованія сновъ. Но кредитъ Грабянки, наконецъ, сталъ упадать: ему переставали вѣрить и его религіозные послѣдователи, и люди, у которыхъ онъ занималъ деньги. Новая религія, наконецъ, обанкротилась. Тогда Грабянка придумалъ отправиться въ Россію, — въ надеждѣ поправить свои дѣла. Онъ нашелъ нѣкоторыя денежныя средства въ Польшѣ, и около 1805-го года прибылъ въ Петербургъ, гдѣ и поселился.

Разсчетъ былъ не совсѣмъ безъ основаній. Еще въ Авиньонѣ Грабянка имѣлъ русскихъ послѣдователей. Такъ, въ 1788 году присоединился къ его сектѣ адмиралъ Сергѣй Ив. Плещеевъ, князь Н. В. Репнинъ и П. И. Озеровъ-Дерябинъ, хотя первые двое черезъ нѣсколько времени вышли изъ общества, вѣроятно, прослышавъ о нѣкоторыхъ его шарлатанствахъ, превышавшихъ мѣру. Грабянка надѣялся найти новыхъ послѣдователей. Въ Петербургѣ еще

раньше его явились баронъ Лефортъ, бывшій въ Авиньонѣ канцлеромъ братства, и г-жа Доттиньи, которая еще раньше бывала въ Россіи, въ Авиньонѣ играла „великую матерь“ или первосвященницу Новаго Израиля, и теперь выписана была вновь въ Россію вдовой Плещеева, въ качествѣ гувернантки или компаньонки. Лефортъ еще до пріѣзда Грабянки въ Петербургъ успѣлъ сблизиться съ Плещеевой и поселиться у нея. Вообще, когда Грабянка явился въ Петербургъ, около него составился значительный кружокъ послѣдователей, въ которомъ онъ и повелъ свою проповѣдь. Лонгиновъ говоритъ, что Грабянка нашелъ Плещееву „предубѣжденной“ противъ него; но по разсказамъ очевидцевъ, послѣдователи его оказались прежде всего въ кругу знакомыхъ этой самой Плещеевой; у нея самой происходили собранія секты; у нея проживалъ Лефортъ. Вѣроятно, она только держалась нѣсколько осторожнѣе, чѣмъ другіе. Упомянутый очевидецъ, Муромцовъ, называетъ въ числѣ послѣдователей Грабянки М. И. Донаурова, П. И. Озерова-Дерябина, М. А. Лѣнивцева, А. Ѳ. Лабзина. Дерябинъ былъ изъ прежнихъ учениковъ Грабянки, между прочимъ имѣвшій связи съ розенкрейцерами и игравшій нѣкоторую роль въ новомъ масонствѣ. Лѣнивцевъ, вѣроятно,—братъ извѣстнаго розенкрейцера, который былъ, послѣ Зверяги и Ржевскаго, начальникомъ петербургскихъ розенкрейцеровъ,—а нѣсколько позднѣе является членомъ комитета библейскаго общества. Лабзинъ — извѣстный мистикъ, начавшій въ это время (1806) изданіе своего „Сіонскаго Вѣстника“, вскорѣ остановленное, и возобновленное имъ потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ.

Исторія секты Грабянки до сихъ поръ очень темна; разсказъ Лонгинова, почерпнутый, повидимому, изъ масонскаго источника (онъ не указанъ авторомъ), мало объясняетъ обстоятельства происхожденія секты и дѣйствовавшія при этомъ личности, потому что предположеніе одной эксплуатаціи Грабянки алхимистами не объясняетъ всего дѣла. Пернетти и Брюмеръ (какъ называетъ Лонгиновъ; вѣрнѣе, кажется, Брюморъ), главнѣйшіе сотоварищи Грабянки въ Берлинѣ и потомъ въ Авиньонѣ, могли эксплуатировать его, но далеко не въ этомъ одномъ было дѣло. Пернетти (род. 1716, ум. 1801 г.) игралъ роль въ масонскомъ мірѣ и независимо

отъ своихъ связей съ Грабянкой. Бенедиктинскій монахъ, домъ-Пернетти былъ издавна мистикомъ и алхимистомъ, авторомъ нѣсколькихъ сочиненій мистико-герметическаго содержанія (напр. Les Fables Egyptiennes et grecques devoilées etc., 2 v. Paris, Berlin 1758 и друг. изд.; Dictionnaire Mytho-Hermétique etc. Paris, Berlin 1758 г. и друг.), много путешествовалъ, между прочимъ, съ извѣстнымъ Бугенвиллемъ (онъ оставилъ описаніе этого путешествія: Histoire d'un voyage aux îles Malouines), былъ библіотекаремъ въ Берлинѣ, гдѣ, говорятъ, произошло первое его знакомство съ Грабянкой. Кажется, еще задолго до этого знакомства, въ 1766 г. Пернетти основалъ особую герметическую секту, которая извѣстна была въ особенности подъ именами Illuminés d'Avignon, и Académie des Vrais Maçons, гдѣ была своя особая система степеней (1, Vrai maçon. 2, Vrai maçon dans la voie droite. 3, Chevalier de la Clef d'Or. 4, Chevalier de l'Iris. 5, Chevalier des Argonautes. 6, Chevalier de la Toison d'Or). По словамъ одного масонскаго историка, эта академія впослѣдствіи,—повидимому, послѣ своего упадка въ Авиньонѣ,—приняла названіе Académie russo-suédoise, изъ чего предполагали, что она соединилась съ „алхимическими капитулами", которые существовали тогда въ этихъ государствахъ [1]). Это извѣстіе относится, конечно, къ тѣмъ связямъ, которыя были сдѣланы Грабянкой съ нашими масонами. При основаніи „Новаго Израиля" Пернетти былъ уже древній старикъ. Исторія „авиньонскихъ иллюминатовъ", относительно которой мы не имѣемъ теперь подъ руками ближайшихъ данныхъ, въ разсказѣ Лонгинова представляетъ

[1]) Handbuch, II, стр. 550; Ragon, Orthodoxie Maçonnique, стр. 150—152; Kloss, Bibl. der Freim, № 3911—3913. По словамъ одного масонскаго писателя, нѣмецкаго романиста Рау, въ библіотекѣ Клосса (который былъ гросмейстеромъ такъ называемаго „Эклектическаго Масонскаго Союза") находилась „въ высшей степени любопытная рукопись о мало извѣстной, интересной сектѣ авиньонскихъ иллюминатовъ, рукопись, которая состоитъ отчасти изъ важныхъ подлинныхъ писемъ и объясняетъ эту секту". Рау приводитъ, между прочимъ, изъ этой рукописи отрывокъ письма Грабянки къ принцессѣ вюртембергской, изъ Авиньона, 1798. (Mysterien eines Freimaurers. Von Br. Heribert Rau. Manuscript für Freimaurer. Stuttg. 1844, II, стр. 269—273). Библіотека Клосса была продана его наслѣдниками принцу Фридриху нидерландскому и должна находиться въ Гаагѣ.

много неяснаго, между прочимъ, и со стороны ихъ отношеній къ инквизиціи, къ Риму и т. д. Наконецъ, еще невполнѣ ясны и дѣйствія Грабянки въ кругу русскихъ мистиковъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи къ нѣкоторому разъясненію дѣла можетъ служить статья, встрѣченная нами въ одномъ сборникѣ Московскаго Музея (№ 852). Это сборникъ масонскихъ замѣтокъ Віельгорскаго, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше. Поставленная въ этихъ сборникахъ рядомъ съ различными наставленіями, изреченіями, письмами Поздѣева, выписками изъ его книгъ и рукописей, эта статья—„Краткое извѣстіе о новооткрывшемся обществѣ"—по всѣмъ вѣроятностямъ, была сообщена Віельгорскому Поздѣевымъ, въ числѣ тѣхъ вещей, которыя этотъ послѣдній сообщалъ своимъ ученикамъ для увеличенія ихъ масонскихъ знаній и опытности.

Въ „Краткомъ Извѣстіи" повторяется (съ нѣсколькими неважными варіантами) та самая „прокламація", которая приведена въ разсказѣ Лонгинова, и которая давала предварительныя свѣдѣнія объ обществѣ для тѣхъ, кого желали въ него привлечь, но въ музейной рукописи къ этой прокламаціи присоединены „замѣчанія" или опроверженія по пунктамъ. Изъ содержанія этихъ замѣчаній не трудно видѣть, что они вышли изъ лагеря розенкрейцеровъ. Общество Грабянки являлось имъ прямой конкуренціей и не могло быть имъ пріятно; оно уже издавна завлекало русскихъ мистиковъ, какъ Плещеевъ, Дерябинъ, кн. Репнинъ, теперь оно переманило къ себѣ Лѣнивцева, Лабзина,—одного изъ самыхъ дѣятельныхъ мистиковъ. Розенкрейцеры сочли нужнымъ вооружиться противъ Грабянки, потому что „неутвержденные знакомые ихъ колебались и не вѣдали, куда пристать". Имъ досадно было съ другой стороны, что Грабянка хотѣлъ „созидать на чужомъ основаніи", т.-е. обращать въ свою пользу людей, ими самими воспитанныхъ. Любопытно, наконецъ, что въ своихъ возраженіяхъ они не оспариваютъ хиліазма,—они сами ждутъ близкаго пришествія Антихриста и тысячелѣтняго царства; въ сверхъ-естественныхъ дѣяніяхъ авиньонскаго братства они видятъ не простое шарлатанство и обманъ, а „какомагію", т.-е. чернокнижіе и содѣйствіе злыхъ духовъ.

Краткое извѣстіе о новооткрывшемся обществѣ.

Замѣчаніе на оное [1]).

1. Общество сіе носитъ имя Народа Божія или Новаго Израиля.

На 1-й пунктъ.

Новый Израиль, всякій христіанинъ, исполняющій заповѣди и кающійся въ слабостяхъ своихъ и тѣмъ порождающій въ себѣ новаго благоговѣющаго къ Богу человѣка.

2. Учредилось оно въ 1778 году, сперва въ Берлинѣ, а потомъ въ Авиньонѣ.

На 2-й пунктъ.

Въ оное время были тамъ Богомъ просвѣщенные мужи, кои бы намъ, если бы это было праведно, возвѣстили бы о семъ учрежденіи и отъ нихъ сіе не могло укрыться [2]).

3. Цѣль его возвѣстить по повелѣнію Божію второе и близкое пришествіе Господа Іисуса Христа и славнаго Его царствія на земли.

На 3-й пунктъ.

Близкое пришествіе Господа давно уже возвѣщено и намъ весьма извѣстно, что шестая тысяча лѣтъ въ концѣ ея [3]).

4. Наименованіе сіе приняло оно отъ самаго учрежденія своего, ибо оно учреждено не человѣками, а самимъ Богомъ, благоволившимъ открыть изволенія и планы свои о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ людямъ, наименѣе ожидавшимъ тѣхъ милостей и даровъ, коими безпредѣльное милосердіе Его облагодатствовало ихъ. Такимъ образомъ, бывъ избраны и учреждены самимъ небомъ, они не могутъ инако почитать себя, какъ его народомъ, Новымъ Израилемъ, и само небо всегда ихъ такъ называетъ.

---

[1]) Писано въ два столбца: въ первомъ ставятся обсуждаемые пункты; во второмъ замѣчанія: „на 1-й пунктъ“, „на 2-й пунктъ“ и т. д.

[2]) Подразумѣваются именно берлинскіе розенкрейцеры, которые возвѣстили бы московскимъ.

[3]) Въ этомъ пунктѣ разногласія между розенкрейцерами и авиньонцами нѣтъ.

На 4-й пунктъ.

Аще планы временные, то мы предаясь въ волю Господню, на Него уповаемъ и въ политическія дѣла времени не входимъ, а вѣчные планы [1]) къ спасенію всего міра давно уже по безконечному его милосердію открыты. Да открытіе сими господами пророками и о временныхъ планахъ не сбывается, слава Богу, такъ какъ они одному нашему знакомому, а именно покойному князю Репнину, открывали конецъ міра еще до знакомства его съ нами, т.-е. до 1802-го года [2]), который присоединясь къ о—ну, знакомство и переписку съ ними, такъ какъ и Плещеевъ, бросили.

5. Подъ словомъ Небо разумѣютъ они все царствіе небесное, всѣ посредствующія существа между человѣкомъ и Богомъ, ангеловъ, архангеловъ и святыхъ (кромѣ стихійныхъ и астральныхъ духовъ, кои сюда не входятъ), которые находятся въ сношеніи съ ними и сообщаютъ имъ опредѣленія небесныя.

На 5-й пунктъ.

Тѣ, кои вѣдаютъ о мастерскомъ словѣ, тѣмъ дана милость надѣяться имѣть великихъ князей неба своими въ возрожденіи [3]) помощниками. Въ томъ токмо познающимъ себя и нужда, а планы временные, паки повторяется, намъ нейдутъ, ибо въ правилахъ познанія себя самихъ властямъ предержащимъ слѣдуетъ повиноваться, кои всѣ суть отъ Бога.

6. Сіе сношеніе или сообщеніе называютъ они корреспонденціею съ небомъ, которая состоитъ въ словѣ или голосѣ ясномъ и внятномъ, какъ внутреннемъ, такъ и наружномъ, и въ видѣніяхъ и откровеніяхъ пророческихъ, причемъ не только ангелы и святые и отъ міра отшедшія блаженныя души, но и самъ Господь иногда является и говоритъ съ ними; въ чемъ объявляющій сіе увѣряетъ честію, вѣрою и совѣстію своею, яко самъ то испытавшій.

---

[1]) Въ рукописи: „намъ“.

[2]) Здѣсь какая-то неточность или ошибка въ копіи, — потому что Н. В. Репнинъ, знаменитый фельдмаршалъ, о которомъ идетъ рѣчь, умеръ въ маѣ 1801, а знакомство съ розенкрейцерами было еще до гоненія.

[3]) Вѣроятно такъ; въ рукописи: „вознагражденіи“.

На 6-й пунктъ.

Совѣтовано тѣмъ, кои 30-лѣтнимъ опытомъ даже увѣрены въ своемъ пути, остерегаться призывать видѣнія, кои могутъ быть весьма опасны. Слово же, голосъ называемый ясный и внятный, кольми паче съ небомъ, ясно показываетъ путь, на коемъ былъ Шведенборгъ, прикосновенный Еліасу Артисту, изъ коихъ первый былъ обманутъ видѣніемъ и словами, полученными имъ, до такой крайности, говоря самъ, что Спаситель оскверненъ былъ прародительскимъ грѣхомъ, то и мысль оная есть мерзость запустѣнія и начало ея изъ ада; а прочія заблужденія до того, что самъ дѣлая вопросъ, для чего бы Спаситель воплотился здѣсь на землѣ, а (не) въ другихъ планетахъ, отвѣчаетъ: для того, что здѣсь есть книгопечатаніе [1]). А второй, т.-е. Еліасъ, въ писаніяхъ своихъ утверждаетъ вездѣ въ натурѣ Спасителя и въ человѣкахъ даже, дабы выиграть ихъ довѣренность, а притомъ наводить сомнѣнія, и тѣмъ отвергаетъ пришествіе его во Іудею и смерть крестную, въ коей вся состоитъ сила и безъ нея не было бы величайшаго Совершишася.

А о Спасителѣ мы и не смѣемъ даже такъ дерзко говорить, а тѣмъ паче осмѣлиться въ видѣніяхъ его и разговорахъ съ нимъ выставлять честь и совѣсть нашу во свидѣтельство, кои какъ они глубоки у господина Грабіанки, мы оставляемъ каждому самому судить, вѣдая изъ священнаго писанія, каково было видѣніе сносно Іоанну Богослову, который говоритъ (Апок. гл. I, ст. 17), когда увидѣлъ Спасителя: „Падохъ къ ногамъ его яко мертвъ". То когда Іоанну Богослову было узрѣніе Спасителя таково, то кто повѣритъ поляку и проповѣдающему нынѣ изъ Франціи, что онъ видаетъ Господа Іисуса небесъ и земли, и съ нимъ разговариваетъ. Это ему и его чистотѣ кажется такъ легко, какъ и проповѣднику Эккартгайзену помѣстить въ одинъ реестръ Іоанна Богослова и Пинетти. Это показываетъ, что они только высокопарными словами стараются сдѣлать больше прозелитовъ, а сами внутренно не имѣютъ страха, потому что такъ равняютъ съ собой высочайшую силу небесъ и земли.

---

[1]) Рядомъ поставлено: „типографія". Дальше текстъ не совсѣмъ ясенъ, вѣроятно отъ ошибокъ копіи.

7. Сія корреспонденція посредствомъ правилъ и наставленій, данныхъ о томъ самимъ небомъ, такъ для нихъ удобна, что они могутъ дѣлать вопросы и получать отвѣты о самыхъ маловажнѣйшихъ повидимому предметахъ, имѣя къ тому такъ-называемыя малыя и большія средства и ключи высшей науки.

На 7-й пунктъ.

Корреспонденцію съ небомъ посредствомъ правилъ и наставленій и малыхъ и большихъ средствъ, мы вѣдаемъ весьма опасною; кольми паче съ небомъ; а въ ключахъ вышней науки, хотя мы ихъ знаемъ, не имѣя отнюдь нужды спрашивать о чемъ [1]); тѣмъ паче, что вѣра и преданность наша ко Спасителю обезпечиваетъ насъ, имѣя правила ясныя и ученіе удобнѣ коренительное, а цѣлью — возрожденіе [2]), на коемъ, когда Богу угодно, по сообразности нашей въ чистотѣ нравовъ, сами вышніе жители пріидутъ безъ призывныхъ ключей, а до тѣхъ поръ имѣемъ въ виду содѣлывать себя лучшими, взирая на примѣръ, явленный намъ на Голгофѣ, о имени котораго всяко колѣно повинятся; почему не имѣемъ нужды безпокоить жителей вышняго неба; а съ нижними сноситься, не получа власти, мы не смѣемъ и, имѣя вѣру въ акціи, не желаемъ.

8. Общество сіе, будучи не человѣческое изобрѣтеніе, и управляется не человѣками, но оною корреспонденціею. Ни одинъ членъ ни вступить въ оное, ни остаться въ немъ не можетъ, безъ явнаго на то соизволенія небесъ. Но безконечная благость Господа, хотяще всѣмъ спастися, и учредившаго сей новый свой народъ для блага всего человѣческаго рода, не отказываетъ въ сей милости никому, приходящему съ чистымъ и прямымъ желаніемъ истины и твердою рѣшимостію служить Богу и ближнему, и придетъ время, что и всѣ добрыя сообщества и добрые люди присоединятся къ сему Новому Израилю, когда именно надобно будетъ рѣшиться изъ двухъ на одно: или стать подъ знаменемъ Іисуса или пристать къ сторонѣ его противниковъ.

---

[1]) Въ рук. „очень“.

[2]) Такъ вѣроятно должно читать; въ рукописи „вознагражденіе“.

На 8-й пунктъ.

Общество оное чѣмъ больше не человѣческое, тѣмъ паче опаснѣе; а корреспонденціи мы уже имѣемъ, а именно: св. писаніе и вѣру, даже понимаемую и тремя книгами утверждаемую, а именно: св. писаніе, природу и человѣка, гдѣ по единому къ намъ недостойнымъ милосердію, недоумѣнія въ пути нѣтъ. А кто будетъ подъ знаменемъ Спасителя, на тѣхъ есть крестъ и будетъ паче тогда при концѣ міра, то-есть гоненіе. А тѣ, кои не съ нимъ, тѣ съ Антихристомъ будутъ торжествовать, мняще службу Богу приносить.

9. Но какъ всякій человѣкъ безъ вышней помощи подверженъ заблужденіямъ и обману и можетъ иногда ангела лжи принять за ангела истины, то милосердіе Божіе попеклось и о семъ, и дабы соблюсти ихъ отъ ошибокъ, оградило ихъ особенными способами къ испытанію духовъ и всякаго слова, видѣнія и откровенія, такъ что имъ вовсе невозможно погрѣшить въ семъ случаѣ, если не нарушены будутъ правила, данныя имъ на то самимъ небомъ, за строгимъ наблюденіемъ которыхъ, яко составляющихъ главнѣйшее преимущество общества, начальники общества бдятъ неусыпно.

На 9-й пунктъ.

О правилахъ даваемыхъ мы не безъизвѣстны; а что сами же говорятъ въ этомъ пунктѣ: „если не нарушены будутъ эти правила". А намъ является уже нарушеніе правилъ вѣры, зачиная оныя ихъ правила употреблять, о коихъ сами же говорятъ, что оныя правила и составляютъ главнѣйшее преимущество общества ихъ.

10. На сей конецъ учреждено у нихъ особое отдѣленіе или департаментъ, называемый Соборъ Пророковъ, состоящій изъ людей избранныхъ и утвержденныхъ самимъ небомъ, чрезъ который непремѣнно должно пройти всякое слово, видѣніе и откровеніе и быть строго испытано и очищено отъ всякаго чуждаго примѣшенія темперамента или частнаго свойства объявляющаго оное члена. Сверхъ сего, рѣшеніе самаго

Собора представляется еще на утвержденіе небу и по утвержденіи уже онаго небомъ, видѣніе, откровеніе или слово объявляется въ народѣ Божіемъ за справедливое и вѣрное.

На 10-й пунктъ.

Пророки бывали, есть и будутъ утверждаемы Богомъ, а не небомъ; чрезъ коихъ глаголы Божіи не шли ни подъ какую цензуру другихъ пророковъ, для чего самъ Господь сказалъ: „Не прикасайтесь помазаннымъ моимъ и во пророцѣхъ моихъ не лукавнуйте“. То коли слово Божіе, то оно не идетъ подъ цензуру пророковъ же. И выдающій сіе краткое извѣстіе, если бы вѣдалъ, какъ глаголъ былъ чрезъ пророковъ, то сего бы не написалъ. И кому цензуровать глаголъ Всемогущаго, ибо истинное пророчество бываетъ Духомъ Святымъ, и сказано, что: „отъ Святаго Духа просвѣщаемы глаголаша святыя Божіи человѣцы“. А когда рѣшеніе Собора самаго представляется на утвержденіе, да еще и небу, то видно эти господа пророки сами не увѣрены, что чрезъ нихъ говоритъ Духъ Божій, потому что должно рѣшенія ихъ еще небу утверждать, то-есть воямъ небеснымъ; и оные же пророки сами дѣлаютъ опредѣленіе и сами справляются съ небомъ и сами о вѣрности того свидѣтельствуютъ, то слѣдуетъ опасаться, чтобы ошибкою кто нибудь не сдѣлался Равальякомъ, мняще себе службу Богу приносити.

11. При сихъ предохранительныхъ средствахъ и притомъ вѣрномъ руководствѣ, общество сіе безъ всякой хвастливости или надменности можетъ сказать о себѣ, что оно обладаетъ вѣрнымъ путемъ къ достиженію истинъ, какъ въ разсужденіи духовнаго и нравственнаго, такъ и физическаго. Всѣ такія наивысочайшія, всѣ таинства наисокровеннѣйшія оному открыты и легко открыты быть могутъ; и оно есть дѣйствительнѣйшее орудіе въ рукахъ Провидѣнія къ уготовленію смиренныхъ и вѣрныхъ душъ для приближающагося Царствія Божія.

На 11-й пунктъ.

Наконецъ къ достиженію истины вѣренъ путь о—на и всякими многолѣтними опытами повѣренъ и явленъ. А что

нѣтъ между русскими пророковъ, то дѣло не за путемъ, а за самими нами; то если въ самый Авиньонъ пріѣдемъ, то пророками не сдѣлаемся, ибо туда себя же привеземъ. Таинства же милостиво открываются и намъ, но мы знаемъ, что они намъ настолько полезны, насколько успѣваемъ въ возрожденіи, безъ чего небо намъ не есть средство войти въ него; и оно же не далеко, а въ насъ самихъ.

12. Члены сего общества нынѣ разсѣяны по разнымъ землямъ по повелѣнію небесъ, для положенія основанія народу Божію вездѣ, гдѣ найдутся души возбужденныя благодатію. Объявляющій сіе получилъ повелѣніе ѣхать для сего въ Россію, а именно въ Петербургъ.

На 12-й пунктъ.

На чужомъ основаніи созидать не слѣдуетъ, яко и апостолъ Павелъ учитъ. И чѣмъ тамъ созидать, гдѣ возбуждены уже благодатію и основаніе уже положено, то лучше потрудиться тамъ, гдѣ о благодати не слыхивали, чѣмъ созидать основаніе на основаніи же: и въ дѣлахъ наружной войны есть безпорядокъ пересѣкать путь.

Сіи свѣдѣнія даются вамъ, яко любителю истины, ищущему ее съ чистымъ намѣреніемъ; дальнѣйшія подробности и поясненія принадлежатъ уже членамъ народа Божія, Новаго Израиля; тѣмъ, которые прямо и надлежащимъ образомъ присоединены къ оному будутъ, въ чемъ не должно сомнѣваться о всякомъ истинномъ почитателѣ Богочеловѣка Іисуса, которые всѣ, рано или поздно, непремѣнно соединятся съ симъ народомъ, дабы составить одно стадо подъ однимъ пастыремъ.

Истина есть Христосъ, пришедшій во плоти и давшій намъ себя въ примѣръ и помощь, чего для не видимъ надобности сноситься объ немъ съ Авиньономъ и повѣрять св. писаніе на цензурѣ тамошнихъ, яко бы, пророковъ. Оно недалеко и оно же говоритъ: „Царство Божіе внутрь васъ есть“; слова самого Спасителя. То куда идемъ, глаголы живота вѣчнаго имѣвши и поучаяся не только отъ часу болѣе и болѣе понимать его, но и съ утѣшеніемъ и съ услажденіемъ, коимъ и новый рождаемый въ насъ человѣкъ дово-

ленъ и благодаритъ Господа своего Іисуса Христа, который отъ наружнаго его по воскресеніи видѣнія отвращался и апостоловъ, и какъ скоро его узнавали, дѣлался имъ невидимъ, обращая ихъ тѣмъ внутрь ихъ. Что есть входъ къ нему? во внутрь всей твари, яко къ центру, въ коемъ открытъ отецъ всего видимаго и невидимаго.

Обществъ оныхъ, кричащихъ нынѣ: се здѣсь Христосъ! или индѣ, много; и не утвержденные знакомые намъ въ своемъ пути колеблются и не вѣдаютъ, куда пристать, и, Боже ихъ помилуй, попадутъ на какомаговъ [1]) или на иллюминатовъ. Ибо это краткое извѣстіе изъ Авиньона, а облако надъ святилищемъ было изъ Мюнхена, въ коемъ не только сказано, что тайны всѣ у нихъ, да и что имъ дана власть управлять душами человѣческими, то чему вѣрить? тѣмъ или другимъ? а стыдно прельщаться словами, оставя опытъ. Въ послѣднія сіи времена много флаговъ будутъ выкидывать съ именемъ Іисуса Христа, но намъ священное писаніе говоритъ: „не имите вѣры, а явленіе Господа и Сына человѣческаго будетъ яко молнія отъ поднебесной въ день сей!“ Тогда гдѣ будетъ съ совѣстію своею сей графъ Грабіанка? И графъ Каліостро, пріѣхавъ въ Петербургъ, адресовался къ тѣмъ, кои любятъ учиться въ познаніи человѣка, вѣдая, что чрезъ нихъ больше можно сдѣлать прозелитовъ, при чемъ большая часть изъ нихъ обманы его скоро открыли, а другіе, обманувшись, вѣрили въ него весьма; но что это былъ за человѣкъ, послѣ всѣмъ открылось.

III. Возобновленіе масонскихъ ложъ при имп. Александрѣ.

Первое формальное разрѣшеніе ложъ при императорѣ Александрѣ I и первыя ихъ отношенія съ оффиціальной властью начались, кажется, въ 1810-мъ году. Въ это время всѣ управляющіе ложами призваны были къ министру полиціи, и по высочайшему повелѣнію взяты на разсмотрѣніе

---

[1]) Такъ называли розенкрейцеры людей, занимавшихся магіей съ дурными земными цѣлями и съ помощью нечистыхъ духовъ (ихъ собственная магія была „божественная“). Такими какомагами они считали Шрепфера и подобныхъ ему шарлатановъ: обманщиками они ихъ не считали, напротивъ, признавали за ними знаніе магіи и осуждали ихъ только за связи съ нечистой силой, за дурное употребленіе своихъ магическихъ познаній.

всѣ ихъ акты [1]). Взятые акты были потомъ возвращены Бёберу (главному руководителю Директоріальной Ложи Владиміра къ Порядку) гр. Разумовскимъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, который такимъ образомъ также принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Существованіе ложъ, ранѣе основанныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіе новыхъ, было разрѣшено; но ложи поставлены были подъ оффиціальный контроль: масонское управленіе обязано было представлять министру полиціи отчеты о занятіяхъ и о составѣ ложъ. Причиной, почему правительство обратило тогда вниманіе на ложи, масоны полагали, какъ говорятъ, доносъ, будто бы сдѣланный на нихъ извѣстнымъ Фесслеромъ. Какъ въ точности происходило это дѣло, откуда дѣйствительно шла первая его инипіатива, въ чемъ заключалось разсмотрѣніе актовъ и сдѣланные изъ того выводы, пока еще не раскрыто; и былъ ли дѣйствительно „доносъ", сказать трудно. Въ настоящемъ случаѣ, мы укажемъ нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому разсмотрѣнію актовъ и разрѣшенію ложъ.

Эти документы находятся въ коллекціи московскаго Румянцевскаго Музея, въ сборникѣ различныхъ масонскихъ бумагъ стараго и новаго времени. Изъ нихъ еще не видно связи этого дѣла, но есть, однако, нѣкоторыя данныя для разъясненія тогдашнихъ масонскихъ отношеній.

Во-первыхъ, любопытенъ здѣсь одинъ документъ, писанный по-французски. Это — записка или докладъ имп. Александру (въ черновой или въ копіи), писанный неизвѣстно кѣмъ, но, очевидно, въ то самое время, когда поднятъ былъ вопросъ о масонствѣ. Докладъ или записка говоритъ о предметѣ, который уже имѣлся въ виду и подвергался обсужденію. Приводимъ этотъ документъ въ переводѣ:

Я счелъ долгомъ представить В. В-ву нѣкоторыя мысли относительно тѣхъ мудрыхъ мѣръ, которыя В. В-во предполагаете употребить для устройства масонства. Онѣ кажутся мнѣ способными обезпечить успѣхъ вашихъ намѣреній.

Хорошее устройство масонства въ имперіи должно принести двѣ существенныя выгоды:

---

[1]) Богдановичъ, Ист. VI, стр. 406.

1. Оно должно остановить увеличенiе испорченности нравовъ, установляя добрую нравственность, утвержденную на прочномъ основанiи религiи.

2. Оно должно воспрепятствовать введенiю всякаго другого общества, основаннаго на вредныхъ началахъ, и такимъ способомъ образовать родъ постояннаго, но незамѣтнаго надзора, который, по своимъ тайнымъ сношенiямъ съ министерствомъ полицiи, доставилъ бы ему, такъ сказать, залогъ противъ всякой попытки, противной предполагаемой цѣли.

Чтобы установить это устройство способомъ вѣрнымъ, необходимо слѣдовать двумъ началамъ, которыя неизбѣжно приведутъ къ желаемому результату:

1. Сколько возможно, скрывать дѣйствiе полицiи въ ея присмотрѣ, такъ, чтобы не только публика вообще, или тѣ, кто пытался бы вводить эти вредныя начала, не подозрѣвали этого надзора; но чтобы самые члены ложъ оставались въ невѣдѣнiи, что они находятся подъ присмотромъ или покровительствомъ правительства, и чтобы только начальники ордена участвовали въ этой тайнѣ.

2. Установить масонство во всей его первоначальной чистотѣ. Все то, что могли прибавить къ нему въ нѣкоторыхъ странахъ отдаленныя обстоятельства, чуждыя цѣли В. В-ва, должно быть разсматриваемо какъ подробности, чуждыя для насъ и которыя легко отдѣлить отъ существенной части.

Когда устройство этого ордена будетъ разъ очищено и утверждено такимъ образомъ, было бы необходимо образовать центръ соединенiя, къ которому примыкали и гдѣ сходились бы всѣ учрежденiя этого рода, какiя могли бы образоваться внутри имперiи, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ.

Эти учрежденiя сдѣлались бы и единственнымъ предохраненiемъ противъ зла, которое могло бы проникнуть въ страну путями, удаленными отъ присмотра, установленнаго въ столицѣ; и сдѣлались бы удобствомъ надзора для общей полицiи (la police générale des moeurs), которое трудно было бы замѣнить какимъ-нибудь другимъ средствомъ.

Этимъ центромъ соединенiя была бы ложа-мать, основанная въ столицѣ.

Всякая другая ложа въ имперіи, не учрежденная этою ложей-матерью, не должна бы быть терпима.

Эти мѣры, государь, проводимыя благоразумно и въ тайнѣ, обезпечили бы успѣхъ предположеннаго плана, такъ что намѣреніе В. В-ва было бы совершенно исполнено.

Трудно угадывать, кѣмъ могла быть представлена эта бумага, но въ концѣ концовъ дѣло было устроено именно такъ, какъ предлагалось въ этой запискѣ.

Въ томъ же сборникѣ мы имѣемъ другой документъ, относящійся къ этому дѣлу—самое объявленіе министра полиціи начальникамъ петербургскихъ ложъ. Читатель замѣтитъ, что въ этомъ объявленіи есть общія черты съ предыдущей запиской.

От министра полиціи начальникамъ масонскихъ обществъ, въ Спб. существующихъ.

Начальникамъ существующихъ здѣсь масонскихъ обществъ извѣстно, что правительство, зная ихъ существованіе, не полагало никакихъ препятствій ихъ собраніямъ. Съ своей стороны и общества сіи заслуживаютъ ту справедливость, что доселѣ не подавали они ни малѣйшаго повода къ какому-либо на нихъ притязанію.

Но неосторожностію нѣкоторыхъ членовъ, взаимными ложъ состязаніями и нѣкоторою поспѣшностію къ расширенію ихъ новыми и непрестанными принятіями, бытіе сихъ обществъ слишкомъ огласилось. Изъ тайныхъ они стали почти явными, и тѣмъ подали поводъ невѣжеству или злонамѣренности къ разнымъ на нихъ нареканіямъ.

Въ семъ положеніи вещей и дабы положить преграду симъ толкованіямъ, правительство признало нужнымъ войти подробнѣе въ правила сихъ обществъ и удостовѣриться въ тѣхъ основаніяхъ, на коихъ они могутъ быть терпимы или покровительствуемы.

Цѣль истиннаго масонства не можетъ быть никому предосудительна. Правительство надѣется, что начальники обществъ откровенностію своею докажутъ, что они знаютъ сію цѣль и искренно желаютъ ее достигнуть.

На сей конецъ съ начальниками сихъ обществъ учредятся довѣренныя и отъ обыкновенныхъ полицейскихъ мѣръ совершенно чуждыя сношенія. Правительство избе-

ретъ отъ себя двухъ особъ, знаніемъ и степенями своими въ масонскомъ дѣлѣ извѣстныхъ. Съ сими двумя лицами, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министра просвѣщенія, каждый начальникъ ложи войдетъ въ сношенія и изложитъ имъ въ духѣ довѣренности и братства правила, основанія и систему своей ложи.

Между тѣмъ имянемъ кореннаго закона, всѣмъ масонскимъ ложамъ общаго, назначается: 1) чтобъ съ сего времяни до послѣдняго окончанія всѣхъ выше означенныхъ сношеній пріостановлены были во всѣхъ ложахъ новыя членовъ принятія; 2) чтобъ сношенія съ начальниками ложъ, отъ правительства установляемыхъ, были сохраняемы каждымъ изъ нихъ лично въ совершенной тайнѣ не только для публики, но и для членовъ самыхъ ложъ. Всякое о семъ разглашеніе обратится въ сущій вредъ самимъ симъ обществамъ.

Въ С.-Петербургѣ,
августа „ „ дня,
1810.

Далѣе, мы находимъ въ сборникѣ свѣдѣнія о петербургскихъ ложахъ, собранныя вѣроятно министромъ полиціи, вслѣдствіе упомянутаго высочайшаго повелѣнія.

Собранныя свѣдѣнія отъ начальниковъ ложъ: Жеребцова, Вельгорскаго [1]) и Сергѣева.

Ложа Жеребцова, подъ названіемъ Loge des Amis Réunis, имѣетъ 50 членовъ дѣйствительныхъ и 29 почетныхъ, коимъ реестръ при семъ прилагается.

Жеребцовъ принятъ былъ въ Парижѣ, во время консульства, и получилъ тамъ патентъ и акты, по которымъ онъ управляетъ здѣсь сію ложу.

Сношеній однакожъ никакихъ, по увѣренію его, съ французскими ложами онъ не имѣетъ.

Въ ложѣ сей должны быть 5-ть родовъ собраній:

1) пріемныя;

2) фамильныя, или хозяйственныя для внутреннихъ распоряженій;

3) учебныя;

4) праздничныя;

5) печальныя.

---

[1]) Такъ и дальше, вм. Віельгорскаго.

Въ похвалу сихъ братствъ сказать должно, что они дѣлаютъ много благодѣяній, посѣщаютъ тюрьмы, помогаютъ бѣднымъ и проч.

Всѣ акты, протоколы собраній и проч. изъ сей ложи получены.

Ложа Вельгорскаго, подъ названіемъ Loge de la Palestine, не имѣетъ никакихъ особыхъ правилъ, а работаетъ по системѣ Жеребцова.

Весь ихъ архивъ, мнѣ доставленный, состоитъ въ нѣсколькихъ тетрадяхъ, выписанныхъ изъ актовъ вышепоказанной ложи.

Членовъ 75, коимъ списокъ при семъ прилагается.

Ложа Сергѣева учреждена была въ 1805-мъ году подъ названіемъ Пеликанъ, потомъ раздѣлилась на три ложи, кои, слѣдуя шведской системѣ, находятся подъ управленіемъ четвертой, директоріальной.

Сіи три соединенныя ложи, подъ названіями:

Елизавета, управляемая Сергѣевымъ;
Александръ, „ Розенштраухомъ;
Петръ, „ Еллизеномъ.

Директоріальная, Владиміръ, подъ управленіемъ дѣйств. ст. совѣтника Бёбера.

Членовъ въ 3-хъ соединенныхъ ложахъ, нынѣ здѣсь находящихся, 114, коимъ списокъ при семъ прилагается.

Всѣ акты и протоколы собраній получены.

Замѣчанія. О первыхъ двухъ ложахъ, Жеребцова и Вельгорскаго, замѣтить должно: что система ихъ ничего осудительнаго въ себѣ не заключаетъ, что бумаги ихъ состоятъ изъ однихъ обрядовъ и церемоніаловъ; что ученія въ нихъ мало, и предмету никакого, въ чемъ сами начальники согласуются. Оба признавались мнѣ, что они никакой точной цѣли не имѣютъ, и масонской тайны никакой не вѣдаютъ.

Въ такомъ положеніи никакая ложа существовать долго не можетъ. Занимаясь одними наружными обрядами, церемоніалами и пріемами, въ продолженіи времяни занятіе сіе членамъ, конечно, покажется скучнымъ; и тогда, или вовсе ложа должна рушиться, или превратиться въ общество шумное и непристойное, въ коемъ главной цѣлью собраній будетъ ложа столовая. Примѣры такого ходу бывали вездѣ,

гдѣ масонскія ложи учреждались не на истинномъ и твердомъ основаніи.

Но сверхъ того замѣтить слѣдуетъ, что система сія весьма удобна къ полученію всякаго направленія, какъ полезнаго, такъ и вреднаго. Въ добромъ намѣреніи она можетъ быть обращена къ полезной для нравственности цѣли. Въ противномъ она же можетъ сдѣлаться средствомъ къ распространенію вредныхъ и опасныхъ внушеній.

О системѣ трехъ соединенныхъ ложъ сказать должно, что она полнѣе французской и весьма близко подходитъ къ истинному масонству. Слѣдственно, съ нѣкоторымъ исправленіемъ и пополненіемъ, легко можетъ принять надлежащее и желаемое направленіе.

Документы, мнѣ доставленные отъ всѣхъ начальниковъ, вручены для подробнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія чиновникамъ, къ тому назначеннымъ.

Наконецъ, въ томъ же сборникѣ находятся и списки членовъ тѣхъ ложъ, о которыхъ упоминается въ предыдущихъ бумагахъ, т.-е. списки 1810-го года (актовъ и протоколовъ собраній здѣсь нѣтъ). Эти списки даютъ понятіе о составѣ тогдашнихъ ложъ.

Въ ложѣ Amis Réunis, работавшей по французской системѣ Жеребцова, съ высшими степенями, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующихъ лицъ.

Въ степени Rose-Croix (это—французская степень съ именемъ розенкрейцерства, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ нѣмецкимъ розенкрейцерствомъ) были: герцогъ Александръ Виртембергскій, Алекс. Жеребцовъ, гр. Станиславъ Потоцкій, гр. Александръ Остерманъ-Толстой, генералъ-маіоръ Ник. Бороздинъ, Оде-де-Сіонъ и проч. Въ степени „рыцарей Востока“, chevaliers d'Orient, упомянутъ самъ Балашовъ, министръ полиціи (!). Въ степени „великихъ шотландцевъ“, grands Ecossais, названъ въ числѣ другихъ Сергѣй Ланской. Въ степени „избранныхъ“, élus (эта степень называлась въ старину „элюсской“): графъ Иванъ Воронцовъ, гр. Дм. Зубовъ, церемоніймейстеръ двора Ив. Нарышкинъ, кн. Павелъ Лопухинъ, колл. асс. Василій Пушкинъ и проч. Въ степени мастера: гр. Ярославъ Потоцкій, гр. Геракліусъ и Луи Полиньяки и проч. Въ другомъ разрядѣ

мастеровъ (какихъ, неизвѣстно) названъ Алекс. Бенкендорфъ. Далѣе слѣдуютъ товарищи и ученики. Въ числѣ почетныхъ членовъ—Фесслеръ, отст. ген.-лейт. Кушелевъ, Боэльдье (композиторъ), Дальмасъ (франц. актеръ и отчасти литераторъ). Членами-основателями этой ложи названы: Жеребцовъ, Остерманъ-Толстой, Оде-де-Сіонъ, Карбоннье, Чаплицъ, Бернаръ, Чекалевскій.

Въ ложѣ Палестины, находившейся въ управленіи Віельгорскаго и которой списокъ помѣченъ сентябремъ 1810, мы находимъ, между прочимъ, и болѣе высокія французскія степени, чѣмъ въ предыдущей.

На первомъ планѣ—Шаррьеръ де-Монтеранъ, который по „гражданскому" своему положенію былъ не болѣе какъ гувернеръ у того же министра полиціи, а по масонскому достоинству былъ Grand Chevalier Elu Kadosch, prince de Liban et de Jerusalem, „великій избранный рыцарь Кадошъ, князь ливанскій и іерусалимскій". Докторъ Беньи былъ Grand Chevalier Ecossais, prince de Jerusalem. Потомъ Rose-croix Віельгорскій; далѣе chevaliers d'Orient, chevaliers écossais, въ числѣ которыхъ упомянутъ уроженецъ Меца, инженеръ Pierre Dominique Bazaine (отецъ маршала второй имперіи). Въ числѣ élus мы находимъ кн. Александра Ипсиланти. Между „учениками" забавно встрѣтить извѣстнаго тогда ресторатора—Тардифа. Въ низшихъ степеняхъ большею частію были французскіе и нѣмецкіе купцы, артисты и т. п.

Въ соединенныхъ ложахъ Елизаветы, Александра и Петра, подъ управленіемъ Великой Директоріальной Ложи Владиміра, названы слѣдующія лица: великимъ мастеромъ Директор. Ложи былъ Бёберъ;—великими и намѣстными мастерами въ ложѣ Елизаветы были дѣйств. ст. сов. Сергѣевъ и ген.-майоръ Синицынъ;—въ ложѣ Александра: Розенштраухъ и Риземанъ;—въ ложѣ Петра: Эллизенъ и Свенске. Въ числѣ другихъ членовъ названы ген.-лейт. Кушелевъ, профессоры Кайдановъ, Фесслеръ, Лоди, Гауэншильдъ, камергеръ Жеребцовъ, гр. Зубовъ, кавалеріи поручикъ кн. Лопухинъ, семеновскіе и преображенскіе офицеры, иностранные купцы, доктора и проч. Въ числѣ почетныхъ членовъ—сенаторъ Кутузовъ, Лабзинъ.

Какъ происходило разсмотрѣніе актовъ и къ чему именно оно привело, здѣсь нѣтъ о томъ достаточныхъ свѣдѣній. Выше мы упомянули извѣстіе, что акты ложъ были возвращены Бёберу, управляющему „соединенными ложами“. Что касается другихъ ложъ, то, напр., ложа Палестины не получала своихъ актовъ еще въ октябрѣ 1811-го года; намѣстный мастеръ этой ложи обращался (8 окт. 1811) къ гр. Разумовскому съ просьбой объ ихъ возвращеніи и съ вопросомъ, можетъ ли ложа, получивши документы, возобновить принятія членовъ, остановленныя больше года; Разумовскій рекомендовалъ ему обратиться съ этой просьбой къ министру полиціи [1]).

Въ біографіи Сперанскаго, бар. Корфа, есть свѣдѣнія, что около того самаго времени Сперанскій былъ назначенъ членомъ въ особо учрежденный отъ правительства комитетъ для разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ, и что вслѣдствіе того, онъ „съ вѣдома правительства“ принятъ былъ въ масонскіе обряды подъ предсѣдательствомъ доктора Фесслера. Едва ли сомнительно, что это было то самое разсмотрѣніе масонскихъ дѣлъ, въ которомъ мы видимъ участвующими министра полиціи Балашова и министра народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскаго. Послѣдніе были уже знакомы съ предметомъ, и Балашовъ былъ даже самъ „братомъ“ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей,—только Сперанскому надо было пріобрѣсти необходимыя масонскія познанія, чтобы участвовать въ разсмотрѣніи,—и для этого, вѣроятно, послужило посвященіе Фесслера [2]). Кто былъ еще въ комитетѣ, мы пока не знаемъ. Въ приведенной выше бумагѣ сказано, что для подробнѣйшаго разсмотрѣнія масонскіе документы были отданы (министромъ полиціи) назначеннымъ для того чиновникамъ. Вѣроятно, къ этому подробнѣйшему разсмотрѣнію относится одинъ документъ, находящійся въ томъ же сборникѣ Московскаго Музея.

---

[1]) Сборникъ масонской переписки 1811—1822 г. на французскомъ языкѣ. Письмо Разумовскаго отъ 11 октября 1811 года „...J'ai l'honneur de vous assurer qu'il n'y a qu'une seule loge à laquelle j'ai restitué des documens, par ordre suprême (это вѣроятно—ложа Бёбера). N'étant que le dépositaire de ces papiers, c'est au ministre de la police que vous voudrez bien vous adresser pour tout ce qui concerne cet objet“ и проч.

[2]) О посвященіи въ масонство Сперанскаго мы упоминали въ „Очерк. общ. движенія“, стр. 308 и слѣд.

Это—копія записки (написанной первоначально, очевидно, по-французски) о масонскихъ ложахъ въ Петербургѣ, составленной Розенкампфомъ и Фесслеромъ (на 44 стр. въ листъ). Не входя въ ея подробности, мы укажемъ только общее ея содержаніе. Авторы записки или донесенія дѣлятъ его на двѣ части: первая излагала тогдашнее состояніе ложъ; во второй они обѣщаютъ говорить объ истинномъ масонствѣ и о средствахъ уничтожить масонскія злоупотребленія. Указавъ въ началѣ, что петербургскія ложи основаны по двумъ системамъ: шведской и французской (какъ упомянуто выше), записка представляетъ нѣчто вродѣ исторіи масонства, довольно подробной, съ изложеніемъ разныхъ системъ, разныхъ обмановъ, происходившихъ въ орденѣ, какъ, напр., въ системѣ тампліерства. Въ заключеніи, собственная мысль авторовъ высказывается такимъ образомъ: „Истинное масонство соображается со всякимъ христіанскимъ ученіемъ и, какое бы масоны не исповѣдовали, оное стремится возбудить во всѣхъ человѣкахъ чувства прямо благочестивыя и христіанскія, и сберечь ихъ отъ фанатизма и лживой mysticité, не вводя въ иновѣріе...“. Упоминая о разнообразныхъ системахъ масонства, записка говоритъ: „.....Мы знаемъ обряды по крайней мѣрѣ 50 градусовъ различныхъ системъ (во Франціи), которыя всѣ не иное что, какъ выродки (modification) и перемѣны, больше или меньше глупыя, новаго англинскаго масонства или системы Клермонъ. Германія представляетъ по крайней мѣрѣ столько же примѣровъ, и потребны цѣлыя книги, дабы изобразить различности [1]) сей части гисторіи заблужденія ума человѣческаго. Оканчивая сіе донесеніе, мы надѣемся изложить въ другомъ представленіи истинную систему древняго масонства, и способы, какіе правительство можетъ употребить не только для избѣжанія злоупотребленій, въ которыя впали касательно сего предмета во всѣхъ земляхъ, но что можно воспользоваться масонствомъ и для просвѣщенія цѣлой націи“.

Мы не находимъ въ сборникѣ Московскаго Музея этого „другаго представленія“ объ истинной системѣ древняго масонства,—но встрѣчаемъ статью, которая могла имѣть

[1]) Т.-е. подробности.

сюда отношеніе. Это—статья, гдѣ излагается система берлинской ложи Ройяль-Іоркъ, введенная Фесслеромъ въ этой ложѣ еще въ первую пору его масонской дѣятельности въ Германіи, около 1798 года.

Представленіе объ истинной системѣ масонства, исходящее отъ Фесслера, могло естественно быть въ связи съ его собственной системой, съ которой онъ выступилъ въ нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ, и если статья о ложѣ Ройяль-Іоркъ не была его „представленіемъ", то появленіе ея въ ряду указанныхъ документовъ едва ли было случайно. Эту свою систему Фесслеръ, безъ сомнѣнія, сообщалъ и Сперанскому, при его посвященіи. Въ музейномъ сборникѣ статья помѣщена подъ заглавіемъ: „Каменьщическая система ложи [1]) Ройяль-Іоркъ, посвященная дружбѣ, и представленная въ томъ видѣ, въ какомъ составлена бр. Фесслеромъ" (46 стран.; сравн. Kloss. Bibliogr. № 1960).

Перечисленные документы не объясняютъ пока всей исторіи оффиціальнаго разсмотрѣнія актовъ и дѣйствій ложъ, существовавшихъ въ Петербургѣ въ 1810 году, и потомъ разрѣшенія ихъ на послѣдующее время; но очевидно, что Фесслеръ и Розенкампфъ играли довольно дѣятельную роль въ этой исторіи, и припомнивъ разсказы Штейна, занесенные въ его біографіи,—о томъ, какъ въ то время Сперанскій, наклонный къ мечтательному мистицизму и вѣрившій въ возрожденіе міра посредствомъ тайныхъ обществъ, вступилъ въ сношенія съ Фесслеромъ и Розенкампфомъ, домъ котораго сдѣлался центромъ масонскихъ ложъ, и о томъ, какъ Фесслеръ составлялъ для Сперанскаго проектъ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ тайныхъ обществъ, т.-е. всѣхъ масонскихъ ложъ,—припомнивъ эти разсказы, можно думать, что они должны относиться именно къ тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь въ указанныхъ документахъ: дѣло только преувеличено въ разсказахъ Штейна, и то, что онъ считалъ частнымъ дѣломъ Сперанскаго, Розенкампфа и Фесслера, имѣло оффиціальную подкладку [2]).

Сами масоны, надъ которыми Фесслеръ былъ здѣсь поставленъ какъ бы судьей, относились къ нему, кажется,

---

[1]) Вмѣсто этого слова обыкновенная фигура четвероугольника; дальше вм. „посвященная" должно быть: „посвященной", т.-е. ложи.

[2]) Pertz, т. III, стр. 57 и слѣд.

очень не дружелюбно. Они, конечно, опасались его нововведеній, грозившихъ ихъ преданіямъ и собственному ихъ значенію; какъ выше сказано, они приписывали самое начало этого дѣла его доносу и съ своей стороны принимали противъ него свои мѣры. Во всякомъ случаѣ, къ нему были враждебны тѣ масоны, которые принадлежали къ старой школѣ и придавали большое значеніе высшимъ степенямъ, потому что Фесслеръ не вѣрилъ въ высшія степени и старался устранить ихъ въ своей реформѣ масонства. Въ другомъ мѣстѣ мы упоминали, съ какою злостью говоритъ о Фесслерѣ одинъ изъ главныхъ представителей высшихъ степеней, Бёберъ. Въ сборникѣ Московскаго Музея есть два документа, въ которыхъ остались слѣды враждебныхъ отношеній, порожденныхъ вмѣшательствомъ Фесслера въ масонскія дѣла. Одинъ изъ этихъ документовъ есть короткая біографическая записка о Фесслерѣ, на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ, гдѣ изображается въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ его личный характеръ и его масонская дѣятельность. Другой документъ есть русскій переводъ письма, писаннаго къ Бёберу однимъ изъ значительнѣйшихъ берлинскихъ масоновъ, къ которому тотъ обращался за свѣдѣніями о Фесслерѣ. Отвѣтное берлинское письмо помѣчено ноябремъ 1810 года; письмо Бёбера писано было въ концѣ сентября, слѣдовательно, въ самомъ разгарѣ этой исторіи. Изъ двухъ этихъ документовъ мы вполнѣ приведемъ послѣдній, какъ болѣе любопытный:

Высокопочтенный и любезный братъ,

Почтенное письмо ваше, отъ 20-го сентября, получено мною 1-го сего мѣсяца. Къ сожалѣнію, я не былъ дома, когда г. совѣтникъ Мейеръ принесъ мнѣ оное. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что охотно берется доставить вамъ отвѣтъ мой, который я ему собственноручно и вручу. Извините, что я не прежде отвѣчалъ вамъ и что пишу къ вамъ съ братскою искренностію; первое потому не могъ прежде исполнить, что хотѣлъ сперва имѣть вѣрное свѣдѣніе о Фесслерѣ, а второе сдѣлалъ въ надеждѣ вступить съ вами въ тѣснѣйшую связь и сношеніе.

Я помню, любезный братъ, что назадъ тому 28 лѣтъ я имѣлъ честь познакомиться съ вами въ то время, когда вы

проѣзжали или возвращались изъ Вильгельмсбада; но я думаю, вы ошибаетесь въ годѣ, ибо мы встрѣтились у покойнаго брата Циннендорфа, который умеръ въ 1782-мъ году [1]). Впрочемъ, какъ бы то ни было, мнѣ все очень пріятно начать съ вами переписку. Съ большимъ участіемъ и съ искреннимъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ письма вашего и изъ приложеннаго приономъ, въ какомъ положеніи теперь въ Россіи древній и высокопочтенный нашъ орденъ. Желаю отъ всего сердца вамъ и почтенному братству успѣха въ начинающихъ работахъ вашихъ. Да не прервутся никогда оныя.

Наша матерь-ложа почтетъ себѣ за честь вступить въ сношеніе съ вашею Директоріальною Ложею Владиміромъ; для сего нужно лишь вашей Директоріальной Ложѣ изъявить нашей матери-ложѣ свое желаніе; письмо ваше адресуйте ко мнѣ и я берусь сіе исполнить. Пожелайте также вступить въ связь съ прочими двумя здѣшними матерями-ложами: я съ удовольствіемъ помогу вамъ въ томъ, ибо три берлинскія матери-ложи между собою соединены и находятся въ совершенномъ согласіи [2]).

Касательно желанія вашего, любезный братъ, знать о Фесслерѣ, отнесся я къ одному изъ братьевъ Королевско-Іоркской ложи, дабы увѣриться, что то, что я сказалъ вамъ, есть истина. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: по пріѣздѣ Фесслера въ Берлинъ, посѣтилъ онъ здѣшнія ложи и когда предложенія его Государственною ложею были отвергнуты, тогда обратился онъ къ Королевско-Іоркской ложѣ. Его представили братьямъ, какъ совершеннаго каменьщика. Едва побывалъ онъ въ ложѣ нѣсколько разъ, какъ объявилъ, что нужно исправить или преобразовать наружныя (formes) работы. Любя объясняться иносказательно, онъ при семъ случаѣ сказалъ: „Ложи сравнить можно съ садами: сады сіи я посѣщалъ только въ Берлинѣ, въ другихъ садахъ на-

[1]) Циннендорфъ былъ основателемъ особой масонской системы, носившей его имя.

[2]) Эти три ложи были: Grosse Nationalloge zu den drei Weltkugeln, Grosse Landesloge и Grossloge Royal York. Объ ихъ раздорахъ и потомъ соединеніи, см. Keller, Gesch. der Freim. in Deutschland, стр. 219, 234 и слѣд.; совершенное согласіе наступило между ними только съ 1810 года.

ходилъ однѣ дикія и ядовитыя растенія, такія, которыя требуютъ совершенной перемѣны. У васъ нашелъ я все въ лучшемъ порядкѣ,—ограда только не прочна; исправьте ее, дабы ничто нечистое не могло взойти, и тогда вашъ садъ будетъ прекраснѣйшій и едва ли гдѣ былъ лучше". Итакъ, Фесслеру поручено было исправить. Черезъ нѣсколько времени явился онъ съ новыми обрядами, которые всѣми были одобрены и приняты. Когда работы производились уже нѣкоторое время по сему ритуалу, одинъ изъ братьевъ, которому Фесслеръ давно казался подозрительнымъ, объявилъ, что обряды сіи напечатаны въ системѣ прагскихъ ложъ. Фесслеръ отвѣчалъ: „это справедливо; онъ сдѣлалъ сіе съ намѣреніемъ, дабы не могли его упрекнуть, что онъ издалъ для масонства собственное свое произведеніе". Онъ требовалъ потомъ отъ братьевъ принять древнюю аглинскую систему съ нѣкоторыми перемѣнами, введенную въ Гамбургѣ Шредеромъ, что и исполнилось: по сей системѣ и теперь работаетъ Королевско-Іоркская ложа. Изъ сего ясно видно, что ни первая, ни послѣдняя перемѣна не есть собственно Фесслерова, ибо онъ лишь предлагалъ оныя. Будучи обвиненъ во многомъ, его исключили изъ ложи. Напримѣръ: одинъ крещеный жидъ объявилъ желаніе быть приняту; при баллотированіи, большинствомъ голосовъ ему было въ томъ отказано. Фесслеръ далъ ему рекомендательное письмо въ Гамбургъ, въ которомъ пишетъ, что противная партія отвергнула сего человѣка, но онъ проситъ о его принятіи. Вслѣдствіе сей рекомендаціи, новокрещеный жидъ принятъ былъ въ каменьщики и возвратясь въ Берлинъ, тотчасъ явился въ Іоркскую ложу, дабы быть допущену къ работамъ. Ему въ семъ воспрепятствовали, за что жидъ жаловался своей ложѣ, и дѣло сіе объяснилось тѣмъ, что рекомендательное письмо Фесслера доставлено какъ актъ въ ложу.

Въ другой разъ передалъ онъ брату, имѣвшему только три іоанновскія степени, самые высшіе градусы; объявилъ о немъ братьямъ, что онъ, высокопочтенный братъ, испыталъ его въ ихъ присутствіи и братъ сей принятъ былъ въ члены самыхъ вышнихъ степеней. Когда узнали о семъ, то онъ оправдывалъ себя разными софизмами, между прочимъ сказалъ, что не онъ ложѣ, а ложа ему предписала

скромность, что онъ свободенъ употреблять по своему произволенію то, что есть собственность его духа. Бытность его въ ложѣ ознаменована спорами и гоненіями. Всѣ, знающіе Фесслера, единогласно жалѣютъ, что сердце его не соотвѣтствуетъ его разуму.

Намъ извѣстно теперь, что Фесслеръ хотѣлъ сначала присоединиться къ намъ [1]); но онъ не могъ бы въ томъ успѣть, потому что мы всегда догадывались, что онъ не былъ никогда истиннымъ образомъ принятъ. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что при первомъ своемъ посѣщеніи ложи въ Силезіи не могъ въ томъ представить законныя доказательства, и былъ допущенъ по поручительству одного изъ первыхъ братьевъ ложи той. Изъ сего видимъ, что выдаваемая имъ система за свою, не есть его, а мнимая древняя аглинская, введенная въ Германіи гамбургскимъ братомъ Шредеромъ. Я говорю мнимая, ибо ничѣмъ не доказано, чтобъ сія система была истинно древняя аглинская; слышанныя мною о томъ доказательства такъ слабы и даже, смѣю сказать, такъ смѣшны, что непонятно, какъ благоразумные люди могутъ на нихъ основываться. Положимъ, что шестьдесятъ ложъ въ Германіи приняли систему сію, но все же не Фесслерову, а древнюю аглинскую; едва ли половина сего числа ложъ работаютъ по сей системѣ, и то не въ одно время. Онъ старается подъ смиренною ложью пріобрѣсть себѣ послѣдователей въ Россіи, ежели это ему удастся. Вотъ что пишетъ онъ въ Германію: „Вся Россія приняла систему его. Симъ хочетъ онъ наиболѣе здѣсь выиграть и утвердиться".

Довольно, а можетъ быть и много разсуждали мы о семъ человѣкѣ; лучше поговоримъ о томъ предметѣ, который гораздо для меня занимательнѣе, а именно объ образованіи вашихъ ложъ. Вы пишете мнѣ, что три соединенныя ложи, работающія во всѣхъ сообщенныхъ вамъ градусахъ, по прежнимъ шведскимъ актамъ, состоятъ подъ управленіемъ матери-ложи, Владиміромъ названной. Но неизвѣстно мнѣ, о какихъ градусахъ вы говорите и сколько ихъ сообщено вамъ; хотя, по извѣстнымъ знакамъ и по нѣкоторымъ названіямъ, я догадываюсь. Ежели вы имѣете больше трехъ

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о берлинской Grosse Landesloge.

іоанновскихъ степеней, то я не понимаю, какъ могутъ всѣ три ложи работать въ высокихъ степеняхъ; сіе несогласно съ шведскими актами, а еще менѣе съ прежними, до ихъ преобразованія [1]). По симъ актамъ работы въ степеняхъ, превышающихъ іоанновскія степени, производятся въ особенной ложѣ.

Въ надеждѣ, что переписка наша не прекратится, я прошу васъ на сіе сообщить мнѣ объясненіе.

Въ ожиданіи пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею любовью, почтенный и любезный братъ,

вашъ покорнѣйшій слуга

Ф. Кастилло.

Берлинъ,
23 ноября 1810.

Я сообщаю при семъ описаніе нашей ложи.

Имя, которымъ подписано это письмо, вѣрнѣе есть Кастильонъ. Этотъ Кастильонъ (Фридрихъ, собственно Сальвемини), род. 1747 г. въ Лозаннѣ и умеръ 1814 г., былъ профессоромъ математики въ Ritteracademie и директоромъ философскаго класса берлинской академіи наукъ, а по масонской дѣятельности, онъ въ 1782 — 89-мъ и въ 1799 — 1814-мъ г. былъ гросмейстеромъ въ берлинской Gross-Landesloge [2]).

Исторія возобновленныхъ петербургскихъ ложъ за первую пору ихъ существованія до оффиціальнаго утвержденія въ 1810—1811-мъ году, до сихъ поръ темна. Въ матеріалахъ Московскаго Музея, какіе мы имѣли возможность пересмотрѣть, намъ встрѣтилось только небольшое число указаній на дѣятельность ложъ до и около этого времени.

О ложѣ Сергѣева упомянуто было въ „свѣдѣніяхъ" 1810-го г., что она была основана въ 1805-мъ году, подъ названіемъ „Пеликана". Эта самая ложа носила и другое названіе — „Александра", и отъ нея получили свое начало двѣ другія ложи: „Елизаветы", которою Сергѣевъ и упра-

---

[1]) Шведская система проникла къ намъ впервые въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка. Преобразованіе шведскихъ ложъ, о которомъ здѣсь упоминается, произведено было въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія.

[2]) Handb. I, 168. II, 618.

влялъ въ 1810-мъ году и „Петра“, которая находилась подъ управленіемъ Эллизена. Въ матеріалахъ Московскаго Музея сохранились протоколы этихъ трехъ ложъ, писанные понѣмецки и по-русски, съ 12 сентября 1810-го до 19 апрѣля 1811-го года [№ 1884]. Между прочимъ, 11 октября 1810 года, Сергѣевъ открылъ, по-русски, праздничную ложу для празднованія основанія ложи Александра (слѣдовательно, 11-го октября 1805), и въ это торжество включено было празднованіе основанія двухъ другихъ ложъ — „такъ какъ ложа Пеликана дала имъ начало и поводъ“ [1]). Изъ другого указанія видно, что ложа Елизаветы основана была 1-го іюня 1809-го года [2]).

Въ спискахъ членовъ этихъ ложъ упоминаются члены, принятые въ ложѣ Александра въ 1807-мъ г. Великій мастеръ ложи Елизаветы, Александръ Серг. Сергѣевъ (дѣйств. ст. сов.), принятъ былъ въ Москвѣ, въ 1780-хъ годахъ, и управлялъ ложей Елизаветы съ 1809-го до 14 іюня 1811-го года. Намѣстный мастеръ той же ложи, генералъ-майоръ Ѳедотъ Дан. Синицынъ, принятъ былъ въ 1783-мъ году и былъ намѣстнымъ мастеромъ Елизаветы съ 1809 года.

Эллизенъ принятъ былъ въ ложѣ Александра въ 1809-мъ году. Въ то же время былъ принятъ тамъ Ив. Сем. Орлай.

Въ перепискѣ Карамзина съ Дмитріевымъ упоминается какой-то шевалье де-Месансъ, который вербовалъ въ Москвѣ масоновъ, „ссылаясь на петербургскую моду“ (письмо Карамзина отъ 19 февраля 1811 г.). Это имя встрѣтилось намъ на одномъ изданіи масонской пѣсни ложи Палестины, слова которой были написаны Месансомъ, а музыка—Боэльдьё [3]).

О Жеребцовѣ упомянуто было выше, что онъ принятъ

---

[1]) „Indem die Loge zum Pelikan ihnen Ursprung und Veranlassung gegeben hatte“.

[2]) Французскій циркуляръ ложи Елизаветы 1818-го года, гдѣ говорится между прочимъ: „La loge d'Elizabeth à la vertu, ayant atteint ainsi la 10-me année de son existence, a célébré pour la 9-e fois le 1-r jour du IV-e mois, l'anniversaire de son établissement“, etc. (Связка печатныхъ масонскихъ листковъ, въ Моск. Музеѣ).

[3]) Cantique de la loge St. Jean de la Palestine, O. de St.-Pétersbourg, dedié au T. R. et T. J. G. M. F. Duc de Wurtemberg par Les FF. de Messence, auteur des paroles, et A. Boieldieu, auteur de la musique. A Jerusalem. 12 стран. нотъ. (Въ связкѣ масонскихъ печатн. листковъ, Моск. Музея).

былъ въ Парижѣ во время консульства и управлялъ ложей „Соединенныхъ Друзей“ по полученному тамъ патенту и актамъ. Въ дѣлахъ Великой Провинціальной Ложи находится одна бумага, писанная Жеребцовымъ въ мартѣ 1817, гдѣ онъ упоминаетъ, что уже 14 лѣтъ управляетъ молоткомъ — принадлежностью мастера. По другимъ указаніямъ, ложа Соединенныхъ Друзей была основана 10 іюня 1802 г.

Мы увидимъ далѣе, что уже съ первыхъ годовъ возобновленія ложъ были въ Петербургѣ разныя высшія масонскія учрежденія, составляющія принадлежность французской и шведской системъ, которыя у насъ были приняты и обѣ были богаты высшими степенями. Въ собраніи масонскихъ дипломовъ, Московскаго Музея, есть слѣды этихъ высшихъ учрежденій, хотя не раньше 1811 года. Такъ, былъ въ Петербургѣ „верховный капитулъ Горы Ѳавора“, le souverain chapitre du Mont Thabor, établi en la vallée de St.-Pétersbourg, и составленный изъ chevaliers et souverains princes Rose-Croix, — отъ имени котораго выданъ былъ одному масону дипломъ на степень chevalier d'Orient (въ началѣ 1812-го г.): этотъ дипломъ подписали упомянутый прежде Шаррьеръ де-Монтеранъ, Віельгорскій, С. Ланской, Ржевскій и другіе. Далѣе, существовалъ „верховный капитулъ Іерусалима“, le souverain chapitre de Jerusalem à l'or. de St.-Pétersbourg, отъ имени котораго выданъ былъ дипломъ С. Ланскому, въ январѣ 1811 года: Ланской (въ то время 34-хъ лѣтъ), членъ ложи Соединенныхъ Друзей, прошедшій уже степени frère élu, ècossais и chevalier d'Orient, получалъ этотъ дипломъ на степень chevalier prince de l'Aigle et du Pélican, parfait Maçon libre d'Hérédon, sous le titre de souverain Prince Rose-Croix. Этотъ дипломъ подписанъ Жеребцовымъ, однимъ „prince de Jerusalem“, однимъ „prince du Royal secret 32“ и проч. [1]). Громкіе титулы, которые мы здѣсь видимъ, унаслѣдованы были большей частью отъ тѣхъ старинныхъ системъ, которыя распространялись съ половины прошлаго столѣтія, особенно во Франціи, и вводили множество новыхъ степеней, съ таинственными легендами и напыщенными названіями. Эти „избранные братья“, „ры-

---

[1]) Тамъ же дипломъ, выданный Ланскому отъ ложи Amis Reunis на три символическія степени, отъ 30-го іюня 1810.

цари Востока", „князья Розоваго Креста", „князья Іерусалима" и проч. повторяются въ многоразличныхъ системахъ высшихъ степеней, но здѣсь принадлежатъ, кажется, къ двумъ французскимъ системамъ болѣе поздняго образованія, такъ называемымъ rite français или moderne, и rite écossais ancien et accepté. Степень „prince du Royal secret 32", была именно 32-я степень въ системѣ rite ancien et accepté, состоявшей изъ 33 степеней [1]).

Другія высшія степени, существовавшія въ нашихъ ложахъ, принадлежали шведской системѣ. Въ московскомъ собраніи находится подобный документъ нѣсколько болѣе поздняго времени: это—латинскій дипломъ (1815 г.), выданный отъ „викарія Саломона" и членовъ „верховнаго совѣта" на основаніе шотландской директоріи. Викаріемъ Саломона былъ Бёберъ.

IV. Директоріальная Ложа Владиміра и Великая Провинціальная Ложа.

Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ ложи, образовавшіяся въ первые годы царствованія Александра, соединились въ одинъ союзъ подъ управленіемъ „Великой Директоріальной Ложи Владиміра къ Порядку" [2]). Первый союзъ составился изъ трехъ „соединенныхъ ложъ",— Александра, Елизаветы и Петра, основанныхъ по шведской системѣ, и открытіе Директоріальной Ложи, подъ управленіемъ стараго масона Бёбера (нѣкогда секретаря старой Провинціальной или Національной Ложи шведской системы, 1779-го года), произошло „на основаніи конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи для Великой Національной Ложи".

Въ 1810-мъ году, какъ мы видѣли, рядомъ съ этими „соединенными ложами" шведской системы, существовали двѣ ложи французской системы — Соединенныхъ Друзей и Палестины. Эти послѣднія въ 1811—12-мъ году также присоединились къ Директоріальной Ложѣ, которая такимъ образомъ имѣла въ своемъ управленіи всѣ существовавшія тогда ложи, кромѣ „работавшихъ въ тиши мартинистовъ". Въ

---

[1]) См. Handb., статьи: Französisches System, Schottisches syst., Ritter vom Rosenkreuz и проч.; также Ragon, Orthodoxie Maçonnique etc. Paris 1853, стр. 130, 135, 322—325.

[2]) См. „Очерки общ. движенія", стр. 298 сл.

1813-мъ году къ Директоріальной Ложѣ приступили и возобновленныя въ это время старыя ложи—Изиды въ Ревелѣ и Нептуна въ Кронштадтѣ (послѣдняя возобновлена 21-го октября 1813-го года).

Это согласіе и единство продолжались до 1814-го года, но въ этомъ году они были нарушены; въ масонскомъ кругу начался расколъ, который кончился тѣмъ, что Директоріальная Ложа потеряла свое исключительное господство, и вмѣсто одной образовались двѣ Великія Ложи, между которыми и раздѣлилось управленіе масонскими „мастерскими“: это были прежняя Директоріальная Ложа Владиміра, вскорѣ преобразовавшаяся въ Великую Провинціальную Ложу, и Великая Ложа Астрея, которая уже скоро получила явный перевѣсъ надъ Провинціальной.

Причиной раздѣленія было то, что въ наши ложи проникло новое представленіе о масонствѣ, которое развилось тогда особенно въ Германіи, и имѣло главными своими представителями Шрёдера и Фесслера. Эта школа хотѣла оживить масонскій союзъ новыми, болѣе опредѣленными идеями объ его достоинствѣ и назначеніи, и потому, между прочимъ, отвергла масонскую іерархію высшихъ степеней, которыя справедливо казались ей пустымъ и даже вреднымъ извращеніемъ первоначальнаго простого масонства. Къ этому послѣднему школа и хотѣла возвратиться, дополнивъ его основныя ученія по требованіямъ новаго времени. Директоріальная Ложа, какъ мы видѣли, была преисполнена высшими степенями, французскими и шведскими: здѣсь были рыцари Розоваго креста, рыцари Востока, іерусалимскіе принцы, былъ викарій Саломона и т. д. Противъ этого стараго хлама и возстали въ нашихъ ложахъ люди, которые успѣли познакомиться съ движеніемъ, происходившимъ въ ложахъ нѣмецкихъ. Владѣльцы высшихъ степеней, конечно, не желали отказаться отъ высокихъ титуловъ, которыхъ добивались нѣкогда съ великими усиліями и которымъ, безъ сомнѣнія, привыкли придавать большое значеніе. Уступки и соглашенія ожидать было трудно, и раздѣленіе должно было совершиться. Дѣло началось въ 1814-мъ году, а въ половинѣ 1815-года основана была, на особыхъ началахъ, Великая Ложа Астрея.

Самымъ дѣятельнымъ представителемъ новаго взгляда

и, кажется, первымъ начинателемъ дѣла былъ докторъ Е. Е. Эллизенъ, въ качествѣ мастера стула управлявшій ложей „Петра къ истинѣ“. Въ матеріалахъ Московскаго Музея находится документъ, который заключаетъ въ себѣ изложеніе основаній, послужившихъ причиной раздѣленія. Это—письмо Эллизена къ Бёберу, великому мастеру Директоріальной Ложи, въ іюлѣ 1814, гдѣ Эллизенъ высказываетъ весьма рѣшительно свои взгляды и новыя требованія. Приводимъ вполнѣ это письмо, представляющее довольно любопытныя разъясненія для исторіи тогдашнихъ ложъ [1]):

Высокопочтенный братъ Бёберъ! Высокопросвѣщенный префектъ капитула Феникса!

и

Оберъ-мейстеръ шотландскія св. Андрея ложи подъ названіемъ св. Георгія!

Долголѣтнее ученіе и чрезвычайныя отношенія удостовѣрили меня, что такъ-называемыя высшія степени ни мало не состоятъ въ связи съ первоначальнымъ чистымъ свободнымъ каменьщичествомъ; что онѣ не только что въ высочайшей степени излишни суть, но даже и вредны; что онѣ, вмѣсто облагороживанія человѣческаго сердца, имѣютъ послѣдствіемъ явное развращеніе нравовъ и легко могутъ сдѣлаться вредными для государства.

Болѣе и болѣе возникающее просвѣщеніе имѣло также послѣдствіемъ, особливо въ послѣдніе годы, отмѣненіе оныхъ во всѣхъ прочихъ земляхъ европейскихъ, и съ постыженнымъ удивленіемъ взираютъ нынѣ на мелочный торгъ церемоніями и на разнообразное сплетеніе сумасбродства, которые чрезъ долгое время столько могли имѣть приверженцевъ.

Сіи приключенія подтвердили мое давнее о семъ мнѣніе, а единообразіе въ мысляхъ со мною всѣхъ почти свѣдущихъ иноземныхъ каменьщиковъ превратило оное въ твердую увѣрительность; также сильныя и основательныя выраженія противъ всѣхъ высшихъ степеней одной свѣтлѣйшей

[1]) Письмо писано собственно по-нѣмецки, и находится въ Музеѣ въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Мы приводимъ современный переводъ, помѣщенный въ другомъ сборникѣ. Переводъ, какъ увидимъ, довольно тяжелый.

особы, къ нашему союзу принадлежащей, съ которою я имѣлъ недавно разговоръ, побудили меня къ рѣшительному намѣренію явно слѣдовать собственному моему убѣжденію, а вѣроятно и желанію нашего, не менѣе иноземныхъ, просвѣщеннаго и благодѣтельнаго правительства, и потому отойти отъ всего того, что за третью степень распространяется, и такъ отказаться формально, совершенно и навсегда отъ должности моей яко командора, отъ сочленства въ Капитулѣ и въ Шотландской ложѣ. Притомъ поставляю себѣ долгомъ изъяснить пространнѣе въ нижеслѣдующемъ побудительныя причины мои и объявить мое желаніе, чтобы онѣ отъ всѣхъ Командоровъ и Капитуляровъ приняты были въ благосклонное, серіозное и общее разсужденіе. Я никакъ не хочу кому-либо навязывать моихъ видовъ и убѣжденій, но съ другой стороны ожидаю, что для всякаго истиннаго и проницательнаго Каменьщика точною признанная истина будетъ драгоцѣннѣе всего.

Убѣдительнѣйшія возраженія, кои противъ высшихъ степеней сдѣланы быть могутъ, проистекаютъ изъ исторіи ихъ происхожденія. Когда въ началѣ прошедшаго столѣтія Свободное Каменьщичество во второй разъ привезено было изъ Англіи, то извѣстны были только три символическія степени. Вскорѣ потомъ услышали объ одной шотландской рыцарской степени, которая (какъ то неоспоримо доказывается въ одной, мною нынѣ читаемой книгѣ) учреждена была, іезуитами совершенно руководствуемымъ, Іаковомъ II, когда онъ былъ еще герцогъ Іоркскій, для достиженія цѣли своея. Появились многіе отрывки сея шотландскія рыцарскія степени, изъ коихъ составили степень и, за дорогія деньги, продавали ее. Сія новая рыцарская степень возбудила любопытство, которымъ обманщики весьма хорошо умѣли воспользоваться для частныхъ намѣреній своихъ. Прежде сего еще, въ Англіи, а особливо въ Шотландіи, было Свободное Каменьщичество злоупотребляемо іезуитами для составленія себѣ партіи. Но они скрывали намѣренія свои подъ разными формами, распускали въ Англіи и во Франціи, что Свободное Каменьщичество есть продолженіе Тампліерскаго Ордена, коего начальники изъ духовенства имѣли великія таинства и сокровища. Сіе дѣлалъ Рамзей,

который учинился католикомъ; но когда и сія уловка не возъимѣла желаемаго послѣдствія, то, въ продолженіи нѣкотораго времени, должно было Розенкрейцерству играть главную роль; тогда возстали глупцы и обманщики въ великомъ числѣ и соорудили на сказкахъ нѣсколько степеней высшихъ. Въ Семилѣтнюю войну продавалось уже оныхъ 47, въ коихъ началъ творить свои дѣйствія Клермонтскій высокій капитулъ въ іезуитской коллегіи, въ Страсбургѣ находившейся, учрежденный. Сіе заблужденіе увеличено было фальшивымъ монетчикомъ, предшественникомъ г-на Гунда, основателя Строгаго Наблюденія (Stricte Observantz), коея чадо есть Шведская Система. Циннендорфъ, признанный обманщикъ, составилъ систему сію изъ Клермонтскаго высокаго капитула, изъ Строгаго Наблюденія и изъ собственныхъ своихъ выдумокъ, чрезъ кои однако-же оба тѣ сплетенія обмана и нелѣпости инаго ничего не пріобрѣли, какъ токмо болѣе систематическій видъ. Король Густавъ шведскій хотѣлъ публично возстановить Тампліерскій орденъ, хвасталъ великими магическими познаніями и искалъ заманить нѣмецкихъ тампліеровъ и получить отъ нихъ важныя денежныя суммы. Но необыкновенное приключеніе открыло обманъ и Chapitre Illuminé короля шведскаго потерялъ свою славу премудрости и истины, а можетъ быть и нѣчто болѣе. Тутъ стали искать помощи и совѣта въ Италіи, и при дворѣ претендента узнали, что вся исторія тампліеровъ подложна. На всеобщемъ конвентѣ въ Вильгельмсбадѣ 1783 года [1]), когда просвѣщеннѣйшіе Каменьщики изо всѣхъ европейскихъ земель собраны были подъ предсѣдательствомъ герцога Брауншвейгскаго, были объявлены за обманъ по сіе время продолжающіяся рыцарскія игрушки и высокія степени, и начертана новая къ обстоятельствамъ времени приличнѣйшая система единаго истиннымъ признаннаго Символическаго Масонства. (Читай переписку, въ манускриптѣ, короля шведскаго съ герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ; шведскихъ ложъ съ Великою ложею въ Берлинѣ; акты Вильгельмсбадскаго Конвента и проч.). Хотя на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Тампліерство именно объявлено и признано ложнымъ и подкинутымъ, но и по сей день

---

[1]) Должно быть: 1782.

продолжается въ Швеціи (тамъ, можетъ быть, по причинамъ, коихъ основанія искать надобно въ политикѣ государей ея, чему нѣкоторыя происшествія придаютъ вѣроятіе) и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оное введено было, какъ то, напримѣръ, и здѣсь въ Петербургѣ. Въ Швеціи даютъ кровь изъ раны Христовой въ маленькой скляночкѣ; далѣе показываютъ мощи, состоящія изъ перста св. Іоанна, въ вознагражденіе много истраченныхъ денегъ и времени. Истинно странное воздаяніе за тѣ многія іезуитскія присяги и католическія церемоніи, которыя чрезъ столько лѣтъ дѣлались. Довольно и даже до самой скуки доказано Каменьщикамъ и міру, что чрезъ высшія степени ни въ какое время ни малѣйшаго не произведено добра; что нелѣпыя церемоніи давно уже содѣлались презрительными въ понятіяхъ всякаго мыслящаго Каменьщика и большей части публики, а нерѣдко бывали поприщемъ злобныхъ, праздныхъ и лживыхъ людей и что все цѣлое съ начала до конца есть іезуитизмъ. Тотъ, кто имѣетъ іезуитскій ключъ, видитъ сіе изъ обрядовъ при пріемахъ, изъ каждаго слова и изъ каждой морали. Кто захочетъ убѣдиться въ этомъ, пускай прочтетъ:—Bode's Gutachten, 2 Theile, in f., Manuscript; Levesque, des Rapports de l'homme, Liv. III, chap. II; Knigge's Glaubens-Bekenntniss eines Mannes, der 25 Jahre im Orden gegängelt wurde; Knigge's Glaubens-Bekenntniss nach neun Jahren bestätigt; Signatstern, 5-er Theil; Fessler's Kritische Geschichte der Freimaurerey; Die Akten des grossen Hamburger Logenvereins; Wurmb's (Ministers in Sachsen), Testament an seine Söhne, in Manuscript; Beleüchtung der Truggestalten in freimaurerischer Hülle; Krause's Drei ältesten Kunsturkunden, 2 Theil, и проч.

Кому недостаетъ времени самому основательно изучаться масонской исторіи, тотъ да повѣритъ по крайней мѣрѣ примѣру двухъ просвѣщеннѣйшихъ націй, англичанъ и нѣмцевъ, кои отмѣнили высшія степени, яко совершенно вредныя человѣчеству и государству. Не должны ли непремѣнно убивать нравственность, заглушать уваженіе къ присягѣ, ко св. писанію и къ религіи, тѣ четыре присяги, кои берутся съ кандидата при пріемѣ его въ каждую высшую степень самымъ торжественнымъ образомъ; говорю, четыре

присяги о ничего не значущихъ церемоніяхъ и басняхъ, кои притомъ даже не тайны, но всѣмъ школьникамъ извѣстны и смѣшны стали. Если кто хочетъ видѣть опасность, коею угрожается государство высшими степенями, то да вспомнитъ о произведенной 1772 года въ Швеціи перемѣнѣ въ государственномъ правленіи королемъ Густавомъ съ помощію высокопросвѣщенныхъ Каменьщиковъ, умалчивая о другихъ происшествіяхъ, въ сей землѣ событіе имѣвшихъ; да вспомнитъ о циркулярѣ, коего герцогъ Орлеанскій при началѣ французской революціи старался разослать по орденскимъ начальникамъ и т. д.

Если вліяніе нѣкоторыхъ немногихъ орденскихъ начальниковъ можетъ употреблено быть къ добру, то и противное сему не подлежитъ сомнѣнію. Всякое тайное вліяніе и, изъ темноты происхожденіе свое имѣющее уваженіе исчезнутъ, когда подымется завѣса, которая чрезъ высшія степени скрываетъ истину отъ большаго числа братьевъ и ихъ дѣлаетъ если не слѣпыми, то терпѣливыми орудіями тѣхъ, кои на крайнѣйшемъ концѣ за оною завѣсою сидятъ. Да и всегда можно узнать птицу по перьямъ. Учредители высшихъ степеней суть іезуиты: Роза, отрѣшенный священникъ; сумасбродный, католикомъ сдѣлавшійся баронъ Гундъ; Шрепферъ, Гугомосъ, Іонсонъ, Штаркъ, Плуменекъ, Циннендорфъ, Вельнеръ, и проч., коихъ нравственную или интеллектуальную цѣну каждаго однимъ словомъ разрушить можно. Всѣ были апостолы іезуитовъ; всѣ были злые, утонченные обманщики или жалостно обманутые; однако ими одними высшія степени выраждены и распространены. Время положило уже страшный приговоръ на людей сихъ; составъ ихъ по большей части погруженъ въ презрѣніе и ежедневно болѣе и болѣе разрушается. Выдавать себя за послѣдователя ихъ, послѣ признанной и испытанной правды, совсѣмъ противно увѣренію и совѣсти нижеподписавшагося, который обо всемъ вышесказанномъ можетъ представить убѣдительнѣйшія доказательства и который, какъ то само по себѣ разумѣется, въ вышесказанномъ не цѣлитъ частно на здѣсь въ Петербургѣ производимое Каменьщичество, а говоритъ о высшихъ степеняхъ вообще.

Въ нашемъ первоначальномъ договорѣ, правда, сказано: „мы сохраняемъ орденъ Тампліеровъ только какъ одежду“.

но это пустыя токмо слова, когда мы сохранили по прежнему и церемоніи, и акты.

Къ тому же, акты высшихъ степеней не были предъявлены правительству, слѣдственно отъ онаго не одобрены и не приняты, а посему здѣшняя шотландская ложа и капитулъ не имѣютъ даже исключительнаго права раздавать высшія степени.

По вышеозначеннымъ причинамъ, почитаю я моимъ долгомъ какъ христіанинъ, гражданинъ и каменьщикъ, слѣдуя моему образу мыслей, отказаться отъ всякаго сношенія съ капитуломъ и шотландскою ложею, прошу васъ, высокопочтенный братъ, сіе мое рѣшительное намѣреніе, яко префектъ и шотландскій оберъ-мейстеръ, объявить почтеннымъ сочленамъ обоихъ отдѣленій; мнѣ же какъ можно скорѣе доставить реверсъ въ томъ, что я просилъ выйти изъ оныхъ. Впрочемъ, я оставляю сей союзъ съ любовью ко всякому члену въ особенности, прося, чтобъ и меня изъ онаго отпустили въ покоѣ и не приписывали бы словамъ моимъ и намѣреніямъ дурнаго толкованія.

Для избѣжанія же всякихъ, произойти могущихъ недоразумѣній, объявляю я, какъ Мастеръ Стула Іоанновской ложи Петра къ Правдѣ, подчиненной здѣшней Директоріальной Ложѣ, что я и ложа [1]), коею я правлю, нимало не намѣрены разрывать сношеній обыкновенной Іоанновской ложи, подъ конституціею рѣченной высокопочтенной Директоріальной Ложи работающей; но что мы, напротивъ того, вѣрно будемъ держаться актовъ 3-хъ степеней и книги законовъ, вами, высокопочтенный и высокопросвѣщенный братъ Бёберъ, подписанныхъ, запечатанныхъ и печатью Директоріальной Ложи скрѣпленныхъ, поколику законы сіи не будутъ касаться до локальныхъ отношеній, которыя всегда всякою Іоанновскою ложею по особеннымъ ея обстоятельствамъ учреждаемы быть могутъ и поколику высокопочт. Дир. Ложа будетъ оказывать уваженія и справедливости ложѣ Петра къ Правдѣ. Что же принадлежитъ до предметовъ увѣренія и ученаго изслѣдованія, то повторяю еще разъ, что я никому не хочу навязывать своихъ

[1]) Вмѣсто этого слова извѣстный четвероугольникъ.

убѣжденій и удостовѣреній ложи, къ коей я принадлежу, но требую равномѣрно, какъ старый св. Каменьщикъ 3-й степени и какъ Мастеръ Стула, для себя и для членовъ ложи моей, чтобъ и всякій другой человѣкъ и каменьщикъ съ толикою же терпимостію и со мною обходился. Въ слѣдствіе же разговора, который я недавно съ вами, высокопочтенный братъ, имѣлъ, объявляю я откровенно какъ св. каменьщикъ, что я никакому члену ложи моей не воспрещу говорить истинъ въ рѣчахъ, съ должною благопристойностію излагаемыхъ, хотя бы онѣ касались до масонскихъ событій и мнѣній.

Если же покажется предразсудительно дать право сіе мнѣ и членамъ ложи Петра къ Правдѣ, если вышесказанное принято будетъ противно намѣренію моему, или же если вздумали бы забыть должную терпимость къ чужимъ мыслямъ и увѣреніямъ, то я нисколько не остановлюсь сіе настоящее объявленіе столь же неукоснительно предъявить правительству, какъ вамъ и всѣмъ высокопросвѣщеннымъ членамъ Капитула, даже оное напечатавъ и болѣе распространивъ со всѣми нужными ссылками и доказательствами, сообщать почастно каждому брату мастеру, мнѣ знакомому или пожелающему оное читать.

Егоръ Эллизенъ.

16-го іюля 1814 года.

Этотъ документъ представляетъ исходную точку того раздѣленія, которое привело къ учрежденію двухъ Великихъ Ложъ. Вслѣдствіе несогласій, возникшихъ по поводу новаго взгляда, Бёберъ сложилъ съ себя званіе гросмейстера Директоріальной Ложи; новый выбранный гросмейстеръ, графъ Шуваловъ, не принялъ на себя этой должности, и наконецъ выбранъ былъ новый великій мастеръ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ. При немъ вопросъ разрѣшился.

Мы не имѣемъ пока подробностей этого дѣла, и не встрѣтили ихъ въ оффиціальныхъ масонскихъ матеріалахъ Московскаго Музея,—но, вѣроятно, нѣкоторыя разъясненія найдутся въ обширной, еще не разобранной перепискѣ. Общій ходъ дѣла состоялъ въ томъ, что при новомъ гросмейстерѣ въ Директоріальной Ложѣ постановлена была полная тер-

пимость къ существующимъ и принятымъ масонскимъ системамъ. На этомъ основанiи Эллизенъ открыто ввелъ въ своей ложѣ защищаемую имъ систему трехъ степеней, и за нимъ послѣдовали ложи Изиды, въ Ревелѣ, и Нептуна, въ Кронштадтѣ. Этотъ успѣхъ новой системы долженъ былъ еще увеличить столкновенiя между нею и владѣльцами высшихъ степеней, такъ что, когда въ Iоанновъ день (24-го iюня) 1815 года приступлено было къ учрежденiю для Директорiальной Ложи новаго устава (въ замѣну прежняго, неполнаго и утвержденнаго только на годъ), оказалось совершенно невозможнымъ примирить притязанiя двухъ партiй. Кончилось тѣмъ, что Директорiальная Ложа была закрыта и ея мѣсто заняли, съ согласiя правительства, двѣ равныя по правамъ и независимыя Великiя Ложи: предложенiе объ основанiи двухъ ложъ сдѣлано было Бёберомъ.

Въ рукописяхъ Московскаго Музея [№ 1885], находятся, между прочимъ, писанные по-французски, протоколы Великой Директорiальной Ложи за послѣднее время ея существованiя, и здѣсь мы встрѣчаемъ слѣды неустройства, происходившаго тогда въ ложахъ. На первое время подвергалось опасности самое существованiе Директорiальной Ложи. Изъ протоколовъ видно, что когда вслѣдствiе упомянутыхъ несогласiй возникла мысль объ основанiи Астреи [1]), гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ объявилъ, 11 августа 1815 года, что Директорiальная Ложа должна считаться закрытой. „Братья“ высшихъ степеней, принадлежавшiе къ этой ложѣ, не хотѣли признать власти Мусина-Пушкина: „принимая во вниманiе, что закрытiе этой великой мастерской (atelier) можетъ быть постановлено только нашимъ августѣйшимъ государемъ, который ее уполномочилъ (a autorisée), и что ложи, оставшiяся вѣрными обряду, который извѣстенъ этому великодушному императору, не могутъ выбрать болѣе совершеннаго устроителя (régulateur) ихъ трудовъ, чѣмъ эта масонская власть“,—братья рѣшили возобновить дѣятельность великой мастерской и выбрать должностныхъ лицъ. На это далъ согласiе и высшiй орденскiй совѣтъ. На такомъ основанiи, старая Директорiальная Ложа была преобразована, и въ засѣданiи 10-го ноября 1815 года опредѣленъ новый составъ властей Великой Директорiальной Ложи.

---

[1]) Она окончательно была основана 30-го августа 1815 г.

Бёберъ далъ полномочіе управлять работами собранія гр. М. Ю. Віельгорскому, и въ составъ управленія были выбраны слѣдующія лица: великій мастеръ новой Директоріальной Ложи—А. Жеребцовъ (не разъ упомянутый выше); 1-й и 2-й великіе намѣстные мастеры—Віельгорскій и Павелъ Шуваловъ; 1-й и 2-й великіе надзиратели—Корфъ и Сергѣй Ланской; великій канцлеръ—Буденброкъ; великій маршалъ—Станиславъ Потоцкій и пр. [1]).

Составъ ложъ, принадлежавшихъ къ Астреѣ и Директоріальной Ложѣ, опредѣлился только къ концу 1815 года. Съ 1810 года, существовавшія тогда ложи (кромѣ мартинистовъ) распредѣлялись, вообще, такимъ образомъ:

		Директ. Ложа Владиміра:
1810:	ложа Соединенныхъ Друзей	ложа Елизаветы
	— Палестины	— Александра
	(франц. системы)	— Петра
		(швед. сист.).

Въ слѣдующіе годы, къ Директоріальной Ложѣ присоединились ложи французской системы и вновь возстановленныя Изида и Нептунъ, и она оставалась единственной высшей властью:

	Директоріальная Ложа Владиміра:
	ложа Елизаветы
	— Александра
	— Петра
1811—1812:	— Соединенныхъ Друзей
	— Палестины
1813—1814:	— Изиды (въ Ревелѣ)
	— Нептуна (въ Кронштадтѣ).

Къ концу августа 1815-го года, или къ основанію Астреи, ложи распредѣлились слѣдующимъ образомъ между двумя новыми союзами:

	Вел. Директ. Ложа:	Астрея:
(авг. 1815)	ложа Елизаветы,	ложа Петра,
	— Александра	— Палестины
	— Соед. Друзей	— Изиды (въ Ревелѣ)
		— Нептуна (въ Кроншт).

[1]) Въ этомъ собраніи присутствовали, кромѣ Віельгорскаго, Корфа, Ланского, еще Оде-де-Сіонъ, Ржевскій, Щулепниковъ, Евреиновъ, Прево-де-Люміанъ, Арсеньевъ и другіе.

Но это положеніе удержалось недолго. Астрея стала брать перевѣсъ, и съ этого же года начала усиливаться отчасти новыми, ею самой основанными ложами, отчасти переходившими къ ней изъ союза Директоріальной Ложи. Такъ, въ сентябрѣ Астрея основала ложу Избраннаго Михаила, а въ октябрѣ къ ней присоединилась одна изъ старѣйшихъ петербургскихъ ложъ—Александра.

Взамѣнъ того, Директоріальная учреждала новыя ложи. Протоколомъ ея, отъ 10-го ноября 1815-го года, утверждена была ложа Пламенѣющей Звѣзды (de l'Etoile Flamboyante). Черезъ нѣсколько дней, 26-го ноября, постановлено было возобновленіе ложи Трехъ Коронованныхъ Мечей (von drei gekrönten Schwertern), въ Митавѣ. Въ тотъ же день Директоріальная Ложа дала свое согласіе на просьбу объ учрежденіи новой ложи Трехъ Добродѣтелей, въ Петербургѣ, инсталлація, т. е. оффиціальное открытіе которой послѣдовала уже 11-го января 1816 года.

Прежде, чѣмъ излагать дальнѣйшія перемѣны въ составѣ этого союза, остановимся на внутреннихъ дѣлахъ самой Директоріальной Ложи [1]). Въ слѣдующемъ 1816-мъ году, 19-го мая, происходили, въ присутствіи Бёбера, новые выборы должностныхъ лицъ. Великимъ мастеромъ Директоріальной Ложи вновь былъ выбранъ Жеребцовъ; 1-й и 2-й великіе намѣстные мастеры были Віельгорскій и Николай Бороздинъ; 1-й и 2-й великіе надзиратели—Репьевъ и Арсеньевъ; великій канцлеръ—Буденброкъ; великій маршалъ—Ржевскій и проч. Но за отсутствіемъ Жеребцова, находившагося въ Митавѣ, дѣла лежали на Віельгорскомъ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ представлялся для Директоріальной Ложи вопросъ объ отношеніяхъ ея къ Астреѣ.

Въ собраніи 2-го августа 1816-го года, читано было письмо Жеребцова изъ Митавы. Онъ желалъ, во-первыхъ, чтобы Директоріальная Ложа вступила въ дружественныя отношенія съ Великой Ложей Астреей, признанной правительствомъ; во-вторыхъ, чтобъ назначенъ былъ одинъ „братъ" для предварительныхъ переговоровъ съ гр. Мусинымъ-Пуш-

[1]) См. упомянутые французскіе протоколы Вел. Директ. Ложи [Муз. № 1885]. Они ведены были великимъ секретаремъ, мѣсто котораго занималъ тогда Дальмасъ (Dalmas), актеръ французскаго театра и отчасти литераторъ.

кинымъ,—afin d'éviter toute fausse démarche; и въ-третьихъ, чтобы „посланы были протоколы Директоріальной Ложи министру (т.-е. министру полиціи, Вязмитинову), такъ какъ эта формальность не была исполнена съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился изъ нашего востока". Первое изъ этихъ предложеній принято было 16-ю голосами противъ 5-ти, и Бёберъ, бывшій въ собраніи, первый подалъ голосъ за союзъ съ Астреей. По второму, выбранъ былъ тайной баллотировкой Оде-де-Сіонъ, которому самымъ настоятельнымъ образомъ поручено было, въ сношеніяхъ съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, ничѣмъ не компрометтировать достоинства Директоріальной Ложи [1]).

Въ слѣдующемъ собраніи, 8-го августа, не было ни Жеребцова, ни Віельгорскаго, котораго не было, кажется, въ Петербургѣ. Оде-де-Сіонъ имѣлъ разговоръ съ Мусинымъ-Пушкинымъ и заявилъ, что сообщеніе Директоріальной Ложи, если будетъ сдѣлано, принято будетъ Астреей съ искреннимъ братскимъ чувствомъ, и что Пушкинъ увѣренъ, что Астрея заключитъ этотъ союзъ. При этомъ С. Ланской объявилъ отъ имени ложи Елизаветы, что она желаетъ дождаться Віельгорскаго, которому она дала свое довѣріе, для того, чтобы высказаться относительно союза съ Астреей Сомнѣніе этой ложи заключалось въ томъ, что „это сближеніе съ братьями, которые разъ уже насъ покинули и приняли другія системы, т.-е. другія дороги, требуетъ самыхъ глубокихъ размышленій". По мнѣнію Оде-де-Сіона, достоинство Директоріальной Ложи не дозволяло обращать вниманіе на это заявленіе, и Директоріальная Ложа должна исполнить сама свое постановленіе. Это и было принято большинствомъ.

Кромѣ ложи Елизаветы, предубѣжденіе противъ союза съ Астреей обнаружилось и въ ложѣ Соединенныхъ Друзей. Четверо изъ ея „братьевъ" возстали противъ рѣшенія Директоріальной Ложи, вычеркнули свои имена изъ списка ложи и перешли въ л. Елизаветы, которая приняла ихъ Директоріальная Ложа нашла нужнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости; она постановила (25-го августа) наказать

[1]) „Au nom de l'honneur de ne rien faire et de ne rien dire dans l'entretien qu'il doit avoir avec le f. (frére) Pouschkin, qui puisse compromettre la dignité de la Grande Loge Dir.".

протестовавшихъ исключеніемъ изъ всѣхъ, управляемыхъ ею ложъ, одного—на шесть мѣсяцевъ, остальныхъ на три мѣсяца.

Между тѣмъ пріѣхалъ Жеребцовъ. Въ собраніи 5-го сентября онъ объявилъ отъ имени ложи Соединенныхъ Друзей, что она забываетъ проступокъ упомянутыхъ братьевъ и что ея достоинство удовлетворено постановленіемъ Директоріальной Ложи; на этомъ основаніи братьямъ дана была амнистія. Жеребцовъ сообщилъ Вязмитинову свѣдѣнія о Директоріальной Ложѣ, чего не дѣлалъ Віельгорскій около года,—и предложилъ написать Вязмитинову благодарственное письмо за его вниманіе къ ордену....

Сентября 19-го, происходило, подъ предсѣдательствомъ Жеребцова, экстраординарное собраніе. Великій мастеръ говорилъ рѣчь, въ заключеніе которой великіе надзиратели, по его приказанію, объявили „братьямъ“, что Директоріальная Ложа Владиміра закрывается, и что ее замѣняетъ Великая Провинціальная Ложа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установлены были основанія союза съ Астреей и подчиненными ей ложами. Затѣмъ учреждена была (24-го октября) коммиссія изъ мастеровъ ложъ, подъ предсѣдательствомъ Жеребцова, для пересмотра (прежде дѣйствовавшаго) устава Великой Ложи, и 4-го ноября 1816-го года происходило собраніе всѣхъ ложъ для торжественнаго открытія или инсталлаціи управляющей Великой Провинціальной Ложи. Предсѣдателемъ этого торжественнаго собранія былъ гр. Станиславъ Потоцкій (министръ народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, гросмейстеръ польскаго Востока), какъ представитель верховнаго орденскаго совѣта; присутствовали также и члены ложъ союза Астреи, напр., члены ложъ Петра, Палестины, Михаила Избраннаго и Александра.

Въ собраніи 14-го декабря, снова явился вопросъ о сношеніяхъ съ Вязмитиновымъ. Жеребцова опять не было, и съ министромъ видѣлся Віельгорскій. Вслѣдствіе этихъ разговоровъ, Віельгорскій объявилъ „братьямъ“, что отнынѣ ложи должны сообщать ему, какъ великому намѣстному мастеру,—для представленія министру,—въ теченіе 24-хъ часовъ имя и фамилію, возрастъ, мѣсто рожденія, занятія и мѣсто жительства каждаго вновь принимаемаго члена; кромѣ того, ежемѣсячно доставлять ему отчетъ о всѣхъ

работахъ ложи, съ краткимъ изложеніемъ говоримыхъ рѣчей и т. п.,—для представленія начальству.

Въ протоколѣ Великой Провинціальной Ложи 13 января 1817 года (или по масонскому лѣтосчисленію 5816 года, 13 дня XI мѣсяца) записано, что Великая Ложа Астрея выразила желаніе, чтобы для утвержденія ихъ дружественныхъ связей Провинціальная Ложа назначила съ своей стороны уполномоченнаго, чтобы установить основанія договора и опредѣлить взаимныя права и обязанности обѣихъ ложъ. Полномочіе дано было Провинціальной Ложей Віельгорскому. Въ результатѣ этого явился формальный „Актъ взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ Ложъ на Востокѣ С.-Петербурга“, заключенный 1817-го года 12-го декабря обѣими ложами, въ лицѣ своихъ великихъ мастеровъ, великихъ чиновниковъ, великихъ оффиціаловъ и членовъ. [Рум. Муз. № 1890].

Такъ водворилось, наконецъ, согласіе. Договоръ былъ необходимъ, потому что въ отношеніяхъ Ложъ легко могли являться поводы къ несогласію. Провинціальная Ложа, вообще, отставала отъ Астреи, и вскорѣ различныя ложи начали дезертировать изъ первой во вторую.

Съ 1816-го года, составъ союза Провинціальной Ложи является въ слѣдующемъ видѣ. Въ концѣ этого года, 24-го октября, утверждена была просьба объ основаніи новой ложи—Трехъ Свѣтилъ, которая и была инсталлирована 4-го декабря. Въ томъ же октябрѣ принята, условно, просьба объ основаніи новой ложи—Трехъ Сѣкиръ (Trois Masses d'armes) въ Ревелѣ. Но 11-го декабря уже началось дѣло о двухъ ложахъ, которыя отдѣлялись отъ союза Провинціальной Ложи: это были л. Соединенныхъ Друзей и Пламенѣющей Звѣзды, которыя въ началѣ слѣдующаго года и были приняты въ Астрею. Ревельская ложа Трехъ Сѣкиръ также оказалась въ союзѣ Астреи. Ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей, въ Митавѣ, не получала разрѣшенія отъ остзейскаго генералъ-губернатора Паулуччи.

Въ 1817-мъ, взамѣнъ отпавшихъ, основались новыя ложи: въ мартѣ этого года утверждены просьбы объ основаніи л. Дубовой Долины и л. Сѣверныхъ Друзей, въ Петербургѣ; началось дѣло объ учрежденіи л. Сѣверной Звѣзды, въ Вологдѣ. Съ 24-го ноября заявлено было объ

основанiи л. Ищущихъ Манны, въ Москвѣ, которая и была инсталлирована въ концѣ года. Въ томъ же ноябрѣ началось дѣло объ учрежденiи л. Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ.

Но въ слѣдующемъ, 1818-мъ году, уже началось дѣло объ отходѣ л. Сѣверныхъ Друзей, которая и была принята въ Астрею. Въ томъ же году или еще въ 1817-мъ, перешла въ Астрею и митавская ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей. Въ декабрѣ 1818-го года, открыта была, впрочемъ, новая ложа—Орфея.

Въ 1819-мъ году заявлено было желанiе основать ложу Вновь Возженнаго Свѣтила у Трехъ Колоннъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ,—о которой не знаемъ, была ли она открыта.

Въ 1820-мъ году упразднена была, давно утвержденная, но совсѣмъ не открывавшаяся, вологодская ложа Сѣверной Звѣзды.

Мы остановимся теперь на отдѣльныхъ ложахъ, и соберемъ нѣкоторыя указанiя объ ихъ внѣшней судьбѣ, а также о тѣхъ историческихъ матерiалахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе сохранились подробности ихъ дѣйствiй.

1. Ложа Соединенныхъ Друзей (Les Amis Réunis). Основана была 10 iюня 1802-го года, по французской системѣ, которая была вывезена изъ Францiи Жеребцовымъ. Въ 1810-мъ году, когда документы ложъ провѣрялись министромъ полицiи и особымъ комитетомъ, эта ложа состояла подъ управленiемъ Жеребцова, независимо отъ Директорiальной Ложи; въ 1811-мъ или 1812-мъ году приступила къ этой послѣдней.

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ, на французскомъ языкѣ, въ 1810—1811-мъ годахъ, находятся въ рукописяхъ Московскаго Музея [№ 1969]. Въ той же коллекцiи, въ связкѣ печатныхъ масонскихъ листковъ, встрѣтилось намъ изданiе французскихъ пѣсенъ этой ложи: „Hymnes et Cantiques pour la R. Loge Des Amis Réunis à l'O. de St.-Pétersbourg. A Jerusalem. L'an 5810 de L. v. L. (de la vraie lumière)". 56 стр. нотъ со словами [1]).

[1]) Всего помѣщено три пьесы: № 1, Paroles du F. Pouschkin, musique du F. Boieldieu.—Нач.

Amitié sainte et fraternelle,
Présent des cieux, vient nous unir etc.

Съ 11-го декабря 1816-го, началось дѣло объ отпаденіи Соединенныхъ Друзей отъ Провинціальной Ложи. Просьба о принятіи въ союзъ Астреи поступила 28-го февраля 1817-го года. Въ союзѣ Астреи Соединенные Друзья оставались до конца существованія масонскихъ ложъ.

Ритуалъ мастерской степени этой ложи (на русскомъ языкѣ), отъ того времени, когда эта ложа принадлежала къ Астреѣ, находится въ рукописи Публичной Библіотеки (Q. III. № 30, на 39 лист.).

Въ 1816—17-мъ году, когда шло дѣло о переходѣ Соед. Друзей въ Астрею, мастеромъ въ этой ложѣ былъ Жеребцовъ; 1-мъ и 2-мъ намѣстными мастерами—Оде-де-Сіонъ и Павелъ Арсеньевъ; 1-мъ надзирателемъ Прево-де-Люміанъ и пр.

2. Палестины. Основана до 1810-го года (кажется, 4-го марта 1809) по той же французской системѣ [1]). Въ 1810-мъ году управлялъ ею Віельгорскій. Въ 1811-мъ или 1812-мъ году она присоединилась къ Директоріальной ложѣ Владиміра, но въ 1814—15-мъ году, когда начался споръ о высшихъ степеняхъ, она держалась новаго взгляда и при учрежденіи двухъ великихъ ложъ, вступила въ Астрею.

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1810—11-мъ году, на французскомъ языкѣ, находятся въ рукописи Моск. Музея [№ 1970]. Выше мы упоминали печатное изданіе этой ложи: „Cantique“, со словами Мессанса и музыкой Боэльдьё.

3. Александра (Alexander zur Mildthätigkeit des gekrönten Pelikans). Основана была въ 1805-мъ году по шведской системѣ нѣсколькими старыми масонами, и названіе ея взято было отъ одной прежней ложи этого имени. Вмѣстѣ съ происшедшими отъ нея ложами Петра и Елизаветы, эти

№ 2. Слова Дальмаса, муз. Кавоса (здѣсь опять вставлена пѣсня: Pour la santé du v. (т.-е. vénérable, мастера), paroles du F. Pouschkin). № 3, Слова Пушкина, музыка Кавоса, начин.

Servir, adorer sa Patrie
C'est le devoir d'un bon maçon и пр.

Этотъ братъ Пушкинъ былъ, вѣроятно, извѣстный Василій Львовичъ, принятый въ ложу Соединенныхъ Друзей въ 1810 году. Ср. Ешевскаго, Сочинен., т. III, стр. 410—412, прим.

[1]) По одному пригласительному циркуляру, ложа Палестины должна была 4-го марта 1820 г. праздновать 11-ю годовщину своего основанія (въ бумагахъ Н. И. Кусова, сообщенныхъ Е. И. Ламанскимъ).

три „соединенныя ложи“ находились подъ управленіемъ Директоріальной Ложи Владиміра, великимъ мастеромъ которой былъ Бёберъ. Въ 1810-мъ году ею управлялъ Розенштраухъ. Протоколы этой ложи съ 15-го сентября 1810-го до первыхъ мѣсяцевъ 1811-го, находятся въ рукописи Московскаго Музея, вмѣстѣ съ протоколами ложъ Петра и Елизаветы [№ 1884].

При основаніи новыхъ Великихъ Ложъ, л. Александра въ октябрѣ 1815-го перешла къ Астреѣ.

4. Петра къ Истинѣ (Pierre à la Vérité, Peter zur Wahrheit). Произошла, до 1810-го года, отъ ложи Александра къ Коронованному Пеликану; работала по шведской системѣ и въ числѣ „соединенныхъ ложъ“ была подъ управленіемъ Директоріальной Ложи. Въ 1810-мъ году мастеромъ стула былъ въ ней Эллизенъ. Нѣмецкіе протоколы первыхъ мѣсяцевъ 1811-го года (съ 7-го января) находятся въ рукописи Музея [№ 1884].

При основаніи Великихъ Ложъ, эта ложа на первомъ планѣ приступила къ Астреѣ.

5. Елизаветы къ Добродѣтели. Произошла до 1810-го года (кажется, 1-го іюня 1809) отъ ложи Александра; работала по шведской системѣ и была въ числѣ „соединенныхъ ложъ“. Съ 1809-го года по 14-е іюня 1811-го года, мастеромъ стула былъ въ ней старый масонъ Ал. Серг. Сергѣевъ; намѣстнымъ мастеромъ—также старый масонъ Ѳедотъ Дан. Синицынъ.

Эта ложа оставалась всегда въ союзѣ сначала Директоріальной, потомъ Великой Провинціальной Ложи.

Въ 1816—17-мъ году мастеръ стула былъ въ ней Віельгорскій, намѣстный мастеръ—Сергѣй Ланской, 1-й надзиратель—Корсаковъ и проч.

Въ 1818-мъ году, мастеръ стула—С. Ланской; намѣстный мастеръ—Андрей Римскій-Корсаковъ; 1-й и 2-й надзиратели—Романъ Щулепниковъ и Петръ Кайсаровъ, и пр.

Въ tableau 1819—20-го года названы: мастеръ—С. Ланской; намѣстный мастеръ—Щулепниковъ; 1-й надзиратель—П. Кайсаровъ и проч.

Относительно этой ложи въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ находится большое количество историческаго матеріала, именно:

a) Уставъ этой ложи, 1817 года [Муз. № 1916] и „Должности мастера ложи, намѣстнаго мастера, обоихъ надзирателей и офицеровъ совершенной и справедливой ложи св. Іоанна, подъ названіемъ Елизаветы къ Добродѣтели“, подпис великимъ провинціальнымъ мастеромъ Мих. Велегурскимъ (Віельгорскимъ), вел. канцлеромъ гр. Григ. Чернышевымъ и т. д. и, наконецъ, великимъ мастеромъ (вѣроятно, ложи) С. Ланскимъ,—въ Публ. Библіотекѣ (F. III. № 19).

b) Протоколы, на русскомъ языкѣ, съ 12 сент. 1810-го до начала 1811 [Муз. № 1884]. Затѣмъ, почти полные протоколы работъ ученической, товарищеской и мастерской степени, съ 1811-го до 1822-го года [Муз. № 1917—1925]. Также черновые протоколы, протоколы хозяйственнаго комитета, подписи членовъ, посѣщавшихъ ложу, 1817—1822 годовъ и проч. [Муз. № 1926—1928].

c) Дѣла ложи 1811—1822 годовъ [Муз. № 1929—1932] Приходо-расходныя книги, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, списки членовъ и проч. [Муз. № 1933—1935]

d) Рѣчи, говоренныя въ ложѣ Елизаветы, въ 1810—22 г Протопоповымъ, Ланскимъ и другими [Муз. № 1969]. „Рѣчь, пис. I. А. (т.-е. Поздѣевымъ) для произнесенія гр. М. Ю. В (Віельгорскимъ) въ ложѣ Елизаветѣ при вступленіи его въ должность м. с. (мастера стула) апрѣля 3-го 1815“, находится въ записной книжкѣ С. Ланского (Муз. № 855, лист. 20—21).

e) Сборникъ переписки по ложѣ Елизаветы: письма къ Левенгагену и др., 1811—1814 года. Между прочими, находятся здѣсь письма Эллизена, Егора Кушелева и проч. [Муз. № 868].

6. Пламенѣющей Звѣзды (de l'Etoile Flamboyante, Zum flammenden Stern). Протоколъ Вел. Директоріальной Ложи объ ея учрежденіи, 10-го ноября 1815-го года [Муз. № 1885]. Въ 1816-мъ году мастеръ стула былъ въ ней бар. Корфъ; намѣстный мастеръ—Буденброкъ и проч. Съ 11-го декабря 1816 уже начинается дѣло объ отпаденіи Пламенѣющей Звѣзды отъ Вел. Провинціальной Ложи; просьба о принятіи въ Астрею поступила 3-го марта 1817. Астрея тогда же приняла ее, на что послѣдовало и согласіе министра полиціи Вязмитинова.

7. Трехъ Добродѣтелей (Trois Vertus). Утвержденіе на основаніе этой ложи дано было Директор. Ложей

братьямъ Ржевскому, Павлу Ланскому, Павлу Лопухину, Сергѣю Волконскому и др., которые всѣ были члены ложъ и желали основать новую ложу. Это утвержденіе состоялось 26-го ноября 1815. Инсталлація новой ложи происходила 11-го января 1816: кромѣ должностныхъ лицъ Директоріальной Ложи, при этомъ присутствовали члены ложъ: Елизаветы, Соед. Друзей и Пламенѣющей Звѣзды. Мастеромъ стула Трехъ Добродѣтелей назначенъ былъ Ржевскій, надзирателями Лопухинъ и Волконскій; потомъ (въ маѣ 1816, при повѣркѣ выборовъ) мастеромъ былъ опять выбранъ Ржевскій; намѣстнымъ мастеромъ—Павелъ Ланской; надзирателями—Лопухинъ и Мих. Ланской.

Эта ложа осталась до конца въ союзѣ Великой Провинціальной Ложи, и въ масонскомъ архивѣ Московскаго Музея сохранились отъ нея слѣдующіе документы:

a) Уставъ [Муз. № 1936].

b) Протоколы засѣданій 1815—20 годовъ, на французскомъ и русскомъ языкахъ [№ 1937].

c) Входящія и исходящія бумаги, дѣла 1816—1822 годовъ [Муз. № 1938—1941], и списки членовъ 1815—19 годовъ [Муз. № 1941].

8. Трехъ коронованныхъ Мечей (Zu den drei gekrönten Schwertern, Trois Epées Couronnées), въ Митавѣ. Возобновленіе этой ложи, существовавшей въ Митавѣ въ прошломъ столѣтіи и прекратившей работы уже 22 года, постановлено было Директоріальной Ложей 26 ноября 1815-го, подъ предсѣдательствомъ Віельгорскаго. Дѣло началось тѣмъ, что нѣсколько масоновъ, въ томъ числѣ и бывшихъ членовъ старой митавской ложи, собрались (въ Митавѣ) подъ предсѣдательствомъ Жеребцова и просили о возстановленіи ложи подъ прежнимъ ея названіемъ и по статутамъ Директоріальной Ложи.

Существованіе этой ложи было, однако, очень затруднительное. Генералъ-губернаторъ остзейскихъ провинцій, маркизъ Паулуччи, закрылъ эту ложу (основанную во время его отъѣзда въ Италію) по своемъ возвращеніи въ край, и его мѣра удостоилась высочайшаго одобренія [1]). Въ мартѣ 1817-го, Жеребцовъ, въ письмѣ къ Віельгорскому изъ Ми-

---

[1]) Богдановичъ, Ист. Алекс. I, т. VI, стр. 408—409.

тавы, выражаетъ, между прочимъ, сожалѣніе, что эта ревностная ложа, состоящая въ союзѣ Провинціальной Ложи и которой онъ считаетъ себя членомъ, была изглажена изъ союза безъ всякаго извѣщенія,—потому что хотя маркизъ Паулуччи и не далъ ей разрѣшенія, но это не должно было исключить ея изъ памяти Великой Провинціальной Ложи.

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ послѣднихъ недоразумѣній и неудовольствій, въ слѣдующемъ 1818-мъ году, а можетъ быть еще и раньше, ложа Трехъ коронованныхъ Мечей перешла уже въ союзъ Астреи.

9. Трехъ Сѣкиръ (Zu den drei Streithammern, Trois masses d'armes) въ Ревелѣ. Въ 1816-мъ году, 24 октября, принята была Вел. Провинціальной Ложей просьба нѣсколькихъ братьевъ изъ Ревеля объ основаніи новой ложи; но принята съ условіемъ, если братья примутъ ритуалъ Провинціальной Ложи. Но, или братья не приняли этихъ ритуаловъ, или произошли другія недоразумѣнія, и ложа Трехъ Сѣкиръ къ іоаннову дню 1817-года является въ союзѣ Астреи.

10. Трехъ Свѣтилъ (Trois Flambeaux). Въ протоколѣ Вел. Провинціальной Ложи, того же 24 октября 1816-го, записано, что нѣсколько братьевъ просили объ основаніи новой ложи подъ этимъ названіемъ, и что рѣшено было приготовить для нихъ конституцію и зачислить новую ложу въ союзъ подъ № 6. Инсталлація происходила 4 декабря 1816-го. Мастеромъ стула назначенъ Евреиновъ; намѣстнымъ мастеромъ — Дм. Зубовъ; 1-мъ и 2-мъ надзирателями — Петровъ и Рубецъ.

11. Сѣверной Звѣзды, въ Вологдѣ. Дѣло объ ея основаніи началось 26 февраля 1817-го (см. Дѣла Провинц. Ложи). Затѣмъ, намъ встрѣтился слѣдъ этой предполагавшейся ложи въ бумагахъ Астреи; это—бумага, писанная въ Астрею отъ братьевъ имѣющей учредиться ложи Сѣверной Звѣзды на востокѣ Вологды, съ благодарностью за присылку Code des Lois Астреи и съ просьбой о руководствѣ: бумага (отъ 19 окт. 1817) подписана избраннымъ для управленія будущей ложей мастеромъ Алексѣемъ Волоцкимъ. Но съ января 1820-го явился уже вопросъ о закрытіи ея, и 29 мая 1820-го Великая Провинціальная Ложа упразднила эту вологодскую ложу— „по причинѣ непроизводства въ оной работъ со времени ея учрежденія". (См. Дѣла Пров. Ложи).

12. Сѣверныхъ Друзей (Les Amis du Nord). Эта ложа основана была вслѣдствіе отпаденія Соединенныхъ Друзей отъ Провинціальной Ложи, и должна была замѣнить отпавшую ложу; какъ слѣдующая дальше ложа Дубовой Долины должна была замѣнить отпавшую тогда же Пламенѣющую Звѣзду. Дѣло объ учрежденіи л. Сѣверныхъ Друзей и Дубовой Долины началось 5 марта 1817-го, и въ Дѣлахъ Провинціальной Ложи сохранился докладъ Віельгорскаго Вязмитинову обо всемъ этомъ дѣлѣ, съ просьбой испросить разрѣшеніе государя на то, чтобы оставшіеся члены обѣихъ отошедшихъ въ Астрею ложъ могли продолжать свои труды по прежнему подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи,—и удовлетвореніемъ этой просьбы „доказать намъ, что союзъ подъ Провинціальною Ложею пользуется равными съ великою ложею Астреею преимуществами, и что въ глазахъ правительства члены сего союза на счету самыхъ вѣрныхъ русскихъ подданныхъ, преданныхъ своему государю, любящихъ отечество и спокойныхъ гражданъ, занимающихся масонствомъ, яко пріятнымъ и полезнымъ для ума и сердца упражненіемъ, утверждающихъ насъ во всѣхъ нашихъ обязанностяхъ въ разсужденіи гражданской и духовной власти въ имперіи Россійской". (Дѣла 1818-го г.). Ложа Сѣверныхъ Друзей учреждена была для французскаго языка.

Но и эта ложа не долго оставалась вѣрна своему союзу. Съ 1 іюня 1818-го г. начинается дѣло о переходѣ ея въ Астрею, гдѣ она и показана уже въ спискахъ на 1818—19 годъ.

13. Дубовой Долины. Мы говорили сейчасъ о поводѣ къ ея основанію: просьба объ ея учрежденіи представлена была семью членами Пламенѣющей Звѣзды (между прочимъ, Утехтомъ, Герландомъ и др.), которые не хотѣли переходить въ Астрею съ своей отпавшей ложей. (Дѣла 1817 года).

Эта ложа работала на нѣмецкомъ языкѣ и оставалась до конца въ союзѣ Провинціальной Ложи.

14. Ищущихъ Манны (Chercheurs de la Manne), въ Москвѣ. Дѣло объ учрежденіи ея началось съ 24 ноября 1817; инсталлація происходила 7 декабря того же года (Дѣла Пров. Ложи, Муз. [№ 1893]). Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1818-мъ г., въ рукописи Музея [№ 1970].

Въ спискѣ членовъ этой ложи за 1819—20 г. названы: мастеръ стула — Серг. Павл. фонъ-Визинъ; намѣстный мастеръ—Курбатовъ; 1-й надзиратель—Камынинъ; риторъ Алексѣй Ос. Поздѣевъ; 1-й стуартъ—Василій Льв. Пушкинъ (названный членомъ ложи Елизаветы). Въ числѣ почетныхъ членовъ — А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ (гус. ротмистръ, 2-й великій надзиратель Вел. Провинц. Ложи и намѣстный мастеръ л. Трехъ Добродѣтелей). Вѣроятно къ этой ложѣ относятся предположенія, высказанныя въ перепискѣ Ланского и Віельгорскаго объ устройствѣ въ Москвѣ масонскаго кружка изъ лицъ, живущихъ въ Москвѣ и принадлежащихъ къ петербургской ложѣ Елизаветы, — между ними было и нѣсколько мастеровъ, и изъ числа ихъ преимущество отдавалось Дмитріеву-Мамонову.

15. Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ. Дѣло объ учрежденіи этой ложи началось того же 24 ноября 1817 [Муз. № 1893]. Ритуалъ ея, на нѣмецкомъ языкѣ, въ рукописяхъ Музея [№ 1989].

16. Орфея. Дѣло объ основаніи ложи этого имени, для работъ на французскомъ языкѣ, началось съ 1 декабря 1818-го года; инсталлація ложи 8-го того же декабря, причемъ она записана въ списокъ ложъ за № 9. При учрежденіи ложи назначены въ ней: мастеръ стула—гр. Гр. Ив. Чернышевъ, д. тайн. сов.; намѣстный мастеръ—А. П. Римскій-Корсаковъ; 1-й и 2-й надзиратели — А. П. Мансуровъ и Ив. Г. Кругликовъ.

Отъ этой ложи сохранилось значительное количество документовъ:

a) Уставъ, Lois pour la loge d'Orphée, 1818 года [Муз. № 1942].

b) Протоколы ученической, товарищеской и мастерской степени и подписи членовъ, за 1818—22 г. на французскомъ языкѣ [Муз. № 1943—1944]. Дѣла, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, списки членовъ, за 1818—22 г. [Муз. № 1945].

c) Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ въ 1818—19 г., черновыя и бѣловыя [Муз. № 1969, 1972—73].

d) Ритуалъ этой ложи, на французскомъ языкѣ, въ трехъ книгахъ [Муз. № 1987].

17. Вновь Возженнаго Свѣтила у Трехъ Ко-

лонъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Письмо нѣкоторыхъ братьевъ о дозволеніи имѣть ложу этого имени находится въ дѣлахъ Великой Провинц. Ложи, подъ 11 марта 1819 г.

Такъ какъ система Великой Провинціальной Ложи была система высшихъ степеней, то за обыкновенными такъ называемыми іоанновскими ложами слѣдовали еще ложи и собранія высшаго порядка. Такъ, въ союзѣ Провинціальной Ложи было нѣсколько такъ называемыхъ шотландскихъ ложъ св. Андрея, для масоновъ, имѣвшихъ высшія степени послѣ мастера. Это были: ложа Александра Златаго Льва и л. Сфинкса. Выше была еще упомянута шотландская ложа „подъ названіемъ св. Георгія", которой оберъмейстеромъ былъ Бёберъ.

Отъ первой сохранилось нѣсколько документовъ, именно: протоколъ засѣданій 4-й и 5-й степени, 1817—20 годовъ, журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ и списки членовъ [Муз. № 1949].

Отъ ложи Сфинкса остался списокъ членовъ [тамъ же]. Въ собраніи масонскихъ дипломовъ Московскаго Музея есть латинскій дипломъ, выданный отъ этой ложи Сфинкса (fraternitas S-ti Andreae a munificentia ad Sphyngem) въ апрѣлѣ 1815-го, и гдѣ означены слѣдующіе чины: m. magister moderans (великій мастеръ) — Жеребцовъ; magister legatus (намѣстный мастеръ)—Корфъ; primus и secundus invigilans praefectus (1-й и 2-й надзиратели) — Мельниковъ и Евреиновъ; затѣмъ orator, introductor (вводитель), thesaurarius (казначей), rituum magister (обрядоначальникъ), administer primus и secundus (хранители олтаря) и secretarius.

Въ 1818-мъ году, по представленію Римскаго-Корсакова въ верховный орденскій совѣтъ (отъ 27 ноября), началось дѣло объ основаніи новой шотландской ложи въ Одессѣ, которая должна была назваться ложей Трехъ царствъ природы (des Trois Règnes de la nature). Въ собраніи дипломовъ сохранилась черновая французскаго диплома, отъ имени президента и членовъ шотландской директоріи, на основаніе этой ложи Трехъ царствъ природы. Членами основателями ложи являются: А. Римскій-Корсаковъ, du nombre de St. Jean; Ланжеронъ и другіе—du nombre des chevaliers d'Occident; потомъ еще нѣсколько maitres écossais и freres èlus.

Для управленія шотландскими ложами существовало особое собраніе—Шотландская Директорія. Въ 1818-мъ году для директоріи утверждены были новые законы: проектъ этихъ законовъ, составленный въ верховномъ орденскомъ совѣтѣ, посланъ былъ въ директорію, и затѣмъ законы подписаны совѣтомъ 7 октября 1818-го.

Въ масонскомъ архивѣ Московскаго Музея находятся слѣдующіе документы, касающіеся шотландскихъ ложъ:

a) Законы и статуты этихъ ложъ;

b) Рѣчи, говоренныя въ нихъ;

c) Ритуалы шотландскихъ ложъ, катехизисы, инструкціи должностнымъ лицамъ,—4-й, 5-й и 6-й степени, рыцарей Востока и Іерусалима,—стараго времени и новые.

Отъ шотландской директоріи сохранились слѣдующіе документы: a) Законы ея, въ двухъ экземплярахъ; правила для шотландской директоріи или матери-ложи св. Андрея; b) Дѣла и протоколы директоріи, за 1817—20 г. [Муз. № 1947]; бумаги по казначейству, кассовая книга, книга для записи сбора съ членовъ шотландскихъ ложъ, сборъ для бѣдныхъ [Муз. № 1948].

Высшимъ учрежденіемъ шотландскаго масонства былъ Капитулъ Феникса. Намъ не встрѣтилось свѣдѣній объ его прежнемъ составѣ. Въ 1817-мъ г., октября 5, произведены были новые выборы, по которымъ онъ является въ составѣ слѣдующихъ членовъ:

Префектъ—А. А. Жеребцовъ.
Блюститель короны—Герландъ.
„ лампады—гр. Зубовъ.
„ меча—Павелъ Ланской.
„ наугольника—Евреиновъ.
„ хоругви—Павелъ Ржевскій.
„ шпоръ—Утехтъ.
1-й блюститель храма—Левенгагенъ.
2-й „ „ —Щулепниковъ.
Канцлеръ—гр. Чернышевъ.

Затѣмъ назначены были еще два обрядоначальника, два герольда, секретарь и казнохранитель.

За отсутствіемъ префекта, субпрефектомъ назначено быть гр. Віельгорскому, а въ случаѣ его отъѣзда править командору Сергѣю Ланскому.

Протоколы и переписка капитула Феникса за 1817—19 г. и списки членовъ его за 1818-й годъ находятся въ собраніи Музея [№ 1950].

Отдѣльно отъ капитула является еще Верховный орденскій Совѣтъ, о которомъ намъ встрѣтились свѣдѣнія опять только за послѣднее время, 1817—20 годы, хотя онъ упоминается и раньше. [Дѣла его въ Муз. № 1950].

Въ 1819-мъ году, въ высшемъ управленіи ордена является новое видоизмѣненіе. Въ протоколѣ верховнаго совѣта, отъ 3-го апрѣля этого года внесено слѣдующее извѣстіе: предсѣдатель совѣта (Віельгорскій) „послѣ подробнаго изъясненія всѣхъ обстоятельствъ, происшедшихъ въ союзѣ нашемъ и допустившихъ великія измѣненія въ орденскомъ правленіи", объявилъ, что онъ, какъ командоръ, вмѣстѣ съ другимъ командоромъ, С. Ланскимъ, „возобновили древнесуществовавшее высшее правленіе ордена и отнынѣ имѣетъ оно именоваться Верховною Директоріею, которая состоять будетъ единственно изъ командоровъ". Братья 8-й степени будутъ составлять совѣтъ капитула Феникса, какъ власть исполнительную, на что совѣтъ получитъ особый регламентъ. Предсѣдатель объявилъ, что нѣкоторые братья уже введены въ Верховную Директорію, другіе будутъ введены, но ихъ имена останутся неизвѣстными, а Верховная Директорія будетъ „вынаружена" только въ двухъ нынѣ извѣстныхъ командорахъ, такъ какъ третій командоръ, Eques a Leone armato (Бороздинъ), отсутствуетъ.

Это новое учрежденіе имѣло, кажется, въ виду сосредоточить управленіе орденомъ; какія обстоятельства вызвали эту перемѣну—остается пока неясно; но въ числѣ ихъ едва ли не были упомянутыя нами постоянныя отпаденія ложъ, и наконецъ отпаденіе той ложи, которою управлялъ Жеребцовъ, и вмѣстѣ съ которой самъ великій мастеръ Провинціальной Ложи перешелъ также въ Астрею.

Жеребцовъ, повидимому, пользовался большимъ уваженіемъ въ союзѣ Провинціальной Ложи, какъ старый масонъ, владѣвшій высокими степенями, и какъ одинъ изъ первыхъ возстановителей масонства при имп. Александрѣ. Несмотря на то, что онъ долго отсутствовалъ изъ Петербурга, его

продолжали выбирать въ великіе мастеры и оставляли во главѣ управленія. Но наконецъ явились недоразумѣнія. Въ началѣ 1817-го года, произошло отпаденіе Соединенныхъ Друзей и переходъ ихъ въ Астрею. Причиной этого отпаденія былъ раздоръ по поводу упомянутаго прежде Дальмаса, который подвергся обвиненію въ томъ, что продалъ за 300 рублей мастерскую степень какому-то Смирнову, оказавшемуся человѣкомъ недостойнымъ. Жеребцовъ, который былъ мастеромъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, оправдалъ этого Дальмаса,—хотя обвиненіе было очень справедливо. Поэтому, когда отпаденіе совершилось, Віельгорскій, управлявшій за отсутствіемъ Жеребцова Провинціальной Ложей, обратился къ нему, въ письмѣ отъ 21 марта 1817, съ вопросомъ, желаетъ ли онъ остаться въ союзѣ Провинціальной Ложи и быть ея великимъ мастеромъ, или быть при ложѣ Соединенныхъ Друзей въ Астреѣ, и тогда, слѣдовательно, потерять званіе члена Провинціальной. Жеребцовъ отвѣчалъ изъ Митавы, отъ 27-го марта, что онъ слагаетъ съ себя званіе великаго мастера, по своему недостоинству, защищался, однако, что онъ имѣлъ право оправдать Дальмаса. Упомянувъ о своемъ 14-лѣтнемъ управленіи молоткомъ (т.-е. управленіи въ качествѣ мастера), Жеребцовъ заявлялъ, что со дня закрытія имъ Соединенныхъ Друзей (въ союзѣ Провинціальной Ложи), онъ считаетъ себя членомъ митавской ложи Трехъ Коронованныхъ Мечей, состоящей въ союзѣ Провинціальной Ложи;—но выражаетъ при этомъ сожалѣніе, что эта ложа изглажена изъ союза, —потому что хотя она и не получила разрѣшенія отъ маркиза Паулуччи, это не должно было исключать ее изъ памяти Великой Провинц. Ложи, отъ которой она долго ждетъ отвѣта на свои вопросы. Такимъ образомъ Жеребцовъ привелъ формальное основаніе, по которому онъ продолжалъ оставаться въ союзѣ Провинц. Ложи, и вмѣстѣ дѣлалъ ей упрекъ въ несправедливости. Отказъ его, кажется, не былъ принятъ, потому что въ концѣ 1817 мы опять видимъ его во главѣ капитула Феникса. Но въ концѣ 1818, вопросъ возобновился (тѣмъ временемъ и ложа Трехъ Коронованныхъ Мечей перешла въ Астрею). Въ собраніи верховнаго орденскаго Совѣта, 7-го октября 1818, читана была копія письма Жеребцова, изъ Митавы, въ ложу Сѣверныхъ Дру-

зей, въ маѣ 1818, гдѣ онъ даетъ свое согласіе на переходъ и этой ложи въ союзъ Астреи. Такимъ образомъ всѣ ложи, гдѣ Жеребцовъ былъ членомъ, находились въ Астреѣ, но по законамъ Провинціальной Ложи членомъ капитула и совѣта можно было быть только состоя дѣйствительнымъ членомъ въ одной изъ подвѣдомыхъ ей ложъ, и потому рѣшено было не считать больше Жеребцова ни членомъ Верховнаго Совѣта, ни предсѣдателемъ капитула Феникса. Должность префекта рѣшено было заступить Віельгорскому. Въ засѣданіи 13-го ноября 1818-го года постановлено было, по случаю выхода Жеребцова, написать ему отъ имени Верховнаго Совѣта благодарственный адресъ за время нахожденія его въ союзѣ Великой Провинціальной Ложи.

Упомянемъ, наконецъ, о сохранившихся въ архивѣ документахъ самой Провинціальной Ложи. Эти документы слѣдующіе:

a) Подлинный уставъ В. Провинціальной Ложи, 17-го мая 1817-го года; Должности и права правительствующихъ лицъ Іоанновскихъ ложъ; Актъ взаимныхъ отношеній обѣихъ Великихъ Ложъ, 1817-го года [Муз. № 1888—1890].

b) Дѣла Великой Провинціальной Ложи, 1816—22 годовъ. Въ этихъ дѣлахъ находятся, между прочимъ, выписки изъ протоколовъ подвѣдомственныхъ ей ложъ, такъ что по нимъ можно слѣдить исторію также и тѣхъ ложъ, отъ которыхъ не сохранились подлинные и полные протоколы [Муз. № 1891—1899]. Журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, за 1816—22 г. [Муз. № 1900—1903]. Протоколы засѣданій Вел. Провинціальной Ложи, за 1817—22 г. [Муз. № 1904—1905]. Протоколы Совѣта Великой Провинціальной Ложи, за 1819—22 г. [Муз. № 1907].

c) Подписи членовъ, бывавшихъ въ собраніяхъ Ложи. Списки членовъ. Выписки изъ протоколовъ ложъ союза, составлявшіяся для представленія правительству. Дѣла казначейскія; экономическое постановленіе между іоанновскими ложами 12-го сентября 1819; положеніе и протоколы братской вспомогательной кассы [Муз. № 1906, 1909—1915].

d) Рѣчи, говоренныя въ Вел. Провинціальной Ложѣ Ланскимъ и другими, за 1817—22 годы [Муз. № 1969].

Списки членовъ, находящіеся въ этомъ масонскомъ архивѣ, даютъ возможность въ подробности видѣть, между прочимъ, и личный составъ масонскаго круга Великой Провинціальной Ложи. Мы уже называли многія лица изъ этого круга. Въ числѣ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ, мы встрѣчаемъ здѣсь, между прочимъ, имена многихъ декабристовъ и также многихъ лицъ, извѣстныхъ впослѣдствіи своею литературною или служебною дѣятельностью [1]). Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ, въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ ложи Amis Réunis, за 1816-й годъ находятся имена гвардіи офицеровъ: Петра Чаадаева, Александра Грибоѣдова, Авраама Норова, генералъ-майора Александра Бенкендорфа, гв. офицера Пестеля. Въ одномъ изъ списковъ Грибоѣдовъ означенъ 1-й степенью; Пестель и Чаадаевъ—5-й степенью.

Нѣсколько извѣстныхъ именъ встрѣчаются въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей. Въ подробномъ спискѣ этой ложи, съ 11-го января 1816 по 1-е ноября 1819, означены, между прочимъ, слѣдующія лица съ указаніемъ ихъ масонскихъ прохожденій:

Князь Сергѣй Григ. Волконскій, генералъ-майоръ, принятъ былъ въ орденъ въ 1812, въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, въ Петербургѣ, былъ однимъ изъ учредителей ложи Трехъ Добродѣтелей; вторымъ надзирателемъ въ ней съ 16 янв. 1816 до 1 февр. 1817, и первымъ надзирателемъ съ 1 февр. 1817 до 14 іюня того же года.

Князь Илья Андр. Долгорукій, офицеръ гвардіи, принятъ былъ въ 1814, въ ложѣ Соединенныхъ Друзей; съ 11 января 1816 до 17 апрѣля 1817 былъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей сначала секретаремъ, потомъ вторымъ стуартомъ и вторымъ надзирателемъ. Закрылъ работы съ 22 декабря 1818.

Князь Сергѣй Петр. Трубецкой, офицеръ гвардіи, принятъ 25 января 1816 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую степень 4 января 1817, и въ третью 8 февраля 1817, былъ въ этой ложѣ намѣстнымъ мастеромъ съ 19 августа 1818 до 28 апрѣля 1819, и затѣмъ состоялъ въ ней почетнымъ членомъ.

---

[1]) Ср. В. И. Семевскій, Декабристы-масоны, въ журналѣ „Минувшіе годы“, 1908, № 2, 3 и 5—6 и его же, Политическія и общественныя идеи декабристовъ“, Спб. 1910, гл. III. Ред.

√ Князь Александръ Ипсиланти, генералъ-майоръ, принятъ былъ въ 1810 году, въ ложѣ Палестины, присоединенъ къ 3-й степени 19 декабря 1816, и въ 1820 году не числился болѣе членомъ.

Матвѣй Иван. Муравьевъ-Апостолъ, гвардіи офицеръ, принятъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, повышенъ (въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей) во вторую и третью степень 26 декабря 1816 и 11-го января 1817, затѣмъ былъ въ числѣ отсутствующихъ и 3 мая 1820 исключенъ.

Сергѣй Иван. Муравьевъ-Апостолъ (род. въ Петербургѣ 28 сентября 1796), принятъ 2 января 1817 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую и третью степень 24 апрѣля и 10 іюня 1817 г. Съ 14 іюня того же года былъ обрядоначальникомъ этой ложи, и 22 декабря 1818 закрылъ работы.

Никита Михайловичъ Муравьевъ, гвардіи подпоручикъ (род. въ Петербургѣ 19 августа 1795), принятъ 30 января 1817 въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую и третью степень 27 февраля и 12 апрѣля 1817; съ 14 іюня 1817 былъ риторомъ въ этой ложѣ и 22 декабря 1818 закрылъ работы.

Павелъ Ивановичъ Пестель, гвардіи офицеръ, присоединенъ къ третьей степени 6 февраля 1817, и въ 1820 не числился болѣе членомъ.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ, полковникъ, принятъ въ ложѣ Елизаветы; съ 17 апрѣля 1817 былъ избранъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей во вторые надзиратели; съ 14 іюня 1817 по августъ 1818 былъ намѣстнымъ мастеромъ; затѣмъ показанъ находящимся въ Москвѣ.

Петръ Иван. Колошинъ, гвардіи прапорщикъ (род. въ Костромѣ 11 октября 1795), принятъ 18 апрѣля 1817, повышенъ во вторую степень 3 іюня 1817; затѣмъ показано, что членомъ больше не числится.

Авраамъ Серг. Норовъ, гвардіи офицеръ, принятъ 10 февраля 1819, повышенъ во вторую степень 6 сентября 1819 [1]).

---

[1]) Ср. въ журналѣ Великой Провинц. Ложи, 15 мая 1819, извѣщеніе отъ ложи Трехъ Добродѣтелей, что въ ней навсегда покрыли работы Никита Муравьевъ, Пушкинъ, кн. Долгорукій, и одинъ Муравьевъ-Апостолъ.

Въ протоколахъ капитула Феникса, по VI-й степени, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія подробности относительно Александра Ник. Муравьева, любопытныя какъ образчикъ масонскихъ связей русскихъ ложъ. Въ засѣданіи капитула 17 марта 1817, Віельгорскій объявилъ, что членъ управляемой имъ ложи Елизаветы, мастеръ Муравьевъ, полковникъ свиты его в—ва, „во время пребыванія его, по военнымъ обстоятельствамъ, въ 1814 году во Франціи, въ городѣ Мелюнѣ, познакомился съ братомъ Больтренталемъ, членомъ верховной митрополіи Гередона [1]) и четырехъ европейскихъ востоковъ; что сей братъ Больтренталь, замѣтивъ въ братѣ Муравьевѣ потребныя качества, сообщилъ ему седьмую степень". Віельгорскій представилъ капитулу подлинное свидѣтельство, выданное Муравьеву Больтренталемъ 9 апрѣля 1814, отозвался самымъ благопріятнымъ образомъ объ его поведеніи и качествахъ, и ходатайствовалъ, чтобы Муравьевъ былъ признанъ въ высокихъ степеняхъ, представляя притомъ, что отличныя дарованія этого брата и его ревность къ ордену подаютъ надежду, что онъ можетъ быть очень полезенъ для ордена. Капитулъ по этому ходатайству опредѣлилъ утвердить Муравьева въ шестой степени, но съ тѣмъ, однако, чтобы онъ сперва былъ баллотированъ въ шотландской ложѣ Александра въ четвертую степень, и когда всѣ шары окажутся бѣлыми, то былъ бы приведенъ къ присягѣ; затѣмъ, такимъ же порядкомъ баллотированъ въ пятую степень и также приведенъ къ присягѣ. Послѣ этого управляющій шотландскою ложей Александра долженъ былъ сообщить о немъ шотландской директоріи, которая представитъ капитулу, и тогда уже постановлено было созвать капитулъ, ввести въ него Муравьева и снявши съ него еще присягу, признать его въ шестой степени и дѣйствительнымъ членомъ капитула.

Дѣйствительно, имя Муравьева стоитъ въ спискахъ шотландской ложи Александра. Великимъ мастеромъ въ этой ложѣ сначала былъ тотъ же Віельгорскій, съ учрежденія ея до 8-го ноября 1818; потомъ его смѣнилъ С. С. Ланской. Оба они были въ числѣ ея учредителей. Въ спискѣ дѣйствительныхъ членовъ находятся: князь Сергѣй Гр. Волкон-

---

[1]) Французская система высшихъ степеней.

скій, принятый въ шотландское братство въ ложѣ Сфинкса и находившійся въ ложѣ Александра съ 17 февр. 1817, въ пятой степени; далѣе, Ал. Ник. Муравьевъ, вступившій въ ложу съ 22 марта 1817 и признанный въ томъ же году въ четвертой и пятой степеняхъ; далѣе, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, принятый въ шотландское братство въ ложѣ Александра, получившій четвертую степень 22 іюня 1817, и 8 ноября 1818 выбывшій въ ложу Сфинкса, и т. д.

V. Инструкція Вибелю, 1818, и Уставъ петербургской „Директоріи“ 1780.

Въ масонскомъ архивѣ Московскаго Музея находится, между прочимъ, любопытный документъ 1818 года, заключающій въ себѣ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о старыхъ русскихъ ложахъ шведской системы, которыя до сихъ поръ были мало извѣстны. Этотъ документъ есть инструкція, данная въ 1818 г. въ Берлинѣ одному нѣмецкому масону, Вибелю, отправлявшемуся въ Петербургъ, которому поручалось собрать свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ; при инструкціи помѣщены и свѣдѣнія, полученныя Вибелемъ въ Петербургѣ на ея вопросы. Документъ называется: Instruction für den Hochw. Br. Wiebel auf seiner bevorstehenden Reise nach Russland. На нѣмецкіе вопросы инструкціи написаны, en regard, отвѣты по-французски [1]).

Ешевскій приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о Вибелѣ. Это былъ лейбъ-медикъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III и членъ берлинской Landesloge. Когда въ 1822 г. бывшій прусскій министръ, графъ Гаугвицъ, нѣкогда ревностный масонъ (ему приписывается у нашихъ масоновъ „Пастырское Посланіе“ 1785), подалъ на Веронскомъ конгрессѣ императорамъ Александру и Францу и королю прусскому записку о вредѣ масонскихъ ложъ и необходимости ихъ закрытія,—записку, слѣдствіемъ которой было закрытіе ложъ въ Россіи и Австріи,—прусскіе масоны въ страхѣ ожидали закрытія и своихъ ложъ. Но король прусскій призвалъ къ себѣ Вибеля и поручилъ ему успокоить „братьевъ“, что онъ сохранитъ имъ свое прежнее покровительство, если они останутся въ должныхъ границахъ.

---

[1]) Этотъ документъ былъ однажды указанъ Ешевскимъ: Сочин. т. III, стр. 456—457.

Въ 1818 г. Вибель долженъ былъ сопровождать прусскаго короля въ Петербургъ. Берлинскіе масоны воспользовались этимъ случаемъ и дали Вибелю порученіе освѣдомиться о состояніи ордена въ Россіи. Въ началѣ инструкціи находятся краткія свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ за прежнее и новѣйшее время и затѣмъ поставленъ рядъ вопросовъ, на которые Вибель долженъ былъ получить отвѣты отъ петербургскихъ братьевъ. Кромѣ вопросовъ историческихъ о связяхъ русскихъ ложъ со Швеціей, инструкція занята главнымъ образомъ вопросами о внѣшнемъ устройствѣ петербургскаго капитула, его обрядахъ, символахъ и т. п., по которымъ берлинскіе масоны хотѣли, конечно, судить объ источникахъ и связяхъ русскаго масонства. Конечной цѣлью освѣдомленій было узнать, не представится ли для прусской Landesloge возможности завязать отношенія съ Бёберомъ и съ Директоріальной Ложей Владиміра (т. е. въ то время съ Великой Провинціальной Ложей): „...такое соединеніе, — говорится въ инструкціи, — было бы весьма благотворно для пользы ордена, и могло бы положить предѣлъ успѣхамъ такъ-называемой древне-англійской Шрёдеровой системы, которая все больше и больше распространяетъ свои вѣтви“.

Мы упоминали выше о перепискѣ Бёбера съ Кастильономъ. Вибель, какъ видимъ, былъ адресованъ именно къ той изъ русскихъ Великихъ Ложъ, которую берлинская Landesloge находила себѣ сочувственной, по общей имъ обѣимъ враждѣ къ системѣ Шрёдеровой.

Отвѣты, какъ мы сказали, писанные по-французски, находятся въ Музеѣ въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ подлинный или черновой, и писанъ, кажется, Ланскимъ; въ другомъ отвѣты переписаны при полномъ текстѣ самой инструкціи. Тутъ же находится французское письмо, писанное, повидимому, къ Вибелю Віельгорскимъ, гдѣ довольно темно говорится о трудномъ тогдашнемъ положеніи масонства [1]).

Какія были послѣдствія сношеній берлинской Landesloge съ нашей Великой Провинціальной Ложей, происходившихъ черезъ посредство Вибеля, объ этомъ намъ пока не встрѣ-

---

[1]) Прибавимъ еще, что въ началѣ инструкціи, гдѣ говорится о старыхъ русскихъ ложахъ, сдѣлана замѣтка о Чеботаревѣ, извѣстномъ московскомъ профессорѣ и сотоварищѣ Новикова (ум. 1815): „V. Tschebo-

тилось положительныхъ указаній; но въ перепискѣ нашей Великой Ложи есть слѣды продолжавшихся связей съ Берлиномъ, и въ Музейномъ сборникѣ разныхъ печатныхъ документовъ иностранныхъ ложъ есть также списки членовъ берлинскихъ ложъ. Въ этихъ послѣднихъ намъ встрѣтилось и имя Вибеля: Joh. Wilh. Wiebel, Leibarzt Sr. M. des Kőnigs und General-Staabs-Arzt der Armee, упомянутъ въ числѣ почетныхъ членовъ іоанновской ложи Zur Pilgrim въ Берлинѣ, 1819—1820 г. и, какъ мастеръ стула, въ ложѣ Минервы въ Потсдамѣ.

Мы опустимъ первыя страницы инструкціи, и приведемъ только вопросы и данные на нихъ „Объясненія и отвѣты“.

1. Кѣмъ и когда основанъ былъ петербургскій Капитулъ Феникса?

Капитулъ Феникса основанъ былъ первоначально королемъ шведскимъ (Карломъ XIII), какъ это видно изъ подлиннаго патента, находящагося въ нашемъ архивѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Инструкція для директоріи, основанной въ Петербургѣ, данная въ Стокгольмѣ 9 мая 1780“ [1]). Въ концѣ находится подпись короля и подпись графа Бильке. Акты и конституціи привезены были княземъ Александромъ Куракинымъ (бывшимъ посланникомъ русскаго двора въ Вѣнѣ и Парижѣ). Покойный князь Гавріилъ Гагаринъ былъ назначенъ Префектомъ и Великимъ Національнымъ Мастеромъ—достоинства, всегда нераздѣльныя (какъ это явствуетъ изъ 9-й статьи Инструкціи),—и самый Капитулъ извѣстенъ былъ братьямъ-масонамъ подъ именемъ Великой Національной Ложи (по 1-й статьѣ той же Инструкціи). Капитулъ основанъ былъ двумя годами раньше Директоріи, то-есть въ 1778 г., и былъ въ полной зависимости отъ Шве-

---

taref in Moscau war sehr weit in der Loge zum todten Korf 1806, wie Grabe sagt, er war immer ein feuriger Mann“,

Во второмъ экземплярѣ, отвѣты переписаны рукой одного изъ тогдашнихъ масоновъ, Жуайе (Joyeux).

[1]) Instruction pour le directoire établi à St. Petersbourg, donnée à Stockholm le 9 Mai 1780. Этотъ документъ находится дѣйствительно въ подлинникѣ въ масонскомъ собраніи Московскаго Музея (рукоп. мас. на иностранныхъ язык. № 374), и мы вполнѣ приводимъ его ниже.

ціи; эта зависимость была тѣмъ болѣе стѣснительна для русскихъ братьевъ, что не вознаграждалась познаніями, которыхъ петербургскій капитулъ тщетно ожидалъ и которыхъ Швеція вѣроятно болѣе не имѣла, потому что самый глава ея сдѣлался жертвой обмановъ одного негодяя (frippon), исторія котораго слишкомъ извѣстна, чтобы много о ней распространяться. Когда на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Россія, во вниманіе къ ея обширному пространству и къ большому числу ложъ, ревностно въ ней работавшихъ (по Строгому Наблюденію), признана была за 8-ю провинцію ордена, Москва и въ особенности ложа-мать Трехъ Знаменъ, сдѣлалась центромъ провинціальнаго управленія. Акты, принятые ею для трехъ іоанновскихъ степеней, занимаютъ середину между Строгимъ Наблюденіемъ и шведской системой. Вскорѣ потомъ князь Гагаринъ, не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, подчинился новому порядку вещей, присоединился въ 1783-мъ г. къ 8-й провинціи съ большей частью ложъ своей юрисдикціи и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-ложи Феникса въ Москвѣ.

Одна изъ ложъ (Коронованнаго Пеликана), которыя не хотѣли отдѣлиться отъ Швеціи и гдѣ братъ Бёберъ былъ членомъ, продолжала работать до того времени, когда всѣ масонскія работы въ Россіи прекратились, по повелѣнію императрицы Екатерины. Это была та самая ложа, которую хотѣли возобновить въ 1809-мъ г. нѣсколько братьевъ (принадлежавшихъ къ шведской системѣ и тайнымъ главою которыхъ былъ братъ Люберъ), и въ которой братъ Бёберъ вслѣдствіе ихъ настояній, сдѣлался впослѣдствіи великимъ мастеромъ. Ея новымъ отличительнымъ названіемъ стало названіе Александра Благотворительности Коронованнаго Пеликана (Alexandre à la Bienfaisance au Pelican couronné). Для того, чтобы образовать открытое (ostensible) масонское управленіе, эта самая ложа была раздѣлена на три, то-есть изъ ея нѣдръ образовали еще двѣ ложи: Елизаветы къ Добродѣтели для русскаго языка и Петра къ Истинѣ для французскаго языка, и эти три ложи составили тогда Великую Директоріальную Ложу Владиміра къ Порядку (zur Ordnung). Хотя уже въ то время братъ Бёберъ и другіе считали себя вправѣ сообщать высшія степени, Капитулъ Феникса, собственно говоря, былъ формально возстановленъ

уже только въ 1811-мъ г., когда къ Великой Директоріальной Ложѣ присоединились ложи Соединенныхъ Друзей и Палестины, чтобы составлять только одно цѣлое. Это можно считать за вторую эпоху этого Капитула [1]).

2. Откуда получилъ онъ свои познанія, ритуалы, акты? Изъ Швеціи или изъ другого источника?

Покажется довольно очевиднымъ, что всѣ познанія, которыя петербургская префектура могла получить изъ Швеціи (предполагая, что послѣдняя была въ состояніи сообщить нѣчто большее, чѣмъ символы и историческія объясненія, которыя даже и не восходятъ къ особенно высокому началу), что эти познанія необходимо должны были перейти вмѣстѣ съ ея начальникомъ (префектомъ и великимъ провинціальнымъ мастеромъ Гагаринымъ) въ 8-ю провинцію. Однако же нѣсколько бумагъ, обладаніе которыми было больше интересно и любопытно, чѣмъ полезно и законно, нѣсколько подлинныхъ актовъ и ритуаловъ остались въ рукахъ братьевъ, которые не послѣдовали примѣру префекта, и эти масонскіе обрывки (которые притомъ шли не далѣе VII-й степени), переходя изъ рукъ въ руки, вмѣстѣ съ познаніями, болѣе или менѣе обширными, и всегда принадлежавшими лично этимъ братьямъ и основанными на ихъ хорошей или дурной памяти, сдѣлались краеугольнымъ камнемъ, на которомъ вновь воздвигли храмъ въ Петербургѣ въ 1809 году. По основному договору (Grund-Vertrag), который былъ сообщенъ в. п. бр. Вибелю, видно, что въ принципахъ и мнѣніяхъ этихъ братьевъ не было ничего положительнаго и реальнаго, и что въ этомъ первомъ достовѣрномъ актѣ формальнаго возрожденія шведской системы въ Петербургѣ они согласились скорѣе въ томъ, что̀ не было масонство по ихъ понятіямъ, нежели въ томъ, чѣмъ оно должно быть, и еще менѣе въ томъ, что̀ оно въ сущности есть [2]). Братъ Люберъ, который въ этомъ актѣ объявленъ гермейстеромъ въ благодарность за то, что онъ продолжалъ управлять

---

[1]) Эту внѣшнюю исторію вновь образованныхъ при Александрѣ I ложъ шведской системы мы видѣли въ предыдущей главѣ.

[2]) Основной договоръ (Grund-Vertrag), вѣроятно, разумѣется тотъ, который былъ именно заключенъ въ 1809-мъ году, при возобновленіи „храма“. Намъ онъ неизвѣстенъ.

русско-шведскимъ Капитуломъ, самъ этотъ братъ имѣлъ только отрывки о высшихъ степеняхъ. Ослабленный лѣтами и излишествами стола, онъ не могъ даже принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ ордена, которыя поручены были бр. Бёберу, какъ его помощнику или префекту. По всему этому не трудно будетъ судить объ основаніи, на которомъ должно быть утверждено все зданіе масонства, возобновленное и терпимое съ этого времени въ Россіи [1]).

Что касается до настоящаго положенія Капитула Феникса, которое можно считать его третьей эпохой, управляющіе имъ братья сохранили по внѣшности высшія шведскія степени, но они ничего не ждутъ отъ Швеціи, потому что имѣютъ счастіе знать источникъ истиннаго орденскаго ученія, тотъ благотворный источникъ, который въ болѣе счастливыя времена оплодотворялъ не одну масонскую страну, который однажды уже разлился въ нашемъ отечествѣ и въ которомъ утоляли свою жажду наши предшественники на царственномъ пути,—плодотворный источникъ, который еще изливаетъ свои сокровища на всѣхъ дѣтей св. Іоанна, по истинѣ жаждущихъ мудрости; единственный источникъ и безъ котораго масонскія поля бываютъ только безплодной пустыней [2]). Дальнѣйшія болѣе существенныя разъясненія относительно этого пункта требуютъ совершенно особенныхъ отношеній. Пусть Великій Архитекторъ Вселенной самъ приведетъ братьевъ, привязанныхъ къ духу истиннаго каменьщичества, къ болѣе тѣсному соединенію, какъ для ихъ взаимнаго блага, такъ и для того, чтобы противопоставить плотину опустошительному потоку духа нововведеній, который царствуетъ въ масонскомъ мірѣ, и который, умножая съ каждымъ днемъ число своихъ приверженцевъ,

---

[1]) Объ этомъ братѣ Люберѣ (Luber) мы не имѣемъ ближайшихъ свѣдѣній. Надобно думать, что это—то же лицо, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки нашего масонства подъ именемъ Людера. Они разсказываютъ именно, что „въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Россію было уже введено Строгое Наблюденіе (названіе Тампліерской системы)... и въ Петербургѣ учрежденъ капитулъ, великимъ мастеромъ котораго былъ купецъ Людеръ“ (См. Handb. III, стр. 108).

[2]) Какой здѣсь разумѣется „источникъ истиннаго орденскаго ученія“, не видно. Быть можетъ, составители отвѣтовъ имѣли въ виду преданія своихъ наставниковъ изъ стараго розенкрейцерства.

болѣе и болѣе удаляетъ несчастныхъ каменьщиковъ отъ самой возможности узнать ихъ истинное происхожденіе.

3. Пріобрѣлъ ли онъ, вмѣстѣ съ своимъ конституціоннымъ актомъ и съ своимъ дипломомъ (Freiheitsbrief), право учреждать другіе Капитулы, и на какомъ разстояніи отъ Петербурга сообщено ему это право? На 81—49 или 27 миль?

По данной ему инструкціи, полномочія Капитула простирались только на Россію.

4. Находится ли онъ въ связи съ другими иностранными Капитулами? И въ такомъ случаѣ, какъ называются они и гдѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе?

Капитулъ не имѣлъ никакихъ связей съ другими Капитулами. Швеція предлагала возстановить эти связи, но это не имѣло никакихъ послѣдствій. Въ настоящее время слѣдуютъ тому же правилу, потому ли, что не знаютъ мѣста, гдѣ имѣютъ мѣстопребываніе другіе Капитулы, или потому, что не увѣрены въ томъ духѣ, который, быть можетъ, совершенно уклонился отъ первоначальнаго учрежденія.

5. Имѣетъ ли онъ свѣдѣнія о первомъ первоначальномъ Великомъ Орденскомъ Капитулѣ [1]) и объ его мѣстопребываніи?

Основной договоръ (Grund-Vertrag), очевидно, доказываетъ, что брр. Бёберъ и другіе основатели не знали о первоначальномъ Капитулѣ.

6. Полагаетъ ли онъ, что есть только одинъ главный орденскій мастеръ (Haupt-Ordens-Meister), и что всѣ другіе только его викаріи? И гдѣ онъ могъ бы имѣть свое мѣстопребываніе?

Мы не знаемъ, какого мнѣнія были относительно этого предмета наши бывшіе начальники. Что касается до насъ, мы думаемъ, что одинъ изъ первыхъ вопросовъ, дѣлаемыхъ при открытіи ложи, достаточно показываетъ, гдѣ находится мѣсто Единаго Великаго Мастера ордена. Что касается его викаріевъ или его органовъ, истинные викаріи суть тѣ, которые всего болѣе приближаются къ его качествамъ и его намѣреніямъ и которые жили ранѣе и послѣ его пришествія въ

---

[1]) Такъ мы читаемъ нѣмецкое сокращеніе Gr. O. K.

міръ, чтобы просвѣтить его и приготовить людямъ путь, который приводитъ ихъ къ первоначальному ихъ совершенству.

7. Съ своими актами получилъ ли онъ также полную, письменную исторію всѣхъ Капитуловъ?

Капитулъ при своемъ возобновленіи въ 1809 г. не имѣлъ, кажется, ничего значительнаго объ исторіи Капитуловъ.

8. Тамошній оберъ-мейстеръ носитъ ли имя викарія Саломона или мудраго изъ мудрыхъ? Имѣетъ ли петербургскій оберъ-мейстеръ право выбирать по своему усмотрѣнію своихъ двухъ помощниковъ, 1-го и 2-го архитектора, или же этотъ выборъ происходитъ, какъ у насъ, по извѣстному законному порядку? Напримѣръ, что мастеръ капитула дѣлается оберъ-мейстеромъ и получаетъ преемникомъ второго мастера (Unter-Meister); послѣдній замѣняется первымъ блюстителемъ короны, а это мѣсто, при вакансіи, достается старшему орденскому чиновнику?

Братъ Бёберъ былъ объявленъ викаріемъ Саломона своими собратьями; это единственное основаніе (titre) его достоинства. Въ настоящее время Совѣтомъ и Капитуломъ управляетъ префектъ; за нимъ слѣдуетъ субъ-префектъ, за этимъ канцлеръ, потомъ вице-канцлеръ и командоры (Grands-Croix). Должности и достоинства назначаются верховнымъ Совѣтомъ.

9. Есть ли въ тамошнемъ капитулѣ особенная почетная скамья, предназначаемая какъ почетное мѣсто для оберъ-мейстера и другихъ чиновниковъ, которые по старости сложили съ себя должности?

10. Украшенія (Schmuck) оберъ-мейстера похожи ли на наши, именно, состоятъ ли они въ цѣпи, украшенной 9-ю іоаннитскими крестами, и на которой виситъ крестъ съ красной эмалью? На этомъ крестѣ находится ли съ одной стороны треугольникъ, съ буквами R. N. F., а съ другой стороны черное кольцо между . . . . . [1])

---

[1]) Эта часть вопроса, не вполнѣ намъ ясная, изложена въ оригиналѣ такъ: „Ob auf letzterem Kreuze von der einen Seite ein Triangel sich befindet und mit den Buchstaben R. N. F., und auf der andern Seite ein schwarzer Ring zwischen zwei kreutzweisgelegten (?) mit den Buchstaben S. T. P.?“

съ буквами S. T. P.? Имѣютъ ли эти буквы историческое или аллегорическое истолкованіе и какое? Или же орденскій крестъ петербургскаго мастера имѣетъ другія буквы, именно въ треугольникѣ B. W. F., а въ кольцѣ P. S. T. P.; какое значеніе имѣютъ эти буквы, если онѣ таковы?

11. Командоры или Grands-Croix (Gr.-Kreuze) составляютъ ли особый Conject; выбираются ли они изъ 9-ти высшихъ чиновниковъ оберъ-мейстеромъ; получаютъ ли они особенныя, другимъ степенямъ неизвѣстныя познанія? Носятъ ли они на шеѣ свѣтло-красную ленту съ краснымъ крестомъ, на которомъ въ медальонѣ находится буква B., и что это B. означаетъ?

12. Находится ли въ петербургскомъ капитулѣ 9 или 13 низшихъ чиновниковъ?

13. Имѣютъ ли старѣйшие рыцари Востока, называемые Seniores, особенныя преимущества и только имъ однимъ принадлежащія украшенія?

(9. 10. 11. 12. 13.). Такъ какъ эти вопросы относятся главнымъ образомъ къ подробностямъ степеней, д. п. бр. Вибель будетъ въ состояніи отвѣчать на нихъ, потому что бумаги, къ нимъ относящіяся, были ему сообщены.

Что касается до 9-й степени, то съ ней не связывались никакія особенныя познанія. Это былъ только титулъ, который давалъ право засѣдать въ верховномъ Совѣтѣ (der Hohe Ordensrath, le conseil sublime), который долженъ былъ держать кормило правленія ордена.

14. Ob im dortigen Kapitel eine schwarze Kugel auf beständig ausschliesst, ohne dass man nachfragen dürfe, von wem und wann sie eingeworfen ist?

Non est [1]).

15. Есть ли также въ петербургскомъ Капитулѣ и духовная отрасль, именно 1 пріоръ и 2 капеллана, какъ въ Швеціи? Могутъ ли занимать эти мѣста только дѣйствительно духовныя лица, или же поручаютъ эти мѣста и людямъ свѣтскимъ? Имѣютъ ли они особыя правила своей должности (Amts-Verrichtungen), обладаютъ ли особенно имъ принадлежащими привилегіями,

---

[1]) Вопросъ для насъ непонятенъ.

носятъ ли особыя украшенія, и пріобрѣтаютъ ли имъ только сообщаемыя познанія? При какой степени начинается эта духовная отрасль, и при принятіи рыцаря Запада происходитъ ли посвященіе въ капеллѣ?

Духовная вѣтвь существуетъ въ нашей системѣ (не должно смѣшивать ее съ настоящимъ клерикатомъ тампліеровъ, котораго тайный капитулъ былъ основанъ въ Россіи и о которомъ мы имѣемъ въ рукахъ довольно любопытный актъ), но въ нашемъ Капитулѣ былъ всего только одинъ братъ изъ духовныхъ. Въ настоящее время мы больше не имѣемъ таковаго. Притомъ мы полагаемъ, что братъ, достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ, можетъ, за недостаткомъ священника, исполнять его должность при посвященіи, которое совершается въ капеллѣ.

16. Происходитъ ли принятіе архитекторовъ по какому-нибудь ритуалу? И кромѣ принятаго между ними акта (Erkennungs-Act), получаютъ ли они еще другія познанія?

У насъ нѣтъ (степени) архитекторовъ.

17. На сколько книгъ (Logen-Bücher) раздѣлены акты, которые петербургское братство получило изъ Швеціи? На двѣнадцать ли, и какое содержаніе 11-й и 12-й книги? Было бы очень желательно имѣть полный указатель этихъ 12-ти книгъ и ихъ содержанія.

Число книгъ, присланныхъ Швеціей, нельзя опредѣлить, потому что онѣ были, вѣроятно, разсѣяны (disséminés), какъ вслѣдствіе различныхъ преслѣдованій и перемѣнчивыхъ обстоятельствъ, испытанныхъ орденомъ въ Россіи, такъ и вслѣдствіе смерти многихъ братьевъ.. Впрочемъ, къ какой пользѣ послужилъ бы длинный списокъ степеней и книгъ, которыя похожи на тѣло безъ души, когда истинный смыслъ, въ нихъ скрывающійся, не сообщается тѣмъ, кто имѣетъ къ тому возможность и власть? Самыя степени, которыя, повидимому, содержатъ и указываютъ возвышенные предметы словами и благочестивыми обрядами, не всегда исходятъ изъ очень чистаго источника. Кромѣ того, бумаги или письменные документы и проч. могутъ теряться, попадать незаконнымъ образомъ въ недостойныя руки.

Истинныя преданія ордена и его таинствъ не подлежатъ

подобнымъ правиламъ и не боятся перемѣнчивыхъ обстоятельствъ, которыя такъ часто потрясаютъ преддверія масонскаго храма, гдѣ столько тысячъ масоновъ ищутъ, и часто безплодно, тайную нить, которая должна руководить ихъ въ этомъ лабиринтѣ и привести ихъ къ святилищу. По самымъ достовѣрнымъ документамъ, Россія не Швеціи обязана высшими познаніями въ масонствѣ.

18. До какой степени идутъ катехизисы (Frage-Bücher)? Есть ли такія книги при степени высшихъ чиновниковъ и въ еще болѣе высокихъ отдѣленіяхъ?

Катехизисъ идетъ до 7-й степени включительно.

19. Наконецъ, было бы очень желательно, чтобы бр. Вибель убѣдилъ высокопочтеннаго бр. Бёбера довѣрить ему шифръ степеней Капитула для снятія копіи, чтобы мы могли сравнить его съ тѣмъ шифромъ, какой есть у насъ.

Никогда не было совершенно опредѣленнаго шифра, хотя Капитулъ имѣетъ ихъ нѣсколько въ своемъ архивѣ.

Общій взглядъ на нашъ нынѣшній союзъ.

1. Всѣ іоанновскія ложи, находящіяся подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи, работаютъ въ трехъ степеняхъ по ритуалу, введенному въ 8-й провинціи въ 1783. Этотъ ритуалъ носитъ всѣ признаки чистаго источника, указаннаго въ статьѣ, которая отвѣчаетъ на 2-й вопросъ и которая представляетъ самые удовлетворительные результаты сердцу и уму ищущихъ (aspirants), давая положительное направленіе ихъ размышленію и ихъ нравственной дѣятельности.

2. Ложи шотландскія (ложи: Сфинкса и Александра Златаго Льва) работаютъ по шведскимъ ритуаламъ. Всѣ касающіяся ихъ дѣла ввѣрены шотландской директоріи, которая сама находится въ непосредственной зависимости отъ верховнаго совѣта, которому подчиненъ также Капитулъ Феникса. Совѣтъ раздѣляется на двѣ палаты (chambres); первая состоитъ изъ братьевъ 9-й степени, а вторая изъ братьевъ 8-й степени. Обыкновенно онъ собирается въ этой послѣдней степени.

Ритуалы Капитула очень полны, до 7-й степени включительно.

3. Наконецъ, цѣль братьевъ, управляющихъ союзомъ Великой Провинціальной Ложи, есть поддерживать съ Божіею помощью древнее и истинное Свободное Каменьщичество между немногочисленными, но вѣрными брр., которыхъ Провидѣніе ввѣрило ихъ попеченію. Они надѣются, что Великій Архитекторъ Вселенной, во вниманіе къ тому благу, которое должно произойти отсюда для ихъ отечества, благословитъ ихъ слабые труды и что истинный свѣтъ сохранится и распространится въ Россіи, несмотря на мракъ, который старается затмить его, но который не можетъ и никогда не будетъ мочь понять его, и еще менѣе восторжествовать надъ нимъ. . . .

Да будетъ имя Верховнаго Мастера всякой плоти благословенно во вѣки вѣковъ.

Затѣмъ, братья, продиктовавшіе эти строки, поручаютъ себя братской любви братьевъ, которые будутъ читать ихъ.

С.-Петербургъ, 4 іюля 1818.

„Инструкція для директоріи, основанной въ Петербургѣ", 1780-го, года, о которой упоминается въ отвѣтѣ нашихъ масоновъ на первый пунктъ вопросовъ Вибеля, какъ мы замѣтили, сохранилась въ масонскомъ архивѣ, находящемся теперь въ Московскомъ Музеѣ [иностр. № 374]. Это одинъ изъ немногихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, оффиціальныхъ документовъ, представляющихъ сношенія нашихъ ложъ съ иностранными великими ложами. Директорія, здѣсь упоминаемая, была директорія той шведской системы, утвержденіе которой у насъ совершилось въ 1776—1780 годахъ. „Инструкція" 1780-го года была, кажется, послѣднимъ актомъ этого утвержденія, и составляла законодательство и правила управленія для основавшихся у насъ ложъ шведской системы.

Инструкція (въ тетради, въ листъ, и прекрасно переплетенная) написана на французскомъ языкѣ. Мы приведемъ ее въ возможно точномъ переводѣ, какъ документъ, дающій понятіе о свойствѣ отношеній петербургской Великой Ложи, основанной въ 1779—80 г., къ шведскому „востоку", и объ устройствѣ и управленіи русскихъ ложъ этой системы.

Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій (впослѣдствіи, Карлъ XIII, король шведскій), отъ имени котораго дана эта ин-

струкція, занималъ тогда второе мѣсто въ іерархіи шведской системы; первое принадлежало самому королю, который, впрочемъ, въ томъ же 1780-мъ году передалъ герцогу всѣ масонскія полномочія [1]). Ихъ отношенія во время составленія „Инструкціи“ мы увидимъ далѣе изъ самаго документа.

Мы, Карлъ, Божіею милостію наслѣдный принцъ шведскій, готскій и вандальскій, герцогъ зюдерманландскій, наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, стормарскій и дитмарскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій, великій адмиралъ шведскій, непремѣнный генеральный визитаторъ и генеральный инспекторъ... св. Ордена Храма Іерусалимскаго, великій провинціальный мастеръ VII и IX провинцій, въ орденѣ называемый рыцарь и бр. проф. животворящаго солнца, симъ объявляемъ [2]).

Что, принимая во вниманіе сколь похвальныя, столько и блестящія преданность и усердіе къ общему благу нашего св. Ордена, оказанныя братьями достопочтеннаго Капитула, основаннаго нами въ Петербургѣ, съ первой минуты, какъ мы сочли нужнымъ возжечь у нихъ свѣтъ, и имѣя въ виду мѣстность Россійской имперіи, обширное пространство которой, для поддержанія добраго порядка и точнаго выполненія нашихъ священныхъ законовъ, требуетъ особеннаго надзора, какой могъ бы предотвратить или быстро исправить злоупотребленія и безпорядки, могущіе вкрасться какъ въ масонскія ложи, такъ и въ различные капитулы, могущіе впредь быть основанными въ этой имперіи: Мы нашли необходимымъ, согласно съ тѣмъ, что̀ было постановлено во второй ст. Договора (Acte de Convention) 10 апрѣля 1778 года, учредить Директорію въ Петербургѣ, которая не только наблюдала бы за сохраненіемъ законовъ, статутовъ и об-

---

[1]) О введеніи у насъ шведской системы и герцогѣ Зюдерманландскомъ см. Лонгиновъ, стр. 105 и слѣд. (сообщенныя здѣсь свѣдѣнія, однако, не вполнѣ точны); „Дополненія“ Пекарскаго; Handb., стат. Schweden (III, стр. 214—215), и друг.

[2]) Масонскій титулъ въ подлинникѣ значится такъ: „Visiteur général Perpétuel et Inspecteur général des Armes du S. O. du T. de Jer., Grand-Maître Provincial de la VII-e et IX-e Province, in Or-e dict. Equ. et Fr. Prof. a Sole Vivificante“. Седьмая и девятая провинція означали здѣсь Швецію и Россію.

рядовъ св. Ордена, но также разрѣшала бы и судила всѣ несогласія, могущія возникнуть между братьями, какъ масонами, такъ и тампліерами, которые работаютъ съ цѣлью расширять и поддерживать свѣтъ, а потому и не должны подлежать вѣдѣнію профанныхъ судей, не принадлежа къ ихъ области (ressort).

На этотъ конецъ, мы хотѣли дать достопочтеннымъ братьямъ, имѣющимъ составить вышеупомянутую Директорію, слѣдующую инструкцію, которая, будучи основана на древнихъ законахъ и обычаяхъ, издавна принятыхъ и установленныхъ въ нашемъ св. Орденѣ, послужитъ имъ руководствомъ (règle), по которому они будутъ впредь имѣть надзоръ и спеціальное управленіе всѣми дѣлами, имѣющими какое-нибудь отношеніе къ св. Ордену Хр. Іер. на всемъ пространствѣ имперіи всея России.

Надѣемся, впрочемъ, что эти достойные братья, своимъ повиновеніемъ и своей точностью въ исполненіи ея статей, вполнѣ будутъ отвѣчать нашему ожиданію и нѣжному довѣрію, какое Мы имѣемъ къ ихъ рвенію.

Ст. 1-я.

Такъ какъ достопочтенный Петербургскій Капитулъ извѣстенъ братьямъ каменьщикамъ только подъ именемъ Великой Національной Ложи, то Директорія, которой принадлежитъ управленіе (la régie) этимъ самымъ Капитуломъ [1], будетъ носить имя Совѣта Великой Національной Ложи.

Ст. 2-я.

Директорія останется навсегда учреждена и будетъ имѣть пребываніе въ столицѣ имперіи и составлена будетъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) Великій префектъ; 2) Канцлеръ; 3) Вице-канцлеръ; 4) Прелатъ Петербургскаго капитула; 5) Начальникъ нововступающихъ (Senior Novitior); 6) Великій Хранитель; 7) Деканъ; 8) Прокураторъ; 9) Первый и 10) второй Вел. Инспект. Храма; 11) Великій казнохранитель; 12) Le Grand Hospitalier (или Dator Panorum); 13) Великій герольдъ (Le Roi d'armes, или Heraldic. Magnus).

---

[1]) Здѣсь и дальше, вмѣсто этого слова, ставится четвероугольникъ съ крестомъ на верху. Далѣе, мы будемъ выдѣлять разрядкой слова, обозначаемыя масонскими знаками.

Директоріи, кромѣ того, будетъ позволено выбрать между рыцарями или же между друзьями Ордена двухъ лицъ, изъ которыхъ одно будетъ исполнять обязанности секретаря Директоріи, а другое будетъ хранить ея архивы, не имѣя, однако, голоса въ Директоріи, и Директорія можетъ придать имъ, въ качествѣ помощниковъ, 4 или 5 écuyers, armigers 3-го класса, смотря по тому, какъ Директорія сочтетъ за нужное.

Префекты другихъ капитуловъ, пріѣзжая въ Петербургъ, будутъ получать позволеніе присутствовать въ Директоріи, но безъ права голоса.

Кромѣ вышеупомянутыхъ 13 членовъ, составляющихъ Директорію, въ Директоріи всегда будетъ имѣть мѣсто и голосъ одинъ изъ представителей Великаго капитула въ Стокгольмѣ, который будетъ назначенъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ IX-й Провинціи, чтобы чрезъ это имѣть еще болѣе средствъ къ поддержанію тѣсной связи и добраго согласія между двумя капитулами. Такимъ же образомъ одинъ изъ представителей капитула петербургскаго, назначаемый Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ, будетъ имѣть то же преимущество въ Великой Директоріи въ Стокгольмѣ.

Но затѣмъ, никому не будетъ позволено входить въ Директорію, подъ какимъ бы то ни было именемъ и предлогомъ, если только это не будетъ Magister Templi IX-й Провинціи, или кто-либо нарочно посланный отъ Великаго Провинціальнаго Мастера IX-й Провинціи.

Ст. 3-я.

Каждый членъ, прежде чѣмъ начать засѣданія въ Директоріи, долженъ дать, на Библіи, слѣдующую присягу:

Присяга.

Я, NN, обѣщаюсь передъ Богомъ и клянусь св. Евангеліемъ во всемъ сообразоваться и точно слѣдовать тому, что мнѣ предписывается въ законахъ рыцарей тампліеровъ и въ особой инструкціи, данной для Директоріи въ 1780. Я обѣщаюсь блюсти за сохраненіемъ правъ и законной власти славнаго и достопочтеннаго Великаго Мастера этой IX-й Провинціи; не допускать никогда, чтобы имъ нанесенъ былъ малѣйшій ущербъ, и повиноваться ему во всемъ, что не

противно вѣрности, повиновенію и покорности, которыми я обязанъ моимъ законнымъ государямъ и какъ свѣтскимъ, такъ и церковнымъ законамъ этой имперіи. Я обѣщаюсь также употреблять всѣ мои старанія къ быстрому и немедленному исполненію приказаній и повелѣній моего Великаго Мастера, относящихся ко благу св. Ордена, придутъ ли эти приказанія прямо ко мнѣ, или отъ его имени, черезъ Великую Директорію Сѣвернаго Пріората (du Prieuré Septentrional). Я обѣщаюсь, сверхъ того, поддерживать, сколько будетъ отъ меня зависѣть, каждый капитулъ, каждую ложу, каждаго рыцаря и каждаго брата-каменьщика въ полномъ обладаніи правъ, привиллегій и преимуществъ, имъ принадлежащихъ и со всевозможнымъ вниманіемъ предупреждать все, что могло бы принести малѣйшее нарушеніе добраго порядка, повиновенія и братской дружбы, которыя должны царствовать между братьями или членами нашего св. Ордена. Я обѣщаюсь держать все это свято и искренно, въ силу креста, который я ношу, какъ подобаетъ истинному свободному и вѣрному рыцарю Ордена Храма нашего Господа Іисуса Христа.

И да будетъ надо мной милость Всемогущаго.

Ст. 4-я.

Такъ какъ Директорія Россіи зависитъ единственно отъ Великаго Провинціальнаго Мастера IX-й Провинціи, она обязана будетъ строго исполнять всѣ статьи Договора 1778 года, и никогда по собственной волѣ (de son propre chef) не дѣлать никакихъ новыхъ учрежденій, не принимать никакихъ мѣръ или измѣненій, не испросивъ и не получивъ предварительно согласія Великаго Провинціальнаго Мастера. На этотъ конецъ, Директорія будетъ поддерживать тѣсную корреспонденію съ Директоріей Сѣвернаго Пріората, имѣющей пребываніе въ Стокгольмѣ, сообщать ей не только все то, что могло бы какимъ-нибудь образомъ касаться общаго блага Ордена, но также и все, что относится къ частнымъ дѣламъ ложъ и капитуловъ и что могло бы заслуживать вниманія Великаго Провинціальнаго Мастера. Поэтому, петербургская Директорія будетъ каждые полгода посылать Великой Директоріи въ Стокгольмѣ точный отчетъ о ложахъ и капитулахъ, работающихъ на всемъ простран-

ствѣ Россійской Имперіи, и въ концѣ каждаго года—краткій общій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, какія произошли въ теченіе года, для доклада о томъ Великому Провинціальному Мастеру.

Ст. 5-я.

Каждая ложа каменьщиковъ, какъ іоанновскихъ, такъ и св. Андрея, называемая Шотландской, и каждый капитулъ, который существуетъ или будетъ впредь существовать на всемъ пространствѣ имперіи всея Россіи, обязаны во всемъ и безъ замедленія повиноваться Директоріи, представлять ей точныя донесенія о своемъ состояніи, о способѣ своихъ работъ, о своихъ экономическихъ дѣлахъ, о производимыхъ ими принятіяхъ, и о томъ, какъ они исполняютъ приказанія Директоріи или Великаго Мастера, которыя будутъ имъ сообщаемы Директоріей, и никому не позволяется дѣлать какихъ-либо нововведеній, приводить въ исполненіе какой-либо проектъ безъ вѣдома, и еще менѣе противъ мнѣнія и безъ одобренія Директоріи.

Въ случаѣ нарушенія (этой статьи) виновные подвергнутся наказаніямъ, установленнымъ законами, и будутъ вычеркнуты и исключены (rayés et bisqués), какъ отщепенцы, измѣнники и клятвопреступники, изъ списка истинныхъ свободныхъ каменьщиковъ и вѣрныхъ рыцарей Храма.

Ст. 6-я.

Директорія наблюдаетъ (fait exécuter), чтобы во всѣхъ ложахъ и капитулахъ, находящихся въ ея зависимости, исполнялись повелѣнія, эдикты и распоряженія Великаго Провинціальнаго Мастера, относящіеся къ дѣламъ св. Ордена. Съ этой цѣлью, какъ скоро дойдутъ до Директоріи повелѣнія Великаго Мастера, она разсылаетъ ихъ въ ложи и капитулы. Эти послѣдніе даютъ росписки въ полученіи, съ означеніемъ времени, на той же бумагѣ, и отсылаютъ ее обратно Директоріи для храненія въ архивѣ Директоріи, которая потомъ доноситъ объ этомъ, съ приложеніемъ копій, Великой Директоріи Сѣвернаго Пріората въ Стокгольмѣ.

Ст. 7-я.

Никто не долженъ быть баллотируемъ, для принятія въ рыцари Востока, прежде чѣмъ капитулъ, гдѣ онъ пред-

лагается, не пошлетъ предварительно его имени и его качествъ въ Директорію, для испрошенія у Великаго Провинціальнаго Мастера согласія на эту баллотировку, и получивъ это согласіе, можно приступить къ баллотировкѣ и къ принятію, сообразно съ законами, на подобные случаи установленными.

Ст. 8-я.

Такъ какъ Директорія имѣетъ главное начальство и надзоръ за всѣми кассами и экономіей ложъ и капитуловъ, то послѣдніе обязаны въ концѣ каждаго полугодія отдавать Директоріи отчетъ въ ихъ употребленіи. Имъ положительно запрещается дѣлать какую-либо чрезвычайную издержку безъ позволенія Директоріи, также какъ и Директорія не въ правѣ давать свое согласіе на подобныя издержки, не получивъ на то одобренія Великаго Провинціальнаго Мастера.

Директорія, сверхъ того, будетъ заботиться и будетъ въ томъ отвѣтственна передъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ, чтобы ежегодный взносъ (rétribution) девяноста девяти дукатовъ, опредѣленный по 8-й статьѣ Договора 1778 года, былъ въ точности уплачиваемъ и очищаемъ.

Ст. 9-я.

Каждый членъ Директоріи, имѣя свою особенную должность, обязанъ сообразоваться съ слѣдующей инструкціей.

Великій Префектъ.

1°. Великій Префектъ есть всегда предсѣдатель Директоріи, гдѣ онъ имѣетъ два голоса, и при равенствѣ голосовъ, онъ рѣшаетъ. Онъ имѣетъ право собирать Директорію такъ часто, какъ сочтетъ это нужнымъ для пользы Ордена, что должно дѣлаться по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Остальнымъ братьямъ-каменьщикамъ онъ будетъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Провинціальнаго Мастера, и ему принадлежитъ главное начальство (surintendance) надъ всѣми ложами, которыя работаютъ на пространствѣ имперіи всея Россіи. По его смерти или въ томъ случаѣ, если его должность останется вакантной вслѣдствіе его отставки, Великій Провинціальный Мастеръ IX-й Провинціи, о томъ предварительно извѣщенный, представитъ Великому Гене-

ральному Мастеру всего св. Ордена [1]) лицъ, изъ которыхъ Великій Мастеръ выберетъ одного, чтобы занять его мѣсто и ему наслѣдовать.

2⁰. Великій Префектъ имѣетъ право присутствовать на всѣхъ великихъ конвентахъ Ордена, также какъ и на всѣхъ провинціальныхъ конвентахъ, гдѣ онъ всегда будетъ имѣть голосъ, и когда ему нельзя будетъ находиться тамъ лично, онъ имѣетъ право посылать туда представителя, но нужно, чтобы этотъ послѣдній былъ всегда рыцарь, имѣющій высшія степени [2]).

3⁰. Онъ имѣетъ также право управлять, открывать и закрывать капитулы, зависящіе отъ его округа, если только не присутствуетъ самъ Великій Генеральный Мастеръ всего Ордена, или Великій Мастеръ IX-й Провинціи; тогда это право принадлежитъ ему одному.

4⁰. Должность Вел. Префекта пожизненна, если только онъ ея не оставитъ добровольно, и онъ всего болѣе своимъ примѣромъ долженъ воодушевлять другихъ братьевъ, выказывать свою ревность, свое повиновеніе и свою привязанность къ ихъ общему начальнику или Вел. Провинціальному Мастеру.

5⁰. Великій Префектъ не можетъ, по собственному произволу или безъ вѣдома Директоріи, принимать никакихъ мѣръ относительно управленія ложъ и капитуловъ, и еще менѣе—учреждать новые, предварительно не испросивъ и не получивъ согласія Великаго Пров. М.

6⁰. Великій Префектъ, какъ предсѣдатель Директоріи, въ особенности долженъ блюсти за охраненіемъ правъ Великаго Провинціальнаго Мастера и въ особенности быть передъ нимъ отвѣтственнымъ въ быстрой передачѣ и исполненіи его приказаній. Онъ долженъ также заботиться, чтобы донесенія, какія Директорія обязана дѣлать Великому Провинціальному Мастеру, были посылаемы и отправляемы безъ замедленія въ назначенные сроки.

---

[1]) Въ то время это былъ еще, какъ мы говорили, самъ король шведскій, у котораго герцогъ Зюдерманландскій былъ какъ бы помощникомъ.

[2]) Въ этомъ смыслѣ былъ, вѣроятно, Бёберъ на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ. Онъ былъ тогда секретаремъ русской Національной Ложи шведской системы.

7⁰. Онъ долженъ также смотрѣть за поведеніемъ ложъ и капитуловъ своего округа, для того, чтобы съ точностью исполняемы были законы, обряды, церемоніи и обычаи, принятые въ Каменьщичествѣ и установленные съ первыхъ временъ общими и древними законами св. Ордена. Но въ особенности обязанность его должности есть блюсти за поведеніемъ рыцарей и дѣлать о томъ вѣрное донесеніе въ концѣ года Великому Провинціальному Мастеру, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ Великій Мастеръ могъ знать всѣхъ братьевъ и вознаграждать ихъ рвеніе ко благу и распиренію св. Ордена, смотря по заслугамъ каждаго.

Канцлеръ.

1⁰. Канцлеръ будетъ заботиться о томъ, чтобы приказанія Директоріи различнымъ ложамъ и капитуламъ были должнымъ образомъ посылаемы; онъ будетъ также наблюдать за отправленіемъ донесеній отъ Директоріи Великому Провинціальному Мастеру, и завѣдывать (aura le détail) всей корреспонденціей Директоріи, какъ съ Великимъ Мастеромъ и Великой Директоріей Сѣвернаго Пріората, такъ и съ ложами и капитулами, находящимися въ вѣдѣніи Директоріи.

2⁰. Въ Директоріи онъ есть докладчикъ всѣхъ дѣлъ, приходящихъ отъ ложъ и капитуловъ. Поэтому, онъ будетъ вести точный журналъ дѣламъ, вносимымъ въ Директорію, также какъ рѣшеніямъ и отвѣтамъ Директоріи. Въ другомъ журналѣ онъ будетъ отмѣчать всѣ письма и приказанія, исходящія отъ Великаго Мастера, и отвѣты Директоріи на упомянутыя письма.

3⁰. Когда его мѣсто дѣлается вакантнымъ, Директорія представитъ Великому Провинціальному Мастеру трехъ рыцарей, имѣющихъ высшія степени, изъ которыхъ Великій Мастеръ назначитъ одного ему въ преемники. Впрочемъ, онъ будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что предписано въ масонскихъ законахъ, гдѣ онъ носитъ имя Великаго Канцлера Великой Національной Ложи.

Вице-канцлеръ.

Вице-канцлеръ будетъ исполнять должность канцлера во время его отсутствія и вообще будетъ помогать ему въ исполненіи его должности.

Въ каменьщичествѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Витіи Великой Національной Ложи.

Прелатъ Капитула.

Прелатъ будетъ имѣть попеченіе о томъ, чтобы въ капитулахъ, зависящихъ отъ Директоріи, совершаема была божественная служба въ первую пятницу каждаго мѣсяца, по законамъ Ордена, и всѣ духовныя лица (ecclésiastiques) ордена должны признавать его власть [1].

Начальникъ нововступающихъ (Chef des novices).

1⁰. Начальникъ или Senior Novitiorum будетъ вѣдать всѣ проступки, какіе были бы совершены противъ законовъ ордена, и будетъ доносить о томъ Директоріи.

2⁰. Онъ будетъ смотрѣть за поведеніемъ всѣхъ членовъ капитуловъ, какъ рыцарей, такъ и écuyers, и если бы случилось, что кто-нибудь могъ забыть или пренебречь своими обязанностями, онъ долженъ сдѣлать имъ по этому поводу замѣчанія и увѣщанія, и никто не въ правѣ питать неудовольствіе (prendre en mauvaise part) противъ Senior Novitiorum, такъ какъ этимъ онъ исполняетъ обязанности своего званія. Если, противъ всякаго ожиданія, кто-нибудь изъ братьевъ будетъ такъ несчастенъ, что впадетъ въ какую-нибудь важную вину, которая можетъ имѣть свои послѣдствія, Senior Novitiorum обязанъ немедленно извѣстить о томъ Великаго Провинціальнаго Мастера, черезъ посредство Директоріи.

3⁰. Особенный надзоръ долженъ имѣть Senior Novitiorum всего болѣе надъ армигерами или Ecuyers всѣхъ классовъ. На этотъ конецъ онъ будетъ имѣть точные списки (des rôles exacts), гдѣ будутъ означаться ихъ положеніе въ орденѣ, также какъ и въ профанномъ свѣтѣ, и ихъ нравственныя качества, для того, чтобы онъ всегда имѣлъ возможность доставлять по этому предмету необходимыя объ-

---

[1]) Эта должность, по всей вѣроятности, должна была быть занимаема духовнымъ лицомъ. Сюда относится 15-й пунктъ въ вопросахъ инструкціи Вибеля. Наши масоны отвѣчали, что въ ихъ (шведскомъ) капитулѣ былъ всего только одинъ братъ изъ духовныхъ; но что исполнять эту духовную должность, по ихъ мнѣнію, могъ вообще и свѣтскій братъ, достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ.

Что духовныя лица вообще бывали не одинъ разъ въ нашемъ масонствѣ, объ этомъ есть нѣсколько различныхъ указаній.

ясненія, въ случаѣ, если бы Великій Провинціальный Мастеръ ихъ потребовалъ. Ecuyers обязаны оказывать ему всякое почтеніе и всевозможное повиновеніе, какъ своему особенному начальнику.

4⁰. Кромѣ того, онъ долженъ еще употреблять все свое вниманіе на то, чтобы никакой человѣкъ съ испорченными нравами или по инымъ причинамъ недостойный такой чести, не могъ быть предложенъ и допущенъ къ баллотировкѣ, для принятія въ рыцари Востока и Іерус. Поэтому, онъ долженъ прилагать свое мнѣніе о каждомъ лицѣ къ тѣмъ представленіямъ, какія Директорія будетъ посылать Вел. Провинціальному Мастеру о лицахъ, предложенныхъ къ баллотировкѣ въ капитулахъ Востока.

5⁰. Въ каменьщичествѣ онъ носитъ имя Великаго Инквизитора Великой Національной Ложи, и онъ можетъ быть судимъ только Великимъ Мастеромъ.

Великій Хранитель.

1⁰. Великій Хранитель долженъ имѣть подъ своимъ надзоромъ архивъ Директоріи, въ которомъ будутъ сохраняться всѣ акты, относящіеся къ св. Ордену, какъ общіе и частные законы, ритуалы, декреты, приказанія и письма Великаго Мастера и проч.

2⁰. Впрочемъ, Великій Хранитель будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что предписывается въ слѣдующей статьѣ для Декана и Прокуратора, употребленіе которой раздѣляется между ими троими, смотря по требованію обстоятельствъ. Поэтому, онъ извѣстенъ братьямъ-каменьщикамъ подъ именемъ Перваго Великаго Визитатора Національной Ложи.

Деканъ и Прокураторъ.

1⁰. Они обязаны, какъ имъ возможно чаще, дѣлать визитацію въ ложахъ и капитулахъ, зависящихъ отъ Директоріи, чтобы видѣть, производятся ли работы ихъ сообразно съ тѣмъ, что повелѣвается законами, и дѣлать объ этомъ вѣрный докладъ Директоріи, такимъ образомъ, чтобы эта послѣдняя имѣла возможность тотчасъ исправлять и устранять злоупотребленія и безпорядки, какіе могли бы вкрасться какъ въ способѣ работъ, такъ и во внутреннемъ управленіи. При этомъ случаѣ они должны разсматривать протоколы и журналы каждой ложи и капитула, также

какъ состояніе ихъ кассы, и не упускать изъ виду ничего, что могло бы заслуживать ихъ вниманія.

2⁰. Директорія будетъ дѣлать извлеченіе изъ донесеній, ими сдѣланныхъ, съ замѣчаніями ихъ о настоящемъ состояніи ложъ и капитуловъ и о перемѣнахъ, какія могли произойти со времени послѣдней визитаціи, и это извлеченіе будетъ посылаемо Великой Директоріи въ Стокгольмѣ.

3⁰. Они извѣстны въ Каменьщичествѣ подъ именами Второго и Третьяго Великаго Визитатора Національной Ложи.

Великіе Инспекторы Храма (Inspecteurs du Temple).

Два Великіе Инспектора Храма, извѣстные братьямъ-каменьщикамъ подъ именемъ Великихъ Надзирателей (Surveillants) Національной Ложи, завѣдуютъ всѣми домами и зданіями, принадлежащими Ордену. Они имѣютъ попеченіе объ украшеніяхъ (ornements et décorations) какъ въ ложахъ, такъ и въ капитулахъ, чтобы они были сообразны съ тѣмъ, что относительно ихъ предписано въ законахъ.

Великій Казнохранитель.

1⁰. Завѣдываніе и управленіе денежными суммами поручается Великому Казнохранителю. Поэтому всѣ частные казнохранители ложъ и капитуловъ зависятъ отъ него, должны ему повиноваться и обязаны отдавать ему отчетъ въ своемъ управленіи такъ часто, какъ онъ потребуетъ.

2⁰. Для этой цѣли онъ озаботится тѣмъ, чтобы имѣть росписки (recettes) и документы о всѣхъ доходахъ и расходахъ Ордена, которые онъ каждую четверть года будетъ представлять Директоріи, для того, чтобы она имѣла возможность давать Великому Провинціальному Мастеру всѣ разъясненія, какія онъ отъ нея потребуетъ.

3⁰. Онъ будетъ блюсти за взиманіемъ доходовъ и особенно ежегоднаго взноса (tribut), который ложи должны посылать Директоріи, подъ именемъ іоанновскаго взноса (tribut de St.-Jean). Въ ложахъ каменьщиковъ онъ носитъ то же имя какъ здѣсь.

Великій Hospitalier, или Dator panorum.

Великій Hospitalier [1]), извѣстный подъ тѣмъ же име-

---

[1]) Не знаемъ, какъ могло быть переведено это слово. Должность, имъ обозначаемая, была, вѣроятно, та же, которая въ другихъ системахъ принадлежала „собирателю милостыни".

немъ братьямъ-каменьщикамъ, имѣетъ надзоръ за всѣми благотворительными учрежденіями, устроенными орденомъ, и за недостаточными братьями, о которыхъ будетъ заботиться, чтобы они правильно получали то, что назначено на ихъ содержаніе, по разсчету (état), сдѣланному о томъ Директоріей. Поэтому, въ концѣ каждаго года онъ будетъ представлять Директоріи записку объ ихъ числѣ и ихъ другихъ обстоятельствахъ, чтобы Директорія, на основаніи этихъ свѣдѣній, могла распредѣлить суммы, ассигнованныя на это употребленіе, въ началѣ слѣдующаго года. Эти суммы будутъ составляться отчасти изъ добровольныхъ пожертвованій великодушныхъ и человѣколюбивыхъ братьевъ, но главнымъ образомъ изъ сборовъ, какіе должны дѣлаться во всѣ рабочіе дни въ ложахъ и капитулахъ передъ тѣмъ, какъ братья будутъ расходиться. Эти деньги должны быть въ каждую четверть года отсылаемы къ Великому Hospitalier, и онъ будетъ вести имъ особенный счетъ. Эти книги и отчеты, также какъ отчеты Великаго Hospitalier, должны быть каждые полгода представляемы Директоріи, которая будетъ поручать ревизію ихъ двумъ изъ своихъ членовъ поочередно, и въ концѣ года Директорія дастъ имъ приличныя квитанціи [1]).

Великій Hospitalier будетъ имѣть особенное попеченіе о немощныхъ и больныхъ Ордена, приглашая врачей и хирурговъ, находящихся въ Орденѣ, подавать имъ всю возможную помощь.

Le Roi d'armes, или Heraldicus Magnus.

1⁰. Le Roi d'armes [2]) будетъ имѣть завѣдываніе и распоряженіе всѣми празднествами, какія будутъ торжествоваться въ капитулѣ по обычаямъ, установленнымъ законами Ордена. Онъ долженъ также обращать вниманіе на то, чтобы рыцари и Ecuyers были прилично и должнымъ образомъ одѣты и убраны въ дни, назначенные для собранія капитула.

2⁰. Онъ долженъ представлять проекты и рисунки для гербовъ, именъ и девизовъ братьевъ-рыцарей, которые бу-

---

[1]) Въ подлинникѣ: décharges convenables. Изложеніе не вполнѣ намъ ясно.

[2]) Лица этой должности въ другихъ системахъ нашихъ назывались герольдами.

дуть потомъ посылаемы Великому Мастеру на его утвержденіе. Послѣ того, какъ Великій Мастеръ утвердитъ ихъ и возвратитъ въ Директорію, Le Roi d'armes вручитъ ихъ рыцарямъ, снявши предварительно копіи, которыя внесетъ въ особую книгу, съ ихъ именами, должностями и гербами, какіе употребляются ими въ профанномъ свѣтѣ, и по смерти этого брата, онъ прибавитъ сюда исторію жизни или краткую біографію покойнаго.

3⁰. Въ каменьщицкомъ мірѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Маршала Великой Національной Ложи.

Секретарь Директоріи.

Секретарь долженъ вести протоколы въ Директоріи и помогать канцлерамъ въ веденіи дѣлъ и корреспонденціи; поэтому секретарь долженъ хорошо знать иностранные языки и вполнѣ знать исторію, законы, обычаи и проч. нашего св. Ордена.

Наконецъ, мы даемъ нашей любезной Директоріи, симъ нами установленной, въ гербъ—серебрянаго орла на красномъ полѣ, сидящаго на мозаичномъ паркетѣ изъ песка и серебра. Направо онъ держитъ гербъ св. Ордена, именно красный крестъ на серебряномъ полѣ, а позади щита онъ держитъ зеленую пальмовую вѣтвь.

Надъ орломъ находится золотой треугольникъ съ лучами, въ серединѣ котораго находится око. Кругомъ написано: Sigill. Dir. Capitulor. S. O. T. H. in Imp. Russ. inst. A⁰ MDCCLXXX.

Въ заключеніе, мы молимъ верховнаго и трижды Великаго Архитектора Вселенной, да удостоитъ имѣть подъ своей св. охраной нашу любезную Директорію.

Дано въ Стокгольмѣ, MDCCLXXX, въ IX-й день 5-го мѣсяца, въ нашемъ Вел. Совѣтѣ на Востокѣ.

Карлъ — —[1]) Зюдерм.

I. O. D. Equ. IX Pr. Prof. a Sole vivificante.

Шведская система, которая установлялась этимъ законодательствомъ въ нашемъ масонствѣ, удержалась недолго. Князь Г. П. Гагаринъ, который былъ „Префектомъ“ капитула или Великимъ Мастеромъ Національной Ложи, пере-

[1]) Крестъ такъ называемой Андреевской формы.

селился вскорѣ въ Москву, гдѣ онъ получилъ новое назначеніе по службѣ, и здѣсь онъ былъ окруженъ новыми обстоятельствами. Въ 1782-мъ году, послѣ Вильгельмсбадскаго конвента, происходившаго совершенно независимо отъ притязаній Швеціи на масонское первенство, Россія объявлена была отдѣльной и независимой „провинціей“. Центръ русскаго масонства оказался въ Москвѣ, гдѣ дѣйствовалъ новиковскій кружокъ, заботами котораго и было устроено это независимое положеніе нашего масонства. Князь Гагаринъ вскорѣ отказался отъ своихъ прерогативъ; шведское масонство окончательно уступило московскому розенкрейцерству.

Въ Петербургѣ шведскія прерогативы не были, однако, забыты, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя масонство шведской системы снова явилось на сцену при возобновленіи ложъ въ Александровское время. Какъ это происходило,—разсказывается въ отвѣтахъ нашихъ масоновъ на инструкцію Вибеля.

VI. Запрещеніе ложъ 1822-го и 1826 гг.

Извѣстно, что въ 1822 г. изданъ былъ указъ, запрещавшій масонскія ложи и вообще тайныя общества. Отъ масоновъ и не масоновъ требовались подписки о непринадлежности впредь къ ложамъ и тайнымъ обществамъ, и ложи должны были быть закрыты. Въ 1826-мъ году запрещеніе было повторено. До сихъ поръ не были еще разъяснены причины изданія указа 1822-го года: онѣ заключались, повидимому, главнымъ образомъ въ томъ предубѣжденіи, которое умѣли за границей поселить въ императорѣ Александрѣ противъ европейскаго либерализма; когда началось тамъ преслѣдованіе тайныхъ обществъ, а также отчасти и масонскихъ ложъ, русскому правительству казалось, что и наши ложи представляютъ такую же опасность. При этомъ нашли, кажется, поводъ къ этой мѣрѣ и въ нашихъ ложахъ, въ какихъ-нибудь неосторожныхъ словахъ или чемъ-нибудь подобномъ [1]).

---

[1]) Ср. докладныя записки Е. А. Кушелева 1821 г., поданныя имп. Александру I и послужившія однимъ изъ поводовъ уничтоженія ложъ, Русск. Стар. 1877, т. 18, стр. 464, 641, 661, и „Очерки общ. движенія“ стр. 328—333. Ред.

Въ матеріалахъ Московскаго Музея [№ 1952] находятся два документа (въ копіи и въ черновой), относящіеся къ первому и второму запрещенію ложъ,—именно, отвѣтная бумага С. С. Ланского къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею, 1822-го года, объ исполненіи имъ предписаннаго указомъ закрытія ложъ, и другая подобная бумага отъ 1826-го года.

Первая изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Милостивый государь
графъ Викторъ Павловичъ!

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего сіятельства отъ 6-го сего августа за № 565, съ изображеніемъ въ ономъ высочайшаго его имп. в—ва повелѣнія о закрытіи масонскихъ ложъ, честь имѣю увѣдомить васъ, м. г., что по предмету сему учинены мною слѣдующія распоряженія:

1) Состоявшія здѣсь подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи пять масонскихъ ложъ, подъ именами: 1) Елизаветы Добродѣтели; 2) Трехъ Добродѣтелей; 3) Трехъ Свѣтилъ (работавшихъ на россійскомъ языкѣ); 4) Дубовой Долины къ Вѣрности (на нѣмецкомъ языкѣ) и 5) Орфея (на французскомъ языкѣ), 12-го сего мѣсяца безъ всякихъ обрядовъ закрыты; а токмо объявлено о томъ мною всѣмъ бывшимъ въ сіе время членамъ тѣхъ ложъ.

2) Отъ находящихся здѣсь на лицо членовъ означенныхъ пяти ложъ взяты, на основаніи помянутаго высочайшаго повелѣнія, подписки, кои, въ числѣ 95-ти, при семъ честь имѣю препроводить.

3) О закрытіи въ Москвѣ ложи, подъ именемъ Ищущихъ Манны (работавшей на россійскомъ языкѣ), подъ управленіемъ той же Великой Ложи состоявшей, сообщено мною управляющему оной г. надворному совѣтнику фонъ-Визину; копія съ сего отношенія при семъ прилагается.

4) Къ отсутствующимъ членамъ ложъ, здѣсь учрежденныхъ, посланъ мною циркуляръ, при семъ въ спискѣ прилагаемый, о присылкѣ ко мнѣ подписокъ, кои, по мѣрѣ полученія, я буду имѣть честь доставлять непосредственно къ вашему с—ву.

5) Подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи находилась еще одна ложа въ Одессѣ, подъ именемъ Эв-

ксинскаго Понта (работавшая на россійскомъ и разныхъ иностранныхъ языкахъ), въ коей великимъ мастеромъ былъ гр. Александръ Өедоровичъ Ланжеронъ, а намѣстнымъ мастеромъ французскій вице-консулъ Шале. Какъ извѣстно мнѣ, что ложа сія гр. Александромъ Өедоровичемъ закрыта еще до состоянія нынѣ высочайшаго повелѣнія, то Великая Провинціальная Ложа не имѣетъ уже съ оною сношеній, а потому и взятіе отъ членовъ, составлявшихъ одесскую ложу, подписокъ, состоитъ внѣ моей возможности.

При семъ долгомъ поставляю изъяснить вашему с—ву, что члены ложъ, подъ управленіемъ Провинціальной Ложи состоявшихъ, преисполнены будучи вѣрноподданическими чувствами (къ) Государю Императору, всегда старались оныя оправдать на опытѣ; въ собраніяхъ ихъ по существу законовъ, руководствовавшихъ Великую Провинціальную Ложу, не допускались никакіе политическіе толки, а всегда внушаемы были братьямъ правила, основанныя на христіанствѣ и исполненіи гражданскихъ обязанностей, нашему образу правленія свойственныхъ. Сношеній же съ другими тайными обществами у насъ никакихъ не бывало и имѣть ихъ воспрещалось. Нынѣ члены, узнавъ чрезъ меня волю Государя Императора, въ отношеніи вашего с-ва изъясненную, со всею готовностію во всякомъ случаѣ безпрекословно повиноваться оной, охотно исполнили высочайшее повелѣніе. О каковой готовности и вѣрноподданнической преданности ко всемилостивѣйшему государю я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше с-во довести до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего с-ва покорнѣйшимъ слугою.

С. Ланской.

Въ С.-Петербургѣ
16 (или 17) августа 1822
Его с-ву В. П. Кочубею.

При этомъ письмѣ, какъ сказано, препровождались и подписки членовъ, въ числѣ 95-ти. Затѣмъ, 2 и 30 сентября и 18 ноября были доставлены Кочубею еще 83 подписки отъ членовъ ложъ Елизаветы, Трехъ Добродѣтелей, Дубовой Долины, Орфея и Ищущихъ Манны.

Далѣе, въ томъ же сборникѣ находится копія рескрипта

императора Николая Павловича къ министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому, отъ 21 апрѣля 1826, о новомъ истребованіи подписокъ относительно непринадлежности къ тайнымъ обществамъ и представленія свѣдѣній о нихъ, еслибы таковыя у кого оказались; и затѣмъ черновая отвѣтная бумага (повидимому, отъ того же С. С. Ланского) къ министру объ этомъ предметѣ. Въ отвѣтной бумагѣ подробно прописано содержаніе документа 16—17 августа 1822 года объ исполненіи высочайшаго повелѣнія императора Александра о закрытіи тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ, и затѣмъ говорится:

Послѣ таковаго даннаго мною обязательства, согласно съ высочайшею блаженныя памяти государя императора волею, я никакихъ ложъ не посѣщалъ и не составлялъ.

Нынѣ же, во исполненіе высочайшей воли, изъявленной въ высочайшемъ рескриптѣ на имя г-на управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ д. т. с. Ланскова, 21-го апрѣля сего года состоявшагося, къ прежде даннымъ мною подпискамъ нужнымъ щитаю присовокупить: что цѣль масонскаго общества, въ коемъ я находился, такъ равно и тѣхъ ложъ, коими я управлялъ, была исканіе чистѣйшаго познанія Бога, человѣка и натуры. Мѣры же къ достиженію сей цѣли не иныя были, какъ исполненіе законовъ, духовною и гражданскою властію возлагаемыхъ, не изъ страха казни и не изъ своекорыстныхъ видовъ въ ожиданіи наградъ, но изъ сердечнаго и нелицемѣрнаго стремленія къ добру. Къ сему клонились всѣ упражненія масоновъ, принадлежавшихъ къ Провинціальной Ложѣ, и подвѣдомственныхъ ей ложъ, о чемъ правительство ежемѣсячно было извѣщаемо въ то время, когда собранія сіи не были запрещены имъ. Всѣ участвовавшіе въ сихъ собраніяхъ съ искреннимъ желаніемъ точнаго исполненія возлагаемыхъ обществомъ симъ обязанностей, на правилахъ христіанской вѣры и вѣрномъ служеніи государю и отечеству основанныхъ, конечно, не измѣнили и не измѣнятъ симъ священнымъ обязанностямъ, отъ соблюденія коихъ временное благосостояніе и вѣчное блаженство каждаго человѣка зависитъ.

Другихъ же тайныхъ обществъ я не зналъ и не знаю.

VII. Масонскія воспоминанія Батенькова.

Въ собраніи Московскаго Музея есть, между прочимъ, записка, писанная въ 1863 г. извѣстнымъ декабристомъ Г. С. Батеньковымъ и заключающая въ себѣ его воспоминанія о старомъ масонствѣ. Эта записка была написана имъ по просьбѣ покойнаго московскаго профессора С. В. Ешевскаго и находится въ сборникѣ бумагъ, ему собственно принадлежавшихъ.

Ешевскій,—котораго мы имѣли случай знать лично въ 1862, за границей,—былъ вообще изъ тѣхъ истинныхъ ученыхъ, какихъ, къ сожалѣнію, немного представляетъ исторія нашей неопытной науки. Это былъ питомецъ школы Грановскаго и Кудрявцева, человѣкъ того же нравственнаго типа, у котораго наука не оставалась книжной штудіей, который понималъ ея истинную высоту, ея живой смыслъ и настоящія требованія. Исторія, составлявшая его спеціальное занятіе, казалась ему по преимуществу такимъ знаніемъ, которое близко касается нравственнаго сознанія; это былъ для него не только комментарій къ прошедшему, но и школа для укрѣпленія нравственныхъ понятій и правилъ. Естественно, поэтому, что его научные интересы были очень обширны; онъ отличался весьма разнообразными свѣдѣніями но доходя до самыхъ частностей въ тѣхъ историческихъ предметахъ, которые были имъ изучаемы, онъ не былъ способенъ зарываться въ однихъ этихъ частностяхъ: понимая цѣльность науки, онъ старался освоиться съ самыми различными областями исторіи, которыя обыкновенно кажутся различными и отдѣльными спеціальностями. И надо сказать также, что онъ былъ достаточно свободенъ отъ тѣхъ условныхъ ограниченій, которымъ такъ легко подчиняются тѣ, для кого занятіе наукой бываетъ только чиновнической службой; его взгляды образовались свободно, и развивались до послѣдняго времени его жизни. Біографія Ешевскаго, напечатанная при его сочиненіяхъ, къ сожалѣнію, мало разсказываетъ о развитіи его мнѣній; но можно сказать, что русская исторія была понимаема имъ съ такимъ же чувствомъ живого значенія науки: его интересовали самые далекіе одинъ отъ другого пункты

этой исторіи, отъ пермскихъ древностей до новѣйшихъ явленій нашей общественной исторіи. Одинъ изъ первыхъ, если не первый, онъ приступилъ научнымъ образомъ и къ объясненію нашего масонства, и если еще не установилъ вполнѣ этого историческаго вопроса, то во всякомъ случаѣ далъ образчики критическаго взгляда и разработки фактовъ. Пріобрѣтеніе имъ масонскаго архива, сохранявшагося нѣкогда въ рукахъ С. С. Ланского, одного изъ послѣднихъ могиканъ Великой Провинціальной Ложи, можно сказать, спасло для науки одно изъ важнѣйшихъ, если не самое важное собраніе матеріала для исторіи масонства, — насколько, по крайней мѣрѣ, они до сихъ поръ стали извѣстны. Ешевскій началъ изучать пріобрѣтенныя имъ книги и рукописи, и, повидимому, возымѣлъ мысль о цѣлой исторіи русскаго масонства.

Собирая уцѣлѣвшіе документы масонства, Ешевскій не ограничивался однимъ архивнымъ матеріаломъ: онъ искалъ также живыхъ воспоминаній и преданій. Случаи къ этому представлялись. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ былъ профессоромъ въ Казани; въ то время выѣзжали изъ Сибири возвращавшіеся послѣ амнистіи декабристы, и здѣсь Ешевскій, какъ видно, познакомился съ Батеньковымъ. Эти возвращавшіеся были встрѣчены съ большимъ интересомъ въ то время, которое само было исполнено свѣтлыхъ надеждъ и съ участіемъ обращалось къ этимъ идеалистамъ стараго вѣка.

Личность Батенькова довольна извѣстна. По свидѣтельствамъ его товарищей, это былъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ характеровъ между людьми тайнаго общества. Молодымъ человѣкомъ, онъ, какъ многіе изъ его товарищей, прошелъ прежде всего военную жизнь походовъ 1813 и 1814 годовъ, которая, по всей вѣроятности, и въ немъ оставила тѣ же впечатлѣнія и заронила тѣ же политическіе инстинкты. Воротившись домой, онъ продолжалъ службу инженеромъ, но своимъ способомъ дѣйствій на службѣ пріобрѣлъ извѣстную репутацію „безпокойнаго человѣка" и получилъ вслѣдствіе того служебное назначеніе въ Сибири; тамъ онъ былъ замѣченъ Сперанскимъ, съ нимъ вернулся въ Петербургъ и, наконецъ, служилъ при Аракчеевѣ. Его цѣнили, какъ человѣка умнаго и дѣятельнаго...

Впослѣдствіи, его энергическая натура выдержала одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, какія только выпадали на долю людямъ, замѣшаннымъ въ тайномъ обществѣ. Несмотря на долговременное одиночное заключеніе и потомъ ссылку, онъ возвратился, какъ вообще его товарищи, человѣкомъ, въ которомъ были еще живыя стремленія и теплое сочувствіе къ новымъ поколѣніямъ.

По обыкновенію того времени, Батеньковъ прошелъ и черезъ масонскую ложу. Намъ не встрѣтилось до сихъ поръ свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ былъ принятъ въ первый разъ; можно предполагать, что это было еще до 1814 года. Впослѣдствіи, мы находимъ его членомъ петербургской ложи Избраннаго Михаила, въ союзѣ Великой Ложи Астреи, и потомъ въ числѣ основателей ложи Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ, учрежденной въ 1818-мъ году и принадлежавшей къ союзу той же Астреи. Записка его о масонствѣ была писана имъ уже въ глубокой старости, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти (онъ умеръ 29-го октября 1863). Это—вещь, писанная наскоро, не перечитанная, назначенная въ близкія дружескія руки; изложеніе ея неровно, языкъ неопредѣленный и туманный. Но при всѣхъ ея литературныхъ недостаткахъ, записка остается любопытнымъ историческимъ документомъ. Вслѣдствіе темноты изложенія,—отчасти намѣренной,—мысль автора не всегда понятна; нерѣдко воспоминанія измѣняли ему, но записка оставляетъ, однако, то общее впечатлѣніе, что масонство, отчасти затемнившееся въ далекихъ воспоминаніяхъ, было нѣкогда для писавшаго воспитательной силой и что оно до послѣдняго времени сохранило для него свой таинственный авторитетъ. Намъ ясно теперь, что авторъ преувеличивалъ его значеніе и содержаніе, но несомнѣнно, что въ тѣ времена оно имѣло своихъ серьезныхъ адептовъ, вѣрившихъ въ его силу: съ нимъ они связывали понятія, служившія для нихъ нравственнымъ руководствомъ, и если на самомъ дѣлѣ оно и не давало имъ вполнѣ опредѣленныхъ принциповъ, оно возбуждало въ нихъ нравственную дѣятельность и исканіе идеала.

Въ началѣ записки Батеньковъ ссылается на какого-то своего друга, опытнаго въ масонствѣ и отъ котораго онъ заимствовалъ передаваемыя свѣдѣнія; но это, вѣроятно,

ссылка фактивная, которую употребилъ онъ для того, чтобы не являться самому разсказчикомъ того, что, по его стариннымъ обязательствамъ, должно было быть имъ хранимо, какъ тайна.

Въ слѣдующемъ ниже текстѣ, записка передается въ точности; только въ двухъ-трехъ мѣстахъ (указанныхъ точками) мы опустили по нѣскольку строкъ, вслѣдствіе большой неясности текста, которая безполезнымъ образомъ затруднила бы читателя.

Калуга, маія 20, 1863.

Исполняю по мѣрѣ моихъ силъ данное мною вамъ, дорогой Степанъ Васильевичъ, обѣщаніе, по предмету большаго дѣла, которымъ вы такъ усердно заняты.

Прилагаю брульонъ на цѣлыхъ почти четырехъ листахъ:

„Въ нихъ большіе чудеса,
„Очень мало складу".

Можетъ быть и годно будетъ что-нибудь для васъ, по крайней мѣрѣ для склада мысли. Ежели нѣтъ, — бросьте: я не осержусь.

Простите только, ежели отнялъ нѣсколько времени для прочтенія, которое при моей акалиграфіи можетъ быть совершено и не безъ труда. По крайней мѣрѣ примите какъ доказательство добрыхъ моихъ къ вамъ чувствъ и желанія крѣпко сохранить пріязнь, кстати и завязавшуюся на востокѣ [1]).

Ежели вздумаете спросить меня о чемъ, то я готовъ къ вашимъ услугамъ. Но вотъ какое обстоятельство: я на этой же недѣлѣ ѣду въ деревню къ Елагинымъ и пробуду тамъ до августа. Во все это время адресъ мой будетъ въ Бѣлевъ, Тульской губерніи.

Право нечего и говорить болѣе о себѣ. Живу, пока живется — вотъ и все.

Преданный вамъ сердечно

Батеньковъ.

---

[1]) Игра словъ; „востокъ" — извѣстный масонскій терминъ, знакомство началось, вѣроятно, въ Казани.

Калуга, маія 16, 1863.

I. Давно существуетъ и распространено масонское братство, какъ съ отдѣльными, по конституціи своей, болѣе или менѣе тайными ложами, такъ и соединенными въ государствахъ подъ управленіемъ ихъ „великихъ востоковъ“. Однако о существенномъ ихъ отправленіи мало что извѣстно въ народной жизни, даже собственная ихъ литература, печатная, но не публичная, въ послѣднее время имѣетъ болѣе ученое, нежели истолковательное свойство.

Много есть понятныхъ причинъ такому состоянію дѣла, между прочимъ и то, что для вникновенія въ него недостаточно простой пытливости, нескромности лицъ или наружнаго обозрѣнія. Надобно быть [1]), знаютъ въ точности одни и весьма немногочисленные адепты, всецѣло и всѣмъ своимъ существомъ преданные своему призванію.

Сознаютъ, однако, что общество это мирное, безвредно для общей жизни, человѣколюбиво; въ лучшихъ членахъ своихъ умно, нравственно, чуждо суевѣрія, другъ свѣта и чтитъ Бога, какъ причину всего существующаго.

Въ моей юности я любимъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ адептовъ, и здѣсь привожу мои воспоминанія изъ отрывочныхъ по временамъ разговоровъ съ нимъ.

Сказывалъ онъ, что при первомъ вступленіи въ ложу его поразила глубокая тишина и серьезное настроеніе собранія. Онъ почувствовалъ, несмотря на простоту обстановки, пребываніе нѣкоего особаго древняго свѣта, предъ нимъ предстало таинство. Обозрѣвъ символическія вещи, замѣтилъ, что онѣ прошли чрезъ вѣки и люди ихъ не касались.

Принявъ званіе ученика, онъ смутился, видя необходимость сложиться вновь. Его поразило, что никто не можетъ произнести слова, не получивъ на то позволенія мастера, и наблюдаемая обязанность безмолвно и внимательно слушать, что говоритъ одинъ изъ прочихъ. Всѣ движенія должны имѣть геометрическую правильность. Символъ ученика есть грубый булыжный камень, и упражненіе его должно состоять въ отверденіи, чтобъ быть годнымъ въ зданіе храма, посвященнаго вѣчному, духовному Существу.

[1]) Эти два слова приписаны.

Самое это понятіе должно быть пріобрѣтено вниманіемъ къ ходу работъ и не преподается извнѣ словами. Оно внѣдряется по временамъ легальными, испытующими, краткими вопросами мастера и обрядами пріема, непрестанно надпоминающими [1]) о важности и неизбѣжности смерти. Клятвы и присяги не дается, но надпоминается, что должно быть твердо и неизмѣнно „честное слово", хотя бы и жизни то стоило.

Такъ ученикъ долженъ существенно упражняться, чтобъ выработать въ себѣ дисциплинарный складъ и понимать рѣчь братьевъ. Онъ долженъ вступить совершеннолѣтнимъ. Для того это, чтобъ человѣкъ занялся обработкой самого себя въ зрѣлости дарованій и силъ, и не стѣснялъ своего ума и воли, избѣгалъ направлять ихъ ко внѣшнему Авторитету.

II. Когда ничего нѣтъ вреднаго въ масонствѣ, почему же оно такъ старательно скрывается и избѣгаетъ всякой извѣстности? На такой вопросъ данъ былъ отвѣтъ, что это перешло отъ таинствъ древняго міра. Самый образъ работъ, требующій тишины и углубленія въ самого себя, не можетъ происходить въ виду общей жизни и при открытыхъ дверяхъ. Притомъ требуетъ такой осторожности хранимый ложею великій свѣтъ знанія космической причины всему — бытія самобытнаго вседѣйствующаго Бога. Это тайна отъ міра, не могущаго устроить себя сообразно съ познаніемъ истины. Она профанируется самою рѣчью, употребляемою въ общежитіи, на половину ложною и двусмысленною. Посему никакой разсказъ о масонствѣ не даетъ точнаго и яснаго понятія, для сего требуется быть масономъ и употреблять тѣ опредѣленные термины, тотъ языкъ, который, подобно математическому, выработанъ и воздѣлывается трудомъ мысли множества поколѣній. Обязанность таинствъ есть передать достигнутыя понятія чрезъ смерть поколѣній, для ихъ продолженія въ цѣльности и чистотѣ.

Въ обыкновенной жизни оставляется между поколѣніями большой промежутокъ въ знаніи, нравахъ и направленіи. Таинство хранитъ послѣдовательность, не выкидываетъ ни-

---

[1]) Такъ въ рукописи.

чего полезнаго и не препятствуетъ прогрессу, наблюдая его какъ выводъ и безъ скачковъ. Должно стоять на незыблемой почвѣ.

Такимъ образомъ, таинство необходимо для всякаго долговѣчнаго общества, составляетъ его регуляторъ и критеріумъ, и будучи основано на истинѣ и человѣколюбіи, ничего кромѣ свѣта и блага, потребныхъ для собственнаго себя сохраненія, содержать въ себѣ не можетъ. Къ этому неспособны страстныя увлеченія общей жизни.

Такъ предъ началомъ работъ, чрезъ особеннаго члена, удостовѣряется мастеръ, тщательно ли закрыты двери. Этотъ обычай наблюдался и въ древней христіанской церкви, гдѣ, и по прекращеніи гоненій, предъ совершеніемъ освященія даровъ, надпоминается возгласомъ: „двери, двери!"

Человѣкъ, основываясь на достигнутыхъ понятіяхъ истинъ и пріобрѣтенныхъ познаній, обозрѣвая всю задачу, предлагаемую состояніемъ и явленіями вселенной, убѣждается, что въ краткой свой вѣкъ познать онъ можетъ весьма малую часть изъ всей цѣлости. Посему масонство внѣдряетъ разумное смиреніе, не возбуждаетъ зависти, будучи чуждо гордости, и хотя нерѣдко подвергалось гоненіямъ отъ неразумной тираніи, но сохранилось чрезъ многіе вѣка незапятнаннымъ [1]) юридическимъ обвиненіемъ.

Какъ познаніе самаго себя и устройство жизни, чрезъ смерть проходящей, масонство называетъ себя работою и искусствомъ, прилагая часто эпитетъ царственнаго.

III. Вторую степень составляютъ „товарищи"; имъ данъ символомъ обтесанный кубическій камень. Ихъ упражненіе— провѣрка и критика, какъ пріобрѣтенныхъ въ мірѣ познаній, такъ и употребляемаго слова. Риторическія иносказанія и тропы, символическія выраженія и фразы должны быть еще разъ обмыслены и ясно поняты... Такъ, на вопросъ о цѣли масонства отвѣчаютъ, что слово цѣль переносно взято отъ стрѣльбы и не даетъ точнаго понятія, а по употребленію на игрищахъ не можетъ быть примѣнено къ работамъ ложъ. Улыбается масонъ, ежели спросить его: какую роль играетъ ихъ братство въ жизни человѣческой? Онъ скажетъ, что у нихъ нѣтъ ничего театральнаго.

---

[1]) Зачеркнуто: „отъ, чрезъ".

Очевидно, что такой пуризмъ мысли требуетъ чрезвычайнаго труда; но съ пріобрѣтеніемъ серіи ясныхъ понятій и убѣжденія, нѣтъ и мысли о запрещеніи какихъ-либо книгъ, изслѣдованія ученій, и подлежатъ вниманію всѣ дѣйствія человѣческія. Къ Откровенію, слову пророковъ и евангелію относятся съ благоговѣніемъ, не стѣсняя ума и относя законъ и догматы, какъ опеку, къ потребностямъ внѣшней дисциплины мысли, чуждаются споровъ, и не считая себя замкнутыми въ опредѣленный кругъ, не видятъ пользы въ фанатической пропагандѣ, не производящей внутренняго сосредоточенія и устоя.

IV. Третью степень составляютъ „мастеры"; имъ присваивается дѣйствіе волею на свой умъ, память и воображеніе...

Сообразно съ этимъ, символъ мастера есть числительная доска съ геометрическими фигурами и эстетическими контурами.

Трехъ мастеровъ достаточно въ соединеніи, чтобъ составить и открыть ложу. Они бесѣдуютъ между собою объ открытіяхъ и зиждении въ тайникахъ души, и передаютъ ея феномены. А какъ все это еще далеко отъ практическаго приложенія въ жизни, то замѣняется обыкновенно обязательнымъ благотвореніемъ.

Столовыя ложи надпоминаютъ англійскіе митинги; въ нихъ также нѣчто дѣльное, вопросы и рѣшенія, часто ипотетическія...

Мастеръ ложи или предсѣдательствующій въ ней инсталируется по выбору всѣхъ братьевъ, составляющихъ довольно крѣпкой и серьезной союзъ. Они въ жизни помогаютъ другъ другу, стараются о единомысліи и согласіи, и безъ ихъ общаго голоса не можетъ быть принятъ новый членъ, посвященіе котораго производится въ ложѣ открытой, дѣйствіемъ мастера. Онъ вооруженъ молотомъ, ударамъ котораго всѣ повинуются. Гдѣ, по обстоятельствамъ, мастеръ не можетъ производить своихъ обрядовъ, тамъ и не должна открываться ложа, какъ совершенная и справедливая. Таково повиновеніе этого братства предержащей власти.

V. Держащіеся древнихъ преданій ограничиваются вышесказанными тремя степенями и даже въ союзѣ съ учреждае-

мымъ иногда великимъ востокомъ присвояютъ великимъ чиновникамъ только этотъ эпитетъ, но не даютъ никакой высшей степени. Кромѣ пріемныхъ въ товарищи и мастера, ложи открываются и работаютъ въ ученическихъ обрядахъ, также и великій востокъ, не имѣющій права принимать новыхъ членовъ или повышать въ степени, есть ученическая ложа. Установленіе великихъ востоковъ [1]) — болѣе политическое для отвѣтственности за соблюденіе законныхъ предѣловъ предъ государственною властію, по силѣ даннаго отъ нея диплома.

Это устройство извѣстно теперь подъ именемъ шведской системы или вообще сѣверной [2]). Французы, по побужденію своей фантазіи, изобрѣли болѣе 30 степеней, различаютъ ихъ только расширеніемъ и сложностію пріемнаго ритуала и названіями, почти каббалистическими, не внося ничего существеннаго въ работахъ. Въ сношеніяхъ же съ ними ложъ шведской системы, признаются и въ нихъ только три степени, и имѣющіе высокіе титулы принимаются только въ качествѣ мастеровъ и не могутъ являться въ своихъ костюмахъ и со знаками такъ называемыхъ высшихъ степеней.

Въ открытой ложѣ каждый братъ носитъ на груди принятой ею символическій знакъ. Для разпознаванія же другъ друга при внѣшнихъ встрѣчахъ имѣютъ по своимъ степенямъ особые знаки, чрезъ прикосновеніе и жестъ. Допускается и употребленіе взора, но вообще это средство не одобряется, какъ трудно очищаемое отъ страсти.

Братья даютъ установленные и произвольные вклады въ свою ложу на ея потребности, и вносятъ червонецъ или лепту св. Іоанна ежегодно въ великій востокъ, гдѣ онъ учрежденъ.

Женщины въ работахъ ложи не участвуютъ. Имъ дается только подарокъ, въ знакъ привѣта и дружбы, отъ вступающаго вновь, изъ длинныхъ бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ.

Братья въ ложѣ сидятъ съ покрытою шляпой головою. Оружіе въ новѣйшее время не употребляется.

По трудности задачи, нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ масоны достигаютъ ея исполненія, и даже немногимъ изъ нихъ это можетъ быть приписано; но неоспоримо, что она глубоко

[1]) Батеньковъ разумѣетъ „великія“, т.-е. управляющія ложи.

[2]) Это обозначеніе весьма неточное.

укоренена въ натурѣ человѣка. Вѣрные адепты устраняютъ всякое уклоненіе отъ ея сущности, подобно какъ французскія степени, особливо потому, что они могутъ служить источникомъ разнородныхъ тайныхъ обществъ, идущихъ по другому направленію и прикрывающихся масонствомъ, подъ несвойственными ему именами и стремленіями. Французскій ритуалъ высшихъ степеней наполненъ напоминаніями о тираніи Филиппа Красиваго надъ иллюминатами. Масоны шведской системы признаютъ его характеромъ злопамятства и мести, чего сами никакъ допустить не могутъ, предоставляютъ судъ надъ исторіей единому Богу и не видятъ въ рядахъ своихъ никого, на то уполномоченныхъ. (Всѣмъ принадлежитъ только открытіе законовъ и разумѣніе факта.....). Не почитаютъ человѣческую волю самобытною, но содержимою и движимою въ космическомъ свѣтѣ и наведенномъ Творцомъ на землю Духѣ; но при данномъ для руководства разумѣ, предваряющемъ дѣйствіе, и при ясности слова, справедливо отвѣтственною. Изолированный матеріализмъ, какъ бы остроумны и утилитарны ни были плоды его работъ, считаютъ недостаточнымъ къ изъясненію, чрезъ ихъ динамическій процессъ, красотъ природы, и для разумѣнія явленій, понятія тѣ считаютъ истинными, въ которыхъ чувствуется присутствіе свѣта космической причины и точное единство съ словомъ.

VI. Масоны сохраняютъ преданіе, что въ древности убитъ злодѣями совершенный мастеръ, и надѣются, что явится нѣкогда мастеръ, не умомъ только перешедшій черезъ смерть, но и всѣмъ своимъ бытіемъ. Такое преданіе должно быть весьма не новое и составляетъ стимулъ надежды на высшее на землѣ просвѣщеніе и цивилизацію, на освобожденіе отъ неотвратимаго жала смерти, при шествіи судебъ человѣческихъ къ свѣту и правдѣ чрезъ тьму и рожденную въ ней отрицательную природу зла, и ставятъ это въ соотвѣтствіе ученію о прирожденномъ грѣхѣ.

Какъ бы то ни было, но такой способъ мышленія и склада жизни не заслуживаетъ презрѣнія. Я могу представить изъ опыта два значительные факта, избавившіе меня отъ вѣрной смерти.

1. Въ одномъ изъ сраженій въ 1814 году въ холодномъ и сыромъ генварѣ мѣсяцѣ во Франціи, я, потерпѣвшій

многія раны и оставленный съ трупами на полѣ сраженія, былъ непріятельскими солдатами раздѣтъ до рубашки. Въ слѣдъ за ними явились верьхомъ два офицера французской гвардіи и обратили на меня вниманіе, приникнувъ къ лицу, удостовѣрились, что я живъ, тотчасъ покрыли плащемъ убитаго солдата и на своихъ рукахъ донесли до шоссе, черезъ разстояніе не менѣе полуверсты. Тамъ сдали на фуры, собиравшія раненыхъ, и строго приказали отвезти въ госпиталь ближайшаго города и передать особенному попеченію медика. Въ послѣдствіи я узналъ, что обязанъ спасеніемъ положенію своей руки, которою покрывалъ одну изъ главныхъ ранъ случайно въ видѣ масонскаго знака. Крайне горестно, что я не знаю и имянъ своихъ благодѣтелей.

2. Пробывъ двадцать лѣтъ въ секретномъ заключеніи во всю свою молодость, не имѣя ни книгъ, ни живой бесѣды, чего никто въ наше время не могъ перенести, не лишась жизни, или по крайней мѣрѣ разума, я не имѣлъ никакой помочи въ жестокихъ душевныхъ страданіяхъ, пока не отрекся отъ всего внѣшняго и не обратился внутрь самого себя. Тогда (я) воспользовался методомъ масоновъ къ обозрѣнію и устройству представшаго мнѣ новаго міра. Такимъ образомъ укрѣпилъ себя и пережилъ многократныя нападенія смерти и погибели.

VII. Полагаю, что сколько возможно мнѣ въ этихъ отрывочныхъ сказаніяхъ, до меня дошедшихъ, и на языкѣ, несоотвѣтствующемъ предмету, я далъ хотя руководящее свѣдѣніе къ оцѣнкѣ наукою сущности масонства...

Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣсколько строфъ одного масонскаго стихотворенія, очень темнаго и запутаннаго.

Выше замѣчено, что о масонской дѣятельности Батенькова нѣтъ пока никакихъ свѣдѣній. Мы можемъ только сообщить нѣсколько подробностей о той ложѣ, въ которой онъ состоялъ во время своей службы въ Сибири и которой онъ былъ однимъ изъ основателей. Это была ложа „Восточнаго Свѣтила на востокѣ Томска“.

Слѣдующія здѣсь свѣдѣнія объ этой ложѣ заимствованы изъ небольшого собранія бумагъ этой ложи и писемъ ея членовъ, оставшагося послѣ покойнаго Н. И. Кусова и сообщенаго намъ Евг. Ив. Ламанскимъ. Н. И. Кусовъ нѣкогда

принадлежалъ къ ордену, и въ то время, къ которому относится эта переписка (въ 1819—1821 годахъ), онъ былъ членомъ ложи Избраннаго Михаила въ Петербургѣ, и, вѣроятно по связамъ съ томскими масонами,—„намѣстнымъ представителемъ“ ложи Восточнаго Свѣтила при Великой Ложѣ Астреѣ, къ союзу которой принадлежала томская ложа.

Ложа Восточнаго Свѣтила основана была 30-го августа 1818 г., какъ означено и на ея печати, изображающей горящій факелъ въ треугольникѣ, на который спадаютъ идущія отъ факела ленты, и подъ которымъ означено время основанія: 30. VI. 5818.

Въ рукописномъ спискѣ членовъ этой ложи упомянуты слѣдующія лица, бывшія ея основателями: Н. П. Горловъ, І. Х. Трейблутъ, Ѳ. И. Гонигманъ, И. И. Нимейеръ, К. Х. Трейблутъ, И. Г. Ивановъ, Г. Ст. Батеньковъ.

Работала она по древней англійской системѣ, на русскомъ языкѣ. Дни работъ, по спискамъ 1820 и 1821 г., были первый и третій четвергъ каждаго мѣсяца.

Въ спискѣ, составленномъ 19 мая 1821 г., въ этой ложѣ означены слѣдующія должностныя лица. Управляющій мастеръ—Ник. Петр. Горловъ, ст. сов., томскій вице-губернаторъ; намѣстный мастеръ—Іог. фонъ-Трейблутъ, генералъ-майоръ; 1-й надзиратель—Ѳед. Ив. Гонигманъ, томскій ветерин. врачъ; 2-й надзиратель — Ос. Ром. Балюра-Кондратьевъ, совѣтникъ томскаго гражд. и уголовнаго суда; секретарь—Ив. Ив. Коноваловъ, секретарь томской казенной экспедиціи; витія—Вас. Мих. Кобылинъ, ассесоръ губерн. правленія, и т. д. Остальные члены ложи также состояли изъ мѣстныхъ чиновниковъ; тутъ были земскіе врачи, военный штабъ-лекарь, главный смотритель при водвореніи поселенцевъ, смотритель градской больницы, земскій исправникъ и т. д. Батеньковъ, тогда капитанъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, бывшій прежде секретаремъ этой ложи, показанъ отсутствующимъ, именно, въ Таганрогѣ.

Въ оффиціальныхъ бумагахъ ложи Восточнаго Свѣтила, адресованныхъ къ Кусову, идетъ рѣчь о томъ, что Кусовъ, который былъ представителемъ Восточнаго Свѣтила при Великой Ложѣ, отказывался отъ этого званія, и томская ложа старалась удержать его и на будущее время. Въ ок-

тябрѣ 1820, она просила его остаться и впредь въ этомъ званіи съ помощью предложеннаго имъ въ представители гр. Вл. Петр. Толстого; на этотъ конецъ послано было вмѣстѣ и полномочіе этому послѣднему. Кусовъ согласился на желаніе Восточнаго Свѣтила остаться представителемъ, и томская ложа въ декабрѣ посылаетъ ему благодарственную грамоту; въ то же время послана грамота для В. П. Толстого на званіе второго представителя томской ложи.

Въ бумагѣ отъ 29 числа XI-го мѣсяца 1819, или отъ 29 января 1820, томская ложа, по требованію Великой Ложи, извѣщаетъ своего представителя, что „на предметъ воспитанія неимущихъ луфтоновъ [1])" въ собраніи томской ложи рѣшено вносить ежегодно въ Великую Ложу по 50 рублей, которые за первый годъ и отправлены. При этомъ ложа Восточнаго Свѣтила, по поводу циркуляра Астреи отъ 3 августа 1819 г., замѣчаетъ, что члены томской ложи вообще недостаточнаго состоянія, какъ и всѣ, вступающіе въ братство на здѣшнемъ востокѣ, которые вообще состоятъ изъ однихъ служащихъ чиновниковъ, имѣющихъ единственное содержаніе отъ небольшихъ годовыхъ своихъ окладовъ, и что по этой причинѣ здѣсь нельзя увеличить взносовъ за пріемъ, повышеніе и усыновленіе, а также іоанновскихъ червонцевъ у ежегодныхъ приношеній отъ каждаго члена: ложа опредѣлила, что для исполненія упомянутаго циркуляра должны быть ежегодно производимы единовременныя подписки, гдѣ каждый могъ бы участвовать по своимъ обстоятельствамъ.

Затѣмъ, въ бумагахъ находится нѣсколько писемъ къ Н. И. Кусову отъ Горлова и І. Трейблута, гдѣ опять идетъ рѣчь о тѣхъ же масонскихъ дѣлахъ, но частнымъ, дружескимъ образомъ. Мы выберемъ изъ нихъ нѣсколько подробностей.

Въ письмѣ отъ 4 ноября 1820, гдѣ говорится объ упомянутомъ выше представительствѣ Кусовымъ ложи Восточнаго Свѣтила, Трейблутъ пишетъ еще о закрытой въ то время ложѣ Изиды: „Участь Изиды жалка, хотя она ее и заслужила. Но уничтоженіе (ложи), казалось бы, можно

---

[1]) Луфтонами назывались дѣти масоновъ. Въ нѣкоторыхъ системахъ были особенные обряды, которыми орденъ усыновлялъ или бралъ подъ свое покровительство этихъ луфтоновъ.

было смягчить до исключенія изъ союза, а проскрипцію ббр.— до того же. Первое мнѣ кажется несправедливымъ; второе безполезнымъ и—даже невозможнымъ. Кто одинъ разъ сдѣланъ мас., того никакая сила не можетъ сдѣлать уже немас., то-есть изгладить изъ памяти его то, что немас. знать не долженъ,—и способно только ожесточить, отнюдь не исправить проступившагося, что съ духомъ мас—ства совсѣмъ не сообразно. Но это однѣ лишь мысли, не долженствующія имѣть никакого дѣйствія!"

Въ письмѣ того же Трейблута, отъ 3-го марта 1821,—о посылкѣ денегъ Кусову на расходы для томской ложи, и просьба о присылкѣ списковъ ложъ. Далѣе:.....„Никакихъ свѣдѣній мы давно уже не имѣемъ, что производитъ въ нѣкоторыхъ удивленіе и даже унылость. Историческія свѣдѣнія намъ тоже очень необходимы. Сдѣлайте одолженіе, поручите скопировать ихъ на счетъ нашъ, хотя самыя необходимѣйшія, и съ подписью вп. бр. вел. секр., или естьли нужно (что было бы и лучше) самого вел. м., доставьте поскорѣе... Впрочемъ, какъ п. (ложа) ваша работаетъ на одномъ съ нами языкѣ и по той же сист., то думаю, вамъ не трудно получить ихъ".

Въ письмѣ отъ 17 марта 1821 г., Трейблутъ высказываетъ свою увѣренность, что по всеобщей любви и почтенію къ ихъ управляющему мастеру, послѣдній снова будетъ выбранъ управлять ложей, и проситъ Кусова предложить его, какъ выбраннаго четыре раза къ ряду, въ „почетные великіе чиновники" (Горловъ былъ уже почетнымъ членомъ ложъ Петра и Избраннаго Михаила).

Просьба повторяется въ письмѣ отъ 19 мая, такъ какъ Горловъ дѣйствительно оказался выбраннымъ въ мастеры въ четвертый разъ. Повторяется также просьба о сообщеніи свѣдѣній: „вообще мы уже очень давно не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, что всѣхъ ббр. не мало безпокоитъ".

Наконецъ, Горловъ былъ предложенъ (а потомъ и избранъ) въ почетные члены Астреи. Трейблутъ пишетъ по этому поводу, отъ 1 іюля 1821: „Мы всѣ обрадованы тѣмъ очень. Это подаетъ и мнѣ надежду, по выслуженіи сего 4-го года въ моемъ званіи удостоиться сей отличной чести, которую, думаю, не совсѣмъ я не заслуживаю, будучи первою причиною основанія здѣсь (ложи), прослужа 3 года съ

ряду 1-мъ надз., а на 4-й годъ будучи избранъ нам. маст. Надѣясь на ваше братское расположеніе, я не буду болѣе упоминать о семъ".

Въ послѣднемъ письмѣ, отъ 12 августа 1821, упоминается о Батеньковѣ „Теперь находится у васъ въ Петербургѣ одинъ изъ достойныхъ членовъ (ложи) нашей, инженеровъ путей сообщенія маіоръ Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ. Онъ въ свитѣ сибирскаго генер.-губерн. М. М. Сперанскаго. Я адресовалъ его къ вамъ въ той надеждѣ, что вы скажете мнѣ спасибо за знакомство съ симъ достойнымъ бр. По письмамъ его вижу, что онъ не успѣлъ еще быть у васъ, будучи занятъ дѣлами".

VIII. Постановленіе, принятое масонами въ сентябрѣ 1827, по случаю запрещенія ложъ.

Съ закрытіемъ ложъ въ 1822-мъ году прекращаются свѣдѣнія о масонскихъ ложахъ; до сихъ поръ не было извѣстно никакихъ данныхъ о томъ, какъ было принято нашими масонами закрытіе ложъ и насколько они цѣнили свои преданія и хранили ихъ послѣ того. Въ собраніи Московскаго Музея намъ встрѣтился нижеслѣдующій документъ, относящійся къ 1827 году и доставляющій нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Этотъ документъ остается пока единственнымъ, и мы не имѣемъ возможности прибавить къ нему никакихъ объясненій. Изъ самаго содержанія можно только видѣть, что постановленіе это сдѣлано было масонами, принадлежавшими къ союзу Великой Провинціальной Ложи.

При разсматриваніи настоящаго положенія нашего относительно къ братству, естественно вознестись мыслію къ источнику, изъ коего оно въ Россіи начало свое получило. Открывается по дошедшимъ преданіямъ, что масонство въ отечествѣ нашемъ не имѣло ни надлежащаго устройства, ни какихъ-либо знаній, до самой той благополучной эпохи, когда немногіе, но внутреннимъ голодомъ возбужденные и ревностно ищущіе братья рѣшились просить покойнаго И. Е. Шварца, а онъ рѣшился принять предложеніе ихъ, отправиться за границу для исканія Свѣта. Видно, что исканіе сіе было съ обѣихъ сторонъ чистосердечно, безкорыстно и Богу угодно, ибо увѣнчалось успѣхомъ, который превзо-

шелъ всякое ожиданіе. И. Е. Шварцъ возвратился въ Россію со свѣтильникомъ, озарилъ имъ жаждущихъ свѣта братьевъ, озарилъ столь живо, что отраженіе лучей разлилось даже на всю Россію и столь прочно, что еще и нынѣ, спустя 40 лѣтъ послѣ сего счастливаго событія, находятся еще такіе братья, кои желаютъ у свѣта сего согрѣваться, имъ питаться и возрастать.

Съ возвращеніемъ И. Е. Шварца устроился въ братствѣ порядокъ, учредилось начальство, принесено новое и въ Россіи до того времени неслыханное ученіе. Въ порядкѣ семъ образовались новыя ложи; прежде существовавшія пристали къ нему. Но не долго сіе продолжалось. Жизнь И. Е. Шварца была еще кратковременна. Однако, несмотря на сіи, при самомъ началѣ постигшія братство, несчастія, несмотря на преслѣдованія правительства, обращаемыя на наружныя собранія, несмотря на послѣдовавшее отъ сего разсѣяніе многихъ братьевъ, внутренняя сила осталась непобѣжденною и начальство постоянно сохранялось даже видимымъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока Богу угодно было вызвать изъ сего міра тѣхъ благодѣтельныхъ мужей, коимъ оно было ввѣрено.

Число братьевъ увеличилось въ теченіи сорокалѣтняго неусыпнаго упражненія сихъ начальниковъ; но съ умноженіемъ членовъ открылись въ братствѣ многія неустройства. Сколько начальники ни внушали своимъ братьямъ строгое и бдительное исполненіе всѣхъ предписанныхъ правилъ, а особливо скромности, но наставленія ихъ часто оставались безплодными. Нѣкоторые изъ прикосновенныхъ къ нимъ братьевъ, въ противность установленнаго порядка, стали принимать другихъ безъ надлежащей осторожности. Сіи новопринятые, нерѣдко побуждаемые къ вступленію въ братство частными видами, а болѣе всего любопытствомъ, скоро соскучили повтореніями нравственнаго ученія, практикованіе коего есть неизбѣжное приготовленіе къ достиженію высшихъ познаній вѣчныхъ божественныхъ истинъ. Они начали искать удовлетворенія своему любознанію неправильными путями, возъимѣли дерзкое намѣреніе уловить тайну, вмѣсто того, чтобы получить ее въ награду за практическое исполненіе самою премудростію предначертанныхъ должностей. Отъ одного руководителя переходили къ другому, а часто и въ одно время ходили слушать многихъ, подобно

какъ въ университетахъ слушаютъ лекціи у разныхъ профессоровъ. Нѣкоторые, постранствовавши такимъ образомъ, оставили совсѣмъ братство; стали искать спасенія или въ наружныхъ обрядахъ, или въ наружной безобрядности, или у русскихъ раскольниковъ, либо у чужестранныхъ фанатиковъ и новыхъ проповѣдниковъ. Иные же, набравшись несвязными отрывками изъ разнохарактерныхъ разговоровъ, слѣпили себѣ ложныя системы, передавали другимъ, прикрывая ихъ наружностію братскаго ученія, т.-е. степенями и одобряемыми книгами; но всему оному дали свое толкованіе, и раздачу производили не во-время и безъ разбора. Въ послѣдствіи присоединилось къ сему еще и то зло, что когда по одолѣніи враговъ, вторгнувшихся въ предѣлы нашего отечества, наружное благочестіе сдѣлалось модою, а безмолвная терпимость правительствомъ ложъ масонскихъ и расположеніе покойнаго императора Алексадра къ нѣкоторымъ мистическимъ писателямъ дали поводъ думать, что онъ принадлежитъ къ братству, то всѣ съ жадностью обратились къ книгамъ таинственнаго содержанія. Всѣ таковыя, напечатанныя въ Россіи во время процвѣтанія братства и уцѣлѣвшія отъ костровъ во время гоненія на оное, для истребленія ихъ воздвигнутыхъ, покупаемы были на расхватъ. Иностранныя книги того же рода появились обильно въ книжныхъ лавкахъ; такъ что и едва вступившіе въ братство легко могли пріобрѣтать оныя и ими питать суетное свое любопытство. Многіе изъ таковыхъ юныхъ братьевъ, набравшись симъ способомъ буквальными знаніями, въ свою очередь сдѣлались учителями и проповѣдниками, не подозрѣвая и существованія орденскаго порядка и нимало не заботясь о томъ, есть ли установленное о-мъ [1]) начальство и не можно ли отъ него получить лучшее направленіе?

Сіе явно продолжалось до того времени, когда правительство положило оному предѣлъ запрещеніемъ всѣхъ тайныхъ обществъ, а нынѣ можетъ быть также продолжается, но только скрытнѣе. Между тѣмъ число истинныхъ братьевъ со дня на день уменьшалось. Смерть похищала одного за другимъ, такъ что теперь едва ли найдется современникъ братскаго въ отечествѣ нашемъ благоустройства.

---

[1]) Кругъ съ точкой въ серединѣ. Такъ и дальше.

Изъ вышесказаннаго можно извлечь заключеніе, что неустройство масонства въ Россіи прежде озаренія онаго свѣтомъ премудрости, происходило отъ недостатка въ руководствѣ и матеріалахъ къ просвѣщенію. И нынѣ происходитъ оно отъ недостатка въ руководствѣ, но и отъ преизбытка матеріаловъ.

Если же въ то время искреннее исканіе, толканіе и прошеніе братьевъ привлекли на нихъ, по щедрому милосердію Бога, руководство внутреннее и наружное, то нынѣ, имѣя вѣденіе о порядкѣ, имѣя истинныя степени (о коихъ тогда и на умъ не приходило), неужели мы останемся при сихъ однихъ только наружностяхъ, неужели не станемъ искать внутренняго просвѣщенія? А если станемъ искать въ страхѣ Божіемъ, изъ любви къ Богу и ближнему, то неужели благодать Господа и Спасителя нашего не услышитъ насъ? не пришлетъ намъ Святаго своего Духа утѣшителя? Да удалится такая мысль! Сему быть невозможно, если только мы сами не будемъ духа убивать буквою.

Скажемъ чистосердечно: мы теперь лишены видимыхъ начальниковъ, изустнаго отъ нихъ поученія. Но мы не лишены однако руководства: мы находимъ его въ истинныхъ степеняхъ, въ правильныхъ матеріалахъ на отечественномъ и на иностранныхъ языкахъ, завѣщанныхъ намъ отъ о-хъ отцовъ нашихъ. Сверхъ, того, имѣемъ въ памяти чистое ученіе сихъ начальниковъ, многими изъ насъ изъ устъ самихъ ихъ слышанное, или отъ тѣхъ, кои имѣли счастіе пользоваться онымъ отъ сихъ благодѣльныхъ мужей.

Итакъ, будемъ въ совокупности употреблять сіи матеріалы. Будемъ общими силами продолжать сооруженіе стѣнъ того зданія, коего основаніе столь превосходно и твердо положено было предками нашими. Каждому изъ насъ предлежитъ обтесываніе собственнаго своего дикаго камня, а вмѣстѣ съ симъ всѣмъ намъ вообще, приготовленіе и другихъ камней къ строенію сему годныхъ.

Заключимъ союзъ любви, вѣрности къ о—у, чистосердечія и взаимнаго дружества въ истинномъ духѣ собратства. Оставимъ всякую ложь, всякое притворство, самомнѣніе, недовѣріе, всякую скрытность и всѣ своекорыстные виды. Будемъ всѣ вообще и каждый въ особенности жить собственно Богу, Ордену и ближнимъ.

Поставивъ предметомъ сего новаго между нами союза, взаимное себя подкрѣпленіе и утвержденіе въ орденскомъ порядкѣ, руководствуясь постояннымъ и вѣрнымъ исполненіемъ наставленій и ученія, изъ него проистекающихъ, не должно упускать изъ виду и того, чтобъ намъ не быть подобными невѣрному рабу, скрывшему талантъ; напротивъ того, стараться полученный нами, не по заслугамъ нашимъ, а по единому неисчетному милосердію Божію, свѣтъ передавать другимъ правильно и постепенно.

Всѣ вѣденія, какія мы по сему предмету получили, происходятъ изъ одного источника. Слѣдовательно, для успѣшной передачи оныхъ должно намъ дѣйствовать однообразно, чтобъ не было между нами разногласія и чтобъ братья, нынѣ къ намъ прикосновенные и впредь присоединиться могущіе, не могли бы такого и подозрѣвать ни въ поступкахъ, ниже въ разговорахъ нашихъ.

Первымъ и неизмѣннымъ правиломъ положимъ себѣ въ основаніе ни въ чемъ не отступать отъ находящихся въ рукахъ нашихъ истинныхъ актовъ. Не будемъ никакого предпринимать дѣйствія, къ братству относящагося, безъ взаимнаго согласія, а потому, при свиданіяхъ нашихъ, каждый братъ имѣетъ предлагать общему совѣщанію мысли свои для блага и преуспѣянія братства. Но такъ какъ мы живемъ не въ одномъ мѣстѣ и свиданія наши не всегда могутъ быть опредѣлительны, то и нужно согласиться на нѣкоторыя предварительныя положенія, относительно теоретической степени, шотландской и 3 іоанновскихъ степеней.

Итакъ, для собственнаго нашего руководства и для тѣхъ, кои послѣ насъ призваны будутъ къ симъ занятіямъ, сообразивъ все вышеописанное съ правилами о--скаго ученія, въ чистотѣ и святости коего мы увѣрены, начертали мы для вышесказанныхъ степеней слѣдующее постановленіе, отъ коего никто да не уклонится:

1. Работы производить по актамъ, исправленнымъ и свѣреннымъ съ подлинниками, утвержденнымъ приложеніемъ къ нимъ особой печати.

2. Вкралось въ обычай давать всякому брату акты его степени, отъ чего число списковъ весьма увеличилось и не мудрено, если они попадутъ въ руки непосвященныхъ. То, для прекращенія такого скромности противнаго дѣйствія,

отъ нынѣ впредь акты списывать давать только тѣмъ братьямъ, коимъ будетъ ввѣрено руководство другихъ, съ условіемъ, чтобы они отнюдь никому не давали оныхъ списывать, а желающимъ заниматься ими чаще сами бы имъ читали, или при себѣ давали читать ихъ. Но и симъ братьямъ давать списывать акты неполные, а самое изъ нихъ нужное, какъ-то: по іоанновскимъ степенямъ — приготовленія къ 3 степенямъ, уставъ Св. К., общія учрежденія, законы. Шотландскимъ мастерамъ, какъ братьямъ, оказавшимъ уже болѣе опытовъ въ вѣрности и скромности, можно будетъ присовокупить катехизисы 3 степеней, объясненія ковровъ. Тѣмъ же изъ нихъ, кои будутъ руководствовать другими, и приготовленіе къ шотландской степени, которое даетъ объясненіе іоанновскихъ степеней и указаніе на чтеніе онымъ приличное. Въ сей же степени давать можно брр. понятіе о другихъ системахъ и степеняхъ масонства, которыя въ архивѣ нашемъ находятся или находиться будутъ, сколько для огражденія ихъ отъ опасныхъ встрѣчъ, столько и для того, чтобъ показать имъ, сколько всѣ человѣческія выдумки, отъ истиннаго источника удалившіяся, ошибочны, и какъ въ различныхъ мнимо высокихъ степеняхъ масонство лишается своего первоначальнаго единообразія и чистоты.

3. При принятіи или присоединеніи въ четырехъ первыхъ степеняхъ клятвеннаго обѣщанія не брать, а вмѣсто онаго довольствоваться честнымъ словомъ принимаемаго или присоединяемаго, что будетъ умалчивать все то, что увидитъ и услышитъ. Въ теоретической степени, вводимый долженъ дать присягу. Присоединяемому же напомнить оную и взять съ него слово объ умолчаніи всего того, что услышитъ, и всѣхъ тѣхъ лицъ, коихъ увидитъ въ собраніяхъ.

4. Принятіе, присоединеніе и повышеніе по всѣмъ симъ степенямъ должны производиться не иначе, какъ съ дозволенія состоящаго надъ теоретическою степенью начальства.

5. Главный предстоятель теоретической степени назначается высшимъ начальствомъ, которое имѣетъ полную власть въ случаѣ смерти предстоятеля замѣнить его, или даже смѣнить онаго, если почтетъ за благо для пользы общей. Въ случаѣ назначенія его къ другой обязанности, оно одно имѣетъ право опредѣлять лице главнаго предстоятеля. Тогда теоретическій братъ, управляющій 3-мя

іоанновскими и шотландскою степенями, подчиняется уже новому главному предстоятелю Т. С.

6. Одному изъ теоретическихъ братьевъ поручается управленіе 3-мя іоанновскими и шотландскою степенями, которому руководствоваться предписанными правилами и законами. Въ случаѣ какого-либо затрудненія, совѣтоваться ему съ Г. П., которому также сообщать онъ долженъ объ упражненіяхъ братьевъ своихъ по онымъ степенямъ, дабы сообразно ихъ успѣховъ можно было представлять ихъ къ повышенію. Чрезъ главнаго же предстоятеля испрашивать и получать въ 4-мъ пунктѣ упомянутое дозволеніе. Теоретическій братъ, управляющій 4 степенями, будетъ особенно заниматься съ руководствующими братьями и наставлять ихъ, какъ лучше имъ дѣйствовать съ прикосновенными имъ братьями.

7. Принадлежащими нынѣ къ союзу нашему братьями признаются всѣ тѣ, кои прикосновенны были къ Николаю Ивановичу [1]). Они должны оставаться при своихъ руководителяхъ. Тѣ же изъ нихъ, кои таковыхъ не имѣютъ, должны поручены быть вѣденію опытныхъ и знакомыхъ имъ братьевъ. Въ іоанновскихъ степеняхъ извѣстенъ имъ свой руководитель, въ шотландской степени узнаютъ шотландскаго предсѣдающаго мастера, а въ теоретической степени главнаго предстоятеля оной. Симъ порядкомъ наблюдется скромность; какъ степени, такъ и союзъ нашъ менѣе будутъ вынаружены.

8. Братьевъ другихъ связей, которые пожелаютъ съ кѣмъ-либо изъ нашихъ братьевъ сблизиться по предмету ученія нашего, таковыхъ весьма испытывать въ чистосердечіи ихъ желанія, и по достаточномъ уже опытѣ испрашивать позволеніе, какъ въ 4-мъ пунктѣ сказано, о присоединеніи ихъ въ ту степень, о которой они доказать могутъ, что правильно ее получили въ ложѣ или отъ брата, имѣвшаго право имъ дать оную. Таковымъ братьямъ предоставляется преимущество присоединенія потому, что по однимъ актамъ съ нами были приняты. По присоединеніи они вступаютъ въ общій порядокъ, союзу нашему предначертанный.

9. Съ братьями другихъ системъ обходиться насчетъ ма-

---

[1]) Новикову.

сонскаго ученія какъ съ посторонними и въ случаѣ оказываемаго ими къ просвѣщенію вожделѣнія, то начинать съ ними съ приготовленія ученическаго.

10. Вообще должно приступать съ крайнею осторожностію къ умноженію числа братьевъ и увеличенію прикосновенныхъ къ намъ, какъ по причинѣ существующаго подозрѣнія со стороны правительства, такъ и потому, что, разводя приготовительную школу, намъ должно рачительно пещись о сохраненіи ея въ чистотѣ, чтобы она не походила на скопища наружнаго масонства, самому себѣ преданнаго, орденскаго руководства лишеннаго и цѣли о—на совершенно противнаго.

11. Есть у братьевъ привычка, которая не менѣе вредна, какъ и списываніе актовъ, о коемъ было упомянуто въ 2-мъ пунктѣ. Привычка сія состоитъ въ томъ, чтобъ брать и давать списывать піесы и книги орденскія кому бы то изъ братьевъ ни случилось. Она вредна потому, что одному руководствующему или предсѣданіе въ степени имѣющему брату можетъ быть извѣстно расположеніе младшаго брата, какому расположенію сообразуясь должно давать піесы и книги. Ученіе орденское не можетъ иначе преподаваемо быть, какъ въ порядкѣ, а сей раздѣляетъ братьевъ на два класса: на поучающихъ и на учащихся. Ссуда піесами и книгами питаетъ только любопытство суетное и хвастливость. Обѣ сіи слабости таковы, что могутъ заградить надолго и даже (чего Боже сохрани) навсегда путь къ достиженію искомаго свѣта. А потому и должно отъ сей привычки какъ себя, такъ и другихъ братьевъ остерегать, вмѣнивъ себѣ непремѣнною обязанностію оказывать любовь, снисхожденіе и нелицемѣрное смиреніе всѣмъ ближнимъ, а особливо братьямъ, какой бы связи, системы или званія не были, но учить и учиться только тѣхъ и съ тѣми, кого и съ кѣмъ Божій промыслъ соединилъ насъ тѣснѣйшими узами братскаго дружества.

12. Наконецъ, еслибъ по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, послѣдовало снятіе наложеннаго на масонскія ложи запрещенія, то и тогда для братьевъ, къ союзу нашему принадлежащихъ, должны всѣ сіи правила служить основаніемъ къ открытію іоанновскихъ и шотландскихъ ложъ, по истиннымъ актамъ.

Если же, по какимъ бы то ни было причинамъ, не позволено было бы по актамъ симъ работать, или потребовано было бы подчиненіе какому-либо масонскому начальству, порядку нашему не принадлежащему, тогда въ дѣйствіяхъ таковыхъ никому изъ насъ участія не принимать, а оставаться всѣмъ намъ въ настоящемъ положеніи и въ тишинѣ спокойно продолжать занятія наши, имѣя всегда въ предметѣ сказанное у Матѳ. VI. 33. „Ищите во первыхъ царствія Божія и правды Его, и все сіе приложится вамъ“.

10 сентября 1827-го года.

На этомъ останавливаются наши документальныя свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ. Мы не знаемъ, какъ и съ какимъ характеромъ оно существовало потомъ въ русскомъ обществѣ, что дѣлалось и въ томъ кружкѣ, въ которомъ составилось приведенное сейчасъ постановленіе,—къ намъ доходили только неясныя указанія и предположенія о томъ, что масонство имѣло у насъ своихъ адептовъ до самаго послѣдняго времени. Не касаясь вовсе этого послѣдняго предмета, не подлежащаго нашему, чисто-историческому интересу, мы позволимъ себѣ упомянуть только, что въ нѣкоторое подтвержденіе этихъ указаній могла служить намъ одна, случайно намъ встрѣтившаяся новая коллекція рукописей мистическаго содержанія. Эта рукописная коллекція, заключающая до 12-ти томиковъ, состоитъ изъ сочиненій, которыя составляли въ прежнее время обычную принадлежность масонской библіотеки. Это—отдѣльныя сочиненія, отрывки, выписки, гдѣ мы находимъ нѣкоторыя сочиненія Якова Бёма, извлеченія изъ Пордеча, г-жи Гюйонъ, Пуаре, изъ жизнеописанія г-жи Буриньонъ, изъ Таулера, краткую церковную исторію и отрывки изъ большой церковной исторіи Готтфрида Арнольда (писателя, очень уважаемаго піэтистами), „Реченія философскія“ Югеля, мистическій комментарій на Библію, наконецъ отрывки изъ нашихъ церковныхъ мистическихъ сочиненій. Между прочимъ, къ исторіи масонско-мистической литературы прибавляется здѣсь фактъ, что въ этихъ рукописяхъ находится новый переводъ одного сочиненія Як. Бёма, De Tribus Principiis, сдѣланный по французскому изданію 1802-го года [1]): этотъ переводъ, дѣ-

---

[1]) Это было изданіе Сенъ-Мартена: „De Trois Principes de l'Essence divine“ и проч. 2 тома, Парижъ. 1802.

данный въ 1853—56 годахъ, есть, вѣроятно, самый новый изъ многочисленныхъ переводовъ этого писателя, составлявшаго высшій авторитетъ масонскаго мистицизма. Наконецъ, въ одномъ томикѣ этой коллекціи, записной книгѣ, веденной въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, рядомъ съ многочисленными выписками указаннаго рода, разбросаны личныя замѣтки, гдѣ упоминаются піэтистическія бесѣды съ какимъ-то наставникомъ, упоминаются (въ 1843) „связи“, продолжающіяся „около двадцати лѣтъ“, называется Витбергъ, какъ извѣстный человѣкъ этого рода благочестія и т. п. Характеръ мнѣній, который можно наблюдать по этимъ выпискамъ и немногимъ личнымъ замѣткамъ, разсѣяннымъ въ рукописи, совершенно соотвѣтствуетъ тому суровому, аскетическому, даже мрачному піэтизму, какой мы имѣли случай видѣть въ „орденскомъ ученіи“ Поздѣева и вообще послѣднихъ розенкрейцеровъ.

Едва-ли въ этихъ „связяхъ“ и этомъ чтеніи не сказывались послѣдніе слѣды мистическаго масонства, процвѣтавшаго у насъ въ царствованіе Александра I.

II.

HOMUNCULUS.

Эпизодъ изъ алхиміи и изъ исторіи русской литературы.

Во второй части „Фауста", въ первыхъ сценахъ второго акта, дѣйствіе происходитъ въ прежнемъ ученомъ кабинетѣ Фауста. Пораженный видѣніемъ Елены, Фаустъ впалъ въ безчувствіе. Мефистофель осматривается въ давно заброшенномъ кабинетѣ, гдѣ сохранилась обстановка ихъ перваго знакомства; онъ звонитъ въ колоколъ, и на звонъ, отъ котораго дрожитъ галлерея, приходитъ помощникъ (famulus) Вагнера; Мефистофель заводитъ рѣчь объ его господинѣ, который въ отсутствіе Фауста продолжалъ работать и сталъ знаменитымъ ученымъ. Мефистофель спрашиваетъ:

Чѣмъ занятъ онъ? Кто Вагнера не знаетъ?
Въ ученомъ мірѣ онъ провозглашенъ
Изъ первыхъ первымъ. Все вмѣщаетъ онъ
Въ себѣ одномъ и мудрость умножаетъ,
Чѣмъ молодость толпами привлекаетъ
Къ глубоко-мудрымъ лекціямъ своимъ.
Одинъ онъ всѣхъ студентовъ восхищаетъ,
И альфа, и омега—все онъ имъ,
Соперниковъ по славѣ онъ не знаетъ,
Одинъ межъ всѣми ярко онъ блеститъ
И Фауста извѣстность затмеваетъ,
Затѣмъ, что всѣхъ онъ выше здѣсь стоитъ [1]).

Фамулусъ не понимаетъ насмѣшки и защищаетъ своего господина: напротивъ, Вагнеръ очень скроменъ; онъ высоко почитаетъ Фауста, сохраняетъ въ томъ же видѣ его комнаты, не знаетъ только, куда онъ дѣвался. Мефистофель

---

1) Переводъ Н. А. Холодковскаго, какъ и далѣе.

желаетъ повидать Вагнера, Фамулусъ отвѣчаетъ, что это невозможно:

Никакъ нельзя: онъ занятъ важнымъ дѣломъ.
Входить къ себѣ онъ строго не велитъ.
Не выходя, по мѣсяцамъ онъ цѣлымъ
Въ своей рабочей комнатѣ сидитъ.
Изъ всѣхъ ученыхъ былъ онъ самымъ чистымъ,
А нынѣ смотритъ сущимъ трубочистомъ.
Совсѣмъ теперь чумазымъ онъ глядитъ:
Глаза его отъ жару покраснѣли,
А лобъ и носъ и уши почернѣли.
Сидитъ себѣ, да колбами гремитъ.

Мефистофель велитъ, однако, сказать Вагнеру, что намѣренъ ему помочь въ его алхимической работѣ, и послѣ разговора съ бывшимъ ученикомъ Фауста, теперь баккалавромъ—самонадѣяннымъ философомъ, въ которомъ Гёте хотѣлъ посмѣяться надъ крайнимъ идеализмомъ Фихте,—онъ входитъ въ лабораторію Вагнера. Это—комната въ средневѣковомъ вкусѣ, съ фантастическими неуклюжими приборами; Вагнеръ сидитъ у печки, занятый великимъ дѣломъ: онъ стремится разрѣшить таинственную и высшую задачу, какую ставила себѣ алхимическая наука,—въ алхимической ретортѣ, путемъ сложныхъ манипуляцій, должно быть создано подобіе человѣка или маленькій человѣкъ, Homunculus.

Звенитъ реторта! Грудь томится!
Дрожитъ отъ звона мрачный сводъ!
Да, неизвѣстность разрѣшится:
Моимъ томленьямъ настаетъ
Конецъ. Ужъ свѣтъ во тьмѣ сіяетъ,
Въ ретортѣ тлѣетъ уголекъ
И ярко блещетъ огонекъ,
Да, лучъ изъ мрака выступаетъ:
То какъ карбункулъ засверкаетъ,
То превратится въ бѣлый свѣтъ.
Ужель достигнуть не придется
Мнѣ цѣли?...

Когда вошелъ Мефистофель, Вагнеръ въ тревогѣ сообщаетъ ему, что „должно сейчасъ великое свершиться—творится человѣкъ“. Мефистофель подшучиваетъ, что не видитъ парочки, и не будетъ ли ей здѣсь слишкомъ дымно. Вагнеръ съ негодованіемъ объясняетъ, что дѣло идетъ вовсе не о томъ:

...долженъ человѣкъ, вѣнецъ всего творенья,
Достойное себя имѣть происхожденье.

Вагнеръ не спускаетъ глазъ съ реторты и изъ его словъ можно видѣть алхимическую процедуру творенія Гомункула:

Надежды свѣтъ блистаетъ намъ изъ тьмы!
Смѣшавши сотни разныхъ специй, мы
Все человѣка вещество сформуемъ
Смѣшеньемъ—да, смѣшеніемъ однимъ.
Потомъ его прилежно профильтруемъ
И перегонкой вновь преобразуемъ—
И такъ въ тиши все дѣло совершимъ.
Смотрите: тайна все становится яснѣе,
А масса мутная въ ретортѣ все свѣтлѣе!
Мы обнаружимъ все—наглядно объяснимъ,
Что каждый тайною чудесною считаетъ.
Организація въ природѣ все свершаетъ:
Кристаллизацией мы то же совершимъ.

Мефистофель подсмѣивается опять, что въ своихъ странствіяхъ видывалъ кристаллизованныхъ людей. Вагнеръ ничего не слышитъ и смотритъ съ восторгомъ въ свою реторту:

Сіяетъ, пѣнится, сверкаетъ:
Одна минута все рѣшаетъ.
Сперва смѣшонъ великій замыслъ намъ,
А тамъ—глядишь—успѣли мы въ стараньи.
Отнынѣ тотъ, кто здраво мыслитъ самъ,
Мыслителя сработать въ состояньи.
Звенитъ реторта! Вотъ яснѣй, яснѣй
Внутри ея: вотъ снова замутилось...
Не чудо-ли? барахтается въ ней
Мой человѣчекъ милый. Совершилось;
Раскрыта тайна; весь секретъ открытъ:
Чего жъ еще желать намъ остается?
Прислушайтесь: онъ что-то говоритъ.
Тс, тише! Рѣчь въ ретортѣ раздается.

Наконецъ Гомункулъ созданъ, — Мефистофель помогъ алхимическому чуду. Гомункулъ привѣтствуетъ своего родителя, встрѣчаетъ Мефистофеля, какъ стараго знакомца и стараго плута.

......Ну что-жъ! ты кстати здѣсь, какъ разъ,
Ты въ добрый часъ пришелъ: я начинаю
Существовать—и дѣйствовать сейчасъ
Желаю страстно. Я готовъ къ работѣ:
Ты можешь дать исходъ моей заботѣ.

Гомункулъ можетъ жить только въ своей ретортѣ, но, по алхимическому преданію, гомункулы, какъ существа,

созданныя наукой, отличаются необыкновенными знаніями, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей природѣ нѣчто демоническое,—по тому и другому Гомункулъ близокъ и къ Фаусту, и къ Мефистофелю: Гомункулъ у Гёте дѣйствительно обладаетъ глубокой проницательностью и, вмѣстѣ, жаждою дѣятельности. Мефистофель указываетъ ему на Фауста, который все еще остается безъ сознанія, и съ этой минуты Гомункулъ дѣятельно вмѣшивается въ его судьбу и становится его путеводителемъ. Гомункулъ въ своей ретортѣ вырывается изъ рукъ Вагнера, летитъ къ Фаусту, разсказываетъ его сонъ и находитъ средство вернуть его къ сознанію: надо раскинуть мантію пошире и перенестись въ Фарсальскую долину, въ классическую Вальпургіеву ночь,— въ чемъ символически изображено стремленіе Фауста къ античной красотѣ.

Вагнеръ при этихъ сборахъ спрашиваетъ боязливо: „А какъ же я?“ Гомункулъ успокаиваетъ его, совѣтуетъ по прежнему копаться въ пергаментахъ, подбирать начала жизни и распредѣлять ихъ по росписанію,—

Да, ты легко все можешь получить,
Найти награду за свои старанья:
Честь, долголѣтье, славу, деньги, знанье
И добродѣтель даже, можетъ быть.

Появленіе Гомункула въ судьбахъ Фауста дало много труда комментаторамъ Гёте, и одинъ изъ нихъ прямо говоритъ: „Что собственно долженъ представлять аллегорически Гомункулъ, это никогда не было достаточно опредѣлено комментаріями. Отвѣтъ Гёте на вопросъ Экерманна относительно этого своеобразнаго созданія вовсе не рѣшаетъ этой задачи. Дюнцеръ называетъ его олицетвореніемъ неустаннаго стремленія Фауста къ идеальной красотѣ, и исчезновеніе Гомункула на классическомъ шабашѣ объясняетъ, какъ естественное, угасаніе этого стремленія послѣ того, какъ достигнута была его цѣль. Вѣрно это или нѣтъ, но знаменателенъ тотъ фактъ, что этотъ результатъ усиленныхъ изслѣдованій Вагнера долженъ служить Фаусту путеводителемъ въ ту область, куда стремятся всѣ его желанія. Вмѣсто того, чтобы снова на многіе долгіе годы предпринимать свои независимыя изысканія въ таинствахъ природы, Фаустъ можетъ теперь извлечь пользу изъ по-

знаній, накопленныхъ и собранныхъ близорукими, лишенными фантазіи, сухими спеціалистами, которые работали до него съ педантическою добросовѣстностью, далеко не предчувствуя тѣхъ прекрасныхъ примѣненій, къ какимъ могутъ послужить результаты ихъ собственныхъ изслѣдованій... Проницательный, богатый фантазіей, остроумный геній нѣсколькими смѣлыми синтезами обратитъ въ величественное органическое единство весь тотъ хаосъ фактовъ, какой поставили въ его распоряженіе его менѣе извѣстные предшественники“ [1]).

Представленіе о гомункулѣ Гёте заимствовалъ изъ алхимическихъ преданій той эпохи, которой принадлежитъ и самая легенда о докторѣ Фаустѣ. Это—XV—XVI-е столѣтіе, промежуточный періодъ между средними вѣками и новымъ временемъ, та странная эпоха броженія, въ которую мало-по-малу возникалъ переходъ отъ стараго мистическаго суевѣрія къ зачаткамъ научнаго изслѣдованія. Средніе вѣка, подъ вліяніемъ византійской и особенно арабской учености, возбуждали мысль о жизни природы, ставили вопросы, какихъ, однако, не въ силахъ была одолѣть ихъ наука, и на смѣну церковной мистической схоластики являлась теперь мистическая алхимія. Познакомившись съ немногими процессами естественныхъ силъ, которые стали потомъ предметомъ физики и химіи, ученые тѣхъ временъ пришли къ убѣжденію, что передъ ними раскрываются величайшія тайны творенія, и поставили себѣ задачей раскрыть эти тайны до конца: къ простому объясненію явленій присоединилось желаніе отнять у природы тайну вещей, необходимыхъ для человѣческаго благополучія. Такъ, алхимики искали универсальнаго лѣкарства, исцѣляющаго всѣ болѣзни и даже доставляющаго безсмертіе; искали философскаго камня, способнаго превращать всѣ металлы въ золото. Стремленіе уразумѣть законы естественной жизни разросталось въ стремленіе постигнуть все таинственное въ бытіи человѣка, природы и самаго общенія человѣка съ божествомъ: алхимія переходила, съ одной стороны, въ мистику, съ другой—въ магію. Начиная съ XVI-го вѣка и до конца

---

[1]) Ein Kommentar zu Goethe's Faust von Hjalmar Hjorth Boyesen. Autorisirte deutsche Bearbeitung von Otfrid Mylius. Leipzig (1881), стр. 133—134.

XVIII-го, и даже переходя въ XIX-й, образовалась громадная литература, гдѣ всѣ эти теченія сливались, гдѣ въ систему чудной науки привлечены были и мистическія преданія восточной и античной древности, и созданія христіанской мистики, и первые опыты алхиміи въ средніе вѣка, и преданія о магическихъ искусствахъ. Новѣйшіе мистики, которыхъ особенно много расплодилось къ концу XVIII-го вѣка, полагали себя полными обладателями тайнъ божества, природы и человѣка, придумывали „божественную алхимію“ и „божественную магію“, говорили тѣмъ же алхимическимъ языкомъ, но придавали ему особое мистическое значеніе. Въ этой литературѣ XVIII-го вѣка, какъ увидимъ, нашли отголосокъ самыя странныя фантазіи и бредни алхимиковъ XV—XVI-го вѣка.

Отъ одного изъ знаменитѣйшихъ писателей XVI вѣка, родоначальниковъ этой мистической алхиміи, Гёте заимствовалъ представленіе о гомункулѣ. Это былъ знаменитый врачъ, химикъ и теософъ XVI вѣка, Парацельсъ (1493—1541), или полнымъ именемъ: Филиппъ Авреолъ Парацельсъ Ѳеофрастъ Бомбастъ изъ Гогенгейма. Онъ пользовался въ свое время и послѣ великою славой, оставилъ множество сочиненій, и въ литературѣ, о которой мы говоримъ, въ литературѣ мистики и тайныхъ наукъ, онъ былъ однимъ изъ великихъ авторитетовъ. Гёте въ юности читалъ Парацельса, въ одномъ изъ сочиненій котораго, „De generatione rerum“, говорится о возможности алхимическимъ путемъ произвести искусственнаго человѣка; отсюда Гёте и взялъ мысль заставить Вагнера добиваться алхимическимъ путемъ сотворенія Гомункула [1]).

Это великое изобрѣтеніе старинной алхиміи стало извѣстно въ XVIII-мъ вѣкѣ и у насъ — въ интимной литературѣ масонства.

Эта литература изучена до сихъ поръ очень мало; между тѣмъ она могла бы доставить многія характерныя черты

[1]) Ср. Hartung, Ungelehrte Erklärung des Goethe'schen Faust. Leipzig. 1855, стр. 209; Schröder, Faust von Goethe. Mit Einleitung und fortlaufender Erklärung. Heilbronn, 1881 (изданіе „Фауста“ съ обширнымъ подстрочнымъ комментаріемъ), II, стр. 120—131. Впрочемъ, здѣсь не сполна повторенъ рецептъ Парацельса, гдѣ главнымъ ингредіентомъ служитъ sperma hominis и пособіемъ—arcanum sanguinis humani.

для опредѣленія того міровоззрѣнія, какое господствовало въ нашихъ масонскихъ кругахъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія и тяготѣло, между прочимъ, надъ такими умами, какъ Н. И. Новиковъ. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай указывать на этотъ обширный матеріалъ рукописной масонской литературы, который хранится въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ и въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ [1]).

Какъ извѣстно, довольно значительное число масонскихъ сочиненій издано было Новиковымъ во времена Типографической Компаніи и Дружескаго Общества; но гораздо большее число осталось не изданнымъ, и въ особенности это были тѣ, въ которыхъ именно заключалось закрытое для непосвященныхъ, интимное „орденское“ ученіе. Извѣстно также, что особливо дѣятельный кругъ масонства, гдѣ руководителями были Новиковъ и Шварцъ, въ заключеніе своихъ исканій „истиннаго“ масонства, пришли къ системѣ, которая была одною изъ самыхъ странныхъ формъ масонства въ концѣ прошлаго вѣка—къ розенкрейцерству. Гнѣздомъ его былъ Берлинъ, а отличительной чертой—необычайная смѣсь обскурантизма и суевѣрія, вмѣстѣ съ политической реакціей. Въ розенкрейцерствѣ какъ будто совмѣстилось все то преданіе мрачнаго застоя, съ которымъ боролось „просвѣщеніе“ XVIII-го вѣка, и со стороны нашихъ искателей таинственной мудрости, хранилищемъ которой полагались масонскія ложи, было дѣломъ простодушной и неопытной довѣрчивости искать этой мудрости въ мутномъ источникѣ берлинскаго розенкрейцерства. Это послѣднее, какъ вообще позднѣйшія масонскія „системы“, совершенно отклонилось отъ стараго преданія англійскихъ ложъ и, въ своей жаждѣ открыть наконецъ „тайну“, обратилось къ той литературѣ мистики и тайныхъ наукъ, о которой мы выше говорили. Въ область розенкрейцерства были привлечены и творенія мистической философіи, во главѣ которой стоялъ Яковъ Бёмъ, и самыя необузданныя фантазіи „божественной алхиміи“ и „божественной магіи“: отвергая съ пренебреженіемъ простую алхимію и магію, будто бы только грубо матеріальныя, розенкрейцеры на

[1]) См. прил. I, стр. 335—337. Ред.

самомъ дѣлѣ мечтали, однако, о добываніи золота, философскаго камня и т. д., какъ мечтали и ихъ московскіе ученики. Въ масонскихъ рукописяхъ упомянутыхъ собраній находится цѣлая масса переводовъ изъ этой мистико-алхимической литературы, между прочимъ, въ прекрасно написанныхъ и переплетенныхъ экземплярахъ. Мы встрѣтимъ здѣсь многочисленные переводы изъ Якова Бёма и другихъ собственно мистическихъ писателей, какъ Таулеръ, Пордечъ, г-жа Гюйонъ и т. д., и затѣмъ, напримѣръ, такія творенія по мистической алхиміи и магіи:

„Исторія микрокосма", Роберта Флюдда (по-англійски Fludd, въ латинскомъ написаніи de Fluctibus: „переводъ съ латинскаго подлинника, напечатаннаго въ 1619 году въ Оппенгеймѣ"), фоліантъ въ нѣсколько сотъ страницъ, съ отчетливо сдѣланными рисунками, объясняющими таинственныя отношенія чиселъ. Исторія микрокосма объясняетъ отношенія человѣческой природы къ мистическимъ началамъ естества и божественныхъ силъ и т. д.; рукопись новая, но переводъ, безъ сомнѣнія, XVIII вѣка. Публичной Библіотеки F. III. 18.

— „Георгія Веллинга сочиненія маго-кабалистическія и теозофическія", опять большой фоліантъ съ рисунками алхимическаго и каббалистическаго свойства. Книга раздѣлена на три части — о соли, сѣрѣ и меркуріи, но алхимія переплетена съ мистическими толкованіями, напримѣръ: „О исконичномъ или первобытномъ мірѣ (de mundo archetypo)", „О состояніи человѣка по смерти и премѣненіи тлѣннаго его тѣла въ нетлѣнное, какъ онъ въ Едемѣ созданъ былъ; такъ же и о состояніи осужденныхъ нетлѣнныхъ тѣлъ изъ начала мрака", „О заточеніи древняго змія, діавола или сатаны, и о первомъ воскресеніи и царствѣ святыхъ", „О религіи, ясными мѣстами священнаго писанія утвержденной и о истинной маго-кабалѣ, на ономъ основанной" и т. д. На листѣ 165 замѣчено: „переводъ съ нѣмецкаго 1791". Въ концѣ прибавлены еще нѣсколько алхимическихъ статей: „Разсужденіе о философскомъ камнѣ" Гензинга, „Алхимическіе вопросы" Анонима, выписки изъ „Небесной манны", „Non puls ultra veritatis, т. е. изслѣдованіе герметической науки" и т. д. Рукопись Публичной Библіотеки F. III. 25; другой экземпляръ F. III. 41.

— „Собраніе новѣйшихъ и достопамятнѣйшихъ приключеній, случившихся съ разными чаятельно въ живыхъ еще находящимися адептами, и о ихъ философической тинктурѣ, купно съ пространною и чудною исторіею великаго адепта Никол. Фламелла. Переводъ съ нѣмецкаго подлинника, напечатаннаго въ Гильдесгеймѣ въ 1780 году, а на россійской языкъ переложеннаго въ 1795“,—защита дѣланія золота противъ „хулителей истины“, „преданныхъ предразсудкамъ прекослововъ“. Самихъ алхимиковъ авторъ называетъ „священниками природы“ и т. п. Рукопись Публ. Библіотеки F. III. 29.

— „Описаніе Адама Сигизмунда Флейшера трехъ дѣйствующихъ основанія-свойствъ человѣческой души“, и пр. „Печатана на нѣмецкомъ языкѣ въ благодатное лѣто Господне 1786“. Обширный фоліантъ, тамъ же F. III. 30.

— „Откровенная герметическая наука, или новое магическое свѣтило, въ которомъ содержатся разные Египетскіе, Еврейскіе и Халдейскіе таинства. 1787“. (Переведено, вѣроятно, съ французскаго, такъ какъ особенно мудреныя слова приводятся въ скобкахъ по-французски); тамъ же F. III. 34.

— „Двѣнадцать ключей брата Василія Валентина, монаха ордена св. Венедикта, которыми двери къ древнему камню любезныхъ нашихъ предшественниковъ отверзаются“ и пр. Переводъ съ французскаго. Тамъ же Q. III. 23.

— „Отверзтыя врата тайной натуры и дѣйствующихъ свойствъ ея въ добрѣ и во злѣ... Также, что есть Эссенція вещей, и давно желанная всѣми химиками къ свѣдѣнію первая матерія философскаго универсальнаго лѣкарства въ пользу ищущимъ истинныхъ спагирическихъ и медицинскихъ знаній—описано Д. Георгіемъ Фридрихомъ Рецель“, и пр. Тамъ же Q. III. 35, и другой экземпляръ Q. III. 36.

— „Три любопытные химическіе трактатца, названные Амвросія Миллера Райское Зеркало, въ которомъ видѣть можно высочайшее врачевство, для уврачеванія золота и человѣковъ. Домъ нѣмецкихъ стрѣлковъ, выписанныхъ и вызванныхъ всепервѣйшимъ Адамомъ, отцомъ всѣхъ насъ, ко всѣмъ стрѣлкамъ, имѣющимъ охоту въ цѣль стрѣлять. Описаніе великія тайны камня мудрыхъ, яко отъ Бога вымоленныя и полученныя премудрости царя Соломона.

Однимъ E. G. Q. J. R. V. M. D. E". (Франкфуртъ и Лейпцигъ, 1704). Тамъ же Q. III. 37.

— „Нѣчто не для многихъ или нѣчто о герметической философіи, основанной на таинствахъ божественной алхиміи, въ макро- и микрокозмѣ. Hermesburg und Sophienstadt". Тамъ же Q. III. 48.

— „Евангельская магія.—Рафаелъ, или врачь Ангелъ. Сочинено по прошенію нѣкоего боголюбящаго врача A. S. г. Авраамомъ фонъ-Франкенбергъ, Рыцаремъ Силезскимъ, въ 1639 году. Нынѣ же иждивеніемъ нѣкоторыхъ добрыхъ сердецъ и споспѣшествователей въ свѣтъ издано въ Амстердамѣ 1676 года. Переведена съ нѣмецкаго 1788". Рукопись написана съ великой старательностью, испещрена еврейскими, греческими и латинскими цитатами и мистическими чертежами; образчикъ каббалистическаго сумбура. Тамъ же Q. III. 63.

— „Раймунда Луллія Каббалистика,—въ двухъ книгахъ". Тамъ же O. III. 16.

— Сборникъ алхимическихъ статей. Тамъ же O. III. 17.

— „Графъ Габалисъ или разговоры о тайныхъ наукахъ. Сочиненіе аббата Вильяра. Въ двухъ книгахъ". Тамъ же O. III. 19; см. также Q. III. 65.

— „Гермеса Трисмегиста Поемандръ или о божественной силѣ и премудрости древніе Египетскіе фрагменты". Тамъ же O. III. 25...

Въ этихъ указаніяхъ изъ рукописей Публичной Библіотеки далеко не исчерпана переводная алхимическая литература конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія: подобныя творенія находятся и въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея и другихъ собраній [1]). Большинство этихъ произведеній

---

[1]) Подлинники этихъ переводовъ большею частью опредѣляются по описаніямъ алхимической и магической литературы:

— J. G. Th. Grässe, Bibliotheca Magica et Pneumatica oder wissenschaftlich geordnete Bibliographie der wichtigsten in das Gebiet des Zauber-, Wunder-, Geister-, und sonstigen Aberglaubens vorzüglich älterer Zeit einschlagenden Werke... Ein Beitrag zur sittengeschichtlichen Literatur. Leipzig. 1843.

— G. Kloss, Bibliographie der Freimaurerei und der mit ihr in Verbindung gesetzten geheimen Gesellschaften. Frankfurt a. M., 1844, [и A. Wolfstieg, Bibliographie der Freimaurerischen Litteratur, Burg a. M. 1911—1913],—отдѣлы о розенкрейцерствѣ, теософіи, магіи и пр.

несомнѣнно было переведено въ кругу Новикова, и для будущихъ изыскателей предстоитъ задача выяснить подробнѣе эту дѣятельность новиковскаго круга... Но преданіе московскихъ розенкрейцеровъ не прервалось съ распаденіемъ Дружескаго Общества послѣ ареста и заключенія Новикова. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, что при Павлѣ друзья Новикова и питомцы его школы, мистическіе піэтисты, стали во главѣ Московскаго университетскаго пансіона, были воспитателями новаго поколѣнія и передали ему долю піэтистической мечтательности, отраженіемъ которой была поэзія Жуковскаго. Но если въ этой группѣ хранилась унаслѣдованная отъ временъ Дружескаго Общества любовь къ просвѣщенію, которая мирилась у Новикова съ его мистицизмомъ, то была и другая группа, въ которой розенкрейцерство переходило въ прямой обскурантизмъ. Таковъ былъ О. А. Поздѣевъ, который пользовался большимъ авторитетомъ въ кругахъ, прикосновенныхъ къ масонству; таковъ былъ Захаръ Карнѣевъ, впослѣдствіи попечитель Харьковскаго университета, его масонскія творенія находятся въ московскомъ и въ петербургскомъ собраніяхъ [1]). Розенкрейцерское преданіе перешло и къ новому поколѣнію масоновъ, которые, какъ гр. М. Ю. Віельгорскій и С. С. Ланской, спеціально поучались у Поздѣева; отъ

— Bibliothèque Ouvaroff. Catalogue spécimen. Sciences secrètes (par A. Ladrague). M. 1870.

Объ исторіи алхиміи, кромѣ старой книги Шмидера (Geschichte der Alchemie. Cassel, 1832) см. у историковъ химіи, напр.: Histoire de la Chimie, par Ferdinand Hoefer. 2-me éd. Paris, 1866—1869 (здѣсь о гомункулѣ Парацельса, II, стр. 16); Бертело, Introduction à l'étude de la chimie des anciens et du moyen âge, Paris, 1889; Коппа, Alchemie in älterer und neuerer Zeit. Heidelberg, 1886 и др. Общую характеристику алхимиковъ по отношенію къ ихъ мистическимъ ученіямъ см. также у историковъ мистицизма и у историковъ магіи, какъ напр. Ennemoser, Geschichte der Magie. Leipzig, 1844. [Библіографія у I. Ferguson, Bibliotheca chemica, Glasgow, 1906 и K. Sudhoff, Ein Beitrag zur Bibliographie der Paracelsiten въ Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1893, X, 316—326, 385—407 и 1894, XI, 169—172. Ср. также Э. Радловъ, Сочиненія о магіи, въ прил. къ Отчету Публ. Библ. за 1885 г.].

[1]) О немъ въ сборникѣ Харьковскаго Филологическаго Общества, 1895: „Къ исторіи Харьковскаго университета", замѣтка г. Лященка [и у Д. И. Багалѣя въ Исторіи Харьковскаго Университета, т. II, Харьк. 1904].

него они слышали, между прочимъ, и отрывки алхимической мудрости, въ которую самъ онъ вѣрилъ.... Мы не знаемъ подробностей о томъ, насколько посвящены были въ розенкрейцерскія таинства эти молодые представители масонства Александровскаго времени; но, быть можетъ, съ этими отголосками розенкрейцерства, слышанными Ланскимъ, стоятъ въ связи алхимическіе вкусы его близкаго родственника (женатаго на его сестрѣ), кн. В. Ѳ. Одоевскаго,— конечно, кн. Одоевскій, благодаря серьезной школѣ, умѣлъ уже стать на научную точку зрѣнія и замѣнить алхимію и магію натур-философіей Шеллинга и Окена [1]).

Такія историческія развѣтвленія старой мистики можно наблюдать на переходѣ отъ XVIII вѣка въ XIX-й, гдѣ новый расцвѣтъ мистицизма ознаменовался потомъ въ дѣятельности Лабзина, библейскихъ обществъ и т. д.

Въ этой алхимической и магической литературѣ мы встрѣчаемъ, наконецъ, твореніе, которое возвращаетъ насъ къ Гомункулу. Это небольшая рукопись Публичной Библіотеки (O. III. 30), подъ названіемъ: „Божественная Магія. Наставленіе, представляющее важнѣйшія искусства древнихъ израильтянъ, мудрецовъ и первыхъ, такъ какъ и нынѣшнихъ, истинныхъ христіанъ. Какимъ образомъ оные приготовляемы и употребляемы были,—и нынѣ еще нѣкоторыми весьма немногими людьми въ тишинѣ и страхѣ Господнемъ производятся и употребляются. Въ печать издана, украшена фигурами и свѣту сообщена L. V. H. Любителемъ тайной Божественной премудрости. Франкфуртъ и Лейпцигъ 1745 года“ [2]).

Эта книжка есть цѣлое собраніе магическаго волшебства. Послѣ предисловія, гдѣ объясняется великая важность этого сочиненія, сообщается молитва, какую надобно творить передъ началомъ каждаго изъ описанныхъ здѣсь дѣйствій: „О, великій Боже, Іегова, Фолль Іагъ! (voll Jah), о

[1]) См. П. Н. Сакулинъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, т. I, М. 1913. Ред.

[2]) Забавно, что на корешкѣ эта книга обозначена: „Богословія“. Подлинникъ: „Magia divina, oder gründ—und deutlicher Unterricht, von denen fürnehmsten caballistischen Kunst—Stücken derer alten Israeliten, Welt-Weisen, und Ersten, auch noch einigen heutigen wahren Christen“. Von L. v. H. der geheimen göttlichen Weisheit Liebhabern. Frankfurt und Leipzig, 1745.

Непостижимый Тетраграмматонъ, изливающійся Духъ Премудрости! О Садаи!“ и т. д. Затѣмъ, описаніе магическихъ орудій,—какъ „уримъ и тумимъ“, приготовляемый изъ electrum magicum, изъ разныхъ металловъ и элементовъ разныхъ царствъ природы и при извѣстныхъ обрядахъ доставляющій вѣрующимъ видѣнія всего того, что можетъ быть нужно имъ и ихъ обществу; какъ „магическое кольцо“, которое открываетъ присутствіе яда (тогда оно чернѣетъ), присутствіе врага (покрывается кровяными пятнами) и т. д; съ помощью урима можно знать также своего ангела-хранителя. Далѣе, наставленія: „какъ сдѣлать Perpetuum Mobile Naturae (всегдашнее движеніе естества)?“—„О магическихъ колоколахъ Ангеловъ для призыванія седьми князей планетъ“ и т. д.; „Какъ по онымъ семи планетамъ выливать магическія фигуры“;—„Какъ изъ Electro magico сдѣлать мечь непобѣдимый“;—„Какъ сдѣлать металлическій вопрошательный прутъ, чрезъ которой получается все то, что скрывается подъ землею?“ Въ концѣ рукописи прибавлены свѣдѣнія о философскомъ камнѣ, который есть „врачевство Божественнаго происхожденія, составленное изъ трехъ первыхъ началъ Природы, очищенныхъ отъ грубой своей коры и доведенныхъ до высочайшей постоянности“ и пр.

Въ этой рукописи находится (л. 25 обор.—31) и приводимое ниже описаніе способа создать гомункула [1]). Повидимому, этотъ рецептъ отличается отъ рецепта Парацельса, которому слѣдовалъ Гёте, и здѣсь алхимическій процессъ получилъ кромѣ того мистическое примѣненіе: создается не о д и н ъ человѣкъ—въ доказательство того, какъ могущественна таинственная наука,—но д в а маленькіе человѣка, которые должны олицетворять нашихъ „прародителей“, и въ маломъ видѣ повторяется исторія творенія и конца міра,—въ доказательство того, „сколь тѣсно священное писаніе согласуется съ естествомъ“.

Это усиленное стремленіе усвоить фантастическую литературу мистики, алхиміи и магіи имѣетъ свое историческое значеніе на ряду съ другими явленіями нашей литературы

---

1) Та же статья, въ другомъ переводѣ, помѣщена и въ другой рукописи Публ. Библіотеки, О. III. 27, л. 43—48: „Выписка изъ Палинтинезіи (такъ!), таинство“.

прошлаго вѣка. У насъ не было ничего подобнаго тому движенію, какое создало европейскую литературу; когда реформа открыла впервые новый путь для русской образованности,—намъ приходилось второпяхъ усваивать новыя литературныя формы и содержаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ перенималось и много такого, что въ самой Европѣ было только запоздалымъ отголоскомъ прошедшаго. Дѣятели нашей образованности, столь еще бѣдной и неопытной, были вынуждены итти ощупью и наугадъ: такъ, Дружескому Обществу въ его поискахъ за истиной встрѣтилось розенкрейцерство, и черезъ него пришла къ намъ эта масса алхимическихъ и магическихъ твореній, которыми не только люди стараго вѣка, но даже и представители молодого поколѣнія продолжали поучаться еще наканунѣ самобытнаго расцвѣта русской литературы съ дѣятельностью Пушкина, Грибоѣдова и Гоголя.

О философическихъ человѣкахъ, — что они суть въ самомъ дѣлѣ и какъ ихъ рождать?

Сіе происходитъ слѣдующимъ образомъ: возьми колбу изъ самаго лучшаго хрустальнаго стекла,—положи въ оную самой чистой майской росы, въ полнолуніе собранной, одну часть,—двѣ части мужской крови и три части крови женской; но замѣтить должно, чтобъ сіи особы, если только можно, были цѣломудренны и чисты; потомъ поставь стекло оное съ сею матеріею, покрывъ его слѣпою крышкою, сохранно на два мѣсяца для гніенія въ умѣренную теплоту,—и тогда на днѣ онаго ссядется красная земля. Послѣ сего времени процѣди сей менструмъ, который стоитъ наверху, въ чистое стекло и сохрани его хорошенько; потомъ возьми одну грань тинктуры изъ царства животныхъ,—положи оную въ колбу, поставь ее паки въ умѣренную теплоту на одинъ мѣсяцъ,—и тогда въ колбѣ сей подымется кверху пузырекъ. Когда ты усмотришь, что покажутся жилки,—то влей туда немножко твоего процѣженнаго и согрѣтаго менструмъ и сохрани поспѣшно колбу, закупоривъ ее крѣпко, старайся токмо, чтобы не много шевелить оную, оставь ее паки бродить цѣлый мѣсяцъ, то оный пузырекъ будетъ дѣлаться отъ часу большимъ; по прошествіи 4-хъ недѣль, паки влей туда немного онаго менструмъ,—и сіе

дѣлай четыре мѣсяца сряду; однакожъ, всякой разъ вливай болѣе менструмъ, нежели въ началѣ. Послѣ сего времени, когда услышишь нѣчто шипящее и свистящее, то подойди къ колбѣ,—и, къ великой радости и удивленію твоему, ты увидишь въ ней двѣ живыя твари.

Здѣсь примѣчай. Ежели кровь, изъ коей приготовленъ Оссег, и изъ которой выросли сіи мущинка и женщина, взята изъ людей нецѣломудренныхъ, то мущинка будетъ половина звѣрь,—также и женщина будетъ съ низу ужаснаго вида. Ежели же кровь сія взята отъ особъ цѣломудренныхъ и чистыхъ, то ты будешь радоваться ими и взирать на нихъ съ сердечнымъ веселіемъ, сколь любезными естество ихъ составило; но они будутъ не выше одной четверти аршина; однакожъ шевелятся и движутся, ходятъ взадъ и впередъ въ колбѣ; въ срединѣ же выростетъ деревцо, украшенное всякими плодами.

Ежели ты хочешь сохранить ихъ и желаешь, чтобъ они паче и паче возрастали; то возьми двѣ грани астральнаго камня прежде, нежели оный увеличится, и столько же камня растѣній, сотри хорошенько обѣ тинктуры въ твоемъ сохраненномъ менструмъ, налей оныя нѣсколько въ колбу чрезъ трубочки, долженствующія быть на сторонѣ колбы, дабы не было нужды часто открывать оныя и не входилъ бы въ нее воздухъ, которой вреденъ для сихъ тварей,—и налей на самое дно оныя, а потомъ заткни трубочки оныя накрѣпко,—и тогда въ скорости начнутъ произрастать всякія травы и древа; однакожъ ты долженъ каждый мѣсяцъ подливать симъ образомъ; и такъ можешь ты сохранить цѣлой годъ. А по прошествіи сего времени ты отъ нихъ узнаешь все то, что тебѣ захочется знать изъ натуры; они будутъ тебя бояться и чтить,—но болѣе шести лѣтъ жить они не могутъ, на седьмомъ году исчезаютъ (кончаются).

Сіе представляетъ тебѣ ясно, какъ первые наши прародители были въ раю и какъ произошло ихъ паденіе; ибо послѣ шести лѣтъ ты увидишь, что сіи твари, которыя до сего времени отъ всего ѣли, изключая того цвѣта, который въ самомъ началѣ показался въ срединѣ колбы, теперь начинаютъ имѣть желаніе также и отъ сего вкусить! И сего ради вверху гельма [1]) составляется чадъ изъ облака (ту-

[1]) Т. е. крышки колбы.

манъ), который становится отъ часу сильнѣе, наконецъ дѣлается красенъ, какъ кровь, и даже огнь начнетъ изъ себя выбрасывать; въ сіе время оба человѣка ползаютъ и стараются сокрыться,—и сіе видѣть весьма жалостно; но и сіе паки преходитъ; однакожъ, какъ-скоро ты усмотришь въ колбѣ сей знакъ, то не вливай болѣе въ колбу того менструмъ, которымъ ты сохранялъ доселѣ жизнь тварей твоихъ; засимъ послѣдуетъ въ колбѣ великая засуха, все разтлится, а человѣки и умрутъ даже. По семъ разверзется земля, начнетъ и огнь низпадать съ верху. Ужасно видѣть сіе! При семъ случаѣ, ежели колба мала, разрывается въ куски и великой вредъ причиняетъ.—Сего ради колба должна быть твердая и толстая, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, фигура же ея должна быть круглая. И такъ сіе изрыганіе огня продлжится цѣлой мѣсяцъ, потомъ настанетъ тишина, и все вмѣстѣ стопится: ты увидишь въ колбѣ четыре части одна надъ другою ссѣвшіяся; на верхнее не можно будетъ глядѣть, по причинѣ великаго сіянія и цвѣтовъ; въ срединѣ хрустальная часть, за сею слѣдуетъ красная, какъ кровь,—и въ самомъ низу черной дымъ, безпрестанно курящійся.

Верхнее въ колбѣ со многими красками представляетъ небесный Іерусалимъ со всѣми его жителями; слѣдующее за симъ хрустальное изображаетъ стекляное [1],—третіе показуетъ красное великое стекляное море, чрезъ которое должны проходить и очищаться тѣ, кои въ сей жизни не сотворили истиннаго покаянія [2].—Въ низу представляется вѣчное осужденіе, мрачное жилище діаволовъ и нечистивцевъ,—и хотя бъ сто лѣтъ стояла у тебя земля сія, то безпрестанно бъ она курилась; но ежели землю сію положишь въ р е т о р т у и дашь ей въ печкѣ огнь постепенной [3]), то воздымется огненный горящій сублиматъ, которымъ легко все возжигается; если же, напротивъ того, выбросишь вонъ сію землю, то дѣлается она иломъ, на подобіе жабы, и ползетъ въ землю [4]).

---

[1]) Кажется, что-то пропущено или ошибочно написано.

[2]) Т. е. чистилище.

[3]) Въ другомъ экземплярѣ, который мы имѣли въ рукахъ; „и постепенно жару прибавлять будешь".

[4]) Въ друг. экз. „..то здѣлается слиняною клейкою матеріею, только (точно?) такою, изъ коей жабы происхожденіе свое имѣютъ, и послѣ тотчасъ въ землю войдетъ".

III.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

русскихъ ложъ

отъ перваго введенія масонства до запрещенія его.

1717—1829.

1717 (около)—Преданіе о томъ, что ложи свободныхъ каменьщиковъ возникли въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ. Первая ложа была имъ основана въ Петербургѣ. [1?]

Записка Кушелева, 1821 г., стр. 467. Handb. III, 106. Эту первую ложу относили еще къ концу XVII в. (1698 г.) и мастеромъ называли генерала Лефорта, но тогда не было Петербурга. Преданіе могло имѣть въ виду и послѣднее путешествіе Петра Великаго въ Европу.

1731 —Назначеніе капитана Джона Филиппса провинціальнымъ гросмейстеромъ въ Россіи. Kloss, Geschichte der Freimaurerei in England, стр. 123; Ешевскій, Сочиненія, т. III, стр. 448, изъ Freim.-Lexicon, Гедике (стр. 420).

Acta Latomorum, I, 25: „La Maçonnerie est introduite en Russie par la Grande Loge d'Angleterre dans le cours de cette annèe. Il est vraisemblable, que les assemblées furent très secrètes" и проч.

1738-44—Сношенія берлинской ложи Трехъ Глобусовъ съ Петербургомъ. Gesch. der gr. National-loge der Preuss. Staaten zu den drei Weltkugeln. Berlin, 1840, стр. 16.

1741 —Джемсъ (Яковъ) Кейтъ, генералъ русской службы, назначенъ провинціальнымъ гросмейстеромъ для всей Россіи, отъ своего брата Джона Кейта, лорда Кингстона, гросмейстера въ Англіи. Kloss, тамъ же,

стр. 145; Handb. der Freimaurerei III, 106; Ешевскій, III, 445, 446, 482.

1747—Допросъ графа Ник. Головина въ тайной канцеляріи о томъ, кто изъ русскихъ въ масонахъ? Кромѣ себя, онъ назвалъ гр. Захара и Ивана Чернышевыхъ. Лѣтоп. рус. литер. IV, 52; Пекарскій, Дополненія, стр. 3. [Гос. Арх. VIII, № 206].

1750—Упоминается ложа Скромности (zur Verschwiegenheit), въ Петербургѣ. Handb. III, 107. [2]

—— Основана ложа Сѣверной Звѣзды (zum Nordstern) въ Ригѣ, двумя жителями Риги, принятыми въ ложѣ Скромности датскимъ министромъ Мальцаномъ. Latomia, XXI, 2, 114 fg. Handb. III, 66, 107, 109. [3]

Въ 1765 эта ложа перешла къ системѣ „Строгаго Наблюденія", и при этомъ приняла названіе ложи Меча, zum Schwert. (См. подъ 1765).

—— (около)—[Масонскій сборникъ Signatstern, ч. III (Berlin 1804), стр. XIV, упоминая гофрата Ничке (Nitschke) въ Лаусницѣ, называетъ его „основателемъ Салтыковской („теософско-герметической") системы въ Москвѣ"]. См. Ешевскій, III, 448.

1756 (около)—Показаніе Мих. Олсуфьева о масонской ложѣ въ Петербургѣ, ея обрядахъ и членахъ. Лѣтоп. рус. литер. IV, стр. 49—51; Лонгиновъ, стр. 93; Пекарскій, 3—4. [Гос. Арх. VIII, № 207].

1758—Масонское изданіе въ Петербургѣ: „Rede, welche beim Schlusse des 1758-ten Jahres in der Loge der Freymäurer in Petersburg ist gehalten worden von dem Br. A***." 4° (въ Публичной Библіотекѣ, въ собраніи Віельгорскаго). Kloss, Bibliographie der Freim. № 839, обозначаетъ брошюру невѣрно [ему слѣдуетъ Wolfstieg № 6525]. Выписки изъ нея [выше, стр. 100, прим. 1].

1762—Упомин. вѣроятно иностранная ложа Постоянства (zur Beständigkeit) въ Петербургѣ, которой Петръ III подарилъ домъ. Извѣстіе, что онъ собиралъ масоновъ въ Ораніенбаумѣ. Handb. II, 551; [выше, стр. 100]; Пекарскій, 4—5. (См. подъ 1769). О масонствѣ Петра III см. также записки Болотова, II, 165. [4]

—— 15 декабря — Петербургская ложа Счастливаго Согласія (der glücklichen Eintracht) проситъ берл.

ложу Трехъ Глобусовъ о признаніи ея. (Извлеченія изъ послѣдовавшей переписки у Пек., Дополн., стр. 5—8). [5]

1763—Упоминается л. Кліо въ Москвѣ. [6?]

Acta Latom. I, 82: „Масонство сдѣлало мало успѣха въ Россіи до 1762, когда лишенъ былъ престола имп. Петръ III. Въ теченіе 1763 г., Екатерина II, потребовавъ свѣдѣній о цѣли масонскихъ собраній, объявила себѣ покровительницей ордена въ своемъ государствѣ, и попечительницей (tutrice) ложи Кліо въ Москвѣ. (Recherches sur les Initiations anc. et modernes, p. 157. Notice historique sur la F.-M. dans l'Empire de Russie, par M. Thory, Ms. des archives du Rite phil.)". Handb. II, 552; Лонг. 110. Ложа Кліо основана въ 1774 (см. далѣе), и все извѣстіе сомнительно, или требуетъ подтвержденій.

—— Масонскій авантюристъ Роза въ Ригѣ. Maurerhalle, Altenburg 1843. II, 2, 147. Keller, Gesch. der Freim. in Deutschland, 2-te Ausg. 123—124.

1764—Масонскія бумаги, найденныя при слѣдствіи надъ Мировичемъ, у [Василія] Ушакова. Пекарскій, Доп. 8—11. [Гос. Арх., VI, № 400, ч. 1, л. 25].

1765—Введена, отъ ложи Трехъ Львовъ въ Висмарѣ, Тампліерская система (Strict-Observanz) и основанъ капитулъ въ Петербургѣ, гдѣ гросмейстеромъ былъ купецъ Людеръ. Здѣсь, какъ говорятъ, Штаркъ познакомился съ высшими степенями. Handb. III, 108. [7?]

О Людерѣ, въ „Матер. для ист. масонскихъ ложъ". См. также 1768—1769 гг.

—— (около)— „Полковникъ Мелиссино имѣлъ въ Петербургѣ такъ-называемый капитулъ и распространялъ свои особенныя мнѣнія (такъ назыв. система Мелиссино). Его система давно угасла". Гедике, Freim.-Lex. 334; Handb. III, 306, 307; Lenning, Encycl. der Freim. т. II; Лонгин., стр. 168. См. Рум. Муз. иностр. № 444, двѣ степени изъ системы Мелиссино. [8]

—— Ложа Меча (zum Schwert) въ Ригѣ. См. подъ 1750 г. Въ этой ложѣ былъ знаменитый Гердеръ. Упоминаются слѣдующія изданія ея: 1) Trauerrede von Br. Herder auf Hofrath Dr. Handtwig, M. v. St. der L. zum Schwerdte zu Riga. 1767. (Kloss, Bibl. № 1311) [Wolfstieg № 16036]. 2) Wie feyern wir das Andenken anderer würdig? etc. (Рѣчь по поводу постановки портрета

герцога Ферд. Брауншвейгскаго, въ день I. Крестителя, 1779, въ этой ложѣ). Kloss, № 1012. [Wolfstieg № 14917]. 3) Gesang zur Johannisfeyer der Loge zum Schwert in Riga, 1779. 8° [Wolfstieg № 6528]. (Два послѣднія изданія упомянуты въ Neues Taschenbuch für Freymaurer auf d. J. 1801, Rostock, 79—80). [9]

Объ отношеніяхъ ложи къ митавскому масонству, см. Zeitschr. für Freim. Altenb. 1823, I, 7. При введеніи шведской системы ложа Меча отказалась подчиниться ей. Упоминается въ 1791 въ Дополн. Пек., стр. 124. Закрылась 7 февраля 1794. Handb III, 66, 107, 109.

1766—Ложа Св. Екатерины въ Архангельскѣ, состоявшая преимущественно изъ купцовъ и работавшая на нѣм. языкѣ. Лонгин., 95. См. также подъ 1775 г. [10]

— Гр. Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ вступилъ въ Гамбургѣ въ ложу системы Строгаго Наблюденія (подъ именемъ Eq. ab Elephante). Handb. III, 369.

1767—(Ошибочное извѣстіе объ основаніи одной ложи въ Москвѣ, вм. Варшавы. Acta Latom. I, 91; ср. I, 293; II, 97, 138).

1768-1769—Дѣятельность въ Петербургѣ Штарка, основателя тампліерскаго Клериката. Основаніе ложи Феникса, въ Петербургѣ, Тампліерской системы, и Capitulum clericorum regularium, и проч. Свѣдѣнія объ этомъ, очень спутанныя, въ Handb. II, 552, III, 108—110 и пр.; Ешевскій, III, 448. [11]

— (около)—[Упоминаются въ Ригѣ ложи системы Строгаго Наблюденія: Zum Pelikan, Zum goldenen Apfel и Zum Füllhorn (Friedrichs, стр. 19)]. [12—14]

1769 (до) — Существовала ложа Истиннаго Постоянства (zur wahren Beständigkeit) въ Петербургѣ, гдѣ мастеромъ стула былъ нѣкто Селлинъ. Въ этомъ году, ложа, „убѣдившись въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ“, присоединилась къ Штарковой ложѣ Феникса. Вѣроятно та же, которая упомянута подъ 1762 г. Handb. III, 613. [15]

1770. 22 мая — Открыта Великая Провинціальная Ложа въ Петербургѣ, русскими масонами, по сношенію съ берлинской ложей Royal York. Лонг. 94. [16]

— Основана, по словамъ Клавеля, ложа Двухъ Орловъ

(des Deux Aigles) въ Могилевѣ. Clavel, Hist. pittoresque de la Franc-Maçonnerie, Paris, 1843, p. 127. О какой-то ложѣ особаго обряда, объ ordre des deux Aigles, упом. Acta Latom. I, 289, 290, 291 (въ Могилевѣ). См. далѣе 1776—1777 [17]

1771 12 марта—Основана ложа Аполлона, въ Петербургѣ, генералъ-аудиторомъ гвардіи Рейхелемъ, по Циннендорфской системѣ (главная ложа этой системы) [См. Friedrichs, стр. 23—39 и 44—46]. [18]

Переставъ дѣйствовать черезъ нѣсколько времени, она опять была приведена въ дѣйствіе въ 1774-75, когда мастеромъ стула сдѣлался въ ней Георгъ Розенбергъ. Впослѣдствіи Розенбергъ не приступилъ къ соединенію ложъ Елагина и Рейхеля и присталъ къ шведской системѣ кн. Гагарина.

Въ 1777, 26 и 27 іюня въ этой ложѣ были устроены блестящія собранія въ честь Густава III.

Ритуалы ложи 1770 и 1771 гг. изложены у Пек., стр. 22—30. Это—„нѣмецкая ложа“ Рейхеля въ показаніяхъ Новикова, Сборникъ Истор. Общ. II, 146.

— [1 іюня]—Ложа Англійской системы Parfaite Union, въ Петербургѣ. По указанію Freemasons Calendar 1777 и 1778 г., это была первая правильная ложа въ Россіи (?); мастеръ стула [John Cayley] и большая часть членовъ были въ ней англійскіе купцы. Handb. II, 252. III, 107; Ешевскій III, 448. [19]

Это „аглицкая ложа“, упомянутая Новиковымъ въ показаніяхъ; Сб. Истор. Общ. II, 145.

1772 26 февраля—Первая русская Великая Ложа. Назначеніе Елагина, отъ В. Ложи въ Англіи, провинціальнымъ гросмейстеромъ въ русской имперіи. Freem. Calendar 1777—1778 г.; Handb. III, 107; Kloss, Freim. in Engl. 197; Ешевскій III, 448; Пек., Доп., 31. [20]

— 29 апрѣля—Ложа Марса въ Яссахъ, основана отъ В. Ложи въ Англіи, во время русско-турецкой войны. [21]

[Мастеромъ стула въ ней былъ Мелиссино—Ркп. гр. Уварова № 243, подъ 12 и 26 апрѣля 1774 г.] Handb. 52—53. Лонгиновъ, 95.

— 16 іюня—Ложа Музъ, въ Петербургѣ. Она же называется ложей „Девяти Музъ“ (и „Трехъ Музъ“?). Это была собственная ложа Елагина, и собранія ея, какъ и В. Провинц. Ложи Англійской системы, происходили въ его домѣ на Елагиномъ островѣ. [22]

Другія указанія относятъ ея основаніе къ 1770 и къ 1774 годамъ. Лонг. 94—96; Ешевскій III, 448; Freemasons Calendar 1795; Handb. II, 552. III, 107; Пек., Доп., 35—36; Сборн. Ист. Общ. II, 145; [Friedrichs, стр. 41—42].

1772 25 сентября—Первое начало ложи Ураніи, въ Петербургѣ, Елагинской системы; утвержденіе ложи дано было 31 янв. 1773, открытіе происходило 16 марта 1773. [23

Лонг. 94 и слѣд.; Ешевскій III, 448; Kloss, Freim. in Engl. 208; Handb. III, 613. Это—„ложа Лукина" въ показаніяхъ Новикова, Сб. Ист. Общ. II, 145. Извѣстіе о ней 1787 въ Доп. Пек. 118—121. [Въ 1776 г. она перешла къ шведско-берлинской системѣ]. Протоколы ложи [до 1 іюля 1775 г.] въ собраніи ркп. гр. Уварова № 243. [Протоколы за 1776—1788 г.г., по указанію Фридрихса, 42, хранятся въ Берлинѣ въ архивѣ Gr. Langesloge. Протоколы на нѣм. яз. за 1781 —1793 въ собр. ркп. гр. Уварова № 227]. Къ ложѣ Ураніи относятся слѣдующія изданія: 1) Rede in der Loge Urania zu Petersburg, gehalten beim Schlusse des Jahres 5776. 4° (Kloss, № 937) [Wolfst. № 6526]. 2) Bei dem Grabe Brs. Geo. Wilh. Hennings, Redners der L. Muse Uranie, von einem Br. der L. Hygea. St.-Pet. den 4 März 1786. 4° (Kloss, № 1376). [Wolfst. № 16149]. 3) Am Grabe Greigh's, B. F. v. D. Petersb. 1788. 8° (въ собраніи Віельгорскаго; Kloss, № 1391). [Wolfst. № 15947]. 4) Freymäurerlieder, zum Gebrauch der E. Loge Muse Urania. St. Petersb. Schnoor, 1783. 8°. 2 стр. ненум. оглавл. и 51 стр. (въ собраніи Віельгорскаго 1159, 1160, 1161; Kloss, № 1565) [Wolfst. № 39775]. 5) Auswahl von Freymäurerliedern. Durch die E. Loge Muse Urania gesammelt. MDCCLXXXVIII. 10 непомѣч. 272 и 7 стр. указателя; CC пѣсенъ; предисловіе подписано буквой B——, означающей, по указанію Клосса, № 1591 [Wolfst. № 39805], Бёбера. Экземпляръ въ собраніи Ефремова.

—— Тампліерская профектура въ Курляндіи, Темпельбургъ, посылаетъ своего депутата на конвентъ въ Коло. Handb. I, 194. [24]

1773 [въ началѣ года]—Основана ложа Беллоны въ Петербургѣ, по Елагинской системѣ. [Ркп. гр. Уварова, № 243]. Лонг. 95, Kloss, Freim. in Engl. 208, Ешевскій III, 448. [25]

[Это—ложа Несвицкаго въ показаніяхъ Новикова, Сб. Р. И. О., II, 145. См. В. И. Савва, Изъ дневника масона, стр. 15].

—— [15 мая]—Открыта ложа Гарпократа (Harpokrates) въ Петербургѣ, по Циннендорфской системѣ. Handb. II, 552, III, 108. [Friedrichs, 29 и 40]. [26]

[Ложу открылъ Рейхель, передавшій затѣмъ молотокъ кн. Н. Н.

Трубецкому. Вторымъ надзирателемъ былъ кн. А. Н. Трубецкой. Въ 1777 г. мастеромъ стула былъ И. А. Артемьевъ].

1773 14 августа—Основана ложа Аполлона (Apollo) въ Ригѣ, Бётефюромъ (Boetefuer), [работавшая по Цинневдорфской системѣ. Friedrichs, 46—47]. Handb. III, 66, 110. [27]

Гедике, Freim.-Lex. 412, считаетъ ея основаніе въ 1772, сент. 30, и говоритъ, что одно время она принадлежала къ Gr. Landesloge въ Берлинѣ.

Упоминаніе о ней въ 1791, въ Доп. Пек., стр. 124. Потомъ она упомянута въ Neues Freymaur. Taschenbuch за 1804 и 1805 г. Freyberg, стр. 66, съ замѣчаніемъ, что мастеромъ стула былъ въ ней Вильг. Фридр. баронъ ф. Унгернъ-Штернбергъ, но что теперь она не работаетъ.

— 12 октября—Ложа Изиды (Isis) въ Ревелѣ, основана кн. Трубецкимъ и Рейхелемъ по Циннендорфской системѣ. Въ 1778 отказалась присоединиться къ Шведской системѣ кн. Гагарина. Закрылась въ октябрѣ 1794. Handb. III, 60, 108, 109. [28]

[Бумаги ложи въ Провинціальномъ Музеѣ въ Ревелѣ].

Гедике, Freim.-Lex. 411, говоритъ, что она была основана отъ берлинской Landesloge въ 1773, а въ 1776 приступила къ Англійской системѣ.

По словамъ Фишера, Изида работала по Циннендорфской системѣ „in guter Ordnung“, и въ 1782 мастеромъ стула былъ въ ней Гартманъ (Zeitschr. für Freim. Altenburg 1823, I, 7). Отъ этого Гартмана, пастора, въ 1786, представленъ былъ Елагину отчетъ о состояніи ложи (Пек., Доп., 116—117. На стр. 175 Доп., основаніе Изиды ошибочно отнесено къ 1771).

Въ царствованіе Александра I, ложа Изида была возстановлена и состояла въ союзѣ Астреи.

Въ спискахъ (tableaux) 1817—1819 г. въ ней означена система Древне-англійская; по запискѣ Кушелева „Шредерова подъ названіемъ старой англійской“. Работы на нѣм. языкѣ. Мастеръ стула въ 1817—1818 Іог. Як. ф. Ризенкампфъ, въ 1818—1819 баронъ Іог. Фридр. ф. Унгернъ-Штернбергъ. Прекратила работы съ 1820 года. По словамъ Кушелева (стр 663) „по суду уничтожена 12 декабря 1820 года“—за неповиновеніе Великой Ложѣ.

— Основана ложа Благотворительности къ Пеликану (Mildthätigkeit или Wohlthätigkeit z. Pelikan) въ Петербургѣ. [29]

Работала сначала подъ управленіемъ Елагина, присоединилась къ шведско-берлинской системѣ, затѣмъ подчинилась шведской. [Мастеромъ стула въ 1777 г. былъ хирургъ Дольстъ], позднѣе—Фрезе. Медаль на соединеніе ложи со шведскими

у Мерцдорфа, Denkmünzen. Handb. II, 552, III, 109, 110, 613. [Friedrichs, 43. Т. О. Соколовская, Масонство, II, 162].

[Списокъ членовъ ложи 1783 г. въ ркп. гр. Уварова № 227; ок. 1785 г.—Рум. Муз. иностр. № 438].

1773—27 декабря н. ст.—Въ собраніи ложъ французскаго Grand-Orient назначена комиссія изъ трехъ членовъ для ревизіи и новой редакціи высшихъ степеней: избраны были Bacon de la Chevallerie, baron de Toussainct и графъ А. С. Строгановъ. Послѣдній и потомъ участвовалъ не разъ въ дѣлахъ французскихъ ложъ. См. подъ 1785.

Hist. de la fondation du Grand-Orient en France, 1812, у Ешевскаго III, 449; Acta Latomorum, II, стр. 96, 206—214.

1774 [до?]—Ложа Трехъ Сердецъ (въ Петербургѣ?). Лонгиновъ, стр. 95 [Ркп. гр. Уварова № 243]. [30]

— (до?)—Военная ложа Минервы въ Садогурахъ въ Молдавіи, по Елагинской системѣ. Лонг. 95. [31]

[Мастеръ стула—бар. Гартенбергъ. (Ркп. гр. Уварова № 243). Въ 1777 г. ложа принадлежитъ къ шведско-берлинской системѣ. Мастеръ стула—купецъ Дёрингъ. См. Friedrichs, 43].

— Выдано было бр. Вердеревскому позволеніе открыть гдѣ ему угодно ложу Талію. Лонгиновъ 95. [32]

[Въ іюлѣ—сентябрѣ 1775 г. ложа работала въ Москвѣ (В. И. Савва. Изъ дневника масона, 6, 8); въ 1777 г.—въ Полоцкѣ, присоединившись къ шведско-берлинской системѣ (Friedrichs, 43)].

— Ложа Кліо въ Москвѣ, по Елагинской системѣ. Вѣроятно та же, которую Acta Latom. относятъ къ 1763. Лонгиновъ, стр. 95, повторяетъ это извѣстіе, упоминая и другое. Freemasons Calendar 1777 г. относитъ ея основаніе къ 1774. (Handb. II, 353). [33]

— Ложа La Réunion des Etrangers въ Москвѣ, упоминается какъ основанная 25 дня 8-го мѣсяца 5774, въ Calendrier Maçonnique. Pour l'an de la V.·. L.·. (vraie lumiére) 5812. Paris, стр. 447. Книга—въ собраніи Віельгорскаго. [34]

1779 г. мастеръ стула—Mangeot, Fabriquant à la Slobode allemande.

— [въ сентябрѣ?]—[Ложа Равенства, подъ управленіемъ кн. Г. П. Гагарина, работала лѣтомъ 1775 г. въ Москвѣ, а въ 1776 г.—въ Петербургѣ]. [35]

[О времени открытія ложи см. Лонгиновъ, 98. Ложа часто

упоминается въ дневникѣ Ильина. Въ 1777 г. состояла въ шведско-берлинской системѣ, см. Friedrichs, 43].

1774 28 декабря—Ложа Скромности въ Петербургѣ. Подлинный патентъ ея, за подписью пров. вел. мастера Елагина, вел. намѣстнаго мастера Романа Воронцова и вел. секретаря Владиміра Лукина,—въ отдѣленіи рукоп. Публ. Библіотеки. Медаль отъ 4 апрѣля 1775, у Мерцдорфа, Denkmünzen etc. (Handb. II, 552). Лонг. 95. [36]

Это есть, безъ сомнѣнія, ложа zur Verschwiegenheit (та ли, которая основана 1750, или другая?), гдѣ мастеромъ стула въ 1770-хъ годахъ упоминается Мелиссино (Handb. III, 613). Эта ложа упомянута, какъ ложа Мелиссино, въ показаніяхъ Новикова, Сборн. Ист. Общ. II, 145. Къ ней должны относиться извѣстія 1787 г. въ Доп. Пек., 118—121.

Рѣчи, произнесенныя въ этой ложѣ, въ 1777—1779, у Клосса № 1340. Изданіе пѣсенъ этой ложи: Freymaurerlieder zum Gebrauch der Loge Verschwiegenheit in St. Petersburg 1792, 96 стр., упомянуто у Ешевскаго, III, стр. 409. [Другое изданіе пѣсенъ ложи 1777 г.—Wolfst. № 39741. Списокъ членовъ ложи 1786 г.—въ Публ. Библ., нѣмецк. F. III. 35].

1775 февраль—Ложа Св. Екатерины Трехъ Подпоръ въ Архангельскѣ [ведетъ переписку съ Елагинскими ложами]. (Сущ. съ 1766, работая на нѣмец. языкѣ). [Ркп. гр. Уварова № 243; Friedrichs, 43]. [37]

Въ показаніяхъ Новикова упом. въ числѣ Елагинскихъ ложъ. Сборн. Ист. Общ. II, 145. Въ письмѣ нѣсколькихъ масоновъ изъ Архангельска къ ложѣ Ураніи въ 1787, янв., говорится, что эта ложа „не производитъ достодолжныхъ священныхъ работъ и по несогласію братьевъ вовсе рушилась". Пек., Доп., 117.

— мартъ—Существовала уже л. Эрато въ Петербургѣ, гдѣ мастеромъ стула былъ кн. А. И. Мещерскій. Лонг., 95. [38]

— 30 мая—Ложа Астреи въ Петербургѣ, основана отъ Ураніи (въ нее вступилъ Новиковъ). Лонг., 100, 074. [39]

Въ показаніяхъ Новикова, Астрея названа какъ „ложа маіора Я. Ѳ. Дубянскаго", Сб. Ист. Общ. II, 145.

[Ложа Астреи была закрыта 22 марта 1776 г., вѣроятно въ связи съ переходомъ Я. Ѳ. Дубянскаго къ рейхелевой системѣ (В. И. Савва, 12)].

— Основана ложа Латоны въ Петербургѣ [вѣроятно по системѣ Рейхеля. Главную роль въ ложѣ игралъ

Новиковъ, именемъ котораго она и обозначалась. Лонгиновъ, 075. Friedrichs, 40—41, В. И. Савва, 15]. [40]

Оффиціальное ея открытіе относится къ 2 дек. 1775 г. Надпись на медали у Мерцдорфа, Denkmünzen; Ешевскій, III, 447.

[Впослѣдствіи, ложа была перенесена въ Москву (въ 1779 г.?)]. Въ 1780-хъ годахъ это была ложа-матерь, гдѣ префектами бывали кн. Н. Трубецкой, Новиковъ, Лопухинъ. Ешевскій, III, 498, 514, 540, 544, 560; Лонг., 167, 195.

Въ своихъ показаніяхъ, эту ложу Новиковъ называетъ „своею"— Сб. Р. И. О. II, 147.

1775—Ложа Трехъ Коронованныхъ (Вѣнчанныхъ) Мечей (zu den drei gekrönten Schwertern) въ Митавѣ, по шведскому ритуалу. Handb. II, 326. [41]

Здѣсь, между прочимъ, дѣйствовалъ Штаркъ. Подробности объ этой ложѣ въ Altenburger Zeitschrift, 1823, I, 7—9; сочиненія Верта, у Клосса №№ 3417—3418.

Въ царствованіе Александра I ложа была возстановлена въ 1816 г., 29 января. Возобновленіе ея, послѣ 22-лѣтняго прекращенія работъ, постановлено было Директоріальной Ложей, подъ предсѣдательствомъ Віельгорскаго, 26 ноября 1815. Въ 1818, или нѣсколько раньше, перешла въ союзъ „Астреи", и въ томъ же 1818 закрылась окончательно. По Кушелеву, мастеромъ стула въ ней былъ Өедоръ Кейзерлингъ, камергеръ. Въ 1821 она „токмо числится".

Подробности о ней см. въ „Матеріалахъ для исторіи масонскихъ ложъ". См. также подъ 1816 г.

—— (около)—Ложа Горуса (Horus), въ Петербургѣ, гдѣ мастеромъ стула былъ ст. сов. Нартовъ. При введеніи Шведской системы, приступила къ ней. [42]

Извѣстно нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ этой ложѣ бр. Панаевымъ въ 1780 и 1781, когда онъ былъ въ ней мастеромъ стула. (Ешевскій III, 447, 543) [Рум. Муз. № 1971].

Потомъ ложа упоминается въ нѣмецкихъ масонскихъ календаряхъ въ 1786 (Handb. II, 552; III, 108, 110).

Это „ложа Нартова" въ показаніяхъ Новикова. Сборн. Ист. Общ. II, 147.

1775-1776—Ложа Немезиды въ Петербургѣ; основана по Циннендорфской системѣ. [43]

[Мастеръ стула въ 1776—1777 гг.—А. В. Храповицкій. Friedrichs. 41; В. И. Савва, 15. Списокъ членовъ ложи 29 дек. 1776 г. въ Русск. Стар. 1909 № 1].

1776—Основаніе Тампліерства въ Москвѣ черезъ барона Беннинкса. Ешевскій, III, 473.

[Вѣроятно, это ложа Candeur, въ которой масте-

ромъ стула былъ майоръ Беннигсенъ—Friedrichs, 43; А. В. Семека, Масонство, I, 146]. [44]

Въ 1781 г. московскіе масоны, усумнившись въ законности Беннингсова основанія, обращались къ герцогу Брауншвейгскому. Ешевскій III, 473, 499.

1776 2 марта—Ложа Озириса въ Москвѣ. Время основанія показано на медали. Ее ставятъ въ числѣ ложъ, подчинившихся Шведской системѣ кн. Гагарина, и упоминаютъ, что она была сначала въ Петербургѣ, а потомъ перенесена въ Москву. Handb. III, 108, 110, 613. [45]

Сюда ли относится извѣстіе Новикова о соединеніи въ Москвѣ Трубецкаго съ Гагаринымъ „на нѣкоторыхъ условіяхъ"? (Лонг., стр. 077).

Въ началѣ 1783, она возведена въ степень третьей ложи-матери; префектомъ ея сталъ кн. Н. Н. Трубецкой, и подъ его начальствомъ были три младшія ложи. Ешевскій III, 447, 544, 560; Лонг. 167, 195, 196, 083. Ср. показанія Новикова о ложахъ Рейхелевой системы, Сборн. Ист. Общ. II, 147.

— 3 сентября – Соединеніе Елагинскихъ и Рейхелевскихъ ложъ, и признаніе главенства Цинмендорфовой ложи Минервы. Лонг., 103; Handb. III, 108, 109; [Friedrichs, 36—39].

— Ложа Восходящаго Солнца въ Казани. Ешевскій, III, 546. Упомянута въ нѣмецкомъ спискѣ 1786 года. Handb. II, 101. [46]

Акты ложи 1778 г. шведской системы Публ. Библ. F. III, 110—113. [Мастеромъ стула въ этой ложѣ съ конца 1783 г. былъ И. И. Панаевъ. Обрядники ложи за его подписью въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, собраніе ркп. кн. Барятинскаго, № 277 и 284].

1776-1777 — Ложа [Геркулесъ въ Колыбели] въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. [47]

Основана Шварцемъ съ разрѣшенія Елагина; послѣ поѣздки Шварца въ Митаву, преобразована по системѣ Строгаго Наблюденія; позднѣе мастеромъ стула въ ней былъ А. И. Веревкинъ. Въ показаніяхъ Новикова № 15. Сб. Р. И. О. II, 149. Лѣт. рус. лит. V, 53. Пек. Доп. 102 прим. Лонг. 126, 078, 0105 [Рум. Муз. 1966, письмо М. Щулепникова].

См. 1770 и 1778—1779.

1777 — Сношенія о введеніи Шведскаго масонства. Осмнадц. Вѣкъ, Бартенева II, 370—371; Пек., Доп., 61. Подчиненіе Шведской системѣ многихъ ложъ, Лонг. 105—106; Ешевскій III, 463; Handb. III, 109, 613.

1777 (до?) — Ложа Братской Любви (zur Bruderliebe) въ Ревелѣ. Handb. III, 60. [48]

Изданія: 1) Freimaurer-Lieder zum Gebrauche der L. der Bruderliebe in Reval, gestiftet von W (eimar). 1777. Kloss, № 1542 b. [Wolfst. 39742]. 2). Die drei Säulen des Unbekannten im Lande (von Dr. Schumacher etc.). 1779, 1780. Kloss, № 424. [Wolfst. № 1010].

— (до) — Упоминается ложа Св. Александра въ Петербургѣ, бывшая подъ управленіемъ кн. Куракина и и Шмелинга; обратилась къ Шведской системѣ. Въ нѣмецкихъ спискахъ упоминается въ 1786 году. Handb. II, 552; III, 109—110. [49]

— [до?] — Ложа Постоянства (z. Beständigkeit) въ Москвѣ, шведско-берлинской системы. Мастеръ стула Сенглинъ. Friedrichs, 19 и 43]. [50]

— Ложа Дружбы (z. Freundschaft), въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Маттеи. [51]

Акты ея въ Рум. Муз., иностр., № 378.

1778 6 апрѣля — Основана ложа Кастора (Castor) [или Дуба, Eiche] въ Ригѣ, Гагемейстеромъ, отъ нѣмецкой Landesloge. При введеніи Шведской системы, отказалась подчиниться ей и (съ 1785?) примкнула къ Елагинской системѣ. Handb. III, 66, 110. [52]

Упоминаніе о ней въ 1791, въ Доп. Пек., стр. 124. Упомянута въ Neues Freym. Taschenbuch. 1804—1805, Freyberg, стр. 67, и мастеромъ стула названъ Рейнгольдъ ф. Ренненкампфъ, но замѣчено, что ложа больше не работаетъ. Въ Altenburg. Zeitschrift. 1823, I, 7 ложа названа „Кастора и Поллукса".

— [Одновременно съ ложей Кастора и въ соотвѣтствіи съ ней, въ Дерптѣ основана ложа Поллукса (или Липы, Linde). Friedrichs, 52—53]. [53]

— 9 ноября — Ложа Трехъ Сѣкиръ (Zu den drei Streithämmern), въ Ревелѣ, основ. Бёберомъ по Шведской системѣ, и одна изъ остзейскихъ ложъ подчинилась „Національной ложѣ" кн. Гагарина. Закрылась 29 ноября 1785. Handb. III, 60, 109—110. [54]

Упомянута въ Altenb. Zeitschrift 1823, I, 7.

При Александрѣ I, съ этимъ именемъ основана была въ Ревелѣ новая ложа. См. подъ 1816.

— (около) — Ложа во Владимірѣ, которой управлялъ секретарь гр. Р. Л. Воронцова, П. И. Бергъ. Сб. Р. И. О. II, 145. [55]

1778 (около) — Ложа Зеленаго Знамени (Friedrich zur grünen Flagge) въ Газенпотѣ. [56]

Въ сношеніяхъ съ берлинской ложей Трехъ Глобусовъ. Мастеръ стула Friedrich Ewald v. Fircks, Königl. Piltenscher Landrath, Ritter des St. Stanislaus Ordens, Erbherr auf Schloss Hasenpoth. Въ спискѣ ложъ, соединенныхъ подъ нѣмецкимъ гросмейстерствомъ, работающихъ въ трехъ первыхъ степеняхъ, въ Альманахѣ на 1779 г. (Almanach oder Taschenbuch für die Brüder Freymäurer der vereinigten Deutschen und Schwedischen Logen auf das Iahr Christi 1779. 16⁰ S. l. et. a).

— (до?) — Ложа Краснаго Орла (Ernst zum rothen Adler) въ Митавѣ, старошотландской системы. [57]

Мастеръ стула Ernst Ioh. v. Fircks, Erbher auf Ockten und Lieben.—Ложа показана въ числѣ нѣмецкихъ ложъ въ названномъ альманахѣ на 1779 г. Упоминаніе о ложѣ у Гедике, Freim.—Lexicon 337.

— Acta Latomorum, t. I, p. 135 (Францiя): „Cette année, un ancien vénérable de la Mère-Loge du comtat Venaissin, fonde, à Montpellier, un chapitre sous le titre d'Académie des Vrais-Maçons; ce chapitre prit ensuite la dénomination d'Académie Russo-Suëdoise, ce qui peut faire supposer qu-il s'associa avec des chapitres alchimiques qui existaient alors dans quelques villes de ces états".

— Acta Latom., t. I, p. 136 (Германія): „Въ этомъ году начались интриги масоновъ Розоваго Креста древней системы по поводу ихъ мнимыхъ верховныхъ начальниковъ, которые, по словамъ ихъ, находились то на островѣ Кипрѣ, то въ Неаполѣ или Флоренціи, то въ Россіи и на сѣверѣ Европы".

1778-1779 — Ложа въ Могилевѣ, В. И. Полянскаго. Записки Добрынина, въ Р. Старинѣ 1871, IV, 110. (58?]

Отлична или нѣтъ отъ ложи Шварца и другихъ ложъ, упоминаемыхъ въ Могилевѣ?

1779 — Переѣздъ Новикова въ Москву. Закрытіе его ложи въ Петербургѣ и основаніе ея въ Москвѣ. Лонг., 077. Сборн. Ист. Общ. II, 156.

— Апрѣль — Ложа Аписа въ Москвѣ, основ. Елагинымъ по Англійской системѣ. Потомъ упоминается въ числѣ принявшихъ Шведскую систему кн. Гагарина. Въ 1786 уже не работала. Handb. II, 353; III, 110. [59]

Въ „Аписѣ“ вступилъ въ масонство Багрянскій. Мастеромъ стула былъ кн. Ю. Вл. Долгорукій, а въ то время (1780) мѣсто его занималъ кн. Гавр. Петр. Гагаринъ. Сб. Ист. Общ. II, 131.

1779 25 мая — Основаніе В. Провинціальной („Національной“) Ложи по Шведской системѣ, подъ начальствомъ кн. Гагарина, въ Петербургѣ. Handb. III, 109, 110, 613; Лонг., 110; Ешевскій, III, 463—465, 469—471, 511; Пек., Доп. 127. [60]

О ложахъ этой системы въ показаніяхъ Новикова, Сб. Ист. Общ. II, 146. Кромѣ капитуловъ петербургскаго и московскаго, названы ложи кн. Гагарина, кн. Ю. Вл. Долгорукаго, Ал. Матв. Карамышева, Ал. Як. Ильина и друг.

— Ложа Трехъ Христіанскихъ Добродѣтелей (Zu den drei christlichen Tugenden), основ. въ Москвѣ Елагинымъ по Англійской системѣ; потомъ упоминается въ числѣ ложъ, принявшихъ Шведскую систему кн. Гагарина. Въ 1786 уже не работала. Handb. II, 353; III, 110. [61]

— Ложа Трехъ Мечей (zu den drei Degen) въ Москвѣ, подъ управленіемъ проф. Маттеи (переименованная ложа Дружбы). [62]

[Въ этой ложѣ былъ, кажется, извѣстный проф. Шварцъ до перехода своего въ ложу Трехъ Знаменъ. Рум. Муз. иностр. № 378. Handb. III, 613, 614].

— 12 сентября—Ложа Нептуна въ Кронштадтѣ, основана по Шведской системѣ; но въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ говорится, что она перешла къ этой системѣ отъ Елагинской. Handb. II, 165; III, 109, 110, 613. [63]

Мастеромъ стула былъ въ ней адмиралъ Грейгъ, ум. въ 1788. Нѣмецкая рѣчь на смерть Грейга: Am Grabe Greighs. Petersb. 1788, и русская: „Слово на смерть В... д.... Б... Грейха. Говоренное въ □ П..... 1788 года Октября 29 дня членомъ □ Г.... А. М. Въ Санктпетербургѣ“. 8 стран., мал. 8°. [См. выше стр. 162—166]. Дипломъ, выданный на основаніе этой ложи 1779 IX мѣсяца въ 12 день, отъ Великой Ложи кн. Гагарина, хранится въ Моск. Рум. Музеѣ.

[Списокъ членовъ ложи напечатанъ Т. О. Соколовской въ журналѣ „Море“ 1907, № 8].

— (около) — Ложа Пламенѣющей Звѣзды (Zum flammenden Stern), состоявшая въ Шведской системѣ кн. Гагарина, въ Петербургѣ. Handb. III, 110. [64]

— (около) — Военная ложа въ Кинбурнѣ, принад-

лежавшая къ Шведской системѣ кн. Гагарина. Handb. III, 110, 613. [65]

Въ другомъ мѣстѣ упоминается, что она была основана Репнинымъ, но годъ поставленъ 1799, конечно, по ошибкѣ (Handb. III, 111).

1779 (около) — Ложа въ Пензѣ, принадлежавшая къ Шведской системѣ кн. Гагарина. Handb. III, 613. [66]

—— Матерь-ложа Трехъ Знаменъ, въ Москвѣ. Дипломъ П. А. Татищеву на званіе мастера этой ложи подписанъ герцогомъ Брауншвейгскимъ въ 1779, и ложа существовала еще въ 1785 году. Ешевскій III, 447, 544. [67]

Ешевскій предполагаетъ, что въ нее могла быть включена ложа „Коронованнаго Знамени", потому что въ сентябрѣ 1783 эта послѣдняя не упоминается въ числѣ четырехъ матерей-ложъ (ср. Лонг., 195). Лонг., стр. 144, невѣрно приписываетъ ложѣ Трехъ Знаменъ французское масонство; Handb. II, 353, называетъ ее „старо-Шотландской", а по новиковскимъ показаніямъ, градусы ея были „четыре градуса Шведскихъ стриктъ-обсерванскіе", полученные изъ Берлина (Лонг., 078).

Подъ начальствомъ Татищева, по показанію Новикова, работали три ложи, изъ которыхъ въ одной мастеромъ стула былъ сынъ Татищева; въ другой, работавшей на нѣм. языкѣ, былъ мастеромъ купецъ Тусень (Лонг. 083). Въ другихъ показаніяхъ Новикова, эта ложа Татищева упом. подъ № 5. Сб. Истор. Общ. II, 148.

—— (около) — По показанію Новикова, были въ это время въ Москвѣ одна или двѣ ложи „настоящихъ французскихъ". Лонг., 078. [68?]

—— (около) — Ложа въ Ярославлѣ, основ. намѣстникомъ А. П. Мельгуновымъ. Закрылась въ 1788, конечно, со смертью Мельгунова († 2 іюля 1788). Зап. Лопухина, М. 1860, 39; Ешевскій III, 447; Лонг. 95, 290. [69]

Ср. рескриптъ Мельгунову о томъ, чтобы въ Ярославлѣ въ благотворительномъ заведеніи не допускалось „все колобродное, обманомъ или невѣжествомъ выдуманное". Р. Арх. 1865, стр 945, 946.

1779-1780 — Каліостро въ Петербургѣ и Москвѣ. Лонг., 133; Пек., Доп., 78.

1780 9 мая—Инструкція, данная изъ Швеціи, для Директоріи [Капитула Феникса] учрежденнаго въ Петербургѣ. Ешевскій III, 456 и слѣд.; „Матеріалы". [70]

1780 (около) — [Ложа Союза Молодыхъ Воиновъ на французскомъ нарѣчіи говорящихъ (Sodalitium Tironum Militarium Gallico Idiomate loquens) — въ шведской системѣ]. [71]

[Упоминается въ актѣ узаконенія 14 русскихъ ложъ герц. Карломъ Зюдерманландскимъ, 18 мая 1780. Т. О. Соколовская, Капитулъ Феникса, стр. 8 прим. 2 и 96].

— Ложа Libanon въ Курляндіи. Упоминается въ Handb. III, 107. [Работала, вѣроятно, въ Либавѣ. Friedr. 76]. [72]

— Основаны въ Вильнѣ: Провинціальная Ложа Совершеннаго соединенія; ложа Добраго Пастыря (отъ берлинской Royal York, 5 окт. 1780); Усерднаго Литвина и Храма Мудрости (обѣ послѣднія 17 октября 1780); [Совершенной Вѣрности, по системѣ ордена Мопсовъ, изъ однѣхъ женщинъ]. Handb. III, 474; [С. Ф. Добрянскій, Масонскія ложи въ Литвѣ, Зап. Сѣв.-Зап. Отд. Р. Геогр. Общ., II, 1911]. [73—77]

[Списокъ членовъ Виленскихъ ложъ 1781 г. см. въ статьѣ С. Ф. Добрянскаго; подл. въ ркп. отд. Виленской Публичной Библіотеки, шкафъ 11, № 4, кн. 3, 3].

— Эклектическая Ложа Гармонія, въ Москвѣ, гдѣ содинились „братья" разныхъ ложъ для лучшаго устройства русскаго масонства. Шварцъ потомъ представилъ ея статуты герцогу Брауншвейгскому, который ихъ одобрилъ. Ешевскій III, 471, 475. [78]

Полномочія, полученныя Шварцемъ для его путешествія, даны были этой ложей. Лонг. 147 и слѣд., 079.

— Ложа Дубовой Долины (des Eichthals) въ Петербургѣ, основанная отъ ложи Шведской системы zur Wohlthätigkeit или Mildthätigkeit zum Pelikan, подъ начальствомъ Фрезе. Handb. III, 613. [79]

Вѣроятно, это есть ложа Zum Eichthal въ Hildesheimer Taschenbuch 1786 г. Handb. II, 552.

1781. Сентябрь — Отъѣздъ за границу в. кн. Павла Петровича, въ сопровожденіи кн. Куракина и Плещеева. Преданіе, что въ этомъ путешествіи Павелъ былъ посвященъ въ масоны. Лонг. 159; Лѣт. рус. лит. V, 49 [Engel, Gesch. des Illum.-Ord., 193].

— Ноябрь — Переѣздъ кн. Гагарина въ Москву и остановка работъ его ложи. Handb. III, 110, 613; Зап. Храповицкаго, въ Чтеніяхъ М. Общ. 1862, III, 267, 268.

1781-1782 — „Берлинское масонство“. Путешествіе Шварца на Вильгельмсбадскій конвентъ и связи съ берлинскими розенкрейцерами. Лонг. 175 и слѣд.; Ешевскій III, 486, 524 и слѣд. Новиковъ, въ своихъ показаніяхъ, насчитываетъ въ берлинскомъ масонствѣ въ Москвѣ и въ провинціальныхъ городахъ до девятнадцати ложъ. Сб. Ист. Общ. II, 148—149.

1782 [Августъ]—Признаніе Россіи за самостоятельную провинцію ордена, въ дѣяніяхъ Вильгельмсбадскаго конвента. Handb. I, 198, 199; Ешевскій III, 486 и слѣд.

— 6 ноября — Публичное открытіе „Дружескаго Общества“. Цитаты у Пек., Доп. 189.

— 21 октября?—Ложа Девкаліона въ Москвѣ, гдѣ мастеромъ стула былъ С. И. Гамалѣя. [80]

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ, напечатаны въ „Магазинѣ Своб. Кам.“, 1784. Другія рѣчи, 1782 и 1783 г., упомянуты у Ешевскаго, III, 545, 563, и Лонгинова, 167. См. также Публ. Библ. III, 123, 124, 159—162 („Отчетъ“ за 1874 г. стр. 30, 44—45). Вѣроятно эту „ложу Гамалѣи“ разумѣетъ Новиковъ въ своихъ показаніяхъ подъ № 12. Сб. Ист. Общ. II, 149.

— Ложа Гигеи (Hygiea) въ Петербургѣ. [81]

Ей принадлежатъ изданія:
1) Rede gehalten am Installations-Tage der ehrwürdigen Loge Hygea, vom Bruder Redner Kotzebue. St.-Petersburg im November 1782. Gedruckt auf Kosten der Loge bey J. K. Schnoor. Въ стихахъ; 12 стран., мал. 8⁰ или 12⁰. Въ Моск. Музеѣ. 2) Lieder für die g. und v. Loge Hygea, 1783. St.-Petersburg, gedruckt mit Breitkopfschen Schriften. Mit Bewilligung des Polizey-amtes. 30 стр., мал. 8⁰ или 12⁰, XXII пѣсни; авторы:—B., K-z-b, Schl. Тамъ же. 3) Bei dem Grabe Brs Geo. Wilh. Hennings, Redners der L. Muse Uranie, von einem Br. der L. Hygea. St.-Petersburg, den 4. März 1786. 4⁰. Kloss, № 1376. [Wolfst. № 16149].
Упоминаніе объ этой ложѣ въ Hildesheimer Taschenbuch 1786. Handb. II, 552.

— (около) — [Основана Елагинымъ ложа Конрадинъ въ Петербургѣ. Friedrichs, 76]. [82?]

1783 (до)—[Ложа Астреи въ Москвѣ, подъ управленіемъ И. А. Барнашева]. [83]

„Ложи Астрей списокъ всѣмъ брр. наличнымъ и отсутствующимъ съ показаніемъ ихъ степеней и должностей въ масонствѣ и чиновъ въ общежитіи, 1783“—Рум. Муз. [№ 1882].
[Это—ложа И. А. Барнашева въ показаніяхъ Новикова, Сб. Р. И. О. II, 148].

1783 Апрѣль—Пергаменный патентъ на основаніе въ Вологдѣ ложи Сѣверной Звѣзды, выданный отъ имени учрежденной въ Москвѣ „Директоріи VIII провинціи, именуемой Россіи“, за собственноручными подписями: старшаго оберъ-маршала Петра Татищева, президента Директоріи Николая Новикова и великаго секретаря Ивана Шварца. [84]

Патентъ находится вмѣстѣ съ другими бумагами этой ложи въ Румянцевскомъ Музеѣ. См. „Отчетъ“ за 1870—72 г., М. 1873, стр. 56—57.

— 24 іюня—Открыта ложа Золотого Ключа въ Перми, подъ управленіемъ И. И. Панаева. [85]

Открытіе ложи предполагалось еще въ 1781 г. Въ ложѣ принималъ участіе Г. М. Походяшинъ. Закрылась она 20 сент. 1783 г. за отъѣздомъ Панаева въ Казань.

— Учрежденіе Префектуры для петербургскихъ масоновъ въ зависимости отъ Москвы; префектомъ А. А. Ржевскій. Ешевскій III, 512 и слѣд. [86]

— Матерь - ложа Коронованнаго Знамени въ Москвѣ, гдѣ префектомъ былъ П. А. Татищевъ. Ешевскій III, 544.

Ешевскій предполагалъ, что эта ложа соединилась съ ложей „Трехъ Знаменъ“. Вѣроятно, это есть тотъ „капитель Татищева“, о которомъ упоминается въ показаніяхъ Новикова, подъ № 2. Сб. Ист. Общ. II, 148.

— (до?) — Ложа Сфинкса въ Москвѣ, подъ начальствомъ кн. [Г. П.] Гагарина. Ешевскій III, 545; Лонг. 196. [87]

По устройствѣ Моск. масонства, около 1783, эта ложа, прежде состоявшая въ Шведской системѣ, приступила къ Моск. союзу и признана четвертой ложей-матерью: подъ ея начальствомъ было нѣсколько ложъ. Ешевскій, III, 471, 510—511, 561; Лонг. 084. Въ Вѣнскомъ Journ. für. Freim. 1786 упомянуто, что эта ложа „работаетъ только въ 4-й степени“. Handb. II, 552.

1784 30 апрѣля—Учрежденіе въ Москвѣ Директоріи для теоретической степени. Ешевскій III, 491—497. [88]

— 31 мая—Ложа Блистающей Звѣзды въ Москвѣ. Въ „Магазинѣ Своб. Кам.“ 1784, напечатана рѣчь Новикова при инсталлаціи этой ложи. Мастеромъ стула былъ здѣсь И. Вл. Лопухинъ. Ешевскій III, 545, 563; Лонг. 167. [89]

Отзывъ Невзорова объ этой ложѣ, Библ. Зап. 1858, стр. 646. Въ показаніяхъ Новикова № 10. Сб. Ист. Общ. II, 149.

— Ложа въ Орлѣ; подъ начальствомъ вице-губернатора

З. Я. Карнѣева, пріятеля Лопухина. Ложа была въ главномъ управленіи Лопухина и, по его показанію, существовала еще въ 1792. Лонгиновъ, 215, 085—086, 0133. [90]

Въ показаніяхъ Новикова упом. подъ № 14. Сб. Ист. Общ. II, 149, 151. Лѣтоп. Рус. Литер. V, 91.

„Работы“ этой ложи въ рукоп. Публ. Б-ки. См. „Матеріалы“.

1784 (до?)—„Университетская ложа“ [Гермесъ] въ Москвѣ подъ управленіемъ кн. Н. Н. Трубецкого. Мастеромъ стула одно время былъ П. И. Страховъ. Сб. Р. И. О. II, 127, 133, 148. [Р. Арх. 1901, II, 301]. [91]

— Ложа Св. Моисея въ Москвѣ. Въ „Маг. Своб. Кам.“ 1784 напечатана рѣчь, говоренная въ этой ложѣ; мастеромъ стула былъ Ѳ. П. Ключаревъ. Лонгиновъ, повидимому, относитъ ее къ 1782 или болѣе раннему времени, стр. 167. Ешевскій III, 545. О ней, вѣроятно, говоритъ Новиковъ подъ № 13. Сборн. Ист. Общ. II, 149. [92]

— Ложа Свѣтоноснаго Тріугольника въ Москвѣ. Въ „Магазинѣ Своб. Кам.“ 1784 напечатана рѣчь, говоренная въ этой ложѣ. Лонг., стр. 167, относитъ ее къ 1782 или раньше, и мастеромъ стула называетъ А. М. Кутузова. О ней въ показаніяхъ Новикова подъ № 11. Сб. Ист. Общ. II, 149. [93]

— Ложа Безсмертія въ Кіевѣ, основанная русскими офицерами. Она поступила въ подчиненіе польскаго Великаго Востока и, повидимому, не имѣла связи съ петербургскими или московскими ложами. Лонг. 215—216. [94]

См. подъ 1787.

— 1 сентября—Учрежденіе Типографической Компаніи московскими розенкрейцерами. Лонг. 216 и слѣд.; Пек., Доп. 152—153.

— Ложа Златаго Вѣнца въ Симбирскѣ, основ. И. П. Тургеневымъ, подъ надзоромъ вице-губернатора Голубцова. Лонг. 0144—0145. [95]

Переписка, относящаяся къ этой ложѣ, въ „Осмнадц. Вѣкѣ“ Бартенева, II, 368—370. Въ спискѣ членовъ упомянутъ, въ степени товарища, Н. М. Карамзинъ.

1784-1785 —Первая поѣздка Баженова отъ московскихъ розенкрейцеровъ къ в. кн. Павлу Петровичу. Сб. Р.

И. О. II, 117—119. [Я. Л. Барсковъ, Переписка, стр. XXV—XXVI].

1785 — Ложа Орфея въ Рязани, основ. отъ московской ложи Трехъ Знаменъ. Мастеромъ назначенъ былъ О. А. Поздѣевъ. Учредительный актъ напечатанъ у Ешевскаго III, 546—548, 562. [96]

— Ложа Утренней Звѣзды (zum Morgenstern) въ Дерптѣ. Выше упомянута ложа „Поллукса“ (1778), въ Дерптѣ, принадлежавшая, повидимому, къ Елагинской системѣ. Въ 1785, января 25, она примкнула къ московской ложѣ Трехъ Знаменъ, и при этомъ получила названіе „Утренней Звѣзды“. Handb. I, 240; III, 110. [97]

Въ Altenburg. Zeitschrift, 1823, I, 5 упоминается, что въ Дерптѣ, какъ и въ Ригѣ, существовало Циннендорфское масонство.

— 3 авг. (или 3 окт.)—Военная ложа Минервы въ Кременчугѣ. Находилась прежде въ Польшѣ (въ Немировѣ?), потомъ, по выступленіи оттуда русскихъ войскъ, возобновлена въ Кременчугѣ. [98]

См. письмо отъ этой ложи къ петербургской ложѣ Конкордіи, отъ 1786 г., въ Моск. Музеѣ, и Дѣла Великой Провинц. Ложи, тамъ же, мартъ 1819.

Въ письмѣ говорится о стараніи Минервы ограждать „храмъ“ отъ невѣждъ и отъ „недостойно носящихъ почтеннѣйшее имя масоновъ“. Стараніе увѣнчалось успѣхомъ:... „Открыли мы—пишетъ Минерва—что въ здѣшнемъ мѣстѣ были нѣкогда развратные скопищи, одно подъ именемъ Марса, а другое Добраго Пастыря“. Первое уже разсѣялось, хотя нѣкоторые люди еще „смѣютъ именовать себя масонами, оскверняя тѣмъ сіе почтеннѣйшее имя“, а другое „и до сего времени еще безпутствуетъ“. Къ какимъ ложамъ это относится? Ср. Яссы 1772, Кинбурнъ 1779, Вильно 1780.

Мастеромъ былъ въ этой ложѣ Алексѣй Фроловъ-Багрѣевъ.

— 23 дек.—Указы Екатерины II къ митр. Платону и гр. Брюсу объ испытаніи Новикова въ законѣ божіемъ и разсмотрѣніи изданныхъ имъ книгъ.

— (и потомъ 1787)—Масонскіе конвенты въ Парижѣ, созванные „братьями“ Филалетами, de la R. L. des Amis-Réunis à l'Orient de Paris.

Въ спискѣ приглашенныхъ лицъ, между прочимъ, были: Гаугвицъ; кн. Гагаринъ изъ Москвы; Каліостро, Месмеръ въ Парижѣ; гр. Строгановъ—русскій посланникъ въ Парижѣ, означенный какъ членъ совѣта Филалетовъ, устроившихъ эти конвенты; Ти-

маннъ—русскій майоръ въ Петербургѣ (вѣроятно, тотъ, который служилъ при Репнинѣ); Thoux de Salverte изъ Варшавы; Теденъ и Вёлльнеръ изъ Берлина. Acta Latomorum II, 92—127. Тиманнъ участвовалъ и въ совѣщаніяхъ, стр. 116. Между прочимъ, конвентъ 1785 искалъ у Каліостро высшей мудрости, но подъ конецъ, кажется, съ нимъ поссорился и разошелся.

1785 (послѣ)—Ложа Астреи (Asträa) въ Ригѣ, по Елагинской системѣ. Handb. III, 66. Въ другомъ мѣстѣ основаніе ея отнесено къ 1787. Handb. III, 107. Упоминаніе о ней въ 1791, въ Доп. Пек. 124. [99]

— (послѣ)—Ложа Константина, къ Коронованному Орлу, (Konstantin zum gekrönten Adler) въ Ригѣ, по Елагинской системѣ. [Позднѣе перешла къ московскому масонству. Friedr. 83]. Закрылась 28 марта 1794. Handb. III, 66. [100]

1786 (до)—Ложа Совершеннаго Согласія (die Vollkommene Eintracht) въ Нижнемъ-Новгородѣ. Упоминается въ Вѣнскомъ Journal für Freimaurer 1786, I, 201. Handb. II, 440. [101]

— 23 января—Указъ московскому губернатору П. В. Лопухину объ осмотрѣ масонскихъ больницъ и школъ, и потомъ донесенія Лопухина объ этихъ предметахъ. Чтенія Моск. Общ. 1867, IV, Смѣсь, 44 и слѣд.; Пек. Доп. 197—198.

— Ложа Les Frères Réunis въ Петербургѣ, упом. въ Hildesheimer Taschenbuch 1786. Handb. II, 552. [102]

— Ложа Конкордіи (Concordia) въ Петербургѣ. Упом. въ Hild. Taschenbuch 1786. Handb. II, 552. [103]

Къ ней относятся извѣстія 1787 и 1788 г. (обвиненіе ея въ тампліерскихъ нововведеніяхъ) въ Доп. Пек. 118—122. Намѣстнымъ мастеромъ былъ въ ней Ѳед. Андр. Рылѣевъ (отецъ Кондратія?)

— Acta Latomorum I, 175 (Россія): „Installation, à St.-Pétersbourg, de la Loge écossaise L'Impériale. La Maçonnerie, protégée par Catherine II, obtient de grands succès: cette epoque est celle de sa splendeur dans ses contrées; elle y devient un objet de mode: les seigneurs de la cour font construire des Loges particulières dans leurs hôtels à St.-Pétersbourg et à Moscou" и проч. Названы гр. Строгановъ, Репнинъ, Шуваловъ; но нѣкоторыя собранія стали-де превращаться въ политическіе клубы,

чтб и навлекло потомъ гоненіе на русское масонство. Клавель, Hist. pittoresque 128, повторяетъ извѣстіе съ такой перемѣной: „...Enfin, en 1784 il s'établit, à St.-Pétersbourg, sous l'autorité de la Grande Loge d'Ecosse (?), et à la demande (?) de l'impératrice elle-même, une nouvelle loge, qu'on appela l'Impériale" и проч.— Образчикъ слуховъ, ходившихъ о русскихъ ложахъ.

1787 7 января — Основаніе ложи Надежды Невинности, въ Ревелѣ. Освященіе ея 10 августа 1789. Она была въ связяхъ съ Елагинымъ. Пек. Доп. 122—123. [104]

— 22 января — Письмо нѣсколькихъ членовъ бывшей архангельской ложи Св. Екатерины къ ложѣ Ураніи въ Петербургѣ, съ извѣстіемъ, что они рѣшили основать въ Архангельскѣ новую ложу Сѣверной Звѣзды, и съ просьбой выхлопотать ей покровительство великаго мастера и дипломъ. Въ сохранившемся черновомъ отвѣтѣ Елагинъ разрѣшаетъ временно собранія этой ложи, впредь до правильнаго утвержденія. Пек. Доп. 117—118. [105]

— (весной)—Вторая поѣздка Баженова къ в. кн. Павлу Петровичу. См. 1784—1785. Сб. Р. И. О. II, 120 [Я. Л. Барсковъ, Переписка, стр. XXXIII—XXXIV].

— 31 мая—Ложа Разсѣяннаго Мрака (Des Ténèbres Dispersées) въ Житомірѣ. [106]

Объ этой ложѣ см. статью В. Пероговскаго „Масонскія ложи въ Житомірѣ". („Кіевлянинъ" 1879 г. № 27), Мастеромъ стула названъ докторъ Гинчъ.

Снова появляются извѣстія объ этой ложѣ въ царствованіе Александра I. Въ 1817—21 годахъ она работала на польскомъ и французскомъ языкахъ. Система ея въ спискахъ 1817—18 показана древне-англійская; въ 1818—19 le Rite du Gr. Or. de Pologne; въ Handb. III, 112 „исправленная Шотландская; по Кушелеву, 1821, Польскаго Великаго Востока. См. также Handb. III, 538.

— (около)—Женская ложа въ Житомірѣ. [107]

Упомянута въ той же статьѣ „Кіевлянина" (1879 г. № 27) названа тамъ—Wschodu Zytomierskiego, но врядъ ли это собственное имя ложи. Предсѣдательница ложи—пани Вацліова, жена житомірскаго аптекаря.

— Іюнь—Просьба къ Елагину Христіана Мёллера и нѣсколькихъ другихъ лицъ, имѣвшихъ отъ польской

Провинц. Ложи конституцію на учрежденіе ложи Безсмертія,—объ утвержденіи этой ложи, которую они хотѣли основать въ Петербургѣ. Пек., Доп. 121. Ср. 1784. [108?]

1787 — Розенкрейцерскій „силанумъ“, или пріостановка масонскихъ работъ. Лонг. 088; Сборн. Ист. Общ. II, 156; Лѣт. рус. лит., т. V.

— Поѣздка Кутузова въ Берлинъ для изученія розенкрейцерской алхиміи. Лонг. 088, 096; Сб. Ист. Общ. II, 156; 157.

— Связи русскихъ съ Сенъ-Мартеномъ. Matter, St.-Martin etc. 135—138, 141—143.

— Грабянка основываетъ Авиньонское братство. Acta Latom. I, 177. „Матеріалы“.

— Одна нѣмецкая газета исчисляетъ русскія ложи въ 145 (во Франціи она считаетъ 703, въ Великобританіи—1036, въ Германіи—319, въ Пруссіи—304, въ Польшѣ—75). Acta Latomorum I, 177.

— Масонскій конвентъ въ Парижѣ, съ участіемъ русскихъ масоновъ. См. подъ 1785.

1788 — Отправленіе Невзорова и Колокольникова за границу учиться химіи для орденскихъ работъ, на счетъ московскихъ розенкрейцеровъ. Лѣт. рус. лит. V, 73. Р. Бесѣда 1856, Щ, біографія Невзорова, стр. 88—90.

— Ложа Трехъ Колоннъ (zu den drei Säulen) въ Кіевѣ, основана Эллизеномъ по эклектической системѣ (?). Она уже скоро закрылась. Handb. II, 109. [109]

— Вступленіе С. И. Плещеева въ Авиньонское братство Новаго Израиля. Лонг. въ Р. Вѣстн. 1860, № 16, 584, 587; „Матеріалы“.

1789 — Ложа въ Кременчугѣ, основанная к. асс. Бѣлоусовымъ по сношенію съ Лопухинымъ. Перестала дѣйствовать еще до 1792. Лонг. 290, 0133; Лѣтоп. рус. лит. V, 68. Въ показаніяхъ Новикова, подъ № 17. Сб. Ист. Общ. II, 149. [110].

1790 Мартъ—Екатерина II поручаетъ кн. Прозоровскому наблюдать безъ огласки за московскими масонами. Пек., Доп. 126.

— 20 марта—Ложа Малаго Свѣта (zur kleinen

Welt) въ Ригѣ. Мастеромъ стула и основателемъ ложи былъ Христіанъ Мёллеръ (вѣроятно тотъ же, который основывалъ въ Петербургѣ ложу „Безсмертія“ 1787). Инсталлація ея была 28 сент. 1791. Работы на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Здѣсь, между прочимъ, принятъ былъ въ масоны русскій священникъ. Пек., Доп. 123—124. [111]

Изданія этой ложи у Клосса, № 29 и 1608 [Wolfst. № 6530 и 6531]. Handb. III, 66. Она упомянута въ Neues Freym. Taschenbuch, 1804—1805, Freyberg, 66—67, и мастеромъ стула названъ предигеръ Георгъ Коллинъ (Collin), но замѣчено, что ложа больше не работаетъ.

1790 Приказъ Екатерины II генералу П. И. Мелиссино закрыть его ложу въ Петербургѣ. Лонг. 304.

1791 (начало)—Пріѣздъ гр. Безбородко и Архарова въ Москву для развѣдыванія о масонахъ. Зап. Лопухина, 36—37.

— Ноябрь—Уничтоженіе „Типографической компаніи“.

— Ложа въ Шкловѣ, по Елагинской системѣ. Handb. III, 152. [112]

1791-1792 — Послѣдняя поѣздка Баженова къ в. кн. Павлу Петровичу. Сб. Р. И. О. II, 120 [Я. Л. Барсковъ, Переписка, стр. XLIII].

— Ложа „теоретическаго градуса“ въ Вологдѣ, зависѣвшая отъ моск. розенкрейцерства. [113]

Сохранились протоколы ея въ рук. Моск. Музея [№ 2167]. Ешевскій III, 548. Вѣроятно объ этой ложѣ въ показаніяхъ Лопухина, Лонг. 0133. Въ показаніяхъ Новикова подъ № 16. Сб. Ист. Общ. III, 149, 152. Главнымъ надзирателемъ ея Новиковъ называетъ В. И. Остолопова.

— Розенкрейцерская ложа въ Петербургѣ. Это— „сборищи подъ вѣденіемъ Ленивцова“, о которыхъ говорится въ показаніяхъ Новикова и въ возраженіяхъ на нихъ. Сб. Ист. Общ. II, 124, 152. [114]

Главнымъ надзирателемъ этой ложи былъ премьеръ-майоръ Лѣнивцевъ. Лонг. 0133, 0145. По показаніямъ Трубецкого, петербургская ложа была поручена О. А. Поздѣеву (?). Лѣт. рус. лит. V, 53. „Матеріалы“.

1792 (до) — Ложа въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, упом. въ показаніяхъ Лопухина. Лонг. 0133. Быть можетъ, могилевская? Ср. Лонг. 0105. По донесеніямъ кн. Про-

зоровскаго, были масоны въ Могилевѣ и въ Полоцкѣ. Лѣт. рус. лит. V, 38. [115?]

1792 Февраль и мартъ—Обыскъ и арестъ Колокольникова и Невзорова, возвращавшихся изъ-за границы; заключеніе ихъ сначала въ Невскій монастырь, потомъ въ крѣпость.

—— Апрѣль—Обыскъ въ типографіи Новикова; обыскъ и арестъ самого Новикова.

—— Май — Заключеніе Новикова въ Шлиссельбургъ.

—— Іюнь — Допросы его въ крѣпости.

—— 1 августа — Указъ Екатерины II о заключеніи Новикова на 15 лѣтъ въ крѣпость и о допросѣ его товарищей.

1793 11 февраля. — Указъ Екатерины II объ истребленіи запрещенныхъ и вредныхъ Новиковскихъ изданій. Сожжено было вслѣдствіе того 18,656 книгъ. Лѣт. рус. лит. V, 10.

1796 7 ноября — Рескриптъ Павла I къ гр. Самойлову объ освобожденіи Новикова.

1797 — Иностранныя свѣдѣнія о запрещеніи ложъ Павломъ I въ началѣ этого года. Acta Latom. I, 199.

..... — „О масонствѣ въ Россіи не было ни слуху, ни духу“... Слова Бёбера. Handb. III, 614.

1800 15 января. Основана А. Ѳ. Лабзинымъ ложа Умирающаго Сфинкса. [116]

[Б. Л. Модзалевскій, „Лабзинъ“, въ Біогр. Слов.—Протоколы ложи въ Публ. Библ. F. III. 65—68. Ср. Отчетъ Публ. Библ. за 1869 г. Краткій дневникъ засѣданій ложи, веденный членомъ ея, Е. Г. Рогожинымъ—Моск. Истор. Музей, собр. ркп. кн. Барятинскаго, № 285 и 294³. Дневникъ А. Е. Лабзиной при ея воспоминаніяхъ, Спб. 1914].

1801 — Иностранныя извѣстія о подтвержденіи запрещенія масонства, Александромъ I. Acta Latom. I, 210—211.

1802 10 іюня — Ложа Соединенныхъ Друзей (Les Amis Réunis), въ Петербургѣ, основ. по французской системѣ, вывезенной изъ Франціи Жеребцовымъ. Въ 1811 или 1812 приступила къ основавшейся передъ тѣмъ Директоріальной Ложѣ Владиміра, а потомъ къ Великой Провинціальной Ложѣ. [117]

Рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ на франц. языкѣ, 1810—1811,

въ Моск. Музеѣ, № [1969]. Тамъ же изданіе франц. пѣсенъ: Hymnes et Cantiques pour la R. Loge Des Amis Réunis à l'O.·. de St.-Pétersbourg. A Jerusalem, L'an 5810 de L. v. L. (de la vraie lumière). 56 стр. нотъ со словами.

Съ 11 дек. 1816 началось дѣло объ отпаденіи этой ложи отъ Вел. Провинц. Ложи. Просьба о принятіи въ союзъ Астреи поступила 28-го февр. 1817, и въ союзѣ Астреи эта ложа оставалась до конца существованія ложъ. Ритуалъ мастерской степени (времени принадлежности къ Астреѣ) въ Публ. б-кѣ Q. III. № 30. Въ 1816—17 г. мастеромъ стула былъ Жеребцовъ; 1-мъ и 2-мъ намѣстными мастерами Оде-де-Сіонъ и Пав. Арсеньевъ, и проч. По запискѣ Кушелева, 1821, работаетъ по шведской системѣ, на французскомъ языкѣ, и мастеръ стула— Августинъ Прево де Люміанъ, ген.-маіоръ.

1803 — [Основана П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ тайная ложа Нептуна въ Москвѣ. Т. О. Соколовская, Масонство, II, 155—158]. [118]

[Матеріалы ложи въ Тверской Ученой Архивной Комиссіи и въ Общ. Любит. Древней Письмен. (бумаги Ѳ. Н. Глинки)].

—— (около)—[Для „прикрытія“ тайной ложи Нептуна члены послѣдней учредили явную ложу Гарпократа. Журн. 104 засѣд. Тверской Арх. комиссіи, 16]. [119]

[Вѣроятно, къ этой ложѣ относятся документы ложи св. Іоанна, Отчетъ Публ. Библ. за 1907 г.].

—— Иностранныя извѣстія о разрѣшеніи масонства, объ аудіенціи, данной Бёберу, и проч. Acta Latom. I, 218—219, Händb. III, 112.

1804 — Иностранныя извѣстія о возобновленіи масонскихъ работъ, между прочимъ, о ложѣ в. кн. Константина (?). Acta Latom. I, 223.

1805 11 окт.—Ложа Александра (Alexander zur Mildthätigkeit des gekrönten Pelikans), въ Петербургѣ, основ. по Шведской системѣ нѣсколькими старыми масонами, и названіе взято отъ старой ложи этого имени. Вмѣстѣ съ ложами Петра и Палестины, состояла впослѣдствіи подъ управленіемъ Директ. Ложи Владиміра. [120]

Въ 1810 ею управлялъ Розенштраухъ. Протоколы 1810—1811 г. въ Моск. Музеѣ. При основаніи новыхъ великихъ ложъ, перешла къ Астреѣ, въ октябрѣ 1815.

1809 (до?) — [Теоретическая ложа къ Мертвой Головѣ въ Москвѣ]. [121]

[Собранія происходили въ домѣ І. А. Поздѣева; участвовало въ нихъ около 20 человѣкъ, въ томъ числѣ проф. Х. А. Чеботаревъ. Т. О. Соколовская, Масонство, II, 170].

1809 (до?) —[Шотландская ложа Виѳлеема въ Петербургѣ, подъ управленіемъ Лабзина]. [122]

[Протоколы ея въ Публ. Библ. F. III. 69].

— 9 марта [Теоретическая ложа Лабзина. Т. О. Соколовская, Масонство, II, 170]. [123]

[Протоколъ ея открытія въ Публ. Библ. Q. III. 100].

— 4 марта — Ложа Палестины въ Петербургѣ, основана по Французской системѣ. Въ 1810 управлялъ ею Віельгорскій. Въ 1811 или 1812 присоединилась къ Директ. Ложѣ Владиміра, но въ 1815, при основаніи новыхъ Великихъ Ложъ, пристала къ Астреѣ. [124]

По запискѣ Кушелева система Вильгельмсбаденская; мастеръ стула Романъ Моненъ, докторъ. Работы на французскомъ языкѣ. Рѣчи, 1810—1811, на франц. языкѣ, въ Моск. Музеѣ № [1970]. Изданіе этой ложи: Cantique de la loge St.-Jean de la Palestine, O.·. de St.-Pétersbourg, dedié T. R. et T. J. G. M. F. Duc de Wurtemberg par Les FF. de Messence, auteur des paroles, et A. Boieldieu, auteur de la musique. A Jerusalem. 12 стран. нотъ. (Въ Моск. Музеѣ).

— 1 іюня—Ложа Елизаветы къ Добродѣтели, въ Петербургѣ, основана отъ ложи Александра по Шведской системѣ, и принадлежала къ Директ. Ложѣ Владиміра, потомъ къ Вел. Провинц. Ложѣ. [125]

Въ 1809—11 мастеромъ стула былъ А. С. Сергѣевъ; намѣстнымъ мастеромъ Ѳ. Д. Синицынъ. Въ 1816—17 эти должности занимали Віельгорскій и С. Ланской; въ 1818 С. Ланской и А. Римскій-Корсаковъ; въ 1819—20 С. Ланской и Щулепниковъ. Ея документовъ много въ Моск. Музеѣ. Уставъ, 1817, въ Муз. № [1916], и также Публ. б-ки F. III. 19. Протоколы на русскомъ яз., Муз. № [1917—1927]. Дѣла ложи, Муз. № [1928—1935] Рѣчи, № [1884] и также № 855. Подробнѣе въ „Матеріалахъ".

1809—1810 — [Ложа Фесслера (Полярная Звѣзда?). А. Н. Пыпинъ, Очерки общ. движ., 310. Т. О. Соколовская, Масонство, II, 174]. [126]

[Членами ложи были, м. пр.: бар. Розенкампфъ, М. М. Сперанскій, М. Л. Магницкій, Ф. Л. Гауеншильдъ].

1810 12 мая—Ложа Петра къ Истинѣ (Pierre à la Vérité, Peter zur Wahrheit), въ Петербургѣ, основана отъ ложи Александра по Шведской системѣ; принадлежала къ Директор. Ложѣ, а при основаніи новыхъ Великихъ Ложъ перешла къ „Астреѣ". [127]

Мастеромъ стула въ 1810 и послѣ былъ Эллизенъ. Нѣмецкіе протоколы первыхъ мѣсяцевъ 1811 г. въ рук. Моск. Музея. По запискѣ Кушелева, 1821, система—„Шредерова подъ названіемъ

старой английской", работы на нѣмецкомъ языкѣ, мастеръ стула—Іоганнъ Кейзеръ, докторъ.

1810 (Іюнь)—[Ложа М. М. Сперанскаго. Т. О. Соколовская, Масонство, II, 176]. [128]

[На собраніи ложи присутствовали Фесслеръ, Гауеншильдъ. Розенкампфъ, Магницкій и Пезоровіусъ].

— Директоріальная Ложа Владиміра къ Порядку (Wladimir zur Ordnung) въ Петербургѣ, управлявшая тремя „соединенными ложами", именно Александра, Елизаветы и Петра, до основанія новыхъ Великихъ Ложъ. Гросмейстеромъ ея былъ Бёберъ. [129]

— (около)—Капитулъ Феникса, гдѣ префектомъ былъ Бёберъ. Ср. [1780 г.]. „Матеріалы". [Каталогъ мас. ркп. Рум. Муз. № 113]. [130]

[Капитулъ выдѣлялъ изъ своего состава Директорію для управленія шотландскими ложами. Т О. Соколовская Капитулъ Феникса, П. г. 1916]

— (около)—Шотландская ложа Сфинкса, въ Петербургѣ, потомъ въ союзѣ Вел. Пров. Ложи. См. о ней въ „Матеріалахъ". [131]

Списокъ членовъ ея въ ркп. Рум. Музея. Къ этой ложѣ относятся, вѣроятно, слѣдующіе документы Рум. Музея, иностр., № 440: 1) Vierter Grad oder Acten und Statuten der Hocherleuchteten, gerechten und vollkommenen St. Andreas Loge zum Sphynx im Orient von St.-Petersburg, für die Loge der Schottischen Lehrlinge und Gesellen oder der Auserwählten Brüder, 73 стр. f⁰, подп. Беберомъ. 2) Fünfter Grad oder Acten und Statuten der... St.-Andreas Loge zum Sphynx im O. von St.-Petesrburg für die Loge der schottischen Meister. 5812. 59 стр. f⁰.

1811 (около) — [Французская ложа de la Félicité въ Москвѣ]. [132]

[Собиралась въ домѣ Всеволожскаго подъ управленіемъ Мезанса (chevalier de Messence). Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, II, 487].

1812 (около)—Шотландская ложа св. Георгія въ Петербургѣ. См. „Матеріалы" и Отчетъ Рум. Муз. 1870—72 г., стр. 54. [133]

— [11 апрѣля.—Кружокъ московскихъ иностранцевъ-масоновъ подалъ заявленіе въ Директоріальную Ложу Владиміра о желаніи учредить іоанновскую ложу Паллады. Т. О. Соколовская, Масонство, II, 190]. [134]

[Ложа не была учреждена вслѣдствіе войны 1812 г.].

1812 16 мая—ложа Іордана (du Jourdain) въ Ѳеодосіи. [135]

Работала на франц. и русскомъ языкахъ. Система, въ 1817—18, означена le rite du Gr. Or. de France; въ 1818—19, le rite Suédois. Мастеръ стула, въ 1817—1821, Феликсъ Лагоріо (вице-консулъ Обѣихъ Сицилій).

— [Походная ложа Александра къ Военной Вѣрности при лейбъ-гвардіи конномъ полку. Т. О. Соколовская, Масонство, II, 199—200]. [136]

1813 21 окт. — Возобновлена ложа Нептуна къ Надеждѣ, въ Кронштадтѣ. [137]

Работала по древне-Англійской системѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Мастеръ стула, въ 1817—18, Ив. Берловскій; въ 1818—21, Ал. Топпеліусъ (лютеранскій пасторъ). Кушелевъ называетъ систему—шведской. См. подъ 1779.

— Иностранныя извѣстія объ основаніи, отъ берлинской ложи Трехъ Глобусовъ, военной ложи „Желѣзнаго Креста“.—„Это учрежденіе было основано для прусскихъ и русскихъ офицеровъ, при главной арміи союзниковъ; эта ложа должна была сохраниться и при заключеніи общаго мира“. Acta Latom, I, 257, 261. (?)

Тамъ же, стр. 261, упоминается, что 4 мая 1814 г. ложа de la Parfaite Réunion въ Парижѣ давала блестящій праздникъ въ память возвращенія короля, гдѣ присутствовали масоны англійскіе, русскіе и всѣхъ націй.

1814 (Мартъ?)—[Шотландская ложа Феникса въ Москвѣ подъ управленіемъ П. И. Голенищева - Кутузова]. [138]

[Общ. Люб. Др. Письм. F. 264; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, II, 434].

1815 30 іюля — Ложа Пламенѣющей Звѣзды (De l'Etoile Flamboyante, zum flammenden Stern), въ Петербургѣ. Протоколъ Вел. Директ. Ложи объ ея учрежденіи въ рук. Моск. Рум. Музея. [139]

Мастеръ стула въ 1816 бар. Корфъ; намѣстный—Буденброкъ. Съ 11 дек. 1816 начинается дѣло объ отпаденіи ея отъ Вел. Провинц. Ложи. Принята въ Астрею 3 марта 1817. По запискѣ Кушелева, 1821, работаетъ по шведской системѣ, на нѣмецкомъ языкѣ. Мастеръ стула—бар. Оттонъ Виттенгеймъ.—Членомъ ложи, по спискамъ 1820—21 г., былъ К. Ѳ. Рылѣевъ (см. біографію его при „Сочиненіяхъ и перепискѣ“. Спб. 1872) [Ср. В. И. Семевскій, Политич. идеи декабристовъ, стр. 296].

— 30 августа.—Основаніе Великой Ложи Астреи,

въ Петербургѣ. Подробности см. въ „Матеріалахъ" и въ запискѣ Кушелева, стр. 469—473, 661. [140]

1815 18 сентября—Ложа Избраннаго Михаила въ Петербургѣ, по древне-англійской (Шрёдеровой) системѣ; работы на русскомъ языкѣ. [141]

Мастеръ стула, по спискамъ 1817—1821 г. гр. Ѳ. П. Толстой (флота капитанъ-лейтенантъ). [См. „Очерки Обществ. движ.", стр. 319].

— 26 ноября—Ложа Трехъ Добродѣтелей (Trois Vertus) въ Петербургѣ. Утвержденіе на основаніе ложи дано было Директор. Ложей братьямъ Ржевскому, Павлу Ланскому, Павлу Лопухину, Сергѣю Волконскому и др. Инсталлація была 11 янв. 1816. Осталась до конца въ союзѣ Великой Провинц. Ложи. [142]

Ея документы въ Моск. Рум. Музеѣ: Уставъ, Муз. № [1936]; Протоколы 1815—20 г., на французскомъ и русскомъ языкахъ, № [1937]; Дѣла 1816—22 г., № [1938—1940] и списки членовъ 1815—19 г. Муз. № [1941]. [Ср. Т. О. Соколовская, Ложа Трехъ Добродѣтелей, Р. Арх. 1908, III].

1816 29 января — Возобновленіе ложи Трехъ Коронованныхъ мечей въ Митавѣ. См. выше, подъ 1775 г. [143]

— 19 сент. — Основаніе Великой Провинціальной Ложи, смѣнившей Директ. Ложу Владиміра. Инсталлація ея 4 ноября того же года. [144]

— 24 окт.—Ложа Трехъ Сѣкиръ (zu den drei Streithammern, Trois masses d'armes), въ Ревелѣ. Великая Провинц. Ложа утверждала ее съ условіемъ, если „братья" примутъ ритуалъ Пров. Ложи; но или они его не приняли, или по другому случаю, къ половинѣ 1817 ложа является въ союзѣ „Астреи". [145]

Въ спискахъ ложъ основаніе „Трехъ Сѣкиръ" считается съ 1778, 9 ноября, т.-е. новая ложа считается продолженіемъ старой ложи этого имени.

По свѣдѣніямъ Кушелева, л. работала по шведской системѣ; въ 1821 г. мастеромъ стула былъ Карлъ Залеманъ, бургомистръ. [Его масонскія бумаги въ Провинціальномъ Музеѣ въ Ревелѣ].

— Ложа Трехъ Свѣтилъ (Trois Flambeaux), въ Петербургѣ, въ союзѣ Великой Провинціальной Ложи (см. протоколы послѣдней). Инсталлація происходила 4 дек. 1816. [146].

Мастеръ стула—Евреиновъ; намѣстный мастеръ—Дм. Зубовъ,

Моск. Муз. [См. Т. О. Соколовская, „Въ масонскихъ ложахъ (1817—1822)“, Вѣстн. Общ. Ревнит. Ист., I и отд. Пг. 1914].

1817 (до?)—Шотландская ложа Александра Златаго Льва въ союзѣ Вел. Пров. Ложи. [147]

Ея бумаги, 1817—1820 г. въ Моск. Музеѣ № [1949]. См. „Матеріалы“.

— 12 марта—Военная ложа Георгія Побѣдоносца, въ Мобёжѣ, во Франціи, при главной квартирѣ Россійскаго Корпуса во Франціи. По древне-Англійской системѣ, на русскомъ языкѣ. [148]

Мастеръ стула—Робертъ (Романъ) Ант. Винспіеръ, артиллеріи полковникъ. Въ спискѣ 1820 г. означена прекратившей работы на неопредѣленное время. [Списокъ членовъ ложи въ Р. Арх. 1865 стр. 495].

— 18 марта—Ложа Сѣверныхъ Друзей (Les Amis du Nord), въ Петербургѣ, основанная, чтобы замѣнить ложу „Соединенныхъ Друзей“, отпавшую отъ Вел. Провинц. Ложи. Работала на франц. языкѣ. [149]

Съ 1 іюня 1818 начинается дѣло о переходѣ въ „Астрею“, въ спискѣ которой она и означена въ 1818—19 г. По Кушелеву, учреждена была 30 апрѣля 1818, но существовала недолго; въ 1821 г. ея уже не было. Подробности въ „Матеріалахъ“.

— 30 августа—Ложа Александра Тройственнаго Спасенія (Alexander zum dreifachen Segen) въ Москвѣ, основ. отъ „Астреи“. [150]

Система, по спискамъ 1818—19, Вильгельмсбадскаго конвента; Handb. 114 „исправленная Шотландская“. Работы, въ 1818—19, на нѣмецкомъ языкѣ; въ 1820—21, на нѣмецкомъ, русскомъ и франц. языкахъ. Мастеръ стула—купецъ Іог. Амврос. Розенштраухъ, а въ 1821 г., по Кушелеву, Устинъ Людеръ, лейбъ-медикъ. Объ этой ложѣ см. „Отчетъ“ Рум. Муз. за 1870—72, стр. 54. [Бумаги ложи Рум. Муз., иностр., № 438].

— 24 ноября—Ложа Ищущихъ Манны (Chercheurs de la Manne), въ Москвѣ, въ союзѣ Вел. Провинц. Ложи. Инсталлація—7 декабря того же года. [151]

Рѣчи, 1818 г., въ Моск. Рум. Музеѣ № [1970].

Въ 1819—20, мастеръ стула С. П. фонъ-Визинъ; риторъ—Алексѣй Ос. Поздѣевъ; 1-й стуартъ—Вас. Льв. Пушкинъ (названный членомъ л. Елизаветы). [Т. О. Соколовская, Р. Арх. 1906, III, 408—410].

— Ложа Эвксинскаго Понта въ Одессѣ. Дѣла Вел. Провинц. Ложи, Рум. Муз. Ритуалъ, на нѣмецкомъ языкѣ, Рум. Муз. № [1989]. [152]

— Ложа Дубовой Долины, въ Петербургѣ, въ союзѣ

Великой Провинц. Ложи. Просьба объ ея учрежденіи представлена была семью членами „Пламенѣющей Звѣзды", не хотѣвшими переходить съ ней въ „Астрею". [153]

Работы на нѣмецкомъ языкѣ. Дѣла 1817, Рум. Муз.

1817—Ложа Сѣверной Звѣзды, въ Вологдѣ. Дѣло объ ея основаніи началось 26 февр. 1817. (Дѣла Великой Провинц. Ложи). [154]

Затѣмъ слѣдъ этой предполагавшейся ложи встрѣчается въ бумагахъ „Астреи". Братья имѣющей учредиться ложи благодарили „Астрею" за присылку Code des Lois „Астреи" и просили о руководствѣ: эта бумага, отъ 19 окт. 1817, подписана избраннымъ для управленія будущей ложей мастеромъ Алексѣемъ Волоцкимъ.

Но 29 мая 1820 Вел. Провинц. Ложа упразднила вологодскую ложу „по причинѣ непроизводства въ оной работъ со времени ея учрежденія".

[Ср. Т. О. Соколовская, Р. Арх., 1906, II, 114—125. Нѣкоторые акты ложи Публ. Библ. F. III. 72]. См. выше подъ 1783 г.

1817-1818—[Къ этому времени, вѣроятно, относится участіе многихъ русскихъ офицеровъ въ польскихъ и литовскихъ ложахъ Россіи въ слѣдующихъ мѣстечкахъ и городахъ: Буцневцахъ Подольской губ. (л. Минервы), Варшавѣ (лл. Сѣвернаго Щита, Славянскаго Единенія, Храма Постоянства и Элевзисъ), Вильнѣ (лл. Орла Славянскаго и Соломонова Созиданія), Гроднѣ (л. Пріятеля Человѣчества), Люблинѣ (л. Возвращенной Свободы), Минскѣ (л. Сѣвернаго Свѣтильника или Полуночной Звѣзды), Несвижѣ (л. Счастливаго Избавленія), Новогрудкѣ (л. Узды Единомыслія), Плоцкѣ (л. Совершенства), Рафаловѣ (л. Увѣнчанной Добродѣтели) и Слуцкѣ (л. Владислава Ягелло).—„Списокъ г.г. военнымъ, кои принадлежали къ масонскимъ ложамъ" напечатанъ Т. О. Соколовской въ Русск. Стар. 1907, № 6—9; ср. Рум. Муз. № 1892, л. 242; Handb. II, 597]. [155—169]

1818 12 марта—Ложа Ключа къ Добродѣтели (la Clef de la Vertu), въ Симбирскѣ, въ союзѣ Астреи; по древней Шведской системѣ. [170]

Работы на русскомъ и франц. языкахъ. Мастеръ стула въ

1818—21 г., кн. Мих. Петр. Баратаевъ. [Матеріалы ложи Гос. Арх. I—В, № 484—501].

1818 12 марта—Ложа Орла Россійскаго, въ Петербургѣ, въ союзѣ Астреи; по древней Шведской системѣ. [171]

Работы на русскомъ языкѣ. Мастеромъ стула, въ 1818—19 г. былъ кн. Ив. Алексѣев. Гагаринъ; въ 1820—21, кн. Павелъ Гавр. Гагаринъ.

— 12 марта—Ложа Соединенныхъ Славянъ (Les Slaves réunis) въ Кіевѣ, въ союзѣ Астреи. [172]

Система въ 1818—19, le rite du Grand Orient de Pologne; Handb. III, 114, „исправленная Шотландская". Работы на русскомъ и франц. языкахъ. Мастеръ стула, въ 1818—19, Валент. Росцишевскій; въ 1820—21 г. Францъ Харлинскій, депутатъ главнаго суда. [Ср. Р. Арх. 1906, III, 412—416, 609].

— 30 апрѣля—Ложа Любви къ Истинѣ, въ Полтавѣ, въ союзѣ Астреи; по древне-Англійской системѣ. [173]

Работы на русскомъ языкѣ. [Протоколы ученической степ. въ Моск. Истор. Музеѣ, собр. ркп. кн. Барятинскаго, № 213]. Мастеръ стула Михаилъ Никол. Новиковъ. Въ спискахъ 1820—21 означена какъ покрывшая работы. [Ср. Р. Арх. 1906, III, 609].

— 24 іюня—Ложа Орла Бѣлаго, въ Петербургѣ, въ союзѣ Астреи. [174]

Система, въ сп. 1818—19, le rite du Gr. Or. de Pologne; Handb. III, 113—„исправленная Шотландская". Работы на польскомъ языкѣ. Мастеръ стула, въ 1818—19, гр. Ад. Ржевускій; въ 1820—21, Іосифъ Олешкевичъ („членъ академіи художествъ, по живописному искусству").

— 27 іюля—Возобновлена ложа Золотаго Кольца (zum goldenen Ring) въ Бѣлостокѣ, въ союзѣ Астреи. [175]

Система, въ 1818—19, System der Grossen Landesloge Deutschlands; Handb. III, 113—„Фесслерова". Работы на польскомъ и нѣм. языкахъ. Мастеръ стула, 1818—19, Я. Ф. Михелисъ; въ 1820—21, Казиміръ Довноровичъ (бывшій маршалъ Соколковскаго повѣта).

— 27 іюля—Ложа Александра къ Пчелѣ, (Alexander zur Biene), въ Ямбургѣ, въ союзѣ Астреи; по Англійской системѣ, употреблявшейся при Елагинѣ. Работы на нѣмецкомъ языкѣ. [176]

Мастеръ стула—Сигизм. Фридр. Либъ (фабрикантъ).

— 30 августа—Ложа Восточнаго Свѣтила, въ Томскѣ, въ союзѣ Астреи, по древне-Англійской системѣ. [177]

Работы на русскомъ языкѣ. Мастеръ стула — Николай Петр. Горловъ, томскій вице-губернаторъ.
Подробности въ „Матеріалахъ".

1818 26 декабря—Ложа Озириса къ Пламенѣющей Звѣздѣ (d'Osiris à l'Etoile flamboyante), въ Каменецъ-Подольскомъ, въ союзѣ вел. ложи Астреи. [178]

Система, по Handb. III, 113, „исправленная Шотландская". Работы на русскомъ, польскомъ и франц. языкахъ; по Handb. на польскомъ. По запискѣ Кушелева, стр. 664: „Польскаго Великаго Востока". Мастеръ стула, въ 1820—21, Францъ Дамеръ, докторъ.

— Декабрь — Ложа Орфея, въ Петербургѣ, въ союзѣ Вел. Провинц. Ложи. Основана для работъ на французскомъ языкѣ. Инсталлація—8 декабря 1818. Въ ней назначены: мастеръ стула—гр. Гр. Ив. Чернышевъ, намѣстный мастеръ—А. П. Римскій-Корсаковъ. [179]

Отъ ложи Орфея сохранилось значительное число документовъ: a) Lois pour la loge d'Orphée. 1818, Муз. № [1942]; b) Протоколы 1818—22 г. на франц. языкѣ, и Дѣла того же времени, Муз. № [1943—1945]; c) Рѣчи, 1818—19 г., Муз. № [1972—1973]; d) Ритуалъ на франц. языкѣ, въ трехъ книгахъ, Муз. № [1987].

— Начиналось дѣло объ основаніи шотландской ложи Трехъ Царствъ Природы (Les Trois Règnes de la Nature), въ Одессѣ, въ союзѣ Вел. Провинц. Ложи. См. въ „Матеріалахъ". [180]

1819 [12 апрѣля]—[открытіе собраній Теоретическаго Круга въ Москвѣ подъ управленіемъ Н. А. Дьякова]. [181]

[Въ собраніяхъ участвовали Ѳ. П. Ключаревъ, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, А. І. Поздѣевъ, Р. С. Степановъ, А. Ѳ. Лабзинъ, М. Я., Мудровъ и др. Протоколы въ Общ. Люб. Др. Письм., F. 264].

— Ложа Вновь Возженнаго Свѣтила у Трехъ Колоннъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. [182]

Письмо нѣкоторыхъ братьевъ о дозволеніи имѣть ложу этого имени, въ дѣлахъ Великой Провинц. Ложи подъ 11 марта 1819.

1821 [7 апрѣля] — [Теоретическая ложа С. С. Ланского въ Петербургѣ]. [183]

[Ложа была посвящена св. Іоанну Богослову. Т. О. Соколовская. Капитулъ Феникса, 80].

— [7 іюля]—[Кишиневскіе масоны обращаются къ Вел. Ложѣ Астреѣ съ просьбой даровать ихъ ложѣ конституцію; въ отвѣтъ на эту просьбу въ Кишиневѣ

учреждена ложа Овидія. Н. К. Кульманъ, Кишиневская ложа, Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 г., XI]. [184]

См. въ рукописяхъ Моск. Рум. Музея бумаги Вел. Пров. Ложи отъ 20 янв. 1822 г.

[Ложа Овидія получила въ союзѣ Астреи № 25. Т. О. Соколовская. Двадцать пятая масонская ложа союза Астреи. Р. Ст. 1907, мартъ, 642].

Вѣроятно, къ этой Кишиневской ложѣ относятся указанія въ письмѣ Пушкина къ Жуковскому (отъ 1826 года): „...Въ Кишиневѣ, — говоритъ Пушкинъ, — я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, генераломъ Пущинымъ и Орловымъ.. Я былъ масонъ въ Киш. ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи", Р. Арх. 1870, стр. 1177. О Кишиневской ложѣ см. еще Русск. Стар. 1883, декабрь, 654—657 (письма кн. Волконскаго и генерала Инзова). О маіорѣ В. Ѳ. Раевскомъ см. собственную его записку, сообщенную Е. И. Якушкинымъ въ Русск. Стар., 1873, т. VII, стр. 376—379. [Ср. П. Е. Щеголевъ, Первый декабристъ, Вл. Раевскій, Спб. 1905].

1821 [Сентябрь?]—[шотландская ложа Гермеса въ Москвѣ. Прот. Теор. Собр., Общ. Люб. Др. Письм. F. 264]. [185]

1822—[Предположено было открытіе ложи Гиппократа подъ предсѣдательствомъ проф. М. Я. Мудрова]. [186]

[Ложа не могла получить разрѣшенія вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ общаго запрещенія масонскихъ ложъ. См. Русск. Арх. 1901, II, 303].

—— Запрещеніе тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ.

1826—Подтвержденіе этого запрещенія.

1827 Сентябрь — Постановленіе, принятое нѣкоторыми масонами по случаю запрещенія ложъ. См. въ „Матеріалахъ".

1828 21 февраля—[начались собранія Теоретическихъ братьевъ въ Москвѣ]. [187]

[Въ собраніяхъ участвовали С. С. Ланской, П. И. Шварцъ (съ начала 1829 г.), В. В. Бѣликовъ и др. Послѣднее датированное собраніе 30 апр. 1829 г.—Рѣчи, произнесенныя на этихъ собраніяхъ,—въ архивѣ Д. И. Попова (Москва) и въ Рум. Муз. № 1975 и 1976].

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія.

Стр. 8, прим. 1. В. В. Сиповскій обращаетъ вниманіе на широкую благотворительную и просвѣтительную дѣятельность московскихъ масоновъ. Такая дѣятельность (независимо отъ размаха ея, который объясняется личной энергіей Новикова и Шварца) не принадлежитъ, однако, къ исключительнымъ признакамъ иллюминатства. Различныя теченія масонства считали (и считаютъ) полезной и необходимой работу, подобную той, которая была произведена кружкомъ Новикова (ср. напр. стр. 27 настоящей книги). Послѣдователь циннендорфской системы Э. Фридрихсъ въ своей „Geschichte der Freimaurerei in Russland“ отмѣчаетъ съ особымъ чувствомъ именно ту сторону дѣятельности Новикова, которая привела В. В. Сиповскаго къ заключенію объ иллюминатствѣ Новикова и Шварца (о благотворительныхъ учрежденіяхъ современнаго нѣмецкаго масонства см. A. Horneffer, Der Bund der Freimaurer, Iena, 1913; стр. 163—166 и F. Kneisner, Geschichte der deutschen Freimaurerei, Berl. 1912, стр. 256—260). Теоретическія основы міровоззрѣнія новиковскаго кружка противоположны иллюминатству и ведутъ къ ограниченію человѣческаго разума точными предѣлами вѣры и догмата. Единственный изъ московскихъ масоновъ, который, можетъ быть, состоялъ въ какихъ-нибудь сношеніяхъ съ иллюминатами, былъ кн. Н. В. Репнинъ (см. стр. 308, прим. 1 наст. книги),

Стр. 13, 14, 15, прим. 1. Для исторіи нѣмецкаго масонства см. названное сочиненіе Кнейзнера; для англійскаго: Begemann. Vorgeschichte und Anfänge der Frei-Maurerei in England, Berl. 1909; для исторіи масонства вообще см. еще Gould, A Concise history of freemasonry и Г. Шустеръ. Тайныя общества, союзы и ордена. Перев. съ нѣм. Спб. Т. I, 1905; т. II, 1907. Представленіе о цѣляхъ и задачахъ современнаго масонства даютъ указанная книга Horneffer'a и L. Keller, Die geistigen Grundlagen der Freimaurerei, Iena, 1911. Обзоръ исторіи и современнаго положенія масонства въ Россіи и на Западѣ—въ книгѣ „Масонство“, сборн. статей, изд. „Задруги“ и К. Ф. Некрасова, М., т. I, 1914; т. II, 1915 (III томъ еще не вышелъ).

Стр. 43, прим. 1. О заимствованіи Елагинымъ актовъ у Рейхеля (при соединеніи елагинскихъ и рейхелевскихъ ложъ), см. у Э. Фридрихса и въ статьѣ А. В. Семеки „Русское масонство XVIII вѣка“

(„Масонство“, т. I), стр. 144. Акты Рейхеля, при нѣкоторомъ отличіи ихъ отъ елагинскихъ (объ этомъ у Пекарскаго въ Дополненіяхъ, стр. 38—39), въ существенныхъ чертахъ съ ними совпадаютъ (ср. ркп. Гос. Арх., VIII, 216, ч. 2 и VIII, 216, V, XVII, XIX, XXXIV). Ср. стр. 134 настоящей книги.

Стр. 68, прим. 1. Ср. также „Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи“, вып. 1 и 2, Спб. 1873—1874. О русскихъ артеляхъ, вообще, А. Исаевъ, Артели въ Россіи, Яросл. 1881, стр. 30—46, и С. Прокоповичъ, Кооперативное движеніе въ Россіи, М. 1913, стр. 36—39 (тамъ же библіографія).

Стр. 96, прим. 1. Ср. Отчетъ Публ. Библ. за 1892 г., стр. 105—107.

Стр. 100: 7. О склонности Петра III къ масонству сообщаетъ также Болотовъ во II т. своихъ записокъ. „Повсемѣстная молва, что наслѣдникъ [Елизаветы] былъ масономъ, побуждала тогда весьма многихъ изъ нашихъ вступать въ сей орденъ—говоритъ Болотовъ—и у насъ никогда такъ много масоновъ не было, какъ въ тогдашнее время“ (стр. 166).

Стр. 104: 8. Масонскія вещи эти принадлежали, впрочемъ, не самому Аполлону Ушакову, а брату его Василію. См. ниже, прим. къ прил. III, 1764 г.

Стр. 108: 37. Вѣроятно, гр. Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ († 1817).

Стр. 110: 11. Г. Г. Орловъ—дѣятельнѣйшій участникъ переворота 28 іюня 1762 г.—по словамъ Болотова, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельнымъ масономъ (II, 220).

Стр. 110: 20. Объ отношеніи Екатерины II къ масонству и о русскомъ масонствѣ ея времени, особенно начала ея царствованія, нѣкоторыя свѣдѣнія записалъ Рейнбекъ въ 1805 г. Говоря словами А. Н. Пыпина (Вѣстн. Евр. 1868, кн. 6, стр. 584), „Рейнбекъ писалъ только по слухамъ, хотя и собиралъ ихъ отъ людей заслуживающихъ вѣры. Его характеристики не вполнѣ компетентны, но все же мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ, какъ современный матеріалъ, который, при сличеніи съ другими данными, получаетъ свою историческую цѣну“.

„Въ Россіи были масонскія общества подъ всякими названіями,—разсказываетъ Рейнбекъ,—и, быть можетъ, нѣкоторыя существуютъ и теперь [т. е. въ 1805 г.]; какъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, не трудно найти слѣды ихъ, особенно такъ называемаго мартинизма. И если въ настоящее время (здѣсь рѣчь только о собственной Россіи) и нѣтъ ни одной дѣйствующей ложи собственнаго масонства (чего невозможно сказать навѣрное) [1])—то братьевъ есть, однако, вездѣ безчисленное множество: потому что масонство было очень распространено, велось съ большой ревностью, и его порожденія являлись во всякихъ видахъ и подъ всякими именами. Конечно, только отъ нѣкоторыхъ ложъ об-

[1]) Въ 1805 г. существовали тайныя ложи А. Ѳ. Лабзина („Умирающій Сфинксъ“) и П. И. Голенищева-Кутузова („Нептунъ“); кромѣ того—л. „Соединенныхъ Друзей“ и съ 11 окт. 1805 г.—л. „Александра къ Коронованному Пеликану“. Ред.

наружились благотворительные плоды ихъ работъ, а въ остальныхъ духъ истиннаго масонства большей частью исказился до такой степени, что прекращеніе ихъ дальнѣйшей дѣятельности было даже очень благотворно для общества.

„Существовало ли масонство въ Россіи раньше, я не могу опредѣлить, но при Екатеринѣ II его успѣхи были, говорятъ, очень быстры, хотя сама императрица вовсе не питала къ нему расположенія. Правда, какъ говорятъ, съ ея согласія, или даже по ея желанію посвященъ былъ наслѣдникъ престола, и она будто бы присутствовала при его принятіи въ закрытой ложѣ,—вещь, которая не покажется странной никому, кто знаетъ, что у правителей полъ никогда не принимается въ разсчетъ, и что передъ ними открыто устройство общества, хотя бы они и не были братьями. Однако же, потому ли, что она недостаточно глубоко вникала, или по какимъ-нибудь другимъ основаніямъ, она не только въ своемъ ближайшемъ кружкѣ выразила свое нерасположеніе къ масонству, но и публично приняла презрительную мину, и даже удостоила общество нѣсколькими сатирами своего пера, которыя и напечатала.

„Не смотря на то, русскіе вступали въ это общество съ такою ревностью, которая въ самомъ дѣлѣ нуждалась въ ограниченіи, тѣмъ болѣе, что собственная цѣль общества мало принималась въ соображеніе, а превратилась въ застольныя бесѣды, дорогія пирушки и даже въ денежныя операціи. Кто знакомъ съ духомъ этой націи, тотъ пойметъ, что такой оборотъ дѣла былъ неизбѣженъ. Здѣсь былъ случай подъ завлекательнымъ покрываломъ тайны убивать скучное время, удовлетворять своей любви къ блеску въ украшеніяхъ высокихъ и высшихъ степеней, а иной находилъ здѣсь средство пополнять недочеты въ своей кассѣ. Принятія новыхъ членовъ производились самымъ ревностнымъ образомъ, не принимая въ соображеніе ни выбора людей, ни какой-нибудь другой цѣли, кромѣ полученія взносовъ, объ употребленіи которыхъ мало было слышно. Подъ конецъ, особенно въ резиденціи, почти не было человѣка, не изъ совсѣмъ низшихъ классовъ, который бы не былъ масономъ.

„Но это распространеніе масонства, даже въ его крайнемъ несовершенствѣ, неоспоримо имѣло то выгодное вліяніе на гражданское общество, что оно сближало между собою сословія, полагало основанія большей обходительности,—которая не невыгодно отличала знатнаго русскаго, и, кажется, только въ наше время больше и больше теряется,—и вводило въ обращеніе правила, которыя, относительно нравственности и характера, конечно, не остались безъ благодѣтельнаго дѣйствія. Наконецъ, дѣло дошло до такой крайности, что императрица не одинъ разъ видѣла себя почти покинутой, и когда она спрашивала, гдѣ тотъ или другой, даже изъ обязанныхъ присутствовать лицъ, она получала въ отвѣтъ: „въ ложѣ“ [1]). Это побудило ее ограничить рус-

---

[1]) Это можетъ показаться преувеличеніемъ; но такой случай можетъ однако быть и вѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, сколько людей изъ приближенныхъ императрицы и вообще изъ тогдашней аристокра-

скія ложи и терпѣть только иностранныя. Между этими послѣдними было, какъ говорятъ, нѣсколько ложъ, которыя очень способны были доставить масонству самое высокое уваженіе и весьма благотворно дѣйствовали на нравственное образованіе своихъ членовъ; но нельзя также отвергать, что и здѣсь хорошее дѣло унижаемо было до совершенно бездѣльной и дорогой, хотя, впрочемъ, совсѣмъ невинной, забавы. Но одна петербургская ложа, какъ говорятъ, простерла свои денежныя операціи до того, что держала въ пограничныхъ городахъ своихъ коммисіонеровъ, которые должны были адресовать къ ней для принятія всякаго путешественника, если онъ еще не былъ масономъ. Персоналъ состоялъ большею частью изъ почтовыхъ чиновниковъ, которымъ это было, слѣдовательно, и не трудно [1]).

„Общество поднялось, однако, до такого блеска, какой только оно имѣло когда нибудь въ Англіи и Швеціи. Выстроенъ былъ особенный домъ (для собраній), совершенно по масонскому плану; существованіе ложъ было извѣстно всѣмъ; отъ ихъ имени основывались благотворительныя учрежденія; одинъ братъ, изъ духовенства, былъ даже погребенъ съ масонскими обрядами, и почтенный священникъ, память котораго еще пользуется въ Петербургѣ всеобщимъ уваженіемъ, совершилъ церемонію по масонскому обряду. И даже во время пребыванія въ Петербургѣ Густава III, шведскаго, ложи устраивали почти публичныя празднества, на которыхъ присутствовалъ король со многими лицами изъ своей свиты...“

Рейнбекъ въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ потомъ о закрытіи ложъ, упоминаетъ о намѣреніи имп. Павла I дать ордену открытое существованіе и полное развитіе,—намѣреніи, которое измѣнилось потомъ подъ вліяніемъ графа Литты и кончилось установленіемъ мальтійскаго ордена. Затѣмъ Рейнбекъ оканчиваетъ:

„Вы можете наконецъ думать о масонствѣ какъ хотите“, часто говорилъ мнѣ одинъ весьма почтенный человѣкъ, когда заходила объ этомъ рѣчь, „но я долженъ васъ увѣрить, что его нынѣшняя недѣятельность въ Россіи есть существенный и весьма чувствительный недостатокъ для взрослаго юноши,—я разумѣю масонство въ настоящемъ смыслѣ слова. И если любящіе отцы и почтенные друзья человѣчества

тіи были членами ордена, и даже крайне ревностными. Къ нему принадлежали, напримѣръ: Никита и Петръ Ив. Панины, Чернышевы, Н. В. и П. И. Репнины, Елагинъ, Строгановъ, Воронцовъ, Мелиссино, Мусинъ-Пушкинъ, Бибиковъ, Брюсъ, Ю. В. Долгорукій, Грейгъ, Куракинъ, Гагаринъ, Храповицкій и т. д., и т. д. Это показаніе Рейнбека объясняетъ, почему Державинъ въ восхваленіи Фелицы могъ поставить стихъ:

Не ходишь съ трона на Востокъ....

т. е. не отправляешься въ масонскія ложи. [Прим. А. Н. Пыпина].

[1]) Въ почтовомъ вѣдомствѣ масонство и мистицизмъ дѣйствительно имѣли почему-то много своихъ представителей: это продолжалось и впослѣдствіи (Ключаревъ, кн. А. Н. Голицынъ, Руничъ и т. д.). Гоголь подмѣтилъ эту черту, когда изобрѣталъ своего мистика-почтмейстера [Прим. А. Н. Пыпина].

вводятъ добронравныхъ сыновей въ союзъ въ дружескомъ кругу; то имъ все-таки недостаетъ живительнаго созерцанія (Anschauung), которое такъ необходимо истинному масону. Да̀, я долженъ вамъ откровенно признаться, я очень склоненъ объяснять этимъ то отсутствіе правилъ при успѣхахъ умственнаго образованія, отсутствіе правилъ, которое составляетъ такую рѣзкую и общую черту въ высшихъ и низшихъ классахъ въ Россіи; нѣтъ другого средства, которое бы могло больше дѣйствовать на внутреннее развитіе, и такое учрежденіе, какъ масонство, именно въ подобномъ государствѣ можетъ сдѣлать въ особенности много; различные образованные классы общества уже не имѣютъ теперь никакого центра соединенія и остаются другъ другу чужды. Что государству недостаетъ масонства, это обнаруживается для внимательнаго наблюдателя вездѣ въ тѣхъ вещахъ, гдѣ имѣются въ виду общеполезныя и благотворительныя цѣли и гдѣ эти цѣли не достигаются отъ холодности, корыстолюбія и невнимательности тѣхъ, кому должно быть поручено ихъ исполненіе“ [1]).

А. Н. Пыпинъ предполагалъ включить извѣстія Рейнбека въ свою книгу, но не успѣлъ найти имъ опредѣленнаго мѣста (надписавъ лишь общее указаніе: „Помѣстить въ концѣ времени Екатерины“).

Стр. 110, прим. 2. Упоминанія о л. Кліо въ протоколахъ л. Ураніи подъ 1774 и 1775 г. Ркп. гр. Уварова, № 243.

Стр. 118: 7. Врядъ ли можно согласиться съ утвержденіемъ А. Н. Пыпина, что названіе мартинистовъ прилагалось къ Новикову и его друзьямъ неправильно. Утвержденіе А. Н. основано на одномъ изъ писемъ кн. Н. Н. Трубецкого 1783 г. (см. стр. 217), смыслъ котораго не безспоренъ, М. М. Херасковъ также рѣшительно отрекался отъ обвиненія въ „Мартинизмѣ“ и связяхъ съ „мартинистами“ (Соч. Державина, изд. Грота, V, 780), но съ тѣми, кого онъ въ данномъ случаѣ называетъ „мартинистами“—т. е. съ кружкомъ Новикова—онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ. Переведенная другомъ Новикова, П. И. Страховымъ, книга Сенъ-Мартена была въ этомъ переводѣ напечатана московскимъ масонскимъ кружкомъ (1785 г.). Послѣ запрещенія книги указомъ отъ 27 марта 1786 г., Новиковъ тѣмъ не менѣе пустилъ въ продажу уцѣлѣвшіе отъ ареста экземпляры (Лонгиновъ, 264—265). Идеи Сенъ-Мартена о власти и обществѣ лежали въ основѣ міровоззрѣнія новиковскаго кружка (см. предисловіе Я. Л. Баркова къ изданной имъ „Перепискѣ московскихъ масоновъ“, XXIV—XXV).

Стр. 118 : 26. Воспоминанія Фишера написаны въ 1806 г. Фишеръ, по словамъ А. Н. Пыпина (Вѣстн. Евр. 1868, кн. 6, стр. 582), „повидимому былъ, во времена Екатерины, близкимъ свидѣтелемъ русскаго масонскаго движенія и говоритъ о русскихъ „мы“, хотя былъ прусскимъ гофратомъ. Фишеръ оставилъ не лишенныя интереса указанія по поводу екатерининскаго масонства“ [2]).

---

[1]) Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg über Moskwa etc. nach Deutschland im Jahre 1805. In Briefen von G, Reinbeck. Leipz. 1806, II, 170—184. [А. Н. П.].

[2]) А. Н. Пыпинъ предполагалъ включить въ текстъ нижеслѣдую-

„Если вы,—говоритъ Фишеръ,—примете въ соображенiе форму нашего правленiя, свойства нашихъ знатныхъ людей, которые отчасти состоятъ изъ иностранцевъ, отчасти, посредствомъ путешествiй, знакомы съ Европой лучше, чѣмъ съ своей родиной, если вы примете въ соображенiе богатство этихъ знатныхъ людей, недостатокъ у нихъ самостоятельнаго образованiя, ихъ наклонность, за отсутствiемъ основательныхъ свѣдѣнiй, подчиняться авторитету, производящему на нихъ впечатлѣнiе, то вы до нѣкоторой степени сами можете представить себѣ исторiю масонства въ Россiи (не русскаго масонства). Вы догадаетесь также, что у насъ не было ничего собственнаго, что чужое пришло къ намъ случайно и черезъ влiятельныхъ людей, которые умѣли окружить себя нимбомъ, но что оно было здѣсь приведено въ дѣйствiе съ блескомъ и великолѣпiемъ и съ рѣдкими самопожертвованiями [1]).

„Въ самомъ дѣлѣ, когда масонство дозволено было въ Россiи правительствомъ, здѣсь существовали всевозможныя системы, какiя только были тогда въ ходу, и системы, изобрѣтенныя въ новѣйшее время, также нашли бы доступъ на русскую почву, если бы пограничный шлагбаумъ не заперъ имъ дороги. Но, въ особенности господствовала видоизмѣненная французская рыцарская система, которая обыкновенно носитъ имя Клермонтскаго капитула, и откуда, кажется, проистекли всѣ новѣйшiя системы черезъ посредство высшихъ степеней. Вѣтвь ея, извѣстная въ Германiи подъ именемъ цинндорфскаго масонства, также пришла въ Россiю, и циннендорфскiя ложи существовали какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Ригѣ и Дерптѣ. Тамплiерская система, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ Германiи подъ именемъ „Строгаго Наблюденiя", также нашла себѣ друзей; мнѣ, однако, неизвѣстно, существовали ли въ собственной Россiи чистыя ложи этой системы (потому что обойтись вполнѣ безъ тамплiерства не могла ни одна система); относительно Курляндiи это извѣстно [2]).

„Во главѣ значительныхъ ложъ всегда стояли въ качествѣ великихъ мастеровъ знатные и богатые люди, какъ напр. Елагинъ, графъ Панинъ, князь Трубецкой въ Москвѣ, генералъ-лейтенантъ Мелиссино въ Петербургѣ. Многiе изъ этихъ вельможъ основали множество ложъ, устраивали ихъ на свой счетъ и управляли ими въ качествѣ мастеровъ въ различныхъ мѣстахъ своего пребыванiя. Братья вездѣ съ великимъ благоговѣнiемъ принимали то, что сообщалось имъ какъ священная тайна и раздавалось при импонирующей и чрезвычайно великолѣпной обстановкѣ. Всякiй строго держался той партiи, къ которой разъ присталъ,

щiя слова Фишера, вмѣстѣ съ цитатами изъ книги Рейнбека. См. прим. къ стр. 110: 20, выше, стр. 539.

[1]) Фишеръ разумѣлъ подъ этимъ послѣднимъ, конечно, дѣятельность новиковскаго кружка,—а подъ блескомъ и великолѣпiемъ вообще роскошныя затѣи знатныхъ людей, тратившихъ на масонство и на устройство ложъ большiя деньги. [Прим. А. Н. Пыпина].

[2]) Т. е. извѣстно, что тамъ были чистыя ложи тамплiерской системы, въ которой Курляндiя составляла особую префектуру подъ именемъ Темпельбурга [А. Н. П.].

и защищалъ ее отъ всякихъ чужихъ нападеній, просто полагаясь на авторитетъ того, что слышалъ и видѣлъ“ [1]).

Стр. 119 : 21. Рейхель родился, вѣроятно, въ 1729 г., какъ можно судить по написанной его почеркомъ замѣткѣ на поляхъ одной изъ собранныхъ Елагинымъ рукописей мистическаго содержанія (Cabala Mystica Naturae, см. стр. 149): „Gegeben an meinem Geburtstage d. 14 Nov. 1729. Dem Abschreiber communicirt d. 3 May 1763 in Berlin. Und von ihm zu abschreiben gegeben an Iw. Iel[agin]“. (Гос. Арх. VIII, 216, XVIII, стр. XXXVI). Годъ смерти Рейхеля установленъ Я. Л. Барсковымъ, какъ 1791 (Переписка моск. мас., стр. XV, прим. 47).

Стр. 121: 30. Ложа Латоны основана, собственно, въ 1775 г. О роли Новикова въ ней см. указаніе А. Я. Ильина, В. И. Савва, Изъ дневн. мас., 15. См. Friedrichs, 40—41.

Стр. 121: 32. Ложа Немезиды основана, можетъ быть, въ 1775 г. Указаніе на участіе въ ней Чаадаева сомнительно. Въ спискѣ членовъ 1776 г. имени Чаадаева нѣтъ. А. Я. Ильинъ называетъ ее ложей Храповицкаго. Русск. Стар. 1890, № 1, В. И. Савва, 15, Friedrichs, 41.

Стр. 122: 15. Ложа кн. Н. Н. Трубецкаго, вѣроятно—Озирисъ.

Стр. 122: 17. Ложа И. А. Артемьева—Гарпократъ (см. Friedrichs, 40).

Стр. 122: 34. Догадка А. Н. Пыпина (о томъ, что эта ложа Дубянскаго—Астрея) мало вѣроятна. Астрею Новиковъ разумѣлъ подъ ложей Дубянскаго въ числѣ Елагинскихъ ложъ (Сб. Р. И. О., II, 145); здѣсь же, въ числѣ Рейхелевыхъ ложъ (Сб. Р. И. О. II, 147), онъ, вѣроятно, говоритъ о ложѣ Немезиды (Ср. Friedrichs, 41; А. В. Семека, Масонство, I, 145).

Стр. 123 : 14. Подъ провинціальнымъ великимъ мастеромъ Бёберъ, конечно, разумѣетъ И. П. Елагина. См. Handb., III, 613.

Стр. 123, прим. 1. О Л. В. Тредьяковскомъ см. также соч. Державина, изд. Грота (по указателю) и дневникъ А. Я. Ильина (Публ. Библ., собр. Михайловскаго, О. 87 и 88).

Стр. 131, прим. 2. Росписи ложъ, помѣщенныя на стр. 145 и 146 статьи А. В. Семеки, основаны преимущественно на свѣдѣніяхъ Friedrichs'a; въ росписяхъ перечислены ложи, присоединившіяся къ „шведско-берлинскому“ масонству—союзу Елагина и Рейхеля. Свѣдѣнія

---

[1]) „Die Maurerei im Orient von Russland unter der Regierung der Kaiserin Katharina II“, въ Zeitschr. für Freimaurerei, Altenburg, 1823, I, 4—6. Фишеръ вначалѣ извиняется въ скудости сообщаемыхъ свѣдѣній, какія остались у него въ памяти, но замѣчаетъ, что быть можетъ больше удовлетворилъ бы ожиданіямъ любопытствующихъ друзей, если бы къ нему обратились лѣтъ пятнадцать или восемнадцать тому назадъ (писано въ 1806 г.), когда онъ зналъ много масонскихъ дѣлъ и имѣлъ случай видѣть, что было за занавѣсомъ—„wenn wir unsere Bekanntschaft etwa vor funfzehn oder achtzehn und mehreren Jahren gemacht hätten, wo ich allerdings in so mancherlei. Dingen verflochten war und ganz ungesucht, zuweilen Gelegenheit erhielt hinter den Vorhang zu schauen“ (S. 2.) [А. Н. П.].

о ложахъ Таліи и Равенства дополняются дневникомъ А. Я. Ильина (см. отрывки, напечатанные В. И. Саввой). Въ 1775 г. ложа Талія работаетъ въ Москвѣ подъ управленіемъ Вердеревскаго. Ложа Равенства въ 1775 г. переносится изъ Москвы въ Петербургъ. Мастеръ стула въ ней—кн. Г. П. Гагаринъ. См. „Хронол. указатель русскихъ ложъ“ въ прил. III.

Стр. 133 : 25. О соединеніи елагинскихъ и рейхелевыхъ ложъ Friedrichs 36—38; А. В. Семека, Масонство, I, 144—145.

Стр. 133 : 29. О томъ, что намѣстнымъ великимъ мастеромъ былъ именно гр. Никита И. Панинъ, см. В. И. Савва, 14.

Стр. 145, прим. 2. „Майоръ Оболдуевъ“, вѣроятно, псевдонимъ. Книгу переводилъ, кажется, В. Елагинъ. Ср. Острогдазовъ № 141.

Стр. 148 : 2. „Исторія микрокосма“ Флодда въ ркп. Публ. Библ. F. III. 18 (подарена въ Библіотеку въ 1856 г. гр. М. Ю. Віельгорскимъ).

Стр. 149 : 33. Переводъ В. Гучинсона, напечатанный въ 1783 г. въ московской тайной масонской типографіи, носитъ названіе „Духъ Масонства“, а не „масонскій“. Печатный переводъ исполненъ съ нѣмецкаго изданія, тогда какъ отрывки, находящіеся въ бумагахъ Елагина, переведены, повидимому, прямо съ англійскаго подлинника.

Стр. 154 : 14. Годъ 1777 выставленъ въ запискѣ Бёбера, вѣроятно по ошибкѣ. вмѣсто 1776.

Стр. 158, прим. 2. Отрывки изъ инструкціи Вибелю см. въ прил. I. Въ „Каталогѣ масонскихъ рукописей Румянцевскаго Музея“. М. 1900, инструкція Вибелю не значится.

Стр. 158, прим. 3. Инструкція директоріи полностью помѣщена въ прил. I.

Стр. 162 : 4. Ложа Нептуна, въ дѣйствительности, основана была въ 1779 г. См. „Хронол. указатель“ (прил. III) и „Море“ 1907, № 8.

Стр. 165 : 6. О назначеніи герц. Зюдерманландскаго викаріемъ седьмой и девятой провинцій см. Handbuch, III, 109.

Стр. 168 : 4 слл. Письмо кн. Н. Н. Трубецкого къ А. А. Ржевскому въ исправленномъ чтеніи и съ новой датировкой Я. Л. Барскова (Переписка московскихъ масоновъ, стр. 238).

Стр. 168, прим. 2. См. Я. Л. Барсковъ, Переписка, стр. 244.

Стр. 168, прим. 3. См. Я. Л. Барсковъ, стр. 240.

Стр. 169, прим. 1. Ср. прил. I.

Стр. 171 : 30. Новѣйшая библіографія Новикова дана П. К. Симони въ приложеніи къ изданію соч. М. Н. Лонгинова, т. I, М. 1915, стр. 582—586.

Стр. 173 : 6 (отъ словъ „Историки нашей литературы“ вплоть до **стр. 182 : 17** (кончая словами „взялъ на себя иниціативу дѣла“),—все это мѣсто первоначально назначалось А. Н. Пыпинымъ для X главы („Розенкрейцерство“); но затѣмъ несоотвѣтствіе этого этюда о личности Новикова съ содержаніемъ X главы заставило А. Н. измѣнить свое намѣреніе, и на соотвѣтствующихъ листахъ текста онъ сдѣлалъ помѣту: „надо перенести въ гл. VIII“. Эта помѣта и принята во вниманіе. При переносѣ пришлось лишь опустить нѣкоторыя фразы, мѣшавшія связи указанныхъ страницъ съ VIII главой.

Стр. 193 : 6—10. Слова А. Н. Пыпина написаны въ 1870 г. Собраніе сочиненій Лессинга (впрочемъ неполное) въ русскомъ переводѣ появилось въ 1882—1883 г.г.

Стр. 217, прим. 3. Я. Л. Барсковъ, Переписка моск. мас., 253.

Стр. 240 : 33. О томъ, что Хрисофиронъ масонское имя Гёрунга (I. F. Goehrung) см. Wolfstieg № 42513.

Стр. 241, прим. 2. Книга „Шестидневныхъ дѣлъ" и пр. (Москва, цит. И. Лопухина, 1783) находится въ Публ. Библ. № 330/128. См. Острогназовъ, № 151. Рукописная копія печатнаго изд. ркп. отд. Публ. Библ. О. III. 111.

Стр. 242 : 14. „Платоново Кольцо" (Annulus Platonis) соч. I. A. Kirchweger'a (см. H. Kopp, Die Alchemie, Heidelb. 1886, II, 209 сл. и Я. Л. Барсковъ, 309—310).

Стр. 255 : 1. Второе изданіе писемъ С. И. Гамалѣи, въ 3 частяхъ, М. 1836—1839. Письма относятся къ 1790—1812 годамъ (датировка нѣкоторыхъ писемъ въ ркп. № 259 и 286 собранія Бекетова, Моск. Историч. Музей).

Стр. 255 : 1. Письма Новикова къ Карамзину относятся, вѣроятно, къ 1815 г. Письма эти перепечатаны въ „Сборникѣ студ. И. Спб. Университета" вып. I, стр. 330—332 и въ книгѣ А. Старчевскаго „Карамзинъ". Спб. 1849, стр. 213—217.

Стр. 262 : 13. Вся остальная часть книги въ черновомъ текстѣ А. Н. Пыпина составляла одну главу (XI). Редакторъ рѣшился ввести дальнѣйшее раздѣленіе на главы (XI, XII, XIII и XIV) и придать имъ новыя наименованія въ виду явной незаконченности плана А. Н. Пыпина. При этомъ принято во вниманіе то сложное заглавіе, которое было намѣчено А. Н. для всей этой части книги („Взгляды Екатерины II на масоновъ и Новикова. Ея литературная борьба съ ними. Брошюры и комедіи, полемика въ иностранной литературѣ и пр. Положеніе масонскаго кружка въ русскомъ обществѣ. Преслѣдованія").

Стр. 268 : 10. „О бабѣ-Ягѣ", въ подл. „О бабѣ егѣ".

Стр. 270 : 30. Въ „Вѣстникѣ Европы" (1867 г. т. IV, отд. II, стр. 48, прим. 1) А. Н. Пыпинъ привелъ заключеніе—общій выводъ—статьи Энциклопедіи. „Il suit de ce qui précede que les Théosophes ont été des hommes d'une imagination ardente, qu'ils ont corrompu la Théologie, obscurci la Philosophie, et abusé de leurs connoissances chimiques, et qu'il est difficile de prononcer s'ils ont plus nui que servi au progrès des connoissances humaines.

„Il y a encore quelques Théosophes parmi nous: ce sont des gens à demi instruits, entêtés de rapporter aux saintes Ecritures toute l'erudition ancienne et toute la philosophie nouvelle, qui déshonorent la révélation par la stupide jalousie avec laquelle ils défendent ses droits, qui retrécissent autant qu'il est en eux l'empire de la raison, dont ils nous interdisoient volontiers l'usage, qui sont toujours tout prêts à attacher l'épithete d'hérésie à tout hypothese nonvelle, qui réduiroient volontiers toute connoissance à celle de la religion, et toute lecture aux livres de l'ancien et du nouveau Testament, où ils voient tout ce qui n'y est pas et rien de ce qui y est, qui ont priseen aversion la Philosophie et les Philosophes, et qui reussiroient.

à éteindre parmi nous l'esprit de decouvertes et de recherches, et nous réplonger dans la barbarie, si le gouvernement les appuioit, comme ils le demandent (Encyclop. XVI, 261).

Стр. 271, прим. 2. Ср. также Ed. Bodemann, Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II von Russland und Ioh. Georg. Zimmermann. Hannover und Leipzig. 1906.

Стр. 285 : 2—4 и прим. 1 : 8—10. Черновой набросокъ письма имп. Екатерины II къ Ш. ф.-д. Реке отъ 4 іюня 1788 г. въ Сб. Р. И. О., XXVII, стр. 495.

Стр. 292, прим. 1. Говоря здѣсь о Штаркѣ, А. Н. Пыпинъ, въ качествѣ матеріала, приводитъ еще слѣдующую выдержку изъ книги: „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, Спб. 1862, стр. 35: „Заботливость цензуры (при Николаѣ I), чтобъ не подать посредствомъ журнальныхъ статей причины къ какому-нибудь неудовольствію за границей, простиралась до того, что невыгодный отзывъ о пасторѣ Штаркѣ, придворномъ проповѣдникѣ одного германскаго герцога (т. е. герцога Дармштадтскаго), помѣщенный въ малоизвѣстной остзейской газетѣ, былъ признанъ неумѣстнымъ“.

Стр. 308, прим. 2. На основаніи изслѣдованія Ешевскаго, письмо кн. Н. Н. Трубецкого А. А. Ржевскому отнесено было А. Н. Пыпинымъ къ 1789 г.; намъ представляются, однако, вполнѣ убѣдительными доводы Я. Л. Баркова (Письма московскихъ масоновъ, стр. 318), принимающаго дату 1784 г.

Стр. 313, прим 1. Въ „Чтеніяхъ“ О. И. и Др. Записки И. В. Лопухина напечатаны по копіи московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Въ томъ же 1860 г. „записки“ были изданы А. И. Герценомъ въ Лондонѣ. Кромѣ того, по копіи В. А. Жуковскаго, онѣ напечатаны были въ Русскомъ Архивѣ, 1884, I, стр. 1—154 (и вторично въ 1914 г.).

Приложеніе I. Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы за 1872 г.: главы I—II въ январьской книжкѣ, стр. 174—214; главы III—IV — въ февральской, стр. 561—603; главы V—VIII — въ іюльской, стр. 244—288. Позднѣе, Матеріалы вышли отдѣльнымъ изданіемъ (на правахъ рукописи, „als Manuscript Gedruckt“) въ нѣмецкомъ переводѣ: Quellen und Beitrage zur Geschichte der Freimaurerlogen Russlands. Autorisirte deutsche Uebersetzung mit nur wenigen und unwesentlichen Licenzen. Russisch von A. N. Pypin. Riga 1896. Въ этомъ изданіи V глава разбита на двѣ (такъ что всего не 8, а 9 главъ); кромѣ того, добавлены нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія изъ Хронологическаго Указателя А. Н. Пыпина.

„Матеріалы“ перепечатываются изъ „Вѣстника Европы“ почти безъ всякихъ измѣненій [1]), лишь съ редакціонными поправками. Серьезныя, отчасти неразрѣшимыя затрудненія представила нумерація документовъ Румянцевскаго Музея въ ссылкахъ А. Н. Пыпина. Документы Музея въ настоящее время разложены и перенумерованы по другой системѣ.

---

[1]) Незначительныя перемѣны оговорены въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ страницамъ.

сравнительно съ записями А. Н. Пыпина. Часть документовъ могла быть установлена de visu или по каталогу; другіе отыскать не удалось. Въ этихъ случаяхъ вполнѣ, впрочемъ, можно положиться на чрезвычайно точныя копіи и выписки А. Н. Нумерація же его при этомъ опущена, какъ не имѣющая значенія въ настоящее время.

Стр. 339 : 24. А. Н. Пыпинымъ былъ здѣсь еще упомянутъ „Комментарій о разныхъ орденскихъ истинахъ для употребленія достойныхъ братьевъ [ордена] директоровъ Офиронской оберъ-гауптъ-директоріи 1781-го“ (ср. Пекарскій, Дополн., стр. 67—69), но этого документа нѣтъ ни подъ № 2168, ни подъ № 2169.—Документы, касающіеся Вильгельмсбадскаго конвента 1782 г. (которыхъ также нѣтъ въ Румянцевскомъ Музеѣ подъ указанными номерами), не представляютъ особой рѣдкости. См., напр., „Каталогъ масонскихъ рукописей Румянцевскаго Музея“, № 6 (837), Ркп. Отд. Публ. Библ. О. III. №№ 50, 134, 148.

Стр. 341 : 30. Письма Коловіона къ начальнику провѣрены по рукописи № 1954.

Стр. 352, прим. 3. Еліомасъ несомнѣнно означаетъ С. И. Гамалѣю. Въ этомъ убѣждаетъ сопоставленіе показаній Новикова съ письмомъ кн. Н. Н. Трубецкого И. П. Тургеневу, напечатаннымъ у Я. Л. Барскова (Переписка, стр. 275). Трубецкой пишетъ: „членами въ оной [Директоріи] суть: я, Репертусъ, Коловіонъ, Еліомасъ, Филусъ, Вегетусъ и Велоксъ или Сацердосъ, какъ высшіе опредѣлятъ“. Въ показаніяхъ Новикова читаемъ (Сб. Р. И. О., II, 149): „Члены Берлинскаго масонства въ Москвѣ, которые управляли всѣмъ симъ заведеніемъ и по масонству и по типографической компаніи: 1) Баронъ Шредеръ [Sacerdos], 2) А. М. Кутузовъ [Velox], 3) Кн. Н. Н. Трубецкой [Porrectus], 4) я [т. е. Новиковъ, Colovion], 5) Кн. Ю. Н. Трубецкой [по совершенно правильной догадкѣ Я. Л. Барскова — Repertus], 6) И. В. Лопухинъ [Philus], 7) И. П. Тургеневъ [Vegetus], 8) С. И. Гамалѣя. Такъ какъ всѣ остальныя имена совпадаютъ, остается Eliomas = С. И. Гамалѣя. Кромѣ того, въ письмѣ Коловіона говорится, что Еліомасъ взялъ петитъ подъ № 3, т. е. у Андрея Веревкина, а показанія Новикова (Сб. Р. И. О., II, 149) свидѣтельствуютъ, что о Могилевской ложѣ А. И. Веревкина „вѣдаетъ“ С. И. Гамалѣя.

Стр. 359 : 27. Слѣдующія свѣдѣнія о Н. А. Краевичѣ приписаны къ рукописи его поученій, находящейся въ Рум. Муз. подъ № 2098, 8⁰. „Николай Александровичъ Краевичъ родился 1756 года, скончался въ Москвѣ 24 іюня 1790 года, погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ“.

Стр. 361 : 33. Письма Краевича написаны къ И. В. Лопухину (Рум. Муз. № 2098, 8⁰). И. В. Лопухинъ издалъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Краевича (безъ обозначенія мѣста и года изданія) его сочиненія подъ названіемъ „Лучъ Благодати или писанія Н. А. К.“.

Стр. 362 : 2. Бесѣды записаны „знаменитымъ актеромъ Ив. Акин. [sic] Дмитревскимъ“ (Рум. Муз. № 2098, 8⁰).

Стр. 366 : 3. О П. С. Лихонинѣ говорится часто въ перепискѣ московскихъ масоновъ начала XIX вѣка. Нѣкоторыя письма Поздѣева къ

П. С. Лихонину сохранились. Возможно, что и это письмо Поздѣева писано именно къ Лихонину.

Стр. 370 : 22. О Лѣнивцевыхъ Александрѣ Александровичѣ и Михаилѣ Александровичѣ говоритъ І. А. Поздѣевъ въ письмѣ къ гр. М. Ю. Віельгорскому отъ 10 генваря 1814 г. (Рум. Муз. № 1960).

Стр. 396 : 24. О ложѣ Месанса см. прил. III подъ 1811 г. № 132 и ниже прим. къ этому номеру.

Стр. 462—472 (глава VII). По собственноручной копіи А. Н. Пыпина возстановляемъ строки воспоминаній Г. С. Батенькова, не введенныя А. Н. Пыпинымъ въ текстъ Матеріаловъ.

Стр. 464 (§ III). Къ словамъ „Риторическія иносказанія... и фразы должны быть... ясно поняты" Батеньковъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Восточная литература обильна по этому предмету данными. Въ Библіи много уже первоначальной и окончательной обработки".

Стр. 465 (§ IV). Послѣ перваго отдѣла этого § („третью степень... воображеніе"): „Доходить до первыхъ впечатлѣній (получаемыхъ чрезъ слово и чувства, имѣющихъ свои начертанія внутри человѣка, подобно хиромантическимъ на ладони. Связь этихъ двухъ естественныхъ примѣтъ души и тѣла давно потеряна и составляетъ перерывъ въ знаніи, такъ что и важнѣйшее понятіе воплощенія духа остается искомымъ) обязаны обозрѣвать въ себѣ эти впечатлѣнія, дать имъ и всѣмъ образамъ и начертаніямъ мысли движеніе и сближеніе. Такъ, напримѣръ, стремятся къ остающимся неполными отъ перваго впечатлѣнія умопредставленій года и горизонта, точки и линіи, вещества и слова, угла и круга. Проглядывая за эти первыя впечатлѣнія въ отрицательную или положительную сторону, могутъ составить новую функцію мышленія и избрать для него новую точку отправленія. Это упражненіе ведетъ къ образованію въ воображеніи цѣлостей и даетъ точное изъясненіе многимъ метафорамъ, понимаемымъ уже, какъ конкреты" [1]).

Стр. 465 (§ IV). Послѣ четвертаго отдѣла („Столовыя ложи ..... часто ипотетическія"): „Ипотезы, парадоксы, софизмы, сочетаніе словъ, не связующихся въ логическое „предложеніе", сарказмы и проч. Все это принимается, какъ неизвѣстные, неопредѣленные, ирраціональные, мнимые въ математикѣ, и могутъ, какъ примѣты, приводить къ результатамъ чрезъ сочетаніе съ извѣстными, обращаясь въ функцію простую или транцентальную [sic]. Большая задача переступить черезъ впечатлѣніе, произведенное словомъ смерть".

Стр. 467 (§ V). Къ словамъ, поставленнымъ въ скобки („Всѣмъ принадлежитъ только открытіе законовъ и разумѣніе факта"), Г. С. Батень-

---

[1]) „Немаловажную обязанность составляетъ методъ просодіи, къ произнесенію словъ съ подлежащею оттѣнкою, по требованію мысли. У насъ остался примѣръ отъ герцога Георгія Ольденбургскаго, произнесшаго путей сообщенія. Два родительныхъ подведены въ значеніе несклоняемаго имянительнаго.

„Для достиженія яснаго понятія требуется, чтобы умъ въ моментъ проявленія былъ въ уровень съ наблюдаемымъ первымъ впечатлѣніемъ". [Примѣч. Г. С. Батенькова].

ковымъ сдѣлано примѣчаніе: „Любопытно это сличить съ мыслями Бокля".

Стр. 468 (§ VI[2]). „...пока не обратился внутрь самаго себя. Тогда (я) воспользовался...". Въ текстѣ было сначала написано: „...пока не обратился внутрь самаго себя и не воспользовался..." . Потомъ вмѣсто „и" поставлено „тогда", но остальная фраза не исправлена [примѣч. А. Н. Пыпина].

Стр. 468 (§ VII). Послѣ приведенныхъ словъ („Полагаю ... масонства") въ рукописи стоитъ: „въ заключеніе представляю, сколько сохранились въ памяти, строфы стихотворенія, формулирующаго нѣчто по этому предмету. Такъ говоритъ ожидаемый мастеръ:

Любуйтесь бѣгомъ колесницы
Несущей съ Іордана васъ,
Призвавшіе дѣтей вдовицы [1])
Въ опасный Амалика часъ;
Снявъ поясъ страха силъ усменый [2]),
Верблюжьихъ власъ степныя стѣны [3])
И съ дланей прокаженья видъ [4]),
Взнеся главу надъ вѣсомъ стана,
Смѣните блюдомъ Іоанна
Его медъ дикій и акридъ [5])
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ.
Послѣднимъ не назначенъ быть,
Какъ стражъ и первенецъ въ святынѣ,
Онъ могъ потопъ чрезъ громъ [6]) проплыть.
Его лишь мать отъ Аарона,
Чреды крылатой Авирона
Нѣмый Захарія былъ жрецъ.
Его любовь—пожаръ въ темницѣ,
Его надежда—млатъ въ десницѣ,
Его учитель—Богъ отецъ.

* *

---

[1]) Убитый и ожидаемый, совершенные мастера считаются дѣтьми вдовы. Это приписывается всѣмъ, призываемымъ въ крайности на помощь братьямъ [Прим. Г. С. Батенькова].

[2]) Масоны въ работахъ опоясываются кожанымъ фартукомъ [Г. С. Б.].

[3]) Это разумѣютъ власяницы, вышедшія уже изъ употребленія и неизвѣстно почему замѣненныя голубою окраской стѣнъ и прочаго [Г. С. Б].

[4]) Намекъ на бѣлыя лайковыя перчатки, въ которыхъ производятся работы [Г. С. Б.].

[5]) Іоаннъ Креститель считается покровителемъ и потому отправляется общій праздникъ 24-го іюня. Это имя можно принимать за символъ связи древняго міра съ новымъ [Г. С. Б.].

[6]) Это примѣръ задачи для соображенія и разработки не сводныхъ

Въ обращенiи къ христiанамъ:

Вотъ жертвы въ тайнѣ заколенье,
Вотъ на престолѣ возношенье,
Безъ крылъ, въ звѣздѣ снятой съ креста.
Вотъ рати плѣнъ предъ причащеньемъ,
Гдѣ связь мольбы съ благодареньемъ,
Въ завѣсѣ новыхъ тайнъ черта".

— Крайне любопытныя записки и письма Г. С. Батенькова напечатаны М. О. Гершензономъ во II томѣ изданія „Русскіе Пропилеи", М. 1916.

Стр. 469: 8 **слл.** Свѣдѣнія о томской ложѣ Восточнаго Свѣтила находятся также въ бумагахъ кн. М. П. Баратаева, Гос. Арх. I—В, № 482.

Стр. 472—481 (Глава VIII). Постановленіе, принятое Московскими масонами въ 1827 г. въ связи съ закрытіемъ масонскихъ ложъ, вѣроятно, относится къ тому же кругу масоновъ, который въ 1828—1829 г.г. устраивалъ теоретическія собранія. См. Прил. III и ниже примѣч. подъ 1828 г. (№ 187).

Приложеніе II. Статья „Homunculus" была напечатана въ сборникѣ „Починъ", М. 1896, съ помѣтой А. Н. Пыпина „Октябрь 1895". Указаніе статьи на масонскія рукописи Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея опущено, такъ какъ объ этомъ говорится въ „Матеріалахъ" (прил. I). Въ остальномъ статья перепечатывается безъ измѣненій; дополнена лишь библіографія.—Рецепты Homunculus'а см. также въ рук. Общ. Люб. Др. Письм. F. 307^1 и 307^6,—въ бумагахъ VII степени розенкрейцерства (ср. А. В. Семека, Масонство. I, 167—168).

Приложеніе III. „Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его (1731—1822)" былъ напечатанъ отдѣльной брошюрой, Спб. 1873. 8⁰. Стр. 43+2 ненумер. (99 экземпляровъ). На обложкѣ значилось: „Изданіе въ видѣ рукописи, для дополненій и поправокъ". Указателю было предпослано слѣдующее введеніе, помѣченное мартомъ 1873 г. [Цензурное разрѣшеніе—22 апрѣля].

„Предлагаемый указатель составленъ по рукописнымъ и печатнымъ даннымъ, какія были мнѣ до сихъ поръ доступны. Указатель принадлежитъ къ приготовляемому мной изслѣдованію о русскомъ масонствѣ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, и издается теперь съ цѣлью вызвать дополненія и поправки, которыя могли-бы сообщить этому списку русскихъ ложъ большую точность и полноту. Такія дополненія и поправки я просилъ бы доставлять на мое имя въ редакцію журнала „Вѣстникъ Европы", Галерная, 20.

Главнѣйшимъ матеріаломъ, послужившимъ для составленія указателя, были:

понятій и терминовъ. Оттого часто масонскіе стихи рѣшительно непонятны. Такъ, напримѣръ, два стиха изъ апострофа выше приведеннаго:

Вотъ знаки клятвы, безъ признанья
На выѣ, рамѣ и ребрѣ.

[Г. С. Б.].

— Масонскій рукописный архивъ, принадлежавшій С. С. Ланскому, въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

— Собраніе масонскихъ рукописей, въ Публичной Библіотекѣ.

— Собраніе масонскихъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, принадлежавшее гр. М. Ю. Віельгорскому, въ Публичной Библіотекѣ.

— Ешевскій, Сочиненія. М. 1870. Ч. III.

— Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867.

— Пекарскій, Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія. Спб. 1869.

— Лѣтописи русской литературы и древности. Т. V. М. 1863.

— Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. II. Спб. 1868.

— Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1872, янв., февр. и іюль.

— Acta Latomorum, ou Chronologie de l'histoire de la Franche-Maçonnerie française et étrangère, etc. 2 voll. Paris, 1815.

— Gädicke, Freimaurer-Lexicon. Berlin, 1818.

— Kloss, Bibliographie der Freimaurerei. Frankfurt a. M. 1844.

— Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. Zweite völlig umgearbeitete Auflage von Lenning's Encyclopädie der Freimaurerei. Leipzig, 1863—1867. 3 Bde.

Другіе источники указаны въ самомъ текстѣ“.

Сообразно со своимъ назначеніемъ—служить „для дополненій и поправокъ“, экземпляръ Указателя былъ А. Н. Пыпинымъ переплетенъ съ вставкой бѣлыхъ листовъ между печатными, и на бѣлые листы А. Н. Пыпинымъ вносились дополненія. Въ частности, въ списокъ источниковъ, послѣ „Матеріаловъ для исторіи масонскихъ ложъ“ намѣчена была слѣдующая вставка: „Записка сенатора Е. Андр. Кушелева, представленная импер. Александру I въ 1821 г., въ „Русской Старинѣ“, 1877, т. XVIII, стр: 455—479, 641—664. Кушелевъ былъ приверженецъ старой масонской системы, и его записка, вѣроятно, не осталась безъ вліянія на запрещеніе ложъ, внушая императору недовѣріе къ нимъ. Въ печатномъ изданіи есть неисправности“.

Всѣ дополненія и поправки А. Н. Пыпина приняты во вниманіе при настоящемъ изданіи Указателя. [Дополненія, внесенныя редакторомъ, помимо замѣтокъ А. Н. Пыпина, отмѣчены прямыми скобками]. Другія измѣненія текста А. Н. оговорены въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ. Относительно нумераціи документовъ Румянцевскаго Музея см. примѣчаніе къ прил. I.—Спорнымъ можетъ представляться самый планъ Указателя А. Н. Пыпина. Въ него включены ложи „работавшія“ и внѣ предѣловъ Россіи, притомъ ложи несомнѣнно не русскія (курляндскія ложи, по прежнему Указателю № 21, 38, 64 и митавская ложа на стр. 140; по новому—№№ 24, 41, 57 и 72; виленскія ложи 1780 г., прежніе №№ 65—68, новые 73—76; житомірская, прежній № 93, новый—106), а съ другой стороны нѣтъ многихъ польскихъ ложъ, дѣйствовавшихъ на русской территоріи, хотя указаны ложи остзейскія, по составу своему (а частью—по языку, на которомъ производились работы) также не русскія[1]).

---

[1]) Включеніе въ списокъ русскихъ ложъ, „работавшихъ“ внѣ Россіи

Однако, безсистемность Указателя только кажущаяся: остзейскія и курляндскія ложи было тѣсно связаны съ жизнью русскаго масонства черезъ посредство нѣмецкихъ ложъ Москвы и Петербурга; польское же масонство въ XVIII вѣкѣ было гораздо болѣе обособленно. Виленскія и житомірская ложа упомянуты А. Н. Пыпинымъ по связямъ съ Россіей позднѣйшихъ ложъ въ этихъ городахъ.

Сообразно съ этимъ мы дополняли списокъ А. Н. Пыпина въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если А. Н. самъ внесъ соотвѣтствующую замѣтку въ свой экземпляръ Указателя (№ 56, 107), 2) если въ польско-литовскихъ ложахъ несомнѣнно принимали участіе русскіе масоны (№№ 155—169); 3) если въ городѣ, упомянутомъ въ Указателѣ, „работали“ (въ томъ же году) ложи, въ Указателѣ не упомянутыя (такъ, для Вильны добавлена ложа № 77).

Въ дальнѣйшемъ, цифра означаетъ годъ; въ скобкахъ поставленъ № ложи.

1717 (1). Указаніе на масонство Петра I введено въ Указатель А. Н. Пыпинымъ; при этомъ дата была отмѣчена двойная („Около 1698 или 1717“); такъ какъ въ извѣстіи Кушелева, на которомъ основывается А. Н., говорится о Петербургѣ, то оставлена лишь вторая цифра. По этому поводу см. въ рукописи Публ. Библ. „Взглядъ на философовъ и революцію французскую“ (Q. III. 120; вод. знакъ 1816 г.): (Масонство) „въ России уже существовало во время царя Алексѣя Михайловича, и Брюсъ былъ онаго великій мастеръ: а царь Петръ I былъ первымъ надзирателемъ, потомъ былъ великимъ мастеромъ Кейтъ“ (стр. 27 ркп.).

1750. Извѣстіе о „ложѣ“ Салтыковской системы въ Москвѣ было помѣщено А. Н. Пыпинымъ въ отдѣлѣ „о ложахъ мало извѣстныхъ и требующихъ новыхъ указаній“. Ссылка Ешевскаго на Signatstern нами провѣрена, но указаніе Signatstern настолько неопредѣленно, что на немъ ничего нельзя основывать. Вѣроятно, здѣсь разумѣется Салтыковъ гр. С. В., переводы котораго мистическихъ разсужденій (съ французскаго) въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, собраніе ркп. кн. Барятинскаго, № 171.

1762 (4). Выдержки изъ Записокъ Болотова о масонствѣ Петра III см. въ примѣч. къ стр. 100: 7.

1764. Масонскія бумаги были найдены во время слѣдствія по дѣлу Мировича не у Аполлона Ушакова (какъ думалъ Пекарскій), а у брата его Василія. См. донесеніе И. И. Неплюева отъ 8 іюля 1764 г. Гос. Арх. VI, 400, ч. 1, л. 25 [обязательно сообщено Я. Л. Барсковымъ].

1768—69 (12—14). Фридрихсъ говоритъ очень неясно: „Ferner arbeiteten in Riga noch die Logen „Zum Pelikan“, „Zum goldenen Apfel“, „Zum Füllhorn“, alle der stricten Observanz angehörend“. Такъ какъ упоминаніе объ этихъ ложахъ связано у Фридрихса съ разсказомъ о Штаркѣ, то онѣ отнесены къ тѣмъ же 1768—69 г.г.

1771 (19). Дата основанія ложи—1 іюня—приведена въ печатномъ

(№№ 17, 26, 123 по прежнему Указателю), конечно, не вызываетъ сомнѣній.

спискѣ масонскихъ ложъ на 1778 годъ (Alphabetisches Verzeichnis aller bekannten Freimaurer Logen aus oeffentlichen Urkunden dieser ehrwürdigen Gesellschaft zusammen getragen. Leipzig, bey Adam Friedr. Boehme. 1778; книга въ собраніи Віельгорскаго, въ Публ. Библ. № 6227—36. XX. 10. 24).

1772 (21). 12 апрѣля 1774 г. въ ложѣ Ураніи посѣтителю Мелиссино „мастеру ложи Марса“ данъ почетный знакъ л. Ураніи. На письмѣ л. Марса отъ 28 декабря 1773 г. (см. проток. л. Ураніи отъ 26 апрѣля 1774 г.) подпись „П. Мелиссино мастеръ“ (ркп. гр. Уварова № 243).

1773 (29). Годъ основанія л. Благотворительности къ Пеликану у Т. О. Соколовской, сборн. Масонство, т. II, стр. 162. Въ Указателѣ А. Н. Пыпина упоминаніе о ложахъ этого имени было въ двухъ мѣстахъ (№№ 48 и 62, 1777 и 1780 г.г.), но, конечно, это одна ложа.

1773. Подъ этимъ годомъ въ Указателѣ А. Н. Пыпина значилось: „Основана военная ложа въ Петербургѣ по Циннендорфской системѣ. Handb. III, 108“. Такой ложи въ Петербургѣ не было—см. Friedrichs, 54 прим.

1773-1774. Подъ этими годами въ Указателѣ А. Н. Пыпина было помѣщено, заимствованное изъ Handb. II, 353, III, 110, 613, 614—извѣстіе о ложѣ Трехъ Мечей въ Москвѣ, основанной Елагинымъ; мастеромъ въ этой ложѣ названъ Шварцъ. Но Шварцъ пріѣхалъ въ Москву лишь въ 1779 г.; Елагинымъ, судя по протоколамъ ложи Ураніи, была въ Москвѣ основана л. Кліо, а судя по дневнику Ильина, кромѣ того—л. Талія; объ основаніи имъ въ это время л. Трехъ Мечей—указаній не имѣется. Отъ 1779 г. есть акты московской ложи этого имени. См. подъ этимъ годомъ, № 62.

1774 (30). 12 апрѣля 1774 г. въ ложу Ураніи былъ допущенъ въ качествѣ посѣтителя майоръ Лефебръ „которой былъ прежде въ ложѣ Трехъ Сердецъ“. (Ркп. гр. Уварова № 243).

1774 (31). 25 октября 1774 г. въ ложѣ Ураніи было получено письмо отъ ложи Минервы въ Садогурахъ, датированное „XXIV Tag 17 Mon“. и подписанное, въ качествѣ мастера стула, „B. de Gartenberg“. Это очевидно и есть тотъ „баронъ Гартенбергъ Садогурскій“, которому Handbuch приписалъ основаніе ложи Марса въ Яссахъ (см. Handb. II, 52—53; прежній Указатель А. Н. Пыпина, № 17 подъ 1772 г.).

1774 (34). Mangeot, какъ мастеръ стула ложи „La Réunion des Etrangers“ въ Москвѣ, названъ въ Альманахѣ 1779 г. (Almanach oder Taschen-Buch für die Brüder Freymäurer der vereinigten Deutschen und Schwedichen Logen auf das Jahr Christi 1779. Mit Genehmigung der Obern.—Zu finden in den Logen (als Handschrift für Brüder). S. l. et. a. 16°. Посвящено герцогу Карлу Брауншвейгъ-Люнебургскому). Ссылки на этотъ альманахъ сдѣланы А. Н. Пыпинымъ (см. №№ 56 и 57, 1778 г.).

1774 (35). Лонгиновъ, (стр. 98), на основаніи протоколовъ л. Ураніи, говоритъ слѣдующее: „13 ноября 1774 братъ Пашкевичъ просилъ прощенія въ томъ, что нечаянно попалъ въ собраніе масоновъ, желавшихъ открыть новую ложу Равенства, на что еще не было ими получено разрѣшенія“.

1774 (36). Краткія свѣдѣнія о рѣчахъ, произнесенныхъ въ ложѣ Скромности, см. на стр. 129—130, прим.

1775. Подъ этимъ годомъ за № 37 въ прежнемъ Указателѣ А. Н. Пыпина значилось: „Основана Рейхелемъ ложа Хоривъ въ Петербургѣ, потомъ перенесена въ Москву (Horeb,—не ошибка ли вм. Horus?) Handb. II, 353“. Предположеніе А. Н. Пыпина, что ложи Horeb не существовало, совершенно вѣрно. См. Friedrichs, 40.

1775 (40). А. Н. Пыпинъ помѣстилъ въ своемъ Указателѣ двѣ ложи Латоны, одну въ Москвѣ, за № 36 (1775 г.), другую въ Петербургѣ, за № 44 (1776 г.). Несомнѣнно, однако, что это одна и та же ложа, притомъ существовавшая сперва въ Петербургѣ, а затѣмъ уже перенесенная въ Москву (вѣроятно, послѣ 1779 г.—переѣзда Новикова въ Москву).

1775 (41) Въ Альманахѣ 1779 г. (см. о немъ №№ 56, 57 и прим. къ № 34) мастеромъ стула этой ложи названъ Christopher Georg Dietrich von Medem, Curländischer Landmarschall und Ober-Rath, Ritter des Stanislaus Orden, Erbherr auf Wilzen“.

1776-1777 (47). Названіе „Геркулесъ въ Колыбели“ указано въ письмѣ М. Щулепникова. Въ другомъ мѣстѣ, ложа названа „Геркулесъ въ Пеленкахъ“ (карандашная замѣтка на внутренней сторонѣ переплета одной изъ книгъ кн. М. П. Баратаева—Гос. Арх. I—В, № 499[6]).

1778 (55). Начало владимірской ложи гр. Воронцова отнесено нами къ 1778 г., когда было открыто намѣстничество во Владимірѣ (намѣстникомъ былъ назначенъ гр. Р. Л. Воронцовъ). Предѣльная дата существованія ложи—1783 г., въ которомъ Воронцовъ умеръ.

1778 (56). Въ Альманахѣ на 1779 г. указанъ и намѣстный мастеръ ложи: Georg Reinhold von Sass, Erbherr auf Klein-Ilmagen.—Ложа указана также въ Спискѣ ложъ на 1778 г. (см. прим. къ 1771/19).

1778 (57). Ложа Краснаго Орла была, вѣроятно, основана для „работъ“ шотландской степени при ложѣ Трехъ Коронованныхъ Мечей (Въ спискѣ ложъ на 1778 г., указ. въ прим. къ 1771/19, противъ ложи Трехъ Корон. Мечей сдѣлано замѣчаніе: „Schottische Loge Ernst zum rothen Adler“).

1779 (62). Объ участіи Шварца въ ложѣ Трехъ Мечей говоритъ Handbuch (III, 613—614). Подлинные акты ложи называютъ намѣстнымъ мастеромъ ложи „профессора Московскаго Университета“. Шварцъ пріѣхалъ въ Москву какъ разъ въ 1779 г.

1779 (68). Одна французская ложа это—„La Réunion des Etrangers“, см. № 34 (1774 г.). Существовала ли другая, и какъ называлась—неизвѣстно.

1780. Къ этому году слѣдуетъ добавить (изъ прежняго Указателя): „Нѣмецкое изданіе масонскихъ пѣсенъ: Freymäurerlieder zum Gebrauch der Vereinigten Logen in Russland. Erste Sammlung. St.-Petersburg, 1780. XIII пѣсенъ; 14 стр. Клоссъ, № 1550 [Wolfst. № 39755], приписываетъ это изданіе Бёберу“.

1782 (82). Упоминаемая Фридрихсомъ (на стр. 76) ложа Conradin не есть ли на самомъ дѣлѣ ложа Concordia (№ 103, 1786 г.)?

1783 (85). Протоколы ложи Золотого Ключа сообщены были А. Н. Пыпину И. А. Панаевымъ, изъ бумагъ И. И. Панаева. Въ протоколахъ записаны „имена братьевъ, присутствовавшихъ въ

собраніи октября 27 дня 1781 г. и согласившихся на установленіе ложи: 1) Иванъ Ивановичъ Панаевъ — членъ ложи Ора; 2) Карлъ Николаевичъ Бицовъ; 3) Григорій Максимовичъ Походяшинъ—членъ ложи Ора; 4) Александръ Яковлевичъ Павлуцкой—членъ ложи Ора; 5) Иванъ Павловичъ Борнеманъ; 6) Иванъ Ивановичъ Черкасовъ—членъ ложи Ора; 7) Христіанъ Осиповичъ Шталмееръ; 8) Левъ Ивановичъ Черкасовъ; 9) Францъ Ивановичъ Мигаръ; 10) Семенъ Васильевичъ Яковлевъ. Братья находящіеся въ отсутствіи и объявившіе чрезъ другихъ къ тому же свои желанія, которые и объявлены сочленами: 11) Андрей Степановичъ Листовскій—членъ ложи Ора; 12) Семенъ Алексѣевичъ Исаковъ—членъ ложи Ора. Нынѣ [т. е. 24 іюня 1783] вступившіе въ члены: 13) Иванъ Даниловичъ Шестаковъ—членъ ложи С. Александра; 14) Петръ Ивановичъ Блохинъ; 15) Иванъ Ивановичъ Дубровинъ".

1784 (91). „Университетская ложа" была помѣщена А. Н. Пыпинымъ въ добавочномъ отдѣлѣ Указателя. Названіе ея устанавливается показаніемъ А. А. Прокоповича-Антонскаго (Русск. Арх. 1901, II, 301).

1784 (93). Т. О. Соколовская, основываясь на знакѣ, принадлежащемъ, повидимому, этой ложѣ, называетъ, какъ годъ ея основанія—1779 (Т. О Соколовская, Каталогъ масонской коллекціи Д. Г. Бурылина, стр. 25).

1784—1785, 1787, 1791—1792. Поѣздки Баженова датированы Я. Л. Барсковымъ въ его предисловіи къ „Перепискѣ московскихъ масоновъ".

1787 (106). По Кушелеву (1821 г.) мастеръ стула—докторъ Франсуа Гейнчъ (очевидно—то же лицо).

1788. Подъ этимъ годомъ въ Указателѣ А. Н. Пыпина была отмѣчена ложа Пламенѣющей Звѣзды въ Москвѣ (№ 95; изъ Handb. II, 553), но, вѣроятно, это—ложа Лопухина („Блистающей Звѣзды", см. подъ № 88, 1784 г.).

1800 (116). Дневникъ ложи „Умирающаго Сфинкса" въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ—безъ имени автора. Но въ этомъ дневникѣ (Собр. ркп. кн. Барятинскаго, № 294[3]) подъ 9 марта 1815 г. записано, что авторъ принятъ въ шотландскіе братья. Въ протоколѣ же шотландской ложи Лабзина (Публ. Библ. F. III. 69) значится, что 9 марта 1815 г. въ ложу принятъ бр. Рогожинъ. Затѣмъ на тетради „5-го Теоретическаго Градуса" (Собр. кн. Барятинскаго № 294[1]) тѣмъ же почеркомъ написано: „Въ сей градусъ принятъ 11 мая 1820 года въ Москвѣ". А въ протоколахъ Теоретическихъ Собраній (Общ. Люб. Др, Письм. F. 264) читаемъ, что 11 мая 1820 въ градусъ былъ принятъ бр. Рогожинъ. Въ дневникѣ Рогожина указанъ другой годъ основанія ложи Умирающаго Сфинкса. „При вступленіи моемъ въ ложу [25 генваря 1812 года] Г[осподиномъ] Д[ѣйствительнымъ] С[татскимъ] С[овѣтникомъ] А. Ф. Л[абзинымъ] учрежденную, какъ онъ объяснялъ, 15 генваря 1799 [зачеркнуто: 1800] года, чему минуло уже 13 [зачеркн.: 12] лѣтъ".

1804. В. кн. Константинъ Павловичъ участвовалъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей. Т. О. Соколовская, Капитулъ Феникса, стр, 58. прим. 1. Ср. также ниже, прим. къ № 136 (1812 г.).

1809 (121). Названіе „Мертвой Головы" указано въ статьѣ Т. О. Соколовской, сборникъ Масонство, II, 170. Судя по „Матеріаламъ" А. Н. Пыпина, въ инструкціи Вибелю сдѣлана надпись: „V. Tschebotareff in Moscau war sehr weit in der Loge zum todten Kopf 1806". Вѣроятно, здѣсь разумѣется та же ложа.

1809 (122). Шотландская ложа Лабзина, какъ видно изъ ея протоколовъ, включала въ свой составъ наиболѣе достойныхъ членовъ ложи Умирающаго Сфинкса.

1809—1810 (126). Т. О. Соколовская (въ сборникѣ Масонство II, 174) говоритъ: „Есть указанія, что ложа называлась Полярная Звѣзда".

1811 (132). О масонскихъ собраніяхъ въ домѣ Всеволожскаго говоритъ О. А. Поздѣевъ въ письмѣ къ гр. А. К. Разумовскому отъ 16 февр. 1817 г.: „Мезансъ, о коемъ вы желаете знать, правитъ здѣсь французскою ложею, называемою la félicité, на Пречистенкѣ, въ домѣ Всеволожскаго, который самъ тутъ надзиратель. Членовъ человѣкъ 15". (Вас., Сем. Раз. II, 487). Въ другомъ письмѣ Поздѣевъ сообщаетъ, что „Мезансова" ложа „видно шальная" (ibid., 489); далѣе, въ томъ же письмѣ (отъ 25 февр. 1811 г.): „Прошенный мною провѣдать Мезансову ложу принесъ мнѣ, взятое у одного изъ членовъ оной, по фамиліи Калачова, открытіе ея и катихизисъ, въ коемъ ничего худого нѣтъ и непреложеннаго въ истинныхъ ложахъ, кромѣ неправильнаго церемоніала. А вотъ, что не можетъ быть въ истинномъ масонствѣ позволено, что масонъ называется братомъ царей; то это по квакерски. Это не годится для тѣхъ, кои должны и въ словахъ быть крайне почтительны къ государямъ, по порядку повиновенія и должны подавать примѣръ. А слова: lorsqu'ils sont vertueux, кои я нарочно два раза подчеркнулъ, на второмъ листѣ, совсѣмъ нейдутъ, ибо масонамъ не велѣно никого судить, а особливо царей; а они обязаны повиноваться. А коли не vertueux, такъ что же? И какъ объ этомъ судить? Одному кажется vertu, а другому нѣтъ; словомъ, этакое изъясненіе или преступно, или вранье. Этакого языка масоны не имѣютъ". (ibid. 490).

1812 (136). Походная конногвардейская ложа Fidelité militaire работала одно время въ Видзахъ (Ковенской губ.). М. б. по поводу нея пишетъ въ своихъ запискахъ подъ 1812 г. (іюнь) Н. Н. Муравьевъ-Карскій [1]): „на одной площади съ нами [въ Видзахъ] была квартира поручика князя Андрея Борисовича Голицына. У него собирались члены масонской ложи конной гвардіи, подъ названіемъ: l'ordre militaire. Великій князь [Константинъ Павловичъ] былъ также членомъ сей ложи, въ которую иногда собирались по вечерамъ, заперевъ напередъ всѣ двери, окошки и ставни. Когда я познакомился съ княземъ Голицынымъ, то онъ звалъ меня въ ложу, но я отказался; впослѣдствіи же слышалъ отъ настоящихъ масоновъ, что ложа эта была шутовская. Vénérable у нихъ былъ огромный Сарачинскій". (Русск. Арх. 1885, III, 60).

1814 (138). Шотландская ложа Феникса упоминается въ протоколахъ

[1]) Выдержка изъ его записокъ сдѣлана А. Н. Пыпинымъ.

московскихъ Теоретическихъ Собраній 1819—1821 г., О. Л. Д. П., F. 264. Пріурочить ея возникновеніе къ марту 1814 г. позволяетъ, кажется, письмо П. И. Гол.-Кутузова гр. А. К. Разумовскому отъ 20 окт. 1814 г.: „Ложа устроена въ моемъ домѣ прекраснѣйшимъ образомъ. Насъ теперь на лицо 22 брата, а къ зимнему пути соберутся и до 30 и благодареніе Бога, вотъ уже 8-й мѣсяцъ, какъ дѣло идетъ въ порядкѣ". (Вас., Сем. Разум. II, 434). Рѣчь идетъ здѣсь, вѣроятно, не о ложѣ Нептуна, т. к. послѣдняя была открыта еще въ 1803 г.

1817—1818 (155—169). Здѣсь отмѣчены, конечно, не всѣ польско-литовскія ложи этого времени, а лишь тѣ, для которыхъ установлено (спискомъ, напечатаннымъ Т. О. Соколовской) участіе офицеровъ русской арміи. Болѣе подробный списокъ польско-литовскихъ ложъ помѣщенъ былъ уже во второмъ изданіи Handbuch'a, и А. Н. Пыпинъ, если бы это входило въ его программу, включилъ бы ихъ въ Указатель. Русскія названія этихъ ложъ, за исключеніемъ Рафаловской и Слуцкой—Рум. Муз. № 1892, л. 242. Слуцкая ложа названа въ „Спискѣ" Т. О. Соколовской; названіе Рафаловской ложи—переводъ съ польскаго (Cnota Uwienczona). О польско-литовскихъ ложахъ см. Zalenski, O masonii w Polsce, Krak. 1908, Askenazy. Lukasinski, Warsz. 1908; С. Ф. Добрянскій, Масонскія ложи въ Литвѣ, Зап. Сѣв.-Зап. отд. Геогр. Общ., ч. 2, 1911; И. С. Рябининъ, Польское масонство, въ сборн. Масонство, II.

1818 (171). По запискѣ Кушелева, ложа работала „согласно прежнимъ древнимъ и шведскимъ актамъ, но нѣсколько попорченнымъ".

1818 (172). О ложѣ Соединенныхъ Славянъ см. замѣтку Д. Л. Мордовцева въ „Русск. Стар.", 1878, т. XXI, стр. 187—189.

1828 (187). На собраніяхъ читалась инструкція теоретическимъ братьямъ („Теоретическій Градусъ", см. Рум. Муз. № 1977, 1978 и 1979 и по поводу нея произносились рѣчи; рѣчи эти составляютъ приложенія къ протоколамъ (самые протоколы въ указанныхъ архивахъ не сохранились).—Въ „Каталогѣ" масонскихъ рукописей Рум. музея подъ № 138 (1975) упоминаніе имени Поздѣева—ошибочно; А. О. Поздѣевъ не посѣщалъ собраній; отношеніе участниковъ ложи къ О. А. Поздѣеву было отрицательнымъ. [Свѣдѣнія объ этой ложѣ сообщены Н. П. Киселевымъ, которому и приносимъ искреннюю благодарность].

— Въ концѣ Указателя на стр. 40—41 были помѣщены „ложи мало извѣстныя и требующія новыхъ указаній". Изъ нихъ большинство включено теперь въ текстъ: „Ложа Салтыковской системы" подъ 1750 г., ложа Краснаго Орла въ Митавѣ—подъ 1778 (№ 57), „Университетская ложа" подъ 1784 (№ 91), ложа кн. Несвицкаго подъ 1773 (№ 25), ложа во Владимірѣ подъ 1778 (№ 55). Затѣмъ, „военная ложа" въ Турецкую войну—см. №№ 21 и 31; ложа № 3 въ показаніяхъ Новикова о московскомъ масонствѣ (Сб. Р. И. О. II, 148—149), подъ управленіемъ И. А. Барнашева, есть ложа Астрея, № 83 (см. списокъ членовъ ея въ Рум. Муз. № 1882).

Остается безъ отвѣта вопросъ А. Н. Пыпина: „Какъ назывались ложи шведской системы, упомянутыя въ показаніяхъ Новикова (Сб. Р. И. О. II, 148)", „ложи Рейхелевой системы—Л. В. Третьяковскаго и В. И.

Крюковскаго", и „ложи московскаго масонства, упомянутыя [тамъ же]: № 1—кн. Трубецкого [Озирисъ?]; № 2—кн. К. М. Енгалычева; № 6—Х. А. Чеботарева; № 7—Тусеня; № 8—Пенемаля [Réunion des Etrangers?); № 18—Лихачева, въ Казани („Восходящаго Солнца?"); № 19—Дьякова, въ Харьковѣ или другомъ городѣ?" Къ этому же списку рукой А. Н. Пыпина добавлено: „Неизвѣстная ложа подъ 1764 г., которой медаль упоминается въ отчетѣ Моск. Румянц. Музея за 1870—72 г., стр. 56".

— Въ экземплярѣ Указателя А. Н. Пыпина есть еще слѣдующая собственноручная его замѣтка: „По свѣдѣніямъ Кайслера (отъ 3—15 Іюня, 1873, изъ Берлина), берлинская ложа Трехъ Глобусовъ находилась въ связи съ слѣдующими ложами въ Россіи (и въ Польшѣ): Газенпотъ—1778; Митава—1777—89; Москва—1777—85; Петербургъ—1761—1771; Рига, 1775—90; Плоцкъ—1803—1840".

Нумера ложъ прежняго Указателя сравнительно съ новыми:

Прежнiе №№	Новые №№	Прежнiе №№	Новые №№	Прежнiе №№	Новые №№
1	2	49	52	96	109
2	3	50	54	97	110
3	4	51	57	98	111
4	5	52	59	99	112
5	6	53	60	100	113
6	7	54	61	101	114
7	8	55	53	102	115
8	9	56	64	103	117
9	10	57	65	104	120
10	11	58	66	105	116
11	15	59	67	106	124
12	16	60	68	107	125
13	17	61	69	108	127
14	18	62	29	109	129
15	19	63	70	110	135
16	20	64	72	111	137
17	21	65	73	112	133
18	22	66	74	113	130
19	23	67	75	114	131
20	26	68	77	115	139
21	24	69	78	116	140
22	27	70	63	117	141
23	28	71	79	118	142
24	—	72	80	119	144
25	62	73	81	120	145
26	31	74	86	121	146
27	25	75	87	122	147
28	32	76	88	123	148
29	33	77	89	124	149
30	34	78	90	125	150
31	36	79	92	126	151
32	30	80	93	127	152
33	37	81	94	128	153
34	38	82	95	129	154
35	39 и 83	83	96	130	170
36	40	84	97	131	171
37	—	85	98	132	172
38	41 и 143	86	99	133	173
39	42	87	100	134	174
40	44	88	101	135	175
41	45	89	102	136	176
42	43	90	103	137	177
43	46	91	104	138	178
44	40	92	105	139	179
45	47	93	106	140	180
46	48	94	108	141	182
47	49	95	—	142	184
48	29				

Списокъ сокращеній.

Апологія, или защищеніе ордена вольныхъ каменьщиковъ. Пер. съ нѣм. [И. Тургенева]. М. Въ тип. И. Лопухина. 1784.

Барсковъ Я. Л. Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка. Изд. отд. русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ. Пг. 1915.

Богдановичъ М. И.—Исторія царствованія Императора Александра I. Т. VI. Спб. 1871.

Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свбднм. кмнщкм. Писаны братомъ Седдагомъ [Эли]. М. 1784.

Васильчиковъ А. А.—Семейство Разумовскихъ. Т. II. Спб. 1880.

Г. А. = Государственный Архивъ.

Геттнеръ Г.—Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Пер. съ нѣм. Т. I. Англійская литература. Спб. 1863. Т. II. Французская литература. Спб. 1866. Т. III. Нѣмецкая литература. Вып. 1 и 3. М. 1872—1875.

Ешевскій С. В.—Сочиненія. Ч. III. М. 1870.

Ильинъ А. Я.—Дневникъ см. Савва В. И.

Ист. Муз. = Московскій Историческій Музей.

Кушелевъ Е. А.—Записка о масонскихъ ложахъ, Русск. Стар. 1877, т. XVIII, стр. 455—479, 641—650.

Лонгиновъ М. Н.—Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867.

Лопухинъ И. В.—Записки см. Чт. О. И. Др.

Лѣтописи русской литер. и др. см. Тихонравовъ Н. С.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М. Т. I. (1914): Херасковъ И. М.—Происхожденіе масонства и его развитіе въ Англіи. Васютинскій А. М.—Французское масонство въ XVIII в. Перцевъ В. Н.—Нѣмецкое масонство въ XVIII вѣкѣ. Васютинскій А. М.—Орденъ иллюминатовъ. Семека А. В.—Русское масонство въ XVIII в. Тукалевскій В. Н.—Н. И. Новиковъ и I. Г. Шварцъ. Пиксановъ Н. К.—И. В. Лопухинъ.

—Т. II. (1915): Тарасовъ Е. И.—Московское общество розенкрейцеровъ. Довнаръ-Запольскій М. В.—С. И. Гамалѣя. Розановъ И. Н.—М. М. Херасковъ. Соколовская Т. О.—Масонскія системы.—Обрядность вольныхъ каменщиковъ. Довнаръ-Запольскій М. В.—Правительственныя гоненія на масоновъ. Шумигорскій Е. С.—Императоръ Павелъ I и масонство. Соколовская Т. О.—Возрожденіе масонства при Александрѣ I.

Кульманъ Н. К.—М. И. Невзоровъ. Рябининъ И. С.—Польское масонство. Херасковъ И. М.—Американское масонство.

Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ, см. прилож. I.

Моск. Муз. или просто Муз.-Московскій Румянцевскій Музей.

О. Л. Д. П. = Общество Любителей Древней Письменности (Петроградъ).

Осмнадцатый Вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Бартеневымъ. 4 книги. М. 1868—1869.

Остроглазовъ И. М.—Книжныя рѣдкости. Русскій Архивъ, 1891, II, 441—463, III, 83—104, 275—306, 521—563; 1892, I, 233—258, 391—416, II, 202—221, III, 305—349, 393—433.

Очерки общественнаго движенія см. Пыпинъ А. Н.

Пекарскій П. П.—Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія. Спб. 1869.

Пиксановъ Н. К.—И. В. Лопухинъ. См. Масонство, I.

Пыпинъ А. Н.—Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. Изд. 3. 1900. Изд. 4. 1908.

Р. Арх.=Русскій Архивъ.

Р. Ст.=Русская Старина.

Рум. Муз.=Московскій Румянцевскій Музей.

Савва В. И.—Изъ дневника масона [А. Я. Ильина]. Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1908, IV и отд. М. 1909.

Сб. Ист. Общ. или Сб. Р. И. О.=Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. т. II, Спб. 1868.

Семевскій В. И.—Декабристы—Масоны. „Минувшие Годы“, 1908, № 2, 3 и 4—5.

—Политическія и общественныя идеи Декабристовъ. Спб. 1909. (Глава III).

Семека А. В.—Русское масонство въ XVIII вѣкѣ см. Масонство, I.

—Русскіе розенкрейцеры и сочиненія Екатерины II противъ масонства. Журн. Мин. Нар. Просв. 1902, № 2.

Соколовская Т. О.—Возрожденіе масонства при Александрѣ I, см. Масонство, II.

—Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія. Спб. s. a.

—Въ масонскихъ ложахъ (Дневникъ Л. А. Симанскаго). Вѣстн. Общ. Ревн. Ист. т. I и отд. Спб. 1914.

—Капитулъ Феникса. Высшее тайное масонское правленіе въ Россіи (1778—1822). Вѣстн. Общ. Ревн. Ист. т. II и отд. Пг. 1916.

—Списокъ г.г. военнымъ, кои принадлежали къ масонскимъ ложамъ. Русск. Стар. 1907, № 6—9.

Тарасовъ Е. И.—Къ исторіи масонства въ Россіи. Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ. Сборникъ статей въ честь С. Ѳ. Платонова. Спб. 1911.

—Къ исторіи русскаго общества второй половины XVIII столѣтія. Журн. Мин. Нар. Просв. 1914, VI.

Тихонравовъ Н. С.—Лѣтописи русской литературы и древности. М. Т. II. 1859. Т. IV. 1862. Т. V. 1863.

Тукалевскій В. Н.—Исканія русскихъ масоновъ. Спб. 1911. (Изъ Журн. Мин. Нар. Просв.).

—Н. И. Новиковъ и І. Г. Шварцъ. См. Масонство, I.
Уэвелль В.—Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Пер. съ 3 англ. изд., 3 тома. Спб. 1867.
Финдель I. Г.—Исторія франк.-масонства. Перев. со 2 нѣм. изд. 2 тома. Спб. 1872-1874. См. Findel.
Чт. О. И. Д.р.=Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1860, II.
Шлоссеръ Ф. К.—Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи. Пер. съ 4-го испр. изд. Изд. 2-е, тт. I—VIII. Спб. 1868—1871.
Этнографическій Сборникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. VI, Спб. 1864.
Acta Latomorum ou chronologie de l'histoire de la Franche-Maçonnerie française et étrangére. 2 vol. Paris 1815.
Bibliothèque Ouvaroff. Catalogue Spécimen. Sciences Secrètes. Par A. Ladrague. M. 1870.
Daschkoff pr.—Mémoires. Publié par Mistress W. Bradfort, traduit de l'anglais par Alf. des Essarts. 4 vol. Paris 1858—1859 (Bibliothéque russe et polonaise, IX—XII).
Encyclopedie [„La grande Encyclopedie"] ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une societé des gens de lettres, mis en ordre par Diderot et d'Alembert. 28 томовъ, 1751—1772.
Encyclopedie der Freimaurerei см. Lenning.
Engel L. Geschichte des Illuminaten-Ordens. Berl. 1906.
Findel I. G.—Geschichte der Freimaurerei. 2 Aufl. Leipz. 1866. (7 Aufl. 1900—1907).
Gädicke—Freimaurerlexicon. Berl. 1818 (2 Aufl. Quendl. и L. 1831).
Gervinus—Geschichte der deutschen Dichtung. 4 Ausg. 5 Bde. Leipz. 1853.
Handbuch (Allgemeines) der Freimaurerei. 2 Aufl. B. I—III. L. 1864—1867. B. IV. L. 1879 (3 Aufl. B. I—II. L. 1900—1901).
Keller W.—Geschichte der Freimaurerei in Deutschland. 2 Aufl. Gieszen 1859.
Kloss I. G.—Bibliographie der Freimaurerei. Frankf. a. M. 1844.
Lenning—Encyclopedie der Freimaurerei, 3 Bände, L. 1822—1828. (2 и 3 изд. см. Handbuch).
Marcard—Zimmermann's Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard. Bremen 1803.
Matter—S.-Martin, sa vie et ses écrits. 2 éd. Paris 1864.
Nicolai Fr.—Einige Bemerkungen über den Ursprung und die Geschichte der Rosencreuzer und Freymaurer. Berl. u. Stett. 1806.
Pertz—Das Leben des Ministers von Stein. Berl. 1849—1855.
Wolfstieg A.—Bibliographie der freimaurerischen Litteratur. Burg b. M. B. I—II. 1911—1912. Register. 1913.

Указатель личныхъ именъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Указатель ложъ по городамъ.

(Цифры означаютъ нумера списка ложъ въ приложенiи III).

СОДЕРЖАНІЕ.

Погрѣшности.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
9	1	масонскамъ	масонскомъ
30 прим. 1	2	Hayl	Haye
30 прим. 1	3	george	George
103	30	tailleur	tuilleur
118 прим. 2	2	Чернышевъ	Воронцовъ
123 прим. 1	3	стр. 97 и Русск. Стар. 1871	стр. 97.
131	3	„Беллона“ въ Петербургѣ, „Кліо“ въ Москвѣ	„Кліо“ въ Москвѣ
152	19	Zur Wohethätigkeit	Zur Wohlthätigkeit
152	28	Adeer	Adler
152 прим. 2	1	прил. IV.	прил. III.
206 прим. 1	7	Изэъ	Изъ
215 прим. 1	1	oluvres	écrits
350	15	Ьога	Бога
529	32	Рафаловѣ	Рафаловкѣ
543	22	Стр. 255 : 1	Стр. 255 : 12

